Zb
193396

K 21 V
C-2.2.19

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

9/6-72

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ V.

ТИФЛИСЪ.

—

1871.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ
КАВКАЗСК. ГОРСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ

ВЫПУСКЪ
V

ТИФЛИСЪ
1871.

ГЕОРГІЕВСКІЙ (САЛГИНСКІЙ) МОСТЪ.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ СОИЗВОЛЕНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

ПРИ

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ V.

ТИФЛИСЪ.

1871.

Библиотека
Ростов н/Д.
КР
193.396
им. К. Маркса.
книг. хранилище

Проверено
1937—38 г.

...графіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Дагестанскія лѣтописи. I. Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи, съ предисловіемъ *П. У.*

2) Кавказско-горскія письмена (съ 4-мя таблицами), *Л. П. Загурскаго.*

3) Матеріалы для исторіи Осетинъ, гл. VI—XXXVI, *В. Б. Цфафа.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Осетинскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ отъ собирателя и б) Нартовскія сказанія, *Джантемира Шанаева.*

2) Изъ Чеченскихъ сказаній, *Чаха Ахріева.*

3) Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ, съ предисловіемъ отъ собирателя.

III. Этнографическіе очерки:

1) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ (съ рисункомъ), *А—а.*

2) Ингушевскіе праздники, *Чаха Ахріева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Полемика Дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по *назру* (обѣту), съ предисловіемъ.

2) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани).

3) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ДАГЕСТАНСКІЯ ЛѢТОПИСИ *).

I.

Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Предлагаемая историческая записка впервые напечатана была, вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ, въ приложеніяхъ къ *Дербентъ-Наме*, изданному г. Казембекомъ въ 1851 году. Знаменитый оріенталистъ нашъ получилъ ее отъ ученаго дербентскаго друга своего Хаджи-Мулла-Таги, который списалъ ее съ особой бумаги, найденной имъ посреди старинной арабской рукописи. Несмотря на безсвязность изложенія, записка эта несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ о существованіи подробной исторіи Дагестана, объемлющей періодъ времени отъ перваго появленія арабскихъ завоевателей до конца VIII-го вѣка гиджры (XIV-го вѣка нашего лѣтоисчисленія), — быть-можетъ, еще далѣе. О томъ, что

*) Подъ этимъ заглавіемъ предположено помѣстить въ „Сборникѣ“ рядъ Дагестанскихъ лѣтописныхъ сказаній, вступленіемъ въ который служитъ помѣщаемое ниже *Извлеченіе* изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи. *Ред.*

происходило въ Нагорномъ Дагестанѣ до самаго начала XVIII-го вѣка, мы ничего не знаемъ или знаемъ крайне-мало, въ видѣ урывковъ. Нѣтъ надобности говорить, какой значительный пробѣлъ въ нашемъ знаніи могла-бы пополнить эта исторія. Важность ея созналъ г. Казембекъ и употребилъ всѣ старанія къ ея отысканію. Прежде всего. озаботился онъ разузнать о старинной арабской рукописи, посреди которой отыскалась записка, и съ этимъ запросомъ обратился къ Хаджи-Мулла-Таги. Послѣдній умеръ, не успѣвъ доставить объясненія. Изъ Дербента отвѣтили, что рукопись только временно была въ его рукахъ, но находится въ библіотекѣ извѣстнаго дагестанскаго ученаго, полковника Аббасъ-Кули-Ага-Бакиханова, который тоже, между-тѣмъ, умеръ. Каталогъ библіотеки послѣдняго составленъ былъ г. Березинымъ, но въ немъ не означено никакого историческаго сочиненія, относящагося до Дагестана. Такимъ образомъ, розыски г. Казембека оказались безуспѣшными.

Въ настоящее время, въ самомъ Дагестанѣ, — частію изъ русскихъ, частію изъ туземцевъ, — составился кружокъ людей, принимающихъ живое участіе въ разслѣдованіи исторіи края. Они не могли не обратить вниманія на отысканіе указанной г. Казембекомъ исторіи Дагестана. Но и ихъ старанія до-сихъ-поръ оказываются безуспѣшными. Быть-можетъ, эта исторія скрыта въ сундукѣ какого-либо горскаго ученаго, который ревниво охраняетъ ее отъ нескромныхъ взоровъ. Таковое явленіе нерѣдкость на той ступени, на которой покуда находится еще туземная ученость. Еще хуже, если исторія эта попала въ руки безграмотнаго невѣжды. Во всякомъ случаѣ, мы не теряемъ надежды когда-либо отыскать ее.

Полная исторія, о которой говорили мы, не отыскалась, — но историческая записка, которую сообщилъ Хаджи-Мулла-Таги г. Казембеку, отыскалась во множествѣ списковъ. Въ нихъ встрѣчаются значительные варіанты, и очевидно, что списки эти не одного и того-же происхожденія, т. е. не копіи съ бумаги, найденной Хаджи-Мулла-Таги посреди старинной арабской рукопи-

си. Г. Казембекъ полагаетъ, что записка эта составляетъ *введеніе* въ полную исторію Дагестана. Мы скорѣе готовы думать, что это есть *извлеченіе* изъ исторіи, составленное съ цѣлію объяснить туземцамъ, какія подати и повинности наложены были на нихъ издревле первыми арабскими завоевателями, потомками дядей Пророка, и, сверхъ-того, убѣдить ихъ, подъ страхомъ проклятія Божія, наиболѣе чтить и уважать людей того-же происхожденія, хотя-бы даже они утратили высокое свое общественное положеніе. Замѣтно желаніе поколебать въ глазахъ народа уваженіе къ Хану Аварскому, который, хотя и былъ самый могущественный изъ дагестанскихъ владѣтелей, но не могъ имѣть притязаній на знаменитое происхожденіе отъ дядей Пророка.

Этимъ можно объяснить, почему написанная исторія Дагестана исчезла, а, между-тѣмъ, сдѣланное изъ нея извлеченіе встрѣчается во множествѣ списковъ. *Исторія* писана была исключительно для людей ученыхъ; на то, чтобы переписать ее, требовалось много времени. По всей вѣроятности, она никогда не существовала иначе, какъ въ крайне-небольшомъ числѣ экземпляровъ. Притомъ, и имя автора не пользуется извѣстностію въ мусульманскомъ ученомъ мірѣ. *Извлеченіе* изъ исторіи сдѣлано было въ видахъ религіозно-политическихъ; оно относилось не до однихъ ученыхъ, а до цѣлой массы народной. Исчисленіе податей и повинностей могло служить для справокъ въ спорахъ, которые, безъ сомнѣнія, и въ прежнія времена возникали безпрестанно. *Извлеченіе* требовалось распространить въ большомъ числѣ экземпляровъ. Притомъ, и переписать его было скорѣе, чѣмъ цѣлую исторію.

Могутъ возникнуть сомнѣнія въ существованіи когда-либо таковой *цѣлой исторіи*. Въ таковомъ случаѣ должно предположить историческую мистификацію. *Извлеченіе* ясно указываетъ на существованіе *цѣлой исторіи*, какъ наприм. въ слѣдующихъ словахъ: „Потомство Хамзе, аравитянина, раздѣлило судьбу, которую мы *описали въ своемъ мѣстѣ*, между событіями 718-го года гиджры ($^{1318}/_{19}$ года по Р. Х.).“ Мусульманскіе историки сильно грѣшатъ отсутствіемъ критики, легковѣріемъ, отчасти не-

добросовѣстностію, но едва-ли причастны грѣху исторической мистификаціи. Притомъ, какая была-бы цѣль ея? Исчислить сборы и повинности, возбудить благоговѣніе къ потомству дядей Пророка, — можно было-бы безъ всякой ссылки на несуществующую исторію Дагестана, написанную будто-бы какимъ-то безвѣстнымъ авторомъ. Въ существованіе этой исторіи Дагестана мы также глубоко вѣримъ, какъ и въ существованіе исторіи Маръ-Ибасъ-Кадины, на которую ссылается армянскій историкъ Моисей Хоренаци. На сколько заслуживаютъ довѣрія обѣ?—это вопросъ, который разрѣшить можно не иначе, какъ отыскавъ обѣ. Положимъ даже, что обѣ потеряны безвозвратно. Во всякомъ случаѣ, мы не сомнѣваемся, что когда-то онѣ существовали *).

Во всѣхъ экземплярахъ *Извлеченія* составленіе исторіи Дагестана приписывается *Мухаммеду-Рафи* съ длиннымъ рядомъ прозвищъ, которыя читатель найдетъ далѣе; годъ, когда написана была исторія, и мѣсто, гдѣ жилъ историкъ, подаютъ поводъ къ недоумѣніямъ. Всего обстоятельнѣе пишетъ объ этомъ полковникъ Аббасъ-Кули-Бакихановъ въ своей исторіи Восточной части Кавказа. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ на источникъ, изъ котораго почерпнулъ свои свѣдѣнія. Онъ пишетъ, что исторія Дагестана составлена была Мухаммедомъ-Рафи Ширванскимъ въ 712 году гиджры (1313-мъ по Р. Х.) изъ древнихъ записокъ, документовъ и изъ лѣтописи неизвѣстнаго автора 318 (931) года. Изъ этого сочиненія сдѣланы были два раза извлеченія: одно въ 1030-мъ (1617) году, другое кумухскимъ кадіемъ Гассаномъ-Сефеви, во время нашествія турокъ на Кумухъ **). Годъ сочиненія исторіи показанъ Аббасъ-Кули-Бакихановымъ ошибочно, потому-что въ исторіи описаны событія 1318 года и даже позднѣйшія, относящіяся до бѣдственной судьбы, постигшей потомковъ вла-

*) Считаемъ, однако, не лишнимъ замѣтить, что, по мнѣнію собственно-дагестанскихъ ученыхъ, упоминаемое *извлеченіе*, извѣстное въ Дагестанѣ исключительно подъ названіемъ *таварихъ* (временникъ, лѣтопись),—есть произведеніе цѣльное и вполнѣ законченное. *Примѣч. Ред.*

**) Т. е. около 990 (1582) года.

дѣтелей кумухскихъ. Время сочиненія исторіи никакъ нельзя отнести ранѣе, какъ къ концу XIV вѣка. Аббасъ-Кули-Бакихановъ составилъ любопытный списокъ поэтовъ, ученыхъ и историковъ, которые родились въ Ширванѣ и Дагестанѣ, но въ числѣ ихъ не встрѣчается имени Мухаммедъ-Рафи. Г. Казембекъ пишетъ, что авторъ съ таковымъ именемъ ему неизвѣстенъ.

Какъ-бы то ни было, но даже *Извлеченіе* изъ исторіи Мухаммеда-Рафи заключаетъ въ себѣ много любопытнаго. Учрежденіе Шамхальскаго достоинства и другихъ мусульманскихъ властей Дербентъ-Наме приписываетъ арабскому полководцу Муслиме и относитъ начало его похода къ 115-му (733-му) году. Согласно *Извлеченію*, эти событія произошли цѣлымъ вѣкомъ позже, и, взамѣнъ главнаго дѣйствователя Муслиме, являются пять вождей, потомковъ дядей Пророка. Исчисленіе податей и повинностей, наложенныхъ на каждое селеніе, составляетъ весьма-цѣнный матеріалъ для изученія существовавшихъ въ прежнее время отношеній жителей къ владѣтелямъ. Наконецъ, весьма важно показаніе, что въ первой половинѣ XIV вѣка Кумухскіе Шамхалы, низвергнутые соединенными силами хайдаковъ, аварцевъ и тюрокъ, частію были истреблены, частію исчезли въ безвѣстности. О существованіи Шамхаловъ Кумухскихъ мы знаемъ только по немногимъ восточнымъ сказаніямъ, но уже во второй половинѣ XVI-го вѣка существованіе Шамхаловъ Тарковскихъ вполнѣ засвидѣтельствовано исторіей. Какъ возникла эта новая династія и какія были отношенія ея къ предшествовавшей? Многое остается для насъ темнымъ въ этомъ дагестанскомъ переворотѣ; во всякомъ случаѣ разсказъ о событіяхъ XIV вѣка бросаетъ на эти событія нѣкоторый свѣтъ.

Печатая въ „Сборникѣ“ новый переводъ *Извлеченія* изъ исторіи Мухаммедъ-Рафи, мы хотимъ оказать услугу всѣмъ тѣмъ, которые занимаются исторіей Дагестана. Англійскій переводъ г. Казембека доступенъ не всѣмъ нашимъ читателямъ. Притомъ, г. Казембекъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одинъ списокъ, неполный и во многихъ мѣстахъ непонятный. Списковъ у насъ нѣсколько, что доставило возможность повѣрить и пояснить одинъ

другимъ. Наконецъ, въ 1851 году, когда изданъ былъ переводъ г. Казембека, географическая номенклатура Нагорнаго Дагестана была мало извѣстна. Теперь этотъ недостатокъ почти устраненъ.

П. У.

Примѣчанія г. Казембека къ переводу арабскаго текста означены цифрами, а примѣчанія переводчика означены звѣздочками и напечатаны мелкимъ шрифтомъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи.

Знайте *), что Дагестанъ прекрасная страна, благословенная для своихъ обитателей, грозная для другихъ и изобилующая богатствами черезъ справедливость народа. Въ этой странѣ много городовъ, много владѣній и три земли: *Аваръ*, *Сахль* [1]) и *Зирегерани* [2]). Обитатели этихъ земель были невѣрные, жестокіе,

*) Въ началѣ списка Дагестанскаго тавариха, который имѣлъ г. Казембекъ, есть пропускъ обычнаго вступленія, принятаго во всѣхъ мусульманскихъ сочиненіяхъ, и оглавленія, находящихся въ спискахъ того-же тавариха, имѣвшихся у насъ. Содержаніе вступленія и оглавленія слѣдующее:

Во имя Бога всемилостиваго, всемилосердаго. Хвала Богу. Господи, облегчи и не затрудняй! У Него мы просимъ помощи. Нѣтъ владыки кромѣ Него, какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни. Таварихъ (хроника, лѣтопись) исламизма Дагестана, да продлитъ ихъ (дагестанцевъ) Богъ въ исламизмѣ до дня часа (возстанія), объясненіе о происхожденіи султановъ Дагестана, владѣтелей высшей власти, и разсказъ (собственно доказательство) о корняхъ народовъ Дагестана, да сохранитъ ихъ Богъ въ благочестіи и счастіи.

[1]) Въ Кази-Кумухскомъ ханствѣ, въ 6-ти миляхъ къ ю. з. отъ Кумуха, мы въ настоящее время встрѣчаемъ селеніе, называемое Шали. Оно находится ровно на серединѣ между Зирегерани и Аваръ, о которыхъ говоритъ здѣсь авторъ. Нѣтъ-ли какого-либо соотношенія между этими двумя названіями *)?

*) سهل Сахль—на арабскомъ языкѣ значитъ — равнина, плоскость, и мы полагаемъ, что авторъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ плоскостную, т. е. приморскую часть Дагестана, а никакъ не селеніе Шали.

[2]) Кубачи причисляется теперь къ селеніямъ четвертаго округа, называемаго Ханкъ. Нашъ авторъ (т. е. Дербентъ-Наме)

идолопоклонники и хуже собакъ. Въ каждой деревнѣ находились *негодные и ничтожные* владѣльцы, которые правили невѣрными обитателями, и въ каждомъ городѣ находились вѣроломные и тиранскіе правители, которые приказывали дѣлать зло и воспрещали благо [3]). Во владѣніи Аварскомъ, иначе называемомъ *Тануст*, — это есть самое могущественное изъ дагестанскихъ владѣній и родникъ невѣрныхъ,—жилъ презрѣнный государь, негодный

говоритъ, что ,,Анушпрванъ поселилъ этотъ народъ въ землѣ Хайдакѣ и въ верхнихъ частяхъ ея, и что въ древнія времена онъ назывался Зирех-Геран“ (множ. отъ зирех-гер, персидскаго слова, означающаго *дѣлателя панцыря*, которое, будучи переведено на Турецкій языкъ, превращается въ كوبه چى, имѣющее тоже самое значеніе). Клапротъ читаетъ زره كران ошибочно черезъ زركران, переводя его посредствомъ *серебряникъ*. Въ рукописяхъ— خريدة العجايب, которыя у меня находятся, равно какъ и въ رسالة الانتصار находимъ زرنكوان, безъ сомнѣнія, испорченное زره كران, которое прежде переписано было въ видѣ زرهكران, потомъ زرنكران, и, наконецъ, زرنكوان. Въ географіи كاتب چلبى, напечатанной въ Константинополѣ въ 1145 году гиджры или въ 1732 году, мы находимъ كونچى, что составляетъ явную опечатку كوبچى. Тамъ сказано: وقيتق بر اولكه در كه قاعد مملكتى كونچى شهر در..... كونچى عظيم قصبه معمورة و مشهوره در علماسى و صلحاسى چوق در علمايه غايت رغبت و رعايت ايدرلر ,,Хайдакъ страна, которой столица есть Гунчи (Кубачи). Гунчи (Кубачи) большой, образованный и знаменитый городъ, заключающій въ себѣ много ученыхъ и благочестивыхъ мужей. Жители питаютъ глубокое уваженіе къ ученымъ“ *).

*) Селеніе Кубачи находится въ нынѣшнемъ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, въ Уркарахскомъ наибствѣ (въ которое вошелъ магалъ Ханкъ).

Жители этого селенія до-сихъ-поръ славятся искусствомъ своимъ въ выдѣлкѣ оружія и всякаго рода инструментовъ, и, что замѣчательно, считаютъ себя потомками выходцевъ, переселившихся въ эту страну изъ Европы. Желающіе ознакомиться съ этимъ предметомъ, могутъ обратиться къ весьма ученой диссертаціи, написанной нашимъ знаменитымъ академикомъ, докторомъ Френомъ (См. Bulletin scientifique на 1838 г., т. IV, № 3 и 4).

[3]) Повелѣніе корана судіямъ есть: повелѣвать послѣдователямъ творить добро и запрещать имъ творить зло, что по-арабски выражено такъ: ويامرون الناس بالمعروف وينهون عن المنكر.

тиранъ, творецъ всякаго дурнаго дѣла и всего строгаго и жестокаго; его имя было Серагехъ, а прозвище Нусалъ [4]); они вообще называютъ своихъ государей этимъ именемъ и прозвищемъ; онъ былъ сынъ Серетана *). . . и такъ далѣе: его предки восходятъ до Адама въ 99 поколѣніяхъ и даже болѣе, согласно самому вѣрному показанію. Этотъ государь получалъ доходъ со всѣхъ владѣній, и ему посылались всѣ подати, налоги и десятины отъ всѣхъ обитателей Дагестана, начиная отъ страны черкесовъ до Шамахи, за исключеніемъ небольшаго городка Акри **). (Они посылались ему) въ различномъ видѣ: чистыми деньгами, зерномъ, баранами, крупной скотиной, тканями, овощами и такъ далѣе, даже яицами. Въ отношеніи къ его доходу, говорятъ, что онъ получалъ ежегодно: 1) *чистыми деньгами* съ каждаго дома по три серебряныхъ дирхема или стоимость оныхъ золотомъ; 2) *зерномъ* съ каждаго дома килю [5]) изъ всего того, что главнѣйше сѣялось; 3) *баранами* съ каждаго, кто имѣлъ стадо одного, барана со ста; 4) *крупной скотиной* съ каждыхъ ста (домовъ) по одному быку; 5) *тканями* съ каждаго купца по двѣ штуки шелковой матеріи и по двѣ бумажной лучшаго качества; 6) *овощами* съ каждаго, кто имѣлъ виноградникъ, по корзинѣ кистей (виноградныхъ). Сверхъ того, съ каждаго, кто убивалъ кого-либо изъ своего племени, если только послѣдній самъ не былъ убійца [6]),

---

[4]) Мы встрѣчаемъ это названіе и въ позднѣйшихъ періодахъ исторіи Дагестана.

*) Сартанъ.

**) Акори (Гакуари, Гакари)—главное селеніе общества Чамалалъ (въ Андійскомъ обществѣ, въ наибствѣ Чамалалъ-Ункратльскомъ).

[5]) Это слово означаетъ вообще мѣру неопредѣленную, но въ нѣкоторыхъ частяхъ Дагестана и Адербиджана слово измѣняется въ كيلە и употребляется въ опредѣленномъ значеніи. Киле означаетъ сосудъ, употребляемый для измѣренія сыпучихъ тѣлъ и заключаетъ въ себѣ отъ 8 до 12 фунтовъ, согласно съ свойствомъ измѣряемаго вещества.

[6]) За убійство убійцы, согласно закону кровомщенія, не существуетъ никакого общественнаго наказанія между дагестан-

онъ бралъ сотню барановъ. Съ того, который ранилъ другаго, бралъ онъ быка. Съ того, который воровалъ чужую собственность, также быка. Съ деревни Варанди (общества Шубутъ) по пяти лисицъ, изъ числа которыхъ одна должна была быть черная, а остальныя четыре красныя; въ годъ воцаренія новаго государя, послѣ смерти стараго,—съ каждой деревни пять быковъ. Въ годъ смерти прежняго государя съ каждой деревни собиралось на издержки его похоронъ по лошади (жеребцу) или по кобылѣ. И съ каждой деревни и города брали по коровѣ и по два барана для брачнаго торжества каждаго лица изъ царской фамиліи. Таковы были главные источники дохода, который я не буду исчислять. Этому государю всѣ обитатели Дагестана, большіе и малые, покорялись или по доброй волѣ или силою [7]).

Но затѣмъ знай, что намъ передано было наслѣдственно (т. е. несомнѣннымъ преданіемъ), что изъ потомковъ двухъ дядей по отцу нашего Пророка, а именно князя мучениковъ Хамзе и Амируль-Мумининъ-Аббаса [8]), нѣкоторое число людей, двѣсти лѣтъ спустя послѣ бѣгства святаго Пророка, поднялись и покинули благословенныя Мекку и Медину и изъ Шама (Сиріи), въ главѣ двухъ тысячъ воиновъ изъ своего собственнаго племени и родствен-

---

скими горцами, если только убійство не совершено такимъ лицомъ, которое не имѣетъ права мстить.

[7]) Изложенное авторомъ исчисленіе доходовъ, повидимому, основано на исчисленіи того, что каждый дагестанскій владѣтель получалъ и теперь получаетъ съ своихъ владѣній; въ особенности же Аварскій владѣтель, который еще во времена автора былъ самымъ богатымъ владѣтелемъ страны. Далѣе онъ даетъ намъ любопытное исчисленіе главнѣйшихъ доходовъ, которые Шамхалы получали съ цѣлаго Дагестана. См. далѣе прим. 16.

[8]) Первый изъ нихъ, по имени Хамзе, павшій во второй войнѣ Бадръ, называемой غزوة الصغرى, имѣетъ титулъ Князя мучениковъ سيّد الشهداء, второй, т. е. Аббасъ, который пережилъ 21 годомъ своего „святаго племянника,“ иногда называется Амируль-Мумининъ, каковой титулъ, впрочемъ, исключительно присвоивается халифамъ.

никовъ. Покинувъ родную сторону и оставивъ свои жилища, безъ надежды увидѣть вновь дома свои, они возложили упованіе на Бога, и съ намѣреніемъ воевать за свою вѣру и распространить исламъ столь далеко, сколько возможно въ отдаленныхъ частяхъ земель невѣрныхъ, они посѣтили самыя отдаленныя части этихъ земель и ожидали времени, когда Господу угодно будетъ повелѣть имъ исполнить то, что рѣшено въ Его предопредѣленіи.

Если спросить: какая тайна заключалась въ томъ, что они покинули два священные, хранимые и благословенные города, которые суть источники вѣры и религіи и которые сами достойны представить убѣжище для всѣхъ людей различныхъ странъ свѣта?—я отвѣчу: — Богъ вѣдаетъ наилучше истину всѣхъ вещей и къ Нему возвратимся мы въ день суда —[9]), что, когда блестящее солнце ислама взошло съ востока могущества и силы, проницая свѣтомъ своимъ во всѣ стороны и озаряя лучами своими всѣ страны, такъ что сатана, какъ сказано святымъ (пророкомъ), отчаялся, чтобы истинные вѣрователи въ Бога ограничились однимъ арабскимъ полуостровомъ [10]), и когда достоинства джихада, или войны за вѣру противъ невѣрныхъ и смерти за Бога сочлись заслуживающими наилучшихъ и наивысшихъ наградъ: они (потомки

---

[9]) Выраженіе, поставленное здѣсь между двумя чертами, часто встрѣчается въ историческихъ сочиненіяхъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями; отъ автора зависитъ измѣнить выраженіе, которое вначалѣ было весьма просто: الله اعلم—Богъ знаетъ наилучше. Мусульмане употребляютъ это выраженіе часто по слѣдующей причинѣ: каждый разсказъ или мнѣніе, не основанные на коранѣ, сунистѣ, иначе хадисѣ, или на какомъ-либо другомъ авторитетѣ, одобряемомъ закономъ, принимается за *истину* или за *ложь* (الصدق و الكذب يحتمل الخبر). Посему набожные историки всегда употребляютъ это выраженіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они вполнѣ увѣрены въ справедливости того, о чемъ разсказываютъ.

[10]) То есть: сатана всѣми своими кознями не могъ остановить успѣхи ислама, воспрепятствовать распространенію его внѣ предѣловъ Аравіи.

Хамзе и Аббаса), посему бывъ до-сихъ-поръ лишены средства принять участіе въ славѣ воиновъ и мучениковъ, потому-что въ цѣлой странѣ вокругъ нихъ не было ни одного убѣжища невѣрныхъ, гдѣ-бы они могли воевать за вѣру и участвовать въ заслугахъ,— эти (святые) посему рѣшились искать это благополучіе, покинувъ родину и отправившись вдаль, въ надеждѣ дойти до страны невѣрныхъ и съ помощію Господа успѣть тамъ въ желаемомъ концѣ.

Это есть теперь начало содержанія. Было пять мужей изъ числа наидостойнѣйшихъ потомковъ вышеозначенныхъ двухъ святыхъ, которые отправились изъ своей страны; трое изъ потомковъ Хамзе, а именно Шейхъ-Ибрагимъ, сынъ Исхака, Шейхъ-Ахмедъ и Шейхъ-Милли, и двое изъ потомковъ Аббаса, а именно: Шейхъ-Мюмеххидъ и Шейхъ-Насирудъ-динъ. Эти пятеро, съ своими семействами *), покинувъ страну свою и переѣзжая съ мѣста на мѣсто, достигнули прекраснаго убѣжища Константинополя, гдѣ прожили нѣсколько лѣтъ. Отсюда они отправились съ пятью тысячами вооруженныхъ людей въ Индустанъ, гдѣ остались нѣкоторое время. Послѣ того, они оставили эту страну и не переставали странствовать, пока не достигли Ширвана [11]). Здѣсь

*) Въ арабскомъ текстѣ сказано مع جماعتهم, что значитъ: съ своимъ джамаатомъ, съ дружиною своею.

[11]) Такъ какъ авторъ основываетъ свое показаніе относительно выселенія этихъ *святыхъ искателей приключенія* на преданіи, то мы можемъ ему вѣрить на столько, на сколько можно вѣрить всякому преданію; но такъ какъ онъ относитъ начало этого выселенія къ 200-мъ годамъ послѣ гиджры, то мы имѣемъ поводъ думать, что это преданіе проистекло изъ дѣйствительно совершившихся выселеній нѣсколькихъ религіозныхъ авантюристовъ, которые около этого времени, въ самомъ дѣлѣ, странствовали съ мѣста на мѣсто, выдавая себя за потомковъ тѣхъ или другихъ святыхъ и т. п. и побуждали новыхъ братій своихъ къ хищничеству и грабежу, что во всѣ времена составляло настоящее побужденіе къ религіозной войнѣ. Съ самаго начала распространенія ислама внѣ предѣловъ Аравіи, таковые авантюристы не теряли времени и усердно трудились въ различныхъ странахъ.

они остались два года и дѣлали приготовленія, запасаясь военными принадлежностями, какъ-то *метательными* и *разрушительными* снарядами, *кенафирами* *) (барабанами) и веревками манганума [12]) и другими припасами для войны, такъ какъ они рѣшились вести войну съ невѣрными южныхъ горъ [13]), т. е. Дагестана, который считался по закону *жилищемъ вражды* [14]).

Малая Азія, Хорасанъ, Адербиджанъ и Ширванъ, вслѣдствіе ихъ успѣховъ, часто подвергались кровавымъ войнамъ и нѣсколько династій появились посреди этихъ приключеній. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, какой-либо Хамзе, послѣ или около эпохи введенія ислама въ Дагестанѣ, посѣтилъ эту страну, пріобрѣлъ тѣмъ или другимъ способомъ вліяніе на новыхъ мусульманъ, и это обстоятельство подало поводъ къ двумъ преданіямъ, сохранившимся до нашего времени въ Дагестанѣ, касательно великихъ родоначальниковъ тамошнихъ владѣтелей. Показаніе Дербентъ-Наме въ отношеніи къ этому, хотя заслуживаетъ и болѣе вѣроятія (см. часть V), но, быть можетъ, основано на томъ-же началѣ.

*) Кунфара كنفرة, во множеств. числѣ كنافر канафиръ, теперь употребляется въ смыслѣ *мортира*.

[12]) Мы перевели مدافع „метательныя машины,“ دقاق „разрушительныя машины“ и выразили منجنيق черезъ манганумъ. При переводѣ двухъ первыхъ мы послѣдовали лексикопамъ قاموس и الصغانى. Слово كنانير мы не нашли ни въ одномъ изъ нихъ, но мы полагаемъ, что это есть كنانير, множ. отъ كنار бубенъ, барабанъ. Что же касается до манджаникъ, которое въ множ. меджаникъ, не удерживаетъ перваго *н*, то я полагаю, что это есть испорченное греческое μηχανή, которое перешло черезъ посредство латинскаго въ арабскій и черезъ нѣсколько вѣковъ снова возвратилось въ византійскій языкъ въ своей новой формѣ—манганумъ, которую турки въ томъ же смыслѣ употребляютъ въ видѣ мангана. См. Glossarium manuale ad scriptores mediæ et infimæ Latinitatis, Halæ 1776, т. IV, стр. 525.

[13]) Авторъ, вѣроятно, подразумѣваетъ здѣсь юго-восточныя части Лезгистана, которыя въ отношеніи къ сильному Аварскому владѣнію лежатъ къ югу.

[14]) Выраженіе *дарулъ-харбъ* значитъ *городъ* или *селеніе* враждебности. Законъ подразумѣваетъ подъ этимъ страну невѣрныхъ, которой жители неподчинены мусульманской власти и не въ со-

Между ними существовалъ народный обычай и общее правило, для управленія выбирать старшаго изсреди себя, которому довѣряли они власть надъ всѣми, безъ всякаго противорѣчія со стороны кого-бы то ни было, большаго или малаго, и таковое лицо управляло всѣмъ, слѣдуя въ своемъ гражданскомъ и религіозномъ управленіи священному *шаріату*, и сколько способности позволяли, подражая святому Пророку. Итакъ они назначили надъ со-

---

юзѣ съ нею и которые не платятъ опредѣленнаго закономъ налога или *джезія*. Въ каждомъ *даруль-харбъ* жизнь и собственность его обитателей ,,законны,'' т. е. каждый мусульманинъ можетъ лишить встрѣчнаго невѣрнаго жизни и имущества и не отвѣчаетъ за то передъ закономъ; но послѣ того, какъ договоръ совершенъ и налогъ выплачивается, жизнь и собственность каждаго изъ жителей становятся ,,*незаконными*,'' т. е. всякій покушающійся на его жизнь или имущество становится отвѣтственнымъ передъ закономъ такъ-же, какъ если-бы покушеніе произведено было на мусульманина.

Законъ корана, по которому въ каждой странѣ, почитающейся, на этомъ основаніи, за *даруль-харбъ*, мусульмане, живущіе въ ней или ступившіе въ нее, *необходимо* должны вести войну за религію съ ея обитателями,—составлялъ во всѣ времена одно изъ величайшихъ препятствій, какъ полному и нравственному успѣху христіанскихъ завоевателей, которые уже съ давнихъ поръ овладѣли частію мусульманскихъ земель, такъ и къ самому успокоенію мусульманскихъ обитателей этихъ странъ. По этому закону каждая часть мусульманскихъ владѣній, завоеванная ,,невѣрными,'' считается за *даруль-харбъ*, лишь только шаріатъ или законъ корана прекращаютъ тамъ свое дѣйствіе и теряютъ силу, въ каковомъ случаѣ всѣ мусульмане должны употребить всѣ усилія къ тому, чтобы покинуть эту страну и бѣжать въ мусульманскую (объ этомъ предметѣ желающіе найдутъ много подробностей въ изданномъ мною въ Казани сочиненіи الولاية 1845, стр. 205—209.

Муллы и законники Бухары, Хивы и другихъ мухаммеданскихъ странъ часто возбуждаютъ скрытую злобу тѣхъ мусульманъ, которые давно уже находятся подъ христіанскою властію, упрекая ихъ въ томъ, что они предпочитаютъ жизнь для свѣта,

бою и надъ тѣми, которые до-тѣхъ-поръ были ихъ вождями [15]), государя изъ числа потомковъ Хамзы, который сдѣлался ихъ эмиромъ и ихъ валіемъ [16]), которому всѣ были послушны, безъ возраженія, и который (потомъ) получалъ доходы со всѣхъ странъ, владѣній и округовъ [17]). Этотъ государь былъ названъ *Шамъ-Халъ* по имени своего дѣда, который родился въ селеніи, называемомъ Халъ, одномъ изъ селеній Шама [18]) (Сиріи). Согласно

чѣмъ для Бога, т. е. „что они спокойно остаются подъ властію невѣрныхъ и проч.“, и называя страну, въ которой живутъ они, *даруль-харбъ*. Но мусульманскіе муллы въ Россіи часто спорятъ съ ними и защищаютъ себя тѣмъ, что шаріатъ сохранилъ свою силу между мѣстными мусульманами и посему страна ихъ не можетъ быть названа *даруль-харбъ* и что, посему, они не обязаны покинуть свои земли переселиться въ чужія страны. Все это очевидно доказываетъ, во-первыхъ, что хорошее управленіе всегда есть лучшее средство обезпечить благосостояніе подданныхъ, и во-вторыхъ, что люди всегда и вездѣ склонны все толковать въ свою выгоду.

[15]) Т. е. надъ тѣми, которые были старшинами въ своихъ родахъ и семействахъ и т. д.

[16]) Вали ولي, по-арабски всегда значитъ *господинъ*, *покровитель* и проч. Впослѣдствіи, это выраженіе начало употребляться въ значеніи *намѣстника*, *правителя*. Шамхалы дагестанскіе впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій носили титулъ *Вали Дагестана*. Такъ-какъ титулъ этотъ, какъ хорошо извѣстно, былъ приданъ имъ персидскимъ дворомъ, то первоначальное присвоеніе его этимъ владѣтелямъ могло произойти до времени нашего автора (т. е. принимая здѣсь значеніе вали не въ первоначальномъ значеніи, а какъ титулъ шамхаловъ), а именно, во время сношеній между атабеками адербиджанскими и владѣтелями дагестанскими.

[17]) Здѣсь встрѣчается неправильность въ смыслѣ. Авторъ, не кончивъ описанія похода и проч. и не сказавъ ничего объ утвержденіи потомства Эмиръ-Хамзе въ *какой-либо* странѣ, говоритъ, что онъ получалъ доходы со всѣхъ странъ, владѣній и округовъ, которые еще не были покорены; посему я въ скобкахъ поставилъ слово „потомъ“, чтобы придать надлежащее значеніе смыслу.

[18]) Это есть другое объясненіе происхожденія названія Шам-

родословнымъ росписямъ, онъ былъ (сынъ) Эмиръ-Хамзе, сынъ и т. д. . . . сынъ Сулеймана, Божья милость да покоится на немъ. И въ родословномъ сочиненіи, которому мы слѣдовали, число колѣнъ между нимъ и Адамомъ было 78, но, по всей вѣроятности, было болѣе. Съ-тѣхъ-поръ произошелъ обычай въ народѣ давать царямъ, правящимъ этими странами, этотъ титулъ (т. е. шамхала).

Такъ двинулись они впередъ, согласно, въ эти *страны враждебности*, на слонахъ, верблюдахъ и быстрыхъ коняхъ. Когда обитатели Дагестана узнали объ этомъ, то всѣ ихъ невѣрные собрались вмѣстѣ, сопровождаемые войсками *Русъ* [19]), кото-

халъ, которое различествуетъ отъ того, которое нашли мы въ Дербентъ-Наме (часть V, прим. 9 и 15). Уже болѣе 110 лѣтъ, какъ оно дошло до европейскихъ филологовъ, но лишь съ небольшимъ измѣненіемъ. Герберъ говоритъ, что Шамъ есть названіе города Дамаска, откуда калифы отправили правителей въ Дагестанъ, и что слово *халъ* означаетъ *князь*. Но Олеарій говоритъ, что шамхалъ значитъ „свѣтъ."

[19]) Это есть одно изъ любопытныхъ указаній, которыя мы часто встрѣчаемъ въ историческихъ и географическихъ сочиненіяхъ востока и которыя свидѣтельствуютъ о древнихъ сношеніяхъ Руссовъ (Русскихъ) съ обитателями Арменіи, Дагестана и проч. Много времени и мѣста потребовалось-бы на то, чтобы даже слегка разобрать этотъ предметъ, который долго и многими былъ опровергаемъ; здѣсь напомнимъ лишь читателямъ, что походъ Святослава противъ Хазаровъ, Осссовъ, Казаховъ (см. Извл. VII, прим. 88) и Болгаровъ, о которомъ упоминаютъ русскія лѣтописи (желающіе могутъ найти подробности въ „Повѣствованіи о Россіи," Арцыбашева, часть 1, № 146, 147, 448), произошелъ *почти* около времени, къ которому относится разсказъ нашего автора; потому-что начало выселенія потомковъ Хамзе и Аббаса, какъ онъ неопредѣленно показываетъ, случилось 200 лѣтъ послѣ гиджры, или, быть можетъ, около половины IX вѣка, и если мы еще добавимъ нѣсколько годовъ, чтобы пополнить промежутокъ между ихъ выѣздомъ изъ родины и прибытіемъ въ Дагестанъ (такъ-какъ авторъ говоритъ, что эти авантюристы долгое время жили въ Индустанѣ), то уже немного годовъ

рые всегда поровну дѣлили съ ними добро и зло. Они, съ цѣлію отразить мусульманъ и причинить имъ бѣдствіе и вредъ, появились около города, называемаго Чуръ [20]). Въ это время мусульмане отправили сотню человѣкъ изъ числа храбрѣйшихъ, чтобы разузнать о дѣлахъ и положеніи войскъ невѣрныхъ. Когда они увидѣли ихъ и разсмотрѣли ихъ положеніе, то узнали, что невѣрные были гораздо сильнѣе, чѣмъ они сами. Посему мусульмане устрашились дурныхъ послѣдствій веденія войны съ ними и рѣшились одолѣть ихъ невѣрныя войска болѣе легкимъ способомъ. Для сего придумали они хитрость: каждое семейство *) изготови-

---

останется намъ, чтобы дойти до похода Святослава. Но г. Яновскій (Обозрѣніе Закавказскихъ владѣній, и проч.) заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, будто-бы Святославъ покорилъ Осовъ или Осетовъ, наложилъ на нихъ подать и что эта подать была платима каждые *два года*. Къ этой догадкѣ привели его слѣдующія обстоятельства: страна Осетовъ, какъ онъ говоритъ, называется иногда *Двалети*, что по-славянски значитъ *два года* и составлено изъ *два* и *лѣто* (въ значеніи года). Но такъ-какъ въ русскихъ лѣтописяхъ ни слова не упоминается о названіи подати и не говорится даже о томъ, чтобы Святославъ наложилъ подать на Ясовъ или Осовъ, то мнѣніе г. Яновскаго основано лишь на личномъ убѣжденіи его, а не на какомъ-либо положительномъ доказательствѣ. Словомъ *двалетъ* грузины и другіе называли часть обширной страны древнихъ Осовъ (она простиралась отъ Дона до самаго сердца нынѣшняго Дагестана), которая лежитъ на западной границѣ нынѣшняго *Чечень*, гдѣ рѣка Терекъ также называется Девалетъ, какъ то говоритъ самъ г. Яновскій (см. ч. II, стр. 188), но цѣлая страна никогда такъ не называлась; Святославъ и не доходилъ до нынѣшней Осетіи, хотя слова нашего текста (т. е. разбираемаго нами автора) въ нѣкоторой степени подкрѣпляютъ это предположеніе.

[20]) Если только тожество могло-бы быть предположено между этимъ словомъ и *Цуръ* Прокопія, то, конечно, мы открыли-бы, что восточные писатели знали еще другое названіе для выраженія صول своихъ древнихъ географовъ.

*) Общество.

ло что-нибудь изъ теплой пищи и смѣшало ее съ ядомъ; когда невѣрные напали на нихъ, они бросили отравленную пищу съ небольшою частію своего имущества и сами обратились въ бѣгство. Невѣрные, найдя теплую пищу, съѣли ее, и семьсотъ тысячъ человѣкъ изъ числа ихъ умерли на мѣстѣ, такъ-какъ ихъ внутренности были истерзаны дѣйствіемъ яда. Такъ невѣрные были поражены при помощи Господа, Творца созданія.

Тутъ мусульмане, изъ любви къ Богу, продолжали свои войны за религію и непріязненныя дѣйствія во всѣхъ частяхъ Дагестана. Они разорили Хайдакъ и предали смерти, изъ числа другихъ храбрыхъ и мужественныхъ князей невѣрныхъ, главу этого владѣнія, который назывался Газенфаръ-аль-Гарраръ (пожирающій левъ). И взяли они въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей и, предавъ смерти ихъ родственниковъ и покровителей и разграбивъ съ помощію Бога все ихъ имущество, они сами поселились въ этихъ странахъ въ спокойствіи и радости. Престолъ ихъ владѣнія занятъ былъ однимъ изъ потомковъ Шейхъ-Ибрагима, а именно Абу-Исханъ-Амиръ-Джуфанъ, сыномъ Милли-Бега *). Онъ былъ первый облеченный властію государя въ странѣ Хайдакѣ. Онъ построилъ тамъ много красивыхъ, многолюдныхъ и восхитительныхъ селеній и избралъ для царской резиденціи своей крѣпость *Фаришъ* **) [21]), которая расположена на скалахъ въ долинѣ, вблизи рѣки. Тутъ они (мусульмане) заключили ложный договоръ съ старшинами Кумука, который, по прошествіи нѣкотораго времени, нарушенъ былъ хитростію, и они пришли тайно, предали мечу всѣхъ невѣрныхъ страны, опустошили и разрушили ихъ селенія, овладѣли ими и обратили ихъ обитателей въ исламъ. Послѣ того они двинулись къ южнымъ (сѣвернымъ?) горамъ, т. е. въ Аварію; царь аварцевъ, Бейеръ ***), сынъ Сураке, прозванный Наусаломъ,

*) Али-Бека (въ дагестанскихъ рукописяхъ).

**) Курейшъ (нынѣшнее сел. Кара-Корейшъ).

[21]) Катибъ-Челеби называетъ ее قريش (Каришъ) и въ его время это была главная крѣпость Кайтага (см. جهان‌نما стр. 401).

***) Баяръ.

съ семействомъ, родственниками и приверженцами, обратился въ бѣгство и прибылъ въ страну Тушъ [22]). Мусульмане тутъ вели великія войны за вѣру и распространили свои воинскія вторженія вдаль и вширь. . . Они до основанія разорили крѣпчайшій городъ Дагестана, резиденцію ихъ повелителя, а именно аварскій городъ, называемый Хумзакъ (нынѣ Хонзакъ) и предали смерти его воиновъ съ союзниками, взяли въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей, ограбили все ихъ имущество и сокровища, обратили жителей къ религіи ислама и посадили на престолъ владѣнія одного изъ потомковъ Шейхъ-Ахмеда, по имени Маасумъ-Бега. Они назначили тамъ Шейхъ-Абумуслима *) въ качествѣ имама и судьи страны, и онъ былъ самый совершенный изъ ихъ ученыхъ мужей. Такимъ образомъ они покорили всѣ страны горцевъ, т. е. Дагестанъ, частію силой, кровопролитіемъ и разрушеніемъ, частію миромъ, обративъ жителей въ исламъ, и такимъ образомъ заняли они страну и сами утвердились въ каждой части ея.

У нихъ былъ старый обычай назначать въ каждое завоеванное селеніе или городъ старшину или правителя изъ числа собственныхъ своихъ вождей. Сдѣлавъ это, Шамхалъ самъ поселился въ городѣ Кумухѣ и получалъ подати съ разныхъ странъ, личные налоги съ христіанъ и евреевъ **), десятины съ путешествующихъ [23]) и *зекатъ* съ мусульманъ, и всѣ обитатели Дагестана,

---

[22]) *Тушъ* есть горское общество въ сѣверной части уѣзда *Телавъ* или *Талавъ*, у самой подошвы *Барбала*. Эти горцы занимаютъ скалистую страну, заключающую въ себѣ около 840 кв. англ. миль. Число жителей въ 1832 году не превышало 2041 (считая только муж. полъ). Хотя жители состоятъ изъ раздѣльныхъ племенъ и семействъ, но они всѣ христіанской религіи (см. Обозрѣніе, часть I, стр. 391).

*) Сабля и аба его (тога или ряса) до-сихъ-поръ хранятся въ Хунзахской мечети, какъ высокочтимыя святыни.

**) Съ покоренныхъ иновѣрцевъ.

[23]) Обычай взимать плату, спеціально называемую рахдарлыкъ (т. е. деньги, принадлежащія дорожнымъ сборщикамъ) и иногда *тамга*, существовалъ еще лѣтъ 20 тому назадъ. Слѣдо-

большіе и малые, были приведены ему въ покорность силой или добровольно. Изъ всѣхъ этихъ доходовъ онъ пятую часть присвоилъ себѣ, а остальныя четыре пятыхъ раздавалъ въ своемъ поколѣніи всѣмъ поровну. Тутъ было установлено, что никакой налогъ и подать, каковые простой народъ обязанъ былъ платить, какъ наприм. платежъ *дивану* и другія обязанности, постановляемыя государемъ и проч., не могли падать на сыновей, внуковъ и правнуковъ ихъ государей; даже они не должны были платить ни атома, ни зерна, пока время идетъ и видимый міръ существуетъ. Что-же касается до податей, которыя его (Шамхала) подданные были обязаны ежегодно платить ему, и которыя получалъ онъ отъ нихъ за пастбище въ горахъ, то онѣ заключались въ слѣдующемъ: на народѣ قراخ (Карахъ) наложенъ былъ ежегодный платежъ 500 овецъ, на كسرخى (Кусрахи) 300 овецъ, на غرم (Кырымъ) 400 овецъ. Также за (пастбище) одну гору въ كسرخى (Кусрахи) 1000 овецъ и за другую въ غرم (Кырымъ) 30 коровъ. На общество هبلل (Хибилалъ) каждые четыре года положено было по овцѣ съ дома; на چملل (Чамалалъ) 500 овецъ, на طندب (Тиндалъ) 20 быковъ, на عرچوب (Арчубъ) 130 овецъ. На народѣ خمز (Хумза) 700 барановъ, 700 килей пшеницы и 60 мѣръ меду; на обителяхъ деревни عندب (Андибъ)

вавшая плата шамхаламъ собиралась въ различныхъ мѣстахъ ихъ владѣній; принадлежавшая уцміямъ собиралась въ Дербентѣ. Вотъ роспись того, что получалъ послѣдній: съ каждой *арбы* или повозки, приходившей или отходившей со всякимъ товаромъ, кромѣ шелка, около 8-ми шиллинговъ; если въ арбѣ былъ шелкъ, то, сверхъ этого, три шиллинга за каждую связку. За пару черкесскихъ бараньихъ шкурокъ или за каждую калмычью шкурку $2^1/_2$ пенни; за каждаго верблюда 3 шиллинга, за каждую лошадь и за каждаго буйвола $1^1/_2$ шиллинга, за каждаго быка или корову 9-ть пенни и за каждую овцу $2^1/_2$ пенни. Эти платежи, послѣ того, какъ утвердилось русское правительство въ Дагестанѣ, отнесены были къ государственной таможнѣ, но впослѣдствіи времени постепенно были частію отмѣнены, частію переложены на другіе правильные источники дохода.

8 штукъ шерстяной ткани; на городахъ غدر (Кадаръ) и هرکس (Архазъ) *) половину того, что назначено было для خمز (Хумза); на жителей تومل (Тумалъ) по барану и по мѣрѣ пшеницы съ каждаго дома; весь مچخچ (Мычгышъ. т. е. Чечня) былъ его собственностію. На городѣ کستک (Костекъ) съ каждаго дыма по рыбѣ; на жителей ترغو (Таргу) съ каждаго дыма по два саха [24]) рису; на жителей کبدن (Кубденъ) 100 барановъ; на жителей خیداق (Кайтагъ) 170 буйволовъ. На жителей деревень اسیش (Усиша) и اقشی (Акуша) [25]) 100 быковъ; на жителей صرخی (Сарахи) съ каждаго дома по одному диргему; на жителей деревни ڈدقر (Цудахаръ) 50 быковъ; на селенія چمچوقاط (Чумчукатъ) и ککبا (Кекеби) 6 ословъ, навьюченныхъ масломъ. На городѣ زرهکرانی (Зарагъ-Керанъ) 30 (мѣръ) пороху и 50 барановъ съ горы. . . ? [26]), на жителей селенія ارغانه (Иргана) съ каждаго дыма по одной мѣрѣ. . . (?) и съ горы, принадлежащей къ нему, называемой زنطاب (Цантабъ) есть доходъ 80 овецъ въ годъ. На жителей селенія

*) Это селеніе оставлено; какъ говоритъ преданіе, обитатели его основали нынѣшнія деревни Казанищи Джунгутай.

[24]) Мѣра, заключающая въ себѣ, согласно книгамъ закона и медицины, 1040 драхмъ.

[25]) Названіе это можно прочесть въ видѣ Афши, Акши или Акаши. Быть можетъ, авторъ подразумѣваетъ اقوشه Акуша, одно изъ сильнѣйшихъ селеній Аваріи *).

*) Акуша главное селеніе бывшаго союза Даргинскихъ вольныхъ обществъ, составляющаго нынѣ Даргинскій округъ.

[26]) Обитатели Зерехъ-Геранъ или нынѣшняго Кубачи, которые, какъ мы замѣтили выше, считаютъ себя за потомковъ европейской колоніи, выселившейся въ Дагестанъ за нѣсколько вѣковъ тому назадъ, славятся врожденною способностію ко многимъ ремесламъ и искусствомъ своимъ въ выдѣлкѣ всякаго рода оружія и инструментовъ и проч. Порохъ, употребляемый въ Дагестанѣ уже нѣсколько вѣковъ, большею частію изготовляемъ былъ въ Кубачи. Теперь онъ носитъ общее названіе лезги-барути (т. е. лезгинскій порохъ), чтобы отличить его отъ того, который получается изъ Европы. Здѣсь я не могъ объяснить значенія سنباط الجبل; не есть ли это سمنات الجبل „горныя пастбища.“

بقلل (Баклалъ) 30 быковъ и 30 ягнятъ; ڤخور (Цагуръ) и ولدى (Голода) были его собственностію; а съ горы, принадлежащей къ нему, онъ получалъ ежегодно 50 овецъ. На обществахъ رشعر (Ришвöръ) и مكرق (Мукрахъ) 70 барановъ, а на обществѣ كرلل (Куралалъ) 100 жеребцовъ и 100 кобылъ. Все, что здѣсь означено, собирается ежегодно и дѣлится между потомками Эмиръ-Хамзе и Аббаса по правиламъ, изложеннымъ выше [27].

По прошествіи долгаго времени, Эмиръ-Султанъ, сынъ Бейрампаса, сынъ проклятаго Сураке, который бѣжалъ отъ ислама къ невѣрію и котораго прозвище было Нусалъ и который жилъ въ Тушѣ, выпросилъ помощь войска алановъ *), чтобы вновь получить мѣсто своего отца и престолъ своихъ предковъ и чтобы возстановиться въ ряду ихъ. Большое войско собрано было отъ границы Цумтала до оконечности Аришти; онъ провелъ его тайно въ темную ночь въ округъ Хумзъ خومز. Онъ вступилъ въ переговоры съ тѣми изъ своихъ земляковъ, которые остались въ землѣ отцовъ своихъ и которые, только наружно, исповѣдывали исламъ и жили наружно въ дружбѣ съ мусульманами, но ихъ внутреннее чувство было не таково. Эти туземцы, принявъ участіе въ его коварствѣ, скрыли всѣхъ его воиновъ въ своихъ домахъ и распредѣлили ихъ между обитателями своихъ селеній и ждали, пока найдется случай напасть на Эмиръ-Хамзе, сына Чуфана, сына Султана, сына Маасумъ-Бега, который въ это время сидѣлъ на престолѣ своихъ предковъ. Въ это время Абу-Муслиму, сыну Юсуфа, сына Мухаммеда, сына Шейхъ-Абуль-Муслемъ, приснилось въ ту ночь, что невѣрные напали на мусульманъ въ Хунзахѣ и завоевали его и что въ городѣ произошло великое бѣдствіе. Посему онъ ужаснулся этого сна и до полудня бѣжалъ въ Кумухъ. На слѣдующую ночь невѣрные напали на

[27]) Т. е. взимая пятую часть всего въ пользу владѣтеля и раздѣляя остальное между прочими потомками Эмиръ-Хамзе и Аббаса.

*) Арабскую фразу طلب جنودا لان يستكثر ج мы прочитали такимъ образомъ: таляба джундан ли анъ истахриджа и т. д. и переводимъ поэтому такъ: онъ искалъ войскъ, чтобы извлечь. . .

Эмиръ-Ахмара (Хамзе) до разсвѣта и умертвили его; отрѣзали его голову и выставили ее надъ входомъ въ крѣпость. Они также умертвили всѣхъ мусульманъ, которые жили въ этомъ городѣ, и такимъ образомъ успѣли въ своемъ намѣреніи.

Тогда Амиръ-Султанъ вступилъ на престолъ своего отца, по примѣру своихъ предковъ. Его подданные отклонились отъ вѣры, и между ними и мусульманами начались непріязненныя дѣйствія, которыя продолжались 24 года. Но, наконецъ, оскудѣли ихъ средства продовольствія; поддерживать жизнь сдѣлалось весьма труднымъ; они утомились войною и кровопролитіе имъ опротивѣло; посему они раскаялись и снова приняли исламъ. Невозможнымъ сдѣлалось продолжать войну и кровопролитіе между мусульманами, и они заключили между собою миръ, на основаніи ислама. Такъ опредѣленіе судьбы, согласно сказанному: *„всѣ событія привязаны къ своему времени,“* исполнилось. миръ и дружба возстановились по-прежнему.

День проходилъ за днемъ и годъ за годомъ и прошло уже много вѣковъ; зеркало согласія между князьями Кумуха и Хайдака разбито было усиліями сатаны, который есть самый зловредный изъ враговъ; такъ они разъединены были другъ отъ друга злобою, ибо добродѣтель покинула край, а коварство, вражда и порокъ распространились повсюду; и это разногласіе было такого рода, что не обѣщало ничего хорошаго и не давало надежды на согласіе. Тѣ изъ потомства князя мучениковъ (Хамзе), которые впродолженіи этихъ безпокойствъ были живы изъ числа владѣтелей хайдакскихъ, а именно Мухдъ-Ханъ, Эмиръ-Ханъ и Эмиръ Хамзе, нашли убѣжище у повелителей аварцевъ и обязались клятвою быть ихъ союзниками и дѣлить съ ними добро и зло во всѣхъ случаяхъ и обязанностяхъ. Тутъ произошли между ними и князьями кумухскими страшныя войны и адскія распри, которыя продолжались много лѣтъ, и послѣдствіями которыхъ было то, что царь аварскій послалъ письмо и посланниковъ, избранныхъ изъ числа мудрыхъ и краснорѣчивыхъ людей, къ Султану [illegible] [28]),

[28]) Мнѣ ничего неизвѣстно ни объ этомъ Каутеръ-Шахѣ,

въ страну турокъ, жители которой приняли религію ислама еще во время Омара, сына Хаттаба, и предложили союзъ и дружбу, согласно законамъ сосѣдства и на условіяхъ взаимной помощи въ войнахъ съ своими врагами и недоброжелателями. Таковой союзъ былъ основанъ съ обѣихъ сторонъ на дружбѣ, согласіи и братствѣ. Каутеръ-Шахъ взялъ прекрасную дочь царя аварскаго въ жены сыну своему Кей-Кобаду, а прелестную сестру послѣдняго (т. е. собственную дочь свою) выдалъ за Саратана, сына царя (аварскаго). Эти два брака совершилъ онъ въ одно время, и оба царскіе сыновья, черезъ этотъ союзъ, сдѣлались какъ-бы двумя братьями, рожденными отъ одного отца и матери, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, какъ въ преслѣдованіи враговъ, такъ и въ защитѣ друзей. Каутеръ-Шахъ тогда повелъ своихъ турокъ съ востока, а Саратанъ, съ князьями хайдакскими, направилъ войска аварскія

ни о его владѣніяхъ, хотя авторъ и называетъ его *сосѣдомъ аварцевъ съ востока*. Полагаю, что эти турки были какія-либо туркменскія орды, которыя, еще прежде разоренія Кумуха, бродили съ мѣста на мѣсто на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря и въ горахъ и о которыхъ грузинскія лѣтописи не разъ упоминаютъ. Описывая событія, случившіяся въ началѣ XIV столѣтія, къ каковому времени нашъ авторъ относитъ разореніе Кумуха, эти лѣтописи упоминаютъ о ханѣ, называемомъ Орханъ (не должно принимать его за сына Османа, къ которому Давидъ VI, царь грузинскій, отправилъ своего брата по направленію на *востокъ* и жаловался на Казанъ-Хана, сына Аргуна, и просилъ покровительства, обѣщая ему, въ тоже время, согласно его (хана) желанію, пропустить его войско черезъ Дарьялъ противъ Казанъ-Хана и пр. Далѣе, тѣ-же самыя лѣтописи утверждаютъ, что турки, предводимые ханомъ своимъ Азатъ-Мозе (Муза?), впродолженіи царствованія Вахтанга III, два раза вторгались въ страны Бассіановъ и Таосъ (или, какъ Карпини правильнѣе называетъ, Тоасъ (см. Плано-Карпини, кн. II, гл. 7), что я принимаю за تاوس, Тау-асъ, т. е. Ассы или Оссы горные) и оба раза были отражаемы эриставами Тапапаноскателя и Самцхіса (см. грузинскія лѣтописи, переведенныя Грузиномъ на русскій языкъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1841 годъ, № 11, стр. 22 и 23).

съ запада противъ Кумуха, куда прибыли они, во вторникъ 1-го рамазана, въ дни Наджмуддина. Они (обитатели Кумуха) сражались съ великимъ мужествомъ, и 70 юношей пали мучениками. Эти заняли укрѣпленіе выше мечети (называемое) Кекели, и обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своимъ имуществомъ, жизнію и тѣлами. Когда эти юноши исполнили свой долгъ въ укрѣпленіи (т. е. были всѣ убиты), оба князя, Сартанъ и Каутеръ, опустошили Кумухъ въ субботу мѣсяца сафара (второй мѣсяцъ года), и всѣ князья кумухскіе, происходящіе отъ Хамзы, разсѣялись по разнымъ частямъ свѣта. Князья хайдакскіе тутъ снова вступили въ свои владѣнія, но кумухскіе попали плѣнниками въ руки. . . [29]). Каутеръ-Шахъ и Сартанъ возвратились въ свою землю, но потомство Хамзе, аравитянина, постигла та участь, какъ мы разсказали (въ надлежащемъ мѣстѣ) между событіями 718 года гиджры, въ каковое время они имѣли въ рукахъ древніе документы и старые акты весьма древней эпохи. Слѣдовательно, всѣ дагестанскіе правители происходятъ отъ дѣтей Хамзата и дѣтей Аббаса, исключая султановъ Аваріи. Что-же касается до нихъ, то они изъ роду султановъ Урусъ (русскихъ). И нѣтъ людей въ государствѣ ихъ (въ Аваріи) изъ числа коренныхъ мусульманъ; въ другихъ дагестанскихъ владѣніяхъ жители составляютъ смѣсь коренныхъ мусульманъ и мусульманъ обращенныхъ [30]), между которыми распространенъ былъ исламъ.

О вы, истинные мусульмане! Если такимъ образомъ кто-ни-

---

[29]) Я не могъ разобрать смысла الدهسة الانساب. Неправильная конструкція фразы показываетъ, что здѣсь ошибка переписчиковъ. Это слѣдуетъ читать, какъ и въ нашихъ рукописяхъ, الانساب الدنية, что значитъ—низкія по происхожденію.

[30]) Коренными мусульманами называются, согласно показанію автора, тѣ, которые вселились въ эти страны и внесли коранъ; подъ названіемъ тѣхъ, *которымъ исламъ былъ дарованъ* и которыхъ я называлъ мусульманами обращенными, подразумѣваются всѣ тѣ изъ числа первоначальныхъ обитателей страны, которые приняли исламъ при первомъ появленіи его, или впослѣдствіи времени.

будь изъ ихъ потомства [31]), ихъ правнуковъ и происхожденія, мужчина или женщина, большой или малый, открытъ будетъ въ которомъ-либо изъ вашихъ племенъ, вы необходимо обязаны имѣть къ таковому глубочайшее почтеніе и уваженіе, ради святаго пророка и благословенныхъ его дядей [32]); иначе, навѣрно проклятіе Бога и Его ангеловъ падетъ на васъ: прибѣгаемъ къ убѣжищу Божію. . . [33]) *).

Имамъ-Мухаммедъ, сынъ جابر الطبرانى, въ описаніи завоеваній впродолженіи царствованія Омара, говоритъ, что изъ числа халифовъ наиболѣе имѣвшій успѣховъ въ завоеваніяхъ былъ конечно Омаръ, сынъ Хаттаба. Онъ преслѣдовахъ невѣрныхъ, разбилъ войска, установилъ *диванъ* и наложилъ подати на различныя государства. Его войска прошли за рѣку Джейхунъ на востокѣ;

---

[31]) Послѣ паденія и разоренія Кумуха, гдѣ, какъ было сказано, водворилось потомство Эмиръ-Хамзе и Аббаса, и котораго владѣтели были вѣрны до самой смерти, между-тѣмъ-какъ владѣтели *хайдакскіе*, черезъ союзъ свой съ аварцами, утратили свою святость, — всѣ дѣти ихъ были разсѣяны и, будучи долго преслѣдуемы, сами скрыли свой санъ и, наконецъ, потерявъ свои бумаги и документы, лишились всѣхъ своихъ привиллегій. Авторъ здѣсь возбуждаетъ усердіе мусульманъ и увѣщеваетъ ихъ почитать каждаго изъ священнаго поколѣнія, кто по документамъ можетъ доказать права свои на происхожденіе отъ Эмиръ-Хамзе.

[32]) Т. е. Хамзе въ отношеніи къ потомству Аббаса, и Аббаса въ отношеніи къ потомству Хамзе.

[33]) Здѣсь мы пропустили нѣсколько строкъ, которыя обезображены множествомъ ошибокъ. Въ нихъ заключается продолженіе увѣщаній автора и наставленіе, что съ таковыхъ потомковъ священной крови не должно быть требуемо никакихъ повинностей, ни податей, которыя наложены на всѣхъ остальныхъ жителей, и проч.; съ другой-же стороны, не должно вѣрить тѣмъ, которые изъявляютъ притязанія на происхожденіе отъ святаго семейства, не имѣя на то никакого документа, ни законнаго права.

*) Это примѣчаніе г. Казембека заключаетъ въ себѣ полный и настоящій смыслъ пропущеннаго имъ мѣста, какъ видно изъ рукописей, имѣвшихся у насъ.

на сѣверѣ достигли они Адербиджана, Баб-уль-Абваба *) и страны Нетидже, соприкасающейся съ стѣною Яджуджовъ и Маджуджовъ **); на югъ они достигли Хинда, Синда, Бахрейна, Умана и Мекрана, а на западѣ дошли до предѣловъ Константинополя,—и всѣ народы ему повиновались. . . У него была одна армія въ Сиріи и другая въ Адербиджанѣ: эта страна простирается отъ Хамадана до Баб-уль-Абваба въ длину. . . [34]).

---

[34]) См. выше. Здѣсь кончается выписка изъ исторіи муллы Джели ***).

*) Дербента.

**) Т. е. Гоговъ и Магоговъ.

***) Въ имѣвшихся у насъ рукописяхъ эта выписка заканчивается слѣдующими словами: „Я списалъ эти записки изъ старинной рукописи, извлеченной изъ сочиненія Мулла-Мухаммедъ-Рафи Меккскаго, называемаго Абиль-Фатхъ, прозываемаго Зіяэддинъ (свѣтъ вѣры), а по-татарски Мухаммедъ-Джели-Рафи, сынъ Мевля, испытаннаго въ правдѣ и знаніи, во время господина нашего Абдурахмана Ширванскаго—Гассана-Алави-Сефеви, бывшаго кадіемъ въ Кумухѣ, когда онъ былъ разоренъ турками.“

Примѣчаніе отъ Редакціи. Упомянутыя выше (стр. 23 и 24) названія обществъ и селеній, кои обложены были податьми въ пользу Шамхала, соотвѣтствуютъ слѣдующимъ названіямъ, нынѣ болѣе употребительнымъ:

Карахъ—общество Средняго Дагестана, Гунибскаго округа, извѣстное и теперь подъ тѣмъ-же названіемъ; *Кусрахи* — Кейсерухъ, Тлейсерухъ и Тленсерухъ, общество того-же округа; упоминаемое вслѣдъ затѣмъ слово *Кырымъ* можетъ быть объясняемо: *для Крыма*, т. е. Крымъ-Шамхала (наслѣдника Шамхала); *Хибилалъ*—Глебель, Хлебелялъ—общество Средняго Дагестана, Гунибскаго округа; *Чамалалъ*, или Джамалалъ—общество Западнаго Дагестана, Андійскаго округа; *Тиндалъ*—Тинди, общество того-же округа; *Арчубъ* или Арчу—сел. общества Калалалъ, того-же округа; народъ *Хумза*—жители общества Хунзъ, въ коемъ главное сел. Хунзакъ (Западн. Дагест., Аварскаго округа); *Андибъ*—Анди, главное селеніе общества Анди или Андалъ (Западн. Дагест., Андійскаго округа); городъ *Кадаръ*—сел. Гадаръ, или Кадаръ (Сѣв. Даг., Т.-Х.-Шуринскаго округа); *Тумалъ*—такъ называютъ аварцы жителей Казн-Кумухскаго округа, т. е. лаковъ; гор. *Костекъ*—аулъ Костекъ (Терск. обл., Хасавъ-Юртовскаго округа); *Таргу*—сел. Тарки (Сѣв. Даг., Т.-Х.-Шуринскаго округа); *Кубденъ*—селеніе Губденъ (того-же округа); *Кайтагъ*, или Хайдакъ, раздѣляющійся на верхній и нижній, входитъ въ составъ Кайтаго-Табасаран-

ского округа (Южн. Дагестана); деревни *Усиша* и *Акуша* — главныя селенія бывшаго союза вольныхъ Даргинскихъ обществъ (Сѣверн. Даг., Даргинскаго округа); *Сарахи* — Сирга, или Сиргуа, общество того-же округа; *Цудахаръ*, или Цудакаръ—селеніе того-же округа; *Чумчукатъ* — Хунчукатъ, или Унчугатль—сел. Кази-Кумухскаго округа (Среди. Даг.); *Кекеби*—Кубалю—селеніе того-же округа; *Ирганa*—Ирханы и Ирганай—сел. Аварскаго округа (Западн. Даг.); *Баклалъ*—Бактлулалъ, Бактли, иначе Гюнъ-бетъ—общество Андійскаго округа (Зап. Даг.); *Цагуръ*—Цахуръ—сел. Самурскаго округа (Южн. Даг.); *Голода*—такъ называютъ аварцы нынѣшній Закатальскій округъ; *Ришъ-ёръ*, по-аварски *Рис-ёръ*, по-лакски *Дусрарагъ*,—общество Кази-Кумухскаго округа (Среди. Даг.); *Мукрахъ* — Мугархъ, Мукаръ — общество и селеніе того-же округа; общество *Куралалъ* — Кюра, вошедшее въ составъ нынѣшняго Кюринскаго округа (Южн. Даг.).

КАВКАЗСКО-ГОРСКІЯ ПИСЬМЕНА.

Въ отношеніи письменъ Кавказъ представляетъ поразительное явленіе: на небольшой территоріи, занимаемой краемъ, сошлись лицомъ къ лицу самыя разнородныя, самыя разнохарактерныя письмена, какъ то: русскія, грузинскія (церковныя и гражданскія), армянскія, арабскія, примѣненныя къ языкамъ персидскому, татарскому и многимъ горскимъ нарѣчіямъ. Кромѣ того, въ новѣйшія времена академикъ Шёгренъ (въ концѣ тридцатыхъ годовъ) и генералъ Усларъ (въ шестидесятыхъ годахъ) составили для кавказскихъ горскихъ нарѣчій новые алфавиты, принявъ въ основаніе послѣднихъ русскія письмена. Всѣ эти письмена не только многоязычнаго, но и *многобуквеннаго* Кавказа можно, по ихъ характеру, распредѣлить на три категоріи: Месроповскую группу алфавитовъ (къ которой относятся армянскія и грузинскія письмена), арабскія и русскія письмена, примѣненныя, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, къ горскимъ нарѣчіямъ. Послѣднія мы назовемъ Шёгрено-Усларовскою системою алфавитовъ. Появленіе или усовершенствованіе означенныхъ письменъ обусловливается тремя важнѣйшими эпохами въ исторической жизни Кавказа: водвореніемъ христіанства въ Арменіи и Грузіи, распространеніемъ ислама въ восточной части края и утвержденіемъ русскаго господства на Кавказѣ.

Что касается до кавказскихъ горцевъ, то къ нимъ еще въ отдаленныя времена проникли грузинскія или арабскія письмена. Замѣтимъ здѣсь, что эти письмена, въ особенности первыя изъ нихъ, имѣли вліяніе на алфавиты, составленные недавно для горцевъ. Въ настоящей статьѣ мы сперва сообщимъ краткую характеристику грузинскихъ и арабскихъ письменъ, а потомъ перейдемъ къ новымъ горскимъ алфавитамъ, на которыхъ и остановимся подольше, такъ какъ они извѣстны большинству читающей публики только по-наслышкѣ.

Грузинскія письмена.

У грузинъ существуютъ двоякаго рода письмена, отличныя другъ отъ друга по своему начертанію, а именно: церковныя, такъ называемыя *хуцури* (буквы священническія) и гражданскія, *мхедрули* (მხედრული სელი, буквально—почеркъ воиновъ). Изобрѣтеніе первыхъ, схожихъ вообще по прямолинейному своему очертанію съ армянскими письменами, приписываютъ св. Месропу, усовершенствовавшему въ первой половинѣ V в. и армянскій алфавитъ. Время появленія мхедрули нѣкоторые ученые относятъ къ началу XIV в.; кн. Баратаевъ, основываясь на нумизматическихъ фактахъ, старался отнести существованіе его къ VII в.; принимающіе-же на вѣру преданіе, вошедшее въ извѣстный сводъ грузинскихъ лѣтописей (Картлисъ-Цховреба), приписываютъ честь введенія въ Грузіи означенныхъ письменъ царю Фарнаозу (въ III в. до Р. Х.). Что касается до *очертанія мхедрули*, то обыкновенно между послѣднимъ и хуцури находятъ мало сходства. Вотъ что говоритъ Д. И. Кипіани въ своей брошюрѣ [1]): „Взглянувъ на письмена гражданскія, никто не найдетъ въ нихъ ни малѣйшаго сближенія..., за исключеніемъ двухъ буквъ Ⴓ и Ⴑ, съ церковными грузинскими.“ Такъ-ли это? Не угодно-ли сличить начертаніе слѣдующихъ буквъ: ⴐ и ⴑ, ⴐ и ⴑ, ⴓ и ⴓ, ⴔ и ⴔ, ⴕ и ⴕ, ⴖ и ⴖ, ⴗ и ⴗ, ⴘ и ⴘ, ⴙ и ⴙ, ⴚ и ⴚ, ⴛ и ⴛ, ⴜ и ⴜ, ⴝ и ⴝ, ⴞ и ⴞ, ⴟ и ⴟ, ⴠ и ⴠ, ⴡ и ⴡ, ⴢ и ⴢ, ⴣ и ⴣ. Всмотрѣвшись повнимательнѣе въ начертаніе этихъ буквъ, едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ сходствѣ; разница между ними оказывается та, что данныя буквы мхедрули отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ буквъ хуцури округленнымъ и болѣе изящнымъ шрифтомъ. Далѣе, въ мхедрули замѣтно стремленіе къ упрощенію. Это стремленіе еще болѣе обнаруживается въ буквахъ: ⴥ и ⴥ, ⴦ и ⴦. Примѣрами еще большаго упрощенія могутъ служить буквы: ⴧ и ⴧ. Здѣсь замѣтимъ, что стремленіе къ упрощенію, проявляющееся въ мхедрули, видно, между прочимъ, и изъ того, что въ немъ нѣтъ заглавныхъ буквъ (асомтаврули). Нѣкоторыя буквы представляютъ сходство только въ обратномъ видѣ, наприм. ⴓ и ⴓ, ⴔ и ⴔ. Не будемъ дѣлать дальнѣйшихъ сближеній, потому что въ такомъ случаѣ пришлось-

[1]) Нѣсколько мыслей о матеріалахъ для исторіи Грузіи, Тифлисъ, 1855 г.

бы прибѣгать къ натяжкамъ, такъ-какъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыя буквы двухъ разсматриваемыхъ нами алфавитовъ представляютъ мало сходства. Есть нѣсколько и такихъ буквъ (впрочемъ ихъ весьма немного), между которыми нѣтъ вовсе аналогіи (напр. между и). Изъ всего этого можно вывести слѣдующее заключеніе: мхедрули представляетъ вообще замѣтное сходство съ хуцури, и такъ-какъ онъ отличается отъ послѣдняго округленнымъ и болѣе изящнымъ очертаніемъ и притомъ стремленіемъ къ упрощенію, то на него и надо смотрѣть, какъ на видоизмѣненіе церковнаго почерка. Далѣе, принявъ во вниманіе указаніе кн. Баратаева, а равнымъ образомъ и скопированныя г. Бакрадзе въ Сванетіи приписки къ древнимъ книгамъ, представляющія въ очертаніи буквъ замѣтное колебаніе между мхедрули и хуцури [2]), можно предположить, что видоизмѣненіе хуцури въ мхедрули совершилось не вдругъ, но мало-по-малу. Жаль только, что собранные по настоящее время наукою матеріалы не дозволяютъ указать на постепенность этого видоизмѣненія. Теперь посмотримъ, въ чемъ состоитъ сходство между хуцури и армянскимъ алфавитомъ. По этому поводу авторъ упомянутой выше брошюры говоритъ [3]): „Сочиненіе церковнаго алфавита приписывается св. Месропу, тому самому, который сочинилъ въ V в. и армянскія буквы. Въ этомъ исчезнетъ всякое сомнѣніе, если на церковныя письмена и на письмена армянскія взглянуть въ одно время.“ Нашлись однако скептики: такъ, напр., академикъ Броссе находитъ между означенными письменами мало сходства. Онъ указываетъ на сходство только слѣдующихъ буквъ: и , Ф и (заимств. изъ греческаго алфавита), и , и [4]). Укажемъ также на аналогію между: и , и , и , и , и . Нѣкоторыя буквы представляютъ подобіе, но въ обратномъ видѣ, напр. и , и [5]). Во всякомъ случаѣ надо согласиться съ тѣмъ, что грузинскій церковный

---

[2]) См. примѣчаніе (стр. 5 и 8) къ статьѣ „Сванетія,“ напечатанной въ „Запискахъ Кавказ. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества.“

[3]) Нѣсколько мыслей о матеріалахъ для исторіи Грузіи, стр. 12.

[4]) Éléments de la langue géorgienne, par M. Brosset, p.6.

[5]) Изображеніе буквъ въ обратномъ видѣ встрѣчаемъ въ разныхъ алфавитахъ. Возьмемъ, напр., латинскія буквы: *b* и *p*, или двѣ грузинскія буквы сосѣдки: и (*м* и *н*).

алфавитъ, представляющій вообще, по своему очертанію, аналогію съ армянскими письменами, въ частности имѣетъ небольшое сходство съ послѣдними. На томъ основаніи мы и дали письменамъ армянскимъ и грузинскимъ названіе только группы алфавитовъ. Если грузинскія и армянскія письмена представляютъ въ частности по очертанію мало сходства между собою и если ихъ изобрѣтеніе приписать одному и тому-же Месропу, то нужно было-бы предположить, что послѣдній изобрѣлъ особый алфавитъ для грузинъ и особыя письмена для армянъ; но изобрѣтеніе двухъ отдѣльныхъ алфавитовъ дѣло далеко не такъ легкое. Ни Картлисъ-Цховреба, ни Моисей Хоренскій не даютъ указаній на то, въ чемъ именно состояла дѣятельность св. Месропа по составленію грузинскаго алфавита. Что-же касается до армянскихъ письменъ, то на этотъ счетъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ нѣсколько довольно обстоятельныхъ указаній. Моисей Хоренскій повѣствуетъ, что въ Арменіи, во время Месропа, найдены были у епископа Даніила письмена, *изобрѣтенныя въ древнѣйшія времена* [6]); но такъ-какъ посредствомъ ихъ не возможно было съ точностію передать всѣ звуки армянскихъ словъ, то св. Месропъ и дополнилъ означенныя письмена, по словамъ Моисея Хоренскаго, ученика его, семью, а по словамъ историка Вардана, жившаго въ XIII в., четырнадцатью буквами [7]). По аналогіи, на основаніи вышесказаннаго, слѣдуетъ предположить, что и въ Грузіи, до прибытія Месропа, существовали тоже письмена, которыя Месропъ пополнилъ только нѣкоторыми буквами, заимствованными изъ армянскаго и греческаго алфавитовъ [8]), и которымъ онъ, вѣроятно, придалъ единство въ характерѣ очертанія ихъ. Броссе, принимая во вниманіе сходство въ очертаніи нѣкоторыхъ грузинскихъ буквъ съ буквами священнаго алфавита индусовъ (Dêva-nâgari) и буквами алфавитовъ, образовавшихся изъ Dêva-nâgari, предполагаетъ, что Месропъ заимство-

---

[6]) Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, переводъ Эмина, кн. LII и LIII.

[7]) Приложеніе четв. къ переводу Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, стр. 367—372.

[8]) Вліяніе греческаго алфавита на месроповскія письмена видно не только изъ заимствованныхъ греческихъ буквъ и изображенія, напр., по подобію греческихъ письменъ, буквы *у* въ армянскомъ алфавитѣ двумя письменными знаками *пւ* (соотвѣтств. греч. ου), но и изъ письма отъ лѣвой руки къ правой, вопреки обычаю, господствовавшему у сосѣднихъ къ армянамъ народовъ—писать отъ правой руки къ лѣвой.

валъ очертаніе нѣкоторыхъ грузинскихъ буквъ изъ означенныхъ алфавитовъ, которые, какъ говоритъ Броссе, „во время Месропа, быть можетъ, были въ употребленіи въ Бактріанѣ и на берегахъ Инда, и слѣдовательно могли быть ему извѣстны“ [9]). Подобныя предположенія, основанныя въ свою очередь на предположеніяхъ, не имѣющихъ прочнаго основанія, навряд-ли могутъ имѣть серьезное значеніе. Дальше, если допустить существованіе письменъ въ Грузіи и Арменіи до св. Месропа, то является вопросъ, самостоятельны-ли эти письмена, или-же они заимствованы изъ другихъ алфавитовъ? Нѣкоторые ученые полагаютъ, что означенныя письмена представляютъ сходство съ зендскими и пегльвійскими буквами [10]); другіе находятъ сходство съ алфавитами сирійскими и индусскими. Прибавимъ къ этому, что порядокъ распредѣленія буквъ имѣетъ много сходства съ порядкомъ размѣщенія буквъ въ сирійскомъ, халдейскомъ и еврейскомъ алфавитахъ, и что въ древнихъ армянскихъ письменахъ, какъ видно изъ сказанія Моисея Хоренскаго, не доставало гласныхъ буквъ. Послѣднее обстоятельство очень важно, потому-что, какъ извѣстно, и въ этихъ алфавитахъ нѣтъ особенныхъ строчныхъ письменныхъ знаковъ для выраженія собственно гласныхъ. Нѣкоторые ученые опять, какъ, напр., Эминъ, отстаиваютъ самостоятельность древнихъ армянскихъ письменъ [11]). Кажется, что эти разнорѣчивыя мнѣнія можно помирить такимъ образомъ: алфавиты, въ древности употреблявшіеся въ западной Азіи, представляютъ между собою немало аналогіи [12]). Этимъ письменамъ даютъ названіе семитическихъ алфавитовъ (къ которымъ относятъ и алфавиты не-семитическихъ народовъ, какъ-то: зендовъ, индусовъ). Семитическіе алфавиты съ теченіемъ времени образовали отдѣльныя группы письменъ, въ томъ числѣ и Месроповскую группу

Теперь переїдемъ къ *звуковой системѣ грузинскаго алфавита*, о которой лучшіе кавказскіе филологи отзываются съ самой выгодной стороны. Вотъ что говоритъ по этому предмету П. К. Услеръ: „Если смотрѣть на грузинскій алфавитъ въ отноше-

---

[9]) Éléments de la langue géorgienne, par M. Brosset, p. 6—9.

[10]) Saint Martin, l'hist. du Bas-Empire, t. V, p. 323.

[11]) Примѣч. четвертое къ переводу исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, стр. 363—369.

[12]) См. въ Encyclopédie moderne (publiée sous la direction de Léon Renier) статью „Écriture,“ p. Léon Vaïsse, pag. 421—426, 427a—427d.

ніи къ самому грузинскому языку, то нельзя не сознаться, что онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ: едва-ли это не есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ существующихъ алфавитовъ. *Каждый звукъ выражается особымъ знакомъ и каждый знакъ постоянно выражаетъ одинъ и тотъ-же звукъ.* Во всѣхъ европейскихъ языкахъ есть камень преткновенія — это орѳографія; для грузинъ, благодаря совершенству ихъ алфавита, этой трудности почти не существуетъ,“ [13]). Сравнивая въ этомъ отношеніи грузинскій алфавитъ съ армянскимъ, имѣющимъ почти одинаковое количество буквъ, мы должны отдать преимущество первому [14]). Разсмотримъ въ частности грузинскій алфавитъ. Въ немъ, во-первыхъ, замѣчаемъ обиліе согласныхъ. Не будемъ говорить о согласныхъ, общихъ грузинскому и русскому языкамъ, а обратимъ вниманіе на буквы, служащія для выраженія особыхъ самостоятельныхъ гортанныхъ, придыхательныхъ и шипящихъ звуковъ, встрѣчающихся и въ другихъ кавказскихъ языкахъ и чуждыхъ русскому языку. Перечислимъ эти буквы: ღ (*г* съ придыханіемъ), ჴ (*к* съ придыханіемъ), თ (*т* съ придыханіемъ), ფ (*п* съ придыханіемъ), ჳ (выражаетъ глубокій гортанный звукъ), ჰ (соотвѣтств. латин. h), ჯ [15]) произнос. какъ русское *х* съ гортаннымъ при-

---

[13]) Записка П. К. Услара „О составленіи азбукъ кавказскихъ языковъ,“ помѣщенная въ 1861 г. въ лѣтописи Кавказ. Отд. Геогр. Общества, стр. 43.

[14]) Въ армянскомъ алфавитѣ есть буква ւ, которая читается сама по себѣ—хюнъ и соотвѣтствуетъ франц. hu, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она читается, какъ *в* (наприм. въ словѣ իւր — ивъ); буква *и* читается вообще, какъ *во*, если стоитъ въ началѣ словъ. Если эта буква предшествуетъ буквѣ վ (*в*), то читается, какъ *о* безъ придыханія; если-же этой буквѣ предшествуетъ какая-нибудь согласная, то она читается какъ *о* съ легкимъ придыханіемъ. Далѣе, въ армянскомъ языкѣ нѣтъ особеннаго звука для *у*, который выражается двумя только-что указанными буквами ու. Замѣтимъ притомъ, что въ Месроповскомъ алфавитѣ не было и буквы *о*, которая выражалась въ старину աւ. Эта буква введена въ армянскій алфавитъ только въ половинѣ XII в., во время патріаршества Нерсеса IV Благодатнаго. Нѣкоторыя буквы опять служатъ для выраженія или двухъ звуковъ, или удвоенныхъ согласныхъ; наприм. буквою ե (їѣ) выражается русское *ѣ*, буквою ռ двойное *р*. Въ то-же время въ армянскомъ алфавитѣ нѣтъ письменнаго знака для выраженія глубокаго гортаннаго звука, свойственнаго кавказскимъ языкамъ и изображаемаго въ грузинскомъ языкѣ посредствомъ ჳ.

[15]) На звукъ, выраж. этою буквою, не обратилъ вниманія въ своихъ трудахъ ни Шёгренъ, ни П. К. Усларъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ поняе-

дыханіемъ); ჯ и ჟ (почти соотвѣтствуютъ *дз* и *дж*), ჭ и ჴ (выражаютъ особые звуки, приблизительно подходящіе къ *тц* и *тч*). Замѣтимъ хорошо эти буквы, потому-что они намъ понадобятся, когда будемъ говорить о новыхъ алфавитахъ, составленныхъ для горцевъ. Но въ грузинскомъ языкѣ нѣтъ звука, выражаемаго въ европейскихъ языкахъ буквою *ф*, которая обыкновенно замѣняется ფ (*п* съ придыханіемъ). Буква *ф*, введенная впослѣдствіи для правописанія иностранныхъ словъ, не получила права гражданства въ грузинскомъ алфавитѣ; такъ, напр., грузины слово Франція пишутъ слѣдующимъ образомъ ფრანცია [16]). Что касается до гласныхъ буквъ, то въ грузинскомъ алфавитѣ, кромѣ гласныхъ, выражающихъ латинскія: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, есть краткая гласная, произносимая съ легкимъ придыханіемъ—ჱ (*е* краткое), ჲ (краткое *і*); есть буква ჳ, выражающая средній звукъ между უ (*у*) и ვ (*в*) и замѣняемая послѣднею. Въ-третьихъ, есть буква ჵ, которая, вопреки общему правилу грузинскаго алфавита, выражетъ собою сочетаніе двухъ буквъ ჳ и ო, и которая обыкновенно замѣняется двумя этими буквами (наприм. вмѣсто მოჳჵ пишутъ— მოჳვო). Есть еще горловая буква ჶ, которою пишется междометіе ჶ! Это-же междометіе совершенно правильно пишется тремя буквами такимъ образомъ: ჰოი (hoi)! Но замѣтимъ, что послѣднія двѣ буквы, а также буквы: ჱ, ჲ, ჳ, ჵ, въ настоящее время рѣдко употребляются и обыкновенно замѣняются

нованной таблицѣ кавказскихъ алфавитовъ, помѣщенной въ осетинской грамматикѣ Шёгрена, невѣрно обозначены нѣкоторыя буквы. Возьмемъ, наприм., армянскую букву Յ, которая у г. Услара и у Шёгрена обозначена соотвѣтствующею латин. h, между тѣмъ эта буква, которая читается какъ *hy*, *y*, бываетъ иногда согласною, а иногда гласною, въ собственныхъ-же именахъ предъ гласными она соотвѣтствуетъ латинской j, а въ концѣ словъ иногда и не произносится (см. Начальныя основанія Гайканскаго языка, состав. Н. Бероевымъ, стр. 16—18). Шёгренъ, говоря о буквѣ h, рядомъ съ только что названною армянскою буквою, помѣстилъ въ скобкахъ букву ჰ, которая въ самомъ дѣлѣ выражаетъ звукъ, обозначаемый латин. h. У генерала Услара ჰ показана соотвѣтствующею грузинской ღ (т. е. *г* съ придыхан.), между тѣмъ послѣдней соотвѣтствуетъ армянская Ղ.

[16]) Не привилась къ грузинскому алфавиту и буква ღ, введенная извѣстнымъ католикосомъ Антоніемъ, для смягченія произношенія такихъ словъ, въ которыхъ происходитъ стеченіе нѣсколькихъ разнородныхъ согласныхъ. Эта буква, не выражающая собою опредѣленнаго звука и не свойственная грузинскому языку, не удержалась въ грузинскомъ алфавитѣ (см. Ossetische Sprachlehre von And. Joh. Sjögren, 1844, S. 18).

другими [17]). Принявъ во вниманіе послѣднее обстоятельство, нельзя не согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ П. К. Услара о грузинскомъ алфавитѣ. Совершенство грузинскаго алфавита, на которое указываетъ многоуважаемый изслѣдователь кавказскихъ языковъ, немало содѣйствовало къ распространенію грамотности въ народѣ, такъ что безграмотный человѣкъ между грузинами считается настоящею диковинкою.

Вмѣстѣ *съ распространеніемъ грузинами православія, проникъ ихъ алфавитъ къ горцамъ грузинскаго происхожденія*, а также къ мингрельцамъ и сванетамъ, языки которыхъ сродны съ грузинскимъ и подчиняются почти однимъ и тѣмъ-же фонетическимъ законамъ. При печатаніи въ Тифлисѣ въ 1865 году постановленій по крестьянскимъ дѣламъ на мингрельскомъ языкѣ, понадобилось прибѣгнуть къ грузинскому алфавиту. Вмѣстѣ съ мингрельцами проникъ грузинскій алфавитъ и въ Самурзакань. Въ Сванетіи встрѣчается множество храмовъ и иконъ съ грузинскими надписями, а также грузинскихъ церковныхъ книгъ [18]). Въ горной Сванетіи, какъ видно изъ надписей на многихъ старинныхъ церквахъ и образахъ, первыя были сооружены, а вторые пожертвованы и украшены самими сванетами, употреблявшими грузинскія письмена [19]). До-сихъ-поръ мингрельцы и грамотные сванеты, въ перепискѣ между собою, употребляютъ грузинскій алфавитъ. Въ послѣднее время священникъ Адамъ Кардава, родомъ изъ княжеской Сванетіи, примѣнилъ грузинскую азбуку къ сванетскому языку и перевелъ букварь [20]). Въ Осетіи встрѣчаются развалины старинныхъ христіанскихъ церквей съ грузинскими надписями. Въ южной Осетіи, у грамотныхъ осетинъ,

---

[17]) Грузинская грамматика Чубинова, стр. 2. Относительно буквы ჴ меня увѣряли, что въ теперешней грузинской рѣчи звукъ, выражаемый ею, отождествился съ звукомъ, изображаемымъ ხ (х), но что у горцевъ грузинскаго происхожденія по настоящее время слышится особый гортанный звукъ, отличный отъ звука (хотя и подходящій къ нему), выражаемаго буквою ხ. Въ сванетскомъ языкѣ также, какъ видно изъ напечатанной въ Тифлисѣ въ 1864 г. сванетской азбуки, сохранилась разница между звукомъ, изображаемымъ буквою ხ (х), и звукомъ, выражаемымъ ჴ.

[18]) Отчетъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, за 1867 г., стр. XXI.

[19]) „Сванетія," статья Д. З. Бакрадзе, помѣщ. въ VI кн. „Записокъ Кавк. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общества," стр. 86, 87, 88, 91, 105, 106, 112, 115, 119, 121.

[20]) Тамъ-же, стр. 40.

имѣвшихъ постоянныя сношенія съ грузинами, былъ въ употребленіи грузинскій алфавитъ, и въ текущемъ столѣтіи (около 1820 году) природный осетинъ Ялгузидзе примѣнилъ грузинскій алфавитъ къ букварю и другимъ, имъ составленнымъ, книжкамъ на южно-осетинскомъ нарѣчіи [21]). Академикъ Шифнеръ находитъ пригоднымъ этотъ-же алфавитъ для тушскаго (собственно цовскаго) языка [22]), весьма сроднаго съ чеченскимъ. Отецъ Цискаровъ распространяетъ этотъ отзывъ на всѣ нарѣчія кистинскія и чеченскія [23]). При всемъ томъ грузинскій алфавитъ никогда не былъ въ такой мѣрѣ распространенъ между христіанскими горцами Кавказа, въ какой арабскій между мусульманскими горцами, не смотря на то, что арабскія письмена далеко не обладаютъ достоинствами грузинскаго алфавита. Къ этимъ письменамъ мы и перейдемъ.

Арабскія письмена.

Относительно древнѣйшихъ арабскихъ письменъ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Ученые оріенталисты предполагаютъ, что въ Аравіи первоначально—до Мухаммеда и на первыхъ порахъ распространенія ислама—существовали различныя письмена. Однимъ изъ древнѣйшихъ подобныхъ алфавитовъ почитается такъ называемый *муснадъ*, бывшій въ употребленіи въ Іеменѣ. Вскорѣ однако эти алфавиты были вытѣснены такъ называемыми *куфическими письменами*, уступившими впослѣдствіи мѣсто почти общеупотребительнымъ теперь въ мухаммеданскомъ мірѣ письменамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *несхи* [24]) (т. е. письменъ копій). Куфическія письмена получили свое названіе отъ города, нѣкогда цвѣтущаго, бывшаго резиденціею восточныхъ

[21]) Осетинская грамматика Андрея Шёгрена, ч. 1, стр. XVI.

[22]) Versuch über die Thusch-Sprache, S. 7.

[23]) Записка о составленіи азбукъ кавказскихъ языковъ, стр. 43.

[24]) Свѣдѣнія объ арабскихъ письменахъ мы главнымъ образомъ почерпали изъ арабской грамматики Сильвестра де Саси и изъ отличной статьи о письменахъ, помѣщенной въ упомянутой Encyclopédie moderne (Écriture, p. Léon Vaïsse). Не малое намъ пособіе оказали также: общая грамматика турецко-татарскаго языка, составлен. извѣстнымъ Казембекомъ, и отличный учебникъ персидскаго языка В. Е. Іоаннисіанца. Послѣднему мы обязаны многими полезными указаніями, относящимися къ арабскимъ письменамъ.

халифовъ и центромъ магометанской образованности. Въ этомъ-то городѣ приготовлялись самыя лучшія копіи корана, расходившіяся по всему мусульманскому міру. Мѣсто, избранное калифомъ Омаромъ для Куфы, основанной на первыхъ-же порахъ распространенія ислама (въ 17 г. гиджры), представляло чрезвычайно выгодный пунктъ въ цивилизаціонномъ отношеніи: Куфа находилась на рубежѣ Сиріи и Месопотаміи, двухъ образованныхъ странъ древняго востока; на первыхъ-же порахъ въ Куфу стекались ученые изъ этихъ странъ, въ Куфѣ-же зародились очень скоро и особыя письмена, имѣвшія большое сходство съ упрощенными собственно сирійскими письменами. Здѣсь нужно замѣтить, что гораздо раньше основанія Куфы, древній собственно-сирійскій алфавитъ принялъ форму болѣе округленную, болѣе приспособленную къ курсивному письму. Этотъ измѣненный сирійскій почеркъ извѣстенъ подъ именемъ эстрангело. О сходствѣ эстрангело съ куфическими письменами не можетъ быть сомнѣнія. Однако, куфическія письмена, образовавшіяся подъ сильнымъ вліяніемъ этого упрощеннаго почерка, не представляютъ еще большихъ удобствъ для скорописи: прямолинейное очертаніе въ нихъ все-таки преобладаетъ, начертаніе нѣкоторыхъ буквъ требуетъ тщательной отдѣлки и занимаетъ много времени. Кромѣ того, въ первоначальныхъ куфическихъ письменахъ нѣсколько различныхъ буквъ означаются однимъ знакомъ. Поэтому куфическія письмена должны были подвергнуться измѣненіямъ: съ теченіемъ времени, для отличія нѣсколькихъ буквъ, изображаемыхъ въ старину однимъ знакомъ, явились большія надбуквенныя и подбуквенныя точки. Для выраженія оттѣнковъ произношенія понадобилось много этихъ точекъ, и чтобы отличить эти оттѣнки, начали упомянутыя точки разрисовывать разноцвѣтными чернилами (красными, голубыми, зелеными, желтыми). Можетъ быть, это и очень изящно, но для скорописнаго письма крайне неудобно. Стремленіе къ упрощенію письма, а также къ лучшему обозначенію оттѣнковъ произношенія, и было причиною, по которой куфическія письмена уступили мѣсто несхи, вошедшему въ употребленіе, какъ мы сказали выше, почти во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Сильвестръ де Саси увѣряетъ, что шрифтъ, употребляемый аравитянами въ Геджасѣ въ I в. гиджры, мало отличался отъ несхи. Если это справедливо, то можно-бы предположить, что какъ куфическія письмена, такъ и несхи и, можетъ быть, другія письмена, употребляемыя аравитянами, были только видоизмѣненными почерками однихъ и тѣхъ-же письменъ.

Вмѣстѣ съ исламомъ и кораномъ распространился и тотъ алфавитъ, который употреблялся для переписки священныхъ книгъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, арабскія письмена сдѣлались священными въ глазахъ мусульманъ, и прежніе алфавиты, бывшіе въ употребленіи у народовъ, принявшихъ исламъ, должны были уступить мѣсто священнымъ письменамъ. Такимъ образомъ арабскій алфавитъ проникъ отъ Атлантическаго океана до Великаго, отъ сѣв.-запад. оконечности Африки до южной оконечности Малакки; народы, самые различные по происхожденію и языкамъ, какъ, наприм., мавры, берберы, персіяне, малайцы и прочіе народы, принявшіе исламъ, приняли и общія для всѣхъ правовѣрныхъ священныя письмена, съ различными видоизмѣненіями, обусловливаемыми фонетическими законами языковъ, къ которымъ примѣнялся арабскій алфавитъ. Само собою разумѣется, что и арабскій языкъ—священный языкъ для мусульманъ—сдѣлался предметомъ изученія для послѣднихъ, языкомъ классическимъ для всего мусульманскаго міра [25]). Мало того, благодаря повсемѣстному обычаю у мусульманскихъ народовъ—основывать училища при мечетяхъ,—арабскій языкъ могъ-бы сдѣлаться доступнымъ болѣе или менѣе народнымъ массамъ, если-бы преподаваніе въ этихъ училищахъ велось болѣе разумнымъ образомъ.

Разсмотримъ теперь *начертаніе арабскихъ письменъ*. Взглянувъ на арабскія письмена, написанныя красивымъ почеркомъ, нельзя налюбоваться ими: столько тамъ изящества въ отдѣлкѣ буквъ, что поневолѣ сравнишь ихъ съ красивыми узорами, воспроизведенными чернилами. А между тѣмъ, какъ немного знаковъ понадобилось для этихъ узоровъ! Да притомъ эти знаки самые простые, самые незамысловатые. Вотъ, напр., письменные знаки: ا, ـ, ـ, ـ, которые, съ небольшими видоизмѣненіями, производятъ новыя буквы. Запомнить эти знаки и еще нѣсколько другихъ — не трудно; но вотъ что: арабскія буквы, за исключеніемъ немногихъ, являются въ четырехъ видахъ, смотря по тому, стоитъ-ли данная буква отдѣльно, соединяется-ли она съ предъидущею, съ послѣдующею, или-же съ тою и другою вмѣ-

---

[25]) На этомъ основаніи люди, не посвященные въ лингвистику, привыкли считать сродными съ языкомъ арабскимъ языки: персидскій, турецкій и др. языки мусульманскихъ народовъ. Мнѣніе это такъ нелѣпо, что его и опровергать не стоитъ.

стѣ. Эти видоизмѣненія, придающія болѣе красивый видъ письменамъ, вообще не замысловаты, и если встрѣтится буква, слишкомъ выдающаяся за строку внизъ, или-же влѣво (арабскія письмена пишутся отъ правой руки къ лѣвой), то пишущій оставляетъ, такъ сказать, головку буквы, а туловище и хвостъ отсѣкаетъ. Такимъ образомъ видоизмѣненная, напр., буква ع является въ слѣд. видѣ: ء, ح въ видѣ ـحـ, ـسـس, ـصـص, ـبـب и т. д. Далѣе, для связи буквъ, сохраняющихъ или полный свой видъ, или подвергшихся ампутаціи, прибавляется обыкновенно съ правой стороны значекъ. Въ этомъ случаѣ, напр., ر изображается такъ: ـر, ـبـب, ـبـبـ, ـفـف, ـحـح, ـكـك и т. д. Малое количество письменныхъ знаковъ, подвергающихся притомъ часто весьма значительнымъ сокращеніямъ, составляетъ не малое затрудненіе въ арабскихъ письменахъ. Но въ этомъ случаѣ на подмогу являются точки (такъ называемыя нокты), которыя служатъ для образованія многихъ буквъ и помогаютъ разобрать легче усѣченные письменные знаки. Эти точки ставятся надъ буквами и подъ ними, рѣдко съ боку, въ количествѣ отъ одной до трехъ. Вотъ, напр., буква ب (*б*). Персіянинъ, прибавивши еще двѣ точки, получитъ پ (*п*), которой нѣтъ въ араб. языкѣ. Поставивши надъ означеннымъ знакомъ двѣ точки, получимъ букву ت (*т*); прибавивши еще одну точку сверху, получимъ ث (араб. букву *тса* и персид. *са*). Буква ح (*h*) съ точкою на верху образуетъ خ (*х*), съ точкою съ боку ج (*дж*); персіяне, подбавивши къ послѣдней буквѣ еще двѣ точки, получатъ چ (*ч*). Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, посредствомъ присоединенія точекъ иногда образуются буквы сродныя съ буквами, не имѣющими точекъ или имѣющими ихъ меньше, а иногда совершенно другія. Возьмемъ для примѣра еще: س (*с*) и ش (*ш*), ز (*з*) и ژ (персидск. *ж*); ر (*р*) и ز (*з*). Благодаря точкамъ, чтецъ арабскихъ письменъ свободнѣе идетъ отъ буквы къ буквы; онѣ для него тоже, что звѣзды для бедуина въ пустынѣ. Какъ-бы то ни было, но ни одинъ изъ распространенныхъ на земномъ шарѣ алфавитовъ не представляетъ столько простоты въ изображеніи буквъ, сколько арабскія письмена.—Упрощеніе алфавита, безспорно, весьма важная вещь; но слишкомъ большое упрощеніе имѣетъ тоже свои неудобства. Можетъ случиться, что неискусный переписчикъ арабскихъ письменъ поставитъ письменный знакъ такъ, что можно принять послѣдній за знакъ, подходящій къ нему по своему начертанію; въ другой разъ переписчикъ непра-

вильно разставитъ точки, съ которыми не малая возня, особенно въ примѣненіи арабскаго алфавита къ языкамъ, изобилующимъ согласными. Но съ этими неудобствами можно еще кое-какъ справиться [26]), и, по нашему мнѣнію, не обиліе точекъ составляетъ собственно слабую сторону арабскихъ письменъ.

Разсмотримъ теперь *особенности арабскаго алфавита въ фонетическомъ отношеніи.* Изъ 28 буквъ, составляющихъ собственно-арабскій алфавитъ, самое большое ихъ число приходится на придыхательные, гортанные и шипящіе звуки. Во-первыхъ, въ арабскомъ алфавитѣ встрѣчаемъ букву ح, соотвѣтств. латин. *h* [27]). Подходящая къ ней ه произносится, какъ франц. h съ слабымъ придыханіемъ и часто выражаетъ только hiatus. Далѣе находимъ буквы: خ (*x*), ق гкафъ, которая служитъ для выраженія глубокаго гортаннаго звука, соотвѣтствующаго грузинской ყ. Съ этою буквою сродна по произношенію менѣе гортанная буква ك, подходящая къ русск. *к*. Изъ этой буквы образуется персіянами и турками буква گ, произносимая какъ русское *г*, но съ нѣкоторымъ усиленіемъ. Весьма оригиналенъ звукъ, выражаемый буквою غ (гайнъ). Произношеніе этой буквы, по замѣчанію С. де Саси, напоминаетъ картавый провансальскій выговоръ буквы *r*, произносимой весьма слабо. Такимъ образомъ, при произношеніи этой буквы, слышится *r* и слабое *г*. Сходство звука, выражаемаго غ, съ *r* подмѣтилъ акад. Шпфнеръ въ такъ называемомъ тушскомъ языкѣ [28]). Нельзя пройти молчаніемъ и буквы ع (айнъ). Объ этой буквѣ С. де Саси говоритъ: „Звукъ, выражаемый буквою ع, не можетъ быть изображенъ никакою европейскою буквою. Онъ производится посредствомъ втягиванія воздуха въ глотку, и это движеніе, мнѣ кажется, имѣетъ нѣкоторое сходство съ движеніемъ, дѣлаемымъ при глотаніи съ трудомъ пищи“ [29]). О буквѣ ا (алифъ), причисляемой арабскими грамматиками тоже къ горловымъ, скажемъ послѣ. Поговоримъ теперь о шипящихъ буквахъ. Въ арабскомъ есть: *с* (س), *ш* (ش), *з* (ز), *дж* (ج); но нѣтъ *ж*, *ч* (персіяне эти буквы, какъ мы видѣли выше, такъ изображаютъ: ژ, چ). За то въ арабскомъ язы-

---

[26]) Grammaire arabe, par S. de Sacy, pag. 10—12.

[27]) У Шёгрена и у генер. Услара, въ ихъ сравнительныхъ таблицахъ алфавитовъ, ошибочно показана буква ه соотвѣтствующею лат. h.

[28]) Versuch über die Thusch-Sprache, §§ 5, 144.

[29]) Gram. arabe, pag. 20—21.

кѣ есть звукъ, выражаемый буквою ص (садъ), которая произносится съ усиленіемъ, какъ *двойное* русское *с*. Вотъ еще двѣ шипящія буквы: ث, ذ. Первая изъ нихъ соотвѣтствуетъ въ арабскомъ языкѣ англ. *th*; персіяне и турки произносятъ ее, какъ мягкое *с* [30]). Вторая буква произносится аравитянами почти какъ *дз*, персіянами нѣсколько мягче русск. *з*. Обратимъ вниманіе еще на три буквы: ض, ظ и ط. Аравитяне первую изъ нихъ произносятъ, какъ *д* съ усиленіемъ, персіяне-же—какъ двойное русское *з* (турки—какъ ز съ усиленіемъ). Произношеніе второй буквы не отличается отъ выговора первой. Третья-же произносится, какъ усиленное *т*. Такимъ образомъ мы перешли отъ шипящихъ къ язычнымъ. Изъ послѣднихъ упомянемъ о буквѣ ن (нунъ), которая въ арабскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится почти какъ *n* носовое французское. Въ турецкомъ языкѣ существуетъ звукъ болѣе бѣглый, чѣмъ франц. *n* носовое; онъ обозначается знакомъ ں, называемымъ сагиръ-нунъ (т. е. глухой нунъ). Замѣтимъ, что произношеніе этого носоваго звука подвержено измѣненіямъ въ различныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ [31]). Остаются еще три оригинальныя буквы, которыя ошибочно сами по себѣ могутъ быть приняты за гласныя. Эти буквы: ا (алифъ или елифъ), و (вавъ) и ى (ja). У арабскихъ грамматиковъ онѣ слывутъ подъ именами буквъ: нѣжныхъ, хворыхъ, больныхъ. О первой изъ нихъ, ошибочно показанной генераломъ Усларомъ соотвѣтствующею—*а* [32]), поговоримъ послѣ. Буква و произносится, какъ франц. *у* въ словѣ ouate или какъ англ. *w*. Турки и персіяне произносятъ ее по большей части какъ *в*. Буква ى произносится, какъ франц. *у* въ словѣ yacht, или какъ нѣмецк. j въ словѣ jagd. Въ заключеніе скажемъ, что если нужно удвоить букву, то надъ нею ставится знакъ (ّ), называемый тешдидомъ или ташдидомъ (т. е. укрѣпленіемъ). До-сихъ-поръ мы ничего не говорили о томъ, какимъ образомъ обозначаются въ арабскихъ письменахъ гласныя. Въ нашихъ алфавитахъ гласныя и согласныя выражаются буквами, помѣщаемыми въ строкѣ. Но есть народы, какъ, напр., евреи, сирійцы, которые въ строкѣ помѣщаютъ только согласныя буквы. Что-же касается до

---

[30]) Турки, по замѣчанію Казембека, принявъ араб. буквы, не сохранили грубости и жесткости ихъ произношенія (см. Общ. грам. турецко-татарскаго языка, стр. 5—6).

[31]) Общ. грам. турецко-татарскаго языка, стр. 18—20.

[32]) Записка о составленіи азбукъ кавказскихъ языковъ, стр. 45.

гласныхъ, то для обозначенія ихъ употребляются знаки, помѣщаемые не въ строкѣ, но надъ согласными, или подъ ними. Подобные гласные знаки существуютъ и въ арабскомъ языкѣ; называются они движеніемъ, потому что безъ нихъ данныя согласныя не могли-бы быть произнесены и образовать настоящій звукъ. Такихъ гласныхъ знаковъ въ арабскихъ письменахъ имѣется три: фат*h*а, кесра и дамма (замма). Фат*h*а изображается значкомъ въ видѣ черточки, котор. помѣщается надъ согласною. Примѣръ: كَتَبَ (катаба). Въ этомъ словѣ въ строкѣ стоятъ согласныя: *к*, *т* и *б*; надъ каждою изъ нихъ помѣщена фат*h*а, которая читается, какъ *а*. Звукъ, изображ. фат*h*ою, соотвѣтствуетъ *а*, иногда-же открытому *е* (*ѐ*). Кесра изображается такъ-же, какъ и фат*h*а, но помѣщается подъ буквою, произносится-же, какъ *і*, а иногда какъ франц. *é*; наконецъ дамма имѣетъ изображеніе ◌ُ (похожее на вавъ), ставится надъ буквою и произносится, какъ *о*, *у* или франц. *eu*. Буквы: ا, و и ى служатъ часто только для удлиненія звука гласной, имъ предшествующей, напр. كِتَابٌ (китабу). Поэтому арабскія грамматики такой елифъ называютъ сестрою фат*h*ы. Подобными-же сестрами являются буквы: و и ى. Удвоенные гласные знаки (◌ً, ◌ٍ, ◌ٌ), называемые *тенвиномъ* и помѣщаемые обыкновенно на концѣ, показываютъ, что за гласною въ произношеніи долженъ слѣдовать ن (нунъ), напр. بَابٍ читается—ба̀бін.—Кромѣ явственныхъ гласныхъ звуковъ въ данномъ языкѣ слышатся бѣглые гласные звуки, которые по большей части не обозначаются никакимъ знакомъ. Возьмемъ, напр., французское слово soupçon, въ которомъ послѣ *р* слышится бѣглое *е*, или чешское слово smrt, въ которомъ послѣ *т* слѣдуетъ тоже бѣглое *е*. Въ этихъ словахъ бѣглые гласные звуки не обозначаются, но это не всегда такъ бываетъ: во франц. языкѣ, напр., бѣглые звуки часто изображаются посредствомъ нѣмаго *е*, въ славянскихъ письменахъ подобную роль игралъ ъ, въ еврейскомъ алфавитѣ, для выраженія бѣглыхъ гласныхъ звуковъ, употребляются такъ называемое schwa mobile и др. знаки (*h*атефъ - сегалъ, hатефъ - пата*h*). Подобное schwa существуетъ и въ эѳіопскихъ письменахъ. Въ прошедшемъ столѣтіи извѣстный католикосъ грузинской церкви Антоній, для смягченія грузинскаго языка, отличающагося стеченіемъ разнородныхъ согласныхъ, ввелъ письменный знакъ, не выражающій опредѣленнаго звука. Знакъ этотъ, какъ мы видѣли выше, не удержался въ гру-

зинскомъ алфавитѣ. Въ арабскихъ письменахъ, для выраженія бѣглаго гласнаго звука, существуетъ знакъ, называемый джезмою (отдѣленіемъ). Другое его названіе означаетъ — отдыхъ. Джезма помѣщается надъ буквою и изображается такимъ образомъ: ◌ْ, ◌ْ, ◌ْ. Для примѣра возьмемъ персидское слово دست (десть—десница, рука). Въ этомъ словѣ джезма слышится между буквами: د ـسْـ ت (*с* и *т*). Остается еще немного сказать, для дополненія характеристики арабскихъ письменъ, о нѣкоторыхъ надбуквенныхъ знакахъ. Ни одна изъ буквъ арабскаго алфавита не претерпѣваетъ въ произношеніи столько измѣненій, сколько буква ا. Мы выше упомянули о томъ, что алифъ, не сопровождаемый никакимъ знакомъ, служитъ только для удлиненія гласной, ему предшествующей. Но надъ этою буквою, или-же подъ нею ставится иногда значекъ, именуемый *h*амзою. Вмѣстѣ съ *h*амзою помѣщается гласный знакъ или джезма слѣдующимъ образомъ: أِ, أُ, أَ, أً. Посмотрѣвъ на hамзу, нетрудно съ перваго разу догадаться, что *h*амза ничто иное, какъ отрубленный значекъ буквы ع (айна). Произношеніе ея тоже весьма приближается къ произношенію ع, выговариваемой нѣсколько сильнѣе. Иногда hамза съ гласнымъ знакомъ помѣщается надъ ؤ и ئ, иногда стоитъ въ строкѣ. Вотъ что говоритъ о *h*амзѣ и объ елифѣ съ *h*амзою С. де Саси: „Елифъ съ *h*амзою, или *h*амза одна только не составляютъ гласной. Это знакъ, который выражаетъ движеніе быстрое груди; причемъ выпускаемый воздухъ, проходя чрезъ глотку и горло, образуетъ разные звуки или гласныя, — итакъ, означенный знакъ обозначаетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ согласную, сопроваждающую гласныя“ [33]). Иногда уничтожаютъ *h*амзу съ гласнымъ знакомъ и ставятъ вмѣсто ихъ знакъ ~, называемый меддою (т. е. продолженіемъ). Примѣръ: آدم (àдемъ). Есть еще другіе надбуквенные знаки, но полагаемъ, что и сказаннаго достаточно для составленія понятія объ араб. письменахъ.

Сдѣлаемъ теперь *общіе выводы* изъ вышеизложеннаго. Во-первыхъ, въ арабскихъ письменахъ поражаетъ необыкновенная простота начертанія буквъ и вообще письменныхъ знаковъ. Это обстоятельство и необыкновенная легкость образованія новыхъ буквъ посредствомъ надбуквенныхъ и подбуквенныхъ точекъ, ташдидовъ, а въ крайности и новыхъ начертаній, близко

[33]) Gramm. arabe, p. 16.

подходящихъ къ арабскимъ письменамъ, не мало способствовали быстрому распространенію арабскаго алфавита и примѣненію его къ различнымъ языкамъ. При всемъ томъ малое количество письменныхъ знаковъ и обиліе точекъ представляютъ нѣкоторыя неудобства, особенно въ языкахъ, богатыхъ согласными. Во-вторыхъ, арабскія письмена весьма бѣдны гласными знаками, не сохраняющими притомъ, какъ мы выше видѣли, постояннаго своего значенія, такъ-что вполнѣ правильное ихъ чтеніе требуетъ основательнаго знанія языка. Въ отношеніи системы гласныхъ знаковъ арабскія письмена уступаютъ во многомъ даже англійскому алфавиту, имѣющему несравненно большее количество гласныхъ буквъ. Въ-третьихъ, при обученіи арабской грамотѣ неразвитыхъ мальчиковъ учителю предстоитъ не мало труда растолковать имъ значеніе *h*амзы, джезмы и нѣкоторыхъ другихъ знаковъ. Это затрудненіе еще болѣе увеличивается вслѣдствіе господствующей до-сихъ-поръ методы обученія въ мусульманскихъ школахъ: въ европейскихъ школахъ давнымъ давно изгнанъ старинный способъ составленія слоговъ, въ родѣ, напр., того: буки, азъ—ба; въ мусульманскихъ школахъ приходится учителю и ученикамъ возиться не только съ подобнымъ вышеуказанному способомъ составленія слоговъ, но и съ отдѣльными буквами. Возьмемъ для примѣра: أَ, إِ, которые ученикъ такъ читаетъ: алифъ, hамза, фатhа—*а*, алифъ, hамза, кесра—*і*. Не забудемъ при этомъ также о странномъ подраздѣленіи буквъ на солнечныя и лунныя, сильныя и хворыя и т. д. Само собою разумѣется, что болѣе раціональное обученіе арабской грамотѣ можетъ значительно облегчить изученіе ея, отнимающее теперь довольно много времени какъ у учителей, такъ и у учащихся.

Почти за тысячу лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ *съ распространеніемъ ислама, стали проникать къ кавказскимъ горцамъ и арабскія письмена.* Мало-по-малу у мусульманскихъ кавказскихъ горцевъ явилось множество духовныхъ школъ [34]), которыя у

[34]) „Если„ говоритъ П. К. Усларъ, „объ образованіи народномъ судить по соразмѣрности числа народныхъ школъ съ массою народонаселенія, то дагестанскіе горцы въ этомъ отношеніи опередили даже многія просвѣщенныя европейскія страны. Ученіе доступно каждому горскому мальчику. . . . при каждой мечети находятся школы. . . (см. статью „О распространеніи грамотности между горцами,“ помѣщ. въ III вып. „Сборн. свѣд. о кавк. горц.,“ стр. 3).

мусульманъ, по выраженію генерала Услара, ,,устраиваются также легко, какъ баня и мельница.“ Въ этихъ школахъ учатъ исключительно арабскому языку, съ исключительною цѣлью читать коранъ и понимать его. Хотя, благодаря дурной методѣ преподаванія, изъ огромнаго числа учащихся, по словамъ генер. Услара, только немногіе пріобрѣтаютъ положительное знаніе арабскаго языка; но не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что значительное количество учащихся настолько усвоиваетъ знаніе арабскихъ письменъ, что можетъ примѣнять послѣднія къ своимъ языкамъ. П. К. Усларъ указываетъ на подобное примѣненіе араб. алфавита къ нѣсколькимъ извѣстнымъ ему литературнымъ трудамъ на туземныхъ языкахъ. Труды эти состоятъ въ переводахъ, или-же въ поясненіяхъ болѣе темныхъ мѣстъ корана; они относятся къ концу прошедшаго вѣка и къ первой половинѣ текущаго столѣтія [35]). ,,Быть можетъ,“ говоритъ П. К., ,,сдѣлано было въ разныхъ мѣстахъ и нѣсколько другихъ попытокъ, оставшихся намъ неизвѣстными.“ Надо полагать, что онѣ дѣлались уже давно. П. К. указываетъ также и на попытки опредѣлить письменность и правила ея, попытки, проявившіяся составленіемъ букварей и грамматикъ. Такъ, напр., уже давно престарѣлый Лачинилау, подъ руководствомъ котораго Шамиль довершилъ изученіе арабскаго языка, составилъ аварскую азбуку; далѣе, лѣтъ за сорокъ тому назадъ, Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ составилъ для кабардинскаго языка азбуку и грамматику; наконецъ, около пятидесятыхъ годовъ, Омаръ Берсеевъ, преподававшій черкесскій языкъ въ ставропольской гимназіи, написалъ азбуку для адыгскихъ нарѣчій,—въ это-же почти время Хандіевъ, бывшій преподаватель аварскаго языка въ новочеркасскомъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, составилъ грамматику гидатлинскаго нарѣчія. Въ основаніе всѣхъ этихъ букварей и грамматикъ принята была азбука арабская. При составленіи упомянутыхъ горско-арабскихъ азбукъ, ,,сокращеній въ арабскомъ алфавитѣ,“ какъ говоритъ П. К. Усларъ, ,,сдѣлать было невозможно, такъ-какъ не только множество арабскихъ словъ, но даже множество арабскихъ фразъ пріобрѣли уже полное право гражданства во всѣхъ горскихъ языкахъ.... Такимъ обра-

[35]) О распространеніи грамотности между горцами, стр. 18 и слѣд.

зомъ, арабскій алфавитъ вошелъ цѣликомъ въ азбуки, составленныя для горскихъ языковъ. Для означенія звуковъ, чуждыхъ арабскому языку, придумали очертанія, близко подходящія, впрочемъ, къ арабскимъ; кромѣ того, ставили точки при тѣхъ буквахъ, которыя вовсе ихъ не имѣютъ, или надбавляли число ихъ для тѣхъ, которыя уже снабжены ими“ [36]). Прибавимъ къ этому, что, какъ видно изъ тѣхъ отрывковъ горскихъ азбукъ, которые дошли до насъ, не малую также роль, при образованіи новыхъ буквъ, играетъ ташдидъ. Всматриваясь повнимательнѣе въ новыя арабскія буквы, придуманныя для выраженія звуковъ, свойственныхъ кавказскимъ горскимъ языкамъ, нельзя не признать логичности и необыкновенной простоты въ образованіи этихъ буквъ. Но при этомъ бросается въ глаза и бѣдность арабскаго алфавита, заставившая составителей горскихъ азбукъ прибѣгнуть къ значительному количеству ташдидовъ и въ особенности точекъ, которыми осыпаны, по выраженію П. К. Услара, нѣкоторыя горско-арабскія азбуки. Но главная бѣда заключается, по нашему мнѣнію, не въ точкахъ, съ которыми можно еще справиться пріобрѣвшему навыкъ въ арабской грамотѣ, а въ системѣ обозначенія гласныхъ знаковъ, представляющей, какъ мы это выше уже сказали, самую слабую сторону арабскихъ письменъ.

Перейдемъ теперь къ главной части нашего труда, а именно—къ *разсмотрѣнію новыхъ горскихъ азбукъ*, въ основу которыхъ легъ видоизмѣненный русскій алфавитъ. Честь составленія первой такой азбуки принадлежитъ академику Шёгрену. Видоизмѣненная отчасти Шёгрено-осетинская азбука, въ свою очередь, послужила основаніемъ для азбукъ различныхъ кавказскихъ горскихъ языковъ, изслѣдованныхъ генераломъ Усларомъ. По системѣ-же азбукъ послѣдняго составлены были букварн: абхазскій, сванетскій и чеченскій, изданные Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ.

---

[36]) Тамъ-же, стр. 21.

Шегрено-Усларовская система алфавитовъ.

Съ конца XVIII в. и начала текущаго столѣтія, со времени начала утвержденія русскаго господства за Кавказомъ, начинается новый періодъ въ исторической жизни кавказскихъ народовъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Изъ кавказскихъ горскихъ народовъ, обратившихъ на себя вниманіе русскаго правительства, на первыхъ-же порахъ утвержденія русскихъ за Кавказомъ, принадлежалъ народъ, не замѣчательный своею численностію, но занимающій мѣстность, по которой пролегалъ единственный тогда путь сообщенія Россіи съ ея новыми пріобрѣтеніями за Кавказомъ. Православное духовенство не могло тоже не обратить вниманія на осетинъ, на этотъ тогда полу-языческій, полу-христіанскій народъ, въ землѣ котораго, нерѣдко въ недоступныхъ почти мѣстностяхъ, сохранились развалины христіанскихъ церквей. Слѣды христіанства сохранились не только въ развалинахъ церквей, почитавшихся священными мѣстами въ глазахъ народа, но и въ народныхъ повѣріяхъ и обрядахъ, совершавшихся при торжественныхъ случаяхъ въ жизни. Само собою разумѣется, что южные осетины, не прервавшіе своихъ сношеній съ грузинами, сохранили у себя и больше слѣдовъ христіанства. Коль скоро православное духовенство вознамѣрилось возстановить Православіе между осетинами, то на первыхъ-же порахъ нужно было подумать и о переводѣ на осетинскій языкъ самыхъ необходимыхъ христіанскихъ правилъ, молитвъ и богослужебныхъ книгъ. Но оказалось, что у полудикихъ почти тогда осетинскихъ обществъ, жившихъ въ весьма гористой мѣстности, обществъ, которыя заключенные договоры отмѣчали на биркѣ и у которыхъ мѣсто лѣтописей занимали звѣриные рога и головы, привѣшиваемые къ домамъ и церквамъ, письменъ не было. Исключеніе представляли южно-осетинскія общества, которымъ не чужда была грузинская грамотность. Какія-же письмена нужно было примѣнить къ книгамъ, которыя православное духовенство вознамѣрилось издать на осетинскомъ языкѣ? Вопросъ этотъ былъ рѣшаемъ различно [37]). Въ 1798 г. издано было въ Москвѣ архимандритомъ Гайемъ на славянскомъ языкѣ „Начальное ученіе че-

---

[37]) Предисловіе къ осетинской грамматикѣ, составл. акад. Шёгреномъ, стр. IX, XVI.

ловѣкомъ, хотящымъ учитися книгъ божественнаго писанія", съ приложеннымъ переводомъ на осетинскій языкъ, къ которому были примѣнены славянскія буквы. Но славянскій алфавитъ не могъ выразить многихъ звуковъ, свойственныхъ осетинскому языку и чуждыхъ славянскому. Впослѣдствіи осетинъ Ялгузидзе издалъ осетинскій букварь и переводы молитвъ, катихизиса, литургіи и т. п., съ приложеніемъ грузинскаго текста. Для своихъ трудовъ на осетинскомъ языкѣ Ялгузидзе принялъ грузинскій алфавитъ (именно хуцури), который могъ выразить звуки, свойственные осетинскому языку. Три только новыя буквы Ялгузидзе ввелъ въ свою новую азбуку.

Между тѣмъ осетины обратили на себя вниманіе и ученыхъ. Въ 1808 году извѣстный ученый Клапротъ предпринялъ, по порученію Имп. Академіи Наукъ, путешествіе на Кавказъ и въ Грузію. Изданное потомъ сочиненіе Клапрота «Kaukasische Sprachen» крайне заинтересовало ученый міръ. Ученые особенно были поражены тѣмъ, что на дальнемъ Кавказѣ очутился народецъ, языкъ котораго принадлежалъ безспорно къ семейству индо-европейскихъ (арійскихъ) или, какъ тогда называли, индо-германскихъ языковъ. Изученіемъ языка осетинъ особенно сильно заинтересовался Шёгренъ, членъ Имп. Акад. Наукъ, рѣшившійся изучить на мѣстѣ этотъ языкъ. Съ этою цѣлью онъ въ 1835 г. предпринялъ путешествіе на Кавказъ, и почти два года посвятилъ основательному изученію двухъ нарѣчій осетинскаго языка: тагаурскаго (употребляющагося въ сѣв. Осетіи, около Владикавказа) и дигорскаго (на которомъ говорятъ въ запад. Осетіи). Не малое содѣйствіе Шёгрену, во время его ученыхъ занятій на Кавказѣ, оказало какъ правительство, такъ и мѣстное православное духовенство. По возвращеніи въ Петербургъ, Шёгренъ долго приводилъ въ порядокъ собранные имъ на мѣстѣ матеріалы, и только въ 1844 г. явилась его осетинская грамматика, на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Шёгреномъ открывается рядъ серьезныхъ кавказскихъ лингвистовъ. Рѣшившись на мѣстѣ изучать осетинскій языкъ, онъ предварительно ознакомился въ Тифлисѣ съ трудами Ялгузидзе и съ звуковою системою грузинскаго языка, представляющаго въ фонетическомъ отношеніи много общаго съ осетинскимъ языкомъ. Труды Ялгузидзе послужили для Шёгрена весьма важнымъ пособіемъ при изученіи имъ двухъ вышеупомянутыхъ нарѣчій осетинскаго языка, равнымъ образомъ какъ и при составленіи имъ-же осетинской азбуки, и Шёгренъ, въ предисловіи

къ своей грамматикѣ, постоянно называетъ Ялгузидзе почтеннымъ, умнымъ. Вникнувъ въ звуковую систему осетинскаго языка, Шёгренъ долженъ былъ придумать и алфавитъ для него. Имѣя въ виду будущую судьбу осетинъ, *Шёгренъ рѣшился принять въ основаніе осетинской азбуки русскій алфавитъ*, „не смотря на то, что грузинскій, кромѣ общаго внутренняго достоинства, несравненно способнѣе къ выраженію звуковъ осетинскому языку свойственныхъ“ [38]). Принявъ въ основаніе осетинской азбуки русскій алфавитъ, Шёгренъ долженъ былъ, при примѣненіи къ осетинскому языку этого алфавита, сдѣлать въ послѣднемъ нѣкоторыя видоизмѣненія. Подобное дѣло не было совершенною новизною: такъ, напр., въ грамматикѣ зырянскаго языка, составленной Козловымъ еще въ 1813 г., и въ переводѣ на зырянскій языкъ Св. Евангелія отъ Матѳеи, напечатанномъ въ 1823 г., введена была, хотя и не во всѣхъ случаяхъ, буква j [39]). Но подобныя попытки, дѣлаемыя довольно поверхностно и притомъ не-филологами, произвели только путаницу въ алфавитахъ. Шёгренъ принялся за свое дѣло весьма обдуманно: онъ подвергнулъ предварительно тщательному разбору русскій алфавитъ. Остановимся немного на этой части труда Шёгрена, такъ-какъ *Шёгреновская азбука послужила краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ впослѣдствіи составленныхъ горскихъ алфавитовъ*. Кромѣ того, мы полагаемъ, что замѣчанія Шёгрена о русскомъ алфавитѣ не лишены интереса вообще для всей читающей русской публики: вспомнимъ только, какъ недавно еще многіе писатели вели ожесточенную, но безполезную покамѣстъ, борьбу съ ъ и ѣ,— можетъ быть, для нихъ сколько-нибудь пригодится взглядъ Шёгрена на русскій алфавитъ. Приступимъ къ дѣлу. Разбирая русскій алфавитъ, Шёгренъ отдаетъ полную справедливость системѣ согласныхъ буквъ этого алфавита. „Обиліемъ согласныхъ,“ говоритъ Шёгренъ, „русскій алфавитъ превосходитъ всѣ афавиты главныхъ европейскихъ языковъ, потому что имѣетъ для всѣхъ русскому языку свойственныхъ звуковъ простые, точные, и во всѣхъ случаяхъ постоянные знаки, тогда какъ другіе европейцы выражаютъ одинъ и тотъ-же звукъ многими и не всегда одинаковыми буквами“ [40]). На этомъ основаніи Шегренъ далъ мѣсто въ

---

[38]) Осетинская грамматика, стр. XVI.
[39]) Осетин. грам. Шёгрена, стр. XXVII—XXIX.
[40]) Тамъ-же, стр. XXI.

своемъ осетинскомъ алфавитѣ слѣдующимъ русскимъ согласнымъ буквамъ: *б*, *в*, *г*, *д*, *з*, *ж*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *ш*, *т*, *ф*, *х*, *ц* и *ч*. Эти буквы выражаютъ въ осетинскомъ и въ прочихъ горскихъ азбукахъ тѣ-же звуки, что и въ русскомъ. Изъ согласныхъ буквъ русскаго алфавита не нашли мѣста въ осетинскомъ и вообще горскихъ алфавитахъ только: *ѳ* (чуждая русскому языку и отождествившаяся съ *ф*) и *щ* (какъ несвойственная осетинскому языку). При этомъ замѣтимъ, что въ горскихъ алфавитахъ рѣдко попадается буква *ф*, такъ какъ звукъ, выражаемый этою буквою, чуждъ многимъ горскимъ языкамъ. Далѣе, Шёгренъ, исходя изъ того положенія, что каждый звукъ долженъ имѣть извѣстный, опредѣленный и постоянный знакъ, и отзываясь по этому съ похвалою о системѣ согласныхъ буквъ русскаго алфавита, считаетъ его въ отношеніи двугласныхъ, гласныхъ и полугласныхъ ниже другихъ европейскихъ алфавитовъ [41]). Сначала гоненію Шёгрена подверглись двугласныя буквы: *я*, *ѣ* и *ю*, которыя, какъ состоящія изъ двухъ звуковъ, должны-бы, по подобію европейскихъ алфавитовъ, писаться двумя буквами, „потому что *буква* должна быть *простой знакъ простаго*, и паче гласнаго, звука.“ Шёгренъ находитъ и тотъ недостатокъ въ двугласныхъ, что онѣ не всегда употребляются въ одинаковомъ значеніи. „Именно первая изъ нихъ,“ говоритъ составитель осетинской азбуки, „есть настоящій дифтонгъ только въ началѣ словъ и и слоговъ, а въ другихъ случаяхъ она уже не та двугласная, за которую, по собственному названію, себя выдаетъ, но гласная. . . Вторая двугласная *ѣ* претерпѣваетъ сильное притѣсненіе отъ буквы *е*, которая, кромѣ настоящей своей должности гласной буквы, присвоила себѣ играть и ролю двугласной *ѣ*, и донынѣ се играетъ, такъ-что большая часть русскихъ писарей, не ученыхъ, но снабженныхъ здравымъ разсудкомъ, безпрестанно смѣшиваетъ эти буквы между собою, и даже образованнымъ сто́итъ не малаго труда изучить многочисленныя правила грамматики, гдѣ должно писать *е* и гдѣ *ѣ*. Вмѣсто того чтобы прекратить вкравшееся злоупотребленіе буквы *е* въ качествѣ дифтонга, она была утверждена въ двойной должности, а для исправленія настоящей прежней назначили ей товарища въ нововведенной буквѣ *э*, и такимъ образомъ ввели *двѣ буквы* для *одного и того-же звука*“ [42]). Не желая затруднять изученіе

[41]) Тамъ-же, стр. XXII.
[42]) Тамъ-же, стр. XXIII.

осетин. грамматики, Шёгренъ исключаетъ изъ своего алфавита поименованныя двугласныя и *утверждаетъ* букву *е въ настоящей ея должности*, т. е. въ коренной ея силѣ, какъ чистую гласную, соотвѣтствующую той-же буквѣ европейскихъ алфавитовъ, вслѣдствіе чего *упраздняется*, по выраженію Шёгрена, и буква *э*, какъ совершенно лишняя. Для выраженія-же двугласныхъ: *я*, *ъ*, *ю*, вводитъ онъ заимствованную изъ латинскаго алфавита j, вслѣдствіе чего упразднена *й*. Далѣе составитель осетинской азбуки вооружается противъ двухъ гласныхъ буквъ: *и*, *і*, выражающихъ тотъ-же звукъ, изгоняетъ первую изъ своего алфавита и принимаетъ, для удобства въ письмѣ, вторую. Упразднена и *ѣ*, какъ чуждая, по мнѣнію Шёгрена, осетинскому языку. Въ особенности гоненію почтеннаго филолога подвергся ъ.„ Напослѣдокъ замѣтимъ,“ говоритъ онъ „ что причисленный къ полугласнымъ буквамъ ъ, который самъ собою никакого свойственнаго буквамъ звука не выражаетъ, составляетъ лишь странную рѣдкость, которая только до-тѣхъ-поръ, а не долѣе, останется необходимой, пока будутъ существовать такъ называемыя двугласныя буквы, которымъ она служитъ подпорою, для различенія разныхъ отмѣнъ въ ихъ значеніяхъ (напр. обязать и объявить, обѣдать и объѣдать). На концѣ-же словъ послѣ согласныхъ буквъ безпрестанное повтореніе знака ъ и нынѣ уже, кажется, совершенно излишне. Ибо что-же этотъ знакъ тутъ означаетъ? То, говорятъ, что конечная согласная выговаривается твердо, а не мягко, какъ буква ъ. Но когда на концѣ такой мягкій звукъ слышенъ, тогда и прибавляется буква ъ, слѣдственно въ противномъ случаѣ уже и безъ ъ само-собою разумѣется, что тамъ нѣтъ никакого прибавочнаго звука, а *звукъ согласной буквы* въ словѣ уже самый *послѣдній*. Потому и *та согласная буква*, по-настоящему, должна быть *самая послѣдняя*“ [43]). Шёгренъ отказываетъ ъ даже въ названіи буквы, выражаясь такъ о немъ: буква *не-буква* ъ. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ двугласныя, гласныя и полугласныя русскаго алфавита и слѣдуя наставленію Апостола Павла, въ 1-мъ посланіи къ Солунянамъ, V, 21: *вся-же искушающе, добрая держите*, составитель осетинскаго алфавита упразднилъ девять буквъ, а именно: *ъ*, *ю*, *я*, *э*, *и*, *й*, *ѣ*, *ъ* и ъ. Изъ гласныхъ буквъ русскаго алфавита остались въ осетинской азбукѣ только: *а*, *і*, *о*, *у* и *е* (*въ настоящей его долж-*

[43]) Тамъ-же, стр. XXIV, XXV.

ности). Эти только гласныя буквы русскаго алфавита вошли во всѣ горскія азбуки. Итого русскихъ буквъ, вошедшихъ почти во всѣ горскія азбуки—24. Кромѣ того, вслѣдствіе упраздненія поименованныхъ выше двугласныхъ и *й*, понадобилось ввести въ осетинскую азбуку j (она вошла и въ прочія горскія азбуки). Но это еще не все. Составитель осетинскаго алфавита, въ предисловіи къ своей грамматикѣ, весьма глухо выражается объ упраздненной имъ полугласной ъ; между тѣмъ звуковыя свойства осетинскаго языка требовали этой буквы, или другаго письменнаго знака, который-бы могъ ее замѣнить. Сначала Шёгренъ писалъ вмѣсто ъ—*j*, напр., вм. *гъ* ставилъ *гj*; но нашелъ это впослѣдствіи неудобнымъ и сталъ, по примѣру Ялгузидзе [44]), ставить употребляемый послѣднимъ знакъ, только въ обратномъ видѣ (ʽ), надъ слѣд. согласными: *г*, *д*, *к*, *н*, *т*. Этимъ смягченнымъ согласнымъ даетъ названіе буквъ. Но мы вправѣ спросить, составляютъ-ли эти смягченныя согласныя особенныя буквы?

Приступимъ теперь ко второй части труда Шёгрена по составленію осетинской азбуки. Такъ-какъ въ осетинскомъ языкѣ находятся звуки, не свойственные русскому языку, то для выраженія ихъ Шёгрену пришлось прибѣгнуть къ другимъ алфавитамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самому придумать новыя буквы. Мы уже говорили о j, заимствованной Шёгреномъ изъ латинск. алфавита. Изъ этого-же алфавита взята имъ буква *q* для выраженія глубокаго гортаннаго звука, чуждаго европ. языкамъ и изображаемаго въ араб. письменахъ буквою ق, а въ грузинскихъ—ყ. Для выраженія придыхательнаго звука, соотвѣтствующаго латин. h и грузин. ჰ, Шёгренъ заимствовалъ изъ готической азбуки букву ⁊. При помощи послѣдней онъ придумалъ очертаніе для придыхательныхъ звуковъ, обозначаемыхъ въ грузинскомъ алфавитѣ слѣдующими буквами: ღ (*г* съ придыханіемъ), ძ (*к* съ придыханіемъ), ფ (*п* съ придых.), თ (*т* съ придых.); для выраженія этихъ звуковъ Шёгренъ соединяетъ буквы: *г*, *к*, *т*, *п* съ буквою ⁊ въ сокращенномъ видѣ. Напр., *п* съ придыханіемъ онъ изображаетъ—пⁿ (котор. образовалась изъ *п* и сокращеннаго ⁊). Такъ точно произошли у него: ⁊. ⁊ и ⁊ [45]). Эти сложныя буквы, болѣе приспособленныя, по своему начертанію, къ скорописному письму, вошли и въ Усларовскую азбуку. Но за-

[44]) Тамъ-же, стр. 8, 10, 11, 19.

[45]) Тамъ-же, § 8.

мѣтимъ при этомъ, что у ген. Услара знакъ ⸗ имѣетъ (какъ мы дальше увидимъ) другое значеніе, и что у него звукъ, изображенный Шёгреномъ посредствомъ ⸗, выражается латин. h, вслѣдствіе чего тѣмъ, которые не ознакомлены съ Шёгреновскою азбукою, трудно догадаться, какъ образовались у ген. Услара вышеозначенныя сложныя буквы. Шёгр. придумалъ сложныя буквы и для выраженія самостоятельныхъ шипящихъ звуковъ, изображенныхъ въ груз. алфавитѣ слѣд. буквами: ჯ (приблиз. *дз*), ჯ (приблиз. *дж*), ⸗ (подход., но не вполнѣ, къ сочетанію *т* и *и*), ⸗ (подход. такимъ-же образомъ къ сочетанію *т* и *ч*). Эти буквы составитель алфавита такъ изображаетъ: **Дз**, **Дж**, **Ц**, **Ч**. Шёгренъ о буквахъ, имъ придуманныхъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Смотря на органическое или аналогическое ихъ сходство между собою, онѣ такъ устроены, что и въ отношеніи значенія удобоузнаваемы уже по самой наружной формѣ, и вмѣстѣ своею соразмѣрностію для вида не противны“ [46]). Какъ видно изъ этого, составителемъ азбуки руководило и эстетическое чувство. Здѣсь замѣтимъ, что г. Усларъ, въ отношеніи начертанія четырехъ послѣднихъ сложныхъ буквъ, разошелся съ Шёгреномъ, и что онъ эти шёгреновскія буквы замѣнилъ, какъ мы дальше увидимъ, или грузинскими буквами, или-же буквами, весьма близко подходящими къ послѣднимъ по своему начертанію. Упомянемъ еще объ одной согласной буквѣ Шёгреновскаго алфавита, а именно о носовомъ *н* со знакомъ, заимствованнымъ изъ польскаго букваря, въ которомъ онъ является для выраженія носовыхъ звуковъ, но только въ соединеніи съ буквами *а* и *е*. Шёгренъ, стремясь къ обозначенію въ своемъ алфавитѣ различныхъ оттѣнковъ произношенія, ввелъ нѣсколько гласныхъ буквъ [47]), не встрѣчаемыхъ въ букваряхъ ген. Услара. Такъ, напр., въ его азбукѣ находимъ: нѣмецкое *ö* для выраженія *о*, произносимаго открыто, греческое ω для обозначенія звука глубокаго и средняго между *о* и *у*, франц. *é* (шёгреновское *е* произносится открыто) для выраженія глубокаго закрытаго звука, *œ*, имѣющее самое открытое произношеніе (въ родѣ финской *ä*). Наконецъ находимъ знакъ ⸗ для выраженія бѣглаго, темнаго звука, который Шёгрену сначала казался то бѣглымъ

[46]) Тамъ-же, стр. XX.
[47]) Тамъ-же, § 8.

e, то *i*, то русскимъ *ы*, а потомъ показался звукомъ среднимъ между *y* и *u*, болѣе всего подходящимъ къ нѣм. *ü* и къ греческому *υ*. Въ заключеніе Шёгренъ объ этой буквѣ говоритъ: „можетъ статься, что осетинская еще развивающаяся *y* со временемъ, при упованіи сближеніи обоихъ народовъ, перейдетъ въ настоящую (чистую) русскую гласную *ы*“ [48]).

Ген. Усларъ, по поводу Шёгреновской азбуки говоритъ слѣдующее: „Обозначеніе всѣхъ тонкостей произношенія, конечно, важно для филолога, но для народнаго употребленія подобныя азбуки становятся невозможными. Въ англійскомъ языкѣ гласныя: *a*, *e*, *i*, *o*, *u* представляютъ 15 весьма ощутительно различныхъ звуковъ; слѣдуетъ-ли ввести для нихъ 15 различныхъ знаковъ“ [49])? На этомъ основаніи ген. Усларъ упростилъ значительнымъ образомъ систему обозначенія гласныхъ звуковъ въ своихъ горскихъ азбукахъ, и былъ совершенно правъ, если гласныя въ изслѣдованныхъ имъ языкахъ восточнаго Кавказа не играютъ важной роли. Но можно-ли это мнѣніе многоуважаемаго лингвиста возводить въ принципъ и примѣнить его систему обозначенія гласныхъ ко всѣмъ языкамъ, къ тѣмъ, напр., въ которыхъ оттѣнки въ произношеніи гласныхъ играютъ весьма важную роль? Англійское правописаніе не можетъ въ этомъ случаѣ служить закономъ для другихъ алфавитовъ,—въ подтвержденіе нашего мнѣнія сошлемся на орѳографію французскую и нѣмецкую. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Шёгренъ ввелъ слишкомъ много письменныхъ знаковъ въ свою осетинскую азбуку (для дигорскаго нарѣчія, болѣе обильнаго звуками, онъ принялъ 43 буквы). Намъ кажется, что положительно можно было-бы выбросить нѣсколько буквъ. Возьмемъ, напр., букву ö, о которой Шёгренъ говоритъ: „Впрочемъ, у осетиновъ чистая ö крайне рѣдка, и до-сихъ-поръ замѣчена мною лишь только въ частицѣ *бол* — на“ [50]). Слѣдовало-ли для частицы *бол* вводить особенный письменный знакъ? Въ позднѣйшихъ осетинскихъ изданіяхъ [51]) шёгреновское ω замѣнено ӱ. Въ этихъ-же изданіяхъ нѣкоторые сложные письменные знаки, введенные Шёгреномъ въ свою азбуку (вопреки его правилу), для выраженія простыхъ звуковъ, замѣ-

---

[48]) Осет. грамм., стр. 30.

[49]) Записка „О составленіи азбукъ кавказскихъ языковъ,“ стр. 41 и 42.

[50]) Осет. грамм., стр. 22.

[51]) Осетинскіе тексты, собранные Чопкадзе и Цораевымъ, изданные акад. Шифнеромъ. См. Приложеніе къ XIV т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ.

нены были простыми знаками (æ финскою ä). Можетъ быть, время еще болѣе упроститъ эту азбуку [52]), которая вошла въ жизнь. Этому не мало содѣйствовало стремленіе здѣшняго православнаго духовенства упрочить въ сердцахъ осетинъ религіозныя истины, для чего понадобилось какъ изданіе богослужебныхъ книгъ на народномъ языкѣ, такъ и введеніе преподаванія осетинскаго языка въ тифлисской семинаріи.

Съ счастливой руки Шёгрена дѣло изученія кавказскихъ языковъ пошло успѣшнѣе: годъ изданія осетинской грамматики совпадаетъ почти со временемъ изданія лазской грамматики Розена и статьи послѣдняго о мингрельскомъ, сванетскомъ и абхазскомъ языкахъ. Одновременно Люлье издалъ свой словарь русско-черкесскій, съ краткою грамматикою этого языка. Но новый періодъ кавказскаго языкознанія начинается съ конца пятидесятыхъ годовъ,—онъ совпадаетъ почти съ началомъ умиротворенія Кавказа. На поприще кавказской лингвистики выступаютъ два замѣчательныхъ дѣятеля: академикъ Шифнеръ и генералъ Усларъ. Первый изъ нихъ свои кавказскія лингвистическія изслѣдованія началъ съ тушскаго языка или, правильнѣе сказать, языка Цовскаго общества. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, г. Шифнеръ издалъ грамматическіе очерки аварскаго и удинскаго языковъ. Въ настоящей статьѣ не мѣсто говорить о заслугахъ, оказанныхъ кавказской лингвистикѣ многоуважаемымъ академикомъ. Здѣсь замѣтимъ только, что г. Шифнеръ обратилъ большое вниманіе на систему звуковъ изслѣдуемыхъ имъ языковъ. Совершенно основательно полагаясь въ этомъ случаѣ на слухъ самихъ-же кавказскихъ горцевъ, единственно компетентныхъ судей въ опредѣленіи звуковъ своихъ языковъ, акад. Шифнеръ, при изученіи кавказ. языковъ, обыкновенно обращался къ кавказскимъ горцамъ, воспитывавшимся, или состоявшимъ на службѣ въ столицѣ. При этомъ приходилось ему

---

[52]) Въ осетинскомъ букварѣ, составленномъ Архимандритомъ Іосифомъ, изъ гласныхъ буквъ Шёгреновскаго алфавита находимъ только: **а, æ, е, і, о, ѵ,** два **у**: **ӯ** долгое (открытое) и **ў** короткое (глухое).

бороться съ немалыми препятствіями: нерѣдко г. Шифнеръ, по случаю отъѣзда изъ столицы горца, при помощи котораго изучалъ его языкъ, долженъ былъ прерывать свои кавказск. лингвистическія изслѣдованія и ждать терпѣливо прибытія новаго горца. При изученіи-же удинскаго языка, нашему лингвисту, къ великому его сожалѣнію, не удалось отыскать ни одного удина. Не мало содѣйствія многоуважаемому академику оказалъ А. П. Берже, который обязательно доставлялъ ему различные лингвистическіе матеріалы, а иногда былъ посредникомъ, относительно опредѣленія звуковыхъ оттѣнковъ языковъ, изучаемыхъ г. Шифнеромъ, между послѣднимъ и природными горцами. Вышеозначенныя препятствія устранились, когда сталъ изучать на мѣстѣ кавказскіе языки П. К. Усларъ. Тогда, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на основаніи кавказскихъ грамматикъ, составленныхъ на русскомъ языкѣ Петромъ Карловичемъ и отлитографированныхъ, къ сожалѣнію, въ весьма скромномъ количествѣ, г. Шифнеръ издалъ грамматическіе очерки языковъ: абхазскаго, чеченскаго и казы-кумухскаго (лакскаго). Кромѣ того, втеченіи послѣдняго десятилѣтія, такъ счастливаго для кавказской лингвистики, П. К. Усларъ отлитографировалъ грамматику хюркилинскаго языка и еще прежде грамматику аварскаго языка, составляющую, по нашему мнѣнію, лучшій трудъ по части вообще кавказскаго языкознанія. Труды П. К. Услара давнымъ давно оцѣнены ученымъ міромъ; за свои изслѣдованія абхазскаго и чеченскаго языковъ удостоился онъ полной Демидовской преміи. Въ лингвистическихъ трудахъ неутомимаго, въ высшей степени добросовѣстнаго кавказскаго лингвиста поражаетъ необыкновенныя точность и осторожность въ изслѣдованіяхъ: Петръ Карловичъ, пролившій такъ много свѣта на грамматическій строй кавказскихъ языковъ, остерегается увлеченій, собираетъ и очищаетъ матеріалы и весьма остороженъ въ дѣланіи общихъ выводовъ. За то каждое его слово является истинно полновѣснымъ, и вы смѣло можете положиться на него. Онъ тоже, по примѣру г. Шифнера, вникнулъ въ звуковые оттѣнки кавказскихъ языковъ; но это ему, какъ изучавшему на мѣстѣ означенные языки, удалось сдѣлать лучше. Замѣтимъ мимоходомъ, что отъ г. Шифнера, при изученіи имъ аварскаго языка, ускользнуло нѣсколько звуковъ, свойственныхъ этому языку. Начало лингвистическихъ изслѣдованій ген. Услара относится къ тому времени, когда въ Тифлисѣ былъ поднятъ вопросъ о распростра-

ненiи грамотности между кавказскими горцами и о составленiи съ этою цѣлью для нихъ азбукъ на ихъ-же языкахъ. Тогда-то (въ 1861 г.) Петръ Карловичъ помѣстилъ въ Запискахъ Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. статью „О составленiи азбукъ кавказскихъ языковъ.“ Въ этой запискѣ отдается предпочтенiе грузинскому алфавиту, въ которомъ «каждый звукъ выражается особеннымъ знакомъ и каждый знакъ постоянно выражаетъ одинъ и тотъ-же звукъ.“ Далѣе, такъ-какъ грузинскiй алфавитъ выражаетъ главнѣйшiе звуки, свойственные кавказскимъ горскимъ языкамъ, то его звуковая система и принята въ основанiе горскихъ азбукъ. „Имѣя-же въ виду пользу общности алфавитовъ,“ генералъ Усларъ къ грузинскимъ буквамъ примѣняетъ по-преимуществу начертанiя русскихъ буквъ, и составленному такимъ образомъ алфавиту даетъ названiе кавказскаго алфавита. Рядомъ съ буквами этой кавказской азбуки, во 2-мъ столбцѣ помѣщены грузинскiя буквы, въ 3-мъ армянскiя, въ 4-мъ арабскiя и въ 5-мъ латинскiя (по системѣ, принятой Розеномъ и Боппомъ). Разсматривая повнимательнѣе *алфавитъ ген. Услара*, находимъ, что въ основанiе начертанiя буквъ принята Шёгреновская азбука. Во 1-хъ, въ этотъ алфавитъ, по примѣру послѣдней, вошли 24 русскiя буквы; во 2-хъ, изгнаны: *ъ*, *ь*, *й*, *ѣ*, *э*, *ѣ*, *ю*, *я*, *ы*; въ 3-хъ, введены тоже буквы: j, *q*, *h* (только не готическое, какъ у Шёгрена, а латинское) и буквы, придуманныя Шёгреномъ для выраженiя *г*, *к*, *п* и *т* съ придыханiемъ. Знакъ, выражающiй придыханiе этихъ буквъ, есть сокращенiе упомянутой готической ȝ. Такимъ образомъ, не считая h, получимъ 30 шёгреновскихъ буквъ. Теперь посмотримъ на видоизмѣненiя, сдѣланныя ген. Усларомъ въ Шёгреновскомъ алфавитѣ. Исходя изъ того убѣжденiя, что обозначенiе всѣхъ тонкостей произношенiя, въ особенности гласныхъ буквъ, не возможно въ азбукахъ, составляемыхъ для народнаго употребленiя, ген. Усларъ оставилъ изъ гласныхъ буквъ Шёгр. азбуки только пять, а именно: *a*, *e*, *i*, *o*, *y*; во 2-хъ, у него нѣтъ смягченныхъ буквъ со значками и сложныхъ (ӕ, ч, ц, ӡ), на томъ основанiи, что «чрезмѣрное употребленiе значковъ, равно какъ совокупленiе двухъ буквъ для выраженiя одного звука,— составляютъ явное несовершенство алфавита» [53]). Вмѣсто означенныхъ сложныхъ буквъ, П. К. Усларъ далъ право гражданства въ своемъ алфавитѣ первоначально двумъ скорописнымъ буквамъ,

[53]) Зап. о составленiи азбукъ кавказскихъ языковъ, стр. 44.

подходящимъ по начертанію къ грузинскимъ и замѣнившимъ шёгреновскія ⰰ и ч, а потомъ еще третьей ⰲ, которую онъ сначала изображалъ иначе. Для четвертой буквы онъ придумалъ начертаніе, подходящее по формѣ къ буквѣ *з*. Исключивъ первую букву, которая рѣдко попадается въ языкахъ восточнаго Кавказа, и послѣднюю, встрѣчаемую еще рѣже, а также *ф*, по-большой-части чуждую горскимъ языкамъ, получимъ 32 буквы, съ которыми встрѣтимся во всѣхъ горскихъ алфавитахъ. Замѣтимъ хорошо эти буквы для того, чтобы легче можно было оріентироваться при разсматриваніи горскихъ азбукъ. Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что Шёгренъ придумалъ начертанія для большихъ, малыхъ и скорописныхъ буквъ; ген. Усларъ, въ видахъ облегченія грамотности для туземцевъ, далъ мѣсто въ своемъ алфавитѣ только скорописнымъ буквамъ и не допустилъ заглавныхъ буквъ. Ген. Усларъ, предлагая примѣнить составленную имъ азбуку къ горскимъ языкамъ, полагалъ совершенно необходимымъ на первыхъ порахъ непосредственное участіе въ дѣлѣ туземцевъ, такъ-какъ отъ слуха русскихъ весьма легко можетъ ускользнуть разница между различными оттѣнками въ произношеніи придыхательныхъ, гортанныхъ и шипящихъ звуковъ. Далѣе, составитель азбуки даетъ практическій совѣтъ, какъ вести дѣло. «Руководствуясь», говоритъ онъ, «однородностію, если даже и не полной тождественностію звуковъ, должно записывать посредствомъ Кавказско-грузинской азбуки (такое названіе даетъ ген. Усларъ своему алфавиту) слова такъ, какъ ихъ произноситъ туземецъ. Когда наконецъ услышится звукъ, который рѣшительно не подходитъ ни къ одному изъ находящихся въ этой азбукѣ, то для него составляется особый знакъ. Стараются узнать какъ можно болѣе словъ, въ которыя входилъ бы тотъ-же самый звукъ; всѣ они записываются при помощи вновь введеннаго знака; записывается и ихъ значеніе по-русски [54])». Этому весьма практическому совѣту, вполнѣ одобренному акад. Шифнеромъ [55]), послѣдовалъ на первыхъ-же порахъ самъ составитель азбуки, при изученіи имъ бзыбскаго нарѣчія абхазскаго языка, самаго труднаго кавказскаго языка въ звуковомъ отношеніи, вслѣдствіе огромнаго количества звуковъ, а еще больше вслѣдствіе страннаго для европейскаго уха стеченія самыхъ разнородныхъ звуковъ. Озна-

---

[54]) Тамъ-же, стр. 49.

[55]) Ausführlicher Bericht über Uslar's Abchasische Studien, S. IV.

ченной методѣ слѣдовалъ ген. Усларъ и при изученіи другихъ кавказскихъ языковъ.

Оставляя покамѣстъ въ сторонѣ абхазскую азбуку П. К. Услара и слѣдуя педагогическому правилу—идти отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, отъ простаго къ болѣе сложному, начнемъ обзоръ алфавитовъ, составленныхъ Петромъ Карловичемъ, съ чеченской азбуки, болѣе легкой въ звуковомъ отношеніи и для которой понадобилось ему придумать только нѣсколько новыхъ письменныхъ знаковъ, такъ-какъ чеченскій языкъ въ звуковомъ отношеніи весьма близко подходитъ къ грузинскому языку, фонетическая система котораго легла въ основаніе кавказскихъ алфавитовъ генерала Услара.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію новыхъ письменныхъ знаковъ, которые нужно было придумать Петру Карловичу для чеченской и другихъ горскихъ азбукъ, считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ способомъ обозначенія звуковъ, свойственныхъ по-большей-части кавказскимъ языкамъ, буквами, заимствованными изъ латинскаго алфавита. Для выраженія указанныхъ звуковъ буквами латинскаго алфавита, который несравненно бѣднѣе русской азбуки согласными буквами, необходимо прибѣгать или къ сочетаніямъ нѣсколькихъ буквъ, или къ точкамъ, а также къ надбуквеннымъ и подбуквеннымъ знакамъ. Розенъ и Боппъ, для обозначенія латинскими буквами звуковъ, свойственныхъ грузинскому языку, прибѣгали и къ сочетаніямъ буквъ, и къ подбуквеннымъ знакамъ. Система Лепсіуса въ этомъ отношеніи проще: она не допускаетъ сочетанія буквъ для выраженія одного простаго звука, но въ ней не достаетъ нѣсколькихъ буквъ. Къ системѣ Лепсіуса приближается болѣе упрощенная азбука Кастрена, введенная послѣднимъ въ его грамм. самоѣдскихъ языковъ и примѣненная, съ нѣкоторыми дополненіями, г. Шифнеромъ въ первый разъ къ Тушскому языку [56]). Разсмотримъ эту азбуку. Въ основаніи ея лежитъ латинскій алфавитъ. Вотъ буквы, выражающія тѣ-же звуки, что и въ латинскомъ языкѣ: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*; *g*; *c*, *s*; *t*, *d*, *n*; *p*, *b*, *f*, *m*; j, *r*, *l*. Далѣе находимъ: *w* (в), *z* (з) и наконецъ—буквы: *k*, *x*, *h* и *q*, буквы, входящія и въ составъ кавказско-русскихъ алфавитовъ и имѣющія такое-же значеніе. Такимъ образомъ получены 24 буквы безъ

---

[56]) Versuch über die Thusch-Sprache, S. 7—8.

всякихъ значковъ. Далѣе, русскія буквы: *ч*, *ш* и *ж* выражаются посредствомъ: *c*, *s* и *z* съ значками на-верху (см. табл., прилож. къ этой статьѣ). Такіе-же значки стоятъ надъ буквами: *g*, *k*, *p* и *t*, когда послѣднія выговариваются съ придыханіемъ. Груз. ჱ обозначается буквою, напоминающею сродную ей по начертанію усларовскую букву. Поставивъ надъ нею значекъ, получимъ букву, соотвѣтствующую грузин. ჳ. ჴ выражается посредствомъ *c* съ точкою внизу. Помѣстивъ надъ послѣднею буквою значекъ сверху, получимъ букву, соотвѣтствующую грузинскому ჶ.

Возвратимся *къ чеченскому алфавиту*, составленному ген. Усларомъ. Что касается до буквъ, выражающихъ звуки, общіе чеченскому и грузинскому языкамъ, то намъ нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Начнемъ съ гласныхъ. Изъ нихъ *a* претерпѣваетъ больше всего измѣненій [57]): въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта буква произносится, какъ чистое *a*, въ другихъ — какъ *я*, иногда-же она произносится весьма глухо, въ родѣ русскаго ъ, французскаго *e muet*. Не смотря на всѣ эти видоизмѣненія, означенная буква пишется всегда одинаково у ген. Услара. Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство, а именно на то, что произношеніе гласныхъ смягчается послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ (явленіе это замѣчается и въ другихъ горскихъ языкахъ). Что-же касается до согласныхъ, то *з*, по мнѣнію г. Шифнера, въ нѣкоторыхъ чеченскихъ словахъ, произносится, какъ грузин. ძ [58]). Буква *ф* вообще чужда чеченскому языку [59]). Относительно произношенія и употребленія нѣкоторыхъ буквъ не вполнѣ сошлись акад. Шифнеръ и ген. Усларъ [60]). Самое большее между ними разногласіе возникло по поводу употребленія буквъ: *к*, *п* и *т* съ придыханіемъ и безъ придыханія: г. Шифнеръ, въ своемъ отчетѣ объ абхазской грамматикѣ г. Услара, послѣдовалъ его правописанію; но потомъ, при изданіи своей грамматики че-

[57]) Литограф. чеченская граммат. ген. Услара. Чеченскій букварь, изданный Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ (въ 1866 г.).

[58]) Tschetschenzische Studien, S. III.

[59]) Ингуши только, нарѣчіе которыхъ образовалось подъ сильнымъ вліяніемъ осетинскаго языка, иногда употребляютъ *ф* вмѣсто *в* (чеченцы, живущіе въ окрестностяхъ Макалдона, называются Феппіj вм. веппіj). См. чеченскую грамм., § 5.

[60]) Буква *л*, по мнѣнію г. Услара, подходитъ болѣе къ французскому, а по мнѣнію г. Шифнера—къ нѣмецкому l.—Акад. Шифнеръ вмѣсто j въ окончаніи двугласныхъ употребляетъ *i*. См. Tschetschenzische Studien, S. III.

ченскаго языка, сличивъ употребленіе названныхъ буквъ въ этомъ языкѣ съ употребленіемъ ихъ въ весьма сродномъ съ чеченскимъ тушскомъ языкѣ, долженъ былъ разойтись съ орѳографіею генерала Услара. Желающихъ поближе познакомиться съ этимъ дѣломъ отсылаемъ къ выноскѣ [61]).

Теперь обратимъ вниманіе на три звука, для которыхъ ген. Услару нужно было, при изученіи имъ чеченскаго языка, придумать очертанія. Звуки эти гортанные. Одинъ изъ нихъ, по словамъ г. Шифнера, подходитъ къ звуку, выраженному посредствомъ *q* [62]), — это глубокое гортанное, придыхаемое *к*. Въ Шифнеровскомъ латино-горскомъ алфавитѣ оно обозначается посредствомъ *x* съ точкою внизу. Въ чеченской грамматикѣ П. К. Услара этотъ звукъ изображенъ въ видѣ *к* съ особеннымъ значкомъ надъ нимъ. Другой гортанный чеченскій звукъ

[61]) Въ тушской грамматикѣ акад. Шифнера, кажется, совершенно вѣрно употреблены вышеозначенныя буквы. Извѣстно, что въ такъ называемый тушскій языкъ, находившійся подъ продолжительнымъ и сильнымъ вліяніемъ грузинскаго языка, вошло много грузинскихъ словъ. Сличивъ орѳографію грузинскихъ словъ, вошедшихъ въ тушскій языкъ, съ правописаніемъ г. Шифнера, находимъ совершенно правильною орѳографію послѣдняго. *Чтобы слишкомъ не пестрить шрифтъ этой выноски, напечатаемъ курсивомъ тѣ буквы, которыя выговариваются съ придыханіемъ.* Итакъ, въ подтвержденіе правильности шифнеровской орѳографіи грузинскихъ словъ, вошедшихъ въ тушскій языкъ, приведемъ, напр., слѣдующія тушскія слова (которыя мы напишемъ по-русски): аіпрел (აპრილი), коіиш (კოშში), газаупхла (გაზაფხული). Въ своей грамматикѣ чеченскаго языка г. Шифнеръ придерживается одинаковаго правописанія въ словахъ чеченскихъ, сродныхъ съ тушскими. Возьмемъ, напр., тушское слово — *ко* (рука), которое по-чеченски у г. Шифнера пишется—*жа* (у г. Услара—ка). Далѣе, извѣстно, что въ горскихъ языкахъ согласныя отличаются необыкновеннымъ постоянствомъ. Въ своей грамм. удинскаго языка г. Шифнеръ пишетъ это слово — *кул*. Въ аварской грамм. г. Услара оно пишется кӀор, въ лакской—ка (также точно оно пишется и у акад. Шифнера, въ его отчетѣ о лакской грамматикѣ ген. Услара). Итакъ, на основаніи всего изложеннаго, казалось-бы, что ген. Усларъ—правильно-ли, или неправильно онъ пишетъ вышеприведенное слово — остался вѣренъ своей орѳографіи; но сравнивъ его правописаніе аварскихъ словъ, производныхъ отъ кӀор: кӀозе (мочь, быть въ состояніи), кӀокӀзе (мять въ рукахъ что-либо), съ его орѳографіею кореннаго слова, мы поневолѣ должны усумниться и въ этомъ. Возьмемъ еще тушское слово — дакі, которое по-чеченски у г. Шифнера пишется дікін, а у г. Услара — дікін (но въ окончаніи сроднаго съ послѣднимъ аварскаго слова, въ грамм. генерала Услара, находится *к*).

[62]) Versuch über die Thusch-Sprache, S. 5.

П. К. обозначаетъ посредствомъ *x* съ вертикальною чертою наверху; у г. Шифнера этотъ звукъ выражается буквою *h* съ точкою внизу. Она произносится мягче, чѣмъ русское *х* [63]) и заключаетъ въ себѣ j (*й*, *ь*); подъ вліяніемъ ея смягчается слѣдующая гласная. Акад. Шифнеръ замѣчаетъ, что послѣ хриплаго, гортаннаго звука, выраженнаго этою буквою, слышно почти бѣглое *е* [64]). Запомнимъ эти свойства означеннаго звука,—о немъ будетъ еще рѣчь. Третій, наконецъ, звукъ, соотвѣтствующій араб. (айну), ген. Усларъ изображаетъ посредствомъ шёгреновской буквы Ꜧ (вмѣсто которой, какъ мы знаемъ, онъ употребляетъ латин. *h*). Подъ вліяніемъ этой буквы слѣдующая гласная произносится гортанно. Далѣе, въ чеченской грамм. ген. Услара встрѣчаемся и съ джезмою, [65]) обозначенною имъ въ видѣ апострофа (’). Съ тремя описанными буквами и джезмой встрѣтимся мы и при разсмотрѣніи алфавитовъ другихъ горскихъ языковъ восточнаго Кавказа.

Звуки, свойственные чеченскому языку, встрѣчаются, за исключеніемъ носоваго *н* [66]), и въ весьма сродномъ съ нимъ *тушскомъ языкѣ*. Но чеченскому языку чуждъ звукъ, подмѣченный г. Шифнеромъ въ тушскомъ языкѣ и изображенный имъ посредствомъ *l* съ чертою внизу, подъ которою ставится *x*. Это, по замѣчанію г. Шифнера, какъ бы *l*, сопровождаемое придыхательнымъ *ch*. Означенный звукъ только приблизительно можетъ быть выраженъ сочетаніемъ *ch* и *l*, причемъ это *ch* не имѣетъ

[63]) Чеч. грамм. ген. Услара.—Звукъ, выраженный этою буквою, кажется (какъ мы это выше замѣтили), сохранился у горцевъ грузинскаго происхожденія. Въ русско-сванетской азбукѣ, изд. въ 1864 г., буква, обозначающая этотъ звукъ, показана соотвѣтствующею груз. ჴ. Послѣдняя въ чечен. грам. Шифнера показана соотвѣтствующею глубокому гортанному и придыхаемому *к* (Tshetschenzische Studien, S. III).

[64]) Versuch über die Thusch-Sprache, § 5.

[65]) Чечен. грам. ген. Услара, § 6. — Джезма не обозначена въ чеченскомъ букварѣ, изд. покойнымъ Бартоломеемъ (въ 1666 г.).

[66]) Эта буква изображается г. Усларомъ такъ, какъ у Шёгрена осетинское *н* носовое. Но этимъ письменнымъ знакомъ въ чеченской азбукѣ выражается звукъ болѣе бѣглый, нежели франц. *n* nasal и скорѣе подходящій къ турецкому ڭ (sagher noun). Въ тушскомъ языкѣ встрѣчаемся и со звукомъ, изображеннымъ груз. буквою ნ; но, какъ видно изъ списка словъ, помѣщеннаго въ тушской грамм. г. Шифнера, звукъ этотъ встрѣчается исключительно въ словахъ, заимствованныхъ изъ грузинскаго языка.

силы нѣмецкаго *ch* [67]). Со звуками, подходящими къ описанному звуку, встрѣтимся мы еще въ аварскомъ языкѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что чеченскій языкъ изобилуетъ двугласными. Послѣдніе сообщаютъ этому языку болѣе мягкости сравнительно съ тушскимъ (цовскимъ) языкомъ, обнаруживающимъ въ меньшей степени наклонность къ образованію дифтонговъ и имѣющимъ болѣе характеръ горскихъ языковъ восточнаго Кавказа, лучшимъ представителемъ которыхъ, безспорно, считается аварскій языкъ.

Аварскій (маарульный, т. е. горный [68]) *языкъ*, прорѣзывая весь Нагорный Дагестанъ по направленію отъ сѣвера къ югу, отъ Чиръ-Юрта до Новыхъ Закаталъ, сдѣлался, благодаря прежнему политическому преобладанію аварскаго племени, господствующимъ языкомъ для международныхъ сношеній въ цѣломъ Нагорномъ Дагестанѣ [69]). Но не только въ этомъ отношеніи замѣчателенъ аварскій языкъ: богатствомъ грамматическихъ формъ и обиліемъ звуковъ языкъ этотъ превосходитъ всѣ языки восточнаго Кавказа, и изученіе его безспорно даетъ ключъ къ легчайшему усвоенію прочихъ восточныхъ горскихъ языковъ. Въ настоящемъ случаѣ *обратимъ вниманіе на звуковую систему аварскаго языка*, необыкновенно богатаго гортанными и шипящими звуками, языка, представляющаго различные звуковые оттѣнки отъ *h*, имѣющаго едва замѣтное придыханіе, до звука, напоминающаго храпѣніе спящаго человѣка, отъ тонкаго *к* до глубокаго гортаннаго звука и звука, въ которомъ сливаются *к* и *х*, отъ едва слышнаго *с* до усиленнаго *ш*, отъ тонкаго *ц* до *ч*: произносимаго съ весьма сильнымъ напряженіемъ. Есть еще нѣсколько оригинальныхъ зубно-язычныхъ звуковъ, произносимыхъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ напряженіемъ; къ подобному звуку, произносимому съ самымъ сильнымъ напряженіемъ, примѣшивается уже рѣзкій гортанный звукъ. Аварское ухо дѣлаетъ даже въ русскихъ словахъ на свой ладъ спеціализацію звуковъ, тождественныхъ въ русскомъ языкѣ; напр., въ словѣ „сѣдло“ имъ слышится обыкновенное *с*, а въ словѣ „сидѣть“ весьма тонкое *с* [70]). Изъ двухъ главныхъ нарѣчій аварскаго языка, хунзакска-

[67]) Versuch über die Thusch-Sprache, § 9.

[68]) Литографъ грамматика аварскаго языка, составл. П. К. Усларомъ, § 3.

[69]) Тамъ-же, §§ 1 и 2.

[70]) Аварская грамматика генерала Услара, § 8. Абхазцы тоже

го и анцукскаго, ген. Усларъ выбралъ для изученія первое, болѣе богатое какъ въ звуковомъ [71]), такъ и грамматическомъ отношеніи. Благодаря содѣйствію даровитаго аварца Айдемира Чиркеевскаго, Петръ Карловичъ вникнулъ въ звуковые оттѣнки аварскаго языка и старался представить въ своей грамматикѣ этого языка самое обстоятельное—насколько это возможно—описаніе звуковъ послѣдняго. Въ этомъ отношеніи аварская грамматика г. Услара имѣетъ преимущество предъ трудомъ г. Шифнера [72]), отъ котораго ускользнуло нѣсколько звуковъ, свойственныхъ аварскому языку. Составитель грамматики придумалъ также и *начертанія для звуковъ аварскаго языка*. Разсмотримъ эти буквы (см. табл., прилож. къ нашей статьѣ). Въ аварск. языкѣ очень много буквъ гортанныхъ и придыхаемыхъ, а также шипящихъ. Начнемъ съ первыхъ. Распредѣлимъ ихъ по категоріямъ. Итакъ, въ аварской азбукѣ ген. Услара встрѣчаемъ: два *г*, шесть *к*, три *h*, два *х* и *ӡ*. Послѣдняя буква, равнымъ образомъ какъ два *г* и первые четыре *к*, намъ уже извѣстны изъ чеченской азбуки. О пятомъ *к*, выраженномъ, вопреки правилу П. К., двумя буквами (*кх*) сказано, что это не составной звукъ. Шестое *к* изображено посредствомъ *х* съ ташдидомъ. Объ этомъ *к* сказано [73]): „*х* (съ ташдидомъ) есть гортанный звукъ, который,—если прибѣгнуть къ сочетаніямъ буквъ,—всего ближе выразится чрезъ *к* (второе) и *х*, или, быть-можетъ, чрезъ *к* (второе) и *h* (второе)“. Итакъ, въ аварской азбукѣ ген. Услара мы встрѣчаемся въ первый разъ съ ташдидомъ. Этотъ знакъ, заимствованный изъ арабскихъ письменъ и выражающій собою усиленіе произношенія или удвоеніе той буквы, надъ которою ставится, весьма кстати введенъ г. Усларомъ въ его горскихъ азбукахъ: для горцевъ, издавна употребляющихъ арабскія письмена, онъ болѣе близокъ, чѣмъ грузин-

дѣлаютъ подобную спеціализацію звуковъ въ словахъ: когда, пушка, тревога (произнося начальныя буквы въ этихъ словахъ съ придыханіемъ) и въ словахъ: колесо, публика, трудъ (выговаривая ихъ безъ придыханія). См. Über Uslar's abchasische Studien, S. V.

[71]) Въ хунзакскомъ нарѣчіи, изслѣдованномъ П. К. Усларомъ, насчитывается 47 самостоятельныхъ звуковъ (не считая *ш*, произносимаго съ усиленіемъ).

[72]) Versuch über das Awarische, 1862.

[73]) Собственно-аварскіе звуки описаны въ § 8 аварской грамматики.

скія буквы: წ и ჯ, латинскія—*k*, j, *q*, готическое 𝔥. Къ сожалѣнію, составитель горскихъ азбукъ весьма рѣдко прибѣгаетъ къ этому знаку: такъ, напр., въ аварской азбукѣ ташдидъ стоитъ только надъ тремя буквами, въ хюркилинской—надъ двумя, а въ букварѣ казыкумухскаго (лакскаго) языка, въ высшей степени склоннаго, какъ говоритъ П. К., къ удвоенію согласныхъ, означенный знакъ помѣщенъ только надъ одною буквою. Притомъ, большая часть ташдидовъ употреблена вовсе не въ своемъ значеніи. Это обстоятельство должно немного затруднять обученіе горцевъ азбукамъ, составленнымъ ген. Усларомъ. Далѣе, шестое *к* изображено посредствомъ *х*,—гораздо естественнѣе было-бы сохранить за буквами, принадлежащими къ извѣстной категоріи, ихъ основное начертаніе. О трехъ *h* П. К. говоритъ слѣдующее: «Первое изъ нихъ имѣетъ весьма слабое придыханіе и идетъ прямо изъ груди, не производя ни малѣйшаго сотрясенія въ горлѣ. Находясь въ концѣ словъ... оно едва слышно». Второе *h* «производится также груднымъ выдыханіемъ, но *звукъ его едва можно отличить отъ звука простаго русскаго х...*» Этотъ звукъ «нѣсколько тверже русскаго *х* и слабѣе аварскаго *х*» (*х* аварское произносится болѣе гортанно, чѣмъ русское *х*). Третье *h*, «выходя изъ груди, приводитъ въ движеніе глотку и есть гортанный звукъ... Анцукцы смѣшиваютъ его съ *х*“. О второмъ аварскомъ *х*, изображенномъ посредствомъ *х* съ вертикальною черточкою наверху, Петръ Карловичъ говоритъ, что оно весьма напоминаетъ звукъ, издаваемый человѣкомъ при храпѣніи. Не мѣшаетъ здѣсь вспомнить о чеченской буквѣ, имѣющей то-же начертаніе. Не беремся судить о томъ, насколько сходны въ звуковомъ отношеніи эти буквы, — здѣсь замѣтимъ только, что весьма желательно было-бы сохранять за тождественными звуками, встрѣчаемыми въ различныхъ горскихъ языкахъ, одинъ и тотъ-же письменный знакъ.—Перейдемъ теперь къ шипящимъ буквамъ, распредѣленнымъ, какъ въ аварск. грамм. П. К. Услара, такъ и въ таблицѣ, приложенной къ нашей статьѣ, по категоріямъ. Изъ двухъ *с* первое есть просто русское *с*, второе—весьма тонкое *с*. Изъ четырехъ *ц*—первое есть чисто-русское *ц*; для произнесенія втораго, кончикъ языка просовывается между зубами и упирается въ верхніе зубы; для произнесенія третьяго (წ), языкъ также просовывается между зубами, но почти не касается верхнихъ зубовъ; четвертое—произносится тон-

ше и, такъ сказать, осторожнѣе, чѣмъ рус. *и*,—это та-же разница, что между первымъ *с* и вторымъ *с*.» Такъ-же обстоятельно описываются четыре *ч*. «Первое *ч* есть чисто-русское *ч*; для произнесенія втораго, языкъ упирается въ нижнія десны нѣсколько болѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, и звукъ походитъ на *тч*; для произнесенія третьяго *ч* (съ ташдидомъ) языкъ упирается еще ниже и звукъ подходитъ къ *чч*; четвертое (изображенное по подобію груз. ჭ) произносится съ особенно сильнымъ напряженіемъ, при чемъ кончикъ языка загибается внизъ почти къ самому корню его». Къ этимъ, такъ обстоятельно описаннымъ, десяти шипящимъ звукамъ прибавимъ еще: *ж*, *з*, *ш* и получимъ однихъ шипящихъ буквъ — 13 (столько-же, сколько и гортанныхъ и придыхаемыхъ)! Кромѣ того *ш*, въ особенности въ началѣ словъ, произносится какъ-бы удвоенное русское *ш* или даже нѣкоторыми, какъ *щ*. — Приступимъ теперь къ оригинальнымъ зубно-язычнымъ звукамъ. Подобный звукъ, какъ мы выше видѣли, встрѣчается въ тушскомъ языкѣ. Въ аварскомъ языкѣ такихъ звуковъ оказывается 4. Вотъ что объ нихъ говоритъ составитель азбуки: «При первомъ ознакомленіи съ ними, какъ-бы слышится въ нихъ присутствіе буквы *л*, и всѣ четыре означенные звука, казалось-бы, могутъ быть выражены сочетаніями *хль*, *тль*, *тлль*, *тqль*. Но это только обманъ слуха. Для произнесенія перваго, челюсти раздвигаются, языкъ отбрасывается въ бокъ на нижніе зубы, воздухъ скользитъ вдоль внутренней щеки; второе произносится съ бо̀льшимъ напряженіемъ, чѣмъ первое; третье съ бо̀льшимъ, чѣмъ второе; при произнесеніи четвертаго примѣшивается рѣзкій гортанный звукъ». Вообще въ рѣчи восточныхъ кавказскихъ горцевъ усердно работаютъ глотка и языкъ, которые особенно дѣятельны у аварцевъ. За то губы меньше работаютъ. «При произношеніи губныхъ согласныхъ», говоритъ Петръ Карловичъ, «аварцы вообще не сжимаютъ крѣпко губъ, почему у нихъ... *п* рѣдко встрѣчается, *п* съ придыханіемъ не встрѣчается въ хунзакскомъ нарѣчіи... *ф*, по-видимому, не встрѣчается ни въ одномъ изъ аварскихъ нарѣчій» [75]). У хунзакцевъ считается никомъ не выговаривать *б* и *м*; они, напр., вмѣсто ḥабізе (дѣлать) говорятъ ḥаізе, вм. ебел (мать) — сел. Гласныя въ аварскомъ языкѣ да-

[74]) Аварск. грамм., § 7.

леко не играютъ важной роли: нѣкоторыя гласныя частію утрачиваютъ чистоту своего звука, находясь послѣ извѣстныхъ согласныхъ [75]); вслѣдствіе-же сильно развитой въ аварскомъ языкѣ конкордаціи гласныхъ, данныя гласныя весьма часто замѣняются другими. Вообще слухъ аварцевъ не чувствителенъ къ нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя претерпѣваютъ гласныя въ ихъ языкѣ. За то слухъ аварцевъ весьма тонко развитъ въ отношеніи гортанныхъ, шипящихъ, зубныхъ и зубно-язычныхъ звуковъ: вставка одной буквы вмѣсто другой, весьма близко къ ней подходящей, кажущейся европейскому уху даже тождественной съ первою, придаетъ совершенно другое значеніе данному слову [76]). Въ виду этого обстоятельства пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія капитальный трудъ многоуважаемаго кавказскаго лингвиста. Только въ высшей степени основательный анализъ звуковъ аварскаго языка и далъ возможность составить азбуку, въ которой каждый аварскій звукъ нашелъ изображеніе.

Отъ г. Шифнера, какъ мы выше сказали, ускользнуло нѣсколько звуковъ, свойственныхъ аварскому языку: такъ, напр.,

[75]) Тамъ-же, § 6.

[76]) Возьмемъ, напр., слово еціze (хвалить). Поставимъ вм. этого ц второе, получимъ слово, означающее—просачиваться; вставимъ ҁ, получимъ слово со значеніемъ: заплатить; на мѣсто ҁ поставимъ другую ҁ, и выйдетъ глаголъ, означающій—косить. Въ словѣ буhize „мерзнуть“ поставимъ второе, третье *h* и *х*, и получимъ слова со значеніями: завязать, жечь, бить. По поводу буhize (мерзнуть) и этого-же глагола съ третьимъ *h* и означающаго—жечь, горѣть, П. К. разсказываетъ (въ приложеніи къ аварской грамматикѣ) характерный анекдотъ. Предварительно надо сказать, что у андійцевъ, сосѣдей аварцевъ, нѣтъ третьяго *h*, и андійцы, говоря по-аварски, замѣняютъ послѣднее первымъ *h*. Вотъ этотъ характерный анекдотъ. Андіецъ пришелъ въ гости въ Салатавію. Хозяинъ поставилъ передъ нимъ наваръ. Взявъ ложку въ ротъ, андіецъ сказалъ: наваръ замерзъ (буhун буго). Разогрѣвъ немного, хозяинъ снова поставилъ передъ нимъ наваръ. Андіецъ взялъ ложку въ ротъ и опять сказалъ: замерзъ. «Пропади ты совсѣмъ, у тебя горло деревянное», сказалъ про себя хозяинъ и, хорошенько вскипятивъ наваръ, налилъ его андійцу. Полную ложку отправилъ послѣдній въ ротъ и, потомъ, долгое время остался съ разинутымъ ртомъ и съ выпученными глазами. Наконецъ, дикимъ голосомъ закричалъ: «какъ огонь вѣдь, ай, ай; *«замерзъ»*. Тогда только узналъ хозяинъ, что андіецъ говорилъ: «горячо».—Петръ Карловичъ прибавляетъ: «считаю этотъ анекдотъ поучительнымъ для тѣхъ, которые полагаютъ, что можно составлять горскія азбуки, на основаніи собственнаго своего слуха»!

въ его грамматическомъ очеркѣ этого языка [77]) поименованы только почти тѣ-же шипящія буквы, какія встрѣчаются и въ его тушской грамматикѣ [78]); далѣе, изъ гортанныхъ и придыхаемыхъ, кромѣ *q*, *айна* (изображеннаго г. Шифнеромъ въ видѣ апострофа) и двухъ *г*, находимъ только по два *h*, *к* и *x*. Разсмотримъ послѣднія буквы. О первомъ *h* (котораго нѣтъ въ тушской грамматикѣ) сказано, что оно изображается аварцами посредствомъ арабской буквы ه. Сличивъ произношеніе этой буквы съ произношеніемъ перваго усларовскаго *h* (см. стр. 38), находимъ, что шифнеровское *h* вполнѣ тождественно съ усларовскою буквою, имѣющею то-же начертаніе. Второе, извѣстное намъ уже шифнеровское *h* (съ точкою внизу) показано соотвѣтствующимъ арабской буквѣ ح. Эта-же послѣдняя соотвѣтствуетъ латинскому *h* и третьему усларовскому *h*. О *h* съ точкою внизу г. Шифнеръ говоритъ, что эта буква, выражающая хриплый гортанный звукъ, не имѣетъ той жесткости въ произношеніи, какую имѣетъ та-же тушская и чеченская буква (послѣднюю г. Усларъ, какъ мы уже знаемъ, изображаетъ посредствомъ *x* съ вертикальною черточкою на-верху). Второе *к* есть усиленное *к*. Подъ нимъ стоитъ точка (такія-же точки стоятъ и подъ другими усиленными буквами). Эта буква соотвѣтствуетъ арабско-аварскому усиленному *к* и, казалось-бы, должна соотвѣтствовать шестому усларовскому *к*; но, какъ видно изъ списка словъ, приложеннаго къ грамматическому очерку аварскаго языка, упомянутое шифнеровское *к* употреблено и для обозначенія другихъ *к*. Второе *x* (съ точкою на-верху) обозначаетъ *носовое x*, которое бываетъ слышно въ нѣкоторыхъ междометіяхъ и звукоподражательныхъ словахъ. П. К. не счелъ нужнымъ вводить въ свою аварскую

[77]) Versuch über das Awarische, §§ 1, 4—11.

[78]) Въ грамм. очеркѣ аварскаго языка, составленномъ акад. Шифнеромъ, нѣтъ тоже буквы, соотвѣтствующей груз. ჟ. О буквѣ-же, соотвѣтствующей груз. ჯ, сказано, что въ большинствѣ случаевъ она произносится, какъ русское *ж*, и что аварцы обыкновенно обѣ означенныя буквы изображаютъ по-арабски одинакимъ образомъ. Далѣе, изъ шипящихъ аварскихъ буквъ, въ грамм. очеркѣ г. Шифнера, находимъ только: два *ц*, два *ч* и наконецъ—*с*, *ш* и *з*. Въ извлеченіи изъ письма ген. Услара къ акад. Шифнеру, помѣщенномъ въ Bulletin de l'Acad. Imp. des Scien. de St.-Pétersbourg (t. VIII, N° I), нашли мы тоже особенныя латинскія начертанія для усиленнаго *ц*, тонкаго *с*, втораго и четвертаго усларовскаго *ц* и нѣкоторыхъ другихъ аварскихъ буквъ. Эти начертанія помѣщены въ скобкахъ въ таблицѣ, приложенной къ нашей статьѣ.

грамоту для этого звука особенный письменный знакъ. Кромѣ того, г. Шифнеръ подмѣтилъ, что *q* во многихъ случаяхъ сопровождается придыханіемъ. Далѣе, г. Шифнеру показалось *x*, въ рѣчи нѣкоторыхъ горцевъ, до того жесткимъ, что оно какъбы представляло сочетаніе *к* и *x*, причемъ явственнѣе слышалось *к*. Относительно губныхъ звуковъ составитель граммат. очерка аварскаго языка замѣчаетъ, что въ этомъ языкѣ *б* играетъ главную роль, что *п* встрѣчается весьма рѣдко и по большей части въ иностранныхъ словахъ, и что въ рѣчи нѣкоторыхъ аварцевъ оно является въ сопровожденіи *ф*. Объ этомъ ничего не говоритъ П. К. Для зубно-язычныхъ звуковъ, сродныхъ съ подобнымъ-же вышеописаннымъ тушскимъ звукомъ, находимъ у г. Шифнера только двѣ буквы. Для нихъ онъ придумалъ особенныя начертанія (см. табл., прилож. къ нашей статьѣ). Не смотря на то, что многоуважаемому академику не удалось подмѣтить всѣ звуки, свойственные аварскому языку, вышеозначенный трудъ его имѣетъ большое значеніе въ научномъ отношеніи. Не упустимъ изъ виду и того обстоятельства, что знаменитый лингвистъ первый изъ ученыхъ успѣлъ вникнуть поглубже въ звуковую систему аварскаго языка, болѣе всѣхъ другихъ языковъ восточнаго Кавказа обильнаго гортанными, придыхаемыми и шипящими звуками.

При изученіи звуковъ, свойственныхъ аварскому языку, г. Шифнеръ старался узнать, какъ эти звуки выражаютъ сами туземцы посредствомъ имъ давно извѣстныхъ арабскихъ письменъ. Въ этомъ дѣлѣ существенную помощь многоуважаемому академику оказалъ А. П. Берже, потрудившійся немало для кавказскаго языкознанія. Адольфъ Петровичъ доставилъ г. Шифнеру, между прочими лингвистическими матеріалами, и сборникъ аварскихъ словъ, изображенныхъ посредствомъ арабскихъ письменъ. Этотъ сборникъ составилъ А. П. Берже въ Дагестанѣ (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), подъ руководствомъ Лачинилау, отличнаго знатока арабскаго и аварскаго языковъ. Рядомъ съ арабскими начертаніями аварскихъ словъ помѣщено приблизительное ихъ произношеніе по-русски. Г. Шифнеръ, при составленіи сборника аварскихъ словъ, приложеннаго къ его грамматическому очерку аварскаго языка, пользовался главнымъ образомъ трудомъ г. Берже [79]). Сличая внимательно сборникъ аварскихъ словъ, состав-

[79]) Versuch über das Awar., S. 4.

денный А. П. Берже, съ весьма обстоятельнымъ аварскимъ словаремъ, приложеннымъ къ аварской грамматикѣ Петра Карловича, мы нашли, что нѣсколько звуковъ, свойственныхъ аварскому языку, не обозначены въ вышеозначенномъ сборникѣ. Кромѣ того, замѣтно колебаніе въ транскрипціи нѣкоторыхъ аварскихъ звуковъ. Но полагаясь вполнѣ на авторитетъ Петра Карловича [80]), мы не могли однако не обратить вниманія на то, что въ сборникѣ А. П. Берже встрѣтилось нѣсколько арабско-аварскихъ изображеній, соотвѣтствующихъ которымъ мы не нашли въ словарѣ Петра Карловича. Не беремся за рѣшеніе вопроса, насколько они важны, и должны-ли они, по-настоящему, найти мѣсто въ аварской грамотѣ. Можетъ быть и то, что транскрипція нѣкоторыхъ аварскихъ звуковъ вышла чисто-случайною. Какъ-бы то ни было, а, въ интересѣ науки, весьма желательно, чтобы Адольфъ Петровичъ, снабжающій съ рѣдкою готовностью своими трудами и совѣтами людей, занимающихся лингвистикою и вообще этнографіею, познакомилъ и весь ученый міръ съ своими лингвистическими матеріалами. Напечатаніе, напр., его сборника аварскихъ словъ и потому дѣлается необходимымъ, что, какъ намъ кажется, этимъ трудомъ его не вполнѣ воспользовались. Въ настоящей нашей статьѣ, для большей полноты изложенія предмета ея, мы, на основаніи труда А. П. Берже, укажемъ только на *способы изображенія, посредствомъ арабскихъ письменъ, звуковъ, свойственныхъ аварскому языку*. При этомъ обратимъ вниманіе на самые характерные аварскіе звуки, т. е. на гортанные, придыхаемые, шипящіе и зубно-язычные. Что касается до письменныхъ начертаній, изображающихъ первые изъ нихъ, то намъ уже, изъ общей характеристики арабскихъ письменъ (см. стр. 13), извѣстно значеніе слѣдующихъ арабскихъ буквъ: ع (айна), غ (ḫ), ق (q), ء (обозначающаго первое *h*), ح (соотвѣтствующаго латинскому *h* и выражающаго третье усларовское *h*) и ك (к). Двѣ послѣднія буквы приняты въ основаніе начертанія остальныхъ восьми гортанныхъ звуковъ. Итакъ, ح съ точкою наверху образуетъ букву خ (*x*). Поставивъ надъ этою буквою таш-

---

[80]) Чтобы дать приблизительное, по-крайней-мѣрѣ, понятіе объ отчетливости въ трудахъ Петра Карловича, упомянемъ о томъ, что въ его аварской грамматикѣ, написанной мелкимъ почеркомъ и занимающей 699 страницъ, поставлено удареніе надъ каждымъ аварскимъ словомъ, состоящимъ изъ двухъ и болѣе слоговъ! Можно-ли послѣ этого не положиться на авторитетъ подобныхъ трудовъ?

дидъ, получимъ второе усларовское *х* [81]). Она-же, въ сборникѣ А. П. Берже, служитъ и для обозначенія третьяго усларовскаго *к*. Далѣе, поставивъ подъ ڭ (*к*) три точки, получимъ второе аварское *к* (*к* съ придыханіемъ). ڭ съ ташдидомъ надъ нимъ выражаетъ звукъ, для обозначенія котораго П. К. прибѣгнулъ къ сочетанію *к* и *х*. Такое-же ڭ съ тремя точками подъ нимъ соотвѣтствуетъ послѣднему (6-му) усларовскому *к*. Послѣднее ڭ употреблено и для выраженія втораго услар. *h*; подобно тому и ڭ съ тремя только точками играетъ въ арабско-аварской азбукѣ роль *г*. Такимъ образомъ три гортанные звука не имѣютъ собственнаго изображенія. Виноватъ-ли въ этомъ составитель арабско-аварскаго алфавита, не успѣвшій вникнуть въ оттѣнки звуковъ, показавшихся ему тождественными съ другими звуками, или-же въ этомъ винить нужно бѣдность арабскаго алфавита? Какъ-бы то ни было, но мы нашли въ сборникѣ А. П. Берже одинъ гортанный звукъ, соотвѣтствующаго которому намъ не удалось отыскать въ аварскомъ словарѣ Петра Карловича, а именно— ڤ съ ташдидомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, совѣтуемъ посмотрѣть на арабскую транскрипцію словъ: baqi, шaqi, heqese и нѣсколькихъ другихъ. Принявъ въ соображеніе показаніе академика Шифнера, можно предположить, что ڤ съ ташдидомъ и есть именно то произносимое съ придыханіемъ ڤ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ трудѣ г. Шифнеръ [82]), но для котораго онъ не счелъ нужнымъ вводить въ свой аварскій алфавитъ особенный письменный знакъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію способовъ обозначенія, посредствомъ арабскихъ письменъ, шипящихъ звуковъ, свойственныхъ аварскому языку. Обратимъ сначала вниманіе на буквы: ز (з), س (с), ص (тоже *с*, но произносимое съ усиленіемъ). Пересматривая со вниманіемъ списокъ аварскихъ словъ, составленный, подъ руководствомъ Лачинилау, Адольфомъ Петровичемъ и сличая его съ аварскимъ словаремъ генер. Услара, мы нашли, что въ большинствѣ случаевъ усларовское *с тонкое* изображается посредствомъ س, а другое *с*— посредствомъ ص. Такимъ образомъ оба усларовскіе *с* изображают-

---

[81]) Г. Шифнеръ говоритъ, что *х* обозначается аварцами посредствомъ خ съ ташдидомъ. Это не вѣрно: *х* обозначается ими посредствомъ обыкновеннаго арабскаго خ; такое-же *х* съ ташдидомъ употребляется аварцами для выраженія *х*, имѣющаго усиленное произношеніе.

[82]) Versuch über das Awar., § 7.

ся удобно посредствомъ арабскихъ буквъ. Но, кромѣ того, мы нашли слова, въ которыхъ *с* выражается посредствомъ ث (мягкаго *с*). Возьмемъ для примѣра транскрипцію словъ رُثْ , أُثْ. Нашли мы также нѣсколько и такихъ словъ, въ которыхъ ص является съ ташдидомъ въ значеніи усиленнаго *с*. Неужто въ аварскомъ языкѣ, кромѣ двухъ *с*, указанныхъ П. К., существуютъ еще два другія *с*? Очень можетъ быть и то, что двѣ послѣднія транскрипціи *с* вышли чисто случайно. При всемъ томъ нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что въ аварскомъ языкѣ нѣкоторыя буквы произносятся съ усиленіемъ: такъ, напр., ген. Усларъ указываетъ на букву *ш* съ усиленнымъ произношеніемъ (изображенную въ арабско-аварскихъ письменахъ посредствомъ ش съ ташдидомъ); г. Шифнеръ указываетъ на усиленное ق. Но наши лингвисты не сочли нужнымъ вводить для означенныхъ буквъ, произносимыхъ съ усиленіемъ, особые письменные знаки, хотя послѣдніе и существуютъ въ арабско-аварскихъ письменахъ. Въ послѣднихъ-же письменахъ существуютъ, какъ видно изъ сборника А. П. Берже, особыя изображенія и для другихъ буквъ, произносимыхъ съ усиленіемъ, напр., для усиленнаго *з*, которое по-арабски обозначается посредствомъ буквы ض (въ словахъ: رَضِ , عَرْضْ и др.). Посмотримъ теперь, какъ изображается *ц*, котораго не оказывается въ чисто-арабскомъ алфавитѣ. Для изображенія этой буквы употребляютъ буквы *с* и *з*, звуки которыхъ подходятъ къ *ц*; для отличія-же послѣдняго отъ первыхъ призываютъ на подмогу точки и ташдидъ. Итакъ, напр., обыкновенное *ц* чаще всего изображаютъ посредствомъ ص съ ташдидомъ наверху и съ тремя точками внизу. Самое слабое *ц* выражаютъ посредствомъ س, подъ которымъ ставятъ три точки. Для того чтобы выразить третье *ц* (ڳ), употребляютъ ر, надъ которымъ ставятъ три точки. Поставивши надъ полученною такимъ образомъ буквою ташдидъ, получаютъ второе *ц*. Слѣдуетъ буква *ч*. Для изображенія этой буквы аварцы прибѣгаютъ къ буквѣ ج (означающей въ чисто-арабскомъ алфавитѣ *дж*, а въ арабско-аварскомъ—*ж*). Въ аварскомъ языкѣ, какъ видно изъ грамматики П. К., находятся четыре *ч*; но въ сборникѣ А. П. Берже для нихъ мы отыскали три только письменные знака, а именно: چ—обыкновенное *ч*; چ съ ташдидомъ, употребляемое для выраженія *ч*, произносимаго съ особенно-сильнымъ напряженіемъ, и усиленное *ш* съ тремя точками внизу, употребляемое чаще всего для обозначенія втораго *ч*. Случается иногда и то, что въ

арабско-аварской письменности, какъ справедливо замѣчаетъ академикъ Шифнеръ [83]), вмѣсто *ц* употребляется *с*, а вмѣсто *ч*—*ш*; въ большинствѣ однако случаевъ аварцы придерживаются указанной выше транскрипціи поименованныхъ буквъ. Какъ-бы то ни было, но для выраженія шипящихъ звуковъ въ арабско-аварскихъ письменахъ имѣется все-таки больше письменныхъ знаковъ, нежели для обозначенія гортанныхъ звуковъ: такъ, напр., въ сборникѣ А. П. Берже, изъ всѣхъ указанныхъ Петромъ Карловичемъ шипящихъ аварскихъ звуковъ, одинъ только не обозначенъ. Мало того, буквы, произносимыя съ усиленіемъ, имѣютъ, какъ мы это выше видѣли, особенныя изображенія. Въ основаніе изображеній зубно-язычныхъ звуковъ аварцы принимаютъ букву ل—лямъ (букву *l* принялъ, какъ мы это выше видѣли, и г. Шифнеръ въ основаніе изображенія придыхаемаго зубно-язычнаго звука, подмѣченнаго имъ въ тушскомъ языкѣ). Этихъ изображеній для четырехъ зубно-язычныхъ аварскихъ звуковъ, описанныхъ ген. Усларомъ, въ сборникѣ А. П. Берже и въ трудѣ акад. Шифнера оказывается только два: одно изъ нихъ представляетъ ل съ тремя точками внизу, другое — такую-же букву съ присовокупленіемъ ташдида. Послѣдняя буква чаще всего употребляется для выраженія четвертаго зубно-язычнаго звука, а иногда и для выраженія третьяго (намъ, впрочемъ, попадались, хотя и весьма рѣдко, такія слова, въ которыхъ и второй зубно-язычный звукъ изображенъ посредствомъ этой-же буквы). О другихъ арабско-аварскихъ буквахъ нечего говорить,—развѣ только можно упомянуть о томъ, что буква ط означаетъ произносимое съ усиленіемъ *т*.—По разсмотрѣніи арабско-аварскихъ письменъ, еще сильнѣе бросается въ глаза бѣдность арабскаго алфавита, заставляющая прибѣгать къ весьма частому употребленію точекъ и ташдидовъ; нѣкоторыя буквы въ самомъ дѣлѣ осыпаны точками. Возьмемъ, напр., букву, соотвѣтствующую второму усларовскому *ч*. Въ этой буквѣ, во-первыхъ, подъ основнымъ начертаніемъ стоятъ три точки, столько-же — надъ нимъ, выше послѣднихъ помѣщается ташдидъ (къ этому еще присоедините гласный знакъ!). Но не смотря на нѣкоторыя неудобства, сопряженныя съ обиліемъ точекъ въ письменахъ, нельзя не удивляться той необыкновенной легкости, съ которою образуются арабско-горскія буквы, выражающія многоразличные фонетическія

[83]) Тамъ-же, § 9.

оттѣнки кавказско-горскихъ языковъ. Самая-же слабая сторона арабскихъ письменъ заключается, по нашему мнѣнію, въ системѣ обозначенія гласныхъ: положимъ, что гласныя въ кавказско-горскихъ языкахъ не играютъ главной роли, что нѣкоторыя изъ нихъ не отличаются постоянствомъ и часто утрачиваютъ чистоту своего звука, — а все-таки ихъ надо изобразить, при чемъ каждая изъ нихъ должна-бы имѣть особенный письменный знакъ, а между тѣмъ въ арабскихъ письменахъ такъ мало гласныхъ знаковъ! Это важное неудобство арабскихъ письменъ еще рѣзче обнаруживается тогда, когда приходится ихъ примѣнять къ языкамъ, изобилующимъ гласными.

Въ заключеніе скажемъ, что аварскій языкъ, отличающійся равновѣсіемъ употребленія гласныхъ и согласныхъ, занимаетъ середину между чеченскимъ языкомъ, обильнымъ дифтонгами, и казыкумухскимъ, богатымъ удвоенными согласными. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію звуковъ, свойственныхъ этому языку, и азбуки, составленной для него генераломъ Усларомъ.

Казыкумухскій или, правильнѣе, *лакскій языкъ* [84]) употребляется главнымъ образомъ въ Казыкумухскомъ округѣ (въ Среднемъ Дагестанѣ). Кромѣ того, лакскій языкъ переходитъ изъ предѣловъ Казыкумухскаго округа въ Даргинскій [85]) (въ Сѣверномъ Дагестанѣ). Въ фонетическомъ отношеніи (равно какъ и въ грамматическомъ) языкъ этотъ представляетъ много сходства съ чеченскимъ, а еще болѣе съ аварскимъ языкомъ. Гласныя буквы въ лакскомъ языкѣ [86]) тоже не играютъ важной роли, въ особенности-же буквы *е* и *о*, не имѣющія никакой самостоятельности (*о* сближается большею частію съ *у*, *е*—съ *і*, подобно тому, какъ и въ аварскомъ языкѣ). „Очевидно,“ говоритъ составитель азбуки, „что тутъ транскрипція можетъ быть не иначе, какъ условною.“ Рѣже всего попадается о, и то почти всегда смутно. „Можно сказать,“ говоритъ П. К., „что въ лакскомъ языкѣ нѣтъ *о*, только ö нѣмецкое, или-же *eu* французское.“ Главную роль въ лакскомъ языкѣ играютъ: *а*, *і*, *у*, но и онѣ не всегда сохраняютъ чистоту своего звука, въ особенности находясь послѣ *h* (третье аварское *h*) и *л*, въ составѣ кото-

---

[84]) Литографир. лакская грамматика, составленная ген. Усларомъ, § 1.
[85]) Тамъ-же, § 2.
[86]) Тамъ-же, § 3, 4 и 5.

рыхъ входитъ *j*, и послѣ ъ [87]). Что касается до согласныхъ, то числомъ ихъ лакскій языкъ далеко уступаетъ аварскому. Въ немъ нѣтъ, напр., звуковъ, изображенныхъ въ аварской азбукѣ ген. Услара посредствомъ *x* съ черточкою, *x* съ ташдидомъ и чрезъ сочетаніе *кx*; нѣтъ тонкаго *c*, нѣтъ втораго *ц* и слабаго *ц*, нѣтъ звука, обозначеннаго въ той-же азбукѣ посредствомъ *ч* съ черточкою, и нѣтъ четырехъ зубно-язычныхъ звуковъ. Вмѣсто спеціализированныхъ однородныхъ аварскихъ звуковъ въ лакскомъ языкѣ являются удвоенныя согласныя. „Рѣзкая противуположность между двумя этими языками (лакскимъ и аварскимъ),“ говоритъ П. К., „заключается въ томъ, что первый въ высшей степени склоненъ къ удвоенію согласныхъ, между тѣмъ какъ послѣдній избѣгаетъ какъ встрѣчи, такъ и удвоенія ихъ“ [88]). Таковое свойство лакскаго языка побудило ген. Услара ввести въ лакскую азбуку нѣсколько письменныхъ знаковъ, „которые требуются типографическими и каллиграфическими условіями, но нисколько не фонетическими. Весьма неудобно писать безпрестанно *тт* или *шш* и *пп*.“ Посмотримъ теперь, какіе знаки придуманы для этихъ удвоенныхъ согласныхъ. Естественнѣе всего было-бы, по нашему мнѣнію, ввести ташдидъ. П. К. и ввелъ его для удвоеннаго *к*, но этимъ дѣло и покончилось. Вмѣсто того, чтобы ввести, по подобію аварскихъ письменъ, одинъ знакъ для всѣхъ удвоенныхъ согласныхъ и этимъ облегчить лакскую грамоту, составитель азбуки счелъ нужнымъ придумать нѣсколько различныхъ знаковъ для подобныхъ согласныхъ: такъ, напр., у него удвоеннее *к*, какъ мы сейчасъ сказали, пишется съ ташдидомъ, надъ удвоеннымъ *х* и *ч* ставятся черточки, надъ удвоеннымъ *ш* (по подобію той-же абхазской буквы)—полукругъ, обращенный кончиками вверхъ, подъ удвоеннымъ *с* помѣщается хвостикъ; удвоенное *ц* выражается посредствомъ перечеркнутой ꝯ,

---

[87]) Присутствіе полугласной *j* ген. Усларъ замѣчаетъ и въ другихъ случаяхъ; такъ онъ пишетъ бjорх, дjа. Академикъ-же Шифнеръ пишетъ эти слова: b'ogx, d'a, такъ какъ онъ въ этихъ и во многихъ др. словахъ не находитъ ясной j. Этотъ знакъ (spiritus lenis) ставитъ г. Шифнеръ по обыкновенію и вм. араб. ء. Bericht über Üslar's kasikumükische Studien, S. IV. Здѣсь замѣтимъ, что вліяніе извѣстныхъ согласныхъ на гласныя, какъ мы выше видѣли, встрѣчается въ чечен. и аварск. языкахъ; мы также видѣли, что нѣкот. согласныя буквы въ этихъ языкахъ заключаютъ въ себѣ *j*.

[88]) См. лакск. грамм., §§ 6 и 7 (въ которыхъ говорится о согласныхъ лакскаго языка).

для выраженія удвоеннаго *т* взято шёгреновское *ᴛ* (обозначающее въ осетинской азбукѣ простое *т*), удвоенное второе *h* обозначается посредствомъ *h* съ загнутымъ верхнимъ кончикомъ внизъ съ правой стороны. „Слѣдовало-бы еще," говоритъ П. К., „ввести особые знаки для двойнаго *к* (соотвѣтствующаго третьему аварскому *к*) и для *тт*, но чрезмѣрное умноженіе въ письмѣ начертаній для *к* повлекло-бы за собою неудобства; что-же касается до *тт*, то оно встрѣчается рѣдко." Но какъ-бы ни былъ желателенъ однообразный способъ изображенія удвоенныхъ лакскихъ согласныхъ, нельзя, однако, и съ тѣмъ не согласиться, что весьма частое употребленіе ташдида могло-бы испещрить лакскую письменность, чего избѣгаетъ по возможности г. Усларъ. Г. Шифнеръ, для обозначенія удвоеннаго или усиленнаго произношенія данной буквы, употребляетъ или подбуквенную точку, или надбуквенную вертикальную черточку.—При разсмотрѣніи лакской азбуки слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, имѣющее, впрочемъ, значеніе только для тѣхъ, которые вздумали-бы заняться сравнительнымъ изученіемъ кавказско-горскихъ языковъ, а именно на то, что начертанія нѣкоторыхъ удвоенныхъ лакскихъ согласныхъ встрѣчаются въ другихъ горскихъ азбукахъ (см. табл., прилож. къ нашей статьѣ) съ другимъ значеніемъ (какъ, напр., начерт. удвоенныхъ *с*, ⁊ и т. д.). То-же замѣчаемъ и въ алфавитѣ г. Шифнера, старавшагося приноровить, какъ можно болѣе, свою лакскую орѳографію къ усларовскому правописанію и, вслѣдствіе этого, измѣнившаго даже транскрипцію звука, обозначеннаго имъ, во всѣхъ прежнихъ трудахъ, чрезъ *h* съ точкою и соотвѣтствующаго арабскому ح и третьему услара-аварскому *h*.—Впрочемъ и нельзя требовать полнаго однообразія въ горскихъ азбукахъ уже и потому, что кавказскіе языки представляютъ порознь такъ много звуковыхъ оттѣнковъ, что вполнѣ однообразное изображеніе ихъ становится положительно немыслимымъ дѣломъ. Въ лакскомъ языкѣ, напр., нѣтъ чистаго *о*, а только ö нѣмецкое, или *еи* французское,—слѣдовало-ли для этого *о* придумывать новый письменный знакъ? Въ хюркилинскомъ языкѣ нѣтъ ни перваго, ни втораго аварскаго *с*, а есть звукъ средній, промежуточный между ними, — слѣдовало-ли для этого промежуточнаго звука вводить въ хюркилинскую азбуку особенную букву? Подобными промежуточными звуками въ особенности богатъ упомянутый сейчасъ языкъ. Къ нему мы и перейдемъ.

Хюркилинскимъ языкомъ названо г. Усларомъ одно изъ многочисленныхъ нарѣчій языка, для котораго не существуетъ опредѣлительнаго названія. Нарѣчіями этого, по выраженію П. К., анонимнаго языка говоритъ почти цѣлое народонаселеніе Даргинскаго округа (причисленнаго административно къ Сѣверному Дагестану), а также значительная часть населенія Кайтаго-Табасаранскаго округа (причисленнаго къ Южному Дагестану) и небольшая часть Казыкумухскаго округа (входящаго въ составъ Средняго Дагестана),—всего около 20,000 дворовъ. Означенныя нарѣчія подводятся подъ двѣ главныя группы: акушинскую и хайдакскую [89]). Къ первой группѣ относится и нарѣчіе кæва (или кæба). Оно довольно распространено: этимъ нарѣчіемъ и весьма близкими къ нему нарѣчіями говоритъ значительная часть народонаселенія какъ Даргинскаго, такъ и Кайтаго-Табасаранскаго округа. Нарѣчіе кæва болѣе извѣстно подъ именемъ *хюркилинскаго* нарѣчія, названнаго такъ по имени самаго многолюднаго селенія—*Хюркила* (на картѣ Дагестана оно обозначено черезъ—Уракли).—Характеристическую особенность этого языка составляютъ, между прочимъ, промежуточные звуки, которые П. К. по большей части изображаетъ условно буквами, заимствованными изъ горскихъ азбукъ и выражающими въ нихъ другіе звуковые оттѣнки [90]). Въ хюркилинскомъ языкѣ, какъ мы сказали, нѣтъ ни перваго, ни втораго аварскаго *с*, а есть звукъ, промежуточный между ними. Этотъ звукъ ген. Усларъ изображаетъ посредствомъ обыкновеннаго *с*. Въ означенномъ языкѣ есть также звукъ, занимающій середину между вторымъ аварскимъ *ц* и ⱬ,—П. К. избралъ, для изображенія его, послѣднюю букву, какъ болѣе употребительную въ горскихъ алфавитахъ. По той-же причинѣ, вѣроятно, избрана составителемъ азбуки и буква, подходящая, по своему начертанію, къ грузинскому ⴕ, для изображенія звука, занимающаго середину между ⴕ и третьимъ аварскимъ *ч*. Далѣе, ⴗ занимаетъ середину между ⴗ и шестымъ аварскимъ *к*; *к* съ ташдидомъ нѣсколько менѣе гортанно, чѣмъ *q* (вѣроятно, оно зани-

---

[89]) Литограф. грамматика хюркилинскаго языка, § 1.—Что касается до вуркунскихъ нарѣчій, то П. К., на основаніи добытыхъ имъ до-сихъ-поръ лингвистическихъ данныхъ, не можетъ еще рѣшить: составляютъ-ли эти нарѣчія особую третью группу или должны быть причислены къ которой-либо изъ двухъ вышепоименованныхъ группъ.

[90]) Хюркилинская граммат., §§ 2—5.

мастъ середину между третьимъ аварскимъ *к* и *q*). Для выраженія звука, промежуточнаго между *а* и *е* и соотвѣтствующаго англійскому *a* въ словахъ: *and*, *fat*, П. К. прибѣгнулъ, по примѣру Шёгрена, къ буквѣ, представляющей сочетаніе *а* и *е* (æ). Въ хюркилин. азбуку введена и англ. буква *w*, которая въ означенной азбукѣ выражаетъ звукъ, составляющій крайне-бѣглый переходъ между *у* и *в*. Есть еще въ хюркилинскомъ языкѣ весьма рѣдкая фонетическая особенность, а именно—почти неуловимый для нашего слуха звукъ, составляющій переходъ отъ *б* къ *в*. „Прислушиваясь къ произношенію туземцевъ," говоритъ П. К., „мы явственно слышимъ то *в*, то *б*; даже въ одномъ и томъ-же словѣ одинъ звукъ безпрестанно замѣняетъ другой. Утвердительно можно сказать, что наши *б* и *в* смѣшиваются въ хюркилинскомъ *в* (такъ изображаетъ П. К. описанный звукъ). Быть можетъ, такъ произносилась β на которомъ-нибудь изъ древнегреческихъ нарѣчій. Иногда встрѣчаются два *в* рядомъ.....; въ таковомъ случаѣ явственнѣе слышатся *бб*, чѣмъ *вв*." Этотъ оригинальный промежуточный звукъ, подходящій,—на сколько можно судить по описанію его,—все-таки ближе къ *б*, чѣмъ къ *в*, П. К., какъ мы сейчасъ сказали, изображаетъ условно посредствомъ *в*. Намъ казалось-бы, что для этого, столь оригинальнаго звука скорѣе, чѣмъ для предъидущаго, нужно было-бы ввести новое начертаніе (и въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, естественнѣе всего было-бы изобразить этотъ звукъ посредствомъ β). Ген. Усларъ ввелъ только для одного промежуточнаго звука новый письменный знакъ въ свою хюркилинскую азбуку; прочіе-же промежуточные звуки составитель азбуки изображаетъ условно, какъ мы видѣли, буквами, выражающими весьма сродные съ ними звуки, при чемъ онъ, для упрощенія грамоты, прибѣгаетъ по возможности къ простымъ, обыкновеннымъ основнымъ письменнымъ знакамъ. Этого правила держится онъ не только при изображеніи промежуточныхъ звуковъ: въ хюркилинскомъ языкѣ, наприм., существуетъ только *х*, произносимое съ нѣкоторымъ хрипѣніемъ и соотвѣтствующее второму аварскому *х* (*х* съ черточкою), — П. К. изображаетъ его (совершенно основательно) посредствомъ обыкновеннаго *х*; далѣе, хюркилинское *ш*, произносимое съ напряженіемъ, какъ-бы *сш*, изображено посредствомъ обыкновеннаго *ш*. Замѣтимъ, наконецъ, что ъ выговаривается хюркилинцами менѣе гортанно, чѣмъ аварцами. Зато П. К. менѣе дорожитъ надбуквенными знаками: *г*, произно-

симое гораздо мягче, чѣмъ ҕ, изображено посредствомъ *г* съ ташдидомъ. Такимъ образомъ ташдидъ лишенъ совершенно своего значенія.—Разсматривая вообще звуковую систему хюркилинскаго языка, находимъ, что онъ богатъ гортанными звуками и что въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ немногимъ аварскому языку: хотя въ немъ и не оказывается нѣкоторыхъ гортанныхъ звуковъ, свойственныхъ аварскому языку, зато въ немъ есть особые промежуточные звуки, есть также звукъ, не встрѣченный ни въ одномъ изъ изслѣдованныхъ восточныхъ горскихъ языковъ (изображенный И. К. посредствомъ *г* съ ташдидомъ). Шипящими звуками хюркилинскій языкъ менѣе богатъ. Мы уже говорили о нихъ,—здѣсь замѣтимъ только, что въ хюркилинскомъ языкѣ появляются звуки, можно сказать, чуждые другимъ изслѣдованнымъ языкамъ Дагестана и соотвѣтствующіе грузинскимъ: ჯ и ძ. Хюркилинскій языкъ, по подобію другихъ восточныхъ кавказскихъ горскихъ языковъ, бѣденъ губными звуками: въ немъ *п* встрѣчается рѣдко въ коренныхъ словахъ, ҧ въ весьма немногихъ, а объ *ф* и помина нѣтъ. Къ этому прибавимъ, что въ разсматриваемомъ нами языкѣ, какъ мы видѣли, нѣтъ чистаго *б*. Что касается до гласныхъ, то *е* встрѣчается весьма рѣдко въ видѣ коренной гласной, *о* явственно почти не попадается. Поэтому-то И. К. усумнился въ необходимости ввести эту гласную въ хюркилинскую азбуку.

По разсмотрѣніи алфавитовъ, составленныхъ для тѣхъ восточныхъ кавказскихъ горскихъ народовъ, языки которыхъ изслѣдованы научнымъ образомъ, слѣдовало-бы приняться за разсмотрѣніе азбуки, составленной для абхазцевъ. Нельзя, однако, пройти молчаніемъ малый народецъ, который, хотя и не принадлежитъ по мѣстожительству къ восточнымъ горскимъ народамъ, но, тѣмъ не менѣе, обнаруживаетъ по своему языку довольно близкое съ ними сродство. Этотъ народецъ—удины. Если вѣрить ихъ народнымъ преданіямъ, не противорѣчащимъ, быть можетъ, историческимъ указаніямъ Моисея Хоренскаго, то нужно предположить существованіе нѣкогда удинскаго царства съ многолюдною его столицею — Бердою (Бердзоромъ). Въ настоящее время *удинскій языкъ* сохранился только—и то не вполнѣ—въ двухъ деревняхъ: въ Варташенѣ (наход. въ верстахъ 35 отъ Нухи) и Нижѣ (отдален. отъ Варташена на 40 верстъ). Удинскій языкъ, уцѣлѣвшій въ этихъ двухъ деревняхъ, подвергся вліянію татар-

скаго языка, который вытѣсняетъ все болѣе и болѣе первый [91]). Вліяніе татарскаго языка на удинскій обнаружилось не только въ лексическомъ, но и въ фонетическомъ отношеніи. На этотъ языкъ и его сродство съ такъ называемыми лезгинскими, въ началѣ текущаго столѣтія, обратилъ вниманіе Клапротъ. Въ 1835 г. Шёгренъ, во время своего пребыванія въ Тифлисѣ, составилъ, при помощи одного удина, воспитывавшагося въ Тифлисской семинаріи, небольшой удинскій словарь. Несравненно болѣе подвинулся въ изученіи удинскаго языка бывшій учитель нухинскаго уѣзднаго училища, Георгій Бежановъ, который, между прочимъ, составилъ русско-удинскій словарь, очеркъ удинскихъ склоненій и спряженій. Всѣ труды покойнаго Бежанова были доставлены акад. Шифнеру. Бежановъ примѣнилъ къ удинскому языку русскій алфавитъ. Мы не знакомы съ этимъ алфавитомъ, но надо предположить, что онъ представлялъ несовершенство уже и на томъ основаніи, что г. Шифнеръ, послѣ смерти Бежанова, обращался къ разнымъ лицамъ съ просьбою о полученіяхъ нѣкоторыхъ звуковыхъ особенностей удинскаго языка, и только, благодаря содѣйствію А. П. Берже, вникнувшаго на мѣстѣ въ звуковую систему этого языка, могъ онъ въ 1862 г. обнародовать свой трудъ объ удинскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что г. Шифнеръ къ этому языку примѣнилъ латино-горскій алфавитъ.— Познакомимся теперь, на основаніи труда г. Шифнера, *съ звуками, свойственными удинскому языку* [92]). Въ немъ, во-первыхъ, находимъ тѣ-же гортанные и придыхаемые звуки, что въ чеченскомъ и такъ называемомъ тушскомъ языкѣ. Что касается до шипящихъ, то, кромѣ звуковъ, свойственныхъ послѣднему, встрѣчаемъ въ немъ еще два новыхъ звука, именно: усиленное *ж* и такое-же *ш*; подъ ними г. Шифнеръ ставитъ точки. Первое изъ нихъ произносится, какъ соединенныя *з* и *ж*, второе—какъ сое-

[91]) Въ Нижѣ, по показаніямъ А. П. Берже, насчитывалось въ 1862 г. 500 дворовъ, принадлежавшихъ къ армяно-григоріанской церкви. Въ Варташенѣ, въ томъ-же году, насчитывалось 100 дворовъ, исповѣдывавшихъ Православіе и столько-же дворовъ, принадлежавшихъ къ армяно-григоріанской церкви. Изъ этого числа только половина говорила по-удински, — прочіе-же жители употребляли татарскій языкъ. Г. Шифнеръ перечисляетъ еще пять деревень, жители которыхъ, хотя всѣ принадлежатъ къ поименованной церкви, но говорятъ уже по-татарски (Vers. über die Sprache der Uden, SS. 3—4).

[92]) Versuch über die Sprache der Uden, §§ 1, 2, 3.

диненныя *с* и *ш*.—Такое-же усиленное произношеніе имѣетъ и буква **цъ** въ словѣ **цъа** (два), при произношеніи которой, по показанію г. Берже, крѣпко сжимаются губы. Губными звуками удинскій языкъ вообще богаче прочихъ восточныхъ кавказскихъ горскихъ языковъ; даже *ф*, чуждая вообще этимъ языкамъ, нашла мѣсто въ удинскомъ алфавитѣ. Но посѣщимъ замѣтить, что послѣдняя буква встрѣчается въ весьма немногихъ словахъ. Что касается до системы гласныхъ звуковъ, то, кромѣ латин. *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, находимъ гласныя, потерявшія чистоту своего звука. Къ такимъ гласнымъ принадлежатъ: ä, ö, ü, встрѣчаемыя и въ татар. нарѣчіяхъ. Въ нижскомъ нарѣчіи, по словамъ г. Берже, встрѣчается ö гортанное. Гласныя-же: *a*, *o*, *u* (латин.) имѣютъ иногда смягченное произношеніе; подъ такими гласными г. Шифнеръ ставитъ точку. Такимъ образомъ гласныя: *a*, *o*, *u* являются въ трехъ видахъ, и въ алфавитѣ г. Шифнера находимъ девять буквъ для обозначенія всѣхъ видоизмѣненій трехъ означенныхъ буквъ. Кромѣ этихъ буквъ въ шифнеровско-удинской азбукѣ находимъ *y* (латин.); выраженный сю звукъ находится въ сродствѣ съ русскимъ *ы*. Г. Шифнеръ высказываетъ предположеніе, что этотъ звукъ, вѣроятно, образовался въ удинскомъ языкѣ подъ вліяніемъ татарскаго языка, подобно тому, какъ въ осетинскомъ языкѣ темный, бѣглый звукъ, подходящій къ *ы* и обозначенный г. Шёгреномъ черезъ *r*, можетъ, подъ вліяніемъ русскаго языка, перейти въ настоящую русскую гласную *ы* [93]).

Итакъ мы разсмотрѣли звуки и способы ихъ изображенія въ шести восточныхъ кавказскихъ языкахъ (тушскомъ, чеченскомъ, аварскомъ, лакскомъ, хюркилинскомъ и удинскомъ), изслѣдованныхъ или ген. Усларомъ, или-же акад. Шифнеромъ. Языки эти, обнаруживающіе сродство между собою въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніи, представляютъ не менѣе сродства и относительно ихъ звуковыхъ системъ: всѣ они богаты гортанными и шипящими, а бѣдны губными звуками. Мы видѣли, напр., что *п* встрѣчается вообще въ немногихъ словахъ, что *ф* почти не попадается. Далѣе, губныя иногда подвержены измѣненіямъ, или-же утрачиваютъ чистоту своего звука (въ хюркилинскомъ языкѣ, напр., не оказывается чистаго *б*). Кромѣ того, туземцы, дорожащіе малѣйшими звуковыми оттѣнками при произношеніи гортанныхъ и шипящихъ, относятся снисходительнѣе къ губнымъ

[93]) Въ осетинскомъ букварѣ, составленномъ архимандритомъ Іосифомъ, сказано (см. стр. 1), что *r* выговаривается, какъ русское *ы*.

звукамъ; аварцы даже щеголяютъ тѣмъ, что выбрасываютъ въ своей рѣчи *б* и *м*. Вообще въ рѣчи восточныхъ кавказскихъ горцевъ особенно усердно работаютъ глотка и языкъ, губы-же принимаютъ гораздо меньшее участіе. Гласныя въ вышеозначенныхъ языкахъ имѣютъ тоже не слишкомъ большое значеніе: онѣ вообще подвержены частымъ измѣненіямъ, нѣкоторыя-же изъ нихъ являются въ произношеніи смутными, какъ-бы неопредѣленными звуками. Замѣтимъ, наконецъ, что придыханіе играетъ важную роль: оно производитъ вліяніе на звуки различныхъ категорій,— даже нѣкоторыя гласныя подвержены сильному вліянію извѣстныхъ придыхаемыхъ гортанныхъ звуковъ. Придыханіе, при содѣйствіи извѣстныхъ органовъ произношенія, производитъ и тѣ, столь оригинальные для европейскаго уха, придыхаемые зубоязычные звуки, которые встрѣчаются не только въ тушскомъ и аварскомъ языкахъ, но и въ разныхъ горскихъ языкахъ (напр. въ андійскихъ и дидойскихъ нарѣчіяхъ [94]). — Вышеозначенные языки, не смотря на ихъ большое сродство въ фонетическомъ отношеніи, представляютъ порознь звуковыя особенности. Самый богатый звуками — это аварскій языкъ, въ которомъ нѣкоторые чеченскіе звуки разлагаются, такъ сказать, на нѣсколько отдѣльныхъ звуковъ. Вмѣсто этой спеціализаціи звуковъ, въ другихъ языкахъ (въ лакскомъ, удинскомъ) замѣчаемъ или удвоеніе извѣстныхъ согласныхъ, или-же усиленное ихъ произношеніе. Если ко всѣмъ звуковымъ оттѣнкамъ, встрѣчаемымъ въ разныхъ восточныхъ кавказскихъ языкахъ, присоединимъ промежуточные звуки, существующіе въ хюркилинскомъ языкѣ, то получимъ цѣлыя гаммы гортанныхъ, придыхаемыхъ и шипящихъ звуковъ.— Здѣсь слѣдовало-бы резюмировать высказанное нами въ этой статьѣ о новыхъ горскихъ алфавитахъ; но полагаемъ, что это гораздо лучше сдѣлать по разсмотрѣніи звуковой системы абхазскаго языка и абхазскихъ алфавитовъ, составленныхъ ген. Услономъ и акад. Шифнеромъ.

Абхазскій языкъ, самый трудный въ звуковомъ отношеніи изъ всѣхъ кавказскихъ языковъ, былъ изслѣдованъ научнымъ образомъ въ первый разъ Георгомъ Розеномъ, въ сороковыхъ годахъ; но отъ знаменитаго филолога, разговаривнаго съ абхазцами на мало имъ извѣстномъ турецкомъ языкѣ, ускользнуло мно-

[94]) Matériaux pour servir à l'étude de la langue tchetchène et avare. См. Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersb., t. VIII, № 1, pag. 8—10.

го особенностей вышеозначеннаго языка. Въ гораздо лучшія обстоятельства былъ поставленъ П. К. Усларъ, изучавшій означенный языкъ при содѣйствіи абхазцевъ, объяснявшихся довольно хорошо по-русски [95]). Абхазская грамматика составляетъ первый лингвистическій трудъ Петра Карловича, которому пришлось, на первыхъ-же порахъ его кавказской лингвистической дѣятельности, бороться съ тѣми непомѣрными затрудненіями, какія представляетъ для не-абхазскаго уха звуковая система означеннаго языка. Еще знаменитый путешественникъ XVII в., Эвлія-эфенди, посѣтившій на своемъ вѣку много странъ и изучившій не мало языковъ, нашелъ произношеніе абхазскихъ словъ необыкновенно труднымъ [96]); абхазскіе звуки показались ему до того страшными, что онъ абхазскую рѣчь уподобилъ щебетанью птицъ. Не менѣе странное впечатлѣніе произвели на первыхъ порахъ абхазскіе звуки и на Петра Карловича. „Объ абхазскомъ языкѣ,“ говоритъ П. К., „можно сказать, что онъ напоминаетъ жужжаніе насѣкомыхъ.“ Далѣе онъ говоритъ: „Основа абхазскаго произношенія состоитъ изъ сплетенія самыхъ разнообразныхъ звуковъ шипящихъ, дрожащихъ, свистящихъ, жужжащихъ, но разнородность ихъ ускользаетъ отъ непривычнаго слуха. Чтобы распутать это *шаривари* звуковъ, нѣтъ другаго средства, какъ положиться на слухъ самихъ туземцевъ“ [97]). При помощи послѣднихъ П. К. успѣлъ совладать съ этимъ шаривари абхазскихъ звуковъ, описаніе которыхъ, самое обстоятельное, и находимъ въ его грамматикѣ. Замѣтимъ еще, что П. К. избралъ для изученія бзыбское нарѣчіе, превосходящее обиліемъ звуковъ всѣ остальныя абхазскія нарѣчія.

Разсмотримъ, на основаніи труда П. К. Услара и отчета акад. Шифнера объ этомъ трудѣ, *абхазскіе звуки и начертанія*, придуманныя для нихъ многоуважаемыми лингвистами [98]). Начнемъ съ гласныхъ. Что касается до *е* и *о*, то эти гласныя, подобно тому, какъ и въ другихъ вообще кавказскихъ горскихъ языкахъ, не играютъ важной роли въ абхазскомъ языкѣ: *е* чистое рѣдко

---

[95]) Ausführlicher Bericht über des Gen. Bar. Peter von Uslar abchasische Studien, SS. III—IV.

[96]) „Замѣтки туриста о состояніи Закавказскаго края около половины XVII вѣка,“ статья Филиппа Бруна. См. № 68 „Кавказа“ за 1870 г.

[97]) Литографир. грамматика абхазскаго языка, § 1.

[98]) Литогр. грамм. абхазскаго языка, §§ 2 — 5. Ausführlicher Bericht über Uslar's abchasische Studien, §§ 2—7.

встрѣчается, *о* попадается также рѣдко въ абхазскихъ корняхъ. Болѣе значенія имѣютъ: *і*, *а*, *у*; они произносятся большею частью чисто. Замѣтимъ, однако, что произношеніе *а*, подобно тому какъ и въ другихъ кавказскихъ горскихъ языкахъ, смягчается послѣ извѣстныхъ согласныхъ. То-же самое происходитъ и съ абхазскимъ *у*. Для такихъ смягченныхъ (*а* и *у*) П. К. не счелъ нужнымъ вводить въ свою азбуку особую транскрипцію. Въ этомъ случаѣ онъ остался вѣренъ тому правилу, что обозначеніе всѣхъ тонкостей произношенія гласныхъ въ азбукахъ, предназначенныхъ для народнаго употребленія, составляетъ излишнее дѣло. П. К., однако, сдѣлалъ, въ своемъ абхазскомъ алфавитѣ, незначительное отступленіе отъ этого правила. Въ абхазскомъ языкѣ иногда два *а* сливаются въ одно долгое *а*. Надъ такимъ долгимъ *а* П. К. ставитъ accent circonflexe (у акад. Шифнера надъ такимъ *а* стоитъ такой-же знакъ). „Долгое *а* произносится гортанно, какъ *а* въ англійскомъ словѣ *all*, не переходя, впрочемъ, при этомъ въ *о*.“ Кромѣ означенныхъ пяти гласныхъ буквъ, общихъ всѣмъ кавказскимъ горскимъ азбукамъ, встрѣчаемся еще въ абхазской азбукѣ съ буквою *г*, введенною Шёгреномъ въ его осетинскую азбуку, какъ мы выше видѣли, для выраженія бѣглаго, глухаго звука, приближающагося къ русскому *ы*. Въ абхазскомъ букварѣ эта буква оказалась еще необходимѣе, такъ какъ стеченіе въ абхазскомъ языкѣ согласныхъ производитъ посреди себя глухую неявственную гласную, которая и выражается чрезъ *г*. Акад. Шифнеръ обозначаетъ ее посредствомъ латинскаго *у*. Звукъ, выраженный этою буквою, колеблется между русскимъ *ы* и французскимъ *e muet*. „Когда *г*,“ говоритъ П. К., „есть единственная гласная въ словѣ, то она болѣе приближается звукомъ къ *ы*, впрочемъ, глухому и короткому, въ концѣ словъ она подходитъ къ *e muet*.“ Буква *у* (абхазско-усларовская), преимущественно-же на концѣ словъ, когда удареніе падаетъ на предъидущій слогъ, теряетъ тоже чистоту своего звука,—въ такомъ случаѣ она произносится глухо и отрывисто. Замѣтимъ здѣсь кстати, что и буква *п* въ концѣ глагольныхъ формъ едва слышна и выражается однимъ лишь крѣпкимъ сжатіемъ губъ. Наоборотъ, буква *ж*, находясь въ слогѣ, на который падаетъ удареніе, произносится, какъ двойное русское *жж*; *з* въ такомъ-же случаѣ выговаривается съ гораздо бо́льшимъ напряженіемъ, чѣмъ русское *з*. Какъ видно изъ этого, присутствіе или отсутствіе ударенія, усиливая или ослабляя силу звуковъ, играетъ въ выговорѣ означенныхъ буквъ важную роль.

Числомъ согласныхъ абхазскій языкъ превосходитъ всѣ изслѣдованные горскіе языки. Абхазскій языкъ въ особенности богатъ шипящими звуками, число которыхъ, не считая удвоеннаго *ж* и усиленнаго *з*, доходитъ до весьма почтенной цифры — 23! Въ числѣ ихъ, кромѣ шипящихъ, свойственныхъ всѣмъ восточнымъ горскимъ языкамъ, кромѣ звуковъ, соотвѣтствующихъ грузинскимъ ჯ и ძ, весьма рѣдко встрѣчающихся въ означенныхъ языкахъ, находится много исключительно-абхазскихъ звуковъ. О нихъ рѣчь впереди. Гортанными звуками абхазскій языкъ вообще бѣднѣе: въ немъ нѣтъ ع и третьяго *к*, общихъ восточногорскимъ языкамъ. Замѣтимъ здѣсь, что абхазское *h* болѣе подходитъ къ нѣмецкому *h* (въ словѣ habe), нежели къ французскому *h* aspiré. Однако въ абхазскомъ языкѣ есть и нѣсколько оригинальныхъ гортанныхъ звуковъ, составляющихъ исключительную принадлежность этого языка. Рѣчь о нихъ тоже впереди. Губными звуками разсматриваемый языкъ богаче восточно-кавказскихъ языковъ.

Одну изъ характеристическихъ чертъ звуковой системы абхазскаго языка составляетъ то, что многіе звуки (по большей части шипящіе) произносятся съ большимъ напряженіемъ. Не говоря уже о *з* и *ж*, выговариваемыхъ иногда, какъ мы выше сказали, съ усиленнымъ напряженіемъ, замѣтимъ, что абхазское *ч* сильнѣе русскаго *ч* и произносится почти какъ-бы двойное *ч*, что абхазское *ш* звучитъ какъ-бы двойное русское *ш*. Далѣе, *ц* произносится, какъ *тц* (причемъ, однако, *т* звучитъ весьма слабо), „абхазское *х* произносится съ хрипомъ или, вѣрнѣе сказать, съ звукомъ, который слышится при харканіи.“ Для всѣхъ поименованныхъ звуковъ ни П. К., ни г. Шифнеръ не ввели, разумѣется, въ свои азбуки особенныхъ письменныхъ начертаній. Въ абхазскомъ языкѣ существуетъ еще двойное *ш* и двойное *ч*, подходящее къ сочетанію *ч* и *ш*, гдѣ *ш* мало явственно. Есть еще и тонкая (tenuis) двойнаго *ч* (замѣтимъ при этомъ, что въ абхазскомъ языкѣ есть нѣсколько звуковъ, имѣющихъ соотвѣтствующія имъ тонкія). Далѣе, въ бзыбскомъ нарѣчіи, кромѣ обыкновенныхъ *с*, *ц* и ҵ, находятся: удвоенное *с*, а также *ц* и ҵ, произносимыя съ бо́льшимъ напряженіемъ, чѣмъ обыкновенныя *ц* и ҵ. Въ бзыбскомъ-же нарѣчіи существуетъ и весьма гортанное *х*, подходящее къ сочетанію *гхг*. Способъ обозначенія поименованныхъ звуковъ гг. Усларомъ и Шифнеромъ напоминаетъ вообще ихъ транскрипцію удвоенныхъ лакскихъ согласныхъ. Замѣ-

тимъ только, что у г. Услара иначе изображено двойное *ч*, а у г. Шифнера — весьма гортанное *х*. Слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе на способы обозначенія тонкихъ оригинальныхъ абхазскихъ звуковъ: г. Шифнеръ помѣщаетъ подъ всѣми тонкими этихъ звуковъ точку, а г. Усларъ ставитъ надъ ними значекъ, помѣщаемый обыкновенно надъ полугласною *й* (*и съ краткою*). Замѣтимъ, наконецъ, что при произношеніи особенно усиленныхъ звуковъ, напряженіе дыханія становится, конечно, гораздо сильнѣе. Придыханіе играетъ вообще важную роль въ звуковой системѣ абхазскаго языка. Можетъ быть по этой причинѣ въ означенномъ языкѣ встрѣчается весьма рѣдко *в* и чаще *ф*, буква придыхательная, соотвѣтствующая первой и замѣняющая ее нерѣдко и въ нарѣчіяхъ русскаго языка.

Усиленное произношеніе многихъ согласныхъ не составляетъ еще исключительной принадлежности абхазскаго языка: мы видѣли, что подобное явленіе, хотя и въ различной степени, свойственно и языкамъ Восточнаго Кавказа. Но мы также видѣли и то, что въ рѣчи восточныхъ горцевъ, при дѣятельномъ трудѣ различныхъ органовъ произношенія, менѣе всего работаютъ губы. Этого нельзя сказать объ абхазской рѣчи: при выговариваніи многихъ звуковъ принимаютъ весьма дѣятельное участіе губы, которыя весьма замѣтно то сближаются, то разъединяются, а нерѣдко приходятъ въ дрожательное, какое-то судорожное движеніе. При этомъ надо упомянуть и о дыханіи, направляемомъ то къ отверстію, образуемому сближенными зубами и губами, то предварительно къ глубинѣ нёба или къ мѣсту соединенія его съ деснами, а потомъ уже къ сближеннымъ губамъ. Дыханіе, проходя съ бо́льшимъ или меньшимъ напряженіемъ чрезъ различныя стадіи, при участіи другихъ органовъ произношенія, производитъ часто или жужжаніе, или свистъ. При произношеніи такимъ образомъ нѣкоторыхъ шипящихъ и гортанныхъ, послѣ нихъ слышится какъ-бы *в*, или *ф* съ сочетаніемъ, какъ замѣчаетъ г. Шифнеръ, паразитной гласной, или-же французское *и*. При выговариваніи-же съ усиленнымъ напряженіемъ зубныхъ звуковъ *д* и *т*, губы приходятъ какъ-бы въ судорожное движеніе, и тогда *д* и *т* являются въ сопровожденіи дрожательныхъ губныхъ *б* и *п*. Весьма обстоятельное описаніе этихъ *специально-абхазскихъ звуковъ*, кажущихся не-абхазскому уху звуками слитными, неясными и производящихъ на него весьма странное впечатлѣніе, находимъ въ грамматикѣ абхазскаго языка, состав-

ленной Петромъ Карловичемъ. Сдѣлаемъ извлеченіе изъ этого описанія, причемъ будемъ стараться соблюсти извѣстнаго рода постепенность. Въ то-же время познакомимъ читателей съ способами обозначенія вышеуказанныхъ звуковъ. Начнемъ съ шипящихъ, послѣ которыхъ какъ-бы слышится *в*. Обратимъ сначала вниманіе на звукъ, представляющій, хотя и не вполнѣ, сочетаніе *ш* и *в* (*шв*). „При произношеніи этого звука", говоритъ г. Усларъ, „зубы не соприкасаются, воздухъ выдыхается ровно сквозь губы, сближенныя противъ полосы соединенія верхнихъ и нижнихъ зубовъ." При произнесеніи тонкой означеннаго звука слышится присвистъ. Вотъ описаніе другаго звука, выражаемаго отдаленно черезъ *жзв*. „При произнесеніи его зубы сближаются, но не плотно; языкъ лежитъ у мѣста соединенія нижнихъ зубовъ съ деснами, губы сближены такъ, что остается лишь узкій промежутокъ для пропуска дыханія." Дальше слѣдуетъ звукъ, ближе всего подходящій къ сочетанію *тцв*. „При произнесеніи его нижніе зубы поднимаются къ верхнимъ, дыханіе устремляется къ мѣсту соединенія десенъ съ нёбомъ, и потомъ пропускается сквозь сближенныя губы, при разъединеніи которыхъ образуется родъ легкаго свиста." При произнесеніи звука, выражаемаго отдаленно черезъ *дзв*, „языкъ съ напряженіемъ придвигается къ верхнимъ зубамъ и столь-же быстро отбрасывается назадъ, верхняя губа остается неподвижною, а нижняя, только оконечностями прикасаясь къ верхней, образуетъ дугу." Что касается до изображенія этихъ звуковъ, то первый изъ нихъ выражается, въ алфавитѣ ген. Услара, черезъ *ш* съ значкомъ внизу, непосредственно съ нимъ соединеннымъ, имѣющимъ видъ петельки; третій — посредствомъ *ц* съ такимъ-же значкомъ; второй—посредствомъ буквы, представляющей сочетаніе *з* и *ж*; послѣдній имѣетъ вполнѣ условное начертаніе *ʃ*. Приступимъ теперь къ спеціально-абхазскимъ гортаннымъ звукамъ, которыхъ оказывается только два. Одинъ изъ нихъ изображенъ черезъ *h* съ загнутымъ внизъ концомъ съ правой стороны (подобно удвоенному второму лакскому *h*). Объ этомъ-то звукѣ г. Шифнеръ говоритъ, что онъ представляетъ *h*, послѣ котораго слышится *ф*, сопровождаемое паразитною гласною (подходящею къ нѣмецкому *ü*), а г. Усларъ утверждаетъ, что этотъ звукъ рѣшительно не можетъ быть изображенъ никакимъ сочетаніемъ буквъ, и что ни *хюа*, ни *hфюа* не даютъ о немъ понятія. П. К. слѣдующимъ образомъ описываетъ способъ произношенія означеннаго звука: „Произносит-

ся *h*, причемъ обѣ челюсти сближаются; въ моментъ сближенія звукъ прерывается въ горлѣ и потомъ, при разъединеніи челюстей, производитъ родъ свиста". Этотъ звукъ сами абхазцы считаютъ очень труднымъ для произношенія. Съ описаннымъ звукомъ имѣетъ аналогію другой звукъ, изображенный г. Усларомъ условно посредствомъ начертанія, представляющаго подобіе буквы *o* съ сочетаніемъ уменьшеннаго *e*. Объ этомъ звукѣ, произносимомъ съ легкимъ гортаннымъ придыханіемъ, г. Усларъ говоритъ, что онъ „можетъ быть выраженъ французскими буквами, хотя и далеко не точно, чрезъ *hu*, гдѣ *h* весьма слегка придыхаемо." Что-же касается до этого *u*, то оно, по словамъ П. К., представляетъ „звукъ, промежуточный между *e* въ *le*, которое есть простое *e*, произносимое сближенными губами, и французскимъ *u*, которое есть *i*, произносимое также сближенными губами" [99]). Г. Шифнеръ принимаетъ въ основаніе начертанія означеннаго звука *g*, потому что, при произношеніи его тѣмъ абхазцемъ, изъ устъ котораго многоуважаемый академикъ слышалъ абхазскую рѣчь, естественно можно было различить *g*. Этотъ-же абхазецъ происходилъ не изъ Бзыбскаго округа, а изъ той общины, которая, по мнѣнію г. Шифнера, сохранила въ своей рѣчи болѣе древній характеръ абхазскаго языка [100]). Вышеуказанные спеціально-абхазскіе шипящіе и гортанные звуки заключаютъ въ себѣ *j*, вслѣдствіе чего смягчается произношеніе слѣдующихъ за ними гласныхъ: *a* и *y*. Подобнымъ свойствомъ обладаютъ;

[99]) Въ абхазскомъ букварѣ, составленномъ коммиссіею подъ руководствомъ И. Бартоломея и изданномъ въ 1865 г., попадаются довольно важные недосмотры; такъ, напр., о вышеописанномъ звукѣ сказано (см. стр. 1), что это „есть звукъ промежуточный между *e* и *le*, которое есть простое *e*, произносимое сближенными губами, и французскимъ *u*, которое есть *i*, произносимое также сближенными губами". Внимательный читатель, во-первыхъ, согласится съ нами, что *le* вовсе не есть простое *e*, но *le*. Во-вторыхъ, непонятно, что это за странный звукъ, являющійся промежуточнымъ между *e* и *le*, да еще, кромѣ того, и французскимъ *u*?! Прочитавъ это весьма оригинальное описаніе означеннаго звука, заглянули мы въ литографированную грамматику абхазскаго языка, составленную г. Усларомъ,—и что-же оказалось? Въ текстѣ труда П. К—ча сказано: „звукъ промежуточный между *e* въ *le*..." Но въ *ъ* не вышелъ *ъ*, а самое *в* вышло такъ, что лицо, снимавшее копію съ труда П. К—ча, приняло это *в* за *и*. Не забудемъ притомъ одного только обстоятельства, а именно того, что абхазскій букварь, изданный въ 1865 г., предназначенъ для народнаго употребленія.

[100]) Ausführlicher Bericht über des Gen. P. v. Uslar abchasische Studien, SS. V—VI.

какъ мы выше видѣли, въ восточно-кавказскихъ языкахъ только весьма немногіе гортанные звуки, а въ аварскомъ языкѣ и оригинальные зубно-язычные звуки. Возвращаясь къ спеціально-абхазскимъ звукамъ, при произношеніи которыхъ принимаютъ весьма дѣятельное участіе различные органы произношенія и которые кажутся какъ будто слитными звуками, нельзя не замѣтить соотвѣтствія между шипящими и гортанными звуками, съ одной стороны, и сопровождающими ихъ названными г. Шифнеромъ паразитными звуками, съ другой стороны. Подобное соотвѣтствіе обнаруживается и между зубными звуками *д* и *т*, произносимыми съ усиленнымъ напряженіемъ и сопровождающими ихъ дрожательными губными звуками *б* и *п*: въ такомъ случаѣ *д* является въ сопровожденіи *б*, а буква *т*, которая есть media *д*, сопровождается *п*, составляющею такой-же звукъ соотвѣтствующей ей *б*. Г. Усларъ изображаетъ эти спеціально-абхазскіе зубные звуки черезъ немного видоизмѣненное *д* и шёгреновское *т*. Послѣдняя буква имѣетъ соотвѣтствующую ей тонкую. У г. Шифнера, въ его транскрипціи спеціально-абхазскихъ звуковъ, замѣтно однообразіе: надъ всѣми буквами, выражающими вышеозначенные звуки, стоитъ неизмѣнно одинъ значокъ, имѣющій подобіе крючочка.

Вообще въ абхазскомъ алфавитѣ г. Шифнера осталось неизмѣннымъ основное начертаніе данныхъ буквъ, но зато явилось, по необходимости, и значительное количество письменныхъ начертаній, снабженныхъ надбуквенными значками или подбуквенными точками; надъ многими буквами помѣщены по два значка, а подъ нѣкоторыми, кромѣ того, разставлены еще точки. Въ абхазскомъ алфавитѣ г. Услара, за исключеніемъ буквъ, выражающихъ тонкія и надъ которыми непремѣнно нужно было поставить значокъ, двѣ только буквы снабжены значками; но зато П. К—чу пришлось видоизмѣнить отчасти начертаніе нѣсколькихъ буквъ, ввести одинъ вполнѣ условный письменный знакъ и даже допустить въ алфавитъ, вопреки его правилу, двѣ сложныя буквы, изъ которыхъ одна должна быть отнесена также къ числу совершенно условныхъ письменныхъ начертаній.

По разсмотрѣніи порознь новыхъ горскихъ алфавитовъ, нужно сдѣлать *общую ихъ характеристику*. Академикъ Шёгренъ,

при изученіи имъ осетинскаго языка и составленіи для него азбуки, отдавая полную справедливость грузинскому алфавиту, какъ такому, въ которомъ каждый звукъ выражается знакомъ и каждый знакъ постоянно выражаетъ одинъ и тотъ-же звукъ, рѣшился, однако, въ виду будущей судьбы самихъ осетинъ, принять за основаніе осетинской азбуки русскій алфавитъ. Это было первое примѣненіе русскаго алфавита къ одному изъ кавказско-горскихъ языковъ; относится оно къ тридцатымъ годамъ текущаго столѣтія. Въ осетинскій алфавитъ Шёгрена вошли почти всѣ русскія согласныя. Что-же касается до остальныхъ буквъ, то составитель азбуки, исходя изъ того положенія, что каждый звукъ долженъ имѣть извѣстный и постоянный знакъ, далъ мѣсто въ своемъ алфавитѣ только нѣсколькимъ русскимъ гласнымъ буквамъ и упразднилъ двугласныя, полугласныя и паразитныя гласныя. Упраздненіе двугласныхъ и полугласной *й* потребовало введенія *j*. Далѣе, такъ-какъ русскій алфавитъ, не смотря на обиліе въ немъ письменныхъ начертаній, не въ состояніи былъ выразить всѣ звуки, свойственные осетинскому языку, то Шёгренъ заимствовалъ нѣсколько буквъ изъ западно-европейскихъ алфавитовъ и даже ввелъ, вопреки своему убѣжденію, нѣсколько имъ самимъ придуманныхъ сложныхъ буквъ, начертаніе которыхъ главнымъ образомъ взято изъ русскаго алфавита. Шёгренъ остался весьма доволенъ имъ изобрѣтенными буквами, потому-что онѣ, по его выраженію, „такъ устроены, что и въ отношеніи значенія удобоузнаваемы уже по самой наружной формѣ.“—Прошла четверть столѣтія, на осетинскомъ языкѣ было издано нѣсколько книгъ,—тѣмъ дѣло покамѣстъ и ограничилось; о примѣненіи-же въ это время русскаго алфавита къ другимъ горскимъ языкамъ, не имѣющимъ письменности, и рѣчи быть не могло. Но какъ скоро дѣло умиротворенія Кавказа приближалось къ концу, такъ сейчасъ-же былъ поднятъ вопросъ о составленіи азбукъ для горцевъ, съ цѣлью распространенія грамотности на ихъ-же языкахъ. Но чтобы составить азбуку для какого-нибудь языка, надо изучить этотъ языкъ. Тогда-то именно посвятилъ себя изслѣдованію горскихъ языковъ, собственно съ научною цѣлью, П. К. Услеръ. Работа пошла неимовѣрно быстро: Шёгренъ трудился надъ своею осетинскою грамматикою почти девять лѣтъ,—г. Услеръ, въ теченіи подобнаго промежутка времени, успѣлъ составить весьма обстоятельныя грамматики пяти горскихъ языковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію П. К—ча, „сами собою составлялись для

каждаго изъ нихъ алфавиты.“ Г. Усларъ, по примѣру Шёгрена, принялъ за основаніе горскихъ азбукъ русскій алфавитъ, выбросилъ изъ послѣдняго тѣ-же буквы, что и Шёгренъ, ввелъ въ горскія азбуки тоже нѣсколько латинскихъ буквъ, но значительно упростилъ свои алфавиты. Во-первыхъ, основываясь на томъ, что обозначеніе всѣхъ тонкостей произношенія, въ особенности гласныхъ буквъ, невозможно въ азбукахъ, составляемыхъ для народнаго употребленія, ген. Усларъ оставилъ въ своихъ алфавитахъ только самыя необходимыя гласныя. Во-вторыхъ, находя, что совокупленіе двухъ буквъ для выраженія одного звука составляетъ явное несовершенство алфавита, онъ не далъ мѣста въ своихъ азбукахъ тѣмъ шёгреновскимъ письменнымъ начертаніямъ, которыя весьма наглядно представляютъ сочетаніе двухъ буквъ, и предпочелъ имъ три немного видоизмѣненныя грузинскія буквы. Составитель горскихъ азбукъ иногда вводитъ совершенно условные простые письменные знаки, такъ-какъ онъ не заботится о томъ, чтобы всѣ вновь вводимыя буквы непремѣнно были „удобоузнаваемы по ихъ наружной формѣ.“ Вообще П. К. такъ тщательно избѣгаетъ сложныхъ буквъ, что во всѣхъ его алфавитахъ наберется не болѣе трехъ составныхъ письменныхъ начертаній; кромѣ того, одинъ простой аварскій звукъ выраженъ двумя буквами. Изъ шёгреновскихъ сложныхъ буквъ онъ принялъ тѣ только, которыя, по своему начертанію, подходятъ болѣе къ простымъ письменнымъ знакамъ (да и тѣ имъ еще болѣе упрощены). Въ-третьихъ, г. Усларъ считаетъ несовершенствомъ въ алфавитахъ чрезмѣрное употребленіе точекъ и буквенныхъ значковъ. Что касается до первыхъ, то онъ положительно ихъ врагъ: во всѣхъ его алфавитахъ напрасно будете искать точекъ подъ буквами или надъ буквами (исключеніе представляютъ, разумѣется, *i* и *j*). Въ этомъ отношеніи усларовскія азбуки имѣютъ характеръ грузинскаго алфавита и діаметрально противоположны арабскому. Что-же касается до буквенныхъ значковъ, то П. К. отдаетъ предпочтеніе такимъ, которые соединены непосредственно съ данными буквами, будучи какъ-бы составною ихъ частью. Иногда онъ даже видоизмѣняетъ часть начертанія буквы, лишьбы только было въ азбукѣ поменьше буквенныхъ значковъ. Не смотря на это, могъ-ли г. Усларъ обойтись совершенно безъ употребленія отдѣльныхъ надбуквенныхъ значковъ въ тѣхъ азбукахъ, въ которыхъ пришлось изобразить около 50 звуковъ, а иногда и болѣе? Но такихъ значковъ введено П. К—чемъ, въ

его алфавиты, главнымъ образомъ только три, а именно: вертикальная черточка, ташдидъ и значекъ, помѣщаемый обыкновенно надъ *и съ краткой*. Притомъ П. К. крайне-экономенъ въ употребленіи перечисленныхъ значковъ. Составитель алфавитовъ такъ заботливо избѣгаетъ обилія надбуквенныхъ значковъ потому, кажется, чтобы не пестрить горской письменности. На этомъ основаніи,—такъ надо полагать,—при составленіи азбуки для лакскаго языка, обильнаго удвоенными согласными, П. К. предпочелъ скорѣе изобразить ихъ различно, нежели прибѣгнуть къ общему для нихъ надбуквенному значку — ташдиду. При маломъ количествѣ значковъ нельзя было избѣгнуть и того, чтобы извѣстный значокъ не являлся въ различныхъ азбукахъ съ различнымъ значеніемъ. Это обстоятельство, разумѣется, представляетъ нѣкоторое неудобство для тѣхъ, которые пожелали-бы заняться сравнительнымъ изученіемъ кавказско-горскихъ языковъ; но не надо забывать того, что П. К., при составленіи горскихъ азбукъ, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ горцевъ, которыхъ, конечно, онъ не думалъ сдѣлать кавказскими лингвистами, а которымъ хотѣлъ просто предоставить возможность легче выучиться грамотѣ на ихъ-же родныхъ языкахъ. Замѣтимъ здѣсь также, что г. Усларъ, имѣя въ виду облегченіе грамотности для туземцевъ, далъ мѣсто въ своихъ алфавитахъ только скорописнымъ буквамъ (довольно значительнаго размѣра) и выбросилъ заглавныя буквы. Однимъ словомъ, П. К. заботился всѣми мѣрами о томъ, чтобы его азбуки были вполнѣ практичными и соотвѣтствовали своему назначенію.

За изученіе восточно-кавказскихъ языковъ принялся еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ академикъ Шифнеръ, составившій сперва грамматическіе очерки тушскаго и удинскаго языковъ, а потомъ весьма обстоятельные отчеты о лингвистическихъ трудахъ г. Услара. Хотя за основаніе кавказско-горскихъ алфавитовъ г. Шифнера и принятъ латинскій алфавитъ, но они, по своему характеру, имѣютъ такъ много общаго съ русско-горскими азбуками г. Услара, что переложеніе, напр., первыхъ на вторыя составляетъ вовсе не трудное дѣло. Однако означенные алфавиты представляютъ нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, характеръ латинскаго алфавита соблюденъ до того строго въ кавказско-горскихъ письменахъ г. Шифнера, что во всѣхъ ихъ наберется не болѣе трехъ основныхъ начертаній, совершенно чуждыхъ латинскому алфавиту. Не менѣе строго провелъ г. Шифнеръ и систе-

му обозначенія простыхъ звуковъ несложными начертаніями: въ его трудахъ находится только единственная сложная буква (въ тушскомъ алфавитѣ). Наконецъ, алфавиты г. Шифнера представляютъ, въ сравненіи съ азбуками г. Услара, меньшее количество основныхъ начертаній. Зато г. Шифнеръ принужденъ былъ гораздо чаще прибѣгать къ надбуквеннымъ значкамъ и даже точкамъ, разставленнымъ, обыкновенно, по одной (за весьма немногими исключеніями) подъ буквами. Обиліе-же буквенныхъ точекъ и значковъ (обусловливаемое главнымъ образомъ сравнительною бѣдностью латинскаго алфавита) представляетъ въ письменности нѣкоторыя неудобства. Впрочемъ, такъ какъ алфавиты г. Шифнера составлены исключительно съ научною цѣлью, то упомянутое обстоятельство еще не важно. Вообще-же означенные алфавиты, по простотѣ и сравнительно небольшому количеству основныхъ начертаній, имѣютъ неоспоримыя преимущества предъ прочими латинскими алфавитами, примѣненными къ языкамъ, изобилующимъ звуками. Кавказскіе алфавиты г. Шифнера могутъ представить развѣ только одно затрудненіе (и то только на первыхъ порахъ) для тѣхъ лицъ, которые пожелали-бы заняться сравнительнымъ изученіемъ горскихъ языковъ. Это затрудненіе состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя письменныя начертанія въ различныхъ алфавитахъ получаютъ различное значеніе.

Остается сказать нѣсколько словъ *о введеніи русско-горскихъ азбукъ въ народное употребленіе* [101]). Почти одновременно съ изученіемъ г. Усларомъ кавказско-горскихъ языковъ и съ составленіемъ для нихъ азбукъ, составлялись и буквари или имъ самимъ, или подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Казн Атажукинъ составилъ букварь кабардинскаго языка, принявъ за основаніе азбуки кавказско-горскій алфавитъ г. Услара. Изданы были книги для народнаго употребленія, а также, при существенной поддержкѣ со стороны правительства, приняты были мѣры и для успѣшнаго распространенія грамотности на горскихъ языкахъ. Это происходило на Восточномъ Кавказѣ, среди мусульманскаго населенія, между которымъ до-сихъ-поръ была распространена, можно сказать, исключительно только арабская грамотность. Въ то-же время на Западномъ Кавказѣ Общество возстановленія хри-

[101]) См. „Сборникъ свѣдѣній о кавказ. горцахъ," вып. I, „Библіограф. замѣтка," стр. 67 — 72 и вып. III, „О распространеніи грамотности между горцами," стр. 23—27.

стіанства заботилось о составленіи букварей на языкахъ тѣхъ горскихъ народовъ, которые либо исповѣдывали уже христіанство, либо начинали принимать крещеніе. Съ этою цѣлью наряжена была коммисія, которая издала буквари абхазскій и чеченскій (мы упоминали объ этихъ букваряхъ). Алфавиты для нихъ позаимствованы изъ литографированныхъ грамматикъ И. К-ча. Составленъ былъ и сванетскій букварь, въ основаніе азбуки котораго легъ тоже кавказско-горскій алфавитъ г. Услара. Но главнымъ образомъ дѣятельность Общества возстановленія христіанства, по распространенію письменности между горскими племенами и изданію для нихъ книгъ, сосредоточивалась на переводахъ церковныхъ книгъ на осетинскій языкъ,—и въ настоящее время почти всѣ необходимыя при совершеніи богослуженія книги переведены уже на означенный языкъ [102]). Въ основаніе трудовъ переводчиковъ легъ, съ незначительными видоизмѣненіями, алфавитъ шёгреновскій.—Что касается до введенія грамотности и изданія книгъ на основаніи усларовскихъ алфавитовъ, то изъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ мы узнаемъ, что въ промежуткѣ времени отъ 1862 до 1867 г., вызываемо было нѣсколько смѣнъ учащихся попеременно въ Грозную, Нальчикъ, въ Темиръ-Ханъ-Шуру и Кумухъ. Вызванные для обученія успѣли втеченіи нѣсколькихъ недѣль выучиться родной грамотѣ на русскомъ основаніи и въ придачу почти выучились читать-писать и по-русски. Послѣ этого не трудно было уже ознакомиться и съ тѣми паразитными буквами, которыя встрѣчаются въ русскомъ алфавитѣ (*ъ*, *ѣ*, *ю*, *я* и т. д). Г. Усларъ думаетъ, что „изученіе родной грамоты на русскомъ основаніи служитъ наилучшимъ подготовительнымъ пособіемъ къ изученію грамоты русской“ [103]).

---

[102]) Поэтому „Общество просило преосвященнаго Экзарха Грузіи вмѣнить отнынѣ осетинскому духовенству въ непремѣнную обязанность, чтобы оно богослуженіе и церковныя требы совершало только на осетинскомъ языкѣ“. См. отчетъ Общества возстановленія христіанства за 1868 г., стр. 46. — Изъ этого-же отчета узнаемъ, что „переводы книгъ на другіе горскіе языки, при всей важности и дѣйствительной ихъ пользѣ, не могли быть совершены... въ настоящее время.“

[103]) „Выучите сначала,“ говоритъ дальше П. К., „ученика-горца грамотѣ на его родномъ языкѣ и отъ нея перейдите къ русской. Начните учить другаго ученика-горца прямо грамотѣ русской. Сложность времени, употребленнаго на изученіе туземной и русской грамоты, окажется менѣе того времени, которое должно употребить на изученіе *прямо* грамоты русской. Опытъ уже доказалъ это вполнѣ и можетъ быть повторенъ, сколько угодно“. См. статью „О распростр. грамотности. . .“, стр. 25.

Главнымъ руководителемъ въ дѣлѣ распространенія новой грамотности былъ, какъ мы уже замѣтили, самъ составитель кавказско-горскихъ алфавитовъ. Лица-же, при содѣйствіи которыхъ И. К. изучалъ горскіе языки, были и первыми учителями новой грамоты. Потомъ правительство, для поощренія учащихъ, назначило имъ за каждаго обученнаго денежное вознагражденіе. Обученнымъ нужно было дать въ руки и книги. Съ этою цѣлью были составлены и изданы книги для чтенія, которыя, равнымъ образомъ какъ и букварь, правительство разрѣшило раздавать безденежно. Принята была еще одна мѣра: въ Шуру вызываемы были для обученія новой грамотѣ письмоводители наибовъ и окружныхъ судовъ. Цѣлью этой мѣры было постепенное введеніе между аварцами оффиціальной переписки на ихъ языкѣ, вмѣсто переписки, производившейся до-сихъ-поръ на арабскомъ языкѣ. Дальнѣйшее распространеніе новой грамотности между горцами Восточнаго Кавказа, гдѣ съ давнихъ поръ прочно утвердились арабскія письмена, сопряжено, конечно, съ немалыми препятствіями. Нашлись и въ русской публикѣ лица, которые отнеслись не совсѣмъ благосклонно къ азбукамъ г. Услара. Какъ-бы то ни было, но такой серьезный вопросъ, какъ распространеніе грамотности между горцами, требуетъ самаго тщательнаго разбора его. Мы съ своей стороны ограничились сообщеніемъ тѣхъ свѣдѣній о разныхъ кавказско-горскихъ письменахъ, какія только намъ удалось собрать.

Независимо отъ этого, мы, при печатаніи нашей статьи, руководствовались и другимъ соображеніемъ. Труды гг. Услара и Шифнера, составляющіе эпоху въ кавказской лингвистикѣ, должны, рано или поздно, вызвать цѣлый рядъ послѣдователей, которымъ, на первыхъ-же порахъ ихъ лингвистической дѣятельности, придется ознакомиться съ звуками, свойственными кавказско-горскимъ языкамъ, и съ способами ихъ обозначенія. Смѣемъ надѣяться, что и въ этомъ случаѣ нашъ трудъ принесетъ извѣстную долю пользы. — Наконецъ мы полагаемъ, что такой предметъ, какъ кавказско-горскія письмена, не лишенъ интереса вообще для всей мыслящей публики.

Л. Загурскій.

Тифлисъ.
1871 года.

(*Къ этой статьѣ прилагаются четыре таблицы*).

Грузинскій алфавитъ.

	Мхедрули.	Хуцури.	Произнош.		Мхедрули.	Хуцури.	Произношеніе.
Буквы, выражающія звуки, свойственные и русскому языку:	ა	ჯ	*а*	Буквы, выраж. звуки, чуждые рус. языку:	ჰ	ჰ	соотв. фран. *h* aspiré, араб. ه.
	ბ	ჯ	*б*		ღ	ღ	*г* съ придыханіемъ.
	გ	ჯ	*г*		ქ	ქ	*к* съ придыханіемъ.
	დ	ჯ	*д*		ფ	ფ	*п* съ придыханіемъ.
	ე	ჯ	*е*		თ	თ	*т* съ придыханіемъ.
	ვ	ჯ	*в*		ყ	ყ	выражаетъ глубоко-гортан. *к*.
	ზ	ჩ	*з*		ძ	ძ	подходитъ къ сочетанію *дз*.
	ი	ჩ	*і*		ჯ	ჯ	,, ,, ,, *дж*.
	კ	ჩ	*к*		წ	წ	,, ,, ,, *тц*.
	ლ	ჩ	*л*		ჭ	ჭ	,, ,, ,, *тч*.
	მ	ჭ	*м*				
	ნ	ნ	*н*				
	ო	ო	*о*	Буквы, рѣдко употребляемыя:	ჴ	ჴ	*х* съ гортан. придыханіемъ.
	პ	ჴ	*п*		ჱ	ჱ	краткое слегка-придыхаемое *э*.
	ჟ	ჟ	*ж*		ჲ	ჲ	краткое *і* (*й*).
	რ	რ	*р*		ჳ	ჳ	средній звукъ между *у* и *в*.
	ს	ს	*с*		ჵ	ჵ	выражаетъ сочетаніе *ви*.
	ტ	ტ	*т*		ჶ	ჶ	выраж. междометіе ჰოი (hoi)!
	უ	უ	*у*		ჷ	ჷ	*ф*.
	ჰ	ჰ	*ш*				
	ჩ	ჩ	*ч*				
	ც	ც	*ц*				
	ხ	ხ	*х*				

Арабскій алфавитъ.

Согласныя буквы:	ب	*б*
	ف	*ф*
	م	*м*
	ر	*р*
	ل	*л*
	د	*д*
	ت	*т*
	ط	*т* съ усиленіемъ.
	ن	*н*
	س	*с*
	ش	*ш*
	ز	*з*
	ج	*дж*
	ص	*с* съ усиленіемъ.
	ض	*д* съ усил.,
	ظ	у перс. какъ двойн. *з*.
	ذ	*дз*, у перс. мягче *з*.
	ث	*тс* (англ. *th*), у перс. какъ мягкое *с*.
	ه	франц. *h* слабо-придых.
	ح	соотв. латин. *h*.
	خ	*х*
	ق	глубоко-гортанное *к*.
	ك	подходитъ къ рус. *к*.
	غ	см. стр. 13.
	ع	
Хворыя буквы:	ا	см. стр. 16.
	و	какъ англ. *w*, а иногда какъ *в*.
	ى	какъ нѣмецкое *j*.

Собственно-персид. буквы:
پ *п*, ژ *ж*, چ *ч*, گ *г* съ усилен.

Турецкая буква
ڭ (сагиръ-нунъ) бѣгл. и носов. *н*.

Надбуквенные и подбуквенные знаки.

Изображ.	Мѣсто.	Названіе.	Произношеніе и употребленіе ихъ.
ـَ	надъ букв.	*фатha*	какъ *а*, или какъ открытое *э*.
ـِ	подъ букв.	*кесра*	какъ *і*, или какъ французское *é*.
ـُ	надъ —	*дhамма*	какъ *о*, *у*, или какъ французское *eu*.
ـً	надъ —	*тенвинъ*	показываетъ, что за удвоеннымъ гласнымъ знакомъ слѣдуетъ произносить ن (*н*).
ـٍ	подъ —		
ـٌ	надъ —	*джезма*	употребляется для выраженія весьма бѣглаго гласнаго звука.
ـّ	надъ —	*тешдидъ*	„ „ удвоенія согласной.
ـٱ	надъ и подъ и въ строкѣ.	*hамза*	употр. чаще всего съ элифомъ, которому сообщаетъ сжатое придыханіе.
ـٓ	надъ букв.	*медда*	употр. для означенія протяжнаго произношенія элифа.
ـٔ	надъ —	*весла*	„ „ „ соединенія ٱ (начинающаго слово) съ предшеств. гласнымъ знакомъ. ٱ не произносится.

Осетинскій алфавитъ Шёгрена въ сравненіи съ кавказско-горскимъ алфавитомъ г. Услара.

Шёгреновскій алфавитъ.	Усларовскій алфавитъ.
1) *Русскія буквы, вошедшія въ осетинскій алфавитъ:*	
*б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т**), *х, ц, ч, ш, ф;*	Тѣ-же буквы вошли и въ горскія азбуки г. Услара.
а, і, о, у, е (соотвѣтств. латин. *е*) и *r*.	
2) *Буквы, заимствованныя изъ латинскаго алфавита:*	
j, q (соотвѣтств. грузинск. ق и араб. ق), æ (имѣющее самое открыт. произнош.,— въ нѣкот. изданіяхъ она замѣнена буквою *ä*).	Тоже. Эта буква, съ друг. значеніемъ, вошла въ хюркилинскую азбуку.
3) *Буква, заимств. изъ готическаго алфавита—*	Эта буква выражается въ горскихъ азбукахъ чрезъ
ҕ (соотвѣт. грузинской ҕ и арабской ҕ).	латин. *h* (буква-же ҕ выраж. звукъ, обозначенный въ арабск. алфав. чрезъ ع).
4) *Буквы, составленныя изъ* ҕ и *г, к, п, т:*	
ҕ (*г* съ придых.), ҕ (*к* съ придых.), ҕ (*п* съ придых.) и ҕ (*т* съ придых.).	ҕ, ҕ, ҕ, ҕ.
5) *Сложныя буквы, придуман. Шёгреномъ:*	
ц, ч, дж, д (соотвѣт. грузин.: ⵛ, ⵜ, ⵜ, ⵛ).	ⵛ, ⵜ, ⵜ, ⵛ.
6) *Буквы, исключенныя впослѣдствіи:*	
гласныя: *ė* (закрытое), *ö* (открыт.), ω (выраж. звукъ глубокій и средній между *о* и *у*); согласныя: смягченныя: *ґ, д̀, к̀, н̀* и *т̀* и носовое *ӊ*.	ӊ (*н* носовое) вошло въ чечен. азбуку.
Прим. Въ позднѣйшихъ осетин. изданіяхъ, вмѣсто одного шёгреновскаго *у*, находятся: ӯ и ӱ.	
*) Скорописное *т* изобр. чрезъ *т*.	

Кавказскіе алфавиты г. г. Услара и Шифнера.

Основныя начертанія кавказско-горскихъ азбукъ.

Алфавитъ Услара: a e i o y (ɤ) j h q к x г ӡ с т д н п б (ф) м р л в з ч ш ж ҕ ƙ ц ҭ ƃ ɸ ҙ ӡ ӡ

Алфавитъ Шифнера: a e i o u (y) j h q k x g c s t d n p b (f) m r l w z c š ž ġ k p t ç ç̣ ʒ ǯ

Восточно-кавказскія азбуки въ сравненіи съ аварскою.

Чеченская	г ҕ ӡ h ẋ x ƙ к k q	c ш з ж ц ƃ ч ɸ ӡ	д ҭ т н ң	м ҧ п б в	j р л		a e i o y
	g ġ ʼ h ḥ x k ḳ x̣ q	s š z ž c ç č ç̌ ʒ ǯ	d t ṭ n ŋ	m p ṗ b w	j r l		a e i o u
Тушская	g ġ ʼ ḥ x k ḳ x̣ q	s š z ž c ç č ç̌ ʒ ǯ	d t ṭ n	m p ṗ b w	j r l	l/x	a e i o u
Аварская	г ҕ ӡ h ħ ħ̃ x ẋ к ƙ k q кх x̃	c ç ш з ж ц ц̣ ƃ ƃ ч ч́ ч̃ ɸ	д т ҭ н	м п б в	j р л	ŋ ŋ́ ŋ̃ ɑ	a e i o y
	g ġ ʼ h ḥ x ẋ (ḥ) k ḳ x̣ q (k)	s (ṣ) š (š̤) z ž c (ć) ç (ḉ) č ç̌	d t ṭ n	m p b w	j r l	ƚ (ƚ́) ƚ̣ (ƚ̣́)	a e i o u
	ڲ غ ع ه (ڃ) ح خ ک ڂ ڀ ڭ ق (ڨ) ڪ ڨ	ص (ض) س (ث) ش ڜ ز ض ج ڇ ڗ ڛ چ ڃ ڄ	د ت ط ن	م ف (پ) ب و	ی ر ل	ڵ ڶ	— = ٯ
Лакская	г ҕ ӡ h ħ ħ ħ̃ x ẋ к к̃ ƙ k (kk) q	c ç ш ш̆ з ж ц ƃ ƃ ч ч́ ɸ	д т ҭ ť н	м п (пп) б в	j р л		a e i o y
	g ġ h ḥ ḥ ḳ x ẋ k ḳ k x̣ ẋ̣ q	s ṣ š š̤ z ž c ç ć č č́ ç̌	d t ṭ t n	m p ṗ b w	j r l		a e i o u
Кюркилинская	г ҕ г̃ ӡ h ħ ħ̃ x к k к̃ q ƙ	c ш з ж ц ƃ ч ɸ з ӡ	д т ҭ н	м п ҧ в w	j р л		a æ e i o y
Удинская	g ġ h ḥ x k ḳ x̣ q	s š ṣ z ž ẑ c ç č ç̌ ʒ ǯ	d t ṭ n	m p ṗ f b w	j r l		a (ạ ä) e i o (ọ ö) u (ụ ü) y

Прим. Въ сравнительной таблицѣ восточно-кавказскихъ азбукъ помѣщены сперва буквы, выражающія гортанные и шипящіе звуки, на томъ основаніи, что эти звуки играютъ главную роль въ восточно-горскихъ языкахъ.

Абхазскіе алфавиты:

Алф. Услара: a (ạ) e i o y ɤ г ҕ h x к ƙ q з ж з ӡ с ц ƃ ч ɸ ш д т ҭ н м б п ҧ ф в j р л ш̆ с (ҫ) ç ц̣ ƃ ẋ щ (щ̣) ж (ж̣) у (ẏ) ʃ ħ ɑ ð ч (ч̣)

Алф. Шифнера: a (ạ) e i o u y g ġ h x k ḳ q z ž ʒ ǯ s c ç č ç̌ š d t ṭ n m b p ṗ f w j r l ş ć ç̣ ṣ ć ç̣ x̣ ʒ ʒ̣ ž ž̤ c̣ ç̣ ǯ ḥ q ð t ṭ

Поправки и дополненія къ статьѣ: „Кавказско-горскія письмена“.

Въ отдѣлѣ *грузинскихъ письменъ*, на 6-й и 25-й стр., буква [illegible], соотвѣтствующая араб. ه и франц. *h* aspiré, ошибочно показана соотвѣтствующею латин. *h*.

Прибавленіе ко 2-й страницѣ.

Заглавныя и строчныя буквы хуцури представляютъ по начертанію большею частью поразительное сходство между собою. Найдется нѣсколько и такихъ буквъ, которыя также представятся сходными по начертанію, если только примемъ во вниманіе то обстоятельство, что въ способѣ изображенія строчныхъ буквъ ясно обнаруживается стремленіе къ сообщенію имъ прямолинейнаго начертанія и къ помѣщенію ихъ, по мѣрѣ возможности, въ строчномъ уровнѣ. Возьмемъ, для примѣра, начертанія слѣд. буквъ: Ⴓ и ⴓ, Ⴔ и ⴔ, Ⴕ и ⴕ, Ⴖ и ⴖ, Ⴗ и ⴗ.

Что касается до *арабскихъ письменъ*, то на 13-й стр. (7 строка снизу) слѣдовало сказать, что въ собственно-арабскомъ алфавитѣ нѣтъ и буквы для обозначенія *ц*. — На этой-же стр. ошибочно показано (22 строка сверху), что, при произношеніи غ, слышится *r* и слабое *г* (нужно читать: слышится *г* и слабое *r*). Къ этому прибавимъ, что غ соотвѣтствуетъ груз. ღ.

Дополненія къ отдѣлу *новыхъ кавказско-горскихъ* письменъ:

1) Джезма (см. стр. 35) у г. Услара встрѣчается въ чеченской, а также въ аварской и хюркилинской азбукѣ.

2) Въ тушскомъ алфавитѣ г. Шифнера не оказывается *h*, а въ удинскомъ—письменнаго знака для обозначенія арабскаго ع, хотя въ удинскій языкъ вошло немало араб. словъ, въ составѣ которыхъ находится ع (عزيز, عرابه, عقل и т. д.). Слѣдовало-бы предположить, что въ поименованныхъ языкахъ нѣтъ и звуковъ, соотвѣтствующихъ вышеуказаннымъ буквамъ.

3) Въ арабско-аварскомъ алфавитѣ *п* обозначается по большей части посредствомъ ف (*ф*). Это обстоятельство, кажется, подтверждаетъ справедливость того замѣчанія г. Шифнера (стр. 42), что въ авар. рѣчи *п* является иногда въ сопровожденіи *ф*.

Прибавленіе (къ 32-й стр.) *о лингвистической азбукѣ Лепсіуса и объ отличіи отъ нея Кастреновскаго алфавита и кавказскихъ азбукъ г. Шифнера.*

Берлинскій академикъ Лепсіусъ, въ 1852 г., съ цѣлью противодѣйствія путаницѣ, существовавшей до того времени въ изображеніи, посредствомъ латинскихъ письменъ, звуковъ, свой-

ственныхъ азіятскимъ и африканскимъ языкамъ, установилъ, на основаніи физіологическихъ и лингвистическихъ началъ и при содѣйствіи многихъ англійскихъ и нѣмецкихъ филологовъ, миссіонеровъ-лингвистовъ и физіологовъ, всеобщій лингвистическій алфавитъ, извѣстный подъ названіемъ «Standard alphabet» (образцовый алфавитъ). Standard alphabet не допускаетъ сложныхъ начертаній для изображенія простыхъ звуковъ. Но за то въ немъ находится обиліе точекъ и отдѣльныхъ буквенныхъ значковъ. Въ Standard alphabet приняты и греческія буквы: χ и γ. Въ Россіи первое примѣненіе Standard alphabet сдѣлалъ, по предложенію Имп. Акад. Наукъ, ученый путешественникъ Лерхъ въ воихъ изслѣдованіяхъ объ иранскихъ Курдахъ. Еще раньше-споявленія Standard alphabet, Ал. Кастренъ придумалъ свою азбуку для изображенія звуковъ, свойственныхъ самоѣдскимъ нарѣчіямъ. Въ алфавитѣ Кастрена нѣтъ тоже сложныхъ начертаній для изображенія простыхъ звуковъ; но въ немъ находятся только латинскія буквы, или-же начертанія, подходящія близко къ послѣднимъ. Кромѣ того, въ немъ меньше буквенныхъ точекъ, а значки (которыхъ, сравнительно, тоже меньше) соединены непосредственно съ данными буквами. Г. Шифнеръ, принявъ въ основаніе своихъ кавказско-горскихъ алфавитовъ азбуку Кастрена, долженъ былъ сдѣлать въ ней видоизмѣненія: обиліе звуковъ, свойственное кавказско-горскимъ языкамъ, заставило кавказскаго лингвиста прибѣгнуть въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ подбуквеннымъ точкамъ и къ отдѣльнымъ надбуквеннымъ значкамъ.

Укажемъ еще на нѣкоторыя *опечатки*:

СТРАНИЦЫ:	СТРОКИ:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
2	3 снизу	ա и ա, ա и ա	ա и ա
,,	8 ,,	∂	∂
3	10 и 11 снизу	ⱡ и ⱡ	ⱡ и ⱡ
13	14 сверху	соотв. груз. ϡ	соотв. груз. ϡ
15	17 ,,	كِتاب	كِتَاب
16	16 ,,	أُ	أْ
41	5 ,,	по два *h*, *к* и *x*	по два *h*, *к* и три *x*
41	11 снизу	груз. ∂	груз. ∂.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОСЕТИНЪ.

VI *).

Осетины въ эпоху великаго переселенія народовъ.

Исторія осетинъ, и вообще Кавказа, въ эпоху великаго переселенія народовъ, весьма мало извѣстна. Это время было слишкомъ смутнымъ, чтобы о немъ могли сложиться какія-нибудь опредѣленныя сказанія или преданія; свѣдѣнія-же, почерпаемыя изъ письменныхъ источниковъ, слишкомъ не полны, чтобы можно было составить по нимъ объ этомъ времени вполнѣ ясное и отчетливое понятіе.

Часть аланъ, обитавшая въ степяхъ на сѣверъ отъ Азовскаго моря, ворвалась въ среднюю Европу. Соединившись съ вандалами, они оттуда перешли на Пиренейскій полуостровъ, гдѣ поселились въ Лузитаніи (Португаліи), и тѣснимые здѣсь вестъготами, переселились въ 430 г., всѣ или только частію, вмѣстѣ съ вандалами, въ сѣверную Африку, гдѣ основали самостоятельное государство, существовавшее слишкомъ 100 лѣтъ и уничтоженное въ VI в. Юстиніаномъ Великимъ. Аланы кавказскіе, по всей вѣроятности, укрылись отъ перваго натиска гунновъ въ горныхъ ущельяхъ. Поселившись въ южно-русскихъ степяхъ отъ р. Дона до Дуная, гунны неоднократно вторгались въ Кавказскія горы.

Къ одному изъ этихъ походовъ гунновъ на Кавказъ относится слѣдующій разсказъ графа Ромула, прикомандированнаго

*) Гл. I—V см. „Сборникъ,“ вып. 4-й.

къ посольству, отправленному императоромъ Валентиніаномъ III къ Аттилѣ, въ его столицу на р. Дунаѣ.

Прохаживаясь однажды по площади передъ дворцомъ Аттилы, нѣкоторые члены посольства и посторонніе между собою разговаривали о политикѣ. Римскіе послы всячески старались отвлечь вниманіе великаго завоевателя отъ запада на востокъ. Въ этомъ духѣ графъ Ромулъ обратился къ Приску и другимъ присутствующимъ съ слѣдующими словами: „Да, удачи и могущество до того избаловали этого человѣка, что онъ не слушаетъ и справедливыхъ объясненій, если они ему не нравится. Но надобно согласиться, что ни въ Скиѳіи, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, никто и никогда не совершалъ болѣе великихъ дѣлъ въ такое непродолжительное время: ставши обладателемъ всей Скиѳіи, до острововъ океана, онъ сдѣлалъ насъ своими данниками, а теперь вотъ строитъ еще важнѣйшіе планы: хочетъ завоевать Персію“! —„Персію!“ прервалъ одинъ изъ присутствующихъ: „да какимъ-же путемъ пройдетъ онъ изъ Скиѳіи въ Персію?“ —„Самымъ кратчайшимъ,“ отвѣчалъ Ромулъ: „Мидійскія горы недалеки отъ послѣднихъ предѣловъ гунновъ; они знаютъ это очень хорошо. Однажды, во время свирѣпствовавшаго у нихъ голода, такъ какъ нельзя было имъ получать хлѣба изъ Римской имперіи, потому-что въ это время они вели войну съ нею,—двое изъ гуннскихъ вождей попытались добыть себѣ хлѣба изъ Азіи. Углубившись въ пустыню, они достигли топей, которыя, по моему мнѣнію, составляютъ Меотійское болото; потомъ, послѣ пятнадцати дней ходьбы, прибыли къ подошвѣ высокихъ горъ, перешли ихъ и увидѣли себя въ Мидіи. Страна оказалась плодородною; гунны занялись уже жатвою и собрали огромную добычу, какъ въ одинъ день пришли персы и своими стрѣлами затмили небо. Гунны, захваченные врасплохъ, бросили все на мѣстѣ и, отступая назадъ другою дорогою, увидѣли, что и новый путь привелъ ихъ также на родину“ [1]).

Судя по этому разсказу, гунны, вѣроятно, перешли чрезъ главный хребетъ по Дарьяльскому ущелью и воротились назадъ черезъ Мамисонскій или Закскій перевалъ [2]).

Само собою, что на этомъ пути они встрѣтились тоже съ аланами, черезъ страну которыхъ они и пошли. Но неизвѣстно,

---

[1]) Am. Thierry, Hist. d'Attila; у г. Стасюлевича, Ист. ср. вѣк., I, 301.

[2]) Каспійскій проходъ слишкомъ далекъ.

какова была эта встрѣча, мирная или враждебная. Такъ какъ гунны, однакожъ, пошли съ цѣлью добывать себѣ хлѣба, не въ странѣ аланъ, но за Кавказомъ, то, вѣроятно, они, по обычаю среднихъ вѣковъ, съ аланами условились заранѣе, за извѣстную плату, на счетъ свободнаго прохода черезъ ихъ страну.

Изъ народныхъ сказаній [3]) и именъ мѣстностей (напр. Гутъ-гора), явствуетъ, что и готы и даки на Кавказѣ были извѣстны, но каковы были ихъ отношенія къ аланамъ, объ этомъ ничего опредѣленнаго нельзя сказать.

Кажется, кавказскіе аланы не очень пострадали отъ великаго разгрома переселенія народовъ, потому-что вскорѣ послѣ него они опять въ исторіи Кавказа занимаютъ прежнее свое мѣсто.

Послѣ Каталаунской битвы, остатки гунновъ спаслись бѣгствомъ въ восточныя степи и оттуда часть изъ нихъ переселилась на Кавказъ, гдѣ они сначала жили на сѣверозападномъ берегу Каспійскаго моря и потомъ, быть можетъ, въ Дагестанѣ [4]), подъ именемъ гунновъ-же, сабировъ (у византійскихъ писателей), или-же аваровъ. По свидѣтельству Іорнанда, которое въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, сильнѣе всѣхъ другихъ свидѣтельствъ и доводовъ, гунны называли себя тоже аварами. Часть гунновъ осталась въ среднемъ Кавказѣ, въ странѣ осетинъ, гдѣ они или смѣшались съ осетинами или временно вытѣснили ихъ къ западу, въ страну той отрасли осетинскаго племени, которая въ исторіи извѣстна подъ названіемъ царскихъ сарматовъ. Мы придерживаемся перваго мнѣнія и относимъ къ нашествію на Осетію гунновъ или аваровъ происхожденіе нѣкоторыхъ осетинскихъ ауловъ, имѣющихъ аварское названіе, напр. Нузалъ, Уналъ и т. д.

Въ началѣ VI-го вѣка, по свидѣтельству Прокопія [5]), Дарьяльскій проходъ находился въ рукахъ одного гуннскаго князя, по имени Амбазукъ, который во время войны между греками и персами предложилъ византійскому императору Анастасію уступить его за ничтожную цѣну, но пока Анастасій разсуждалъ о покупкѣ и расчитывалъ разныя условія, бдительный соперникъ его, Кобадъ, овладѣлъ этимъ знаменитымъ кавказскимъ дефиле.

---

[3]) Nogmoff, Sagen und Lieder, стр. 30 и сл.

[4]) О кавказскихъ гуннахъ см. Lebeau, Hist. d. Bas-Emp., IX, 404 (примѣч.)

[5]) De bello Pers., p. 46. См. Ист. Грузіи кн. Баратова, II, стр. 44.

Занятіе въ VI-мъ вѣкѣ гуннами Дарьяльскаго прохода, быть можетъ, относится къ извѣстному въ исторіи нашествію на средній Кавказъ и потомъ на Византію аваровъ, подъ предводительствомъ Баяна.

VII.

Походъ въ Осетію Вахтанга Горгаслана.

Жизнь Вахтанга Горгаслана—краеугольный камень Грузинской исторіи за первый періодъ среднихъ вѣковъ; но, къ сожалѣнію, нужно сказать, что эта блестящая страница Вахтанговой лѣтописи совсѣмъ не подтверждается византійскою исторіею [1]) и недостаточно подтверждается какъ армянскими, такъ и персидскими источниками.

Грузинская лѣтопись разсказываетъ, что Вахтангъ предпринялъ, между прочимъ, важный походъ противъ Кавказскихъ горцевъ: въ 449 г., осетины предали Карталинію страшному разоренію и, воротясь назадъ черезъ Дагестанъ, увели огромное число плѣнныхъ, между которыми находилась и трехлѣтняя сестра Вахтанга Горгаслана, по имени Мирандухта.

Въ 455 году, шестнадцатилѣтній Вахтангъ собралъ на Мухнарской равнинѣ, на р. Арагвѣ, огромное войско и двинулся черезъ горы въ Дарьяльское ущелье. Утесы этого ущелья были заняты съ обѣихъ сторонъ Терека скопищами осовъ и хазаръ. Битва началась поединками. Самъ Вахтангъ лично убилъ въ единоборствѣ хазарскаго бойца Тархана и Оса-Багатара. Потомъ онъ двинулся на сѣверную плоскость и, покоривъ осовъ, принудилъ ихъ къ выдачѣ ему сестры его. Побѣдивъ и хазаръ, Вахтангъ вступилъ въ землю печенѣговъ и воротился съ несмѣтною добычею въ Грузію черезъ Абхазію [2]). Въ Дарьяльскомъ ущельи Вахтангъ, будто-бы, возобновилъ знаменитую крѣпость.

---

[1]) См. нумизматическія изслѣдованія V. Langlois, стр. 6.

[2]) См. Ист. Грузіи кн. Баратова, II, 30. По нижеприведеннымъ причинамъ, Нузальская надпись ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить подтвержденіемъ этого событія.

Суди по разсказу византійскихъ и римскихъ писателей за все время отъ III-го до VI-го столѣтій, аланы играли на Кавказѣ немаловажную роль и упоминаются чаще иверійцевъ. Уже при императорѣ Діоклеціанѣ, мы читаемъ: ,,Въ 12-мъ г. царствованія, Максиміанъ Геркулей получилъ Галлію и Британію, Констанцій-же — Аланію и Африку [3]), — такъ что весь Кавказскій перешеекъ, вѣроятно не безъ основанія, назывался Аланіею, но не Иверіею. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ римскихъ императоровъ этой эпохи въ своемъ титулѣ не называлъ себя Ibericus, но за то многіе, въ томъ числѣ Маркъ Авреліи и Юстиніанъ I, именуютъ себя Sarmaticus и Alanicus.

Вслѣдствіе жестокихъ смутъ перваго вѣка и войнъ съ арменами, парѳянами и впослѣдствіи съ персами, Иверія была до крайности истощена, и только на время она поднялась въ царствованіе Вахтанга Горгаслана. Въ это царствованіе въ Грузіи совершился и переходъ отъ патріархальнаго вѣка въ феодальный— естественная причина слабости этого государства при ближайшихъ преемникахъ Вахтанга, которые признавали надъ собою владычество то римлянъ, то персовъ, и платили имъ тяжелую дань деньгами, а послѣ—солью.

Укрѣпившись въ Закавказьѣ, нѣкоторые императоры задумали распространить свое владычество и на Кавказскія горы. Сюда относится, напр., походъ 268 году, въ которомъ римляне, подъ предводительствомъ Клавдія Тацита, побѣдили аланъ. Многія попытки въ этомъ родѣ остались безуспѣшными; наконецъ императоръ Юстиніанъ I взялся съ энергіею за эту трудную задачу.

VIII.

Императоръ Юстиніанъ I и его отношенія къ осетинамъ. Ростомъ и Цилосанъ.

При Юстиніанѣ, положеніе политическихъ дѣлъ на Кавказѣ

[3]) Штриттеръ, IV, 335.

было слѣдующее [1]): по сѣверному склону горъ, персы при Сассанидахъ давнымъ давно завладѣли Дербентомъ и всѣмъ Дагестаномъ. Въ среднемъ Кавказѣ они проникли уже до Дарьяльскаго прохода и предѣловъ Аланіи. Они подстрекали къ возстанію противъ римлянъ разныя горскія племена, преимущественно алановъ и абхазцевъ. Въ Закавказьѣ, вся восточная сторона находилась уже подъ властью персовъ и римлянамъ осталась только долина р. Ріона. Но и тутъ отъ могущественнаго соперника Хосроя Нушпрвана угрожала римскому владычеству неминуемая опасность. Лазія отстала отъ римлянъ, а въ горахъ открыто возмутились абхазцы. Въ виду подобной опасности, Юстиніанъ долженъ былъ принять рѣшительныя мѣры. Онъ велѣлъ построить въ Лазикѣ приморскую крѣпость, Петру, которая впослѣдствіи была взята персами. Чтобы отразить нападеніе персидскаго полководца Мермероеса (549 г.), Юстиніанъ отправилъ въ Закавказье войска, подъ начальствомъ Дагистея. Тогда лазійскій царь Губазъ II (Gubazes) снова присоединился къ римлянамъ. Чтобы защищать римскую область съ восточной стороны, противъ иверовъ, Губазъ нанялъ на службу аланъ и сабировъ (гунновъ). Тѣ, за вознагражденіе въ 300 ф. золота, обязались, не только обезопасить Колхиду отъ дальнѣйшихъ нападеній персовъ, но, истребляя жителей, превратить Иверію въ пустыню, такъ, чтобы персы лишены были возможности когда-либо вторгнуться опять въ эту страну. Мермероесъ былъ разбитъ Дагистеемъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ.

Въ 550 г., явился въ Лазію персидскій полководецъ Хоріанъ, съ значительными войсками, преимущественно изъ аланъ. Между тѣмъ на мѣсто Дагистея былъ назначенъ главнокомандующимъ Бесса (по свидѣтельству Іорнанда—сарматъ изъ Мизіи). При немъ состояли Martinus, Bufes, Justinus и Rusticus. Римскія войска раздѣлились: одна часть пошла противъ абхазцевъ [2]) и Апсиліи, а другая—противъ Хоріана. Персы и аланы сосредоточили свои войска у крѣпости Петра, которая, послѣ трудной осады, въ 551 г. сдалась римлянамъ. Отправляясь на Кавказъ, Бесса получилъ приказаніе укрѣпить противъ варваровъ горные прохо-

[1]) Мы, конечно, приводимъ здѣсь только такія свѣдѣнія, которыя имѣютъ отношеніе къ осетинамъ. См. подробности въ Ист. Грузіи кн. Баратова, II, 48 и сл.

[2]) Lebeau, Hist. d. Bas-Emp., IX, 204.

ды; но Бесса на это не обратилъ надлежащаго вниманія и вообще, послѣ взятія Петры, велъ свои дѣла чрезвычайно плохо; за это онъ былъ лишенъ начальства и сосланъ въ Абхазію [3]).

Наконецъ, изъ этой войны приводимъ еще слѣдующій эпизодъ.

Римлянинъ Сотерихъ (Soterichus) отправился, для раздачи горцамъ ежегодно причитавшейся имъ дани, къ верховьямъ р. Ріона. Дошедши до предѣловъ племени мисиміанцевъ, онъ остановился у ихъ крѣпости, по имени Бухлоумъ (Buchloum). Тогда мисиміанцы, опасаясь, чтобы Сотерихъ не вознамѣрился передать ихъ крѣпость въ руки аланъ, послали ему сказать, чтобъ онъ оттуда уходилъ. Обиженный подобнымъ требованіемъ, Сотерихъ приказалъ посланныхъ къ нему мисиміанцевъ сѣчь розгами. Мисиміанцы, вслѣдствіе этого раздраженные, въ ночное время сдѣлали на Сотериха нападеніе и зарѣзали его почти со всѣми его сопровождавшими [4]).

Изъ этого любопытнаго факта мы узнаемъ, что граница Лазіи къ сѣверу простиралась до Buchloum; эта крѣпость, вѣроятно, находилась на мѣстѣ нынѣшняго аула Бугеули, на верхнемъ теченіи р. Ріона. Здѣсь жило горское племя «Misimiani». Тотъ-же самый народъ называется въ другомъ мѣстѣ «Mindimiani». Изъ этого разногласія можно заключить, что оба названія—искаженіе; собственное-же названіе этого народа, по всей вѣроятности, было Mamisoniani, Мамисонцы. Жилища этого племени, вѣроятно, тянулись до того ущелья, которое еще въ настоящее время называется Мамисонскимъ и черезъ которое нынѣ проведена военно-осетинская дорога.

Мисиміанцы боялись, чтобы римляне не передали ихъ крѣпость аланамъ; изъ этого можно заключить, что Сотерихъ велъ съ собою аланъ и что аланы сражались не только на сторонѣ персовъ, но и римлянъ.

Въ 562 г., Юстиніанъ заключилъ съ персами миръ, по которому Лазія была возвращена римлянамъ. Съ-тѣхъ-поръ Юстиніанъ имѣлъ свободную руку противъ горцевъ, въ области которыхъ онъ, должно быть, судя по громадному вліянію на нихъ и по великой славѣ, которою между разными племенами до-сихъ-

---

[3]) Lebeau, IX, 318.

[4]) См. Штриттера, IV, 108. Lebeau, IX, 326. Brosset, Addit., стр. 91.

поръ пользуется его ими, предпринималъ нѣсколько удачныхъ экспедицій [5]), хотя объ нихъ, къ сожалѣнію, мало извѣстно.

Послѣ подобной экспедиціи въ Осетію, Юстиніанъ, вѣроятно, присвоилъ себѣ въ своемъ титулѣ прозваніе Alanicus. Ему подчинялись всѣ горскія племена отъ Терека до Тамани. Больше всего подъ его вліяніемъ находились абхазцы и черкесы, обитавшіе тогда въ горахъ западной части Кавказа и около устьевъ р. Кубани. Съ-тѣхъ-поръ между этими горцами стало съ большимъ успѣхомъ распространяться христіанство, такъ что въ сказаніяхъ различныхъ народовъ восточнаго Кавказа, когда говорится о „горѣ Черкесской,“ обыкновенно прибавляется „страна христіанъ“. Вездѣ, по всему западному Кавказу, проповѣдывали греческіе миссіонеры; говорятъ даже, что Юстиніанъ учредилъ епископства въ Никопсисѣ, на полуостровѣ Тамани, на горѣ Касбурунѣ, близъ нынѣшняго Нальчика, т. е. въ странѣ алановъ. Кабардинцы приняли въ Кабарду никакъ не раньше XIV-го вѣка.

Къ числу церквей, сооруженіе которыхъ можно приписать Юстиніану I, быть можетъ, относится и такъ называемый Юсъ-Дзуаръ, близъ аула Гальата, въ Дигоріи. Вѣроятно, изъ безчисленнаго множества осетинскихъ легендъ о святыхъ не малое число относится къ миссіонерамъ, проповѣдывавшимъ въ этой странѣ въ царствованіе Юстиніана I-го. Говорятъ даже, что въ сказаніяхъ нѣкоторыхъ мѣстъ западнаго Кавказа и самъ Юсъ произведенъ въ святые.

Понятно, что въ Осетіи миссіонеры Юстиніана могли имѣть успѣхъ, потому, что осетины ко всеобщему принятію христіанства были уже нѣкоторымъ образомъ подготовлены въ I-мъ в. Впрочемъ, при извѣстной дикости и необузданности массы осетинъ того времени, нельзя и предполагать о существованіи у нихъ истиннаго христіанства; можно предполагать только о знакомствѣ ихъ съ обрядностью средневѣковаго христіанства.

Чтобы заручиться необходимымъ содѣйствіемъ горцевъ, завоеватели Кавказа всегда должны были стараться привлекать на свою сторону вліятельныхъ людей изъ туземцевъ черезъ награды, пожалованіе чинами, знаками отличія и т. д.

Точно такимъ-же образомъ долженъ былъ, для достиженія

---

[5]) Въ грузинской лѣтописи упоминается походъ Юстиніана противъ народа Хаскунъ (Таскунъ) въ Абхазіи, на границѣ Осетіи. Brosset, I, 212.

своей цѣли, дѣйствовать и Юстиніанъ, какъ видно изъ слѣдующаго [7]) разсказа:

Три царевича изъ Сидомоновой [8]) фамиліи: Ростомъ, Бибила и Цилосанъ, съ сыновьями и свитою изъ 70-ти человѣкъ, принуждены были сыновьями старшаго брата удалиться изъ Кабарды въ сѣв. Грузію; переселившись въ долину Закъ, въ Осетіи, они перешли потомъ въ Двалетію. Туземцы уступили имъ страну Бобалети, отъ которой они стали называться Бибилурами.

Пришельцы, къ ужасу новыхъ соотечественниковъ своихъ, построили огромные дома, невиданные до-тѣхъ-поръ въ Двалетіи. Вслѣдствіе этого ихъ перевели въ Угральскую долину. За военныя доблести, Ростомъ получилъ во владѣніе Квеналевель [9]), со всѣми имѣніями бывшаго владѣтеля Цхразмійской крѣпости. Эти распоряженія одобрены были императоромъ Юстиніаномъ, который подарилъ Ростому плащъ [10]), имъ самимъ ношенный, кольцо [11]), серьги, поясъ, лошадь въ латахъ и копье свое. Съ-тѣхъ-поръ Бибилурское семейство приняло названіе Квена-Флавель, по имени своего мѣстопребыванія. Впослѣдствіи это семейство раздѣлилось на двѣ отрасли, извѣстныя въ исторіи Грузіи подъ именемъ эриставовъ арагвскихъ и ксанскихъ [12]).

Это извѣстіе очевидно заимствовано изъ фамильныхъ преданій грузинскаго княжескаго дома Эристовыхъ-Сидомоновыхъ и поэтому оно, какъ всѣ подобнаго рода преданія, требуетъ тщательной критики [13]). Для повѣрки этого преданія прежде всего нужно-было-бы разслѣдовать во всей подробности сказанія двалетцевъ и вообще закавказскихъ осетинъ.

Впрочемъ, на сколько могу судить, на основаніи имѣющагося у меня подъ рукою историческаго матеріала, разсказъ этотъ довольно правдоподобенъ и относится отчасти къ слѣдующему важному происшествію въ исторіи осетинъ. Извѣстно, что древнѣйшее мѣстожительство въ Европѣ осетинъ или аланъ находи-

[7]) Brosset, Addit. et éclair., стр. 372—374. Головинъ, стр. 40.

[8]) См. ниже, въ гл. объ Осибагатарѣ.

[9]) Квена-Флавель.

[10]) Toga?

[11]) Annulus aureus.

[12]) См. родословную потомковъ Ростома и Цилосана въ соч. Броссе, II, стр. 630, и Addit. et éclair., стр. 385.

[13]) О происхожденіи эриставовъ ксанскихъ и арагвскихъ есть еще другое преданіе, связывающее эту фамилію съ осетинскими алдарами Дударуковыми. См. Ист. Грузіи кн. Баратова, II, 47.

лось преимущественно на сѣверномъ склонѣ средняго Кавказа. Оттуда, однако, часть племени, по преданіямъ южныхъ осетинъ и даже по свидѣтельству грузинскихъ источниковъ исторіи, переселилась съ сѣвера, изъ Валаджира, на южный склонъ. St. Martin относитъ начало этого переселенія къ 215 г. до Р. Х. Къ одному изъ подобныхъ переходовъ осетинъ съ сѣвера на югъ, очевидно, относится и преданіе о Ростомѣ, Цилосанѣ и Бибилѣ. Ростомъ съ братьями поселился сначала въ Закскомъ ущельи. Дѣйствительно, я могу свидѣтельствовать, что въ Закскомъ ущельи старики, къ которымъ я обратился за справками о народныхъ преданіяхъ, назвали мнѣ и имена Ростома и Цилосана. Впрочемъ, старики, кромѣ того, что эти „знаменитыя лица“ когда-то проживали въ Заки, ничего не могли объ нихъ сказать. Имени третьяго брата, Бибила, я не слышалъ и объ немъ не спрашивалъ у закцевъ, потому что, во время моего путешествія, я самъ еще не зналъ о томъ, что Ростомъ и Цилосанъ играютъ роль и въ грузинской исторіи, и поэтому не обратилъ на нихъ вниманія. Впрочемъ, достаточно уже и того, что народъ вспоминаетъ Ростома и Цилосана, такъ какъ изъ этого уже слѣдуетъ, что имена ихъ не вымышлены. На пути черезъ Труссовское ущелье, принадлежащее къ закавказской части Осетіи, и въ нѣкоторыхъ осетинскихъ аулахъ Хевскаго ущелья, жители на вопросъ, откуда ихъ предки переселились въ эти мѣста, всегда мнѣ отвѣчали, что они слышали отъ своихъ отцовъ и прародителей, что предки ихъ когда-то вышли изъ Валаджира, но когда именно—никто не помнитъ.

Далѣе, вышеприведенный разсказъ весьма правдоподобенъ и потому, что древняя фамилія Сидомоновыхъ до-сихъ-поръ существуетъ не только у закавказскихъ осетинъ, но и въ Валаджирѣ.

Наконецъ, въ высшей степени заслуживаетъ вниманія извѣстіе о милостяхъ и знакахъ царскаго благоволенія, которыми осыпанъ былъ Ростомъ императоромъ Юстиніаномъ, и эта часть разсказа какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ тогдашнимъ обстоятельствамъ времени.

IX.

Римское посольство проѣздомъ чрезъ Осетію и древняя столица этой страны.

Преемникъ Юстиніана, Юстинъ II-й, продолжалъ завоеваніе Кавказа, но уже съ меньшимъ успѣхомъ: ему сильно мѣшали персы, съ которыми съ 573 года онъ велъ продолжительную войну, съ участіемъ въ ней и арминъ. Царь аланъ, или осетинъ, по имени Сароесъ, или Сародій, стоялъ на сторонѣ римлянъ [1]).

Но гораздо важнѣе этой войны, для исторіи осетинъ, слѣдующее извѣстіе о посольствѣ, отправленномъ Юстиномъ II, въ 569 году, къ восточнымъ туркамъ, т. е. хазарамъ. Объ этомъ посольствѣ у Штриттера [2]) мы читаемъ слѣдующее: возвращаясь изъ страны турокъ, послы римлянъ съ великимъ трепетомъ спѣшили въ Аланію, потому-что они боялись народа горомосховъ, т. е. горскихъ „мосховъ". Прибывши туда, они пожелали, вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ турками, посѣтить герцога (dux) аланъ, Сародія; тотъ, хотя благосклонно принялъ Земарха, предводителя (princeps) римскаго посольства, и всѣхъ бывшихъ съ нимъ, но ни за что не хотѣлъ, чтобы послы турокъ явились къ нему иначе, какъ безъ оружія. Изъ за этого возникъ горячій споръ, продолжавшійся цѣлыхъ три дня.

Наконецъ Земархъ рѣшилъ этотъ споръ—и, согласно желанію Сародія, обезоружившись, турки вошли въ его домъ. Сародій-же предостерегъ Земарха, чтобы онъ не ѣхалъ чрезъ страну миндміановъ, потому-что, около Сванетіи, персы расположились въ засадѣ, и совѣтовалъ, чтобы онъ отправился домой чрезъ Дарьялъ (per Darinem).

Свиданіе римскаго посольства съ Сародіемъ, по всей вѣроятности, имѣло мѣсто въ столицѣ аланъ, называемой нѣкоторыми писателями Аланіею. Римскіе послы находились на обратномъ пути изъ Итила, столицы хазаръ, лежавшей на устьѣ р. Волги; оттуда они хотѣли пробраться за Кавказъ, именно въ долину Ріона, гдѣ стояли римскія войска. Здѣсь представлялись только двѣ дороги, чрезъ главный хребетъ, и изъ нихъ кратчай-

---

[1]) См. подробности въ соч. Штриттера, IV, 341.

[2]) Тамъ-же, IV, 341; II, 244.

шая чрезъ Мамисонскій перевалъ, къ верховьямъ Ріона, недалеко отъ Сванетіи.

Земархъ, очевидно, выбралъ послѣднюю дорогу. Однакожъ, при разговорѣ объ этомъ съ Сародіемъ, тотъ напомнилъ ему, что эта дорога не безопасна, потому что онъ тутъ могъ-бы попасть въ руки персовъ: лучше-бы сдѣлалъ, если-бы воротился, хотя окольнымъ путемъ, per Darinem, т. е. чрезъ Дарьялъ. Поэтому легко можно опредѣлить приблизительно мѣстоположеніе древней столицы аланъ, начертивъ на картѣ линію отъ верховьевъ Ріона до Мамисонскаго перевала и продолжая эту линію въ сѣверо-восточномъ направленіи, до того мѣста, гдѣ она пересѣкаетъ направленіе Дарьяльскаго ущелья. Эта линія указываетъ на долину р. Терека, гдѣ, вѣроятно, и лежалъ древній городъ Alania, упоминаемый еще у разныхъ писателей среднихъ вѣковъ [3]).

У всѣхъ народовъ, живущихъ, подобно осетинамъ, въ каменныхъ домахъ, города и деревни почти никогда не перемѣняютъ своего мѣстоположенія, потому что тамъ, гдѣ прежде не было селеній, постройка домовъ довольно затруднительна: для этого нужны обтесанные камни, которыхъ не такъ легко добыть. Поэтому мы и видимъ почти въ каждомъ осетинскомъ аулѣ памятники глубочайшей древности. Къ сожалѣнію, минералогія, въ связи съ метеорологіею, не выработала еще, въ теоріи о разложеніи на воздухѣ различныхъ породъ камней, достаточно опредѣленныхъ началъ, для того, чтобы исторія съ успѣхомъ могла ими воспользоваться. Впрочемъ, суди по всему, древняя столица аланъ не могла быть очень большою, потому что въ настоящее время на плоскости сѣверной Осетіи нигдѣ не встрѣчаются остатки значительнаго какого-нибудь древняго поселенія. Эта столица была ничто иное, какъ аулъ, въ которомъ жили, въ патріархальномъ своемъ быту [4]), потомки родоначальника осетинскаго владѣтельнаго [5]) или княжескаго дома.

Хотя древнѣйшая столица осетинъ, по величинѣ своей, собственно не могла назваться городомъ, однако, было время, когда въ Осетіи стояли и настоящіе города. Позднѣе, главный городъ Осетіи находился, по всей вѣроятности, въ ущельи р. Фіягдона, гдѣ нынѣ еще стоятъ древніе аулы Далагкау, Ладзь и Цимити.

---

[3]) Lelewell, Georg. des Mittelalters, Brüssel, 1852, III, 200.

[4]) Т. е. сынъ всегда при отцѣ.

[5]) Т. е. старшаго въ родѣ. Кромѣ этого князя, признаннаго старшимъ, были еще младшіе, въ каждомъ родѣ одинъ.

На этомъ мѣстѣ накоплено такое громадное количество, большею частью тщательно обтесанныхъ, камней, что, судя по этому, здѣсь находился когда-то большой городъ. Нигдѣ по всей Осетіи древнія сказанія о Нартахъ не сохранились живѣе въ народной памяти, какъ здѣсь. Еще до основанія столицы Осетіи въ ущельи р. Фіягдона, во время великаго царства осетинскаго, она, вѣроятно, находилась болѣе къ западу, около Эльборуса, но здѣсь время еще больше изгладило слѣды древнихъ построекъ и воспоминанія о нихъ.

X.

Отрывочныя свѣдѣнія о сношеніяхъ осетинъ съ Византіею въ концѣ VI-го и началѣ VII-го столѣтій.

Въ царствованіе императора Юстина II, византійцы заключили противъ Хосроя союзъ съ армянами; къ нимъ присоединились колхидцы, абхазцы и царь аланъ Сароесъ, на сторонѣ-же персовъ воевали сабиры (т. е. гунны), daganes и dilmainarum gens [1]).

Между 574—578 гг., византійцы, при императорѣ Тиберіѣ Константинѣ, вторгнулись въ Албанію и взяли съ сабировъ заложниковъ. Тогда аланы и сабиры отправили къ императоруословъ. Принявъ ихъ благосклонно, императоръ обѣщалъ имъ вдвое больше содержанія, чѣмъ они получали отъ персовъ.

Въ 579 или 580 г., императоръ отправилъ посольство къ предводителю турокъ, Турксанѳу. На предложенія посольства, послѣдній, хвастаясь, отвѣчалъ, между прочимъ: „Мнѣ повинуются всѣ страны отъ самаго восхода солнца. Вы, жалкій народъ, не думаете объ аланахъ и уннгурахъ. Хотя эти народы отличаются храбростью и смѣлостью и пользуются большимъ достаткомъ, но все-таки они противъ непобѣдимыхъ войскъ турокъ ничего не могли сдѣлать и теперь они намъ повинуются и считаются въ числѣ нашихъ рабовъ“.

[1]) Menander у Stritter'a, IV, 342.

Въ томъ-же 580 г., византійскія войска, служившія въ Албаніи, подъ начальствомъ Курса и Теодора, навлекли на себя гнѣвъ императора, за то, что они не исполнили въ точности его приказанія — изгнать совсѣмъ сабировъ. Чтобы поправить эту ошибку, они потомъ снова ворвались въ Албанію и оттуда вывели колонію изъ сабировъ и аланъ и поселили ее на р. Курѣ, въ области римлянъ.

Въ 587 году, при императорѣ Маврикіѣ, предводитель персовъ, по имени Барамъ, воевалъ съ турками въ Сванетіи и оттуда пошелъ къ р. Аракcу. Узнавъ объ этомъ, императоръ приказалъ послать войска въ Сванетію. Когда тѣ пришли въ Лазію и къ р. Фазису, они двинулись въ Албанію, такъ какъ персы уже пошли назадъ [2]).

Въ 622 г., императоръ Ираклій на своемъ знаменитомъ походѣ противъ персовъ зимовалъ въ Албаніи. Здѣсь, вслѣдствіе необыкновенно суровой зимы, персидскіе плѣнники должны были быть отпущены. Въ томъ-же году императоръ въ городѣ Тифлисѣ имѣлъ свиданіе съ хазарскимъ каганомъ Зибелемъ [3]).

XI.

Левъ Исаврій въ Осетіи и военная хитрость осетинъ.

Въ 636 г., аравитяне въ Азіи одержали верхъ надъ персами, и послѣдній Сассанидъ погибъ, въ бѣгствѣ, отъ руки убійцы.

Вскорѣ послѣ этого завязалась и великая борьба съ Византіею.

Въ 686 г., императоръ Юстиніанъ II послалъ противъ аравитянъ Леонтія, съ войсками, въ Иверію, Албанію, Арменію и Мидію [1]).

Въ 697 г., арабскій полководецъ Алидъ вторгнулся въ Лазію, гдѣ патрицій Сергій безъ сопротивленія отворилъ ему всѣ ворота [2]).

---

[2]) Феофанъ, у Stritter'a, IV, 343.
[3]) См. Brosset, I, 225.
[1]) Штриттеръ, IV, 345.
[2]) Brosset, I, 225.

Съ-тѣхъ-поръ многіе кавказскіе горцы, находясь подъ вліяніемъ аравитянъ, уже не повиновались грекамъ, и даже аланы колебались, вслѣдствіе чего Юстиніанъ II Ринотметъ отправилъ на Кавказъ протоспаѳарія [3]) Леонтія или Льва (Исаврія) съ большою суммою денегъ, для найма на службу аланъ. Это трудное порученіе было дано Льву собственно только потому, что императоръ, завидуя его славѣ и подозрѣвая его въ честолюбивыхъ замыслахъ, хотѣлъ отъ него избавиться.

Аланамъ, или осетинамъ, предназначено было дѣйствовать сперва противъ возставшихъ абхазцевъ. Левъ отправился въ Осетію по дорогѣ черезъ Апсилію, но денегъ онъ не взялъ съ собою, оставивъ ихъ въ безопасномъ мѣстѣ, въ Потѣ [4]). Узнавъ объ этомъ, императоръ велѣлъ взять эти деньги обратно.

Между тѣмъ хитрый Левъ, прибывъ въ Осетію, велъ свои дѣла слѣдующимъ образомъ:

Принявъ спаѳарія съ почетомъ, осетины, по наущенію его, немедленно ворвались въ Абхазію и покорили всю эту провинцію. Тогда царь абхазскій послалъ къ осетинамъ нарочнаго, съ слѣдующимъ порученіемъ: „Какъ я догадываюсь, Юстиніанъ не могъ-бы найти человѣка болѣе способнаго къ обману, какъ этого Льва, возбудившаго между нами столь великую распрю. Онъ и насъ почти привлекъ на свою сторону, обѣщая за это большую сумму денегъ, но, къ сожалѣнію, императоръ уже взялъ свои деньги обратно. Передайте намъ этого человѣка, мы за него заплатимъ 3000 (золотыхъ) монетъ и впредь между нами будетъ миръ“. На это осетины отвѣчали въ слѣдующемъ смыслѣ: „Не изъ-за денегъ, но по уваженію къ императору, мы готовы были слушать этого человѣка“. Тогда абхазцы вторично послали людей, со слѣдующимъ предложеніемъ: „Передайте намъ этого человѣка, мы вамъ за него заплатимъ 6000 монетъ“.

Вслѣдствіе этого осетины порѣшили развѣдать сперва мѣстность, согласились получить 6000 монетъ и выдать спаѳарія въ руки абхазцевъ. Сообщая объ этомъ Льву, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснили ему, подъ секретомъ, свой планъ дѣйствія и говорили: „Дорога въ римскія области, какъ самъ видишь, со всѣхъ сторонъ для тебя преграждена; нѣтъ тебѣ выхода никакого; поэтому тутъ только хитрость можетъ помочь. Мы, на видъ, согласимся на твою выдачу, отведемъ тебя съ нѣкоторыми изъ

[3]) 8-ой классъ въ византійской табели о рангахъ.

[4]) Brosset, I, 225, прим. 3.

нашихъ, чтобы они могли развѣдать мѣстность, и потомъ сдѣлаемъ на абхазцевъ нападеніе, опустошимъ ихъ страну и остальное затѣмъ уже наше дѣло". Осетины дѣйствительно отправили людей къ абхазцамъ, и обязались выдать Льва. Посланные получили отъ нихъ богатые подарки. Вмѣстѣ съ ними отъ абхазцевъ отправились повѣренные для принятія въ свои руки спаѳарія и уплаты обѣщанныхъ денегъ. Когда они прибыли, осетины, по полученіи уже денегъ, обращаясь къ спаѳарію, сказали: „Вотъ абхазцы, которые пришли тебя взять. Но ты знаешь, что отъ нихъ часто къ намъ приходятъ купцы. Поэтому, чтобы никто не могъ насъ открыто обвинять въ подлой хитрости, мы тебя выдадимъ, и когда они тебя увезутъ съ собою, мы на границѣ нашей области подошлемъ изъ засады вѣрныхъ людей, чтобы напасть на нихъ и убить ихъ. Затѣмъ, какъ только войска наши ворвутся въ Абхазію, мы скроемъ тебя въ безопасномъ мѣстѣ".

Такъ и было сдѣлано. Абхазцы увели спаѳарія, со всею его свитою, въ оковахъ. Осетины-же, подъ начальствомъ своего царя, по имени Итаца [5]), напали на абхазцевъ, убили ихъ и, взявши спаѳарія обратно, укрыли его въ безопасномъ мѣстѣ. Послѣ этого осетины опустошили Абхазію и увели изъ нея множество плѣнныхъ.

Когда императоръ узналъ, что дѣло обошлось такъ удачно и притомъ безъ всякихъ съ его стороны издержекъ, онъ отправилъ къ абхазцамъ письмо, съ предложеніемъ, разрѣшить спаѳарію свободный проѣздъ черезъ ихъ страну, и съ обѣщаніемъ, если они это исполнятъ, простить имъ всѣ прежніе ихъ проступки. Тогда абхазцы предложили осетинамъ, чтобы они выдали имъ спаѳарія, для передачи его въ руки императора, и что они за это готовы представить имъ своихъ дѣтей заложниками.

Но, зная въ чемъ дѣло, Левъ на это предложеніе не согласился и сказалъ: „Какъ я выберусь отсюда—объ этомъ одинъ только Богъ знаетъ! но все-же идти черезъ область абхазцевъ не имѣю никакой охоты" [6]).

Спаѳарій Левъ (впослѣдствіи византійскій императоръ) пока остался въ Осетіи. Между тѣмъ на южной сторонѣ ея пошла война. Когда византійцы были заняты осадою города Археополиса, арабы вторгнулись съ большимъ войскомъ въ Лазію. Тогда византійцы, снявъ осаду, отступили назадъ въ горы. Изъ нихъ

[5]) Itatzes, у Анастасія—Hictaxes.

[6]) Non fert animus.

отрядъ въ 200 человѣкъ пробрался до крѣпости Апсиліи. Узнавъ объ этомъ, осетины совѣтовали Льву, пользуясь этимъ случаемъ, отправиться назадъ къ своимъ. Это было зимою. Левъ, съ 50-ю проводниками изъ осетинъ, съ громадными трудностями перешелъ черезъ главный хребетъ и достигъ до извѣстной крѣпости, Siderum (желѣзныя врата), занятой тогда, отъ имени арабовъ, нѣкоимъ Фарасманомъ. Но и тутъ Льву посчастливилось: взявъ крѣпость, по счастливому стеченію обстоятельствъ, на капитуляцію, онъ оттуда отправился въ Апсилію и потомъ назадъ на свою родину [7]). Все это случилось въ началѣ VIII-го столѣтія.

XII.

Три темныхъ вѣка осетинской исторіи и вторженіе арабовъ.

Начиная съ VIII-го столѣтія до XI-го, византійская исторія совершенно молчитъ объ осетинахъ. Да и въ грузинскихъ и армянскихъ источникахъ объ этомъ промежуткѣ времени, кромѣ нѣсколькихъ скудныхъ свѣдѣній, ничего не имѣется.

Между тѣмъ исторія этихъ трехъ вѣковъ чрезвычайно важна, не только для Осетіи, но и для исторіи Кавказа вообще.

Въ эти три вѣка совершились на Кавказѣ важные перевороты:

1) Побѣдоносное вторженіе арабовъ и распространеніе вслѣдъ затѣмъ мусульманской вѣры.

2) Кровавая борьба въ Дагестанѣ арабовъ съ хазарами.

3) Слiяніе индоевропейскаго племени аланъ съ какимъ-то туранскимъ племенемъ.

4) Возвышеніе Абхазіи и восшествіе на престолъ Грузіи и Абхазіи династіи Багратидовъ. Наконецъ,

5) введеніе въ Осетіи феодальнаго начала.

Мы здѣсь разсмотримъ эти обширные вопросы, конечно,

[7]) Stritter, IV, 347—350.

только въ той мѣрѣ, насколько они касаются осетинъ. И сначала скажемъ объ отношеніяхъ къ осетинамъ арабовъ.

Въ царствованіе въ Грузіи Арчила и Мира, арабы вторглись въ Грузію [1]).

Цари спаслись бѣгствомъ въ Имеретію и Абхазію. Арабы ихъ преслѣдовали и пошли противъ крѣпости Анакофіи, въ которой укрѣпились Арчилъ и Миръ.

Византійскій намѣстникъ Абхазіи, по имени Левъ, держался въ крѣпости Субага [2]), на границѣ Осетіи. Но на арабовъ напала страшная моровая язва, вслѣдствіе которой погибло у нихъ 35,000 человѣкъ; отступая, они потеряли также много народа отъ нечаяннаго разлитія р. Цхенисъ-цхали [3]).

Послѣ этого [4]) является на Кавказѣ братъ калифа Гишама, (Hicham), по имени Масслама (Masslamah). Онъ хотя и потерпѣлъ много неудачъ, но одержалъ великую побѣду надъ народами Кавказа (гора Кабокъ), взялъ Дарьяльскія ворота и держалъ въ этой крѣпости аравійскій гарнизонъ, который снабжался провіантомъ и одеждою изъ Тифлиса.

Калифъ смѣнилъ своего брата и назначилъ главнокомандующимъ арабскихъ войскъ на Кавказѣ—Мервана-бен-Магомеда [5]).

Мерванъ разбилъ аланъ и воевалъ противъ хазаръ, лезгинъ и другихъ дагестанскихъ горцевъ [6]).

Въ 737 году, арабы въ Дагестанѣ окончательно одержали верхъ надъ хазарами и начали съ большимъ успѣхомъ распространять магометанскую вѣру между народами восточнаго Кавказа. Но до осетинъ въ это время магометанская пропаганда еще не дошла.

Изъ разбитыхъ арабами въ Дагестанѣ хазаръ, три колѣна спаслись въ Кабарду, т. е. въ Осетію [7]), и поселились на р. Черемъ. Поселившись здѣсь, они, по всей вѣроятности, смѣшались

---

[1]) Подробности см. въ Ист. Грузіи кн. Баратова, II, 76 и сл

[2]) По груз. лѣт. „Собга“ (Tzibelium?—Brosset).

[3]) Армянская лѣтопись, въ соч. Броссе: Addit. et éclair., стр. 48.

[4]) Хронологія и историческая связь этихъ событій вообще весьма сомнительна и загадочна. См. Ист. Грузіи кн. Баратова, въ особ. II, 80.

[5]) Brosset, I, 245, примѣч. 5.

[6]) Березинъ. Путешествіе въ Дагестанъ, I, 80.

[7]) Адыгейское племя поселилось въ нынѣшней Кабардѣ и страна эта получила настоящее свое названіе никакъ не раньше XIV-го столѣтія, какъ это видно изъ народныхъ сказаній Адыгейскаго племени.

съ осетинами, и отъ этого смѣшенія съ финско-татарскимъ племенемъ хазаръ, произошли многочисленные татарскіе корни словъ, имѣющіеся въ осетинскомъ языкѣ, и имена мѣстностей, какъ напр., Казарскаго ущелья. Начиная съ этого времени, осетинскіе князья даютъ себѣ татарскій почетный титулъ — Багатаръ [8]). Наше предположеніе о смѣшеніи осетинъ съ нѣкоторою частью хазаръ подтверждается еще тѣмъ, что въ этомъ вѣкѣ хазары снова имѣли частыя сношенія, какъ съ грузинами, такъ и съ абхазцами; въ предъидущихъ-же вѣкахъ ихъ присутствіе *въ среднемъ Кавказѣ* почти совершенно не замѣтно.

Извѣстно, что уже въ 679 г. хазары основали могущественное царство. Покоривъ себѣ много горскихъ племенъ, хазары совершили важныя нашествія на Грузію и Арменію въ 683, 689 и 693 гг. Вѣроятно, около этого времени подчинилась хазарамъ и часть осетинъ. Дарьяльское ущелье [9]) находилось въ ихъ рукахъ, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа. Въ началѣ царствованія Іоанна и Джуаншера (послѣ 718 г.), хазарскій каганъ, прельщенный красотою младшей сестры названныхъ царей, по имени Сусанны, хотѣлъ на ней жениться. Получивъ отказъ, каганъ послалъ своего полководца Блучана въ Кахетію и Карталинію, гдѣ онъ взялъ въ одной крѣпости въ плѣнъ Джуаншера съ сестрою. Но при возвращеніи Блучана въ Дарьялъ, Сусанна приняла ядъ, который она хранила подъ камнемъ своего перстня, и умерла.

Джуаншеръ цѣлыхъ 7 лѣтъ провелъ въ плѣну; Блучанъ-же былъ преданъ, послѣ страшныхъ мученій, смертной казни, за то, что онъ не привезъ съ собою, если не живую, то хотя, по крайней мѣрѣ, трупъ Сусанны [10]).

Въ то-же царствованіе, Левъ, правитель Абхазіи, племянникъ вышеприведеннаго Льва, былъ женатъ на дочери хазарскаго кагана, и послѣдній ему помогъ войсками въ одной войнѣ [11]). Хазары, въ войнахъ противъ арабовъ, постоянно стояли на сторонѣ грековъ [12]). Вмѣстѣ съ хазарами, вѣроятно, шли противъ арабовъ и осетины.

---

[8]) Brosset, Add. et éclair., 456. Этотъ титулъ у осетинъ, правда, является еще раньше, въ V-мъ вѣкѣ, но въ связи съ сомнительнымъ походомъ Вахтанга Горгаслана.

[9]) Арабы заняли это укрѣпленіе, вѣроятно, позже.

[10]) Brosset, I, 257, 258.

[11]) Brosset, I, 250.

[12]) Brosset, I, 259.

Война съ арабами въ западной и средней части Кавказскихъ горъ продолжалась еще въ половинѣ IX-го столѣтія, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго:

Въ 851 году [13]), калифъ багдадскій послалъ раба турецкаго происхожденія, по имени Буга (Bugha), съ значительнымъ войскомъ, на Кавказъ. Опустошивъ Арменію, онъ пошелъ осадить г. Тифлисъ, возмутившійся противъ калифа. Онъ убилъ тифлисскаго эмира Сагака (Sahac), разрушилъ и сжегъ городъ и опустошилъ окрестности. Противъ него выступилъ царь абхазскій Ѳевдосъ (Thewdos) съ абхазскими и, вѣроятно, греческими войсками. Ѳевдосъ остановился около Сверцхоба (Swertzkhob). Узнавъ объ этомъ, Буга послалъ ему на встрѣчу Зирака (Zirak) и куропалата Баграта. Ѳевдосъ проигралъ битву, съ большою потерею людей, и убѣжалъ по дорогѣ къ Двалетіи; но на обратномъ пути Зиракъ и Багратъ были встрѣчены около Джуарисъ-Гвердъ гардабанцами и потерпѣли страшное пораженіе. Какъ только Буга узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ выступилъ въ Дшарталетъ, расположился тамъ лагеремъ и взялъ съ осетинъ 300 заложниковъ. Оттуда онъ хотѣлъ идти въ Осетію до Цхавота (Tzkhawot); но Абулбасъ [14]), эристовъ армянскій, и Гуарамъ-мамфалъ, братъ куропалата Баграта, послали сказать мтіулицамъ (горцамъ), чтобы они не пропускали ихъ. Тѣ этимъ были очень довольны и пожертвовали своими заложниками. Богъ имъ помогъ: выпалъ снѣгъ. Мтіулицы преградили непріятелю дорогу; Богъ имъ далъ побѣду, — большое число сарацинъ легло и у нихъ околѣло большое число лошадей, отъ того, что онѣ ѣли растеніе, по имени „іели.“ Но, не смотря на это, такъ какъ число непріятелей простиралось до 120,000 человѣкъ, уронъ этотъ для нихъ не былъ очень чувствителенъ.

Буга пошелъ назадъ и зимовалъ въ Бардѣ (Barda), взялъ въ плѣнъ нѣкоего сына какого-то священника, сдѣлавшагося мтаваромъ, и уничтожилъ Гардабанъ. Онъ открылъ Дербентскія ворота и оттуда вывелъ 300 хазарскихъ семействъ, которыя поселилъ въ Ханкорѣ. По Дарьяльской дорогѣ онъ также вывелъ 3000 [15]) семействъ изъ осетинъ и поселилъ ихъ въ Дманисѣ.

---

[13]) Или нѣсколько раньше. Brosset, I, 266; тамъ-же, въ 1-мъ примѣч., о спорной хронологіи этого происшествія. См. также Ист. Грузіи кн. Баратова, III, 14.

[14]) Вѣроятно, изъ фамиліи Багратидовъ. Brosset, l. c., примѣч. 7.

[15]) По армянской лѣтописи, только 200 чел., которые были поселены въ „Даманисѣ“. Brosset, Add. et éclair., 52.

Буга намѣревался въ слѣдующее лѣто отправиться въ походъ въ Осетію, но Эмиръ-алъ-Муменинъ, узнавъ о томъ, что Буга имѣлъ какія-то сношенія съ хазарами, своими земляками, отозвалъ его назадъ и назначилъ на его мѣсто другаго.

Это извѣстіе подтверждается и армянскою лѣтописью [16]).

Еще одно послѣднее извѣстіе объ осетинахъ изъ этихъ трехъ смутныхъ вѣковъ. Въ царствованіе въ Карталиніи Адарнасе II, въ 888 г., въ одномъ междоусобіи, подробности котораго до насъ не касаются, „мтаваръ осетинскій,“ по имени Багатаръ, помогаетъ абхазцамъ, подъ начальствомъ Назра (Nasr), противъ карталинскаго царя; но они были разбиты [17]).

XIII.

Начало феодальнаго вѣка.

Въ XI-мъ вѣкѣ, когда начинается опять положительная исторія осетинъ, мы неожиданно видимъ этотъ народъ на такой высотѣ, какой онъ прежде никогда не достигалъ. У нихъ мы встрѣчаемъ свой царскій домъ, имѣвшій дипломатическія сношенія съ дворами Грузіи, Абхазіи и Византіи. Мы видимъ дочерей осетинскихъ царей на престолахъ Грузіи, Абхазіи и Византіи, и принцы осетинскаго царственнаго дома занимаютъ видное положеніе при дворахъ тогдашняго цивилизованнаго міра. Осетія имѣетъ многолюдную и, говоря относительно, довольно блестящую столицу. По всей Осетіи, въ многочисленныхъ рыцарскихъ замкахъ обитаютъ феодалы. Эти замки, а равно церкви, монастыри и обширныя кладбища, съ нагробными памятниками, хотя нынѣ находятся въ развалинахъ, но свидѣтельствуютъ до-сихъ-поръ о блескѣ минувшаго вѣка.

Въ то время вся страна осетинская охранялась многочисленными башнями, стѣнами и крѣпостями, правильно сооруженными на всѣхъ слабыхъ, въ стратегическомъ отношеніи, пунктахъ. По мѣстамъ встрѣчались и таможенныя заставы.

---

[16]) Brosset, Additions et éclaircissements, стр. 51. См. и Ист. Грузіи кн. Баратова, III, 13—15.

[17]) Brosset, I, 274. См. Ист. кн. Баратова, III, 18.

Въ высшихъ слояхъ осетинскаго общества, вслѣдствіе достатка, развивается роскошь, аристократическій образъ жизни, утонченные нравы, при всей грубости средневѣковаго рыцарскаго духа. Даже грамотность тамъ и самъ распространялась, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи, найденныя въ развалинахъ осетинскихъ церквей. Всѣ эти надписи написаны на грузинскомъ языкѣ, и вотъ это обстоятельство даетъ намъ въ руки ключъ къ объясненію всѣхъ этихъ чертъ изъ прошлаго Осетіи. При этомъ обстоятельствѣ мы въ состояніи понять и ходъ историческаго развитія Осетіи впродолженіи тѣхъ трехъ вѣковъ, въ которые лѣтописи объ ней почти совершенно молчатъ.

Разсмотримъ теперь всѣ эти факты въ связи ихъ историческаго возникновенія.

Въ Грузіи, и вообще въ Закавказьѣ, феодальное начало, какъ извѣстно, вкоренилось еще раньше VI-го вѣка. Благодаря нѣкоторому превосходству образованія, силы воли, сознанія собственнаго достоинства, богатства, слѣпаго счастія, или по какой-бы то ни было причинѣ, одинъ слой народонаселенія отдѣлился отъ остальной массы, возвысился надъ нею и наконецъ сталъ повелѣвать ею. Съ этого начинается развитіе цивилизаціи вездѣ, у всѣхъ народовъ и во всѣхъ возникающихъ обществахъ. Даже въ Америкѣ феодализмъ играетъ весьма важную роль: настоящій феодализмъ—въ южныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, феодализмъ капитала—въ сѣверныхъ. Конечно, подобно тому какъ въ западной Европѣ, и у насъ былъ свой феодальный вѣкъ, свои рыцари, помѣщики, вотчинники, монополисты и т. д. Русская исторія выработала даже совершенно особенный видъ феодализма,—это мѣстничество, феодализмъ въ приложеніи къ государственнымъ должностямъ.

Въ Грузіи, господствующій слой народонаселенія, т. е. фамиліи къ нему принадлежавшія, раздѣлили между собою всю землю и большинство жителей сдѣлалось ихъ крѣпостными, чѣмъ они и оставались до 1866 г. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, это учрежденіе было когда-то необходимо и спасало народъ отъ неминуемой гибели. Въ ту пору, когда древнее патріархальное общество начинаетъ разлагаться, роды живутъ между собою всегда въ кровной враждѣ. Люди убиваютъ другъ друга и, въ слѣпой фамильной ненависти, даже забываютъ о необходимости обороны противъ насилія извнѣ. Этимъ обстоятельствомъ пользуются феодалы для собственной своей выгоды и для блага самихъ подчиненныхъ имъ обществъ,

пофамильно истребляющихъ другъ друга. Въ началѣ развитія въ средніе вѣка феодализма, народъ замѣняетъ одно зло другимъ, менѣе чувствительнымъ,—онъ предпочитаетъ рабство смерти.

Въ такомъ состояніи въ Осетіи общество находилось впродолженіи VIII-го и IX-го вѣковъ. Рѣдкое семейство не имѣло въ то время своихъ кровниковъ; семейства, враждуя между собою, проживали по цѣлымъ годамъ въ осадномъ положеніи, въ своихъ башняхъ и крѣпкихъ саклях, или прятались въ землянкахъ и пещерахъ. Ни на одной дорогѣ прохода не было, почему и весьма естественно, что ни одно византійское или грузинское посольство не могло пройти въ Осетію. Мы уже видѣли, какъ трудно было императору Льву Исаврійскому пробраться изъ Осетіи до р. Ріона.

Между тѣмъ грузинскіе или вообще закавказскіе феодалы давно уже сидѣли въ своихъ крѣпкихъ замкахъ; вся страна была уже ими занята и народъ отбывалъ имъ крѣпостную работу.

Грузинскіе феодалы, занимаясь одною только войною или грабежемъ, сами выходили или высылали своихъ сыновей на добычу. Но грабежъ на открытой дорогѣ былъ занятіемъ малодоходнымъ и неблагодарнымъ, потому что рѣдко являлся купецъ съ какимъ-нибудь цѣннымъ товаромъ, да и купцы, со временемъ, стали выходить въ путь не иначе, какъ подъ сильнымъ конвоемъ наемныхъ рыцарей или крестьянъ, соразмѣряясь съ опасностью дороги. Гораздо благодарнѣе было для младшихъ сыновей рыцарей занимать свѣжую страну. Каждый старался самъ сдѣлаться рыцаремъ и имѣть свой крѣпкій замокъ. Въ Закавказьѣ уже трудно становилось добиться чего-нибудь, и вотъ отчего грузинскіе феодалы, хоть сколько-нибудь достаточные, отправляли своихъ сыновей въ сосѣдямъ, преимущественно къ осетинамъ. Съ этою цѣлью осѣдлые рыцари снабжали своихъ сыновей, смотря по состоянію, болѣе или менѣе роскошною экипировкою, платьемъ, оружіемъ и жизненными припасами, и высылали ихъ съ дружиною, сначала въ Закавказскую Осетію.

Осетины были слабѣе грузинскихъ рыцарей и хуже вооружены; они были бѣдны, хотя и богаче крѣпостныхъ, которыхъ можно было добыть въ Грузіи—странѣ, до тла разоренной тогда арабами. Притомъ роды въ Осетіи враждовали между собою, и въ этой враждѣ не могли противъ внѣшнихъ враговъ принимать необходимыя предосторожности; чрезъ междоусобія въ народѣ заглохло сознаніе единства происхожденія и общихъ племенныхъ интересовъ. Кровники даже радовались, что вторженіемъ извнѣ полагал-

ся конецъ ненавистному для нихъ существованію своихъ родовыхъ враговъ. Но, со временемъ, внѣшній врагъ неизбѣжно добирался и до тѣхъ, которые сперва радовались гибели своего ближняго.

Такимъ образомъ въ Осетіи осѣлись, сначала мало-по-малу, а потомъ все больше и больше, грузинскіе феодалы. Побѣдители требовали съ побѣжденныхъ чего хотѣли; но прежде всего они заставили ихъ выстроить для себя на трудно-приступныхъ скалахъ рыцарскіе замки или оборонительныя башни, съ господскими домами. Затѣмъ они присвоили себѣ по праву войны всю или извѣстную часть земли и заставляли поселенцевъ обрабатывать ее въ личную свою пользу. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно въ сѣверной части Осетіи, повинности въ пользу феодаловъ налагались гуртомъ на цѣлое селеніе; въ такомъ случаѣ положеніе поселенцевъ было нѣсколько свободнѣе.

Во время разгара въ Осетіи кровной вражды, случалось очень часто, что побѣжденная сторона сама обращалась за помощью къ какому-нибудь удальцу, рыцарю. Въ такомъ случаѣ подобныя общества заранѣе и добровольно, по условію, подчинялись своему защитнику или покровителю, а если такого условія не было, то послѣ побѣды ему легко было добиться съ покровительствуемыхъ чего самъ хотѣлъ.

Въ весьма многихъ случаяхъ и нѣкоторые изъ туземцевъ, одержавшіе верхъ въ кровной враждѣ, послѣ побѣды сами присвоивали себѣ право феодаловъ; вообще примѣръ, данный чужестранными рыцарями, скоро нашелъ подражателей. Такимъ образомъ изъ туземцевъ возвысилось нѣсколько фамилій изъ обширнаго рода Сидомоновыхъ, Царозоновыхъ, Дзахиловыхъ, Кусагоновыхъ и т. д.

Въ закавказскихъ частяхъ Осетіи, бывшихъ издревле въ подчиненіи Грузіи, конечно, феодализмъ долженъ былъ развиться гораздо ранѣе, чѣмъ на сѣверной сторонѣ. Въ Закавказьѣ осетины сдѣлались полными рабами, и только небольшая часть изъ позднѣйшихъ переселенцевъ осталась свободною. Судя по вышеприведенному разсказу, Ростомъ и Цилосанъ, жившіе при императорѣ Юстиніанѣ I, были никто иные, какъ феодалы: они распоряжаются землею и назначаютъ туземцамъ въ Двалетіи новыя мѣста жительства.

На сѣверной-же сторонѣ распространеніе феодализма шло гораздо медленнѣе и труднѣе. Здѣсь патріархальное устройство

сохранялось еще долго, родовая связь всегда имѣла нѣкоторое значеніе. Та-же часть осетинъ, которая, по свидѣтельству Прокопія [1]), обитала къ востоку отъ Терека до самыхъ Каспійскихъ воротъ, вѣроятно, всегда оставалась незатронутою феодализмомъ.

Въ тѣхъ частяхъ Осетіи сѣвернаго склона, гдѣ феодальное устройство дѣйствительно укоренилось, какъ напр. въ ущельяхъ рр. Ардона, Фіягдона и Гизельдона, общины всегда сохраняли за собою нѣкоторую власть. Такъ напр., въ нижеприводимомъ сказаніи о Тагаурѣ и Куртатѣ, мы встрѣчаемъ, что общество подвергаетъ сыновей своего феодала своему собственному суду. Что-нибудь подобное не могло-бы случиться въ закавказскихъ частяхъ Осетіи. Тамъ, правда, поселенцы нерѣдко убивали ненавистныхъ феодаловъ, но безъ участія, въ подобныхъ случаяхъ, народнаго суда.

Такъ началось завоеваніе Осетіи грузинами и введеніе въ ней феодальной системы. Нынѣшніе осетины неохотно вспоминаютъ объ этомъ времени; изъ національной гордости, многіе изъ нихъ даже отрицаютъ этотъ историческій фактъ; одно только имя царицы Тамары пользуется у нихъ уваженіемъ — вѣроятно, потому, что эта царица, какъ увидимъ ниже, была въ родствѣ съ осетинскимъ царственнымъ домомъ.

XIV.

Осетинскіе абреки превращаются въ феодальныхъ владѣльцевъ.

Въ Осетіи многіе феодалы произошли изъ абрековъ. Абрекомъ называется всякій исключенный изъ среды патріархальнаго общества. Эти изгнанники дѣлались совершенно беззащитными и безправными: всякій могъ ихъ безнаказанно убивать; поэтому, жизнь абрека заранѣе была предопредѣлена: онъ долженъ былъ сдѣлаться разбойникомъ.

Мы приводимъ здѣсь слѣдующую удачную характеристику абрека, какимъ онъ являлся въ былое время [1]).

[1]) De bello Goth., p. 570; у Stritter'a, IV, 395: Alani nullius imperio subditi.

[1]) Семеновъ, Отечествовѣдѣніе.

„Абрекъ значитъ—заклятый. Въ жизни горца, какъ и въ жизни всякаго смертнаго, есть свои неудачи, несчастія и горе; но человѣкъ образованный, человѣкъ, проникнутый истиннымъ религіознымъ чувствомъ, умѣетъ выносить эти неудачи, прибѣгая или къ упованію и вѣрѣ, или къ разсудку. У горца-же нѣтъ истинной вѣры, слѣдовательно, нѣтъ и опоры, которая-бы въ минуту скорби могла врачевать боль его души и успокоить бури страстей. Мелкія несчастія, мелкія неудовольствія своей дикой жизни онъ презираетъ, онъ не понимаетъ ихъ; но горе ему и близкимъ его, если зло или несчастье перельется черезъ край его терпѣнія, тогда эта переполненная капля канетъ кровью!... Сначала онъ осудитъ и проклянетъ себя, потомъ осудитъ и проклянетъ людей. Тогда жизнь дѣлается для него эшафотомъ, на который онъ всходитъ для того, чтобы умереть, но умереть совершивъ тьму отвратительныхъ злодѣйствъ и непстовствъ, — словомъ, онъ дѣлается абрекомъ. Въ самомъ дѣлѣ, никакое слово такъ рѣзко не высказываетъ назначеніе человѣка, разорвавшаго узы дружбы, кровнаго родства, даже молочнаго братства,— человѣка, отказавшагося отъ любви, чести, совѣсти, состраданія, словомъ, отъ всѣхъ чувствъ, которыя могутъ отличить человѣка отъ звѣря. И абрекъ, по истинѣ, есть самый страшный звѣрь горъ— опасный для своихъ и чужихъ. Кровь—его стихія, кинжалъ— неразлучный другъ, самъ онъ—вѣрный и неизмѣнный слуга шайтана (чорта). Если вы завидѣли въ горахъ кабардинку, опушенную бѣлымъ шелкомъ шерсти горнаго козла, а изъ-подъ этихъ прядей шелка, раскинутыхъ вѣтромъ едва-ли не по плечамъ наѣздника, мутный, окровавленный и безумно-блуждающій взоръ,— бѣгите отъ владѣтеля бѣлой кабардинки... это абрекъ! Дитя-ли, женщина-ли, дряхлый-ли, безсильный старикъ—ему все равно, была-бы жертва, была-бы жизнь, которую онъ можетъ отнять, хотя-бы съ опасностію потерять свою собственную... Жизнь, которою наслаждаются, для него смертная обида“.

Въ подобномъ звѣрскомъ состояніи у осетинъ находился довольно значительный процентъ народонаселенія въ то время, когда древне-историческое патріархальное устройство стало у нихъ разлагаться. Тогда въ каждомъ родѣ было по нѣсколько человѣкъ, которымъ тягостно стало подчиняться древнимъ и, быть можетъ, уже устарѣлымъ народнымъ обычаямъ, связывавшимъ человѣка по рукамъ и по ногамъ. Въ средѣ семействъ случалось много неправды, вслѣдствіе чего попечительство старшихъ дѣ-

лалось, для младшихъ членовъ семейства, невыносимымъ бременемъ. Обиженные и угнетенные сначала сопротивлялись, а потомъ открыто отказывались отъ повиновенія старшимъ и аульному сборищу [2]). Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобнаго отказа было изгнаніе. Съ-тѣхъ-поръ изгнанникъ уже не зналъ ни отца, ни матери, ни братьевъ: сначала онъ блуждалъ безъ цѣли по дорогамъ, отъ одного аула къ другому, и по лѣсамъ; но гостепріимство не вездѣ могло встрѣчать скитальца: голодный дѣлался воромъ, а воръ — убійцею, коль скоро при совершеніи воровства встрѣчалось сопротивленіе. Пріобрѣтать средства къ жизни другимъ способомъ, кромѣ воровства и разбоя, было для него невозможно, потому, во-первыхъ, что онъ никогда не былъ пріученъ къ работѣ и, во вторыхъ, что, по взгляду полудикаго человѣка, работа—дѣло рабское и неблагородное.

Но воровать и грабить одному трудно и опасно. Въ лѣсахъ и по дорогамъ абрекъ вездѣ находилъ товарищей по ремеслу, къ которымъ присоединялся и съ которыми вмѣстѣ были затѣваемы болѣе крупныя воровства и разбойничьи предпріятія. Такимъ образомъ, образовывались разбойничьи шайки. Изъ подобныхъ шаекъ тѣ, во главѣ которыхъ стоялъ предпріимчивый и смѣлый вожакъ, брались даже завоевывать цѣлые аулы. Если въ подобной шайкѣ уже устанавливался нѣкоторый порядокъ и дисциплина, то и могло случаться, что, послѣ завоеванія аула, начальникъ шайки разбойниковъ тотчасъ превращался въ феодальнаго владѣльца: въ подчиненномъ обществѣ онъ вводилъ порядокъ, запрещалъ кровную месть и семейную вражду, заставлялъ поселенцевъ заниматься хозяйствомъ. Отъ неугодныхъ себѣ товарищей онъ тогда, съ помощью поселенцевъ, легко могъ избавиться. Изъ послѣднихъ онъ образовывалъ себѣ дружину, съ которою ходилъ на новыя предпріятія, уже не разбойникомъ, а рыцаремъ.

Между абреками попадались люди, дѣлавшіеся абреками по побужденіямъ въ высшей степени благороднымъ. Поводомъ къ абречеству часто служила защита слабыхъ и угнетенныхъ безотвѣтственною властью старшихъ въ родѣ. Абрекъ подобнаго рода, ставши абрекомъ, несовсѣмъ погибалъ нравственно: напротивъ, онъ укрѣплялъ свой характеръ, учился дѣйствовать самостоятельно; вѣчная борьба развивала его мужество; наконецъ,

---

[2]) Нухасъ, по-осетински.

онъ дѣлался героемъ, подвиги котораго воспѣваются позднѣйшими потомками въ народномъ сказаніи и пѣснѣ. Подобнаго рода абрекомъ былъ греческій Геркулесъ [3]) и осетинскій Батрасъ. Эти глубокомысленныя сказанія, между прочимъ, изображаютъ борьбу отдѣльнаго человѣка съ патріархальнымъ устройствомъ, не допускающимъ личной воли.

Варягъ и абрекъ одно слово и одно дѣло. Оба названія происходятъ отъ слова warg, означающаго въ древне-германскихъ и древне-славянскихъ нарѣчіяхъ „*изгнанникъ*“. У англосаксовъ подобный человѣкъ назывался wraecca; у салическихъ франковъ—wargus; на шведскомъ языкѣ—werg означаетъ *волкъ*, т. е. разбойникъ между животными. Абрекъ тоже самое, что славянское слово врагъ, извергъ и финское слово waras.

XV.

Образованіе и распаденіе великаго царства Осетинскаго и восшествіе на престолъ Осетіи династіи Багратидовъ.

Когда большая часть Осетіи уже была занята феодалами и оставалось уже мало мѣстъ для захватовъ вновь прибывавшихъ или туземныхъ удальцовъ, тогда насиліе и грабежъ все-таки не вдругъ прекратились. Удальцы эти и осѣдлые рыцари начали тогда враждовать между собою. Они нападали одинъ на другаго, и прежде всего сильнѣйшій на болѣе слабаго. Тогда уже наступаетъ *второй періодъ* феодальнаго вѣка. Такимъ образомъ, первый періодъ заключаетъ въ себѣ борьбу рыцарей преимущественно только съ разлагающимся патріархальнымъ обществомъ; второй, напротивъ,—преимущественно только борьбу феодаловъ между собою. Эта борьба была еще опаснѣе, кровавѣе, продолжительнѣе первой. Въ ней рѣшался вопросъ, кто въ данной мѣстности или странѣ сильнѣе, кто слабѣе. Сперва, слабые просто уничтожаются, но потомъ, когда по прошествіи нѣкотораго времени, сильные уже достаточно насытились добычею, послѣдніе начинаютъ вхо-

[3]) Убившій свою мать, т. е. патріархальное устройство.

дить съ первыми въ соглашеніе и требуютъ отъ нихъ добровольнаго подчиненія, подъ извѣстными условіями. Сильнѣйшій феодалъ старается обезпечить себя содѣйствіемъ слабѣйшихъ, на случай нужды и потребности.

Потребность эта представляется очень скоро въ наступающей послѣ того борьбѣ сильнѣйшихъ владѣльцевъ между собою. Во время этой борьбы народъ уже молчитъ совершенно, онъ терпѣливо покорился своей судьбѣ. Слабѣйшіе рыцарскіе дома тоже подчинились и исполняютъ только приказанія сильнѣйшихъ: по первому призыву, они обязаны представить свое ополченіе или дружину въ распоряженіе своего покровителя; слѣпое повиновеніе дѣлается для нихъ священнымъ долгомъ. Въ этомъ періодѣ феодализма сильнѣйшіе отъ слабѣйшихъ отличаютъ себя уже различіемъ титуловъ. Сильнѣйшіе обыкновенно называютъ себя князьями; въ южной Осетіи вошли тогда въ употребленіе грузинскіе титулы, въ сѣверной-же части Осетіи фамиліи феодаловъ назывались „алдарами“.

Наконецъ, въ междоусобной борьбѣ князей рѣшается великій историческій вопросъ, кто изъ нихъ первый. Въ Грузіи, какъ извѣстно, этотъ вопросъ впродолженіи многихъ вѣковъ оставался нерѣшеннымъ, вѣсы долго колебались то на ту, то на другую сторону. Наконецъ, могучій нѣкогда домъ Багратидовъ одержалъ побѣду надъ всѣми соперниками въ искательствѣ власти.

Когда вопросъ о томъ, кто изъ князей первый, уже рѣшенъ, тогда наступаетъ *третій* и послѣдній періодъ феодальнаго вѣка и съ-тѣхъ-поръ только начинается правильное и болѣе спокойное развитіе народа на пути къ гражданственности и государственной жизни.

Первый изъ князей отличаетъ себя отъ другихъ титуломъ короля, императора и т. д., смотря по могуществу возникшей державы. Ему подчиняются всѣ остальные феодалы, въ томъ порядкѣ, какъ они постепенно возвышались. Землею своею они владѣютъ не иначе, какъ по милости старшаго изъ нихъ (beneficium); на это они получаютъ отъ него грамоту, или-же фактъ пожалованія удостовѣряется другимъ способомъ, напр. инвеститурою.

Съ-тѣхъ-поръ феодалы, бывшіе прежде самовластными, дѣлаются уже вассалами и обязаны безпрекословнымъ повиновеніемъ, въ чемъ даютъ торжественную присягу. Присяга эта одна изъ тѣхъ причинъ, которыя ведутъ къ возвышенію, впродолженіи феодальнаго вѣка, церкви и духовенства. Одна только цер-

ковъ въ страшной борьбѣ среднихъ вѣковъ олицетворяетъ собою высокіе нравственные элементы, лежащіе въ основѣ феодальной системы. Она первая берется за великое дѣло нравственнаго и умственнаго воспитанія народовъ, хотя она, конечно, не всегда могла держаться чистою отъ пороковъ и заразы, гнѣздившихся во мракѣ среднихъ вѣковъ. Одинъ-же феодализмъ, не въ союзѣ съ церковью, не можетъ никогда вести къ развитію, доказательствомъ чего можетъ служить исторія Кабарды.

Въ то время, когда въ Осетіи князья между собою боролись еще о первенствѣ (борьба эта на южномъ склонѣ Осетіи шла преимущественно между Сидемонцами, потомками Ростома, Самаджабеловыми и другими), въ началѣ XI-го вѣка на осетинскомъ престолѣ появляется одна вѣтвь могущественнаго царственнаго дома Багратидовъ, занявшаго уже до этого времени престолы Карталиніи и Абхазіи.

Для опредѣленія по мѣрѣ силъ и возможности этого важнаго для исторіи Кавказа событія, весьма трудно объяснимаго, мы сначала приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ весь матеріалъ, положительно извѣстный изъ грузинскихъ, армянскихъ и другихъ источниковъ, руководствуясь при этомъ сочиненіемъ Brosset, Histoire de la Géorgie. Конечно, здѣсь намъ нужны только имена лицъ и время, въ какое они жили. Что-же касается самыхъ историческихъ происшествій, связанныхъ съ этими именами, то они въ подробности будутъ объяснены ниже, каждое на своемъ мѣстѣ.

Насколько мнѣ извѣстно, первое, по времени, извѣстіе объ осетинскихъ царяхъ феодальнаго вѣка относится къ царствованію въ Карталиніи и Абхазіи Георгія I-го (1014—1027) [1]). Онъ былъ женатъ на дочери осетинскаго царя [2]), неизвѣстно, первымъ-ли бракомъ, или вторымъ, такъ какъ Георгій былъ женатъ также на армянкѣ Маріамъ [3]). Вторая жена [4]) Георгія, судя по греческимъ источникамъ [5]), называлась Алдою (Alda Alana) [6]). Она,

---

[1]) Подъ названіемъ царскихъ сарматовъ осетины упоминаются, правда, уже въ V-мъ вѣкѣ (у Моисея Хоренскаго), но цари этой эпохи, по всей вѣроятности, были никто иные какъ родовые старшины.

[2]) Brosset, I, 315.

[3]) Brosset, I, 315, примѣч. 4.

[4]) Кн. Баратовъ считаетъ ее наложницею.

[5]) Stritter, IV, 351.

[6]) Это имя, быть можетъ, нужно перевести „осетинская алдарка,“ дочь алдара.

послѣ смерти своего мужа, перешла къ византійскому императору Роману Аргиру (Romanus Argyrus) и передала ему въ 1033 г. важную крѣпость Анакофію, въ Абхазіи [7]). У нея былъ отъ Георгія сынъ, по имени Дéметрé (Дмитрій), который тогда еще былъ очень молодъ и со своею матерью жилъ въ Греціи.

Георгій I оставилъ отъ Маріи другаго сына, по имени Баграта IV-го, царствовавшаго въ Карталиніи и Абхазіи съ 1027 до 1072 г. Онъ былъ женатъ на дочери осетинскаго царя, сестрѣ Доргулели, по имени Борена [8]). Въ извѣстномъ междоусобіи, возбужденномъ Липаридомъ Орбеліани, Дмитрій пошелъ противъ своего брата, Баграта IV. Съ помощью греческихъ войскъ, Деметре и Липаридъ сначала имѣли успѣхъ, но до битвы въ Сасиретскомъ лѣсу [9]) Деметре умеръ.

Впослѣдствіи Доргулель помогъ Баграту IV въ войнѣ [10]) противъ Ганджинскаго эмира.

Затѣмъ Вахуштъ [11]) разсказываетъ, что послѣ смерти Дмитрія, въ крѣпости Анакофіи остался сынъ его, который, вмѣстѣ съ бабушкою своею, убѣжалъ въ Осетію. Здѣсь этотъ сынъ Дмитрія (по имени Давидъ) былъ усыновленъ, женился на принцессѣ царской крови,—и съ сыномъ его, который остался жить въ Осетіи, по причинѣ его (знатнаго) происхожденія, обращались какъ съ царемъ [12]). Отъ Давида, сына Дмитрія, родился Аѳонъ (Athon), отъ Аѳона—Джадаронъ, отъ Джадарона—Давидъ-Сосланъ, мужъ царицы Тамары.

Свидѣтельство Вахушта въ общихъ чертахъ нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству лѣтописи. Послѣдняя подтверждаетъ, что Давидъ-Сосланъ былъ *потомокъ Дмитрія* въ 6-мъ поколѣніи и *Багратидъ* [13]). Кромѣ того, лѣтописецъ приводитъ, что Да-

---

[7]) Stritter l. c. Brosset, I, стр. 315, въ текстѣ. См. подробности въ Ист. Грузіи кн. Баратова, III, 56.

[8]) Вторымъ бракомъ, послѣ смерти первой жены, византійской принцессы Елены. Brosset, I, 315.

[9]) Brosset, I, 321. По разсказу кн. Баратова, Дмитрій былъ убитъ въ этомъ-же сраженіи.

[10]) Brosset, I, 335.

[11]) Brosset, I, 421, прим.

[12]) Видно, что Вахуштъ выражается очень осторожно.

[13]) Brosset, I, 420 и 421. David Soslan était fils du roi des Osses et de race bagratide, fils et descendant à la 6-e génération de Dimitri, fils du roi Georgi, nè d'une fille du roi d'Oseth.

видъ-Сосланъ былъ родственникъ Тамары еще въ ближайшей степени, именно черезъ тетку царицы Русуданы со стороны отца, дочь Давида II, вышедшую замужъ за осетина.

Такъ какъ Давидъ-Сосланъ былъ (младшій) сынъ осетинскаго царя, потомокъ Дмитрія и Багратидъ, то изъ этого слѣдуетъ, что или сынъ, или внукъ, или-же вообще какой-нибудь потомокъ Дмитрія переселился въ Осетію, иначе Давидъ-Сосланъ не могъ-бы называться потомкомъ Дмитрія; не менѣе достовѣрно изъ этого слѣдуетъ и то, что у потомковъ Дмитрія въ Осетіи не прекратилось мужское колѣно, иначе Давидъ-Сосланъ не могъ-бы называться Багратидомъ. Но, къ сожалѣнію, лѣтописецъ не приводитъ объ этомъ никакихъ подробностей. Вахушть дополняетъ эти свѣдѣнія какъ приведено выше, но потомъ, пускаясь въ полемику съ многочисленными порицателями Багратидовъ, подтверждавшими, что въ домѣ Багратидовъ мужское колѣно прекратилось не только со стороны Тамары, но и со стороны мужа, онъ неумѣстными и тенденціозными доводами [14]) сильно запутываетъ дѣло.

Весь споръ произошелъ отъ того, что генеалогія Давида-Сослана, хотя было основаніе предполагать, что онъ вполнѣ Багратидъ, не была совершенно точно доказана. При сынѣ Георгія Лаши [15]), Давидѣ, этотъ споръ, какъ извѣстно, получилъ весьма важное династическое значеніе: двоюродный братъ и соперникъ его, Давидъ, сынъ Русуданы, всѣми средствами старался доказать, что Давидъ, сынъ Георгія Лаши, тоже никто иной, какъ Багратидъ, только по женской линіи, какъ и онъ самъ, а не по отцу. По свидѣтельству покойнаго Бартоломея [16]), „монета Давида, сына Георгія Лаши, представляетъ въ арабской легендѣ династическое имя Багратидовъ, и этотъ единственный примѣръ въ грузинской нумизматикѣ проявленія династическаго имени указываетъ на то обстоятельство, что Давидъ, сынъ Георгія Лаши, былъ *вполнѣ* Багратидъ по отцу, дѣду и бабкѣ своей, Тамарѣ“ [17]). Конечно, эта монета не прямо рѣшаетъ вопросъ

---

[14]) На счетъ дѣвственности Русуданы (тетки царицы Русуданы), вышедшей замужъ за осетина (противники Багратидовъ, во время Вахушта, старались доказать, что родственныя отношенія Давида-Сослана къ Тамарѣ происходили только отъ этого брака), и на счетъ царя Эфрема (?!).

[15]) Сынъ Тамары, и нѣсколько разъ послѣ этого.

[16]) Lettres numismatiques et archéologiques, Pl. II, fig 8.

[17]) Вмѣстѣ съ тѣмъ на то обстоятельство, что вопросъ этотъ былъ спорнымъ уже тогда.

о томъ, былъ-ли Давидъ-Сосланъ полный Багратидъ, или нѣтъ, но все-таки она служитъ сильнѣйшею опорою для предположенія, что это дѣйствительно было такъ. Монета эта древнѣе самой лѣтописи, слѣдовательно имѣетъ даже преимущество передъ послѣдней. Впрочемъ, доказательства приведенной монеты, лѣтописи и даже Вахушта, въ самомъ основаніи вопроса совершенно согласны между собою. Доводы приверженцевъ противоположнаго тому мнѣнія остаются во всякомъ случаѣ голословными. Тамара потому именно сочла нужнымъ выйти замужъ за Давида-Сослана, что онъ былъ послѣдній, оставшійся тогда Багратидъ въ мужскомъ колѣнѣ, а въ феодальномъ государствѣ, каковымъ была тогда Грузія, это было весьма важно.

Для подкрѣпленія своего мнѣнія и подробностей, имъ приведенныхъ, новымъ доказательствомъ, Вахуштъ ссылается на рисунки и надписи, находящіяся въ небольшой церкви въ аулѣ Нузалѣ, въ Касарскомъ ущельи. Вахуштъ говоритъ, что въ этой церкви находятся портреты Дмитрія и его сына Давида, съ надписями.

Проѣздомъ черезъ аулъ Нузалъ, въ Касарскомъ ущельи, я случайно зашелъ въ эту церковь и привожу здѣсь нѣсколько подробностей о томъ, что я тамъ видѣлъ. Церковь эта стоитъ среди аула Нузала, на кладбищѣ. Она построена изъ твердаго и удивительно - хорошо сохранившагося камня, и въ весьма элементарномъ стилѣ; она похожа на гробницы, ее окружающія, такъ, что на первый взглядъ трудно опредѣлить, церковь-ли это, или гробница. Она такъ мала, что 10, 12 человѣкъ съ трудомъ въ ней помѣщаются. Въ задней части находится простой, новый иконостасъ и за нимъ принадлежности для церковной службы; по стѣнамъ—старинные рисунки, съ нѣкоторыми надписями; у входа, выше дверей—крестъ съ грузинскою надписью: „Церковь Христа“. На лѣвой, отъ входа, стѣнѣ я видѣлъ наверху рисунокъ, весьма испорченный и представлявшій, кажется, что-то въ родѣ крылатаго ангела на лошади, въ борьбѣ съ какимъ-то чудовищемъ, отъ котораго видны только ноги.

Внизу, подъ этимъ рисункомъ, можно довольно ясно различить 4 человѣческихъ фигуры или портрета въ черкесской одеждѣ. Голова сохранилась въ цѣлости только у четвертаго, туловище—у втораго и четвертаго. Въ промежуткахъ между этими портретами находятся надписи: изъ нихъ можно различить, между вторымъ и третьимъ, около головы, буквы „т о н“. Это было,

очевидно, имя „Атонъ“, о которомъ упоминаетъ Вахуштъ; между третьимъ и четвертымъ можно ясно различить имя Сосланъ. Остальныя надписи, кромѣ трехъ непонятныхъ буквъ, отбиты. Но одинъ ученый кавказовѣдъ, позаботившійся о снятіи этихъ надписей гораздо раньше меня, сообщилъ мнѣ еще одно, въ настоящее время тоже уже уничтоженное [18]) имя, означавшее Джадаросъ.

На стѣнѣ направо отъ входа, наверху находится довольно хорошо сохранившійся рисунокъ Св. Георгія и внизу, какъ говорятъ, были двѣ фигуры, изъ которыхъ только одна еще слабо замѣтна. Надписей на этой сторонѣ, кажется, никакихъ не было.

За иконостасомъ, по обѣимъ сторонамъ, находятся наверху по два рисунка Архангеловъ Михаила и Гавріила и внизу головы святыхъ; на задней стѣнѣ—Спаситель.

Провожавшій меня осетинъ разсказалъ, что въ церкви этой когда-то находилась обширная надпись объ Осибагатарѣ, родоначальникѣ осетинъ [19]). На вопросъ, на какомъ мѣстѣ находилась эта надпись, мнѣ указали на узкую полосу между вторымъ и третьимъ изъ вышеозначенныхъ портретовъ и еще на другое мѣсто, на противоположной сторонѣ. Притомъ мнѣ сообщили, что надпись эта нарочно уничтожена какимъ-то священникомъ, по имени Миколо Самаргановымъ, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, обвинили и въ увозѣ изъ развалинъ близь-лежащаго древняго монастыря какихъ-то древнихъ документовъ и драгоцѣнностей. Я тотчасъ вспомнилъ, что эти документы очень нужны были-бы въ Коммиссіи для опредѣленія сословныхъ правъ туземцевъ; но, къ сожалѣнію, они исчезли. На томъ мѣстѣ, на которое мнѣ указали, никакой надписи никогда не было и штукатурка со стѣны не отбита, а упала сама собою. Если-бы была тамъ какая-нибудь надпись, то это было-бы замѣтно, потому что по мѣстамъ штукатурка осталась, но на ней ни малѣйшаго слѣда буквъ не видать. Въ такомъ случаѣ надо предполагать, что надпись эта находилась или на полу, или на потолкѣ; но, къ сожалѣнію, я забылъ обратить вниманіе на эти мѣста. Насчетъ этой надписи возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія еще въ палеографическомъ отношеніи. Буквы сохранившихся въ церкви надписей довольно боль-

---

[18]) Или-же мною пропущенное, такъ какъ я во время посѣщенія церкви не зналъ еще о ея значеніи.

[19]) См. ниже, въ гл. объ Осибагатарѣ.

шихъ размѣровъ и почерка, неизвѣстнаго въ началѣ XIII-го столѣтія.

Наконецъ, я позволю себѣ высказать по совѣсти свой юридическій взглядъ на этотъ памятникъ древности. Наука не терпитъ заднихъ мыслей. Нузальская церковь принадлежитъ такому времени, когда, вслѣдствіе какого-нибудь династическаго раздора, возбужденъ былъ вопросъ о томъ, прекратилось-ли въ домѣ Багратидовъ при Тамарѣ мужское колѣно, или нѣтъ. Я предполагаю, что эту церковь построилъ тотъ изъ Багратидовъ [20]), который, единственный изъ всѣхъ, изобразилъ на своей монетѣ династическое имя Багратидовъ, къ чему онъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ полнѣйшее право. Поводомъ къ этому служило то, что нашлись претенденты, отрицавшіе его право на престолъ, ссылаясь притомъ на то, что Давидъ-Сосланъ, какъ-будто, не былъ Багратидъ. Послѣ этого, конечно, позднѣйшіе Багратиды должны были это доказать; но въ подобномъ случаѣ единственнымъ доказательствомъ могли служить родословныя книги и и акты совѣта дидебуловъ. Послѣдніе (дидебулы), при Тамарѣ, вѣроятно, потому только согласились на бракъ ея съ Давидомъ-Сосланомъ, что они, послѣ изслѣдованія, нашли, что тотъ дѣйствительно Багратидъ [21]). Согласно тому была составлена родословная, которою впослѣдствіи пользовался Вахушть. Но противники Багратидовъ не признали подлинности этой родословной и актовъ, находившихся всегда въ рукахъ противной партіи. Противъ нихъ можно было купить за деньги любое доказательство, не только въ Осетіи, но и въ Грузіи. Такъ, вѣроятно, и случилось, вслѣдствіе чего царствующіе Багратиды должны были позаботиться о приведеніи новыхъ доказательствъ, и вотъ именно церковь въ Нузалѣ была выстроена, для подкрѣпленія доказательной силы вышеупомянутой родословной. Это было нужно въ средніе вѣка; но теперь, когда, можно надѣяться, исторія докажетъ, что въ Осетіи, судя по всѣмъ даннымъ, дѣйствительно царствовала одна вѣтвь дома Багратидовъ,—надписи Нузальской церкви теряютъ свою юридическую доказательную силу, и ихъ мѣсто должна занять исторія, возстановляющая полную доказательную силу древней

---

[20]) Давидъ, сынъ Георгія Лаши.

[21]) Иначе трудно понять, почему Тамара именно остановилась на Давидѣ, занимавшемъ тогда, въ сравненіи съ другими соискателями руки царицы, весьма незавидное положеніе.

родословной и актовъ дидебуловъ. Вмѣсто одной Нузальской церкви, исторія приводитъ нѣсколько десятковъ грузинскихъ церквей, свидѣтельствующихъ о томъ, что Осетія когда-то управлялась царицею Тамардедопали, т. е. тѣмъ родомъ, къ которому сама Тамара принадлежала. Конечно, исторія лишена возможности воспроизвести всѣ доказательства, которыми руководились дидебулы, когда они дали свое согласіе на бракъ Тамары съ Давидомъ-Сосланомъ, но она современемъ докажетъ, что послѣдовательность историческихъ фактовъ не допускаетъ другаго предположенія.

Въ смутной борьбѣ сильнѣйшихъ феодаловъ между собою, въ Осетіи, вѣроятно уже въ X-мъ столѣтіи, одна фамилія одержала верхъ и глава этой фамиліи назвалъ себя „великимъ царемъ“. Късожалѣнію, о происхожденіи этой фамиліи положительно ничего неизвѣстно. Побѣда ей досталась, вѣроятно, вслѣдствіе содѣйствія абхазцевъ, или, быть можетъ, даже Византіи, но это только предположеніе, ничѣмъ не доказываемое. Въ Абхазіи тогда царствовали Багратиды, находясь тутъ съ давнихъ поръ подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи.

Въ началѣ XI-го вѣка, осетинская царская фамилія возвысилась уже настолько, что царь карталинскій и абхазскій Георгій I женился на Алдѣ, дочери осетинскаго царя неизвѣстнаго имени. Алда интриговала съ Византіею и наконецъ въ 1033 г., передавъ императору крѣпость Анакофію, убѣжала съ сыномъ въ Константинополь.

Первый, извѣстный по имени, великій царь осетинскій былъ Ордуре.

Объ этомъ царѣ кахетинская исторія [22]) повѣствуетъ, что онъ, въ царствованіе въ Кахетіи Квирикія Великаго (1010—1029), вторгнулся по дорогѣ черезъ Дзурдзукъ и Глигви въ Тріанетъ и опустошилъ Кахетію. Царь Квирикій далъ битву и побѣдилъ царя Ордуре, который былъ убитъ кахетинцами. Осетины были вытѣснены. Къ сожалѣнію, годъ этого событія несовсѣмъ точно извѣстенъ. Въ 1029 г. (по Вахушту въ 1039 г.), Квирикій разъ находился на охотѣ и отдыхалъ около горы (Фидарсъ?). Тогда осетинскій военноплѣнный [23]) убилъ Квирикія, въ возмездіе за кровь царя Ордуре.

---

[22]) Brosset, II, 1 partie, 143.

[23]) По имени Фидарсъ Гортанъ, согласно свидѣтельству Вахтанговой лѣтописи, I, 317, у Brosset.

Второй, извѣстный по имени, царь осетинскій — Доргулель [24]).

Послѣ смерти первой жены, византійской принцессы Елены, жившей недолго, карталинскій и абхазскій царь Багратъ IV женился на Боренѣ, дочери осетинскаго царя и сестрѣ Доргулеля. Послѣ этого Доргулель помогъ мужу своей сестры, Баграту IV, въ слѣдующей войнѣ. Въ 1064 г., Сельджукскій султанъ Алпъ-Арсланъ вторгнулся со значительнымъ войскомъ въ Закавказье. Часть завоеванныхъ земель, послѣ отступленія султана, была отдана карабахскому эмиру Падлону или Фадлону. Съ этимъ Фадлономъ Багратъ IV велъ нѣсколько войнъ, и въ одной изъ нихъ онъ позвалъ на помощь „великаго царя“ Доргулеля, съ арміею въ 40,000 чел., которые были поставлены подъ главное начальство Багратова сына Георгія Куропалата. Совершивъ походъ въ Гандзу (Ганжу), Доргулель воротился назадъ въ свою страну. Скоро послѣ этого Доргулель имѣлъ желаніе лично посѣтить своего шурина и отправился со всѣми осетинскими вельможами [25]) черезъ Абхазію въ Кутаисъ, гдѣ онъ засталъ свою сестру [26]). Оттуда онъ отправился въ Карталинію. Царь Багратъ находился въ Надарбазевѣ, пошелъ ему на встрѣчу и принялъ его дружески. Они пошли въ Зкецуни (Cezouni), гдѣ цари 12 дней провели вмѣстѣ, въ разнаго рода пиршествахъ. Но такъ какъ уже настала зима, то Багратъ послѣ этого отпустилъ гостей съ богатыми подарками [27]) и они отправились назадъ.

Приведенный путь изъ Осетіи черезъ Абхазію въ Кутаисъ и Надарбазевъ, по которому пошелъ тогда Доргулель, указываетъ на то, что въ это время, т. е. до татарскаго разгрома и переселенія въ Кабарду адыгейскаго племени, границы Осетіи распространялись далеко на сѣверъ и на западъ, до Эльборуса. Доказательствомъ можетъ служить то, что вся эта страна еще гораздо позже называлась Осетіею [28]). Но, во всякомъ случаѣ, въ составъ этого обширнаго государства входили и собственно осетинскія ущелья, населяемыя осетинами по-нынѣ, иначе непонятно было-бы, почему Нузальская церковь выстроена именно на

---

[24]) У Вахушта Дурдулель (Дурдурель?—Дурдуръ—притокъ Терека). См. Ист. Грузіи кн. Баратова, III, 74.

[25]) По Вахушту, число ихъ было 40,000 (?).

[26]) По Вахушту, Борена была его дочь.

[27]) Brosset, I, 335. Ист. Грузіи кн. Баратова, III, 75.

[28]) Вахушть, Опис. Грузіи. См. Brosset, I, 335.

настоящемъ своемъ мѣстѣ и почему вообще грузинскія постройки въ послѣднихъ ущельяхъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Слѣды осетинской исторіи сохранились собственно только въ осетинскихъ ущельяхъ; что-же касается тѣхъ частей великой нѣкогда страны Осетіи, которыя впослѣдствіи были заняты татарами (къ западу отъ нынѣшнихъ осетинъ до Эльборуса) и кабардинцами (Большая и Малая Кабарда), то въ нихъ слѣды эти исчезли давнымъ давно, и только въ сказаніяхъ тамъ и сямъ попадается намекъ на то, что страна эта нѣкогда принадлежала осетинамъ.

Дмитрій былъ братъ Баграта IV и черезъ мать свою Алду и жену своего брата Борену [29]) находился въ близкомъ родствѣ съ осетинскимъ царственнымъ домомъ. Съ братомъ своимъ онъ жилъ въ разладѣ; поэтому весьма правдоподобно, что сынъ или вообще потомки его примкнули къ Осетіи. Изъ предъидущаго извѣстно, что въ это время пошли завоеванія въ Осетіи грузинскихъ феодаловъ. Страна, даже при Ордуре и Доргулелѣ, далеко еще не успокоилась: борьба между феодалами по-прежнему продолжалась. Поэтому, если Вахушть, на основаніи древнихъ родословныхъ книгъ, свидѣтельствуетъ, что сынъ Дмитрія, съ матерью своею, переселился въ Осетію, и вслѣдствіе знатнаго своего происхожденія, конечно, долженъ былъ обратить на себя вниманіе феодаловъ, такъ что съ нимъ обращались какъ съ царемъ, то, по нашему мнѣнію, слишкомъ смѣло и самонадѣянно было-бы голословно отвергать этотъ фактъ. Завладѣвъ Абхазіею, Багратиды въ эту пору уже стали на такую ступень могущества, что имѣли подручниковъ вездѣ по всему среднему и западному Кавказу. Естественно, что они добивались власти и въ Осетіи; подобное упущеніе съ ихъ стороны было-бы даже страннымъ и непонятнымъ. Мы нисколько не полагаемъ, что сынъ Дмитрія, переселившись въ Осетію, тотчасъ сдѣлался царемъ всей страны; напротивъ, мы полагаемъ, что кругъ его дѣйствій сначала былъ весьма ограниченъ: онъ пріобрѣлъ вліяніе сначала только въ двухъ-трехъ ущельяхъ [30]), остальныя-же части страны, попрежнему, оставались въ слабой зависимости отъ великихъ царей осетинскихъ. Послѣднимъ, быть можетъ, и самъ сынъ Дми-

---

[29]) Сестру или дочь Доргулеля.

[30]) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоитъ Нузальская церковь и гдѣ въ церквахъ встрѣчается больше всего грузинскихъ надписей.

трія подчинялся, какъ мтаваръ. Но потомъ, сроднившись съ царственнымъ осетинскимъ домомъ, члены этого дома воспользовались его знатнымъ именемъ Багратида, какъ нѣкогда Липаридъ воспользовался именемъ Дмитрія, для того, чтобы укрѣпить свою власть. Но, несмотря на все это, династія Ордуре и Доргулеля недолго могла держаться на своемъ мѣстѣ. Послѣ Доргулеля прежнія смуты возобновились: сильные феодалы, послѣ кратковременнаго подчиненія, снова отложились отъ великаго царя и образовали удѣльныя княжества. Среди этихъ смутъ пришли и татары. Осетинскій царственный домъ упалъ до прежняго ничтожества и былъ-бы, быть можетъ, совершенно задавленъ, если-бы его не держало имя Багратидовъ, сохранившее и въ Осетіи нѣкоторый вѣсъ среди грузинскихъ феодаловъ, укрѣпившихся въ ней. Въ концѣ XI-го вѣка, при походѣ Давида II, въ Осетіи уже не было царя, а страна была раздроблена на множество мелкихъ княжествъ. Давидъ II Возобновитель былъ женатъ на Гурандухтѣ, дочери одного кипчакскаго князя. Въ одной войнѣ онъ нуждался въ помощи кипчаковъ и пригласилъ отца своей жены. Кипчаки обратились къ осетинскимъ князьямъ съ просьбою, дать имъ проходъ, но тѣ отказали, вслѣдствіе чего Давидъ лично долженъ былъ отправиться въ Осетію. Онъ пришелъ туда, въ сопровожденіи своего главнаго секретаря, Георгія Дшхондиделя. Князья страны, со всѣми вельможами, вышли къ нему на встрѣчу и держались въ его присутствіи, какъ рабы. Взявъ съ осетинъ и съ кипчаковъ заложниковъ, онъ безъ труда успѣлъ помирить оба народа и возстановить между ними доброе согласіе. Занявъ Дарьяльскую крѣпость и всѣ проходы Осетіи и остальнаго Кавказа въ этихъ частяхъ, Давидъ добился для кипчаковъ безопаснаго проѣзда черезъ горы [31]).

Багратиды въ Осетіи долгое время терялись въ числѣ враждующихъ между собою феодаловъ. Конечно, въ подобное смутное время напрасно и думать о строгомъ веденіи родословныхъ книгъ. Давидъ, сынъ Дмитрія, и, быть можетъ, еще Аѳонъ, были незначительные князья, именъ которыхъ народное сказаніе совсѣмъ не помнитъ; въ дикой борьбѣ образующагося государства, они, быть можетъ, забыли совсѣмъ о своемъ происхожденіи,—неудачи на войнѣ задавили въ нихъ всякія честолюбивыя замыслы.

---

[31]) Brosset, I, 362, и Addit. et éclair., 58.

Но сынъ Аѳона, Джадаросъ, уже нѣсколько возвысился. Имя Джадароса сохранилось въ народномъ сказаніи въ Валаджирскомъ и Куртатинскомъ ущельяхъ, хотя нѣкоторые осетины даютъ этому имени совершенно превратный и противорѣчащій историческимъ фактамъ смыслъ, сближая его съ именемъ Осибагатара.

Укрѣпившись въ своихъ ущельяхъ, вѣроятно — Куртатинскомъ и Валаджирскомъ, Джадаросъ неизвѣстными путями достигъ вліянія и одержалъ верхъ надъ враждующими феодалами, такъ-что Багратиды закавказскіе снова обратили вниманіе на эту, потерявшуюся въ смутное время феодализма, отрасль ихъ дома. Джадаросъ былъ признанъ за потомка Дмитрія и Багратида и потому тетка царицы Русуданы, дочь великаго Давида II, рѣшилась выйти за него замужъ [32]). Отъ этого брака родился Давидъ-Сосланъ, впослѣдствіи мужъ царицы Тамары.

Византійскіе источники [33]), хотя не прямо, высказываютъ, что осетинскіе цари были изъ рода Багратидовъ, многократно свидѣтельствуя, что они были въ ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ съ царями Иверіи [34]) и въ вассальной отъ нихъ зависимости.

Въ греческихъ источникахъ управители Осетіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются не царями, а ἐξουσιάζοντες, т. е. намѣстниками, въ грузинскихъ—мтаварами.

XVI.

Царица Тамара и ея отношенія къ Осетіи.

Въ 1184 году вступила на престолъ величайшая изъ всѣхъ царей [1]) грузинскихъ—Тамара.

Эта истинно-великая женщина была въ чрезвычайно-близ-

---

[32]) Brosset, I, 421. Le père de notre David fut marié à Rousoudan.

[33]) См. ниже.

[34]) Nicephorus Bryennius, p. 40, въ соч Штриттера, IV, 352, прим. g.

[1]) Она называла себя царемъ.

кихъ, но, къ сожалѣнію, пока еще не разъясненныхъ родственныхъ отношеніяхъ съ осетинскими царями.

По матери, она сама произошла изъ осетинской царской фамиліи. Отецъ Тамары, Георгій III, царствовавшій между 1156 и 1184 годами, былъ женатъ на прекрасной Бурдуханѣ, дочери осетинскаго царя Худдана [2]).

Извѣстно, что Тамара первымъ бракомъ вышла замужъ за Георгія Боголюбскаго, сына Великаго Князя Андрея Боголюбскаго. Начало этого союза, должно искать въ Осетіи и, вѣроятно, тоже въ отношеніяхъ Осетіи къ Тмутаракани. Г. Бутковъ [3]) полагаетъ, что Андрей Боголюбскій вторымъ бракомъ былъ женатъ на осетинкѣ и что отъ этого брака родился Георгій, впослѣдствіи мужъ царицы Тамары. Мать Георгія приняла участіе въ одномъ заговорѣ, затѣянномъ дворецкимъ Андрея Боголюбскаго, Анбаломъ, вслѣдствіе чего сынъ ея Георгій, въ 1175 г., за преступленіе матери, былъ изгнанъ новгородцами, мать утоплена въ озерѣ Клещинѣ и Анбалъ повѣшенъ [4]). Въ русской исторіи Георгій Боголюбскій исчезаетъ безслѣдно, и г. Бутковъ предполагаетъ, что онъ убѣжалъ въ Осетію [5]), къ родственникамъ своей матери, гдѣ, по всей вѣроятности, познакомился съ Тамарою. Впрочемъ, нельзя совершенно опредѣлительно сказать, была-ли это таже самая царская фамилія, отъ которой со стороны матери произошла Тамара, или нѣтъ. Въ этомъ случаѣ Георгій Боголюбскій могъ-бы быть двоюроднымъ или троюроднымъ братомъ царицы.

Тамара, въ 1200 г. [6]), вторымъ бракомъ вышла замужъ за Давида-Сослана, сына Джадароса, царя осетинскаго, изъ рода Багратидовъ.

Грузинскій лѣтописецъ разсказываетъ, что въ числѣ обожателей, или соискателей руки прекрасной царицы, кромѣ знатныхъ принцовъ, каковы были Мануилъ Византійскій, Боэмундъ Антіохійскій, явились и двое сыновей осетинскихъ царей [7]). Воротившись назадъ, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей умеръ отъ не-

---

[2]) Brosset, I, 383.

[3]) О бракахъ князей русскихъ съ грузинами и язычами.

[4]) Brosset, Addit. et éclair., 296.

[5]) Или къ хазарамъ, на р. Сунжѣ.

[6]) Bartholomaei, Lettres numism. et archéol., стр. 56.

[7]) Слѣдовательно, Осетія была въ это время раздроблена на нѣсколько владѣній или царствъ.

счастной любви къ Тамарѣ, въ церкви Св. Рождества, въ Никозѣ, гдѣ онъ и похороненъ.

О происхожденіи Давида-Сослана мы уже говорили выше. Давидъ помогъ царицѣ во всѣхъ важныхъ военныхъ предпріятіяхъ.

При Тамарѣ [8]), и вѣроятно еще раньше — при Давидѣ II, значительная часть сѣвернаго Кавказа, въ томъ числѣ и Осетія, была въ вассальной зависимости отъ Грузіи; это подтверждается многими народными сказаніями о царицѣ Тамарѣ, называемой въ осетинскомъ сказаніи Тамаръ-дедопали. Осетинское сказаніе приписываетъ этой царицѣ сооруженіе почти всѣхъ церквей и монастырей въ этой странѣ. Но такъ какъ эти церкви весьма различныхъ временъ [9]), то изъ этого можно заключить, что сказаніе вообще все, что относится къ Грузіи, связываетъ съ именемъ Тамары.

Судя по близкому отношенію, въ которое сказаніе въ Осетіи ставитъ имя Тамары къ собственной народной жизни, должно заключить, что она часто бывала въ этой странѣ. Съ разработкою народныхъ сказаній и преданій грузинскихъ дворянскихъ семействъ, жившихъ прежде въ Осетіи, современемъ найдется еще много матеріала для объясненія этой темной страницы въ исторіи осетинъ. 1207

Давидъ-Сосланъ умеръ въ 1209-мъ и Тамара—въ 1212-мъ году.

Скоро послѣ этого, въ 1218 г., настало грозное время нашествія татаръ; но прежде чѣмъ мы скажемъ объ этомъ предметѣ, необходимо обратить вниманіе на нѣсколько вопросовъ внутренней исторіи осетинъ.

XVII.

Предполагаемая столица осетинскаго царства.

Впродолженіи всего феодальнаго вѣка, осетинскіе владѣтели

---

[8]) Brosset, I, 478,

[9]) Напр., большая церковь въ Кесатикау, которая, очевидно, не древнѣе 200, 300 лѣтъ.

изъ Багратидовъ, по всей вѣроятности, жили въ ущельи рѣки Фіягдона (Куртати). Въ глубинѣ этого ущелья, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоятъ аулы Далагкау, Ладзъ и Цимити, находится весьма просторная альпійская долина. На этомъ мѣстѣ, должно быть, стоялъ когда-нибудь большой и многолюдный городъ, потому-что нигдѣ по всей Осетіи не встрѣчается на одномъ и томъ-же мѣстѣ такой громадной массы обтесанныхъ камней, какъ здѣсь.

Въ аулѣ Ладзъ, на площади, гдѣ ежедневно собирается народъ, намъ показали громадную, тщательно обтесанную каменную толстую доску стола [10]) или чего-то подобнаго; на другомъ мѣстѣ, въ томъ-же аулѣ, — обтесанные камни другихъ формъ, какъ-то: принадлежности восточныхъ бань и т. п. Объ этихъ камняхъ народное сказаніе повѣствуетъ, что они находились когда-то въ дворцѣ нартовъ, мѣстоположеніе котораго нѣкоторые даже опредѣляютъ. У осетинъ, каждая, сколько-нибудь выдающаяся личность древности, обозначается почетнымъ названіемъ нарта. Сказаніе о нартахъ заключаетъ въ себѣ всю исторію народа; но въ ней сливаются, конечно, въ пестрой смѣси происшествія самыхъ различныхъ временъ и мѣстностей.

Съ древнѣйшими сказаніями о нартахъ смѣшаны происшествія, относящіяся къ гораздо позднѣйшему времени; такъ-напримѣръ, въ одной изъ многочисленныхъ рапсодій народной эпопеи о Батурасѣ упоминается магометанство и огнестрѣльное оружіе. Задача чрезвычайно трудная—дать въ народномъ сказаніи каждому происшествію свое значеніе и опредѣлить время его совершенія.

Что касается вышеупомянутыхъ камней, находящихся въ аулѣ Ладзъ, мы нисколько не полагаемъ, что они дѣйствительно происходятъ изъ царскаго дворца осетинскихъ Багратидовъ. Мы изъ этого заключаемъ только то, что здѣсь когда-то жили цивилизованные люди. Это предположеніе подтверждается еще присутствіемъ на этихъ мѣстахъ многочисленныхъ кладбищъ, съ древними роскошными надгробными памятниками и катакомбами. Надгробные памятники сохранились гораздо дольше всѣхъ остальныхъ строеній, потому что для осетина гробница—вещь святая и неприкосновенная. Въ этомъ мѣстѣ находится и много развалинъ древнихъ церквей. Въ Дзивгисѣ стоятъ развалины древняго монастыря, высѣченнаго въ скалѣ. Кругомъ, на окрестныхъ горахъ

[10]) Этотъ камень можетъ быть и крышей гробницы.

виднѣются древнія башни. Большая часть названныхъ строеній и остатковъ древности принадлежитъ феодальному вѣку отъ XI до XIV и XV столѣтій.

Въ стратегическомъ отношеніи ущелье рѣки Фіягдона чрезвычайно удобно расположено. Оно находится въ срединѣ между обоими проходными путями чрезъ средній Кавказъ, по Дарьяльскому и Мамисонскому ущельямъ; оно просторно и почти со всѣхъ сторонъ защищено величайшими горами и отвѣсными скалами. На всѣхъ слабыхъ пунктахъ сооружены башни; на югозападъ оно закрыто громадною стѣною. Въ одной изъ высокихъ стѣнъ скалъ, отдѣляющихъ ущелье рѣки Фіягдона отъ Касарскаго, природа оставила нешпрокій проходъ; это мѣсто искусственно загражденo громадными кучами камней. Въ Хилакѣ находится старинная крѣпость. Сказаніе приписываетъ эту постройку нѣкоему Саху, т. е. персидскому Шаху-Абасу; но это сказаніе не выдержитъ критики.

Въ этомъ безопасномъ убѣжищѣ могло развиваться нѣкоторое благосостояніе, торговля, промышленность. На рынкѣ осетинской столицы обращались грузинскія деньги, которыя тамъ и сямъ еще и теперь отыскиваются. Говорятъ даже, что найдены были золотыя и серебряныя вещи, украшенія, ожерелья и т. д. Къ сожалѣнію, всѣ эти вещи исчезли неизвѣстно куда. Такъ какъ осетины никогда не открываютъ гробницъ, то въ нихъ, современемъ, когда исчезнутъ нынѣшніе предразсудки на счетъ этихъ мѣстъ и когда допустятъ открыть гробницы, можно будетъ найти много драгоцѣннаго для исторіи матеріала.

XVIII.

Значеніе феодализма. Осетинскіе рыцарскіе банкеты.

До-тѣхъ-поръ, пока феодалы подчинялись своему царю и масса народонаселенія не разорялась отъ ихъ самовластія и расточительности, дѣла во всякомъ случаѣ шли недурно. Вновь образовавшееся государство пріобрѣло силу, такъ что, по при-

казанію царя, страна была въ состояніи выставлять армію въ 40,000 тыс. человѣкъ. За службу внѣ страны войска получали хорошее вознагражденіе и съ каждаго похода съ богатою добычею возвращались назадъ въ свое отечество. Военноплѣнные дѣлались рабами, поселялись на земляхъ владѣльцевъ и свободныхъ людей, участвовавшихъ въ походѣ, и должны были обрабатывать поля. Въ первобытномъ обществѣ работа исключительно есть дѣло рабовъ и женщинъ. Мужчины-же знаютъ только одну работу—войну. Въ свободное время они не занимаются ничѣмъ, кромѣ чистки и починки оружія; половину дня проводятъ они въ бесѣдахъ, а остальную часть шатаются по улицамъ, переходя отъ одного сосѣда къ другому, или спятъ. По взгляду такого народа, работать стыдно, вслѣдствіе чего лѣнь овладѣваетъ мужчинами до такой степени, что они предпочитаютъ крайнюю нужду самой легкой производительной работѣ. Человѣкъ съ такимъ направленіемъ, конечно, безъ понужденія не приметея за трудъ. Понятно, съ какими громадными препятствіями должно быть сопряжено воспитаніе къ труду цѣлаго народа, проводившаго весь вѣкъ свой въ праздности. Съ этою цѣлью въ средніе вѣка являются феодалы, которые, подъ тяжелымъ гнетомъ рабства, первые даютъ людямъ понять, что работа не только не стыдъ, но долгъ человѣка. Феодалы, однакожъ, въ ущербъ самимъ себѣ, обыкновенно сами не придерживаются этого начала, — и вотъ причина ихъ паденія. Вторая ошибка, которую совершаютъ и отъ которой они впослѣдствіи тяжело страдаютъ, та, что они считаютъ произведенія труда своихъ крѣпостныхъ своимъ личнымъ, собственнымъ достояніемъ, которымъ распоряжаются эгоистично: вмѣсто хорошихъ хозяевъ, они являются эксплуататорами.

Такъ случилось и въ Осетіи. Въ осетинскихъ замкахъ дни проходили въ буйномъ весельи, точно какъ нѣкогда въ замкахъ Франціи и Германіи, прославившихся своими роскошными рыцарскими турнирами [1]) и банкетами. Эти рыцарскіе банкеты у коренныхъ осетинъ совершались слѣдующимъ образомъ.

Въ просторной комнатѣ башни или пристроеннаго къ ней дома сидѣлъ рыцарь съ своими гостями, каждый на полукругломъ осетинскомъ креслѣ той изящной формы, которая описывается во 2-мъ томѣ извѣстнаго путешествія барона Гакстгаузена. Тот-

---

[1]) Джигитовка у осетинъ и вообще у горцевъ имѣетъ почти тоже самое значеніе, что на западѣ турниры.

часъ по пріѣздѣ гостей, ближайшихъ сосѣдей, съ которыми рыцарь случайно жилъ въ мирѣ, было отдаваемо приказаніе зарѣзать одного или нѣсколькихъ барановъ, иногда даже и быка. Въ задней комнатѣ жилаго зданія, женщины, съ помощью рабовъ, спѣшили на очагѣ варить мясо, или жарить внутреннія части на вертелѣ и приготовлять шашлыкъ. Куски мяса клались на маленкіе круглые и низкіе треножники (функ), замѣняющіе у осетинъ столы. Столикъ былъ относимъ однимъ оруженосцемъ въ гостиную и ставился передъ почетнѣйшимъ изъ гостей. Подъ столикомъ, на особой тарелкѣ, клалась баранья голова.

Затѣмъ являлся второй оруженосецъ, съ кружкою воды, рукомойникомъ и полотенцемъ, опять къ старшему изъ гостей. Рыцари по-очереди мыли себѣ руки и полоскали ротъ. Между тѣмъ комната наполнялась людьми, которые становились полукругомъ, въ полномъ вооруженіи, съ папахами на головѣ.

Являлся третій оруженосецъ, съ кувшиномъ араки. Наполнивъ бокалъ (гладкій бараній рогъ), онъ подносилъ его почтительно хозяину. Хозяинъ снималъ папахъ и, обращаясь почтительно къ старшему изъ своихъ гостей, говорилъ во здравіе его краткое слово и затѣмъ сразу опоражнивалъ рогъ до послѣдней капли; при этомъ всѣ присутствующіе желали ему *хорс фундаг* (добрый путь), и восклицали: *хцау* (съ Богомъ)!

Старшій гость, взявъ пальцами (вилокъ у осетинъ нѣтъ) кусокъ мяса, начиналъ обѣдъ. Передъ каждымъ гостемъ на столикѣ разсыпана небольшая куча соли. Рогъ поочередно обходитъ гостей. Двадцать, тридцать разъ каждый опоражнялъ его и ѣлъ до-тѣхъ-поръ, пока принималъ желудокъ. Послѣ араки пили пиво, наиболѣе уважаемый у осетинъ напитокъ. Напившись вдоволь, старшій гость бралъ предложенную ему оруженосцемъ баранью голову, съѣдалъ половину ея, а остальную отдавалъ второму послѣ себя гостю. Затѣмъ приносили въ деревянныхъ чашкахъ, приправленный зеленью и лукомъ, бараній супъ. Столикъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ оставался на мѣстѣ, попойка продолжалась; наконецъ, когда вино дѣлало свое, рыцари запѣвали веселую пѣсню, или призывали пѣвца, который, подъ аккомпаниментъ двухструнной осетинской скрипки, монотоннымъ голосомъ воспѣвалъ доблесть древнихъ нартовъ. Это продолжалось до поздней ночи, даже до ранняго утра.

Рыцари хотя выпивали цѣлыя бочки, однако никогда не пьянѣли совершенно: опьянѣть считалось у нихъ большимъ сты-

домъ. Потерявъ присутствіе сознанія и осрамивъ себя такимъ образомъ въ глазахъ окружавшихъ оруженосцевъ, осетинъ готовъ былъ на самоубійство.

Съ удивительнымъ терпѣніемъ народъ любовался на эти пиршества, не осмѣливаясь присѣсть, даже на минуту, и безъ ропота перенося голодъ и жажду, пока наконецъ хозяинъ не бросалъ тому или другому изъ любимыхъ своихъ оруженосцевъ оставшіяся кости. Послѣ обѣда или ужина оруженосецъ снова приносилъ воды: рыцари мылись и ложились спать.

Такъ время проводилось во всѣхъ рыцарскихъ за́мкахъ.

Обряды этихъ банкетовъ у осетинъ сохранились чрезъ тысячелѣтіе, безъ перемѣны, до настоящаго времени.

Такія пиршества ясно указываютъ на угнетенное положеніе въ средніе вѣка простаго народа.

Если у рыцарей не было чѣмъ жить или проводить свою жизнь разгульно, то они шли на войну, на собственное счастье, или по призыву царя.

Но исторія всѣхъ народовъ насъ учитъ, что подобные порядки не долго могутъ продолжаться. Роскошь увеличивается такъ быстро, что даже усиленная дѣятельность рабовъ и крѣпостныхъ не можетъ удовлетворять возрастающимъ потребностямъ владѣльцевъ; наконецъ, для удовлетворенія этимъ потребностямъ, и остальныхъ поселенцевъ лишаютъ свободы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это удалось; но въ тѣхъ частяхъ Осетіи, гдѣ патріархальное устройство сохранилось, это не было легкимъ дѣломъ. Здѣсь одно возмущеніе слѣдовало за другимъ. Въ общей сложности жизнь народа была чрезвычайно тягостна, и это заставляло многія колѣна осетинъ спасаться бѣгствомъ и искать себѣ новыхъ мѣстъ жительства. Такія переселенія имѣли мѣсто въ особенности въ началѣ XIV-го столѣтія.

XIX.

Браки осетинокъ съ византійскими императорами.

По свидѣтельству Зонараса [1]), императоръ Константинъ Мо-

[1]) II, 260; Штриттеръ, IV, 351.

номахъ, въ 1050 г., взялъ во дворецъ какую-то дѣвушку, дочь осетинскаго царя, бывшую въ Константинополѣ въ качествѣ заложницы. Съ этою дѣвушкою онъ жилъ публично, далъ ей стражу и окружилъ ее царскимъ блескомъ. Онъ-бы далъ ей и титулъ императрицы и діадему, еслибы не боялся императрицы Теодоры. Но это царское счастіе не долго продолжалось; послѣ смерти императора, его наложница возвратилась въ прежнее положеніе.

Около 1071 г. императоръ Михаилъ Дукасъ законнымъ бракомъ былъ женатъ на осетинкѣ Маріи [2]).

Но нѣкоторые [3]) полагаютъ, что эта Марія была грузинка. Въ подобномъ разногласіи источниковъ я не вижу противорѣчія, а вижу важное подтвержденіе того предположенія, что на престолахъ Осетіи и Грузіи царствовала одна и таже династія, такъ-что писатели ихъ смѣшиваютъ. Относительно императрицы Маріи мнѣнія писателей различаются еще въ другомъ отношеніи: нѣкоторые утверждаютъ, что она вела хорошую и набожную жизнь; другіе-же говорятъ, что она была распутница, не любившая своего мужа. Бросивъ его, она, какъ-будто, жила съ однимъ греческимъ вельможею, по имени Никифоромъ Ботоніатъ.

Въ это самое время братъ императора Алексія, Исаакъ Компенъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ названной императрицы Маріи, по имени Иринѣ [4]).

Вообще, впродолженіи времени съ XI-го до XIV-го вѣка, дворъ осетинскій былъ въ довольно тѣсныхъ сношеніяхъ съ дворомъ византійскимъ.

XX.

Осетины на службѣ Византіи и выселеніе осетинъ.

По воцареніи въ Осетіи династій Ордуре, Даргулеля и Багратидовъ, положеніе страны разъяснилось уже настолько, что

---

[2]) Scylitzes, Zonaras и др., въ соч. Штриттера, IV, 352, прим. g.
[3]) Nicephorus Bryennius и грузинскіе писатели, напр. Вахуштъ.
[4]) Brosset, I, 330, примѣч. 2, и Штриттеръ, l. c.

византійскіе императоры могли возобновлять свои прежнія сношенія съ осетинами. Византія постоянно нуждалась въ войскахъ, и осетины издревле привыкли служить въ рядахъ и подъ знаменемъ ея, поэтому и теперь они вновь поступали на службу императора. Уже въ 1073 году снова являются осетины на сторонѣ византійцевъ, сражаясь противъ турокъ близъ Анциры, въ Галатіи. Здѣсь отличился своимъ мужествомъ осетинъ, по имени Арабатъ [1]).

Около этого времени, нѣкто Урселій, съ наемными войсками, отложился отъ императора и опустошилъ прибрежныя малоазіатскія области. Тогда императоръ Михаилъ Дукасъ послалъ къ „императору [2]) осетинъ,“ Палеолога Никефора, чтобы нанять у него противъ Урселія 6000 войскъ. Прибывши на мѣсто службы, осетины, прежде чѣмъ вступить въ бой, требовали условленнаго вознагражденія; но у Палеолога не было денегъ, вслѣдствіе чего осетины, почти всѣ, бросили службу и ушли прочь. Палеологъ, съ небольшими остатками войскъ, былъ разбитъ Урселіемъ. Послѣ этого, императоръ послалъ противъ Урселія Алексія Комнена. У города Амасіи онъ случайно засталъ 150 осетинъ, оставшихся отъ войскъ Палеолога, которые къ нему и присоединились. Алексію удалось подавить мятежъ.

Императоръ Михаилъ Дукасъ былъ женатъ на дочери осетинскаго царя; въ свитѣ императрицы, вѣроятно, прибыли въ Константинополь и многіе осетины. Изъ нихъ нѣкоторые при императорскомъ дворѣ выслужились до значительныхъ мѣстъ, такъ напримѣръ, нѣкто Іоаннъ занималъ при дворѣ значительный постъ—magister dignitatum.

Съ-тѣхъ-поръ осетинскія наемныя войска принимали участіе во многихъ войнахъ византійскихъ императоровъ, преимущественно въ Малой Азіи; такъ напримѣръ, встрѣчаемъ ихъ, въ 1088 г., у города Прусенума, сражающимися противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ. Въ этомъ дѣлѣ почти всѣ осетины погибли [3]). Въ 1107 г., осетины служили въ войскахъ императора Алексія I-го Комнена, подъ предводительствомъ Росписка (Rosmisces).

По свидѣтельству греческаго писателя Пахимереса, въ XIII столѣтіи, около 16000 осетинъ (аланъ) обитали въ южно-рус-

---

[1]) Штриттеръ, IV, 353.

[2]) Въ это время цари осетинскіе возвысились уже настолько, что удостоиваются титула императорскаго.

[3]) Штриттеръ, IV, 358.

скихъ степяхъ, къ сѣверу отъ Чернаго моря. Они туда выселились, вѣроятно, или вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, терзавшихъ тогда Осетію, или вслѣдствіе нашествія татаръ. Судьба этой отрасли осетинъ до такой степени любопытна, что мы не можемъ не привести нѣсколько относящихся сюда подробностей.

Въ концѣ [4]) XIII столѣтія, татаринъ Ногасъ, отложившись отъ князей Мугуліевъ, основалъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря самостоятельное царство, которому, кромѣ Зиховъ, Готовъ и Росовъ, подчинились и вышеупомянутые осетины. Ногасъ былъ убитъ въ одномъ сраженіи, вслѣдствіе чего осетины получили свободу. Тогда они обратились къ Епископу Бицинскому (Bitzines) [5]), съ просьбою, ходатайствовать у императора Андроника Сеніора о принятіи ихъ въ императорскія византійскія войска. Сильно тѣснимая персами и турками, Византія нуждалась въ войскахъ, такъ что императоръ тотчасъ согласился и отправилъ къ осетинамъ собственноручное письмо, въ которомъ приглашалъ ихъ немедленно переселиться въ области Имперіи.

Приказано было снабдить ихъ землею, провіантомъ, лошадьми и всѣмъ что было нужно. Императоръ самъ лично принялъ предводителей народа и приказалъ имъ дать изъ собственной казны значительную сумму денегъ. Заключивъ съ ними условіе, императоръ отправилъ большую часть изъ нихъ въ Малую Азію, а другая часть осталась при немъ.

Едва только осетины переправились за море, они тотчасъ начали буйствовать и грабить жителей. Но, чтобы не довести дѣло до полнаго разрыва, они наконецъ опомнились. Однакожъ это продолжалось недолго. Негодуя на поведеніе осетинъ, Пахимересъ о нихъ говоритъ, что они, чувствуя себя, по варварскому происхожденію, ближе къ персамъ, чѣмъ къ римлянамъ, чаще насиліемъ и оружіемъ устремлялись на насъ, чѣмъ на непріятеля. Съ трудомъ удерживали ихъ подъ знаменами; но зато они дрались въ дѣлѣ великолѣпно и одержали, вмѣстѣ съ греками, блестящую побѣду при мѣстѣ, называемомъ Хена.

Въ пасху 1302 года, младшій Августъ Михаилъ, выступивъ изъ Константинополя съ греками и остававшимися тамъ осетинами, присоединился къ арміи, находившейся уже на походѣ, у города Мангнезіи.

---

[4]) Штриттеръ, IV, 359. и сл.

[5]) Пицундскій или Бичвинтскій.

Византійская армія расположилась лагеремъ, ожидая прибытія персовъ; но вслѣдствіе преувеличенныхъ слуховъ о силахъ, пришедшихъ съ императоромъ, они не рѣшились дѣйствовать наступательно. Наконецъ, персы явились въ громадномъ числѣ. Императоръ, съ осетинами, во что-бы то ни стало хотѣлъ вступить въ бой, но въ военномъ совѣтѣ всѣхъ офицеровъ было рѣшено не давать сраженія.

Когда осетины узнали о результатѣ этого совѣта, они неистовствовали и угрожали императору тотчасъ оставить лагерь и воротиться назадъ; съ трудомъ ихъ удержали посредствомъ раздачи денежныхъ суммъ. Войска пока остались на мѣстѣ, гдѣ, вскорѣ послѣ этого, завязалось небольшое дѣло. Между тѣмъ въ лагерѣ греческія войска враждовали съ осетинами, вслѣдствіе чего послѣдніе неоднократно хотѣли уйти и наконецъ открыто взбунтовались.

Въ такомъ опасномъ положеніи и въ виду громадной персидской арміи, императоръ предпочелъ въ ночное время убѣжать изъ собственнаго лагеря. Послѣ этого осетины отправились назадъ, чтобы черезъ Галиполи воротиться домой. Немного времени спустя, императоръ поручилъ начальство надъ азіатскими войсками Алексѣю Раулесу. Относительно осетинъ ему приказано было—держать ихъ подъ знаменемъ во что-бы то ни стало, но если-бы этого не захотѣли, то, по-крайней-мѣрѣ, отнять у нихъ оружіе и лошадей. Осетины уже тайкомъ приготовили суда для переправы черезъ море. Зная, что Раулесъ ихъ не отпуститъ, они въ назначенный день выстроились въ полномъ вооруженіи и въ боевомъ порядкѣ, чтобы показать, что они готовы употребить силу. Тогда главнокомандующій Алексѣй Раулесъ прискакалъ и сталъ между ними. Въ эту минуту одинъ осетинъ пустилъ въ него стрѣлу, и Раулесъ, тяжело раненный, упалъ. Не смотря на это, византійцы не осмѣлились начать сраженіе. Въ сознаніи совершеннаго ими злодѣянія, осетины тотчасъ отправили къ императоруословъ, чтобы просить помилованія; вмѣстѣ съ тѣмъ они выдали своихъ лошадей и оружіе. Это случилось въ 1304 году.

Въ 1306 году [6]), отрядъ италійскихъ наемныхъ войскъ, подъ начальствомъ Ронцерія, стоялъ въ бездѣйствіи при городѣ Цицикусѣ. Чтобы не оставаться въ этомъ бездѣйствіи, Ронцерій отправился въ Константинополь и выпросилъ у императора денегъ,

---

[6]) Пахимересъ, II, 279, въ соч. Штриттера, IV, 376.

для найма осетинъ. Императоръ согласился. Прибывъ въ Цицикусъ, осетины замѣтили, что италійцы гораздо лучше ихъ вооружены и получали большую плату, чѣмъ они; притомъ италійцы часто дразнили осетинъ и обращались съ ними гордо и высокомѣрно. Однажды нѣкоторые осетины находились на мельницѣ, для помола хлѣба; въ это время пришли къ нимъ италійцы и требовали мельницу для себя, причемъ нѣкоторые всунули свои грязные пальцы въ муку, вымолотую осетинами. Изъ-за этого произошла ссора, въ которой осетины выразились слѣдующимъ образомъ: „берегитесь, иначе вашему предводителю отъ насъ можетъ достаться такъ-же, какъ досталось Алексѣю Раулесу". Эта угроза распространилась между италійцами, вслѣдствіе чего они рѣшили въ слѣдующую ночь истребить осетинъ. Въ страшной ночной свалкѣ легло много убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ и сынъ предводителя осетинъ, Георгій. Осетины должны были уступить численному превосходству враговъ, но поклялись жестоко отомстить за смерть сына своего предводителя. Между тѣмъ войска разошлись въ различныя мѣста. Однажды, въ 1307 году, Роцерій, съ нѣкоторыми италійцами, отправился въ Адріанополь къ императору Михаилу. Роцерій долженъ былъ явиться передъ императрицею. При входѣ нужно было оставить тѣлохранителей и идти безъ провожатыхъ до покоевъ, занимаемыхъ императрицею. Осетины, находившіеся въ императорскомъ конвоѣ, сочли эту минуту удобнымъ случаемъ, для исполненія надъ Роцеріемъ кровавой мести. Роцерій былъ убитъ у самыхъ дверей царской комнаты стрѣлою, пущенною въ него отцомъ убитаго при Цицикусѣ молодаго человѣка.

XXI.

Первое нашествіе татаръ и аравитянинъ Джелалъ.

Наплывъ на средній Кавказъ татарскихъ племенъ начался уже съ VIII-го и IX-го столѣтій. Часть разбитыхъ аравитянами хазаръ поселилась въ нынѣшней Кабардѣ и на Сунжѣ. Хазары отчасти уже смѣшались съ осетинами до начала феодальнаго вѣ-

ка. На плоскости, къ сѣверу отъ главнаго хребта, кромѣ хазаръ, обитали еще кипчаки, народъ весьма сомнительнаго, но, вѣроятнѣе всего, монгольскаго происхожденія.

Въ 1218 г., великая орда Чингисъ-хана явилась въ Грузіи; въ 1221 году она взяла Тифлисъ. Отсюда татары пошли на сѣверъ—на Дербентъ и Дарьялъ. Кипчаки и осетины не хотѣли ихъ пропустить, но, наконецъ, татары вошли съ ними въ соглашеніе [1]).

Слѣдуя примѣру большей части кавказскихъ народовъ, и осетины добровольно подчинились монголамъ.

Въ 1225 году, явился, для защиты своихъ кавказскихъ владѣній, грозный аравитянинъ Джелаль-Эддинъ; въ 1228 г., онъ сначала былъ разбитъ монголами, но потомъ, при знаменитой осадѣ Клата, защищавшемся между прочимъ и осетинами, съ кипчаками, Джелаль, въ 1230 г., одержалъ верхъ.

Осетія, при монголахъ, сначала, по прежнему, находилась въ вассальной зависимости отъ Грузіи. Дарьяльское укрѣпленіе и всѣ проходы находились еще въ ея рукахъ [2]). Осетины и другіе горцы, между прочимъ *дурдзуки*, вмѣстѣ съ грузинами, вторично сразились съ Джелаль-Эддиномъ, при второмъ его вторженіи, въ 1234 году. Джелаль убѣжалъ въ Грецію.

Между тѣмъ Чингисъ-ханъ, до смерти своей, послѣдовавшей въ 1227 году, раздѣлилъ свои огромныя владѣнія между своими сыновьями и внукомъ. Батый-хану, внуку Чингисъ-хана, достались всѣ владѣнія въ Европѣ, въ томъ числѣ и Осетія.

Осетія должна была платить дань, и съ этою цѣлью ханскіе баскаки отъ времени до времени объѣзжали всю страну; но, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, она осталась при своихъ правахъ.

Въ 1254 году, Аргунъ, отъ хана Золотой Орды, производилъ всеобщую ревизію подвластныхъ странъ, и по этому случаю пришелъ и въ Осетію.

Вскорѣ послѣ этого, въ 1261 году, вспыхнуло страшное междоусобіе между Беркаемъ и Гулаку, продолжавшееся 5 лѣтъ, до 1266 года.

Вся эта кровавая война разъигралась преимущественно въ Закавказьѣ и отчасти по сѣверному склону горъ. Беркай по-

---

[1]) Defrémery, въ соч. Brosset, Addit. et éclair., 330, и въ отношеніи къ хронологіи I, 495, прим. 3.

[2]) Brosset, I, 510.

слалъ Ногай, съ войскомъ въ 30,000 человѣкъ, черезъ Кавказъ. Сначала Гулаку былъ разбитъ при Шамахи, но Абатай, послѣ этого, одержалъ побѣду въ Ширвани. Ногай, преслѣдуемый Абатаемъ, отступилъ черезъ главный хребетъ и за р. Терекъ. Тутъ войска Гулаку остановились и, въ радости отъ одержанной побѣды, предавались удовольствіямъ. Тогда Ногай напалъ на нихъ врасплохъ и оттѣснилъ до едва-только замерзшей рѣки Терека, въ которой они почти всѣ и погибли.

Это случилось 15 или 16 ноября 1262 года.

XXII.

Сверженіе осетинами грузинскаго ига.

Во время своего владычества надъ Кавказомъ, татары пріобрѣли большое вліяніе на осетинъ. Эти послѣдніе тяготились ненавистнымъ для себя игомъ грузинскихъ феодаловъ и потому съ радостью отдались въ руки татаръ. Но владѣтели были слишкомъ сильны, а народъ слишкомъ разъединенъ, чтобы сразу отъ нихъ можно было освободиться.

Освобожденіе Осетіи изъ-подъ власти грузинскихъ царей началось съ того, что отдѣльные вассалы, или подстрекаемые татарами, или по собственному побужденію, отказались имъ повиноваться. Около конца XIII-го столѣтія дѣло дошло уже до всеобщей и чрезвычайно-ожесточенной войны между осетинами и грузинами.

Если вѣрить словамъ грузинскаго лѣтописца, война эта вспыхнула отъ слѣдующаго случая.

При татарскомъ ханѣ Кегтуконѣ (1291 г. и сл.), возмутился греческій городъ Тонгузалъ (?) [1]). Ханъ заставилъ сына Давида (VI), карталинскаго царя, Дмитрія (II) принять, съ грузинами, участіе въ походѣ противъ этого города. Городъ, послѣ пятимѣсячной осады, былъ взятъ грузинами приступомъ.

---

[1]) Вахушть разсказываетъ, что въ Греціи возмутился какой-то Тонгузало.

Но такъ какъ въ этомъ городѣ находился и сынъ осетинскаго царя, Бареджана, то осетины начали грабить и опустошать Карталинію; они увели много плѣнныхъ и взяли городъ Гори, который съ-тѣхъ-поръ, впродолженіи многихъ лѣтъ, оставался въ ихъ власти. Эриставъ карталинскій Амада (Ahmada) собралъ войска и осадилъ г. Гори. Во время осады было убито большое число осетинъ и грузинъ и городъ стоялъ въ пламени. Наконецъ осетины, доведенные до крайности, спустили со стѣнъ крѣпости на канатѣ одного человѣка внизъ и послали его къ татарамъ, стоявшимъ около Мухнара, чтобы просить у нихъ помощи. Черезъ посредство татаръ былъ заключенъ миръ. Но не смотря на это, съ-тѣхъ-поръ вражда между осетинами и грузинами [2]) продолжалась.

Не обращая никакого вниманія на неправдоподобный разсказъ объ осадѣ Тонгузала и пребываніи въ немъ сына осетинскаго царя, мы изъ всего этого выводимъ заключеніе, что война за независимость Осетіи отъ Грузіи началась вторженіемъ осетинъ въ Грузію и взятіемъ города Гори, гдѣ они, подъ покровительствомъ татаръ, держались впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Война эта велась съ страшнымъ ожесточеніемъ, такъ что никого не щадили и всѣхъ плѣнныхъ убивали. Ходъ войны мало извѣстенъ, но все-таки есть нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ можно заключить, что дѣла были весьма серьезны, хотя лѣтописецъ, очевидно, и старается смягчить тяжелыя, для него, впечатлѣнія о побѣдахъ, одержанныхъ тогда осетинами.

Въ 1296-мъ году, 7-ой въ ряду извѣстныхъ эриставовъ арагвскихъ и ляхвскихъ, Вирхель, втеченіи трехъ лѣтъ осаждалъ осетинъ, укрѣпившихся въ г. Гори [3]). Здѣсь онъ отличился такъ, что сосѣди стали ему завидовать.

Бареджанъ, царь осетинскій (по словамъ лѣтописца, „мтаваръ“), при содѣйствіи нѣкоего Сатхиса (Sathkhis или Sathkhé) и Узурабега (вѣроятно—Мусурбегъ), пошелъ на Тифлисъ и взялъ этотъ городъ. Но на обратномъ пути, они встрѣтились съ отрядами двухъ знаменитыхъ бойцовъ того времени, Рата и Бега Сурамель, которые разбили Сатхиса и Мусурбега. Лѣтописецъ [4]) разсказываетъ объ этомъ важномъ походѣ довольно забавно; по

[2]) Brosset, I, 611.
[3]) Brosset, Additions, 377.
[4]) Brosset, I, 612.

его словамъ, два осетинскихъ купца, Сатхисъ и Узурабегъ, пришли по торговымъ дѣламъ въ Тифлисъ. На обратномъ пути они встрѣтились съ однимъ нищимъ, которому дали милостыню и просили его помолиться, чтобы имъ въ этотъ день попался Бега Сурамель. Нѣсколько времени спустя, они встрѣтили на охотѣ Рата и напали на него; но Рата защищался хорошо: онъ сперва убилъ Сатхиса и потомъ Узурабега; остальные осетины спаслись бѣгствомъ.

Въ 1299 г., осетины, подъ начальствомъ знаменитаго своего героя Багатара (Осибагатара), страшно тѣснили грузинъ. Татарскій полководецъ Хутлу-Шахъ-Нойинъ и значительнѣйшій изъ владѣтелей въ закавказскихъ частяхъ Осетіи, Шалва Квена-Флавель, стали на сторону Багатара, и соединенные ихъ отряды пошли противъ царя Давида VI-го на Стефанъ-Цминда. Осаждая это укрѣпленное мѣсто, они узнали, что царя нѣтъ тамъ, но что онъ находится въ Цикаре (Цикретѣ). Часть войскъ отправилась туда, но встрѣтила сильное сопротивленіе. Остальная часть страшно опустошила всю страну [5]).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же 1299 года, царь собралъ войска и пошелъ на долину Цхрасма, чтобы наказать Шалву Квена-Флавель, и опустошилъ его страну. Тогда Шалва обратился къ посредничеству Амада Сурамеля [6]),—и царь ему простилъ.

Между тѣмъ осетины, по-прежнему, держались въ Гори и Багатаръ опустошилъ всю Карталинію и Трiалеты и выгналъ азнауровъ изъ ихъ владѣній. Царь Давидъ VI, собравъ въ Тифлисѣ 15000 человѣкъ, пошелъ съ ними сперва на кипчаковъ и разбилъ ихъ. Между тѣмъ братъ царя Давида, Вахтангъ III, только что возротившійся изъ своего вынужденнаго похода въ Египетъ (1300 г. или 1301),—по приказанію татаръ, въ рукахъ которыхъ онъ находился, долженъ былъ идти противъ своего брата, который тогда стоялъ при Махата. Давидъ былъ разбитъ и, преслѣдуемый кипчаками и карталинцами, присоединившимися къ отряду Вахтанга, убѣжалъ въ Джадшви.

Узнавъ о пораженіи Давида, Багатаръ снова опустошилъ Карталинію. Царь Давидъ противъ этого ничего не могъ сдѣлать; вдобавокъ онъ былъ еще разбитъ параличемъ ногъ и рукъ. Багатаръ безпрепятственно истреблялъ жителей и только

---

[5]) Brosset, I, 622.
[6]) Brosset, I, 624.

Амада Сурамель и Рата еще мужественно дрались съ нимъ. Затѣмъ Багатаръ отнялъ у Гамрекела, сына Кахи (Cakha), крѣпость Рамъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Бека пошелъ противъ Багатара, который тоже вышелъ къ нему на встрѣчу; завязался страшный бой,—и Багатаръ отступилъ назадъ, въ крѣпость. Послѣ долгой осады, осетины должны были просить пощады; Багатаръ самъ отправился къ Бекѣ, но получилъ отказъ. Послѣ этого Багатаръ умеръ [7]). Вотъ, по разсказу грузинской лѣтописи, конецъ величайшаго изъ осетинскихъ героевъ, Багатара, или Осибагатара.

Не смотря на гибель своего главнаго предводителя, осетины все еще держались въ Гори; мы ихъ тамъ застаемъ еще въ 1307 или 1308 г. Около этого времени, татарскій ханъ Харбанда (преемникъ Казана) предпринялъ экспедицію въ Гилянъ, въ которой, кромѣ грузинскаго царя Вахтанга, должны были участвовать и жившіе въ Гори осетины. Послѣдніе были поставлены подъ начальство Джаліара [8]). Въ этомъ походѣ, Усенъ, съ осетинами, имѣлъ какое-то дѣло, которое осталось нерѣшеннымъ [9]).

Набѣги на Грузію осетинъ продолжались до вступленія на престолъ Грузіи Георгія V-го, прозваніемъ Блистательнаго. Этотъ царь предпринималъ противъ осетинъ нѣсколько походовъ, по словамъ грузинскаго лѣтописца, увѣнчанныхъ полнымъ успѣхомъ, такъ что ему стали повиноваться всѣ народы Кавказа, отъ Никофсіи до Дербента [10]). Но это извѣстіе, очевидно, преувеличено, такъ какъ, по изслѣдованіямъ другихъ [11]), царствованіе Георгія V нисколько не было такъ блистательно, какъ кажется по разсказу лѣтописи. Георгій V былъ татарскій вассалъ. Лѣтопись приводитъ, что Георгій V, покоривъ всю Осетію, наложилъ на нее дань и овладѣлъ всѣми проходами черезъ главный хребетъ. Георгій V издалъ, для покоренныхъ имъ горскихъ народовъ, уставъ въ 66-ти статьяхъ, цѣль котораго состояла въ ограниченіи кровной мести и другихъ вредныхъ народныхъ обычаевъ. Уставъ этотъ вошелъ, какъ V глава, въ составъ уложенія, собранаго и изданнаго Вахтангомъ VI.

Судя по предисловію къ названному уставу, заслуживающе-

---

[7]) Brosset, I, 633.

[8]) См. у Brosset, I, 636, примѣч. 3.

[9]) Brosset, I, 638, прим. 2.

[10]) Brosset, I, 648.

[11]) Напр. Бартоломея, въ Lettres num. et arch., 108, 109.

му въ этомъ отношеніи больше довѣрія, чѣмъ лѣтопись, завоеванія Георгія въ Осетіи ограничивались закавказскими частями этой страны. Въ этомъ предисловіи маршрутъ похода въ Осетію означенъ слѣдующимъ образомъ: Георгій V пошелъ изъ Жинванъ въ Хата, Цхаотъ, Дарьялъ, Цхрасма, Джаварта, Зандукъ, Сибени, Менезо.

Что касается осетинъ сѣвернаго склона, то они, со времени Осибагатара, навсегда остались свободными отъ владычества грузинъ. Осетинское народное преданіе хорошо помнитъ объ этомъ.

XXIII.

Осетинскій народный герой Осибагатаръ и подложная о немъ надпись въ Нузальской церкви.

По преданіямъ осетинъ, Багатаръ, называемый у нихъ Осибагатаромъ, считается величайшимъ героемъ, и даже родоначальникомъ всего племени. Послѣднее, конечно, положительно противорѣчитъ всѣмъ историческимъ даннымъ, но все-таки имѣетъ нѣкоторый смыслъ. Въ преданіяхъ и сказаніяхъ, почти у всѣхъ народовъ, основатель, или освободитель отъ чужестраннаго ига, всегда превращается въ родоначальника, какъ напр. Нимвродъ, Нинъ, Таргамосъ, Картлосъ, Хайкъ и т. д.

По понятіямъ нынѣшнихъ осетинъ, ихъ исторія начинается съ Осибагатара, освободившаго ихъ отъ грузинскаго ига.

Осетинское сказаніе помнитъ, что Осибагатаръ жилъ въ крѣпости, недалеко отъ аула Нузаля, въ Касарскомъ ущельи. У него было 7 сыновей (по другимъ 9): Сидемонъ, Царазонъ, Куссагонъ, Дзахилъ, Тетло [1]), отъ первой, законной жены, и сынъ Агусъ отъ наложницы (номлусъ). Смыслъ послѣдняго преданія о 7-ми сыновьяхъ слѣдующій: осетины валаджирскіе издрев-

[1]) Имени 6-го законнаго сына не могъ я узнать. Его потомство, вѣроятно, прекратилось.

ле раздѣлились на 7 главныхъ колѣнъ. Происхожденіе этихъ колѣнъ теряется въ глубочайшей древности; оно относится еще къ тому времени, когда древніе нарты смѣшались съ кавказскими семитами, раздѣлившимися здѣсь, вѣроятно, на 7 колѣнъ. Колѣно Сидемонцевъ упоминается уже въ VI-мъ вѣкѣ, при императорѣ Юстиніанѣ, слѣдовательно немыслимо, чтобы Сидемонцы могли происходить отъ Осибагатара, жившаго въ началѣ XIV вѣка. Освобождая осетинъ изъ-подъ ига грузинъ, Осибагатаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановилъ названныя 7 колѣнъ—и вотъ смыслъ вышеприведеннаго сказанія.

Эти колѣна издревле жили въ различныхъ эулахъ Валаджирскаго ущелья; но, при подчиненіи грузинскимъ феодаламъ, у нихъ почти-что терялось сознаніе единства своего происхожденія. Возвращая имъ независимость и право самоуправленія по патріархальному порядку, Осибагатаръ возобновилъ у нихъ это сознаніе, вслѣдствіе чего народное сказаніе совершенно основательно облекло этотъ фактъ въ вышеприведенную форму.

Осетины разсказываютъ, что въ церкви въ Рекомѣ, въ ущельи р. Цейдона, сохранились шлемъ, колчанъ и копье Осибагатара. Отправившись къ этому мѣсту, я въ названной церкви, дѣйствительно, нашелъ эти вещи, зарытыя подъ кучею стрѣлъ и луковъ. Вещи эти, судя по отдѣлкѣ, могутъ принадлежать XIV-му вѣку.

Преданіе знаетъ, что Осибагатаръ впродолженіе всей жизни боролся съ грузинами, абхазцами и другими народами. Его владѣнія, по преданію, распространялись до крѣпости Хедисъ-кари, въ нынѣшнемъ Рачинскомъ уѣздѣ. Преданіе также упоминаетъ городъ Гори; затѣмъ, кромѣ извѣстія о смерти Осибагатара, никакихъ подробностей о подвигахъ его не приводитъ.

Въ одномъ изъ своихъ походовъ, Осибагатаръ увезъ сестру грузинскаго царя. Чтобы отомстить за это, царь [2]) задумалъ слѣдующую хитрость: онъ пригласилъ Осибагатара къ себѣ въ г. Мцхетъ, подъ предлогомъ, чтобы съ нимъ помириться и отпраздновать свадьбу его съ похищенною сестрою; Осибагатаръ принялъ приглашеніе и съ небольшою дружиною отправился въ Мцхетъ. Здѣсь Осибагатаръ долженъ былъ въ бродъ перейти черезъ р. Арагву. На другомъ берегу рѣки ожидалъ его грузинскій царь, въ полномъ вооруженіи и стоя на одномъ мѣстѣ. Оси-

[2]) Нѣкоторые называютъ его Таймуразомъ, другіе-же Вахтангомъ.

багатаръ полагалъ, что царь хотѣлъ его торжественно встрѣтить; но какъ только Осибагатаръ приблизился, царь собственноручно пронзилъ его стрѣлою. Трупъ его былъ унесенъ водою р. Арагвы.

Я слышалъ этотъ разсказъ не только въ Осетіи, но и въ Грузіи, въ самомъ г. Мцхетѣ [3]).

Это сказаніе, очевидно, напоминаетъ извѣстное историческое сказаніе о Вахтангѣ Горгасланѣ и похищеніи его сестры Мирандухты. Въ послѣднемъ сказаніи, однакожъ, Вахтангъ самъ отправляется въ Осетію и убиваетъ Багатара въ поединкѣ на р. Терекѣ [4]).

Осетинское преданіе, съ одной стороны, въ подробностяхъ противорѣчитъ вышеприведенному извѣстію лѣтописи о смерти Осибагатара [5]), но, съ другой стороны, оба согласны въ томъ, что Осибагатаръ умеръ въ Грузіи.

По разсказамъ туземцевъ, въ вышеприведенной церкви, въ аулѣ Нузалѣ, находилась слѣдующая грузинская надпись:

„Насъ было 9-ть братьевъ, Чарджуидзе-Дшархиланъ: Багатаръ-Осъ, Давидъ-Сосланъ, съ 4-мя царствами боровшіеся, Фидаросъ, Джадаросъ, Сакуръ и Георгій, съ гнѣвнымъ взглядомъ смотрѣвшіе на врага; трое изъ нашихъ братьевъ: Ісаакъ, Романозъ и Базиль сдѣлались монахами и вѣрными слугами Христа.

„Мы занимаемъ узкія дороги, идущія въ 4-е стороны. Въ Касарскомъ ущельи мы имѣемъ замокъ и таможенную заставу и мы занимаемъ Хедисъ-кари (мостовыя ворота); я, въ ожиданіи будущаго вѣка, жилъ здѣсь. Золотой и серебряной руды имѣемъ столь-же много, какъ воды. Кавказъ покорилъ, съ 4-мя царствами равнялся, у карталинскаго царя сестру отнялъ, не унижая своего достоинства и обычаевъ [6]), но онъ [7]) настигъ, нарушилъ клятву и взялъ на себя мой грѣхъ. Багатара утопили и истребилось войско Оса. Кто эти стихи будетъ читать—пусть помянетъ меня“.

Я привелъ текстъ въ переводѣ по той редакціи, какъ онъ

---

[3]) Провожавшій меня грузинъ, духанщикъ на главной улицѣ въ г. Мцхетѣ, показалъ мнѣ камень, на которомъ стоялъ царь.

[4]) Brosset, I, 157.

[5]) Brosset, I, 633.

[6]) У другихъ: „не уступая ему по происхожденію“ (sans lui donner de ma race).

[7]) Она (Elle m'a prévenu).

въ первый разъ на французскомъ языкѣ былъ напечатанъ въ Journal Asiatique, 1830 г. [8]).

Судя по статьѣ въ Journ. Asiat., первое извѣстіе объ этой любопытной надписи, вѣроятно, относится къ двадцатымъ годамъ текущаго столѣтія. Надпись была неизвѣстно кѣмъ снята и черезъ посредство барона Розенкампфа, ученаго правовѣда изъ С.-Петербурга, сообщена сначала извѣстному профессору берлинскаго университета Бинеру (Biener), а черезъ послѣдняго, академику Броссе, публиковавшему объ ней въ вышеприведенной статьѣ. Ученый издатель жалѣетъ, что надпись не была снята въ подлинномъ лапидарномъ почеркѣ. Изъ Journal Asiatique, надпись, съ различными варіантами, перешла во многочисленныя сочиненія, и въ настоящее время уже пользуется громкою, можно сказать, европейскою извѣстностью.

Въ статьѣ Головина: „Топогр. и стат. замѣтки объ Осетіи“ [9]), вмѣсто Чарджундзе-Дшархиланъ, мы читаемъ „Чараджоновы и Сахиловы.“ Намъ неизвѣстно, откуда взятъ этотъ довольно важный варіантъ; во всякомъ-же случаѣ, г. Головинъ и въ 50-хъ годахъ не могъ снять этой небывалой надписи. Она, по словамъ жителей, будто-бы, стерта священникомъ Николаемъ Самаргановымъ, бывшимъ въ Осетіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Но и на счетъ этого мы уже выше заявили свои сомнѣнія: подобная обширная надпись не могла помѣститься на такой узкой полосѣ стѣны, какъ та, на которую намъ указали, тѣмъ болѣе, что буквы, которыми мнимые остатки этой надписи [10]) написаны, довольно крупнаго размѣра. Изъ всего этого мы заключаемъ, что нузальская надпись никогда не существовала и не могла даже существовать, потому что содержаніе ея противорѣчитъ всѣмъ историческимъ даннымъ. Неизвѣстный сочинитель этой надписи отчасти пользовался народнымъ преданіемъ о смерти Осибагатара, близостью нѣкоторыхъ древнихъ развалинъ [11]), и Садонскихъ рудниковъ, не менѣе и положеніемъ мѣстности: въ Зарамагской долинѣ соединяются четыре ущелья. Но имена, кромѣ трехъ, извѣстныхъ источникамъ и народному преданію (Осибагатаръ, Давидъ-Сосланъ и Джадаросъ), чисто вымышлены.

---

[8]) Стр. 305 и сл. въ ст. Pièces diverses relatives à la Géorgie. Тамъ-же и текстъ на грузинскомъ языкѣ.

[9]) Въ Кавк. Кал. 1854 г.

[10]) Вышеприведенные три буквы.

[11]) Сулун дуаръ, очевидно, была таможенная застава.

Сочинитель надписи не соблюдалъ хронологіи: Джадаросъ, по всѣмъ даннымъ источниковъ, жилъ въ XII-мъ столѣтіи, Сосланъ—въ XII-мъ до начала XIII-го, Осибагатаръ-же—въ началѣ XIV-го. Царская фамилія Чарджундзе-Дшархиланъ никогда не существовала; но въ этихъ частяхъ Осетіи царствовала Тамардедопали, т. е. Багратиды, соорудившіе въ ней многочисленныя грузинскія церкви.

Надпись эта противорѣчитъ всѣмъ остальнымъ надписямъ, сохранившимся въ этой церкви: Джадаросъ не братъ Давида-Сослана, но отецъ его.

Цѣль, съ которою надпись была сочинена, очевидно, состояла въ томъ, чтобы сблизить потомство Осибагатара съ потомствомъ Давида-Сослана. Но обманъ этотъ не удался. Конечно, въ настоящее время, когда, вѣроятно, всѣ участвовавшіе въ этой продѣлкѣ давно уже въ могилѣ, нѣтъ никакой возможности раскрыть виновника. Притомъ я считаю нужнымъ сказать, что баронъ Розенкампфъ, по всѣмъ юридическимъ даннымъ дѣла, служилъ только слѣпымъ орудіемъ этого обмана, но нисколько къ нему не причастенъ.

Все, что относится къ исторической личности Осибагатара, уже приведено выше. По народному преданію объ увозѣ Осибагатаромъ дочери грузинскаго царя и на томъ основаніи, что имя Багатаръ упоминается въ сказаніи о Вахтангѣ Горгасланѣ, можно было-бы заключить, что осетинскій Осибагатаръ не тотъ, о которомъ мы говорили выше, но тотъ Багатаръ, который жилъ, какъ будто, въ V-мъ вѣкѣ. Противъ этого нужно сказать, во-первыхъ, что имя Багатаръ—татарское и потому въ V-мъ вѣкѣ у осетинъ оно едва-ли могло встрѣтиться; во вторыхъ, что весь походъ Вахтанга Горгаслана, вѣроятно, ничто иное, какъ историческая, не лишенная глубокаго смысла, сказка.

XXIV.

Конецъ феодальнаго вѣка.

Страшная и продолжительная война осетинъ за независи-

мость отъ Грузіи, конечно, должна была имѣть весьма важныя послѣдствія для внутренней жизни страны. Но такъ какъ существовавшій впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ феодализмъ пустилъ въ странѣ весьма глубокіе корни, то, конечно, освобожденіе ея изъ-подъ владычества грузинскихъ и туземныхъ феодаловъ требовало продолжительныхъ и напряженныхъ усилій.

Сначала тамъ и сямъ общества возстали противъ своихъ владѣтелей; иногда удавалось имъ одерживать верхъ, но иногда и нѣтъ. Въ этой борьбѣ обществъ противъ фамилій феодаловъ, первымъ помогло то, что послѣдніе часто отказывались отъ повиновенія своему царю и соперничали съ нимъ, сначала въ роскоши, а потомъ во власти. Обыкновенно, сами феодалы дѣлаются первыми зачинщиками революцій, оканчивающихся уничтоженіемъ того порядка, которому они сами обязаны своимъ происхожденіемъ и существованіемъ. Жертвою подобной революціи феодаловъ пало и великое царство Ордуре и Доргулеля; оно разложилось на мелкія княжества, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, значительнѣе всѣхъ было то, въ коемъ господствовали Багратиды. Но и тутъ революція не затихла, вслѣдствіе чего Багратиды, безпокоимые какъ въ Грузіи, такъ и въ Осетіи, соперничествомъ сильныхъ феодаловъ, должны были или удалиться, или погибнуть въ смутной и неравной борьбѣ. Багратиды исчезли безслѣдно въ Осетіи и мѣсто ихъ заняли личности, носившія татарскія имена. Бареджанъ— послѣдній, извѣстный по имени, царь осетинскій.

Послѣ паденія царей, оставшіеся феодалы снова начали терзать другъ друга. Обществу тогда уже легче стало сбросить съ себя иго рабства и феодализма. Феодалы постепенно были вытѣснены изъ страны; рыцарскіе замки отъ послѣдняго разоренія остались въ развалинахъ, церкви и монастыри расхищены и опустѣли.

Но феодалы были такъ сильны, что этотъ переворотъ произошелъ чрезвычайно медленно. Изъ древнихъ фамилій феодальнаго вѣка многія держались еще впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Въ южныхъ, закавказскихъ частяхъ Осетіи, оставшихся подъ властью Грузіи, феодализмъ сохранялся, безъ ослабленія, до новѣйшаго времени, но и въ сѣверныхъ частяхъ онъ вывелся совершенно только въ одномъ Валаджирскомъ ущельи; въ Дигоріи-же и отчасти въ Тагауріи и Куртати слѣды феодализма замѣтны до настоящаго времени.

Въ Валаджирѣ народное сказаніе помнитъ имена нѣкоторыхъ

феодальныхъ владѣтелей. Недалеко отъ Упала, въ Валаджирскомъ ущельи, въ одномъ крѣпкомъ замкѣ жила вѣтвь могущественнаго и весьма древняго рыцарскаго рода — Сидемонцевъ, изъ тѣхъ-же Сидемонцевъ, къ которымъ принадлежали Ростомъ и Цилосанъ, переселившіеся на южную сторону уже въ VI вѣкѣ.

Въ Цейскомъ ущельи обитала, вѣроятно, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ еще стоитъ Рекомская святыня, фамилія Касрадзе.

Въ Зругскомъ и нѣкоторыхъ другихъ ущельяхъ [1]) господствовала княжеская фамилія Маджабеловыхъ, или Самаджабеловыхъ. Называютъ еще Бортевыхъ, Надзкидаевыхъ и другихъ древнихъ владѣтелей въ Валаджирскомъ ущельи.

Нѣкоторые изъ этихъ владѣтелей вели въ своихъ владѣніяхъ весьма изрядное хозяйство, какъ напр. Касрадзевы въ Цейскомъ ущельи. На этомъ мѣстѣ до-сихъ-поръ замѣтны слѣды бывшей тщательной обработки земли: и тамъ нашелъ, на такой высотѣ, гдѣ фруктовыя деревья обыкновенно уже не растутъ, дикія вишневыя деревья, яблони и т. п., очевидно, происходящія отъ фруктовыхъ садовъ, находившихся въ этихъ мѣстахъ.

Въ феодальномъ вѣкѣ, въ Осетіи поселилось и нѣсколько генуэзскихъ купцовъ, превратившихся здѣсь, вѣроятно, въ феодаловъ. Эти купцы занимались преимущественно горнымъ промысломъ. Въ Закскомъ ущельи, недалеко отъ нынѣшняго аула Абайтекау, на мѣстѣ, носящемъ по-нынѣ названіе Геа, жилъ нѣкто Лати, нашедшій тамъ весьма драгоцѣнное вещество, называемое у осетинъ „алутонъ“. Сказаніе прибавляетъ, что изъ-за владѣнія этимъ мѣстомъ впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ велась война и пролилось крови столько, сколько воды въ р. Ардонѣ. Быть можетъ, и Маджабеловы происходятъ отъ генуэзскихъ купцовъ.

Осетины въ древнее время славились, какъ хорошіе рудокопы. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Садонѣ, до-сихъ-поръ находятся слѣды древнихъ шахтъ и штольней. Осетины были отличными кузнецами и оружейниками: они приготовляли хорошіе панцыри [2]).

Всѣ рыцарскія фамиліи постепенно были изгнаны возставшими противъ нихъ обществами, но нѣкоторыя изъ нихъ держались еще до XVI и XVII-го столѣтія; одна фамилія, именно

[1]) Сѣвернаго и южнаго склона.

[2]) Chalocondylas, p. 248, въ соч. Stritter'a, IV, 396. Hi conficiunt loricas optimas. Arma habent, quae ex aere parant, et alanica nominantur.

Маджабеловы, въ Зругскомъ ущельи,—даже до XVIII-го столѣтія. Послѣдняя фамилія до-сихъ-поръ претендуетъ на владѣніе тамъ землею.

Такъ кончился феодальный вѣкъ въ Валаджирекомъ ущельи. Исторіи феодализма въ Тагауріи, Куртатіи и Дигоріи мы посвятимъ особую статью.

XXV.

Нашествіе Тамерлана.

По аравійскимъ источникамъ (Шерефъ-Эддинъ) [1]), Тимуръ, 2-го февраля 1386 г., взялъ г. Тифлисъ и оттуда пошелъ въ горы, въ страну ишавовъ, хевсуровъ, гудамакаровъ, до Дарьяла, и въ Двалетію. Эристовъ Вирхель держался въ крѣпости Бекубе и въ узкихъ ущельяхъ защищался противъ превосходнаго числа непріятелей. Разбивъ татарскій авангардъ, Вирхель пошелъ на Кного.

Но жители Двалетіи (большею частію осетины) держали сторону татаръ. Нѣкто Хареба, житель аула Кного, собралъ двалетовъ и пошелъ противъ Вирхеля; но тотъ, будучи заранѣе увѣдомленъ о намѣреніи двалетовъ, успѣлъ уйти. Тимуръ, опустошивъ владѣнія эристововъ, ушелъ въ Сирію; плѣнные были отправлены въ Самаркандъ [2]).

Въ 1395 г., въ походѣ противъ Тохтамыша, Тимуръ снова явился въ Осетіи и въ странѣ кипчаковъ. Онъ тогда взялъ крѣпости Кулатъ и Таусъ, расположенныя на р. Терекѣ. Потомъ онъ пошелъ въ Россію, и воротившись оттуда, проникъ въ сѣверныя части Кавказа, до черкесовъ и страны азовъ [3]), гдѣ онъ истребилъ большое число грузинъ (?). Тимуръ взялъ Кулатъ и Таусъ и, наконецъ, дошелъ до страны грузинскаго племени Ир-

[1]) Въ соч. Броссе, Addit. et éclair., 387 и сл.
[2]) Brosset, Add., 383.
[3]) Шерефъ-Эддинъ.

каунъ [4]) (Ircaouon), взялъ Пуладетъ и отправился въ Балаканъ, писалъ къ князю Пуладъ, чтобъ онъ выдалъ одного кипчакскаго князя, нашедшаго у него убѣжище. Затѣмъ, Тимуръ пошелъ мимо Эльборуса къ одному мѣсту, называемому Абаза [5]), потомъ въ Семсемъ, въ Грузію, и оттуда въ Дагестанъ.

Нашествіе 1399 и 1400 гг. не относится до осетинъ.

XXVI.

Краткій обзоръ новой исторіи Закавказскихъ осетинъ.

Со времени Осибагатара, т. е. начала XIV столѣтія, сѣверная Осетія почти совершенно отдѣлилась отъ Грузіи и южной Осетіи, чѣмъ отчасти и объясняется глубокое молчаніе о сѣверныхъ осетинахъ грузинскихъ источниковъ. Но и свѣдѣнія о южныхъ осетинахъ за этотъ періодъ времени далеко неполны. Мы замѣчаемъ въ грузинскихъ источникахъ по исторіи закавказскихъ осетинъ длинный пробѣлъ отъ конца XIV столѣтія до конца XVI-го. За періодъ-же времени отъ XVI столѣтія до новѣйшаго времени находимъ опять достаточно-полныя свѣдѣнія въ лѣтописяхъ Чхейдзе, Папуны Орбеліани, Херхеулидзе и наконецъ въ Актахъ Закавказскаго края. Но всѣ эти свѣдѣнія столь тѣсно связаны съ грузинскою исторіею, а грузинская исторія отъ XIV до конца прошлаго вѣка столь запутана, что мы имѣемъ полное право отказаться здѣсь отъ попытки подробно разработывать исторію этой хаотической эпохи для одного только уголка Грузіи—Осетіи за Кавказомъ. Вся суть этой исторіи заключается въ трехъ словахъ—борьба, разложеніе, гибель Грузіи.

Въ Закавказской Осетіи размѣщались сильные феодалы, въ родѣ эриставовъ Арагвскихъ, на р. Арагвѣ, Ксанскихъ, на р. Ксанѣ, Амилахоришвили, тоже на р. Ксанѣ, Маджабеловыхъ, на

---

[4]) Иронъ-кау.

[5]) Абхазія ?—Deguignes упоминаетъ здѣсь одного князя, по имени Бураберди.

верхнемъ теченіи р. Большой Лихвы и т. д. Часть этихъ фамилій раздробилась на отдѣльныя вѣтви, колѣна, линіи. Эти фамиліи постоянно враждовали, или между собою, или съ грузинскими царями. Подчасъ вмѣшивались въ эту суматоху и персы, съ дикими авганцами, и турки. Цари нагоняли на отложившихся и непокорныхъ феодаловъ лезгинъ, но послѣдніе подчасъ не отказывались служить персамъ или феодаламъ въ ихъ междоусобіяхъ или въ возмущеніяхъ противъ царя. Нерѣдко и подвластные осетины безуспѣшно пытались освободиться, или мстить за себя кому попало.

Вмѣсто подробнаго изложенія всѣхъ этихъ событій, я здѣсь ограничиваюсь тѣмъ, что приведу, по-возможности въ хронологическомъ порядкѣ, голый списокъ главнымъ событіямъ по исторіи закавказскихъ осетинъ, съ ссылкою на источники, по соч. Brosset, Hist. de la Géorgie. Подобный списокъ и ссылки принесутъ, надѣюсь, нѣкоторую пользу и облегчатъ работу для тѣхъ, кто впослѣдствіи займется спеціальною разработкою этого вопроса.

1) Происхожденіе эриставовъ Арагвскихъ и Ксанскихъ (Defrémery, у Brosset, Add. et écl., 372—74; см. и Акты Закавк. края, I, 267).

2) Эриставъ Шалва женатъ на осетинкѣ, по имени Бирдъ (1220 г.). Brosset, l. c. I, 376.

3) Шалва предпринимаетъ походъ въ Двалетію, до Труссовскаго ущелья, и Ачабетъ (Brosset, l. c., 375).

4) Вирхель (VII) осаждаетъ осетинъ (1296) въ Гори (см. выше, гл XXII). Brosset, l. c., 377.

5) Вирхель (XI), борьба въ Труссо и Мна. На сторонѣ осетинъ выступаютъ Сунгунъ, Фареджанъ, Амзаджанъ, Багатаръ. Вирхель въ Кобп (Brosset, l. c., 381).

Изъ лѣтописи *Чхейдзе* (Brosset, II partie, 2 livr.):

6) Бѣгство царя Арчила въ Осетію и Россію (1675 г.). Brosset, II, 2, стр. 9.

7) Бѣгство туда-же Вахтанга (1723). Brosset, l. c., стр. 37.

8) Походъ въ Ксанъ и въ Осетію, до Могутъ, турецко-карталинскаго отряда (1731 г.). Лезгины въ Квишетѣ (1732). Brosset, l. c., 43.

9) Походъ въ Кахетію эристава Арагвскаго (1737). Brosset, l. c., 52.

Изъ лѣтописи *Папуны Орбеліани* (Brosset, II, 2 livr.):

10) Междоусобіе эриставовъ Арагвскаго и Ксанскаго. Осада, съ помощью 12,000 лезгинъ, Ананура и взятіе этой крѣпости (1739 г.). Brosset, l. c., 55.

11) Эриставъ Ксанскій помогаетъ царю Александру противъ Рачинскаго эристава (1741 г.). Имамъ-Кули-Ханъ, съ авганцами, предпринимаетъ походъ на Ксанъ и Лихву. Передача плѣнныхъ осетинъ въ руки вновь назначеннаго эристава Гивъ Амилахора, поселеніе ихъ въ Фхвенисѣ. Brosset, l. c., 57.

12) Нападеніе врасплохъ на персовъ осетинскихъ горцевъ, пораненіе хана и убійство Папуны Мухранскаго. Жестокое обращеніе авганцевъ съ 900-ми плѣнными осетинами. Brosset, l. c., 59.

13) Возстаніе Амилахора. Теймуразъ и князь Ираклій, съ кахетинцами, на Ананурѣ и Ксанѣ. Осада крѣпости Схвило-Амилахоръ призываетъ на помощь турокъ (1744 г.). Взятіе въ плѣнъ Реваза Амилахоришвили. Brosset, l. c., 78.

14) Амилахоръ, съ лезгинами, нападаетъ на Маджабеловыхъ. Brosset, l. c., 82.

15) Великая борьба на р. Лихѣ турокъ (и лезгинъ) съ персами (и кахетинцами). Brosset, l. c., 84.

16) Нашествіе осетинъ, вслѣдствіе междоусобій въ Имеретіи между Мамука и Александромъ (около 1746 г.). Brosset, l. c., 100.

17) Всеобщее возстаніе осетинъ, походъ противъ нихъ съ лезгинскими и персидскими войсками Ираклія (1746 г.) и покореніе ихъ, съ помощью Маджабеловыхъ и Амилахоришвили. Brosset, l. c., 107 и 108. Убійство эристава Бенна, l. c., стр. 75.

18) Ксанскіе осетины нападаютъ во время всеобщей сумятохи на авганцевъ, жившихъ въ г. Гори. Brosset, l. c., 115.

19) Кавказскіе осетины помогаютъ царямъ Теймуразу и Ираклію въ походахъ на югъ (1750 г.). Brosset, l. c., 148, 153, 161.

20) Осетины помогаютъ персамъ въ войнѣ противъ Грузіи (1752 г.). Нападеніе лезгинъ. Brosset, l. c., 170.

21) Лезгины въ Ананурѣ и Душетѣ. Brosset, l. c., 182.

22) Осетины, съ калмыками, помогаютъ грузинамъ противъ лезгинъ, подъ предводительствомъ князя Хунзахскаго. Brosset, l. c., 190.

23) Осетины убиваютъ эристава Ананурскаго. Brosset, l. c., 197.

Изъ лѣтописи *Херхеулидзе* (Brosset, II, 2 livr.):

24) Во время похода въ Дагестанъ Надиръ-Шаха, ханъ тифлисскій нападаетъ на Кешскаго эристава. Brosset, l. c., 207.

25) Лезгины, подъ предводительствомъ хана Аварскаго, князя Хунзахскаго, Сохта и Чопчаль-Мурза, неоднократно опустошаютъ Закавказскую Осетію, преимущественно страну Маджабеловыхъ и Рачу (1754—67 г.). Brosset, l. c., 216—218.

Остальной матеріалъ для исторіи закавказскихъ осетинъ долженъ быть разсматриваемъ подробно въ связи съ исторіею занятія Осетіи Россіею. Послѣ этого бѣглаго обзора исторіи осетинъ за Кавказомъ, возвращаемся къ собственно-кавказскимъ осетинамъ.

XXVII.

Отношенія осетинъ къ Тмутаракани.

Изъ Русской исторіи извѣстно, что великій князь Святославъ Игоревичъ, въ одинъ изъ своихъ походовъ, пришелъ и на Кавказъ. Одержавъ побѣду [1]) надъ косогами и ясами (осетинами), онъ основалъ, въ 966 или 968 г., на р. Кубани Тмутараканское княжество. Это было во время разгара въ Осетіи феодальныхъ междоусобій [2]), и извѣстіе Нестора черезъ это дѣлается еще болѣе правдоподобнымъ. Осетины помогали Святославу въ войнѣ противъ хазаръ [3]). Въ царствованіе въ Тмутаракани Мстислава Владиміровича, въ войнѣ противъ черкесовъ, произошло извѣстное единоборство между Мстиславомъ и витяземъ Рededе. Въ этой войнѣ на сторонѣ черкесовъ находились и осетины. Позже, въ Тмутаракани царствовали, одинъ послѣ другаго: Святославъ, сынъ Ярослава I, и Святослава сынъ Глѣбъ. Послѣдній былъ свергнутъ съ престола родственникомъ своимъ Ростиславомъ (1064 г.). Ростиславъ долго боролся съ горцами,

---

[1]) Нестора лѣтопись, а. т. 6473.

[2]) См. выше, гл. XII.

[3]) Карамзинъ, I, VII, 104—105.

и тревожилъ византійскія колоніи на берегу Чернаго моря; наконецъ, греки отравили его [4]). Все это случилось во время великаго царства осетинскаго и едва-ли могло имѣть значительное вліяніе на это сильное государство, цари котораго тогда были въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ византійскими императорами, грузинскими и абхазскими царями.

Черкесское преданіе помнитъ о вышеупомянутомъ единоборствѣ Мстислава съ витяземъ Рededе, но оно знаетъ, кромѣ того, еще объ одномъ походѣ адыгейцевъ противъ Тмутаракани, который, какъ будто, кончился уничтоженіемъ Тмутараканскаго княжества. Въ этой войнѣ адыгейцы, какъ будто, получили въ помощь отъ осетинъ 6000 отборнаго войска [5]). Дѣйствительно, Тмутараканское княжество въ XII вѣкѣ въ русскихъ лѣтописяхъ уже не упоминается.

По „Картлисъ-цховреба“ [6]), во время упомянутаго междоусобія между царемъ Багратомъ и Липаридомъ Орбеліани, въ битвѣ въ Саспретскомъ лѣсу, участвовали на сторонѣ Баграта 4000 варяговъ. Вспомнимъ тоже изъ вышеизложеннаго на стр. 41, что еще въ концѣ XIII вѣка русскіе князья были въ какихъ-то родственныхъ отношеніяхъ съ осетинскимъ и грузинскимъ царствующими домами. Нить къ объясненію этихъ загадочныхъ вопросовъ, вѣроятно, нужно искать въ Тмутаракани, но, къ сожалѣнію, осетинскія преданія о Тмутаракани совсѣмъ умалчиваютъ.

---

[4]) Несторъ, а. т. 6572 и 6573.

[5]) Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ—Sagen u. Lieder des Tscherkessenvolkes, edid. Bergé, стр. 56. Не можетъ быть, чтобы это случилось при Мстиславѣ (стр. 57), но гораздо позже. Отдавая полную справедливость стараніямъ автора этого сочиненія, нельзя однакожъ не замѣтить въ немъ не мало промаховъ, что весьма естественно, такъ какъ трудъ Ногмова заключаетъ въ себѣ первый опытъ обработки исторіи Адыгейскаго народа. Впрочемъ, Ногмовъ, какъ природный кабардинецъ, питавшій къ осетинамъ, вѣроятно, такую-же глубокую національную ненависть, какъ и остальные кабардинцы, черезъ это до того увлекается, что приписываетъ часто упоминаемое въ черкесскихъ сказаніяхъ названіе осъ (яссы Нестора), не осетинамъ, а абхазцамъ, передѣлывая, съ этою цѣлью, слово „осъ“ произвольно въ „опсъ“.

[6]) См. ист. Грузіи, кн. Баратова, III, 63.

XXVIII.

Отношенія осетинъ къ черкесамъ, во время ихъ переселенія въ Кабарду.

За все время отъ Моисея Хоренскаго (450 г.), до паденія великаго царства осетинскаго, въ XI вѣкѣ, границы осетинъ (царскихъ сарматовъ, аланъ, дзанарцевъ: всѣ эти названія, достовѣрно [1]), относятся къ осетинамъ, или къ отдѣльнымъ вѣтвямъ этого народа) распространились далеко къ западу и къ сѣверу [2]). Тогда западными и сѣверо-западными сосѣдями ихъ были абхазцы (какъ видно, между прочимъ, изъ разсказа о посольствѣ Льва Исаврія) и зихи, или cercetae, т. е. черкесы.

Послѣдніе жили по склонамъ Кавказа къ Черному морю [3]), и послѣ разрушенія Тмутараканскаго княжества, быть можетъ и до этого, — на нижнемъ теченіи р. Кубани. Въ XIII-мъ вѣкѣ, осетины, обитавшіе на плоскости сѣвернаго Кавказа и въ особенности въ нынѣшней Кабардѣ, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ феодальнаго періода или, быть можетъ, и нашествія татаръ, покинули Кавказъ и выселились къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей [4]), гдѣ мы находимъ ихъ въ зависимости отъ монгольскаго князя, по имени Ногасъ, т. е. основателя орды ногайскихъ татаръ. Оставленныя осетинами мѣста были заняты Адыгейскимъ племенемъ. Часть этого племени, кабардинцы, въ VI в. гиджры (т. е. въ XIII в.), сначала потянулась съ Кавказа къ Дону и оттуда переселилась на Крымскій полуостровъ. Изгнанные изъ Крыма ногайцами, кабардинцы пришли въ VII вѣкѣ гиджры (т. е. въ XIV в.) снова на Кубань (Таманскій полуостровъ). Немного времени спустя, они, подъ предводительствомъ Инала, родоначальника кабардинскихъ княжескихъ фамилій, при-

---

[1]) По-крайней-мѣрѣ, нѣтъ другаго, болѣе вѣроятнаго, предположенія, а въ исторіи народовъ, не имѣвшихъ письменъ, все основано на предположеніяхъ.

[2]) До нижняго теченія Кубани,—иначе Святославъ не могъ-бы разбить ихъ.

[3]) Константинъ Багрянородный.

[4]) См. выше въ гл. XX, и Шейхъ-Эддинъ Дамасскій, въ соч. г. Берже: Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ, 1858, стр. 13.

шли въ Кабарду [5]), вѣроятно, скоро послѣ того, какъ осетины оставили этотъ край.

На основаніи старинной родословной кабардинскихъ княжескихъ фамилій, написанной на турецкомъ языкѣ, Ногмовъ [6]) производитъ начало рода Иналова отъ какихъ-то переселенцевъ изъ Вавилона и Египта. Ханъ Ларунъ, изъ Вавилоніи, Черкесъ и Бикесъ царствовали въ Египтѣ; послѣ нихъ царствовали Туманбай и Арабъ-ханъ. Арабъ-ханъ, преслѣдуемый турками, убѣжалъ въ Византію, и съ разрѣшенія императора [7]) поселился въ Крыму. Внукъ Арабъ-хана, Кесъ, пришелъ на Кавказъ къ Адыгейскому племени и пріобрѣлъ въ немъ вліяніе. Внукъ-же Кеса, Иналъ, занялъ съ кабардинцами Кабарду и подвигами своими прославилъ свое имя такъ, что сдѣлался первымъ кабардинскимъ народнымъ героемъ.

Кажется, осетины на первыхъ порахъ не мѣшали кабардинцамъ занимать свободныя мѣста и жили съ ними въ дружбѣ. По кабардинскому преданію, Иналъ женился, даже, на дочери одного осетинскаго князя Аша (?). Какъ Аша, такъ и другой осетинскій князь [8]), по имени Шоша, участвовали въ походахъ Инала. Но осетинскій князь, по имени Осдемиръ, враждовалъ съ Иналомъ. Сначала онъ побѣдилъ посланныхъ противъ него кегаховъ, но когда пришелъ самъ Иналъ, онъ убѣжалъ въ Абхазію. Осдемиръ въ этой войнѣ и погибъ [9]).

При преемникѣ Инала, Безруко, черкесы воевали съ хазарами, и въ одномъ походѣ, въ которомъ участвовали и осетины, взяли-де столицу хазаръ, Саркэлъ, гдѣ освободили плѣненнаго хазарами кабардинскаго князя Алегико [10]).

---

[5]) Г. Берже, примѣч. къ соч. Ногмова (Sagen u. Lieder), стр. 5, и того-же автора Краткій обзоръ горскихъ племенъ, стр. 12 и сл.

[6]) Sagen u. Lieder, стр. 43—46. Кромѣ этого есть еще нѣсколько другихъ предположеній о происхожденіи кабардинцевъ, напр. грузинскіе источники подтверждаютъ, что кабардинцы происходятъ отъ хазаръ, выселившихся изъ Дагестана въ Кабарду въ 835 году.

[7]) Слѣдовательно, это случилось до 1453 года.

[8]) Извѣстно, что, послѣ паденія великихъ царей, Осетія была раздроблена на мелкія княжества.

[9]) Осдемиръ неизвѣстенъ у осетинъ, но сходство имени даетъ предполагать, что кабардинское сказаніе имѣло въ виду Осибагатара, главнаго народнаго героя осетинъ; унижая послѣдняго, сказаніе вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣло унизить и самихъ осетинъ.

[10]) Ногмовъ, стр. 50 и сл. Впрочемъ, это извѣстіе болѣе чѣмъ сомни-

При внукѣ Инала, по имени Идаръ, осетины помогали кабардинцамъ въ одномъ междоусобіи [11]).

Но дружба между осетинами и кабардинцами не долго продолжалась; въ скоромъ времени вспыхнула между ними самая ожесточенная война, какая когда-либо велась между народами Кавказа. Но, прежде чѣмъ говорить объ этой войнѣ, подробности которой слишкомъ скоро довели-бы насъ до послѣдней эпохи осетинской исторіи, намъ предстоитъ еще разсмотрѣть нѣсколько вопросовъ изъ внутренней исторіи осетинъ.

XXIX.

Преданіе о 7-и сыновьяхъ Осибагатара и происхожденіе осетинскихъ обществъ, обитающихъ на р. Ардонѣ и его притокахъ.

Послѣ освобожденія изъ-подъ владычества грузинскихъ царей обитателей Валаджирскаго, Нарскаго и Мамисонскаго ущелій, быть можетъ и ущелій рр. Фіягдона и Гизельдона, Осибагатаръ умеръ. Оставшіеся еще феодалы были постепенно изгнаны стараніемъ самихъ обществъ. Эти общества возстановили у себя прежніе родовые порядки, которые феодаламъ не удалось окончательно выжить изъ общественнаго строя Осетинскаго племени.

Валаджирцы раздѣлились опять на древнія свои 7 колѣнъ: Сидемонцевъ, Царазонцевъ, Куссагонцевъ, Дзахпловыхъ, Тетловыхъ и Агусовыхъ [1]), на кои еще въ глубочайшей древности

тельно, такъ-какъ хазарское царство и Саркэлъ въ XIV-мъ или XV в. уже не существовали. По словамъ самого Ногмова, Иналъ царствовалъ до 1427 г. (стр. 48), слѣдовательно Безруко жилъ еще позже.

[11]) Ногмовъ, стр. 59. Тутъ-же Ногмовъ разсказываетъ о томъ, какъ Идаръ разрушилъ Тмутараканское княжество, хотя это сказаніе и неправдоподобно, такъ-какъ, по принятой Ногмовымъ хронологіи, Идаръ жилъ ни какъ не раньше XV-го или даже XVI столѣтія. Вообще, по хронологіи на сочиненіе Ногмова нельзя полагаться. Это во многихъ мѣстахъ въ примѣчаніяхъ уже замѣчено ученымъ издателемъ соч. Ногмова.

[1]) Седьмое колѣно, какъ сказано выше, мнѣ неизвѣстно.

раздѣлялись предки той вѣтви осетинъ, которая издревле обитала въ Валаджирскомъ ущельи. Осетинское преданіе объ этомъ историческомъ фактѣ гласитъ такъ: у Осибагатара было 7 сыновей: Сидемонъ, Царазонъ, Куссагонъ, Дзахилъ, Тетло и Агусъ; послѣдній рожденъ отъ наложницы (номлус). Каждому изъ этихъ 7-и сыновей отецъ, передъ своею смертію, завѣщалъ извѣстную вещь, напр. Куссагону—*кус*, т. е. чашу и т. д., отъ чего каждый сынъ и получилъ свое названіе. Конечно, подобный способъ нареченія сыновей слишкомъ необыкновенень, чтобы серіозно можно было допустить его достовѣрность. Смыслъ этого преданія, по всей вѣроятности, слѣдующій: Багатаръ (онъ въ письменныхъ, слѣдовательно и болѣе достовѣрныхъ, источникахъ не называется Осибагатаромъ) освободилъ 7 древнихъ колѣнъ осетинъ изъ-подъ владычества грузинъ и далъ имъ прежнюю самостоятельность: онъ даетъ имя *уже взрослымъ* своимъ сыновьямъ.

Я раздѣляю личность осетинскаго народнаго героя Осибагатара на двѣ личности: одна—миѳическій Осъ и другая—историческій Багатаръ. О послѣднемъ мы уже говорили въ гл. XXII; остается еще сказать нѣсколько словъ о миѳическомъ Осѣ; но прежде считаю нужнымъ напомнить читателямъ, что, изучивъ осетинскую народность, я твердо держусь высказаннаго въ началѣ этой статьи убѣжденія, что въ осетинахъ на половину течетъ семитская кровь. Этотъ миѳическій Осъ никто иной, какъ родоначальникъ одного изъ колѣнъ древнихъ Кимерійцевъ, отъ котораго весь народъ получилъ свое названіе „осетины“. Другіе два колѣна Кимерійцевъ назывались Дзау и третье—Закъ [2]). Кимерійцы никто иные, какъ колѣно еврейскаго народа, извѣстное въ священномъ писаніи подъ именемъ Гамеръ [3]), или правильнѣе Джимеръ. Это колѣно издревле обитало въ ущельяхъ Кавказа; названіе его мы встрѣчаемъ въ географическихъ именахъ: Кимерійскаго прохода (porta Cimana, т. е. Дарьялъ), крѣпости Кумли, р. Кумы, древнѣйшаго осетинскаго аула Джимара, высочайшей въ среднемъ Кавказѣ, послѣ Казбека, снѣговой горы Джимерай-хохъ и т. д., не упоминая уже о множествѣ другихъ, чисто еврейскихъ названіяхъ мѣстностей въ Осетіи. Это предположеніе открываетъ далекую перспективу въ исторіи западной Европы—Кимвры и Тевтоны. При разселеніи вѣтвей семитической или еврей-

[2]) Быть можетъ, и Дзау и Зак—одно и тоже.

[3]) Dubois de Montpéreux.

ской народности, точно такъ-же и при раздѣленіи семитовъ на колѣна, мы всегда замѣчаемъ извѣстную, такъ сказать математическую, правильность, дозволяющую предполагать, что у нихъ при этомъ соблюдалась какая-то система и единоличное управленіе разселеніями. Сюда относятся, напр., числа 7, 9, 12, которыя постоянно встрѣчаются въ ихъ исторіи; должно быть, число *семь* считалось у нихъ счастливымъ, особенно въ отношеніи числа дѣтей. Назначеніе отдѣльнымъ колѣнамъ мѣстъ для жительства было у семитовъ не дѣломъ случая, или силы, какъ у арійцевъ, но послѣдствіемъ экономическаго расчета: старшій въ каждомъ родѣ, соразмѣряясь съ обстоятельствами, опредѣлялъ, гдѣ кому жить. Согласно подобному расчету, Осамъ, или части этого колѣна кимерійцевъ, было назначено жить въ Валаджирскомъ ущельи, на пространствѣ отъ нынѣшняго аула Зарамага до Аллагира. Здѣсь это колѣно раздѣлилось на принятыя у древнихъ евреевъ 7 вѣтвей. Впослѣдствіи, эти Осы смѣшались съ нартами и аланами, въ томъ смыслѣ, какъ мы это объяснили выше, въ гл. I—VI. Послѣ этого смѣшенія, Осы приняли отъ новыхъ арійскихъ пришельцевъ свои названія Ирон̆ъ, Валаджиръ, а также множество индоевропейскихъ словъ и обычаевъ. Между тѣмъ древнія колѣна и названія сохранились до настоящаго дня, благодаря лишь тому обстоятельству, что у осетинъ, впродолженіи 5-ти тысячелѣтій ихъ исторіи, всегда соблюдалось правило, что сынъ остается жить при отцѣ и на всю жизнь подчиняется во всемъ отцу или замѣняющему его старшему въ родѣ. Въ Валаджирѣ древнія колѣнныя подраздѣленія весьма ясно замѣтны до настоящаго времени (хотя осетины уже начинаютъ отступать отъ этого древняго правила патріархальнаго быта); такъ напр., жители нынѣшнихъ ауловъ Унал̆ъ, Архон̆ъ, Лоаръ, Дей, Дзисъ и т. д. причисляютъ себя къ фамиліи Сидемонцевъ; жители ауловъ Бадъ, Мисъсуръ, Бизъ, Нузал̆ъ и пр. большею частью состоятъ изъ Царазонцевъ; жители ауловъ Дагомъ, Донисаръ, Урстон̆ъ и т. д. принадлежатъ большею частью къ фамиліи Куссагонцевъ. Выше Валаджирскаго ущелья, въ ущельяхъ Нарскомъ, Закскомъ и Мамисонскомъ, живутъ общества Нарцевъ, Закцевъ, Мамисонцевъ. Закцы, быть можетъ и закавказскіе Дзау, происходятъ отъ древняго кимерійскаго колѣна Зак; они тамъ обитали еще гораздо раньше 5-го вѣка, когда Моисей Хоренскій упоминаетъ о нихъ подъ названіемъ дзанарцевъ. Изъ послѣдняго названія и видно, что нарцы въ томъ вѣкѣ жили тамъ-же, гдѣ они живутъ по-нынѣ,

названіе-же свое нарцы получили, какъ я уже высказалъ, отъ древнихъ Нартовъ (Mardi). Мамисонцы-же названы такъ отъ того, что они, когда-то, смѣшались съ племенемъ неизвѣстнаго происхожденія, называвшимъ себя Mamisoniani. Имя это искажено или сокращено византійскими писателями въ ,,Misimiani" или ,,Mindimiani" [4]).

Такое долговѣчное существованіе одного и того-же названія, одного и того-же народа, однихъ и тѣхъ-же обычаевъ, никого не должно поражать, такъ-какъ это объясняется: во-1-хъ, замкнутымъ положеніемъ осетинскихъ ущелій [5]), и во-2-хъ, всегдашнимъ подчиненіемъ сына отцу, или старшему брату. Въ пять тысячъ лѣтъ осетинской исторіи смѣнили другъ друга не болѣе 150 поколѣній, полагая 3 поколѣнія въ каждомъ столѣтіи. Извѣстно также, что патріархальный вѣкъ—вѣкъ неподвижности и вѣчнаго застоя.

XXX.

Преданіе о Хетагѣ [1]).

Въ аулахъ Нарскаго общества (Цми и Наръ) живутъ понынѣ многочисленныя семейства рода Хетагуровыхъ. Хетагуровы отличаются отъ остальныхъ осетинъ типомъ лица, явно напоминающимъ ихъ кабардинское происхожденіе: темнымъ цвѣтомъ волосъ, воинственнымъ характеромъ и т. д. Жители разсказываютъ о родоначальникѣ Хетагуровыхъ слѣдующую, извѣстную по всей Осетіи, сказку.

Въ незапамятныя времена (но, конечно, ни въ какомъ слу-

---

[4]) См. выше въ гл. VIII.

[5]) Есть основаніе предполагать, что жители этихъ ущелій принимали къ себѣ чужихъ только въ такія времена, когда, вслѣдствіе войнъ или язвъ (ангелы умираютъ отъ зловонія Батырасова трупа), населеніе сильно рѣдѣло.

[1]) Это сказаніе уже напечатано въ III вып. Сборника свѣд. о горцахъ, въ ст. г. Джантемира Шанаева, ,,Осетинскія народныя сказанія," стр. 30 и сл. Во время моего путешествія въ Нарскомъ обществѣ, я тоже слышалъ это сказаніе, но съ нѣкоторыми варіантами и прибавленіями.

чаѣ не раньше XIV столѣтія) жилъ въ Кабардѣ, въ урочищѣ, называемомъ отъ его имени [2]), внукъ Инала Хетагъ. Вслѣдствіе семейныхъ раздоровъ, во время которыхъ онъ лишился своихъ 7-ми сыновей, Хетагъ долженъ былъ бѣжать отъ своихъ враговъ. Преслѣдуемый ими по пятамъ, онъ выбился изъ силъ и упалъ на землю. Это было недалеко отъ нынѣшняго аула Салугарданъ и мѣстечка Аллагиръ, въ недалекомъ разстояніи отъ одной рощи, Сауадагъ, которая еще и теперь считается у осетинъ святынею. Хетагъ уже приготовился къ смерти, но вдругъ онъ услышалъ голосъ изъ лѣса: „въ лѣсъ, Хетагъ, въ лѣсъ!“ Изнемогая отъ усталости, онъ прокричалъ въ отвѣтъ: „Хетагъ уже не поспѣетъ въ лѣсъ, а пускай лѣсъ поспѣетъ къ Хетагу.“ Тогда онъ, вдругъ, увидѣлъ себя окруженнымъ густымъ лѣсомъ. Хетагъ былъ спасенъ и враги его безуспѣшно воротились назадъ. Въ этомъ лѣсу Хетагъ жилъ цѣлыхъ 10 лѣтъ, но враги узнали объ этомъ и заставили его снова спасаться бѣгствомъ. Такимъ образомъ Хетагъ пришелъ въ Наръ. Тамъ жило тогда семейство Бигуловыхъ, которое гостепріимно приняло Хетага и отвело ему мѣсто на горѣ, гдѣ онъ выстроилъ себѣ домъ; развалины его у Хетагуровыхъ и Бигуловыхъ до-сихъ-поръ считаются святынею и въ честь ея они ежегодно празднуютъ съ жертвоприношеніями свой семейный праздникъ.

Устроившись въ Нарѣ, Хетагъ, славившійся отважнымъ бойцемъ, снова принялся за войну съ кабардинцами, отбивалъ у нихъ много плѣнныхъ и добычи, и добытое сбывалъ за горы, въ страну Тамардедопали (т. е. Грузію), промѣнивая на хлѣбъ, такъ-какъ въ это время осетины не занимались земледѣліемъ.

Однажды, отвозя въ Грузію партію плѣнныхъ кабардинцевъ, Хетагъ встрѣтился на дорогѣ съ однимъ старикомъ. Тотъ ему сказалъ: „Хетагъ, дай мнѣ за три мои совѣта, которыя я тебѣ скажу, троихъ изъ твоихъ плѣнныхъ.“ Хетагъ согласился; тогда старикъ отвѣчалъ: „Хетагъ, помни всегда слѣдующія три правила: во-1-хъ, если кто-нибудь тебя пригласитъ къ себѣ, то никогда не отказывайся отъ этого приглашенія; во-2-хъ, если ты въ гнѣвѣ, то всегда держись лѣвою рукою за правую, и въ-3-хъ, никогда не отдавай предпочтенія женщинѣ передъ мужчиною.“

Заплативъ за этотъ урокъ, Хетагъ поѣхалъ дальше. Не-

---

[2]) У Ногмова встрѣчается названіе „Хегакъ.“

много времени спустя, проѣздомъ черезъ одно селеніе, подошелъ къ Хетагу неизвѣстный мужчина и пригласилъ его къ себѣ. Хетагъ принялъ сдѣланное ему приглашеніе и остался у неизвѣстнаго ночевать, между тѣмъ какъ остальные его спутники пошли дальше. Въ ту-же ночь напали на нихъ разбойники и убили ихъ.

Пріѣхавъ въ страну Тамарадедопали, Хетагъ, однажды, былъ приглашенъ на обѣдъ къ одному знатному и богатому жителю. Присѣвъ къ столу, онъ замѣтилъ на одной скамьѣ, за столомъ, лягушку, за которой стояла прекрасная дѣвушка. Хетагъ спросилъ у хозяина, что такое значитъ эта лягушка? Тогда хозяинъ отвѣчалъ: „это—мой сынъ, а вотъ эта дѣвушка — его невѣста; скажи, Хетагъ, кто тебѣ больше нравится, лягушка-ли или эта дѣвушка?“ Хетагъ на это отвѣчалъ: „конечно, лягушка, такъ какъ она (на осетинскомъ языкѣ) мужескаго пола: вѣдь Богъ знаетъ, что изъ нея еще можетъ сдѣлаться“. Вдругъ лягушка стала надуваться и дѣлаться все больше и больше, наконецъ лопнула—и вышелъ изъ нея прекрасный юноша, который тутъ-же присѣлъ къ столу. Итакъ, мужчины все-таки лучше женщинъ.

Изъ этого самаго путешествія черезъ горы, Хетагъ воротился назадъ, не раньше какъ черезъ 7 лѣтъ. Между тѣмъ старшій сынъ его выросъ въ прекраснаго юношу. Была ночь, когда Хетагъ пріѣхалъ домой; онъ вошелъ въ спальню своей жены; вдругъ, въ темнотѣ, онъ замѣчаетъ лежащаго возлѣ нея взрослаго мужчину. Въ ярости, онъ вынимаетъ кинжалъ, чтобы на мѣстѣ заколоть своего противника; но, вспомня правило, данное ему старикомъ, онъ лѣвою рукою схватился за правую,—и жизнь собственнаго его сына, который спалъ возлѣ своей матери, была спасена.

Когда мнѣ разсказали эту сказку, изъ угла комнаты выступилъ одинъ столѣтній старикъ и прибавилъ торжественнымъ голосомъ: „насъ было 7 братьевъ, и если во время нужды у насъ ничего не оставалось, кромѣ только орѣха, то мы разрѣзывали этотъ орѣхъ на 7 кусковъ и дѣлили между собою. Отъ этого мы сдѣлались теперь сильными и богатыми“.

Подобныя сказки замѣняютъ у осетинъ религію и составляютъ своего рода катихизисъ.

Приведенный разсказъ даетъ также нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ способомъ впродолженіи XV и XVI столѣтій велась осетино-кабардинская война.

XXXI.

Преданіе о Тагаурѣ и Куртатѣ и происхожденіе Тагаурскаго и Куртатинскаго обществъ.

Общество тагаурцевъ, а равно куртатинцевъ, по происхожденію, новѣе обществъ Валаджирскаго, Нарскаго, Заккаго и Джавскаго. Они образовались большею частью изъ бѣглыхъ валаджирцевъ. Скажемъ сначала о происхожденіи тагаурцевъ и куртатинцевъ. Тагаурцы, какъ извѣстно, обитаютъ на рр. Гизельдонѣ и Терекѣ; куртатинцы-же—въ ущельи р. Фіягдона. Мѣстные жители, по-крайней-мѣрѣ въ Куртатинскомъ ущельи, разсказываютъ, что въ этихъ мѣстахъ прежде, но уже очень давно, жило другое осетинское племя, по имени Бурдуртæ, и что оно, по неизвѣстной причинѣ, выселилось за Казбекъ, въ направленіи къ Труссовскому ущелью. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что нынѣшніе жители переселились въ эти мѣста не раньше XV-го или XVI-го столѣтій, почему они ничего почти и не умѣютъ разсказать о феодальномъ вѣкѣ осетинской исторіи, хотя исторія этого вѣка преимущественно разъигралась въ этомъ-же ущельи, какъ видно изъ необыкновенно-большаго количества построекъ, церквей, съ грузинскими надписями, и богатыхъ кладбищъ, очевидно принадлежащихъ къ феодальному періоду.

Единственными свидѣтелями этого періода были Бурдуртæ, которые, вѣроятно, еще и теперь живутъ гдѣ-то за Кавказомъ, но мнѣ неизвѣстно, въ какомъ именно мѣстѣ. У нынѣшнихъ жителей воспоминанія феодальнаго вѣка сливаются въ одно съ древнѣйшими нартовскими сказаніями, и самые грузинскіе феодалы, обитавшіе, судя по большому числу грузинскихъ церквей, именно на этомъ мѣстѣ, называются у нихъ тоже нартами. Они показываютъ еще тамъ и сямъ развалины крѣпостей и замковъ феодаловъ, но не иначе, какъ говоря: тутъ жили нарты, тамъ ихъ гробницы, въ которыхъ попадаются иногда вещи серебряныя и золотыя, съ „грузинскими“ буквами.

За то жители Куртатинскаго и Тагаурскаго ущелій довольно хорошо помнятъ исторію своего собственнаго общества.

У осетинъ, какъ у всякаго другаго народа, не имѣющаго письменности, исторія передается изъ рода въ родъ, въ видѣ раз-

сказовъ, конечно, всегда преувеличенныхъ, о жизни и подвигахъ того лица, отъ дѣятельности котораго произошла извѣстная перемѣна въ быту цѣлаго народа. Подобное лицо въ преданіи часто превращается изъ предводителя народа, чѣмъ оно дѣйствительно и было, въ родоначальника. Съ біографіею этого лица сплетаются, болѣе или менѣе искусственно, часто и съ большою натяжкою, всѣ политическія, соціальныя и нравственныя убѣжденія народа. Поэтому, мы замѣчаемъ, что всѣ преданія, затрогивающія какіе-нибудь интересы, напр. сословные, всегда являются въ двухъ или нѣсколькихъ различныхъ редакціяхъ, иногда совершенно одна другой противорѣчащихъ. Чтобы извлечь изъ преданій историческую истину, нужно сравнить всѣ редакціи подобнаго разсказа, и только тогда можно болѣе или менѣе опредѣлительно сказать, имѣетъ-ли преданіе историческое значеніе, или нѣтъ.

Преданіе о происхожденіи тагаурцевъ и куртатинцевъ ходитъ въ народѣ въ нѣсколькихъ различныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ однѣ—съ аристократическимъ направленіемъ, а другія—демократическимъ, такъ какъ въ преданіи этомъ затронуты сословные интересы. Одна изъ аристократическихъ редакцій этого преданія изложена въ III вып. настоящаго „Сборника“ [1]); поэтому, мы приводимъ ее только вкратцѣ, насколько нужно, для объясненія смысла другой, демократической редакціи того-же преданія.

Тагауръ (Тага), армянскій князь, бѣжалъ изъ Арменіи на Кавказъ, съ однимъ курдомъ, отъ котораго, какъ будто, произошли куртатинцы. Они поселились сначала въ аулѣ Ксурта, Валаджирскаго общества, гдѣ выстроили себѣ галуанъ, т. е. укрѣпленный домъ, съ башнею и бойницами. Развалины этого дома показываются еще до-сихъ-поръ въ аулѣ Ксурта. Потомъ, Тагауръ, съ тремя народившимися сыновьями и, вѣроятно, съ своимъ курдомъ, поселился въ аулѣ Даргавсъ. Имена сыновей его были: Камбій, Тотикъ и Загагъ. Отъ Камбія родился Знауръ; отъ Знаура, равно какъ и отъ Тотика, народилось огромное поколѣніе, которое образовало сословіе, или колѣно тагаурцевъ (тагіата), которые до-сихъ-поръ считаютъ себя благороднѣйшими между осетинами. Впослѣдствіи, потомство Камбія поссорилось

---

[1]) Въ ст. г. Джантемира Шанаева, Осетинскія сказанія, стр. 35.

съ потомствомъ Тотика, и пошла между ними жестокая рѣзня, въ которой на сторонѣ Камбія участвовали и куртатинцы. Сыновья и внуки Тотика почти всѣ были истреблены, одинъ только Тотикъ спасся бѣгствомъ въ свою башню. Здѣсь, во время осады, родился у него сынъ, по имени Сана. Съ содѣйствія нѣкоего Хуциста, Сана былъ отвезенъ въ Кабарду, гдѣ онъ и выросъ. Узнавъ о своемъ происхожденіи, онъ поѣхалъ въ Даргавсъ, чтобы мстить за кровь отца и родственниковъ, сначала тагаурцамъ, а потомъ и куртатинцамъ. Имѣвъ въ этомъ успѣхъ, Сана поселился навсегда въ аулѣ Кани, гдѣ потомство его живетъ еще по-нынѣ.

Въ Тагауріи, кромѣ Шанаевыхъ, есть еще нѣсколько алдарскихъ фамилій и каждая изъ нихъ разсказываетъ иначе объ этомъ происшествіи, ставя всегда на первый планъ своихъ предковъ. Быть можетъ, въ каждомъ изъ этихъ разсказовъ есть нѣкоторая доля правды.

Демократическая редакція этого-же преданія, какъ оно разсказывается между простыми осетинами, преимущественно въ Куртати, гласитъ такъ.

Тагауръ и Куртатъ были добрые валаджирцы и братья, которые дружелюбно поселились другъ подлѣ друга, сначала въ Куртатинскомъ ущельи, гдѣ они выстроили себѣ галуаны; въ верхнемъ жилъ Тагауръ, въ нижнемъ—Куртатъ. Вокругъ нихъ поселились выходцы изъ Валаджира и другихъ мѣстъ. Но три сына Тагаура навлекли на себя, безпутствомъ своимъ, народную ненависть, вслѣдствіе чего они были вызваны къ народному суду. Тагауръ сталъ защищать своихъ сыновей — и пошла жестокая драка, вслѣдствіе которой тагаурцы, бывъ изгнаны, поселились въ ущельи р. Гизельдона, гдѣ потомство ихъ выстроило Даргавсъ и другіе аулы.

Куртатъ остался жить у куртатинцевъ, которые отъ его имени такъ и стали называться. Подъ конецъ своей жизни, Куртатъ и Тагауръ помирились, — и вотъ (въ аулѣ Далагкау) ихъ гробницы [2]) дружно стоятъ одна подлѣ другой уже сколько лѣтъ!

Это-же преданіе, тамъ и симъ, въ Куртати разсказывается съ различными варіаціями, но основная мысль его всегда одна и та-

---

[2]) Эти гробницы дѣйствительно стоятъ на одномъ видномъ мѣстѣ кладбища и весь народъ единогласно говоритъ, что это гробницы Тагаура и Куртата.

же. Нѣкоторые прибавляютъ, что сами Куртатъ и Тагауръ поссорились и стали преслѣдовать другъ друга изъ-за одного ястреба (оари), которому Куртатъ отрѣзалъ крылья [3]).

По моему мнѣнію, послѣдняя, демократическая редакція преданія рѣшительно имѣетъ преимущество передъ первыми редакціями, преднамѣренность составленія которыхъ слишкомъ рѣзко бросается въ глаза. Несмотря на все это, мы должны признать за историческій фактъ, хотя не на основаніи этихъ разсказовъ, а по другимъ соображеніямъ, что въ Тагаурiи и отчасти, но съ меньшимъ значеніемъ, въ Куртати, когда-то существовало мѣстное дворянство и что общества эти имѣли феодальное устройство. Мы это основываемъ на томъ, что, по осетинскому народному праву, алдары до-сихъ-поръ еще пользуются нѣкоторыми, хотя немногими, преимуществами и отчасти придерживаются, напр. при заключеніи браковъ, своихъ особенныхъ обычаевъ (фатибах, мады-бах и т. д.) [4]).

XXXII.

Очеркъ исторіи дигорцевъ.

Страна Дигорiи лежитъ къ западу отъ Владикавказа, въ горныхъ ущельяхъ и отчасти на плоскости, преимущественно по теченію рѣкъ Дурдура и Уруха, съ ихъ притоками.

Исторія этой замѣчательной страны въ основныхъ чертахъ представляетъ большое сходство съ общимъ историческимъ развитіемъ Осетинскаго племени и заключаетъ въ себѣ весьма важное подтвержденіе тѣхъ идей, которыя служатъ намъ руководящею нитью для изслѣдованія этого древнѣйшаго народа въ Европѣ.

Вотъ какъ дигорцы разсказываютъ свою исторію.

---

[3]) Жители аула Цимити (Куртатинскаго общества) производятъ свое начало не отъ Куртата, но отъ нѣкоего Цимити, о которомъ разсказываютъ много баснословнаго.

[4]) См. „Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ,“ вып. IV, ст. г. Шанаева, ‘,Свадьба у сѣверныхъ осетинъ,“ стр. 13.

„Мы происходимъ отъ Дигура, но мало о немъ знаемъ; сынъ-же его, Джамбулатъ Дигуръ, первый поселился на рѣчкѣ Дигуръ-донъ (притокъ Урухъ-дона). Сынъ Джамбулата, Астанъ, построилъ крѣпкій замокъ Астану-фитерда. Дѣти Астана поселились мало-по-малу въ другихъ ущельяхъ. Въ это время, недалеко отъ жилища Астана, поселился нѣкто Хуизъ, съ сыномъ своимъ Булатомъ. Соединившись вмѣстѣ, дѣти Астана и Хуиза построили аулы: Гальята, Дунта и Камунта.“—„Астанъ,“ вѣроятно, названіе страны, какъ названія: Дагестанъ, Авганистанъ и Индостанъ, слѣдовательно—означаетъ страну асовъ или осовъ. Хуизъ-же — извѣстный герой нартовскихъ сказаній, упоминаемый между прочимъ въ одномъ изъ нижеотпечатанныхъ сказаній, собранныхъ г. Шанаевымъ [1]). Жилище этого Хуиза, крѣпость Хизъ, упоминается въ сказаніи о Батурасѣ [2]). Названія ауловъ: Гальята, Дунта и Камунта, по всей вѣроятности, еврейскаго происхожденія.

Затѣмъ преданіе продолжаетъ: „Нѣсколько времени спустя пришелъ охотникъ, по имени Хамуцъ, и поселился въ лѣсу въ Стур-Дигоріи. Народъ жилъ и размножался.“

Хамуцъ—имя отца Батураса, осетинскаго Прометея. Кромѣ того, валаджирцы въ своихъ сказаніяхъ помнятъ, что Батурасъ пришелъ къ нимъ изъ другой страны, не въ далекомъ разстояніи отъ нихъ (трехдневный переѣздъ). Слѣдовательно, можно допустить, что нарты сперва поселились въ Дигоріи и потомъ, когда отецъ Батурасовъ, Хамуцъ, былъ убитъ Бурæфæрнугомъ и Сайнæгъ-Алдаромъ, Батурасъ, мстя за кровь своего отца, перешелъ къ рѣкѣ Ардону. Къ сожалѣнію, подробности этого важнаго сказанія о мести Батураса еще не напечатаны. Точно также въ печати не явилось еще преданіе о томъ, какъ Батурасъ, подобно Геркулесу, поступилъ на службу къ Сайнæгу-Алдару (конечно, до убійства его отца) и, служа у него, совершилъ различные чудесные подвиги.

Дигорское сказаніе продолжаетъ: „Позже, прибыли два брата, по имени Царгосъ, или Саргасъ, и Шарванъ. Они пріобрѣли между нами большое значеніе. Царгосъ остался жить въ Дигоріи и, долго скитаясь по лѣсистому ущелью Стур-дигорскому, не на-

---

[1]) Впрочемъ, г. Шанаевъ пишетъ Хизъ, а не Хуизъ.

[2]) Или Батразѣ, какъ пишетъ тотъ-же собиратель осетинскихъ сказаній.

шелъ удобнаго мѣста для жилья. Мучимый голодомъ, Царгосъ, однажды, въ отчаяніи, легъ отдохнуть. Въ это время пролетѣлъ надъ нимъ черный орелъ, съ горною индѣйкою (джумаръ) въ когтяхъ, и какъ-то уронилъ свою добычу къ ногамъ умиравшаго Царгоса. Поблагодаривъ Бога, онъ устроился на этомъ мѣстѣ и населилъ Стуръ-Дигорію выходцами изъ другихъ ауловъ. Братъ Царгоса, Шарвашъ, ушелъ въ Абхазію и сдѣлался родоначальникомъ княжеской фамиліи Шервашидзе.“

Эта часть преданія, очевидно, относится къ феодальному вѣку и вторженію въ Осетію грузинскихъ феодаловъ, хотя въ одной редакціи преданія [3]) и говорится, что Царгосъ и Шарвашъ пришли съ сѣвера. Сказаніе о Царгосѣ—фамильное преданіе живущаго еще по-нынѣ въ Дигоріи рода Царгосатовъ или Саргосатовъ. Потомки Хамуца въ Дигоріи до-сихъ-поръ отличаютъ себя отъ остальныхъ дигорцевъ и добиваются алдарскаго права. Бывши свергнуты въ древнее время Царгосатами и желая скрыть это, они отрицаютъ это преданіе и утверждаютъ, что Стуръ-Дигорія осталась за ними и что Хамуцъ даже женился на дочери кабардинскаго князя Таусултана. Имя Хамуцевой жены, какъ извѣстно изъ нартовскихъ сказаній, — Сатана, но, конечно, немыслимо, чтобы она была кабардинка. Подобные браки осетинскихъ алдаровъ съ кабардинцами — обыкновенная у нихъ уловка, для возвышенія своего рода, такъ какъ лица высшихъ сословій изъ кабардинцевъ считаютъ себя выше осетинскихъ алдаръ. Затѣмъ преданіе Хамуцовыхъ продолжаетъ, что родоначальникъ ихъ принялъ голодающаго Царгоса къ себѣ и женилъ его, но за это Царгосъ отплатилъ ему черною неблагодарностью; онъ наклеветалъ на Хамуца у кабардинскихъ князей Таусултановыхъ, что тотъ, какъ будто, убилъ свою жену; за это Таусултановы напали на Хамуца, убили его, съ 32-мя родственниками, и только небольшая часть его фамиліи успѣла спастись въ лѣсъ. Стуръ-Дигорія была отдана Царгосатамъ. Извѣстіе объ убійствѣ Хамуца Таусултановыми противорѣчитъ общераспространенному по всей Осетіи нартовскому сказанію,—и потому не заслуживаетъ довѣрія, хотя мы и не отрицаемъ возможности заключенія, впослѣдствіи, подобнаго брака какимъ-нибудь потомкомъ Хамуца.

У Царгоса было три сына: Карабугъ, Таймазъ и Канте-

---

[3]) См. въ Терск. Вѣд. 1870 г., № 48, ст. Головинскаго, подъ заглав. „Осетины.“

миръ; отъ нихъ произошли три нынѣ еще живущія въ Дигоріи фамиліи Карабуговыхъ, Таймазовыхъ и Кантемировыхъ. Названія эти—татарскія и физіономіи тѣхъ Кантемировыхъ, которыхъ я видѣлъ, напоминаютъ татарское ихъ происхожденіе: поэтому можно предположить, что къ фамиліи Царгосатовъ примѣшивалась и татарская кровь.

Затѣмъ дигорское сказаніе продолжаетъ, что, неизвѣстно когда, пришелъ изъ города Маджаръ [4]) нѣкто Бадилъ, съ хорошо-вооруженною дружиною, занялъ свободныя земли и сдѣлался надъ осетинами алдаромъ, т. е. феодаломъ. Такъ разсказываютъ о своемъ происхожденіи Бадилаты. Простые-же дигорцы говорятъ, что Бадилъ, изъ Маджаръ-же, пришелъ въ Дигорію первый съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, фитильною винтовкою [5]). Чтобы защищать себя противъ хищныхъ кабардинцевъ и балкарцевъ, дигорцы наняли Бадила на службу къ себѣ и условились съ нимъ содержать его на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы каждый давалъ ему что могъ. Но дѣти Бадила уже стали требовать этихъ подаяній какъ дани, изъ-за чего неоднократно происходило большое кровопролитіе. Споръ между дигорцами и Бадилатами продолжался до новѣйшаго времени и отчасти продолжается до-сихъ-поръ. Нынѣ существующія фамиліи Бадилатовъ: Тугановы, Кубатіевы, Караджаевы, Бетуевы, Кабановы и т. д. Бадилаты, вмѣстѣ съ Саргасатами, признаются теперь народомъ, хотя не безъ противорѣчія, въ алдарскомъ званіи.

Происхожденіе Гогуатовъ, которые тоже претендуютъ на алдарство,—мнѣ неизвѣстно, но они, вѣроятно, гораздо древнее Бадилатовъ, такъ что сословныя преимущества уже утрачены ими.

Остальные жители Дигоріи, вѣроятно, по большей части выходцы изъ Валаджира и изъ другихъ странъ. Вообще, населеніе Дигоріи чрезвычайно смѣшанно, что выражается, между прочимъ, прекраснымъ типомъ физіономій у дигорцевъ.

---

[4]) Нѣкоторые, въ томъ числѣ и Бадилаты, относятъ этотъ городъ къ венгерцамъ. Маджары лежали недалеко отъ р. Кумы, на р. Подкумкѣ; впрочемъ, мѣстоположеніе его означается различно.

[5]) Слѣдовательно, Бадилаты ни въ какомъ случаѣ не древнѣе XVI вѣка, такъ какъ на Кавказѣ, судя по отверстіямъ башенъ, огнестрѣльное оружіе едва-ли было извѣстно раньше этого времени. Открытіе пороха составляетъ эпоху въ жизни горца. Въ Кабардѣ первый принесшій огнестрѣльное оружіе былъ нѣкто Ортало.

Дигорцы говорятъ особеннымъ діалектомъ. По множеству древнихъ построекъ, Дигорія одна изъ замѣчательнѣйшихъ странъ Кавказа.

XXXIII.

Осети по-кабардинская война.

При кабардинскомъ старшемъ князѣ Идарѣ, который, вѣроятно, жилъ въ XV столѣтіи, между кабардинскими князьями вспыхнуло страшное междоусобіе, которое окончилось кровопролитною битвою при Касбурунѣ [1]). На эту битву кабардинскіе барды сочинили любопытную народную пѣснь, текстъ которой мы находимъ въ соч. Ногмова [2]). Въ разсказѣ упоминается князь, по имени Дударуко, а Дударуковы — осетинскіе алдары. Ногмовъ тоже подтверждаетъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, что осетины послали Идару 3000 вспомогательныхъ войскъ [3]). Битва кончилась удачно для Идара, но, такъ-какъ область его (Идарія) лежала далеко отъ осетинъ, а земли враждовавшихъ съ нимъ князей — очень близко отъ нихъ, то эта битва не могла не остаться безъ вліянія на отношенія осетинъ къ кабардинцамъ. Съ-тѣхъ-поръ мы видимъ, что между осетинами и кабардинцами возгорѣлась страшная вражда. Главнымъ поводомъ къ этой враждѣ служили поземельные споры. Размножившись на плодородной плоскости, кабардинцы постепенно оттѣсняли осетинъ все дальше къ югу и наконецъ заперли ихъ совсѣмъ въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ. Вслѣдствіе бѣгства съ плоскости въ горныя ущелья, осетинамъ стало жить чрезвычайно тѣсно, преимущественно въ такихъ ущельяхъ, которыя на югъ были заперты непроходимыми стѣнами. Но Дарьяльской-же, Мамисонской и Закской дорогамъ, осетины, вслѣдствіе давленія съ сѣвера, покидая

[1]) Близъ Нальчика.
[2]) Sagen u Lieder, стр. 61 и 62.
[3]) L. c., стр. 59.

свое отечество, переходили постепенно за Кавказъ и населяли оставленныя грузинами, или насильно отнятыя у нихъ, ущелья. Но, съ теченіемъ времени, и послѣднія ущелья такъ густо населились, что не было уже возможности отбрасывать нараждавшееся населеніе съ сѣвера на югъ. Съ юга, только съ великимъ трудомъ можно было доставать хлѣба, а съ сѣвера не могло быть никакой доставки его, такъ какъ кабардинцы, съ усилившеюся враждою, ни одного осетина не выпускали на плоскость. Въ то время роскошныя и величественныя горныя ущелья Осетіи представляли видъ самой страшной и отвратительной темницы, гдѣ отцы и матери убивали своихъ малолѣтнихъ и даже взрослыхъ дѣтей, для того, чтобы не дать имъ умереть мучительною голодною смертью. Съ этого времени убійство и выкидываніе дѣтей сдѣлалось у осетинъ народнымъ обычаемъ. Тѣснота породила моровыя язвы; смертность, и безъ общепринятаго дѣтоубійства, достигала необыкновенныхъ размѣровъ. Гдѣ такія причины дѣйствуютъ, тамъ между народами вражда всегда дѣлается неизгладимою и смертельною. Такъ и было между осетинами и кабардинцами. Причины подобной вражды дѣйствуютъ медленно и потому она не разыгрывается въ кровавыхъ генеральныхъ сраженіяхъ, но происходитъ въ мелкихъ стычкахъ, поединкахъ, хищническихъ нападеніяхъ и т. п. Въ подобныхъ обстоятельствахъ сражается не народъ съ народомъ, но человѣкъ съ человѣкомъ. Тутъ всѣ средства дозволены, лишь-бы только истребить врага; тутъ нѣтъ пощады, нѣтъ и международнаго права. Всѣ споры между отдѣльными семействами изъ-за земель на плоскости кончались ссорами, драками, смертоубійствомъ, и пошла кровная месть, которая страшнѣе всякой войны.

Отъ этихъ причинъ, война между осетинами и кабардинцами, по необходимости, должна была тянуться цѣлые вѣка: она началась въ XV вѣкѣ и кончается въ XIX. Сцены этой войны однообразны и потому скучны; въ ней не встрѣчается никакихъ выдающихся личностей; даже и тѣ, имена которыхъ упоминаются въ преданіяхъ, боролись, быть можетъ, отчаянно и храбро, но безславно, за одни только личные и мелкіе семейные интересы, или, подобно всѣмъ остальнымъ животнымъ,—за право жизни.

Въ исторіи подобной войны, дѣло изслѣдованія не заключается въ отыскиваніи нескончаемыхъ подробностей битвъ и стычекъ, но въ открытіи причинъ вражды.

Кромѣ приведенной причины кабардино-осетинской войны—поземельныхъ споровъ, возникавшихъ отъ давленія кабардинцевъ съ сѣвера на югъ, мы находимъ еще нѣсколько, не менѣе важныхъ причинъ. Осетинъ—человѣкъ совершенно различнаго отъ кабардинца склада. Хотя ему, впродолженіи всей его исторіи, чрезвычайно рѣдко удавалось наслаждаться спокойствіемъ,—онъ, однакожъ, въ глубинѣ своей души, любитъ спокойствіе, тишину, удобства; свирѣпымъ бойцомъ онъ можетъ сдѣлаться, и дѣлался, только по принужденію. Напротивъ, кабардинецъ—права воинственнаго, безпокойнаго; мирнымъ, покорнымъ и любящимъ удобства тишины онъ въ состояніи дѣлаться только въ качествѣ раба. Эта противоположность въ характерахъ обоихъ сосѣднихъ народовъ породила изъ себя глубокое различіе въ ихъ общественномъ устройствѣ. Осетинъ—демократъ, патріархалъ и любитъ только демократическія и патріархальныя учрежденія; не чуждъ онъ, однакожъ, и соціализма. Напротивъ, кабардинецъ—аристократъ, феодалъ и, хотя и рабъ, глубоко ненавидитъ равенство. У кабардинцевъ потомство Инала всегда было безспорно признаваемо высшимъ сословіемъ, у осетинъ-же алдары—никогда.

Феодальныя учрежденія создавались для того, чтобы въ средніе вѣка соединять мелкія племена и независимые другъ отъ друга роды въ большія націи; феодальныя государства всегда сильнѣе патріархальныхъ, и потому въ осетино-кабардинской войнѣ побѣда непремѣнно должна была остаться за кабардинцами. Осетины были всюду разбиваемы ими, и постоянно обращая къ кабардинцамъ тылъ, они заслужили у кабардинцевъ репутацію трусовъ, такъ что кабардинцы презирали ихъ и презираютъ до-сихъ-поръ; даже въ настоящее время браки между осетинами и кабардинками заключаются весьма рѣдко.

Нѣкоторыя части Осетіи, несмотря на неприступное ихъ положеніе, были завоеваны кабардинцами, вслѣдствіе предательства самихъ осетинъ; такъ напр., еще въ началѣ настоящаго столѣтія часть куртатинцевъ была данниками кабардинскихъ князей Ахловыхъ. Въ это время нѣкоторыя осетинскія общества, напр. тагаурцы и дигорцы, уже упали такъ глубоко, что сами просили кабардинскихъ князей прислать къ нимъ пукеровъ, для защиты отъ хищническихъ нападеній кабардинцевъ-же. За это тагаурцы платили дань по рублю съ двора, дигорцы-же—по одному барану съ двора. Насколько мнѣ извѣстно, одни только валаджирцы, и остальныя общества, живущія по притокамъ р.

Ардона, не обязаны были платить кабардинцамъ дань. Поэтому, жители названныхъ обществъ до-сихъ-поръ считаютъ себя выше остальныхъ осетинъ.

Третья, важная причина непримиримой вражды между осетинами и кабардинцами заключалась въ различіи ихъ религій. Этому вопросу мы посвящаемъ слѣдующую главу.

Въ осетино-кабардинскую войну вмѣшивались часто и другія сосѣднія горскія племена, преимущественно балкарцы и чеченцы. Осетинское преданіе помнитъ много подробностей о хищническихъ набѣгахъ этихъ племенъ. Несмотря на это, нельзя ничего опредѣлительнаго сказать о свойствѣ отношеній осетинъ къ этимъ племенамъ, потому что исторія этихъ послѣднихъ совершенно еще не затронута.

XXXIV.

Исторія паденія христіанства въ Осетіи и осетинское язычество.

Мы выше говорили, что у осетинъ христіанство когда-то пустило довольно глубокіе корни. Язычники не стали-бы строить христіанскіе храмы и употреблять на эти дорогія постройки громадный капиталъ. Въ Осетіи-же любознательные путешественники, число которыхъ, къ сожалѣнію, пока еще слишкомъ незначительно, могутъ часто встрѣчать древнія церкви въ развалинахъ Въ этой странѣ также слышишь часто изъ устъ язычниковъ, какими остается значительная масса осетинъ еще и теперь, христіанскія поговорки, поздравленія и пропанія и множество легендъ о христіанскихъ святыхъ, между которыми особенно чествуется Георгій Побѣдоносецъ. Послѣднее обстоятельство—столь частое упоминаніе Святаго Георгія Побѣдоносца, заставляетъ насъ предполагать, что осетины когда-то получили первыя наставленія въ христіанствѣ изъ Сиріи, а потомъ изъ Византіи; въ первыхъ вѣкахъ, вѣроятно, — изъ Сиріи [1]), а позже, со времени

[1]) См. выше, гл. V., въ IV вып. „Сборника.“

Юстиніана, — изъ Византіи. Въ эту послѣднюю эпоху, осетины, какъ выше доказано, обитали болѣе къ западу отъ нынѣшней Осетіи. Поэтому, тамъ только и можно искать остатковъ византійскихъ церковныхъ построекъ, съ греческими надписями. Съ такими надписями есть, напр.. извѣстный камень на бульварѣ въ Пятигорскѣ. Въ этихъ церквахъ, лежавшихъ преимущественно въ странѣ между Эльборусомъ и Дигоріею (Юсъ-дзуаръ), служба совершалась на греческомъ языкѣ и по греческой литургіи. По свидѣтельству Кодина [2]), Осетія была подчинена Константинопольскому патріарху, и священники къ осетинамъ назначались имъ-же, вѣроятнѣе всего, изъ грековъ. Эти священники дѣйствовали въ Осетіи до начала X-го вѣка, когда они, во время свирѣпствовавшихъ въ этой странѣ феодальныхъ смутъ, были всюду изгнаны народомъ. На это есть совершенно-безспорное свидѣтельство аравійскаго писателя Масуди, который говоритъ, что въ 931 году осетины выгнали своихъ священниковъ и разрушили свои церкви.

Когда въ XI и XII вѣкѣ, во время великаго царства, феодальные смуты нѣсколько успокоились, и отчасти позже, когда при Давидѣ II и Тамарѣ мелкія осетинскія удѣльныя княжества были въ вассальной отъ Грузіи зависимости, тогда церкви въ Осетіи вновь были выстроены или возобновлены, но уже не въ греческомъ, а въ грузино-армянскомъ стилѣ. Церкви эти подчинялись грузинскимъ церковнымъ властямъ и священники назначались изъ грузинъ. Эти священники дѣйствовали въ Осетіи, неизвѣстно съ какимъ успѣхомъ, до сверженія при Осибагатарѣ грузинскаго ига [3]), когда, вѣроятно, значительная часть осетинскихъ церквей была расхищена и обращена въ языческія капища, сохранившія притомъ названія своихъ патроновъ, такъ-какъ въ исторіи имена

---

[2]) Codinus, de offic. S. Magnae Ecclesiae, p. 318, въ соч. Штриттера, IV, 396.

Inter „thronos," qui patriarchatui Constantinopolitano subjacent, ordine sexagesimus secundus f u i t Albania.

[3]) Въ подложной Нузальской надписи сказано, что три брата Осибагатара были монахами. Доказательство, что сочинитель мало зналъ осетинскую исторію, или-же не хотѣлъ ее знать. Впрочемъ, по свойственной юристу осторожности въ важныхъ дѣлахъ, я самъ долженъ предупредить читателя, что, въ случаѣ надобности, въ Осетіи и внѣ Осетіи можно-бы найти сотню свидѣтелей, готовыхъ присягнуть, что они видѣли эту надпись въ любой редакціи собственными глазами.

прочнѣе даже камня и желѣза. Но грузинскіе феодалы, какъ выше доказано, изъ Осетіи были изгоняемы мало-по-малу; этимъ и объясняется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Осетіи встрѣчаются развалины христіанскихъ церквей, въ которыхъ служба совершалась, по всей вѣроятности, до XVII и XVIII столѣтій. Къ такимъ мѣстамъ я долженъ отнести, между прочимъ, аулъ Дзивгисъ, Куртатинскаго ущелья, съ старинною церковью, въ которой я, въ одно изъ своихъ путешествій, нашелъ маленькій колоколъ, судя по грузинской на немъ надписи [4]), пожертвованный христіанской церкви, въ XVII столѣтіи, нѣкоимъ „Магометомъ.“ Тамъ-же есть еще другой колоколъ, съ надписью, пожертвованный однимъ грузинскимъ царемъ, и старинный котелъ для варенія пива. Близъ Дзивгиса есть высѣченный въ скалѣ древній монастырь. Вообще-же, втеченіи времени послѣ Осибагатара, христіанскія церкви сохранились въ Осетіи только при монастырихъ. Такіи монастыри находились въ Нузалѣ, тоже высѣченный въ скалѣ, и въ аулѣ Цей, близъ осетинской святыни Рекомъ.

Итакъ, осетины были христіанами въ первые вѣка и до 931 года,—при византійскихъ священникахъ; затѣмъ, послѣ этого времени, они снова возвратились въ христіанство, но уже при грузинскихъ священникахъ.

Надобно удивляться меткости, съ которою осетинское народное преданіе помнитъ объ этомъ историческомъ фактѣ. Это весьма важное, не только для Осетіи, но и для всеобщей исторіи [5]), преданіе гласитъ такъ [6]).

Въ Дигоріи, близъ перевала Дамахъ-авцæгъ, есть одна высокая скала, называемая Ахсадръ-зоаръ (дзуаръ?). Тамъ, по преданію, жилъ св. Георгій. Около этой скалы находилось соленое озеро, которое было охраняемо св. Георгіемъ. Въ 40 верстахъ отъ скалы Ахсадръ-зоаръ, въ Стуръ-Дигоріи, на горѣ Вайныхта, св. Георгій построилъ часовню, куда онъ ходилъ молиться Богу. Недалеко отъ Ахсадръ-зоаръ—другая отвѣсная скала, называемая

---

[4]) Разъясненіемъ мнѣ этихъ надписей я обязанъ покойному И. А. Бартоломею и г. Пурцеладзе.

[5]) Оно служитъ доказательствомъ, что на преданія можно въ нѣкоторомъ смыслѣ смотрѣть какъ на доказательства положительной исторіи.

[6]) Сообщеніемъ мнѣ этого преданія я обязанъ г. Счастливцеву, въ Аллагирѣ, въ 1869 г. Въ текстѣ я дополняю сообщенное мнѣ нѣкоторыми подробностями, изъ ст. „Осетины,“ въ 48 № Терскихъ Вѣдомостей 1870 г., гдѣ сказаніе это напечатано безъ объясненія.

Дигорезетъ; тамъ, по преданію, жилъ св. Николай. Когда св. Георгій уходилъ въ свою часовню молиться Богу, то всегда поручалъ св. Николаю стеречь озеро. Разъ онъ возвращается домой и не видитъ озера; онъ спрашиваетъ св. Николая: „гдѣ-же озеро, куда оно ушло?“—„Не знаю,—отвѣчалъ св. Николай,—ничего не видѣлъ, видѣлъ только, что пробѣжала какая-то бѣлая собака“.—„Эхъ,—возразилъ св. Георгій: эта собака и было озеро“. Въ гнѣвѣ, св. Георгій мечемъ своимъ ударилъ по скалѣ такъ сильно, что скала треснула, потомъ нырнулъ въ скалу копьемъ, вслѣдствіе чего образовалась пещера. Жители до-сихъ-поръ показываютъ эту трещину въ скалѣ и пещеру, съ которыми народное преданіе на вѣки связало церковную исторію Осетіи.

Это глубокомысленное сказаніе дастъ понять, въ какую изъ двухъ означенныхъ эпохъ христіанство у осетинъ привилось и въ какую нѣтъ.

По изгнаніи своихъ священниковъ, осетины возвращались опять къ своей старинной языческой религіи, которая всегда, даже въ лучшія времена христіанства, имѣла у нихъ многочисленныхъ послѣдователей, такъ, что это язычество, благодаря особенностямъ патріархальнаго быта, должно было сохраниться до настоящаго времени, почти въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ существовало, быть можетъ, уже 5000 лѣтъ тому-назадъ. Для объясненія этой языческой религіи, надобно прежде всего сказать, что, такъ какъ осетины первоначально принадлежали къ семитическому племени, то религія Зороастра не могла у нихъ имѣть успѣха, не смотря на то, что какъ парты, такъ и аланы были иранцы. У семитовъ каждый родъ представляетъ собою суверенное государство и имѣетъ свою особенную религію. Семитическіе Осы, конечно, не знали еще Моисеевыхъ законовъ, такъ-какъ они жили на Кавказѣ еще гораздо раньше XVI вѣка до Р. Х. Такимъ образомъ, у языческихъ осетинъ до-сихъ-поръ каждый родъ имѣетъ своего бога или святаго, который называется на коренномъ осетинскомъ языкѣ „дзуаръ.“ Это слово переводятъ обыкновенно „святой, покровитель,“ что не совсѣмъ точно; точный переводъ понятія дзуаръ — „родовой богъ“ [7]). Богъ вообще значитъ по-осетински Хцау (тоже что греческое Ζευς) [8]).

[7]) Penates et Lares.

[8]) Иные пишутъ „хуцау,“ но у почти совершенно неслышно. Христіанское „Богъ“ они тоже называютъ хцау, но понятія объ немъ не имѣютъ.

Подобному дзуару каждый родъ въ извѣстные дни года приноситъ свои жертвы. Жрецомъ дзуара (дзуарп-лагъ), прежде всегда былъ старшій въ родѣ; въ настоящее-же время, когда патріархальный бытъ уже разлагается, жрецами являются и другіе. Не знаю, какъ они избираются, но слышалъ, что они считаются въ обществѣ безгрѣшными. Въ день празднества дзуара, каждый дворъ отдѣльно, въ своихъ стѣнахъ, рѣжетъ откормленнаго барана, быка и т. п. Потомъ слѣдуетъ жертвоприношеніе. Не рѣшаюсь здѣсь высказать, какъ происходятъ эти жертвоприношенія, такъ какъ этотъ вопросъ, за скрытностью жителей, недостаточно мною разслѣдованъ. Скажу только, что жертвоприношенія эти мнѣ напоминали древне-еврейскія жертвоприношенія, отчасти и римскія авгурія. Есть у нихъ тоже нѣчто въ родѣ libatio пивомъ. Молящіеся приноситъ дзуару въ даръ драгоцѣнныя вещи, чтобы заслужить его покровительство. Къ мѣсту жертвоприношенія всѣ отправляются пѣшкомъ и большею частью босикомъ.

Когда приходятъ къ мѣсту дзуара, мужчины отдѣляются отъ женщинъ и говорятъ между собою сначала не иначе, какъ шопотомъ. Затѣмъ, приходятъ къ каждому дзуари-лагъ и отбираетъ дары и приношенія. Послѣднія состоятъ въ кусочкѣ ваты, съ одной ниточкой капители и съ мелкою серебряною монетою [9]). Эта вата и ниточки тоже напоминаютъ древне-еврейскіе обычаи. Отъ этого, вѣроятно, произошелъ такъ называемый цицъ, т. е. шнурокъ, который, по словамъ еврейскаго путешественника, г. Чернаго, каждый еврей, въ знакъ своей вѣры, носитъ подъ поясомъ. Отобранныя у молящихся вещи вносятся жрецомъ въ дзуаръ; онъ одинъ и имѣетъ право входить въ его капище. Остальные ни за что не вошли-бы туда, такъ какъ они всѣ вѣрятъ, что отъ этого послѣдовала-бы смерть или тяжкая болѣзнь. Когда жрецъ возвращается назадъ, начинается общественное веселье, танцы, игры, попойка и т. д. Это называется „куфд.“

Осетины очень не любятъ, если путешественники любопытствуютъ посмотрѣть внутренность подобныхъ капищъ. Обыкновенно, они говорятъ, что нѣтъ ключа; но все-же и успѣлъ проникнуть, напр. въ Хцау-дзуаръ, въ аулѣ Ладжѣ, въ Куртати. Въ Хцау-дзуарѣ я видѣлъ кубическій жертвенникъ, въ половину роста человѣка; на немъ было много стаканчиковъ, наполнен-

[9]) Это называется „нысайнагта,“ по свидѣтельству г. Шанаева.

ныхъ пивомъ, и различныя приношенія, въ томъ числѣ и кусочки ваты.

У тѣхъ осетинъ, которые еще придерживаются языческихъ обычаевъ, христіанскіе святые, какъ-то: св. Георгій, св. Илія и др. превратились въ дзуары, которымъ приносятъ жертвы по тому-же обряду. У осетинъ и много пѣсенъ, которыя поются при совершеніи языческихъ обрядовъ. Собранія этихъ пѣсенъ, и вообще разъясненія темныхъ вопросовъ осетинскаго язычества, мы можемъ ожидать только отъ любознательности образованныхъ туземцевъ.

Кромѣ собственно такъ-называемыхъ дзуаровъ, есть у осетинъ еще нѣсколько особенныхъ божествъ, напр. Авсати—покровитель скота, Донбеттеръ—важный богъ, значеніе котораго однако никто не могъ мнѣ объяснить, Саубарегъ — покровитель воровъ и разбойниковъ и т. д.

XXXV.

Принятіе осетинами магометанства и иноземныя нашествія.

Со времени завоеванія арабами Дербента и Дагестана, не менѣе и впослѣдствіи, при персахъ, — магометанство медленно, но вѣрнымъ шагомъ, распространялось по Кавказу, въ направленіи съ востока къ западу. Въ Дагестанѣ христіанство вполнѣ исчезло; за то оно сохранялось еще долго въ Осетіи и на „Черкесской горѣ, въ странѣ христіанъ,“ какъ говорится во многихъ аварскихъ и чеченскихъ народныхъ пѣсняхъ. Оба религіозныя теченія,—восточное, или магометанское, и западное, или христіанское,—встрѣтились въ среднемъ Кавказѣ. Весьма естественно, что при той низкой степени развитія, на которой стояли тогда кавказскіе горцы, магометанство должно было одержать верхъ надъ христіанствомъ. Но такъ-какъ во многихъ обществахъ западнаго и средняго Кавказа, между прочимъ и у осетинъ, съ давнихъ-поръ уже не было никакихъ церквей, и они были христіанами только по имени, въ существѣ-же—язычниками, то по-

бѣда въ среднемъ и западномъ Кавказѣ, одержанная магометанствомъ, собственно не можетъ считаться побѣдою магометанства надъ христіанствомъ, но—надъ язычествомъ.

Черкесское племя, во главѣ ихъ кабардинцы, приняли магометанство впродолженіи XV и XVI столѣтій. Въ половинѣ XVI столѣтія послѣдніе слѣды христіанства въ Кабардѣ были уничтожены окончательно крымскими татарами, которые, подъ предводительствомъ Давлетъ-Гирея, покорили тогда всю Кабарду. Съ-тѣхъ-поръ въ Кабардѣ всегда находился съ многочисленными войсками крымскій, а по покореніи Крыма турками,—турецкій паша. Мѣстопребываніемъ этихъ пашей были горныя ущелья Чегемское и Баксанское [1]). Кабардинцы платили дань. Чтобы остановить успѣхи крымскихъ татаръ, царь Иванъ Грозный, какъ извѣстно, заключилъ союзъ съ кабардинскимъ княземъ Темрюкомъ, но скоро послѣ Темрюка могло случиться, что турецкій паша о голову знатнаго кабардинскаго князя Кургоко Хатожукова выбивалъ табакъ изъ своей трубки. За эту обиду кабардинцы, правда, отблагодарили своимъ угнетателямъ своего рода Варѳоломеевскою ночью, но на успѣхъ магометанства это не могло уже имѣть никакого вліянія.

Магометанская пропаганда, конечно, проникла тогда и до Осетіи, и тѣ части ея, которыя находились въ зависимости отъ кабардинскихъ князей, дѣйствительно и приняли магометанство, вѣроятно уже въ XVI или впродолженіи XVII вѣка, такъ-какъ съ-тѣхъ-поръ осетины, даже христіане, часто стали давать своимъ дѣтямъ магометанскія имена. Прочіе осетины остались номинально христіанами, или вѣрнѣе, такъ-какъ они о христіанствѣ не имѣли никакого понятія,—язычниками. Послѣднему обстоятельству нужно приписать и то, что въ магометанскихъ аулахъ Осетіи, какъ многими уже замѣчено, общественная нравственность стоитъ, отчасти и до-сихъ-поръ, выше, чѣмъ въ такъ-называемыхъ христіанскихъ аулахъ. Къ тому-же, въ осетинскія ущелья, оставшіяся свободными отъ кабардинцевъ, магометанство проникло въ меньшей мѣрѣ только потому, что осетины, бывшіе съ кабардинцами въ смертельной враждѣ, не хотѣли имѣть съ ними

[1]) Происхожденіе турецко-татарскихъ племенъ, обитающихъ къ западу отъ осетинъ, до Эльбруса, еще не разслѣдовано. Страна эта, какъ видно изъ предъидущихъ главъ, принадлежала нѣкогда осетинамъ и называлась у кабардинцевъ Осетіею еще въ прошломъ столѣтіи. См. Ногмовъ, Sagen u. Lieder, стр. 130.

общей религіи и давать къ себѣ доступъ кабардинскимъ муллamъ.

Во время религіознаго кризиса въ Осетіи, послѣдовали, кромѣ нашествія крымскихъ татаръ, еще нѣсколько другихъ иноземныхъ нашествій, тоже, отчасти, стоявшихъ въ связи съ магометанствомъ. Изъ этихъ нашествій памятенъ особенно походъ въ Кавказскія горы Шаха-Абаса. Осетинское народное преданіе хорошо помнитъ объ этомъ замѣчательномъ событіи. *Сахъ* (такъ называютъ его осетины) былъ въ Валаджирѣ и въ Куртати. Валаджирцы разсказываютъ, что предки ихъ встрѣтили Саха въ Нузалѣ, гдѣ они защищались, сбрасывая съ высоты горъ камни на войска и обливая ихъ кипяткомъ. Куртатинцы-же показываютъ, что Сахъ обстрѣливалъ пушками древній, высѣченный въ скалѣ монастырь въ Дзивгисѣ и поджегъ церковь; потомъ, осетины отступили до крѣпости Хилака, въ глубинѣ Куртатинскаго ущелья, гдѣ они храбро защищались; но крѣпость, однакожъ, была взята вслѣдствіе измѣны одной женщины, которая дала персамъ знакъ, гдѣ и когда сдѣлать приступъ, снявъ свои красные штаны и вывѣсивъ ихъ у стѣны.

Осетины, кромѣ того, вспоминаютъ пребываніе у нихъ Саха еще слѣдующею легендою.

На одной высочайшей скалѣ, въ Куртатинскомъ ущельи, замѣтна длинная горизонтальная линія, которая издали похожа на дорогу, искуственно высѣченную въ скалѣ; охотники, побывавшіе на верху скалы, дѣйствительно подтверждаютъ, что тамъ виденъ еще слѣдъ (Сахнат), по которому будто-бы Сахъ проѣхалъ на своей арбѣ. Такое преданіе еще не разслѣдовано компетентными лицами.

XXXVI.

Пагубныя послѣдствія осетино-кабардинской войны.

Осетино-кабардинская война, вслѣдствіе продолжительности и ожесточенности своей, имѣла самое пагубное вліяніе на благосостояніе и нравственность, не только обѣихъ воюющихъ сторонъ, но и всѣхъ остальныхъ племенъ, обитавшихъ въ сред-

немъ и западномъ Кавказѣ. Со времени принятія кабардинцами магометанства, война эта получила религіозный характеръ, а извѣстно, что нѣтъ страшнѣе войны и нѣтъ сильнѣе ненависти, какъ та, которая беретъ свое начало отъ противоположности нравственныхъ принциповъ. Но на этомъ злополучная судьба осетинъ не остановилась.

Всякая война, ведущаяся изъ-за религіи, неминуемо влечетъ за собой и коренную перемѣну въ соціальномъ быту народовъ. Когда въ сѣверныхъ окраинахъ Осетіи, сначала отдѣльные абреки, потомъ цѣлыя семейства, аулы и наконецъ общества, стали принимать религію кабардинцевъ, тогда естественнымъ образомъ война была перенесена въ нѣдра семействъ и обществъ, такъ что превратилась въ кровавое междоусобіе, или въ настоящее bellum omnium contra omnes. Осетины до-тѣхъ-поръ поклонялись своимъ дзуарамъ; но вотъ, тотъ или другой членъ семейства сталъ доказывать, что эти дзуары — истуканы, и что надо поклониться пророку ненавистныхъ кабардинцевъ. Естественно, что подобный членъ общества былъ изгоняемъ и дѣлался абрекомъ. Число этихъ абрековъ увеличивалось, такъ, что отъ нихъ ни на одной дорогѣ не было проѣзда. Чтобы прекратить губительную распрю и обезпечить себя, [хоть на время, отъ слишкомъ частыхъ набѣговъ кабардинцевъ и возрастающаго числа абрековъ, многіе пограничные аулы Осетіи были вынуждены обстоятельствами принять новую вѣру.

Такимъ образомъ, магометанство обхватило мало-по-малу Дигорію, Тагаурію, Куртати и передніе аулы Валаджирскаго ущелья. Вмѣстѣ съ тѣмъ междоусобія надолго были внесены въ нѣдра Осетинскаго общества, и они находятся въ тѣсной связи съ разложеніемъ у нихъ патріархальныхъ порядковъ.

Какъ извѣстно, коренные осетины жили, и живутъ отчасти до-сихъ-поръ, мелкими обществами, члены которыхъ большею частью стоятъ между собою въ близкомъ родствѣ. Главою подобнаго общества считается всегда старшій по порядку родства. Эти общества считали себя суверенными и не подчинялись, даже въ дѣлѣ суда, ничьей власти. Они не знали частной собственности—все между членами одного и того-же рода было общимъ; каждый получалъ, по извѣстному порядку, отъ общества необходимыя средства къ жизни, и все что онъ зарабатывалъ принадлежало не ему, но цѣлому роду. Для поддержанія этого порядка, каждый членъ рода всю жизнь свою находился подъ непосред-

ственнымъ надзоромъ и неограниченною властью своего отца или замѣняющаго его старшаго брата. Для предупрежденія всякихъ столкновеній между членами одного и того-же рода, каждый долженъ былъ соблюдать извѣстныя правила покорности въ отношеніи старшаго и неизмѣнные древніе обычаи во всѣхъ тончайшихъ мелочахъ жизни. Это было настоящее рабство, но рабство не слишкомъ тягостное только потому, что господиномъ всегда былъ собственный отецъ или братъ.

Нужно знать эти обычаи, для убѣжденія въ томъ, что для многихъ исполненіе ихъ должно было, со-временемъ, сдѣлаться чрезвычайно-тягостнымъ. Но малѣйшее отступленіе отъ обычаевъ неминуемо влекло исключеніе изъ общества. Подобный исключенный всегда дѣлался и долженъ былъ дѣлаться абрекомъ. Число этихъ абрековъ по всей Осетіи, подъ конецъ ея исторіи, было такъ велико, что они населяли цѣлые аулы. Подобный аулъ былъ напр. аулъ Карца, въ Куртатинскомъ ущельи, уничтоженный въ 1830 г. генералъ-маіоромъ кн. Абхазовымъ.

Вся жизнь абрековъ проводилась въ разбоѣ и грабежахъ, причемъ, конечно, не щадили и своихъ. Патріархальныя общества защищались противъ нихъ, чѣмъ и какъ могли. Но этого еще недовольно: жившія въ сосѣдствѣ общества или отдѣльные ихъ члены часто ссорились между собою и, по кулачной расправѣ, ссоры эти кончались большею частью дракою или убійствомъ. Тогда каждый родичъ убитаго считалъ своею нравственною обязанностью и долгомъ чести, убить не столько самого убійцу, сколько, вообще, какого-нибудь члена его рода, такъ-какъ, по коренному закону патріархальнаго порядка, цѣлый родъ *одинъ только* отвѣчаетъ за всѣ дѣйствія принадлежащихъ къ нему лицъ. Это называется кровною местью, которую, по добровольному между враждующими сторонами условію, можно было предупредить только уплатою кровныхъ денегъ. Но плата эта, по обычаю, была опредѣлена такъ высоко (18×18 коровъ), что рѣдкое семейство было въ состояніи взнести ее. Впослѣдствіи, кровныя деньги налагались въ меньшемъ размѣрѣ выборными отъ обѣихъ сторонъ третейскими судьями, но цѣна крови не объявлялась враждующимъ сторонамъ до уплаты полной суммы. Поэтому, боясь совершеннаго обѣдненія, многія семейства рѣшались скорѣе дать кровной мести ходъ, чѣмъ согласиться на подобную неопредѣленную сдѣлку.

Такимъ образомъ, рѣдкій аулъ жилъ со своими сосѣдями въ

добромъ согласіи; большею частью аулы враждовали между собою, стараясь при этомъ истреблять взаимно другъ друга. Замѣчательный подобнаго рода случай мнѣ былъ переданъ въ Куртатинскомъ ущельи. Жители сосѣднихъ ауловъ Ладзъ и Цимити, еще сотни лѣтъ тому-назадъ, разсорились изъ-за чего-то и поэтому еще и въ началѣ настоящаго столѣтія считали другъ друга кровными врагами, такъ что всякій житель аула Ладзъ безнаказанно могъ убивать или грабить каждаго жителя аула Цимити, и на-оборотъ, если кто-либо изъ этого аула, хотя на нѣсколько шаговъ, удалялся въ сторону отъ одной тропинки, которая, по условію, была предоставлена жителямъ аула Цимити для безопаснаго проѣзда. Валаджирцы впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ жили въ смертельной враждѣ съ куртатинцами.

Когда раздоры начались въ средѣ семействъ и родовъ, тогда случалось, что семейства, преслѣдуемыя кровною местью, по цѣлымъ годамъ проводили въ своихъ башняхъ, не выходя изъ нихъ ни на шагъ.

По коренному осетинскому уголовному праву, ни одно преступленіе и злодѣяніе, совершенное надъ чужимъ, т. е. не принадлежащимъ къ тому-же роду, не считалось преступленіемъ, но, напротивъ, удальствомъ и геройствомъ. Воровства совершались совершенно открыто, не только между враждующими аулами, но и живущими между собою въ дружбѣ. Если обокраденный аулъ, защищая свое, убивалъ вора, то родъ, къ которому принадлежалъ убитый воръ, преслѣдовалъ убійцъ кровною местью,—слѣдовательно, воровство у осетинъ абсолютно не считалось преступленіемъ. Былъ даже богъ Саубарегъ, которому отправлявшійся на ночное воровство громогласно, въ своемъ аулѣ, приносилъ жертву.

Когда, такимъ образомъ, во многихъ осетинскихъ аулахъ патріархальность пришла въ полный упадокъ, тогда злодѣянія проникли даже въ нѣдра семействъ: дѣти, рѣшавшіеся сдѣлаться абреками, убивали своихъ отцовъ и старшихъ; братья ссорились изъ-за мелочей и убивали другъ друга. Былъ судебный случай еще въ началѣ настоящаго вѣка, что братъ убилъ брата, для того, чтобы надѣть его черкеску и щегольнуть въ ней на общественномъ гульбищѣ. Что въ приведенномъ очеркѣ общественной нравственности предковъ нынѣ живущихъ на Кавказѣ осетинъ нѣтъ преувеличеній, я ссылаюсь на оффиціальные документы и судебные случаи, извлеченные много изъ дѣлъ и напечатанные на

нѣмецкомъ языкѣ, въ моемъ сочиненіи, Beiträge zur vergleichenden Jurisprudenz, I, 1, Das Volksrecht der Ossethen, стр. 173—207.

Возрожденіе Осетіи, хотя трудное и медленное, post tanta discrimina rerum, начинается со времени подчиненія осетинъ Россіи. Но очеркъ новѣйшей исторіи этого древнѣйшаго изъ народовъ Европы не входитъ въ планъ настоящей статьи.

Д—ръ Пфафъ.

Тифлисъ.
1871 г.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

ОСЕТИНСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ СОБИРАТЕЛЯ.

Въ предисловіи къ сказаніямъ осетинъ, въ 3-мъ выпускѣ „Сборника," я обѣщалъ заняться вторымъ цикломъ осетинскихъ народныхъ сказаній—„сказаніями *нартовскими*." Нужно признаться, что хотя поле для собиранія „нартовскихъ сказаній" велико, слишкомъ даже велико, однако на этотъ разъ я не могъ явиться полноправнымъ его хозяиномъ,—я не успѣлъ собрать столько сказаній, сколько желалъ. Причина тому заключается въ краткости того времени, которое я могъ употребить на собираніе этихъ сказаній; къ тому-же это было въ лѣтнюю рабочую пору, когда сельскому люду не до сказокъ.

Предлагая настоящія сказанія, я долженъ оговориться, что при передачѣ ихъ на русскій языкъ я держался того-же правила, какъ при передачѣ собственно-осетинскихъ народныхъ сказаній: передавать сказанія какъ можно ближе къ подлиннику, снабжая ихъ комментаріями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это, по мнѣнію моему, было необходимо. При выборѣ этихъ сказаній, я отдавалъ, разумѣется, предпочтеніе пока тѣмъ изъ нихъ, которыя болѣе другихъ популярны и болѣе или менѣе представляютъ интересъ по отношенію къ фактамъ историческимъ и бытовымъ. При этомъ я, по возможности, старался представить о каждомъ изъ главныхъ героевъ эпопеи о Нартахъ хотя одно сказаніе, чтобы этимъ дать возможность судить о характерѣ и сущности „нартовскихъ сказаній" вообще.

Джантемиръ Шанаевъ.

19473

НАРТОВСКІЯ СКАЗАНІЯ.

Сосрыко.

„Пожалуйста, *на лаг*, какъ-бы ты насытилъ меня дичью“ [1]), сказала однажды Агунда-Краса, обращаясь къ Сосрыко.

Сосрыко на своемъ арабскомъ конѣ пустился по берегу моря. Наполнивъ торока самою разнообразною дичью, онъ уже возвращался домой, какъ въ это время съ противоположнаго берега моря закричали къ нему три ногайскіе богатыря.—„Эй, кто вы и что вы?“ кричалъ имъ въ отвѣтъ Сосрыко.—„Мы три богатыря ногайскіе!“ кричали они.—„Эй! что вамъ нужно, чего ищетѣ?“—„Мы пріѣхали къ Сосрыко на игры!“ отвѣчали они.—„Ну, такъ я самый и есть Сосрыко! Нынѣ у насъ пятница; къ слѣдующей пятницѣ ожидайте меня къ этому вотъ кургану!“ Сказавши это, онъ уѣхалъ домой. Пріѣхавши домой, онъ сказалъ Ахсару и Ахсартагу: „Нынѣ у насъ пятница; къ слѣдующей пятницѣ, раннимъ утромъ, будьте готовы для отъѣзда къ назначенному кургану“ [2]).

Когда наступилъ срокъ отъѣзда къ назначенному мѣсту, Ахсаръ и Ахсартагъ отправились.

---

[1]) *На лаг цара*—обращеніе, въ точности не переводимое. Но, однако, смыслъ этого обращенія таковъ: „пожалуйста, на лаг (нашъ мужъ).“ Въ ст. „Сказки Осетинъ,“ я подробно говорилъ объ этомъ словѣ.

[2]) Ахсаръ и Ахсартагъ—это не слуги Сосрыко, эго его *младшіе*, какъ говорятъ осетины, — воспитанники. Они, при надобности, услуживаютъ по правиламъ народнаго этикета, а не какъ слуги его. Они присматриваются къ манерамъ его, къ схваткамъ его богатырскимъ, къ его удалому наѣздничеству, къ обхожденію его въ обыденной жизни, чтобы, такимъ образомъ, и самимъ стать славными мужами. Когда окончатъ они это воспитаніе, тогда они будутъ разъѣзжать героями, подобно Сосрыко, будутъ имѣть также своихъ *младшихъ* (по-осетински—*кастарта*). Нельзя не замѣтить, что эти *младшіе* напоминаютъ собою средневѣковыхъ оруженосцевъ.

Агунда-же изукрасила потолокъ своей комнаты полуночными звѣздами [3]).

Между тѣмъ, мальчики, Ахсаръ и Ахсартагъ, достигли до назначеннаго мѣста. Ахсаръ крикнулъ къ богатырямъ ногайскимъ: „Эй! гдѣ вы?“ Они откликнулись; „Здѣсь мы!“ — „Эй! пусть станетъ кто-нибудь изъ васъ!“ Одинъ изъ нихъ сталъ и подставилъ грудь. Ахсартагъ пустилъ стрѣлу. . . . и не попалъ. —„Стань теперь ты!“ крикнули оттуда. Ахсартагъ сталъ и подставилъ грудь. Одинъ изъ богатырей пустилъ стрѣлу. Ударъ былъ такъ силенъ, что убитый Ахсартагъ, увлеченный ударомъ, проборождилъ своимъ тѣломъ землю.

—„Держись!“ сказалъ Ахсаръ и пустилъ стрѣлу. Стрѣла попала въ грудь одному изъ богатырей и далеко увлекла его. Ахсаръ пошелъ и снялъ съ него все его оружіе и взялъ также оружіе брата своего, которымъ воспользовались тѣ, убивши Ахсартага.—„Стой!“ крикнулъ одинъ богатырь и, пустивъ стрѣлу, далеко увлекъ ею пронзеннаго Ахсара, проборождившаго землю своимъ тѣломъ. Ногайскіе богатыри взяли все оружіе обоихъ мальчиковъ.

Уже разсвѣло совсѣмъ. Сирдонъ, проходя мимо дома Сосрыко, вскричалъ: „Какъ сладко почиваетъ еще Сосрыко въ объятіяхъ красавицы Агунды! А между тѣмъ солнце ужъ заходитъ! Ему и дѣла нѣтъ до того, что два мальчика убиты тамъ давно!“. . . .

Заслышавъ это, Сосрыко вскочилъ на ноги, въ тоже время толкнулъ Агунду локтемъ такъ сильно, что она осталась безъ чувствъ. Одѣвшись наскоро, онъ выбѣжалъ изъ дому, браня себя: „Ахъ, какъ не проклялъ меня Богъ за то, что я проспалъ!“ Пришедъ къ мѣсту, онъ нашелъ Ахсара и Ахсартага убитыми. „Да снизойдетъ на васъ проклятіе Божіе, если правду не скажете: чья очередь была, ваша или ихъ?“—„Да снизойдетъ въ самомъ дѣлѣ, если мы солжемъ: очередь осталась за ними.“—„Ну, такъ пусть станетъ кто нибудь изъ васъ.“ — „На! вотъ я стану,“ крикнулъ одинъ изъ нихъ. Сосрыко могучею рукою метнулъ стрѣлу и поразилъ ею ногайскаго богатыря, который отъ сильнаго удара Сосрыко, проборождивъ землю, увязъ въ ней по

---

[3]) Чтобы такимъ образомъ удержать Сосрыко. Въ другихъ варіантахъ говорится, что Сосрыко просыпался ночью и готовился въ путь, но Агунда успокаивала его, указывая на потолокъ со звѣздами и говоря: „Еще рано; смотри, теперь только полночь,“ а онъ со сна не совсѣмъ могъ различить, настоящее-ли это полуночное звѣздное небо или обманъ жены.

самый поясъ. Онъ такъ тамъ и остался. Сосрыко, подошедъ къ нему, снялъ съ него оружіе, какъ знакъ побѣды.—„Становись!“ крикнулъ ногайскій богатырь, который остался еще въ живыхъ, и пустилъ стрѣлу, вонзившуюся въ бедро Сосрыко. Онъ былъ сбитъ только съ мѣста.—„Держись теперь!“ крикнулъ Сосрыко и пустилъ стрѣлу, которою онъ пригвоздилъ богатыря къ землѣ. Сосрыко пошелъ и, вмѣстѣ съ оружіемъ богатырей, забралъ и оружіе Ахсара и Ахсартага.

Алагате.

Приготовились *Алагате* [4]): все, что Богъ создалъ изъ напитковъ и съѣстнаго, было у нихъ. Потомъ пригласили они Нартовъ; разсѣлись Нарты рядами. Во главѣ одного ряда старшимъ сидѣлъ Урызманъ, другаго—Хамицъ, третьяго—Сосрыко, четвертаго—сынъ Хиза [5]), Челахсартагъ, изъ фарсаговъ [6]), человѣкъ зажиточный. Затѣмъ начали Нарты пить, возносить тосты. Прислужникомъ былъ Сирдонъ. Начали пить они черезъ силу. Заспорили Сосрыко и сынъ Хиза. Сосрыко сказалъ: „А не слѣдовало-бы фарсагу быть старшимъ (главою) ряда!“—„Именемъ отца клянусь,—слѣдуетъ! во всемъ могу состязаться съ тобою,—въ чемъ-бы-то ни было: я мужъ лучше тебя!“ сказалъ сынъ Хизовъ: „и не хочешь-ли, протанцуемъ мы съ тобою про закладъ, Сосрыко!“ сказалъ сынъ Хизовъ.—„Протанцуемъ!“ сказалъ Сосрыко: „какой закладъ ты держишь?“—„Если ты лучше меня протанцуешь, Сосрыко,—я дамъ тебѣ въ жены красивую сестру свою Агунду. Если-же я протанцую лучше, тогда ты мнѣ отдашь свой *Цере-*

---

[4]) *Алагате*—одна изъ знаменитыхъ фамилій Нартовскихъ.

[5]) *Хиз*—значитъ сѣть, неводъ, бредень, а также собственное имя—„*Хизъ*.“

[6]) Населеніе Сѣв. Осетіи заключаетъ въ себѣ четыре сословія: 1-ое, представляющее собою, такъ сказать, привиллегированный классъ людей, это *уозданы*—благородные (тагаурскіе алдары, бадилаты и друг.), 2-ое сословіе—*фарсаги*, 3 е—*кавдасарды* и 4 ое—*кусаги*. Здѣсь Челахсартагъ, сынъ Хиза, принадлежитъ ко 2-му сословію, къ сословію свободныхъ людей.

ковъ панцыръ [7]), свой *Бидасовъ тлемъ* и Нартовскій мечъ,—вотъ нашъ закладъ!“ сказалъ сынъ Хизовъ. Вскочилъ Сосрыко и началъ танцовать. Сперва протанцовалъ хорошо на полу, потомъ началъ танцовать по краямъ обѣденныхъ столиковъ [8]): гдѣ прольетъ *цахдонъ* [9]), а гдѣ сброситъ со стола корку хлѣба. Такъ онъ протанцовалъ, и сѣлъ на свое мѣсто. Пришла теперь очередь и Хизову сыну танцовать. Онъ всталъ и протанцовалъ сперва на полу такъ хорошо, что Нарты засмотрѣлись на него. Потомъ полѣзъ на столы и началъ танцовать по краямъ ихъ. И крошка не шевельнулась на столахъ, по краямъ которыхъ онъ вертѣлся, подобно волчку. Потомъ, сколько было тамъ народу, — всѣ подставляли кончики своихъ кинжаловъ, и онъ вертѣлся на нихъ, подобно мельничному колесу. Нарты удивлялись, говоря: ,,вотъ чортъ!“ Такъ онъ протанцовалъ, и сѣлъ на мѣсто. Вынесли потомъ Алагате (т. е. члены фамиліи Алагате) *Нартамонге* [10]). Сирдонъ наполнилъ его разными напитками, змѣями, ящерицами, лягушками, чѣмъ попало. Алагате сказали: ,,Кто поставитъ *амонге* на голову и, танцуя, ничего не прольетъ, тотъ хорошій танцоръ; кто-же прольетъ, тотъ не хорошо танцуетъ.“ Сперва поставилъ его Сосрыко на голову, протанцовалъ, попроливалъ изъ него. Сѣлъ Сосрыко на свое мѣсто. Пришла очередь Хизову сыну. Подошелъ онъ и, взваливъ себѣ на голову большой четырехушковый *амонге*, началъ танцовать,—и, о Боже, творецъ міра, какъ онъ протанцовалъ! Много дивились Нарты. Танцуя, онъ то вых-

---

[7]) *Цереджи згаръ, Бидасы така* — знач. панцырь Церека шлемъ Бидаса. Церекъ и Бидасъ — это были какіе-то герои Нартовскіе. Панцырь Церековъ и Бидасовъ шлемъ обладали тѣмъ замѣчательнымъ достоинствомъ, что ихъ не могли пробить никакой мечъ, никакая пуля или стрѣла Панцырьже въ добавокъ былъ боелюбивъ.

[8]) Небольшіе круглые столики на короткихъ ножкахъ, или длинныя скамьевидныя лавки,—это обѣденные столы осетинъ.

[9]) Соленый растворъ, обыкновенный, или растворъ, приготовленный изъ разныхъ пряностей, подаваемый обыкновенно къ столу у осетинъ вмѣсто употребляемой на европейскихъ столахъ горчицы.

[10]) Это нартовская заздравная чаша; хранится она у фамиліи Алагате, у которой обыкновенно бываютъ всѣ общественныя народныя собранія, пиры, угощенія и проч.

Слово ,,*Нарт-амонге*“ состоитъ изъ двухъ словъ: ,,*Нартъ*“ — нарты, нартовъ,— ,,*амонге*“ происходитъ отъ глагола ,,*амонын*“: показывать, научить, выучить. Это слово (Нарт-амонге) употребляется также безъ перваго слова, для сокращенія выраженія, какъ одно слово — *амонге*, что ясно видно въ слѣдующихъ строкахъ.

ватитъ ящерицу и ударитъ ею о грудь Сосрыко, то—змѣю и тоже самое. Когда окончилъ танцовать, сѣлъ на мѣсто и сказалъ: „Если вы будете говорить по внушенію страха, то пропадите всѣ отъ страха передъ Сосрыко, когда не скажете правды, не тая: кто изъ насъ протанцовалъ лучше?“—„Да будетъ такъ,“ сказали Нарты: „и Сосрыко протанцовалъ хорошо, но ты протанцовалъ лучше,—закладъ твой.“ Закладъ достался сыну Хиза, Челахсартагу. Сказалъ ему Сосрыко: „Вынесу тебѣ всѣ свои панцыри и свалю ихъ передъ тобою: если ты узнаешь Церековъ панцырь, то возьми его.“—„Я держалъ закладъ съ тобой, теперь онъ достался мнѣ, а потому неси его,“ сказалъ сынъ Хиза. Отправился Сосрыко, вынесъ панцыри свои въ поле и, сваливъ ихъ тамъ, сказалъ ему: „Узнай и возьми свой выигрышъ.“ Да гдѣ-же узнать-ему: панцыри всѣ одинаковы. Отозвалъ его Сирдонъ и сказалъ ему: „Сію минуту надуетъ онъ тебя: не дастъ тебѣ твой выигришъ; поэтому, сядь на коня, и когда возьмешь въ руку копье, пріударь коня, повертись около панцырей и крикни: „настала борьба, Церековъ панцырь!“ и онъ самъ выскочитъ къ тебѣ изъ-подъ панцырей, такъ какъ онъ боелюбивъ, а ты унеси его, иначе Сосрыко добровольно тебѣ ничего не дастъ.“ Отправился онъ, сѣлъ на коня своего; повертѣвшись около панцырей, крикнулъ: „настала борьба, Церековъ панцырь!“ Панцырь припрыгнулъ къ нему на копье, и сынъ Хиза увезъ его въ *Хизы фидарма* [11]). Сосрыко погнался за нимъ; но гдѣ-же ему догнать его? Онъ началъ сзывать къ походу, говоря: „Сынъ Хиза, фарсагъ, увезъ у меня панцырь, а потому—въ походъ къ *Хизы фидарма!* Но какъ-же быть, если въ отрядахъ моихъ не будутъ сынъ Дченза, Малый Сауа, Ахсаръ и Ахсартагъ Ахсартаговы?“ Искалъ онъ также Батраза, да не было Батраза дома. Привелъ онъ Сауа, Ахсара и Ахсартага и сказалъ имъ: „Ну, кто изъ васъ гдѣ засядетъ?“ Сказалъ Сауа: „Взойду я на *Хизы фидаръ* и засяду тамъ; вы увидите тогда, что у меня за мужество будетъ: я заставлю бѣжать оттуда сына Хиза.“ Ахсаръ и Ахсартагъ сказали: „А мы идемъ къ водѣ, засядемъ на дорогѣ и если кто набредетъ на насъ, мы тоже покажемъ себя.“

---

[11]) *Твердыня, крѣпость Хизова, укрѣпленіе Хизово.* Тутъ надобно понимать, что владѣніе Хизова сына представляло собою укрѣпленіе, крѣпость природную или искусственную. Благодаря это крѣпости, отряды Сосрыко не имѣли возможности напасть прямо на Хизова сына въ его родовомъ владѣніи.

Сосрыко-же сказалъ: „Самъ я засяду у источника, откуда берутъ воду: если кто покажется туда, вы ужъ поручите его мнѣ!“ Каждый изъ нихъ, затѣмъ, занялъ свое мѣсто. Сосрыко растянулся посреди грязи, откинулъ отъ себя подальше мечъ; словомъ, притворился мертвымъ, чтобы *Хизыфыртъ* былъ увѣренъ въ его смерти. Сауа-Малый скатывалъ горы и цѣлыми частями уничтожалъ аулъ Хизова сына, и очень стѣснилъ его. Вышла сестра Хизова сына, красивая Агунда, и сказала: „Ахъ, братъ мой, какъ ты смотришь спокойно на того, кто разоряетъ твое владѣніе, твой аулъ; вынеси свои три освященныя Богомъ стрѣлы; вѣдь тебѣ надо что-нибудь предпринять противъ тѣхъ, которые уничтожаютъ твое владѣніе.“ Вошелъ онъ въ домъ и взмолился: „О Боже боговъ! Ты создалъ эти стрѣлы; вонзи ихъ въ шею тому, кто разоряетъ мое владѣніе!“ и съ этимъ пустилъ стрѣлу. Съ громомъ прошла стрѣла, попала въ гору и оторвала отъ нея глыбу, скатившуюся внизъ. Сынъ-же Дченза спасся, съ нимъ ничего не случилось. Пустилъ Хизовъ сынъ другую стрѣлу, говоря: „Дай Богъ, чтобы она, о Боже, попала въ голову тому, кто не оставляетъ меня!“ Стрѣла полетѣла вверхъ, потомъ упала назадъ, внизъ и попала въ гору, миновавши сына Дченза. Потомъ вынесъ онъ третью стрѣлу и взмолился: „О Боже, несправедливо меня притѣсняютъ, и кто не оставляетъ меня, тому вонзи эту оставшуюся стрѣлу въ самое утолщеніе шеи!“ и пустилъ стрѣлу. Полетѣла вверхъ стрѣла, съ громомъ упала потомъ внизъ и попала сыну Дченза прямо въ шею. Голова въ одну, туловище въ другую сторону,—такъ катился Дчензовъ сынъ. Внизу закричали ему отряды: „Насколько хороша была жизнь твоя, не сдѣлай настолько трупъ свой достойнымъ съѣденія собакъ!“ Когда закричали это отряды, голова и туловище остановились на крутизнѣ. И такъ онъ былъ убитъ тамъ.

У Хизова сына между тѣмъ и скотина и семейство умирали отъ жажды. Тогда стала скорбѣть надъ Хизовымъ сыномъ [12]) сестра, говоря: „Въ водѣ вонъ трупъ мужчины, а ты моришь скотъ безъ воды!“ Онъ сказалъ ей: „Такъ возьмите вотъ вертелъ, раскалите его и ввертите въ тотъ трупъ посреди колѣна; на концѣ вертела принесите мнѣ мозгу колѣннаго и я узнаю: живой-ли онъ или мертвый!“

Отправились и поступили такъ. „Это не мертвый, — это

---

[12]) Собственно надъ его малодушіемъ.

мозгъ живаго человѣка,“ сказалъ сынъ Хизовъ. Сестра начала бранить и укорять его: „Иди, не истребляй и насъ, и скотъ свой жаждой; лучше пусть разойдется молва о поголовной гибели всего твоего рода, нежели бояться тебѣ трупа мужчины. Какъ-же быть живымъ этому трупу: вѣдь цѣлый желѣзный вертелъ повертѣли ему въ колѣно,—развѣ живой отъ этого не повернется?“ Онъ сѣлъ на коня и, выгнавъ свои табуны кобылицъ къ водѣ, началъ поить ихъ. Сосрыко, вскочивъ и схвативъ свой мечъ, погнался за Хизовымъ сыномъ. Какъ только Хизовъ сынъ хотѣлъ вскочить въ ворота, ударъ меча попалъ ему въ темя и снесъ его (такъ да будетъ врагу твоему!). Онъ вскричалъ: „Да достанутся тебѣ грѣхи мои, сестра, ты хотѣла, чтобы убили меня; и вотъ—убили!“ Послѣ этого онъ отправился на небо къ *Курд-алагону* [13]); пришелъ къ нему и говоритъ: „Скуй мнѣ темя изъ мѣди красной.“ — „Скую, но какъ-же будутъ концы гвоздей?“ говоритъ Курд-алагонъ.“—„Имъ я найду самъ средство [14]), а ты скуй только темя.“ Курд-алагонъ началъ ковать темя. Велѣлъ принести 12 мѣшковъ угля, направилъ къ Хизову сыну мѣхи и велѣлъ ихъ раздувать. Хизовъ-же сынъ кричалъ: „Раздувайте сильнѣе!“ Когда Курд-алагонъ вбилъ гвозди, Хизовъ сынъ чихалъ „ahi!“ и концы гвоздей загибались сами. Такимъ образомъ Курд-алагонъ сковалъ ему изъ красной мѣди темя, и Хизовъ сынъ жилъ, какъ олень, не боясь Сосрыко.

Смерть Сосрыко.

Однажды Сосрыко, со своими родственниками, отправился на охоту въ дремучій лѣсъ. Тамъ они охотились; надѣлали себѣ шалашей изъ козьихъ шкуръ. Однажды Сосрыко отправился одинъ на охоту. Нашелъ онъ большаго бѣлаго оленя, которому, по сложенію и виду, не было подобія. Онъ подкрался къ нему, и что-же?—олень превратился въ длинно-златокосую женщину.—„Я красавица Агунда! черезъ тебя-же не вышла замужъ, такъ какъ-же хочешь убить меня?“ сказала Агунда.

---

[13]) Миѳическій кузнецъ, пребывающій, какъ гласитъ сказаніе, на небѣ.
[14]) Т. е. чтобы загнуть ихъ.

— „Чего Агундѣ искать въ дремучемъ лѣсу? Она ни ручки своей, ни ножки никому не показываетъ [15]),—поглядѣть на нее всѣ жаждутъ! чего ей здѣсь искать въ дремучемъ лѣсу? Ты какая-нибудь безпутная *сайтанъ* [16]); тебя никакъ нельзя отпустить живою!“

— „Увѣряю тебя именемъ Бога, который сотворилъ тебя, что я Агунда!“

— „Я тебѣ ни за что не повѣрю!“ сказалъ Сосрыко.

— „Было-бы хорошо, если-бы ты повѣрилъ, что я Агунда! Я сама пришла къ тебѣ,—ты обезчестилъ меня! Теперь-же я заставлю испытать кое-что твоихъ милыхъ сотоварищей,“ сказала она и, взмахнувъ золотыми крылышками, исчезла. Сосрыко кричалъ ей: „Я предполагалъ, что ты не Агунда: воротись теперь!“

— „На такой зовъ я уже не вернусь, а вышлю *Балсагово-Колесо* [17]) къ товарищамъ твоимъ, и ты тогда узнаешь, Агунда-ли я, или нѣтъ!“ Такъ Агунда уже не вернулась,—исчезла.

Сосрыко, повѣсивъ ружье на плечо, возвращался къ товарищамъ въ шалашъ. При входѣ въ шалашъ онъ повстрѣчался съ Балсаговымъ-Колесомъ.—„Теперь не уйдешь, *сугкагъ* [18]), чего тебѣ нужно въ шалашѣ моемъ?“ И сказавши это, Сосрыко началъ гнаться за нимъ. Балсагово-Колесо побѣжало отъ него. Подъ ольховымъ деревомъ Сосрыко сталъ догонять его. Онъ бросалъ въ него ольховыя деревья, которыя, ударяясь объ него, разсыпались золой. Такимъ образомъ Сосрыко не могъ поймать его. Оттуда онъ погналъ его далѣе. На опушкѣ лѣса, подъ березой, Сосрыко сталъ опять догонять его. Онъ вырвалъ одну березу и бросилъ ее въ Балсагово-Колесо. Дерево, обвившись кругомъ, остановило его. „Теперь я знаю, что сдѣлать съ тобою, *сугкагъ*!“ — „Что я сдѣлалъ товарищамъ твоимъ, тоже самое сдѣлаю тому, кто подослалъ меня, если ты меня отпустишь, напередъ обязавъ себя клятвою—именемъ Бога,“ сказало Балсагово-Колесо. Онъ съ тѣмъ и отпустилъ его. Возвратившись домой, Колесо велѣло хозяину разжечь его на огнѣ. Когда хозяинъ разжигалъ его, оно, помня клятву, данную Сосрыко, снесло ему

[15]) Обыкновенное народное выраженіе о затворничествѣ.

[16]) Нечистая сила, чертовка.

[17]) Это какое-то странное существо, даже словесное, превращающееся въ колесо. Оно, по повелѣнію хозяина, наскакиваетъ на людей и лишаетъ ихъ рукъ и ногъ.

[18]) *Сугкагъ*—оселъ, способный только для таскания дровъ.

пальцы руки. Между тѣмъ Сосрыко, отпуская Балсагово-Колесо, назначилъ ему курганъ, куда они оба, въ назначенное время, должны были придти. Когда Сосрыко приблизился къ назначенному кургану, Балсагово-Колесо, внезапно и быстро наѣхавшее на него, лишило его ногъ. Онъ и остался тамъ. Откуда ни возьмись, и Сирдонъ явился туда. „Вотъ тебѣ конь, осѣдланный и въ уздѣ, объяви Нартамъ о моемъ дѣлѣ,“ сказалъ Сосрыко Сирдону. Тотъ-же, сѣвши на коня, разъѣзжалъ вокругъ Сосрыко и дразнилъ его. Набрелъ волкъ на Сосрыко. Сосрыко сказалъ ему: „Насыть себя вотъ этимъ мясомъ, которое я уношу съ собою въ могилу!“—„Я не стану ѣсть мяса Сосрыко,“ сказалъ волкъ. —„Такъ, когда будешь бросаться на стадо, да будетъ съ тобою моя храбрость, а когда будешь убѣгать отъ стада, да будетъ съ тобой твое-же сердечное свойство!“ Потомъ пролетала сова. „Сова, поклюй мясо мое, оно уже даже провоняло!“—„Не стану клевать!“ сказала сова.—„Да пріобрѣтешь свойство взора моего!“ Вотъ теперь и говорятъ, что сова поэтому имѣетъ свойство взора Сосрыко. Пролеталъ потомъ воронъ. „Эй, воронъ! вотъ мясо, которое я уношу въ могилу, оно уже провоняло, насыться имъ вдоволь!“ кричалъ ему Сосрыко. — „Не стану клевать,“ сказалъ воронъ: „я не забуду добраго твоего расположенія: я много клевалъ внутренностей дичи, которую ты билъ. Этого я никогда не забуду,“ сказалъ воронъ. Сосрыко сказалъ ему: „Пусть-же тебѣ не старѣть никогда, а смерть все-таки имѣй!“ Теперь и говоритъ, что воронъ не старѣетъ, а смерти подверженъ. Въ это время, должно быть, Богъ пожалѣлъ Сосрыко: пролетала ласточка. „Эй, ласточка, сотворенная Богомъ для блага! полети и скажи Нартамъ о моемъ дѣлѣ.“ — „Да, пусть это мнѣ будетъ порученіемъ [19]), Сосрыко!“ Полетѣвши къ Нартамъ, она прочирикала имъ о дѣлѣ Сосрыко; потомъ возвратилась и сказала ему: „Я дала знать Нартамъ о твоемъ дѣлѣ.“ — „Такъ будь-же любимицею людей!“ сказалъ Сосрыко. Поэтому люди уважаютъ и любятъ ласточекъ. Нарты сидѣли въ ныхасѣ [20]) въ то время, когда прилетѣла ласточка и когда она стала чирикать надъ Нартами. Сирдонъ, привставши, сказалъ: „Послушайте, Нарты, ласточка принесла намъ какую-то новость!“ Всѣ притихли. Тогда Сирдонъ сказалъ: „Она говоритъ, что Сосрыко убилъ столько дичи, что нѣтъ возможно-

[19]) Эта фраза означаетъ согласіе: хорошо!

[20]) Говорильня.

сти принести ее, а потому посылайте арбы въ лѣсъ.“ Нарты отправили арбы и, вмѣсто дичи, привезли Сосрыко. „Ну, Нарты, теперь дайте мнѣ возможность убить Сирдона собственными моими руками, и я отправлюсь на свое мѣсто!“ сказалъ Сосрыко. Приволокли къ нему Сирдона, котораго онъ и убилъ собственными руками. Потомъ Нарты похоронили Сосрыко съ великимъ прискорбіемъ, Сирдона-же положили у ногъ его [21]).

Какъ Сосрыко поссорился съ Алымбекомъ.

Сосрыко велѣлъ кликнуть *фидіогъ* [22]): „готовьтесь къ пятницѣ въ походъ; выслать съ каждаго двора по мужу; кто не выставитъ, тотъ поплатится дѣвицей-невольницей!“ Всѣ приготовились и собрались на игриной площади, куда Сосрыко и велѣлъ собраться. Затѣмъ Сосрыко самъ явился къ нимъ, смотритъ и никого нѣтъ изъ Алымбековыхъ: самъ Алымбекъ умеръ; осталась жена съ сиротами, такъ что изъ мужчинъ у нихъ никого не было. У жены Алымбека родился сынъ; она спеленала его и положила въ колыбель. Когда кликнули фидіогъ: „кто не выставитъ, тотъ поплатится дѣвицей,“—мать начала плакать, приговаривая: „некому у насъ выѣхать, а потому какъ-бы не взяли у насъ единственной дочки.“ Тогда мальчикъ сказалъ ей изъ колыбели: „Что съ тобою, *ана* [23]), что ты плачешь?“ Мать отвѣчаетъ: „Да съѣстъ ана болѣзни твои! Будутъ Нарты, я некому у насъ съ ними выѣхать, а потому съ насъ возьмутъ единственную твою сестру“... Говоритъ ей мальчикъ изъ колыбели: „Я поѣду, я!“...—„О, если-бы ты могъ выѣхать, развѣ была-бы я такъ несчастна!“ Тогда мальчикъ раздвинулъ колыбель въ разныя стороны и, выпрыгнувъ изъ нея, сказалъ: „Такъ я-же не отдамъ своей сестры!“ И наименовали его сыномъ Алымбека, маленькимъ *Тотрадзомъ*; такъ наименовалъ его Сирдонъ.

---

[21]) Въ другомъ варіантѣ сказано: Сирдона поставили у ногъ его вмѣсто *цирта* (надгробнаго памятника).

[22]) У осетинъ всѣ общественныя рѣшенія обнародываются во всеуслышаніе чрезъ крикуна, называемаго *фидіогъ*, поэтому и самое обнародованіе наз. *фидіогъ*.

[23]) „*Ана*“—слово звательное, означаетъ: „мама,“ „мамаша.“

Потомъ онъ подошелъ къ матери и сказалъ: „Вѣдь, наконецъ, отецъ мой былъ мужчина,—неужели онъ ничего не оставилъ: ни старой лошаденки, ни ружьеца?“ — „Вотъ, да съѣмъ болѣзни твои,“ говоритъ ему мать,—„отвори двери въ подземелье: тамъ арабскій конь отца твоего; его ужъ и не видать подъ грязью.“ Мальчикъ отворилъ дверь въ подземелье. Мать кричитъ ему: „Лошадь поровиста, но не бойся, солнце мое!“—„Если не боялся отецъ мой, то и мнѣ нечего бояться!“ отвѣчаетъ Тотрадзъ. Онъ вывелъ лошадь, повелъ ее къ водѣ и, сдѣлавъ ее красивою, какъ снѣгъ, привязалъ ее къ оградѣ. Самъ воротился и сказалъ: „Ана, сѣдло, оружіе мнѣ!“ Ана вынесла ему сѣдло и оружіе. Онъ осѣдлалъ лошадь, надѣлъ оружіе [24]) и сѣлъ на лошадь! Мать говоритъ ему: „Ты немного только выше сѣдельной луки, а потому берегись этой лошади: она взращена чертями!“—„Хотя я малъ, но не бойся,—я сынъ моего отца!“ сказалъ Тотрадзъ. Потомъ онъ спросилъ: „Ана, не было-ли у отца моего копья?“ —„Какъ не было, солнце мое!“ сказала мать: „но если-бы ты могъ владѣть имъ, развѣ была-бы я несчастна?“ — „Ну, такъ вынеси мнѣ копье.“ Мать вынесла.

Отправляясь, Тотрадзъ кликнулъ своей матери: „Посмотри на меня,—если я красуюсь, какъ наѣздникъ, то ѣду къ Нартамъ, если-же нѣтъ,—не ѣду.“ Мать посмотрѣла и сказала: „Отправляйся, солнце мое! ты красуешься подобно солнцу, прикрѣпленному къ горамъ. Да даруетъ тебѣ Богъ прямой путь“ [25]). Тотрадзъ отправился. Когда онъ ударилъ свою лошадь, она подскакивала на высоту зданія. „Клянусь памятью отца, что, до пріобрѣтенія лучшей, она годится мнѣ для гоньбы по грязи,“ говорилъ онъ, постегивая лошадь. Скоро онъ былъ среди Нартовъ. Нарты удивлялись: „Что это за наѣздникъ? кто онъ такой?“ говорили они. Они еще не знали, что это сынъ Алымбека, маленькій Тотрадзъ. Онъ подъѣхалъ къ Сосрыко и говоритъ: „Добраго утра, Сосрыко! ты должно быть тотъ Сосрыко, который штрафуетъ дѣвицей.“—„Дѣйствительно, я,“ отвѣтилъ Сосрыко. — „Ну, такъ я, сынъ Алымбека, маленькій Тотрадзъ, не таковскій, чтобы выдалъ свою сестру,“ сказалъ Тотрадзъ. Сосрыко началъ ставить попарно Нартовъ. Мальчикъ остался безъ пары. „Ты непремѣнно долженъ быть моей парой,“ сказалъ онъ Сос-

---

[24]) У осетинъ говорится: „связалъ оружіе на себѣ.“

[25]) Обыкновенное выраженіе у осетинъ пожеланія счастливаго пути.

рыко.—„У тебя молоко еще на губахъ не обсохло, и мнѣ не пристало быть тебѣ парой.“ — Нѣтъ, ты непремѣнно долженъ быть мнѣ парой!“ сказалъ Тотрадзъ.—„Ну, такъ да будетъ мученіе твоею долею! ты непремѣнно хочешь быть моей парой, такъ будь же!“ сказалъ Сосрыко. Потомъ начались игры. Тотрадзъ всадилъ копье въ панцырный воротъ Сосрыко, поднялъ его и до вечера не опускалъ на землю. Сосрыко взмолился: „Я чувствую, что ты убьешь меня: опусти меня на землю и тогда что хочешь, то и дѣлай со мной.“—„Опустить тебя нельзя: развѣ я пущу такъ того, кто хотѣлъ взять у меня единственную сестру?“ Когда вечерѣло, Сосрыко сказалъ ему: „Тебя и меня создалъ Богъ, поэтому, ради Бога, опусти меня на землю!“ Тотрадзъ опустилъ его. „Назначимъ срокъ“, сказалъ Сосрыко: „сегодня пятница, такъ въ слѣдующую пятницу выѣдемъ на это мѣсто.“—„Нѣтъ, нѣтъ! нѣтъ ужъ сроковъ: если что дѣлать, такъ покончить сегодня-же.“ Сосрыко настаивалъ назначить срокъ, и они назначили слѣдующую пятницу. Сосрыко отправляется къ Са́танѣ [26]). „Что съ тобою, мой нерожденный сынъ [27])? Что ты такъ сильно блѣденъ?“ — „Что со мною? Сегодня отъ Алымбековыхъ выѣхалъ мальчикъ и, заспоривъ со мной, цѣлый день держалъ меня на копьѣ!“.. Са́тана сказала: „Не горюй и не сердись на это, если тебѣ данъ срокъ. Конь его взращенъ чертями, и я найду тебѣ средство.“—„Срокъ-то данъ до пятницы,“ сказалъ Сосрыко. — „Ну, такъ не горюй: придумаемъ что-нибудь.“ Въ пятницу Са́тана призвала къ себѣ Сосрыко, увѣшала хвостъ коня его бубенчиками и сказала ему: „Отправляйся къ назначенному мѣсту и засядь впереди. Когда Тотрадзъ пріѣдетъ и будетъ звать тебя, ты не откликайся; когда онъ тебя опередитъ, ты тронь своего коня, и тогда увидишь, что будетъ съ нимъ: онъ ужъ не удержитъ коня своего“ (говорятъ, тутъ Са́тана только въ первый разъ взяла грѣхъ на себя). Сосрыко пріѣхалъ первымъ къ назначенному мѣсту и засѣлъ впереди; пріѣхалъ и Тотрадзъ, постегивая лошадь. „Эй, Сосрыко!“ крикнулъ онъ: „если ты не сдержалъ слова, да будетъ клятва божья на твоей сторонѣ“ [28]). Сосрыко молчалъ. Когда-же мальчикъ опередилъ его, онъ выскочилъ. Конь Тотрадза былъ взращенъ чертями и понесся такъ,

---

[26]) Сестра и жена снѣжнобородаго Урызмага.

[27]) Т. е. не рожденный мною.

[28]) Т. е. да обрушится на тебя клятва божья!

что нельзя было остановить его. Сосрыко началъ сзади наносить Тотрадзу удары и стрѣлять въ него. Мальчикъ, стараясь остановить лошадь, порвалъ даже уздечку. Когда-же увидѣлъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать, тогда всунулъ руку въ ротъ лошади и разодралъ его до ушей; когда и это не помогло, онъ схватилъ коня за уши и съ гривой снялъ ихъ. Между тѣмъ Сосрыко все стрѣлялъ въ него сзади и изрубилъ его до смерти. Конь прибѣжалъ домой и заржалъ. Мать Тотрадза воскликнула: „Гибельный конь опять заржалъ!“ Она тотчасъ-же почуяла несчастье. „Выйдите къ сыну,“ сказала она: „если онъ пораненъ сзади, то не показывайте мнѣ даже смерти его; если-же спереди, то несите сюда.“ Вышли и, когда увидѣли, что ротъ у коня разорванъ, уши и грива сняты, сказали матери: „Пораненъ спереди,“ принесли его и похоронили.

Какъ Урызмагъ женился на сестрѣ.

Урызмагъ снѣжнобородый былъ славный мужъ: между тѣми, которыхъ Богъ сотворилъ подъ Собою [29]), не было такого мужа. Большимъ грѣхомъ считалось, если кто говорилъ, что можно найти мужа славнѣе Урызмага. Родная сестра его Са́тана была также славная дѣвушка.

Однажды, Са́тана говоритъ Урызмагу:

„Между Нартовскими дѣвушками ты не найдешь жены, достойной тебя. Теперь-же тебѣ извѣстно, какова я. Женись на мнѣ; говорю тебѣ,—не упускай меня!“

— „Да не проститъ тебѣ Богъ этого! да такого дѣла еще не бывало между Нартами! Это дѣло позорное; мнѣ нельзя будетъ показаться въ средѣ Нартовъ; надо мной будутъ смѣяться“...

---

[29]) Въ выраженіи: *между тѣми, которыхъ Богъ сотворилъ подъ Собою*—разумѣются всѣ люди. Осетины, подобно всѣмъ народамъ, мѣстопребываніе Божіе предполагаютъ на небѣ. Поэтому, понятіе о божественномъ, святомъ и неприкосновенномъ перенесено осетинами и на небо, мѣстопребываніе Божіе. Часто, въ божбахъ и клятвахъ, *голубое небо* называютъ они *голубымъ Богомъ*: „Во имя вонъ того голубаго Бога, я тебѣ говорю правду!“ такъ часто клянется осетинъ.

— „Что-бы тамъ ни дѣлали, что-бы ни говорили, ты непремѣнно долженъ жениться на мнѣ. Противъ-же смѣха я найду средство. Вели привести большаго сѣраго осла Бораты; пусть взнуздаютъ его твоей серебряной уздечкой и осѣдлаютъ серебрянымъ сѣдломъ. Садись-ко на́ него спиной впередъ и, взявши хвостъ его въ руки, три дня сряду катайся по разу по большой улицѣ Нартовъ, гдѣ у нихъ находится *ныхасъ* [30]). Во время перваго проѣзда твоего, всѣ Нарты будутъ помирать со смѣху, будутъ громко называть тебя сумасшедшимъ; на второй день, тѣ только изъ Нартовъ надъ тобой будутъ смѣяться, которые не видали тебя въ первый день; а на третій день никто и не посмотритъ на тебя. Точно такъ и это дѣло.“

Урызмагъ тотчасъ-же велѣлъ привести большаго сѣраго осла Бораты и, осѣдлавъ его своимъ серебрянымъ сѣдломъ, сѣлъ на него спиной напередъ. Какъ только онъ явился къ Нартамъ, они повскакивали съ мѣстъ, смотрѣли на Урызмага и называли его, смѣясь, сумасшедшимъ. Когда онъ поѣхалъ по большой улицѣ Нартовъ на второй день, на него смотрѣли только тѣ Нарты, которые не видали его въ первый день.

— „Ну, что тебѣ сдѣлали или сказали Нарты?“ спросила на другой день вечеромъ Са́тана.

— „Въ первый день всѣ Нарты повысыпали отъ малаго и до великаго на большую улицу, гдѣ я проѣзжалъ, много смѣялись, называли меня даже сумасшедшимъ; на второй день на меня смотрѣли только тѣ, которые не видали меня въ первый день.“

— „Прокатайся-ко на ослѣ еще завтра,—ты увидишь, что на тебя никто ужъ и не посмотритъ.“

На третій день Урызмагъ еще разъ проѣхалъ по той-же улицѣ, но на него никто и не посмотрѣлъ. Испытавъ справедливость словъ Са́таны, Урызмагъ женился на ней.

Съ-тѣхъ-поръ эти два славныя существа стали счастливо жить вмѣстѣ.

---

[30]) Говорильня, мѣсто уличныхъ встрѣчъ и бесѣдъ.

О томъ, какъ Сатана поддалась обману.

Урызмагъ отправлялся въ годовой *балцъ* [31]) и сказалъ Са́танѣ: ,,Отправляюсь я въ годовой балцъ, и вотъ ключи отъ твоего *галуана* [32]): храни свои сокровища.“ Затѣмъ онъ подалъ ей кошель [33]) и сказалъ: ,,Вотъ здѣсь мое шило: когда настанетъ день моего возвращенія, ты возьми его и понзи въ ладонь. Если выступитъ оттуда кровь, то, значитъ, умеръ Урызмагъ, и тогда куда хочешь, туда и дѣвайся; если-же выступитъ молоко, то я еще, значитъ, живъ, и пообожди меня.“ Затѣмъ Творецъ благословилъ его въ путь. Сталъ онъ странствовать по полямъ, гдѣ— одинъ Богъ вѣдаетъ! Са́тана осталась одна. Выѣхалъ *Уастырджи* [34]) на своемъ арабскомъ конѣ, говоря: ,,Отъ роду Са́тану еще никто не успѣлъ обольстить: затѣмъ я и Уастырджи, чтобы обольстить ее.“ На ночлегъ онъ пріѣхалъ къ кунацкой Са́таны и слѣзъ съ лошади. Говоритъ ему Са́тана: ,,Мужъ, нѣтъ у насъ мужчины, есть у насъ одинъ старикъ да и онъ въ отлучкѣ, а потому, если ты нашъ гость, иди къ намъ во-внутрь (въ хадзаръ [35]).“ Посадила Са́тана его на Урызмаговомъ сидѣньи изъ слоновой кости, потомъ пошла, привела *кусартаг* [36]) и сказала: ,,Гость, зарѣжь себѣ кусартъ изъ тѣхъ овецъ, которыхъ далъ намъ Богъ, солнце мое! Старикъ нашъ въ отлучкѣ, и нѣтъ у насъ даже мальчика, а изготовить-то и сама изготовлю.“ Уастырджи зарѣзалъ кусартъ,

---

[31]) *Отлучка*, *странствованіе* (подробное объясненіе этого слова см. 3 кн. ,,Сборника,“ въ ст. ,,Народныя сказанія осетинъ“).

[32]) Осетины, живя патріархальною, родовою жизнью, полною взаимной вражды, постоянныхъ нападеній и мести, приспособляли обыкновенно свои дома и усадьбы такъ, что они представляли собою хорошія укрѣпленія, служившія безопаснымъ убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ. Для этого они строили свои дома на высотахъ и обносили ихъ довольно высокой каменной оградой, подъ прикрытіемъ круглой высокой башни, отъ возможнаго непріязненнаго нападенія. Такого рода усадьбы называются *галуаны*.

[33]) Почти у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, не исключая и осетинъ, заведено имѣть при себѣ кошель съ шиломъ, дратвой, кремнемъ, пулями и пр.

[34]) Одно изъ древне-языческихъ божествъ осетинъ.

[35]) Кунацкая обыкновенно строится въ дальнемъ разстояніи отъ внутреннихъ покоевъ; вотъ почему тутъ выраженіе: ,,иди къ намъ во-внутрь.“

[36]) У кабардинцевъ, чеченцевъ и осетинъ правило гостепріимства требуетъ, чтобы при пріѣздѣ почетнаго гостя зарѣзанъ былъ баранъ, хотя-бы мясо и было у хозяина Баранъ, который служитъ для закалыванія, называется *кусартаг*.

а Са́тана приготовила ему столъ, дала ему ужинъ и напоила его. Принесла она потомъ постель ему въ кунацкую. Уастырджи сказалъ ей: „Что-же скрывать отъ тебя: я пріѣхалъ къ тебѣ, и если спать, такъ спать намъ вмѣстѣ!“ Са́тана, накинувшись на него, сказала: „Что́, я для потѣхи служу тебѣ? вѣдь я стара!“ и выгнала его въ этакую темную ночь. Уастырджи, браня себя: „Что я сдѣлалъ?! Зачѣмъ мнѣ нужно было подобное дѣло?! Зачѣмъ я ошибся?!“..., отправился домой, полный гнѣва.

Былъ небесный кузнецъ *Са́фа*, который слышалъ, что Уастырджи не удалось обольстить Са́тану. „Снизойду и я къ ней: посмотримъ, не поддастся-ли она мнѣ,“ сказалъ Са́фа. Принесъ онъ въ кузницу кусокъ желѣза и сковалъ изъ него два ножичка. Эти два ножичка, когда нужно было, превращаясь въ красиваго мальчика и дѣвочку, прислуживали. Когда-же не нужно было, онъ складывалъ ножички и клалъ ихъ въ карманъ. Положивши два ножичка въ карманъ, онъ сказалъ: „Сойду и я къ Са́танѣ“, и отправился. Пріѣхалъ онъ къ ночлегу къ кунацкой Са́таны и слѣзъ съ лошади. Крикнулъ онъ къ Са́танѣ: „Добраго вечера тебѣ, славная Са́тана!“—„Да сотворитъ тебѣ Богъ добро,—здравствуй, гость!“ отвѣтила она. „Иди къ намъ во-внутрь; нѣтъ у насъ мужчины, кто-бы могъ присмотрѣть за тобой; есть у насъ одинъ старикъ, да и тотъ въ годичной отлучкѣ; нынѣшнею ночью исполнится ей годъ. Я-же стара,—иди къ намъ во-внутрь.“ Она повела его во-внутрь; достала кошель, вынула оттуда шило и вонзила его въ ладонь: выступило молоко. Са́тана обрадовалась, говоря: „Нашъ старый мужъ [37]) живъ!“ Пошла она къ своему гостю и сказала: „Да не насмѣется надо мною сердце твое, гость, что я оставила тебя одного: старикъ нашъ находится въ годовой отлучкѣ; нынѣшняя ночь—ночь, какъ исполнится годъ его отлучкѣ, потому я безпокоилась о немъ; теперь-же я узнала, что онъ живъ и здоровъ. Если не сегодня, то завтра, онъ долженъ быть дома.“ Са́тана привела *кусартагъ* и сказала: „Гость, солнце мое, зарѣжь себѣ *кусартъ*, вотъ изъ тѣхъ овецъ, которыхъ Богъ далъ, ибо это домъ Урызмага и Са́таны.“ Разумѣется,— что-же было дѣлать, какъ не зарѣзать кусартъ; гость бросилъ на-земь два

---

[37]) „*Нашъ старый мужъ*“ вмѣсто—„мой старый мужъ.“ Какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ, обычай не позволяетъ у осетинъ говорить опредѣленно о своемъ супругѣ или о своей супругѣ. Поэтому, вмѣсто единственнаго числа, употребляютъ множественное, неопредѣленно.

ножичка, и они превратились въ красивыхъ мальчика и дѣвочку, которые убрали зарѣзаннаго барана. Сатана-же смотрѣла на нихъ и удивлялась: „Вѣдь они были ножички, а теперь превратились въ мальчика и дѣвочку!“ Мальчикъ и дѣвочка изготовили и накормили Сафа. Сатана-же смотрѣла на нихъ и удивлялась. Когда Сафа кончилъ кушать, мальчикъ и дѣвочка отнесли ему постель въ кунацкую и постлали ее тамъ. Потомъ Сатана сказала: „Ложись, гость.“ Какъ только Сатана произнесла „ложись,“ мальчикъ и дѣвочка превратились въ ножички, и Сафа спряталъ ихъ въ карманъ. Сатана поглядѣла на нихъ и позавидовала: „Ахъ, если-бы они были моими!“ Когда Сафа собирался лечь, Сатана сказала: „Продай, гость, свои ножички.“ — „Избави Боже! зачѣмъ я продамъ ихъ тебѣ, когда и денно и нощно они со мною.“ Но когда Сатана стала приставать къ нему, Сафа сказалъ: „Такъ развѣ, по неимѣнію женщины, я продамъ ихъ, а то они непродажные.“ Сатана отвѣтила ему: „Такъ! дулъ вѣтеръ, и зола ему [38])! Съ малыхъ лѣтъ никогда не поддавалась обману, и теперь, ради этихъ двухъ ножичковъ, никто не сдѣлаетъ мнѣ упрека... Урызмагъ... да что-же онъ?“... и пошли они въ спальню. Сатана получила два ножичка. День и ночь уже отходили, когда Урызмагъ, пригнавъ къ галуану свою добычу, внезапно закричалъ: „Старуха, гдѣ ты? Я воротился къ тебѣ!“ Сатана и Сафа были внутри галуана. Сатана стала отчаяваться: „Зачѣмъ я поддалась обману? Что мнѣ дѣлать теперь?!.. выйти къ нему, да что будетъ съ нимъ (т. е. съ Сафа)... вѣдь они убьютъ другъ друга, если я отворю двери!“ Сатана не показывалась, а Урызмагъ, подойдя къ стѣнѣ, сталъ прислушиваться и смекнулъ, что внутри есть мужчина. Сталъ думать Урызмагъ (и какъ не сотворилъ его Богъ для блага!): „Что мнѣ дѣлать? Обоихъ-бы васъ искрошилъ, да дверь“... Потомъ Урызмагъ сказалъ: „О Боже! Теперь, подъ старость, какъ мнѣ входить въ грѣхъ ихъ? Бѣжалъ-бы, да скажутъ, что бѣжалъ отъ своей жены... Лучше все-таки не входить мнѣ въ грѣхъ ихъ,“ и до наступленія дня онъ уѣхалъ назадъ.

Сафа тоже, оставивши свои два ножичка, улизнулъ. Сатана стала отчаяваться: „Съ какимъ лицомъ покажусь я въ средѣ Нартовъ, если они услышатъ?!“ И, нарядившись въ лучшіе наря-

---

[38]) Народная поговорка; означаетъ, что надо подчиняться необходимости.

ды, задумала она погубить себя, за то, что поддалась обману. Взяла и заперла свои сокровища и отправилась вслѣдъ за Урызмагомъ полями, говоря: „Пусть пропаду и я.“ Шла Са́тана и денно и ночно, нигдѣ не останавливаясь, шла вслѣдъ за Урызмагомъ, ни во что не ставя свою гибель. Наконецъ,—какъ долго она шла, кто можетъ знать кромѣ одного Бога,—соскучившись ходьбою, когда разсвѣтало, присѣла она на одномъ курганѣ. Должно быть, Творецъ не хотѣлъ ихъ разъединять. Когда взошло солнце, Са́тана посмотрѣла въ подзорную трубу на поля, надѣясь увидѣть хоть какого-нибудь всадника. Смотритъ и нигдѣ ничего не видитъ. Она опечалилась. Когда сдѣлалось жарко, она всадила въ землю зонтикъ и сѣла подъ нимъ. Было уже подвечеръ, она опять посмотрѣла въ подзорную трубу и увидѣла много скота, а за нимъ—всадника. Сперва скотъ былъ у берега моря; потомъ, когда стало прохладнѣе къ вечеру, онъ сталъ уходить оттуда, пощипывая траву. Оживилось сердце у Са́таны: „Что-бы тамъ со мной ни было, а къ тому всаднику я непремѣнно должна пдтп! къ ночлегу по-крайней-мѣрѣ приду туда.“ Отправилась она, — пошла по полямъ. Настала ночь, она все-таки шла къ тому всаднику. Къ ужину она пришла къ нему. Всадникъ, увидѣвши ее, спросилъ: „Кто ты такая?“ Са́тана узнала его сейчасъ-же по голосу. Подошла она къ нему, а онъ встрѣтилъ ее словомъ „здравствуй.“—„Вѣдь это женщина!“ удивился Урызмагъ и спрыгнулъ съ коня. Са́тана между тѣмъ ничего не говоритъ. Потомъ Урызмагъ сказалъ: „Яраби! [39]) назвать тебя женщиной?!.. платье на тебѣ женское..... все-таки иди въ шалашъ мой,“ и повелъ ее въ шалашъ, посадилъ тамъ. Говоритъ опять Урызмагъ: „Яраби! называть тебя женщиной? но какъ ночью придетъ сюда женщина!—мужчиной? но на тебѣ женское платье.“ Между тѣмъ Са́тана ничего не говоритъ. Урызмагъ развелъ огонь и привелъ *кусартагъ*. Когда дѣло дошло до того, чтобы зарѣзать кусартъ, Са́тана бросила на-земь два ножичка; они превратились въ мальчика и дѣвочку, которые взяли изъ рукъ Урызмага кусартъ. Онъ изумился и долго удивлялся: „Гостья моя! я состарѣлся, много также ѣзживалъ, но такого дива нигдѣ не видывалъ!“ Мальчикъ и дѣвочка подали имъ ужинъ. Окончивъ кушать, Са́тана вытерла свои ножички и спрятала ихъ въ карманъ. Урызмагъ сказалъ тогда: „Яраби, если-бы ты про-

[39]) Въ смыслѣ: о Боже!

дала мнѣ ихъ!“ — „Да какъ-же продать ихъ, когда они только и кормятъ меня, когда я денно и ночно только ими и живу? Поэтому они и непродажные.“ — „Надъ твоимъ товаромъ твоя воля,“ сказалъ Урызмагъ. — „Развѣ, по неимѣнію женщины, я продамъ ихъ, а то они непродажные,“ прибавила Са́тана. Урызмагъ сказалъ про себя: „Я думалъ, что она женщина, а оказывается, что мужчина,“ и онъ никакъ не могъ забыть о двухъ ножичкахъ. — „Хотя я и старъ..... все-таки возьму ихъ!“ и нагнулся... Са́тана, приподнявъ ногу, ударила его колѣномъ три раза въ задъ. Тогда только онъ узналъ Са́тану. Она сказала ему: „И я чрезъ эти ножички поддалась обману, а то развѣ я когда-нибудь безславила твою голову?!“. Тамъ они порадовались много. „Ну, теперь отправимся домой,“ сказали они и, погнавъ добычу, которую Урызмагъ добылъ за цѣлый годъ, возвратились домой.

Нарты говорили: „Урызмагъ отправился въ странствіе, но куда пропала Са́тана? Должно быть, пропали оба.“ Тогда сказалъ Спрдонъ: „Они-то не пропадутъ, а вотъ когда возвратятся, они наполнятъ желудки многихъ бѣдняковъ.“ Когда они уже пріѣхали, Нарты стали бѣгать другъ къ другу *харзаг-куракаг* [40]), извѣщая: „Урызмагъ и Са́тана пріѣхали откуда-то!“ и шли къ нимъ съ привѣтствіями и пировали у нихъ.

Между тѣмъ, Урызмагъ велѣлъ крпчать крикуну: „Отъ бѣднаго и до богатаго соберитесь всѣ на игорной площади“. Собрались. Са́тана и Урызмагъ также пришли туда. Когда собрались всѣ Нарты, Са́тана пустила два ножичка; они, превратившись въ краснваго мальчика и красивую дѣвочку, тутъ-же, около стада, присматривали за этимъ стадомъ. Нарты-же смотрятъ и много дивятся. Урызмагъ, потомъ, подзываетъ ихъ обоихъ и говоритъ имъ: „Выведите изъ этого стада лучшаго быка и привяжите его отдѣльно.“ Они поймали одного бѣлаго быка и привязали его отдѣльно. „Остальные,“ сказалъ имъ опять Урызмагъ, — „подѣлите на число домовъ Нартовскихъ и разставьте ихъ отдѣльными долями.“ Они подѣлили стадо. Когда они подѣлили стадо, Урызмагъ выдѣлилъ бѣдняковъ и далъ имъ бо́льшія доли. Остальныя доли роздалъ другимъ Нартамъ. Всѣ, начиная отъ

---

[40]) У осетинъ существуетъ обычай одаривать чѣмъ-нибудь принесшаго пріятную вѣсть. Этотъ обычай одариванія и предметъ подарка называютъ: *харзаг-куракаг*.

бѣдняковъ и до богатыхъ, поблагодарили Са́тану и Урызмага. Вывели потомъ быка и зарѣзали его: „Будемъ пировать за здоровье Урызмага!“ сказала Са́тана, и стала готовить впродолженіи цѣлой недѣли все, что могла, изъ напитковъ и съѣстнаго. Послала она, затѣмъ, за крикуномъ и велѣла ему кричать сборъ. Сталъ крикунъ выкрикивать: „Нарты! способные ходить—идите къ Урызмагу, неспособныхъ-же ходить—несите съ собою: Урызмагъ приглашаетъ васъ къ себѣ!“ Собрались всѣ въ домъ Урызмага и пировали цѣлую недѣлю. Было тамъ все изъ напитковъ и съѣстнаго, что только создалъ Богъ; да и какъ иначе и пировать въ домѣ Урызмага и Са́таны! Попировавъ такъ цѣлую недѣлю, они поблагодарили Урызмага и Са́тану и разошлись. Са́тана и Урызмагъ по-прежнему зажили добромъ.

Безъимянный сынъ Урызмага.

Урызмагъ, сильно опечаленный, вошелъ въ *хадзаръ* [41]) къ Са́танѣ и, опускаясь на сѣдалище, съ досады крѣпко толкнулъ его задомъ. „Что съ тобой? Что нашло на тебя? Что ты сегодня такой печальный и въ большой досадѣ?“ спросила его Са́тана. Ничего не отвѣтилъ онъ. Тогда Са́тана сказала: „Должно быть, приключилось съ тобою что-нибудь опять недоброе, что сѣдалище ломаешь задомъ.“ — „Какъ-же мнѣ не печалиться и не досадовать? я удивляюсь, что я живу еще: Нарты валяются, умирая съ голоду; по нимъ собаки ползаютъ; они уже не въ состояніи совершать наѣзды, а мы не вспомнимъ объ нихъ никогда!!“ —„Да вѣдь ты мнѣ никогда ничего и не напоминалъ? Призови ихъ къ намъ, мы отопремъ наши семь кладовыхъ, гдѣ есть все, что создалъ Богъ изъ напитковъ и ѣды. Иди, вели звать ихъ, мы угостимъ ихъ, какъ слѣдуетъ.“ Урызмагъ вышелъ и велѣлъ кричать крикуну: „Эй, Нарты! Урызмагъ приглашаетъ васъ къ себѣ, идите отъ малаго и до великаго. Кто въ состояніи идти,—пусть идетъ, кто не въ состояніи,—пусть несутъ его!“ Нарты пришли въ домъ Урызмага и Са́таны. Онъ усадилъ ихъ. Начали имъ подавать напитки и ѣду разнаго рода. Начали они пить за здоровье

[41]) *Хадзаръ* — отдѣленіе, гдѣ обыкновенно готовятъ у осетинъ на все семейство; тутъ-же большую часть дня проводятъ члены семейства; всѣ собранія и взаимныя угощенія у осетинъ происходятъ, преимущественно, въ *хадзарѣ*.

сперва всѣхъ живыхъ Нартовъ, потомъ умершихъ, затѣмъ коней, легшихъ съ Нартами въ бою, потомъ даже за здоровье *Уацилла* [42]). Когда они пили за здоровье всѣхъ Нартовъ, живыхъ и мертвыхъ, не вспомнили только объ одномъ умершемъ безъ имени сынѣ Урызмага. Когда такимъ образомъ пили Нарты, несчастный мальчикъ подошелъ къ *Барастыру* [43]) и поклонился ему: „Да даруетъ мнѣ Богъ милость твою! пусти меня наверхъ“ [44]).—„Что ты говоришь, мальчикъ? Какъ-же пустить тебя: за тобою всѣ мертвые уйдутъ.“—„Я найду средство, что мертвые не уйдутъ за мною,“ сказалъ мальчикъ.—„Ну, такъ можешь идти,“ сказалъ Барастыръ и пустилъ мальчика. Мальчикъ пошелъ и велѣлъ подковать коня подковами назадъ, потомъ взмолился: „О Боже всѣхъ божествъ! пусть поснѣжитъ столько, сколько нужно, чтобы покрыть только копыта коня.“ И вотъ, выпало снѣгу столько, сколько просилъ мальчикъ. Онъ сѣлъ на своего коня и отправился. Покойники, увидѣвши его отъѣзжающимъ, всполошились и начали проситься наверхъ. „Да что вы, что вы?! Онъ не отправляется наверхъ. Подите, посмотрите, куда направлены стопы коня,—если сюда, то онъ не уѣзжаетъ,“ сказалъ Барастыръ. Покойники пошли, посмотрѣли. Потомъ, пришли и доложили, что стопы направлены назадъ. „Ну, такъ по мѣстамъ!“ крикнулъ Барастыръ, и они попадали въ свои могилы. Между тѣмъ мальчикъ пріѣхалъ къ Урызмагу и, ставъ около кунацкой, началъ звать его. Урызмагъ-же послалъ звать мальчика на пиръ, въ хадзаръ: „Поди, приведи его сюда, вотъ пусть выпьетъ и покушаетъ, что Богъ послалъ, а послѣ, если и ему нуженъ, онъ можетъ меня видѣть и говорить со мною.“ Посланный воротился къ Урызмагу и сказалъ, что гость не идетъ въ хадзаръ, а желаетъ, чтобы Урызмагъ вышелъ къ нему туда. Между тѣмъ Сатана, посмотрѣвъ въ окно на гостя, сказала: „Мужъ нашъ, это, кажется, не простой всадникъ, и не безъ цѣли онъ вызываетъ тебя.“ Наконецъ, гость опять началъ звать его: „Эй, Урызмагъ, выйди къ гостю! ахъ, какъ гость непочитаемъ у тебя, Урызмагъ!!.“ А Урызмагъ не выходилъ. „Ты не

---

[42]) Одно изъ древне-языческихъ божествъ осетинъ.

[43]) По вѣрованію осетинъ, мертвые имѣютъ своего начальника и надзирателя, который принимаетъ къ себѣ въ преисподнюю всякаго умершаго и можетъ разрѣшать покойникамъ срочный отпускъ на бѣлый свѣтъ. Этотъ начальникъ и надзиратель покойниковъ называется—*Барастыръ*.

[44]) Т. е. на поверхность земли.

желаешь къ нему явиться?“ спросила Са́тана Урызмага.—„Да, я-бы желалъ не выходить къ нему“... сказалъ Урызмагъ.—„Такъ я избавлю тебя отъ него,“ сказала Са́тана. Она испекла три ватрушки и отнесла ихъ къ ближайшему холму. Тамъ она взмолилась: „Боже, Творецъ свѣта! если Ты создалъ насъ для чего-нибудь, то пошли глубокій, глубочайшій снѣгъ, такъ, чтобы онъ позаносилъ дома!!“... И вотъ, повалилъ снѣгъ. Утромъ, Урызмагъ, проснувшись, увидѣлъ, что снѣгомъ занесло дома. Онъ посмотрѣлъ въ окошко и увидѣлъ: гость спалъ, храпя, на зеленомъ лугу, подложивши подъ голову сѣдло; вокругъ него зеленѣлъ лугъ, величиною въ семь гуменъ; все остальное пространство было покрыто снѣгомъ. Много дивился Урызмагъ; потомъ, покачавъ головой, сказалъ: „Это не простой всадникъ: нечего дѣлать, надо выйти къ нему.“ Онъ проложилъ лопатой къ нему дорогу. „Здравствуй, гость!“ сказалъ Урызмагъ.—„Живи счастливо, Урызмагъ! Да зачѣмъ и здравствовать гостю, когда онъ у тебя такъ непочитаемъ!“ сказалъ гость. — „Не гнѣвайся, гость: я былъ нездоровъ, потому и не выходилъ къ тебѣ,“ сказалъ Урызмагъ. Говоритъ гость: „Яраби, Урызмагъ! изъ Нартовъ кто чрезъ тебя не воспользовался чѣмъ-нибудь, тотъ даже не мужчина. Слава твоя разнеслась далеко. Вотъ и я, бѣдный человѣкъ, пріѣхалъ, чтобы чрезъ тебя чѣмъ-нибудь воспользоваться.“—„Куда ѣхать—я ужъ и не знаю; всѣ извѣстныя страны провѣданы уже мною; болѣе я не знаю куда ѣхать,“ сказалъ Урызмагъ, выражая нежеланіе странствовать съ гостемъ.—„Да не будетъ стыдно, Урызмагъ! Ты старше меня: не мнѣ-бы указывать тебѣ, но хорошо было-бы, если-бы мы поѣхали къ туркамъ. Тамъ, кажется, мы найдемъ что нибудь,“ сказалъ мальчикъ. Говоритъ Урызмагъ: „Найти-то найдемъ, но тамъ у нихъ такіе сторожа, отъ которыхъ не легко поживиться чѣмъ-нибудь.“—„Ничего, Урызмагъ, поѣдемъ туда, мы найдемъ средство противъ сторожей,“ сказазалъ мальчикъ. Нельзя было уже Урызмагу отнѣкиваться, а потому онъ сказалъ: „Ну, такъ поѣдемъ!“ Онъ осѣдлалъ своего коня и они выѣхали. Впереди, какъ старшій, ѣхалъ Урызмагъ. Конь его, по самыя уши въ снѣгу, съ трудомъ подвигался впередъ. „Хоть ты старше, но пусти меня впередъ и мы поѣдемъ скорѣе,“ сказалъ мальчикъ, опережая его. Изо рта коня выбрасывалось пламя, кругомъ ихъ разступался и таялъ снѣгъ, такъ-что они ѣхали по черной дорогѣ. Урызмагъ дивился такому чуду. Ѣхали они такимъ образомъ долго; наконецъ

пріѣхали къ большому морю. Мальчикъ слѣзъ съ коня, намазалъ его густымъ клеемъ и хорошенько повалялъ въ пескѣ. Наконецъ, пріѣхали они къ стадамъ турокъ. Когда они приблизились къ скоту, выскочилъ къ нимъ волкъ съ желѣзною пастью. Мальчикъ кинулся на волка и убилъ его. „Вотъ одинъ сторожъ убитъ!“ сказалъ онъ Урызмагу и, сошедши съ коня, срѣзалъ ухо у волка и положилъ его въ свой карманъ. Поѣхали они съ Урызмагомъ далѣе. Наѣхали они на табуны. Выскочилъ къ нимъ огромный бѣлый жеребецъ съ желѣзнымъ ртомъ, яростно заржалъ и кинулся на нихъ. Мальчикъ соскочилъ съ своего коня и пустилъ его къ жеребцу. Начали они драться, кусать другъ друга: жеребецъ хваталъ песокъ съ тѣла, а конь мальчика рвалъ большими клочьями тѣло жеребца. Такъ они долго дрались. Наконецъ, бѣлый жеребецъ съ желѣзнымъ ртомъ палъ, растерзанный. „А вотъ тебѣ другой!“ вскричалъ мальчикъ и, срѣзавши ухо у жеребца, положилъ его въ карманъ. Поѣхали они далѣе и наѣхали на стадо овецъ. Надъ ними съ крикомъ сталъ летать большой воронъ съ желѣзнымъ клювомъ. Выстрѣлилъ въ него мальчикъ и голова ворона упала невдалекѣ отъ него. Онъ поднялъ ее и положилъ въ карманъ. Такимъ образомъ мальчикъ перебилъ стражу. Угналъ онъ съ Урызмагомъ стада овецъ, табуны лошадей и стада скота. „Намъ, Урызмагъ, непристойно угонять такимъ образомъ все это, не предупредивши о томъ этихъ собакъ, турокъ. Нарты могутъ сказать, что мы, безъ вѣдома турокъ, изподтишка угнали стада ихъ.... Надо крикнуть „*фадисъ*“ [45]).—„Лучше было-бы, мальчикъ, если-бы ты оставилъ это,“ сказалъ Урызмагъ.—„Нельзя, Урызмагъ: надъ нами будутъ смѣяться Нарты. Ты гони стада, а я поѣду и закричу фадисъ!“ Мальчикъ прискакалъ къ туркамъ и началъ кричать: „Фадисъ, турки! Угнали ваши стада!“ Никто не является на фадисъ. Увидѣла мальчика на улицѣ одна старуха и спросила: „Ты, мальчикъ, походишь на кричащаго фадисъ кажется?“ — „Да, я кричу: фадисъ, угнали ваши стада,“ сказалъ мальчикъ. Старуха засмѣялась и говоритъ: „Куда-же угонятъ ихъ, когда у нихъ не такіе сторожа, которые позволили-бы угнать?“ Мальчикъ вынулъ изъ кармана уши и голову убитыхъ сторожей. Тогда старуха повѣрила: „Мальчикъ! вотъ видишь, скидаю тебѣ съ сѣдой го-

[45]) Сигнальный призывъ къ погонѣ, къ подачѣ помощи; соотвѣтствуетъ слову „караулъ!“

ловы свою шаль и прошу тебя объ одномъ дѣлѣ!“—„Что такое, старуха? Какъ не исполнить мнѣ твоей просьбы?“ сказалъ мальчикъ.—„Было у меня три сына. При фадисѣ они выскакивали первые,—прежде ихъ никто не поспѣвалъ: двое изъ нихъ убиты въ фадисѣ; остался одинъ младшій, онъ тебя первый станетъ догонять, но ты, мальчикъ, ради моей старой головы, не убивай его, а слегка окантузь и оставь по-надъ дорогой! Прошу тебя, не убивай его!“ — „Хорошо, старуха, я не убью его,“ сказалъ мальчикъ и направился къ тому дому, гдѣ былъ пиръ у турокъ. „Фадисъ, турки! Угнали стада ваши!“ кричалъ онъ. Они-же не обращали вниманія на его фадисъ. — „Кто это тамъ съ ума сошелъ, что́-ли, что кричитъ фадисъ, когда у насъ такіе сторожа, которые ничего не упустятъ. Лучше, позовите этого дурака, пусть выпьетъ, закуситъ, что Богъ послалъ,“ сказали нѣкоторые. Позвали мальчика. Мальчикъ вошелъ, закусилъ и выпилъ, стоя. Потомъ, повернулся назадъ, досталъ изъ кармана уши и голову сторожей и, кинувши ихъ, крикнулъ: „Ахъ, собаки! и теперь не повѣрите?!“, а самъ, сѣвши на лошадь, скоро ускакалъ. Переполошились турки. Начали собираться въ погоню. Турки еще были далеко, когда сталъ мальчика догонять одинъ мужчина. Мальчикъ кричалъ ему: „Ты оставь, я далъ обѣтъ твоей матери не убивать тебя, поэтому оставь насъ!“—„Ахъ, ты, молокососъ! молоко еще по губамъ течетъ, а ты думаешь угнать наши стада?! вотъ я тебѣ дамъ!“ Начали они стрѣлять другъ въ друга. Мальчикъ слегка его окантузилъ, и онъ упалъ съ лошади. Между тѣмъ и турки подоспѣли. Начали они стрѣльбу. Мальчикъ истребилъ половину ихъ. Такъ они съ Урызмагомъ пригнали стада турокъ къ Нартамъ. Мальчикъ изъ всѣхъ стадъ составилъ три доли. „Бери, Урызмагъ, изъ трехъ долей, какую хочешь,“ сказалъ мальчикъ. Урызмагъ выбралъ. „Это твоя доля, Урызмагъ, а вотъ эта, вторая, за старость твою, а вотъ третья, Урызмагъ, это тебѣ моя доля, твоего безъ имени умершаго сына, котораго на пирѣ ты не помянулъ даже словомъ.“ Затѣмъ, онъ повернулся, сказавши Урызмагу: „Да будетъ добръ день твой!“ и направился по дорогѣ. Взрыдалъ Урызмагъ. Онъ началъ кричать ему: „Постой, постой! дай еще взглянуть на себя! Развѣ тебѣ жаль, чтобы я посмотрѣлъ на тебя еще разъ?!“ —„Некогда, нельзя, солнце заходитъ“ [46]), откликнулся мальчикъ и уѣхалъ.

[46]) Тутъ заключается мысль извѣстнаго повѣрья, что ворота преис-

И теперь, когда солнце заходитъ, облака бываютъ красны: это потому, что когда мальчикъ ѣхалъ назадъ къ мертвымъ, то запоздалъ немного и просилъ солнце остановиться, пока онъ не въѣдетъ въ ворота къ мертвымъ.

Какъ родился Батразъ.

Хамицъ [47]) отправился странствовать. На ночь онъ остановился въ степи. На другой день, утромъ, онъ сталъ молиться: „Боже, творецъ свѣта! устрой такъ, чтобы я добылъ плѣнника, или хоть немного скота.“ Потомъ, сталъ онъ смотрѣть въ подзорную трубу и увидѣлъ вдали всадника. Возрадовался Хамицъ. „Вотъ, Богъ посылаетъ мнѣ плѣнника, котораго не нужно будетъ и связывать,“ говоритъ онъ. Всадникъ этотъ—не выше сѣдельной луки; глаза у него величиною съ сито; брови—съ лукъ; усы его колыхались поверхъ плечъ. Конь всадника величиною со скирду сѣна. Хамицъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, — и солнце еще не зашло, когда они приблизились другъ къ другу. Разсмотрѣвъ всадника, Хамицъ сказалъ про себя: „Ну, это не такой плѣнникъ, котораго я могъ-бы связать!“ Затѣмъ всадникъ обратился къ Хамицу: „Да будетъ прямъ путь твой, старикъ!“ —„Да будетъ прямо дѣло твое!“ отвѣчалъ тотъ. Всадникъ спрашиваетъ: „Ярыбп, ты походишь на Нарта!“ — „Похожу? да, я Нартъ,“ отвѣтилъ Хамицъ.—„Гдѣ-жъ ты былъ и куда выѣхалъ?“ спрашиваетъ опять всадникъ.—„Выѣхалъ я въ поле для наѣзда, поискать чего-нибудь,“ сказалъ Хамицъ.—„Какъ-же ты выѣхалъ? вѣдь ты старъ.“ — „Хоть я и старъ, все-таки исполняю обычай нашъ,“ отвѣтилъ Хамицъ.

Потомъ всадникъ говоритъ ему: „Ну, такъ я пригожусь тебѣ, какъ младшій.“ Вотъ они и отправились вмѣстѣ. Дорогой, на одномъ мѣстѣ, они были застигнуты темнотою. „Остановимся здѣсь,“ сказалъ Хамицъ. Они слѣзли съ лошадей и располо-

---

подней затворяются съ закатомъ солнца; вотъ почему торопится мальчикъ, чтобы еще успѣть въѣхать въ ворота преисподней.

[47]) Хамицъ—отецъ Батразъ-Алдара, по генеологической таблицѣ Нартовъ.

жились на берегу большой рѣки. „Хорошо,“ сказалъ всадникъ, „ты—старшій, и я все буду исполнять, что ты прикажешь.“ Невдалекѣ была небольшая балка. Вотъ, незнакомый всадникъ и говоритъ: „А жаль, если мы останемся эту ночь голодными. Впрочемъ, не хочешь-ли — поди выгоняй, а не то присядь“ [48]). Ну, извѣстно,—Нарты себя нигдѣ не унизятъ [49]), а потому Хамицъ присѣлъ. Всадникъ пошелъ гнать и выгналъ стадо оленей прямо на Хамица. Этотъ выстрѣлилъ, но не попалъ. Узнавъ о промахѣ Хамица, всадникъ схватилъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ бѣгущее стадо. Съ громомъ и сверкая, стрѣла пролетѣла мимо Хамица и вонзилась въ бокъ одному оленю. Увидѣвъ ее, Хамицъ, снявъ шапку и перекрестившись, воскликнулъ: „Что ты за ангелъ, за духъ? Будь моимъ покровителемъ!“ Всадникъ подошелъ къ нему и спросилъ: „Гдѣ ты?“ — „Я-то здѣсь! да ничего не сдѣлалъ — промахнулся,“ отвѣчалъ Хамицъ: „мимо меня пролетѣло что-то съ громомъ и сверканіемъ, такъ, что отъ грома я не могъ ничего сообразить.“ Тотъ засмѣялся и сказалъ: „Это, должно быть, стрѣла моя пролетѣла.“ Отправились они за стрѣлой. И что-же,—всадникъ убилъ оленя, величиною съ домъ, пригвоздивши его стрѣлою къ дереву. Они подошли къ оленю и стащили его къ берегу большой рѣки. Затѣмъ, всадникъ устроилъ Хамицу удобное сидѣнье и началъ собирать дрова, не допуская Хамица дотронуться до чего-либо, говоря: „Ты старше, потому—сиди.“

Хамицъ печалился, что ничего не убилъ. А всадникъ, между тѣмъ, разведши огонь, сталъ на немъ жарить шашлыкъ. Приготовивъ шашлыкъ, онъ подалъ его на башлыкѣ Хамицу, который при этомъ сотворилъ молитву. „Но, я пощусь,“ — отговорился Хамицъ и не сталъ ѣсть.—„Что-же ты съ вечера не сказалъ мнѣ, что постишься, если это на самомъ дѣлѣ такъ,“ говорилъ всадникъ: „вѣдь вотъ, около насъ, большая рѣка“ [50]). Онъ раздѣлся, бросился въ воду и оттуда сталъ выбрасывать на бе-

---

[48]) Обыкновенный способъ охоты компаніей у осетинъ: одни, окруживъ извѣстное мѣсто, крикомъ и шумомъ выгоняютъ дичь къ тѣмъ, кто въ засадѣ.

[49]) Сидѣть въ засадѣ у осетинъ считается дѣломъ болѣе почетнымъ, нежели выгонять дичь, что, по ихъ понятіямъ, прилично только молодымъ людямъ.

[50]) *Фурдъ*—большая, тихотекущая вода. Нижнее теченіе рр. Терека и Малки также называется Фурда́.

регъ рыбу всякаго сорта, какая только попадалась подъ руку. Повыбросавъ довольно много рыбы, онъ затѣмъ принялся жарить ее для Хамица, и Хамицъ тогда нѣхотя долженъ былъ ѣсть. Ночь они оба провели на этомъ мѣстѣ. Утромъ, когда разсвѣло, всадникъ раздѣлилъ пополамъ оленя и сказалъ Хамицу: „Бери свою часть отъ оленя; хотя ты и старшій, но да не покажется тебѣ за стыдъ нести долю изъ того, что далъ Богъ,—поэтому, неси свою долю“ [51]). Хамицъ взялъ свою долю, и такъ они отправились. Хамицъ сказалъ: „Да не покажется нахальнымъ вопросъ мой: ты изъ какихъ и каковъ твой родъ?“—„Родъ мой не-изъ самыхъ лучшихъ, но и не дрянь: зовутъ меня сыномъ Бцена—Ацеко,“ говоритъ всадникъ.—„Что и ты, и родъ твой не дрянь — я это сейчасъ узналъ,“ сказалъ Хамицъ. Потомъ спросилъ его: „А что, вы не выдадите дѣвушку за Нарта?“—„Да развѣ кто-нибудь не выдастъ за тебя дѣвушку? Отчего-же не дать, — дадимъ, дадимъ! Вотъ выдадимъ за тебя мою сестру,“ сказалъ всадникъ. Такимъ образомъ сынъ Бцена повелъ Хамица къ себѣ домой. Когда они прибыли домой, всадникъ показываетъ Хамицу сестру свою. И невозможно было ей не понравиться Хамицу! Затѣяли они сватовство и Хамицъ сдѣлался зятемъ всадника. Когда они сошлись [52]), женихъ заплатилъ выкупу [53]), чистымъ золотомъ, 3000 монетъ сыну Бцена. Обо всемъ этомъ Нарты ничего не знали. „Отдалъ я тебѣ сестру,“ говорилъ Ацеко: „теперь нужно тебѣ пробыть здѣсь одинъ годъ.“ И Хамицъ пробылъ у нихъ одинъ годъ. Къ концу года, сынъ Бцена снарядилъ сестру, сдѣлалъ ей хорошую одежду и все необходимое. Сдѣлавъ это, онъ сказалъ Хамицу: „Прямой путь вамъ! веди ее. Мы весьма обидчивы, а потому, если сестра услышитъ отъ кого-бы то ни было обидное слово, позаботься доставить ее обратно домой, потому-что, если она услышитъ обидное слово, она для тебя будетъ безполезна.“ — „Хорошо,“ сказалъ Хамицъ и отправился. Семью семь у невѣсты было прислужниковъ и столько вещей, что ихъ везли семь аробъ. Пріѣхавъ домой въ Нартъ, Хамицъ повелъ жену въ седьмой этажъ дома; посадилъ ее тамъ и запретилъ ей сходить ниже.

---

[51]) У осетинъ считается неприличнымъ утруждать старшихъ ношею, когда есть младшіе. Но, при раздѣлѣ добычи, и старые могутъ нести свою долю.

[52]) Т. е. Хамицъ посваталъ сестру Ацеко.

[53]) *Ирадъ*—по-осетински.

Утромъ, когда Хамицъ вышелъ въ ныхасъ [54]), всѣ Нарты удивлялись его одеждѣ, говоря: „Удивительная, странная одежда у Хамица!“ Потомъ они узнали, что Хамицъ женился и что такимъ образомъ нарядила его жена. Нарты сказали: „Намъ желательно было-бы видѣть ту, кто шьетъ такую одежду. А какого она склада и вида должна быть?“ Но гдѣ-же имъ могла представиться возможность видѣть ее! Къ концу года жена Хамица забеременѣла. Между тѣмъ Нарты не переставали удивляться ей... Былъ между ними бѣдовый Спрдонъ, и вотъ, однажды, когда Нарты, по обыкновенію, удивлялись женѣ Хамица, Спрдонъ сказалъ имъ: „Отчего-бы вамъ и не увидѣть ту, которой вы такъ удивляетесь?“ — „Намъ нѣтъ возможности увидѣть ее, и если ужъ приниматься за это дѣло, такъ принимайся ты,“ сказали ему Нарты. Спрдонъ подмѣтилъ низкіе ходы и, когда отсутствовалъ Хамицъ, пробрался черезъ нихъ и посмотрѣлъ на жену Хамица съ высокаго мѣста.

Онъ очень удивился и сказалъ: „Ахъ, чтобъ вы пропали, Нарты! и кого только вы не называете красавицей! Величиною она не больше того, что откусишь отъ дичи, а задница волочится по кочкамъ [55]). И ее-то называютъ красавицей!“ Спрдонъ воротился въ ныхасъ. Нарты спрашиваютъ его: „Ну, что, Спрдонъ? что видѣлъ?“ — „Я видѣлъ ее. Волочащая задницу по кочкамъ, можетъ-ли быть у меня красавицей?!“ Между тѣмъ Хамицъ пріѣхалъ изъ отлучки. Пришелъ онъ къ женѣ; жена не унимается: „Отправь меня домой!“ говоритъ она: „пришелъ какой-то мужчина и, посмотрѣвъ на меня съ вершины башни, началъ хулить меня. Отправь меня теперь домой!“ — „Какъ-же быть съ тѣмъ, что въ утробѣ твоей?“ спросилъ Хамицъ.—„Я найду средство,“ сказала жена. Хамицъ повезъ ее домой. „Да заплатитъ намъ и за твои и за мои грѣхи тотъ, кто сталъ меня хулить,“ сказала жена, когда пріѣхала домой. „Подставь спину,“ сказала она Хамицу. Тотъ подставилъ; жена плюнула ему на спину. „Если-бы ребенокъ былъ вскормленъ моими сосцами, тогда и Богу было-бы не легко съ нимъ справиться: таковъ былъ-бы этотъ ребенокъ! Но и теперь онъ будетъ любимцемъ Божьимъ и будетъ

---

[54]) Ныхасъ, буквально—„говорильня,“ отъ глагола *ныхасканин* — разговариваю, разсказываю.

[55]) Въ этихъ словахъ выражается то, что жена Хамица была очень мала — не болѣе того куска дичи, который можно взять въ ротъ, и такъ низка ростомъ, что задницей касалась земли.

притѣснять Нартовъ,“ сказала она. Плюнувъ на спину Хамица, она прибавила: „Иди теперь домой!“ Когда-же Хамицъ собрался ѣхать, жена сказала ему: „Иди теперь. Плевокъ, который я тебѣ сдѣлала въ спину, будетъ расти. Люди будутъ смѣяться надъ тобой, но ты не обращай на это вниманія и не губи себя. Придешь къ Са́танѣ, и она, по мѣрѣ роста плевка, будетъ считать мѣсяцы его. Потомъ, когда наступитъ мѣсяцъ рожденія его, онъ будетъ извѣстенъ Са́танѣ, и она призоветъ тогда тебя“ [56]).

Вотъ наступаетъ ночь рожденія Батраза (такъ звали сына Хамица). Са́тана зоветъ къ себѣ Хамица. „Завтра—день рожденія ребенка, и нужно приготовиться. Взойдемъ на седьмой этажъ, а въ нижнемъ наполнимъ семь котловъ водою“. Са́тана повела Хамица на седьмой этажъ и взяла съ собой булатный ножъ. Въ то время, когда они взобрались на седьмой этажъ, Нарты, сидя въ ныхасѣ, говорили: „Вонъ, Са́тана вынимаетъ у Хамица то, что нужно вынуть“ [57]). Былъ тогда тамъ-же и Сирдонъ. „Подождите немного,“ сказалъ онъ имъ: „это *нужное вынуть* скоро узнаютъ дома́ ваши, когда оно прыгнетъ къ вамъ съ верхушки башни. Вы узнаете тогда, что̀ это: нужное-ли вынуть или-же что другое. Само оно вынетъ кого-нибудь изъ васъ!!“ Са́тана, между тѣмъ, начала таскать воду и наполнила ею семь пивныхъ котловъ. Сирдонъ-же, должно быть, уже приготовился наименовать ребенка. Са́тана булатнымъ ножемъ проколола спину Хамица—и вотъ, изъ спины выпрыгнулъ ребенокъ и, воспламенивъ всѣ семь этажей, бросился внизъ. Семь котловъ не удержали его,—и онъ по самыя колѣни ушелъ въ землю. Ребенокъ вскричалъ: „Воды! булатъ мой перемѣшается съ чернымъ желѣзомъ: скорѣе мнѣ воды [58])!“ Са́тана сбѣжала къ водѣ съ десятью ведрами, а чортъ не даетъ ей воды, требуя удовлетворить его. Она побыла съ нимъ, и тогда только могла принести воды и облить ею ребенка. Ребенокъ тогда выскочилъ изъ земли, а Сирдонъ такъ наименовалъ его: „Здравствуй, сынъ славнаго Хамица—Батразъ!“

---

[56]) Плевокъ, который сдѣланъ былъ женою Хамица ему въ спину, обратился въ ребенка, бывшаго въ ея утробѣ,—въ Батраза по имени.

[57]) Плевокъ, какъ зародышъ ребенка, росъ на спинѣ Хамица и образовалъ горбъ, вслѣдствіе чего Нарты, не зная въ чемъ дѣло, смѣялись надъ этимъ горбомъ и назвали его, въ шутку: „нужное вынуть.“ Какъ видно изъ разсказа, одинъ Сирдонъ понималъ въ чемъ дѣло.

[58]) Въ этомъ сказаніи Батразъ, какъ образецъ храбрости, рождается раскаленнымъ булатомъ.

Батразъ отвѣтилъ: „Живи хорошо, сынъ Гатага, проныра [59]) Сирдонъ!“ Такъ родился Батразъ.

Месть Батразъ-Алдара.

Вотъ, Батразъ-Алдаръ вошелъ однажды къ Нартамъ въ *нихасъ* [60]) и сказалъ имъ: „Вы убили отца моего и успокоились себѣ, будто мнѣ и не причинили никакого вреда! Я остался маленькимъ сиротой, когда вы убили отца моего,—вы и не предполагали, что когда-нибудь я возмужаю. Теперь я уже въ состояніи понимать, что мнѣ послужитъ позоромъ и что прославитъ меня: нынѣ я не стану ходить съ опачканнымъ грязью лицомъ, не смывши эту грязь!... вѣрьте тому, клянусь именемъ Бога!! [61]). До-сихъ-поръ я предполагалъ, что вы удовлетворите меня по тѣмъ обычаямъ, какіе существуютъ у Нартовъ, поэтому я ничего и не говорилъ вамъ. Теперь, такъ какъ до-сихъ-поръ вы не удовлетворили меня по обычаямъ, я навострю хорошенько шашку отца моего и по-одному, по-два искрошу всѣхъ васъ.“

Нарты испугались и посматривали другъ на друга. Находчивый Сирдонъ, сынъ Гатага, отозвавъ лучшихъ мужей изъ Нартовъ, сказалъ имъ: „Вы не беритесь быть судьями въ дѣлѣ объ убійствѣ отца его.“—„Такъ что-же намъ дѣлать?“ спросили Нарты.—„А скажите ему такъ: да достанется намъ милость твоя! Твои уста—твой-же судъ: что присудишь намъ, то мы и исполнимъ. Если вы скажете ему такимъ образомъ, онъ смягчится душой и пожалѣетъ васъ.“ Затѣмъ, Нарты сказали Батразу: „Да достанется намъ милость твоя! Твои уста—твой-же судъ.“

---

[59]) Это слово выражается по-осетински словомъ *гады*—лживый, обманчивый, но тутъ имѣетъ значеніе „проныра.“

[60]) См. выше.

[61]) Осетины рисуютъ Нартовъ въ своихъ сказаніяхъ народомъ, не признающимъ надъ собою никакой Божественной власти. Здѣсь-же, переводя народное сказаніе, я, какъ будто, противорѣчу сейчасъ сказанному, такъ-какъ Батразъ, угрожая Нартамъ непремѣнною местью, клянется имъ именемъ Бога. Но, какъ вышеприведенныя, такъ и эта клятва—позднѣйшія вставки, сдѣланныя народными пѣвцами. Народъ-же говоритъ: „За то, что Нарты не признавали Бога, Онъ ихъ и стеръ съ лица земли“.

—„Эй, собачьи Нарты [62])! если мои уста мой-же судъ, то я налагаю на васъ нетрудное дѣло: отправляйтесь въ лѣсъ, съ каждаго дома по одному человѣку и по одной арбѣ; вырубите мнѣ четыре ступицы изъ *залгада* [63]), зубья къ нимъ изъ волжанки, а ободья изъ пальмы; смастерите мнѣ красивую повозку, впрягите въ нее трехъ сѣрыхъ коней и ее, гремучую, доставьте къ воротамъ моимъ, съ возницей; на этомъ я вамъ прощаю кровь отца.“

Нарты спѣшили другъ къ другу съ поздравленіями, что за такую ничтожность Батразъ прощаетъ имъ кровь отца. На другой день, ранимъ утромъ, Нарты, по одному съ каждаго дома, отправились въ лѣсъ, распѣвая веселыя пѣсни; цѣлую недѣлю бродили они по лѣсу; наконецъ, не отыскавъ нужнаго, возвратились съ плачемъ.

Они и забыли уже совсѣмъ о дѣлѣ. Батразъ, собравъ ихъ, сказалъ: „Эхъ, собачьи Нарты! когда я предложилъ вамъ легкое условіе въ расплату за кровь, вы не съумѣли исполнить.... Теперь я знаю, что съ вами дѣлать!“ — „Да дастъ намъ Богъ милость твою! что скажешь, то мы и сдѣлаемъ.“ — „Такъ даю вамъ опять легкое дѣло: наполните *цырыкъ* [64]) отца моего пепломъ жженаго шелку.“

Нарты дали приказъ, чтобы каждый домъ доставилъ такой вьюкъ шелку, тяжесть котораго была-бы подъ силу ослу. Натаскали шелку много; кто ничего не имѣлъ въ наличности, тотъ взялъ въ долгъ. Сложили все въ одномъ мѣстѣ, потомъ подожгли. Когда все перегорѣло, пепелъ собрали въ одну кучу и послали къ Батразу, говоря: „Исполнили, что ты требовалъ. Возьми съ собой и *цырыкъ* отца своего.“

Батразъ-Алдаръ взялъ цырыкъ и взмолился Богу: „О Боже! за грѣховность сожженія такого количества шелку и за грѣховность убійства отца моего, напусти на этотъ пепелъ ураганъ, все ворочающій, и вихрь, все крутящій.“ Самъ-же вышелъ изъ дому. Между тѣмъ, до прихода его, поднялся вихрь и разнесъ повсюду

---

[62]) Т. е. собачье отродье.

[63]) *Залгадъ*—это растеніе, растущее обыкновенно мелкимъ кустарникомъ (мнѣ неизвѣстно русское его названіе); слѣдовательно, требованіе Батраза—вырубить четыре обыкновенныхъ ступицы изъ этого растенія — дѣло невыполнимое.

[64]) *Сапогъ* и голенище сапога.

пепелъ. Когда пришелъ Батразъ, Нарты посматривали только другъ на друга. ,,Вы сказали, что исполнили требованіе мое,— гдѣ-же онъ (пепелъ)?"—,,Вѣтеръ поразнесъ его. Да даруетъ намъ Богъ милость твою! Что скажешь, то мы исполнимъ." Батразъ сказалъ имъ: ,,Съ этого времени мнѣ ужъ больше не жить съ вами: я гублю себя для васъ! Отправляйте съ каждаго дома по арбѣ и по одному мужу къ берегу моря; свозите туда известь и колючку, состройте изъ нихъ башню, къ четыремъ угламъ которой направьте по двѣнадцати мѣховъ и, подложивши подъ нее огонь, раздуйте его. Когда пламя поднимется высоко, я брошусь въ него." Нарты отправили къ берегу моря по одному человѣку и по одной арбѣ съ каждаго дома, свозили туда цѣлую недѣлю известь и колючку, состроили изъ нихъ башню, къ четыремъ угламъ ея направили по двѣнадцати мѣховъ и раздули ими подложенный огонь. Когда пламя значительно поднялось, Батразъ-Алдаръ, бросившись въ самую середину его, обратился къ Нартамъ съ такими словами: ,,Раздувайте хорошенько, собачьи Нарты, для васъ-же я гублю себя!".. Со всѣхъ сторонъ Нарты поносили его, говоря: ,,Собачій сынъ! мы и не съумѣли-бы найти средство избавиться отъ тебя, если-бы ты самъ не пропалъ тамъ!".. Раздувальщики мѣховъ такъ много и усердно работали, что на ладоняхъ своихъ натерли большія мозоли.

Они оставили мѣхи, сказавъ: ,,Досталось ему порядкомъ, будетъ съ него и этого!" Тогда изъ середины огня выскочилъ Батразъ и бросился въ море. Погодя немного онъ выплылъ на берегъ и сказалъ Нартамъ: ,,Собачьи Нарты! до сего времени я былъ чернымъ желѣзомъ, теперь-же превратился въ булатъ.... Теперь я знаю какъ поступить съ вами!"..

— ,,Да даруетъ намъ Богъ милость твою!"

— ,,Такъ гублю-же себя опять для васъ, потому что мнѣ самому ужъ надоѣло жить съ вами!" сказалъ Батразъ-Алдаръ.

— ,,Исполнимъ, что прикажешь," сказали Нарты.

— ,,Привезите пушку Бораты [65]) вонъ къ тому игорному холму, направьте ее къ твердынѣ *Уорыпа* [66]), двѣнадцать кадокъ насыпьте въ нее поруху и, засадивши меня вмѣсто ядра, выпа-

---

[65]) Т. е. фамильную пушку Боровыхъ.

[66]) *Уорыпи-фидаръ*—твердыня, крѣпость Уорыпа. Это мѣсто находится въ горахъ Осетіи, на правой сторонѣ отъ Военно-Грузинской дороги. Говорятъ, что оно представляетъ собою узкую и высокую тѣснину.

лите,“ сказалъ имъ Батразъ-Алдаръ. Нарты отправились и привезли пушку Бораты къ игорному холму, направили ее къ твердынѣ Уорыпа, насыпали въ нее двѣнадцать кадокъ пороху и, засадивши Батраза вмѣсто ядра, выпалили.

Батразъ-Алдаръ убилъ милліонъ уациллъ, милліонъ чертей и милліонъ великановъ. Ниспрянувши оттуда, Батразъ-Алдаръ пришелъ, громко крича: „Ахъ, вы, собачьи Нарты! Своими руками я убралъ тѣхъ, которыхъ опасался не мало! .. До-сихъ-поръ я только ихъ боялся! Теперь, я знаю, какъ поступить съ вами!!“ ... Всѣхъ, кто только не успѣлъ убѣжать, Батразъ истребилъ мечемъ.

Такъ Батразъ-Алдаръ отомстилъ Нартамъ за убійство отца.

Сосланъ.

Сосланъ былъ мужъ очень тихій. Но, бывало, когда Нарты совершали наѣзды, то прежде Сослана никто ничѣмъ не воспользуется. Однажды, Нарты собрались, говоря: „Пусть никто не ѣдетъ съ Сосланомъ.“ Такимъ образомъ они тайно, не давъ знать Сослану, отправились. Одна одиночная женщина [67]) кликнула къ Сослану: „Сосланъ, какъ-же ты здѣсь?“ — „Такъ гдѣ-же мнѣ быть?“ отозвался Сосланъ. — „Нарты отправились совершать наѣзды, и оказывается, что они тебя оставили,“ сказала одиночная женщина. Тогда Сосланъ вскричалъ: „Скорѣе лошадь мою!“ и, погнавшись за ними, не догналъ ихъ уже. Вотъ онъ и говоритъ: „Поѣду все-таки,“ и направился по одной дорогѣ, какъ вдругъ видитъ околѣвшую суку, изъ брюха которой лаяли щенки. Онъ удивился: „Много я жилъ, много видалъ удивительнаго, но такого чуда не видѣлъ никогда.“ Много надивившись, отправился онъ далѣе по этой-же дорогѣ. Нашелъ онъ клубокъ бумажныхъ нитокъ; началъ его наматывать на древко плети и никакъ не могъ покончить. Потомъ, когда наскучило ему наматываніе, онъ бросилъ клубокъ и отправился далѣе по тому-же пути. По-надъ дорогой лежитъ сумочка, въ которой что-

[67]) Въ народныхъ сказаніяхъ осетинъ, эти одиночныя женщины тоже что колдуньи, вѣщія женщины, прорицательницы.

то такое, величиной съ человѣческую голову. Онъ попробовалъ съ лошади достать ее, но не могъ. Слѣзъ онъ съ лошади и попытался поднять, — опять ему не подъ силу. Началъ онъ горевать: „О Боже! силы у меня ужъ нѣтъ! бывало, съ лошади поднималъ я всадника съ конемъ, а это не больше человѣческой головы: какъ-же я не могу поднять?!“ Пошелъ онъ и вырубилъ подпорку, но и съ нею ничего не могъ сдѣлать, а потому отправился дальше. Ѣдетъ и видитъ: чевякъ [68]) съ лаптемъ грызутся,— словомъ, дерутся на славу. Много онъ подивился: „О Боже, которому нѣтъ товарища, что это такое, что за удивительное дѣло?! И зачѣмъ они дерутся?“ Отправился онъ и оттуда, пріѣхалъ къ одному склепу и видитъ: сидитъ мальчикъ нагой, какъ мать его родила, и изливаетъ носомъ кровь, а ртомъ рвоту. Подивился онъ и этому и сказалъ: „Должно быть, онъ что-нибудь выплачиваетъ!“

Пріѣхалъ онъ къ Сайнагъ-Алдару [69]) и слѣзъ у воротъ его. Тотъ вышелъ къ нему и сказалъ: „Здравствуй.“ Ночь онъ провелъ въ его кунацкой. Увидѣлъ онъ у него красивую дѣвушку, такую, что блестѣла. Сосланъ узналъ, что она дочь Алдара; онъ представился, говоря: „Я Сосланъ Нартовскій,“ и посватался. Сговорились. Уплатилъ онъ калымъ изъ собственнаго кармана [70]). Потомъ, сидя и бесѣдуя съ Алдаромъ, началъ онъ ему разсказывать новости. Разсказалъ ему сперва первую новость [71]) и спросилъ, что она означаетъ. „Ничего здѣсь нѣтъ удивительнаго, а если и этого не понимаешь, такъ ты не мужчина. Это (т. е. лаяніе щенковъ) означаетъ то, что настанутъ такія времена, когда снизу вверхъ будутъ говорить [72]), и не будутъ спра-

---

[68]) Обувь, дѣлаемая изъ козла.

[69]) Я не могъ доискаться значенія слова „сайнагъ.“ Есть слово „айнагъ“—скала. Впрочемъ, если къ этому слову прибавить приставку *с*, означающую совершеніе, законченность и полное превращеніе, то *сайнагъ* можетъ значить—превратившійся въ скалу, сдѣлавшійся скалой.

[70]) Выраженіе „изъ собственнаго кармана“ имѣетъ особенную важность. Прежде, отчасти это существуетъ и теперь, въ Осетіи, при выплачиваніи выкупа (калыма, прада), было въ обычаѣ, чтобы нѣкоторая часть его выплачивалась родственниками и знакомыми жениха. Въ этомъ-же сказаніи говорится, что Сосланъ самъ уплатилъ калымъ.

[71]) Т. е. первый случай на дорогѣ.

[72]) Въ общественной жизни осетинъ, по патріархальнымъ понятіямъ ихъ и этикету, уваженіе къ старшимъ выражается сажаніемъ ихъ по правую руку къ почетному углу. Эта правая сторона называется верхомъ и, по отношенію

шивать старшаго.“—„Отправился я,“ сказалъ Сосланъ, „и нашелъ на дорогѣ клубокъ бумажныхъ нитокъ. Началъ я его наматывать на плеть и никакъ не могъ кончить, а потому бросилъ,—наскучило.“ Тотъ засмѣялся и говоритъ ему: „И это не удивительное: клубокъ, котораго хватитъ отъ одного конца неба до другаго, ты думалъ кончить?!“—„Отправился я оттуда и нашелъ одну сумочку, пытался сперва поднять ее съ лошади, потомъ слѣзъ къ ней; но и такъ и посредствомъ подпорки пробовалъ хоть подъ нее свѣту пропустить [73]), ничего не смогъ; хотя я поднималъ всадника съ конемъ, а ее никакъ не могъ поднять.“ — „Какъ тебѣ поднять ее, когда она, заключая въ себѣ блага всѣхъ созданныхъ Богомъ странъ, есть вмѣстилище ихъ (благъ).“ Разсказалъ онъ ему потомъ новость о чевякѣ и лаптѣ и спросилъ: „Что-бы это значило?“—„Это значитъ то, что когда неблагородный женится на дѣвушкѣ благородной, то настанетъ время, когда она не будетъ жить съ нимъ,“ сказалъ Алдаръ. Потомъ Сосланъ разсказалъ о мальчикѣ и спросилъ: „А что-бы это значило?“—„Это, солнце мое, зять нашъ, значитъ то, чтобы ты никогда отцу и матери дурнаго не говорилъ,—вотъ что значитъ. Мальчикъ тотъ отцу и матери дурное говорилъ, а потому теперь, за оскорбленіе ихъ, изливаетъ рвоту и кровь.“ Затѣмъ Сосланъ взялъ красивую Сайнагъ-Дѣвицу и пріѣхалъ домой. Нарты-же возвратились съ пустыми руками и сказали: „Потому ничего не добыли, что не было Сослана съ нами: онъ-же даже жену себѣ привезъ!“

къ ней, лѣвая — низомъ. Правая занимается старшими, а лѣвая—младшими. Понятно, что значитъ говорить снизу вверхъ.

[73]) Т. е. такъ приподнять, чтобы подъ ней прошелъ свѣтъ.

ИЗЪ ЧЕЧЕНСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

Орхустойцы и Ботоко Ширтга *).

Соска-Солса, съ прочими Орхустойцами, рѣшился переселиться съ горъ на плоскость. Но такъ какъ Орхустойцы не могли обойтись безъ Ботоко-Ширтга, то пригласили и его переселиться вмѣстѣ съ ними. Ботоко - Ширтга переселился и для своей единственной лошади получилъ позволеніе Орхустойцевъ пасти ее только около дороги. Маштачокъ его черезъ три мѣсяца разжирѣлъ дотого, что нельзя было нащупать, гдѣ у него спинной хребетъ; лошади-же Орхустойцевъ, не смотря на то, что паслись на привольѣ, были худы. Стали Орхустойцы завидовать Ботоко-Ширтга. Зависть ихъ дошла дотого, что они рѣшились, на зло Ботоко-Ширтга, обрѣзать губы у его лошади. Сынъ его, ходившій часто въ поле поглядѣть за лошадью, узналъ, что Орхустойцы обрѣзали ей губы, и поспѣшилъ сообщить объ этомъ отцу. Ботоко, недолго-думая, отправился въ поле, гдѣ паслись лошади Орхустойцевъ, и обрѣзалъ имъ хвосты. Къ вечеру онъ возвратился домой, какъ ни въ чемъ не бывалъ; сѣлъ въ *пегата* [1]) и смотрѣлъ на возвращавшійся съ поля табунъ. ,,Смотри-ка,“ говорятъ Орхустойцы Ботоко-Ширтга: ,,вонъ, впереди всѣхъ, идетъ твоя лошадь и смѣется чему-то.“—,,Да,“ отвѣчаетъ онъ, ,,она смѣется надъ идущими сзади ея вашими лошадьми, похожими на дѣвицъ съ обрѣзанными косами.“ Орхустойцы смекнули, что Ботоко-Ширтга сыгралъ съ ними дурную штуку. Разсерженные, бросились они на него, но онъ въ одинъ мигъ исчезъ и скрылся подъ землею. Онъ отправился на тотъ свѣтъ.

Орхустойцы не могли долго обходиться безъ Ботоко-Ширтга; они вызвали его съ того свѣта, затаивъ до поры въ душѣ злобу. Однажды Орхустойцы и Ботоко-Ширтга съ сыномъ отправились на поминки. Сынъ Ботоко на поминкахъ сталъ около котла, въ которомъ варилось мясо, и Орхустойцы бросили мальчика въ котелъ, говоря: ,,сынъ Ботоко не хотѣлъ подождать,

*) См. ,,Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ,“ вып. IV, Отдѣлъ: „Народныя сказанія,“ стр. 1—7.

[1]) Мѣсто, гдѣ собираются аульные зѣваки.

пока сварится мясо, и полѣзъ въ котелъ.“ Ботоко видѣлъ, какъ бросили сына его въ котелъ и какъ онъ тамъ сварился, но не показалъ вида, что замѣтилъ это, и молча поклялся въ душѣ жестоко отомстить Орхустойцамъ за этотъ жестокій поступокъ.

Прошло нѣсколько времени. Ботоко, однажды, отправился на охоту въ горы. Долго ходилъ онъ и нечаянно наткнулся на избу *Горбожа* [2]). Онъ вошелъ въ избу и увидѣлъ рабыню огромнаго роста, и спрашиваетъ: гдѣ ея сыновья? „Они отправились искать добычи и вотъ уже болѣе мѣсяца ихъ нѣтъ дома,“ — отвѣчаетъ рабыня.—„ Послушай, Горбожъ,“—говоритъ Ботоко—„я тебѣ приведу тринадцать человѣкъ, можешь-ли ты справиться съ ними?“ — „Пусть между ними будетъ и Соска-Солса,“—отвѣчаетъ Горбожъ,—„и тогда я съ ними справлюсь!“

Ботоко-Ширтга обрадовался, что нашелъ случай отомстить Орхустойцамъ за сына. Возвращаясь съ охоты, онъ зашелъ къ Соска-Солса и говоритъ ему: „я нашелъ въ горахъ хорошую добычу, не хочешь-ли завтра съ прочими Орхустойцами отправиться со мною на охоту?“—„Я никогда не пропускалъ случая пріобрѣтать добычу, и завтра съ Орхустойцами, самъ-двѣнадцать, отправимся въ горы.“ На другой день Солса, въ сопровожденіи 12 Орхустойцевъ и Ботоко-Ширтга, отправился въ горы за добычей. Ботоко привелъ ихъ въ избу Горбожа. Лишь только они показались на порогѣ, Горбожъ вырвала изъ своей косы волосъ и связала имъ Солса съ Орхустойцами. „Неужели эта вѣдьма хочетъ меня обезславить предъ цѣлымъ свѣтомъ,“ вскричалъ Солса, и рванулся такъ сильно, что волосъ, который связывалъ его, врѣзался ему до самыхъ костей. Между-тѣмъ рабыня преспокойно натачивала свой острый ножъ, а Ботоко-Ширтга съ удовольствіемъ смотрѣлъ на связанныхъ своихъ враговъ. Къ вечеру возвратились съ охоты сыновья Горбожа и говорятъ: „ну, матушка, искали, искали мы, хоть-бы на одинъ сутки нашли что-нибудь, и возвратились съ пустыми руками.“—

---

[2]) Горбожъ, по-ингушевски и вообще по-чеченски, значитъ „рабыня.“ Во многихъ чеченскихъ сказкахъ Горбожъ изображается съ такимъ-же характеромъ, какъ въ русскихъ Баба-Яга. Подобно ей, она (Горбожъ) живетъ въ безлюдномъ мѣстѣ. Иногда ее изображаютъ девятиголовою. Она имѣетъ оселокъ, оживляющій мертваго человѣка; стоитъ только провести имъ по тѣлу мертваго. Кромѣ того, чеченскія сказанія представляютъ ее какъ людоѣдку, готовую встрѣтить съ острымъ ножемъ заблудившагося путника, принять его на ночлегъ и сожрать на утро.

„Э, дѣти! Странствовали вы столько времени и пришли домой съ пустыми руками; а ко мнѣ, вотъ, сами пришли незванные гости. Прошу васъ поточить свои ножи, намъ хватитъ этой добычи на цѣлый мѣсяцъ.“ Съ этими словами Горбожъ вышла на дворъ и стала совѣтываться съ сыновьями, какъ зарѣзать гостей, — поодиночкѣ, или сразу всѣхъ вмѣстѣ. Соска-Солса, видя, что дѣло разыгрывается не на шутку, сталъ умолять Ботоко-Ширтга, чтобы онъ спасъ ихъ, давши имъ совѣтъ, какъ это онъ всегда дѣлалъ въ опасную для Орхустойцевъ минуту, и чтобы онъ забылъ нанесенную ему обиду. Ботоко не могъ устоять противъ мольбы Соска-Солса, и какъ всегда прощалъ Орхустойцамъ наносимыя ему оскорбленія, такъ простилъ имъ и за смерть своего сына. Онъ твердо рѣшился спасти ихъ отъ неминуемой гибели.

Вотъ является Горбожъ съ сыновьями и хочетъ зарѣзать всѣхъ Орхустойцевъ; Ботоко-Ширтга обращается къ ней и говоритъ: „Послушай, Горбожъ, я знаю, что ты сильна и не выпускаешь отъ себя гостей живыми; но прежде, чѣмъ зажарить вотъ этихъ гостей, разгадай загадку, которая была причиною моей съ ними ссоры. Загадка эта слѣдующая. На одной горѣ лежалъ быкъ; величина его была такова, что онъ, лежа на горѣ, щипалъ траву на плоскости и пилъ воду изъ рѣки, протекавшей у подошвы горы. Быка этого, однажды, схватилъ орелъ и унесъ. Съ этою добычею орелъ сѣлъ на рогахъ козла, подъ бородою котораго сидѣлъ пастухъ. Сидя на рогахъ козла, орелъ пожиралъ свою добычу. Отъ съѣденной части онъ уронилъ кость, именно лопатку, которая попала въ глазъ пастуху, сидѣвшему подъ бородою козла. „Посмотри мой глазъ,“ говоритъ женѣ пастухъ, возвратившись со стадомъ съ поля, „чѣмъ-то я засорилъ его нынче!“ Жена посмотрѣла въ его глазъ и вынула оттуда лопатку быка, говоря: „Да, вотъ эта лопатка находилась въ твоемъ глазу,“ и бросила лопатку на землю. На этой лопаткѣ устроился аулъ, съ девятью тысячами жителей. Аулъ этотъ часто подвергался тряскѣ, какъ-бы отъ землетрясенія, и жители думали, что подземный богъ прогнѣвался на нихъ, и для умилостивленія бога приносили ему различныя жертвы. Современемъ стали они замѣчать, что аулъ ихъ подвергается тряскѣ только тогда, когда подходитъ къ нему лисица, которая ходила грызть жилу, оставшуюся на лопаткѣ быка. Жители убили эту лисицу и содрали съ нея шкуру, но только съ одного бока, потому-что

не могли повернуть лисицу на другой бокъ. При раздѣлѣ шкуры, каждому изъ жителей аула достался такой кусокъ, что изъ него каждый могъ сдѣлать себѣ шубу. Въ то время, когда жители старались перевернуть лисицу на другой бокъ, въ аулѣ томъ одна женщина разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Спустя три дня послѣ родовъ, женщина эта отправилась съ кувшиномъ по воду на рѣчку, возлѣ которой лежала убитая жителями лисица. Подошедши къ лисицѣ, она корцомъ съ длинной ручкою перевернула ее на другую сторону, содрала остальную половину шкуры и сдѣлала изъ нея своему сыну шубу; но, по недостачѣ шкуры, шуба мальчика вышла безъ рукавовъ.“

„Теперь отгадай, Горбожъ, или пусть твои сыновья отгадаютъ, кто больше по величинѣ и силѣ: быкъ-ли, который былъ такой громадный, что, лежа на горѣ, щипалъ траву на равнинѣ и на лопаткѣ котораго построился аулъ, состоявшій изъ девяти тысячъ жителей; орелъ-ли, который унесъ этого громаднаго быка; козелъ-ли, на рогахъ котораго орелъ пожиралъ свою добычу; пастухъ-ли, которому лопатка быка показалась пылинкой; лисица-ли, подвергавшая аулъ трескѣ и изъ половины шкуры которой каждому жителю аула достало на шубу; женщина-ли, перевернувшая корцомъ лисицу на другой бокъ; мальчикъ-ли, которому недостало половинной шкуры лисицы на шубу?“

Рабыня и ея сыновья стали разгадывать предложенную Ботоко-Ширтга загадку. Одинъ говорилъ, что быкъ больше всѣхъ; другой — орелъ, который унесъ этого быка; третій настаивалъ на томъ, что козелъ больше всѣхъ по величинѣ и силѣ. Между матерью и сыновьями произошелъ самый горячій споръ,—и въ концѣ концовъ они схватились за ножи и перерѣзали другъ друга. Тогда Ботоко-Ширтга развязалъ Орхустойцевъ и отправился съ ними домой. Съ этого времени Ботоко и Орхустойцы стали жить между собою дружно [3]).

17 декабря 1870 г.
Аулъ Озикъ.

---

[3]) Записывая эту сказку, я имѣлъ въ виду пополнить характеристику Орхустойцевъ, о которыхъ я говорилъ въ замѣткѣ своей („Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ,“ вып. IV), какъ о герояхъ, играющихъ главную роль почти во всѣхъ чеченскихъ сказаніяхъ. Но эта сказка интересна еще тѣмъ, что

Шестьдесятъ Орхустойцевъ и Цазикъ **).

Это было давно, когда жили въ одномъ аулѣ шестьдесятъ Орхустойцевъ. Всѣ они происходили отъ шестидесяти матерей; каждый изъ нихъ имѣлъ по одному быку. Въ сосѣдствѣ съ Орхустойцами жилъ одинъ человѣкъ, по имени Цазикъ, имѣвшій также одного быка. При наступленіи весны Орхустойцы отправились въ поле для пахоты и захватили съ собою быка Цазика, безъ его вѣдома. Когда они возвратились съ поля, то вмѣсто того чтобы поблагодарить Цазика, стали его бить, зачѣмъ-де онъ не явился къ нимъ въ поле на помощь. „Меня сколько-угодно бейте,“ говорилъ Цазикъ Орхустойцамъ, „только ради бога не бейте моего быка.“—„А! такъ для него тяжелѣе перенести побои на быкѣ, чѣмъ на себѣ: давайте-же,“ вскричали они, „на зло ему, убьемъ его быка.“ И Орхустойцы убили быка. Цазикъ, собравъ кости его въ мѣшокъ, отправился въ тотъ аулъ, гдѣ люди гребли золото лопатами. Приходитъ онъ туда съ мѣшкомъ и подходитъ къ одному дому. Такъ-какъ былъ вечеръ, то хозяинъ пригласилъ его зайти къ нему въ домъ и оставить ношу свою въ передней. „Нѣтъ,“ говоритъ Цазикъ, „благодарю тебя, я не могу оставить мѣшокъ свой съ золотомъ въ передней твоего дома, потому-что судьба постоянно преслѣдуетъ меня и я боюсь потерять его.“—„Если онъ пропадетъ, то я дамъ тебѣ столько золота, сколько его у тебя въ этомъ мѣшкѣ.“ Тогда Цазикъ оставилъ ношу свою въ передней и вошелъ въ

она служитъ для ингушъ матеріаломъ для умственнаго упражненія. Ингушъ обыкновенно ничего не дѣлаетъ, ничѣмъ не занятъ и волею - неволею, въ длинныя зимнія ночи, или предается молитвѣ, или-же любитъ слушать баснословные разсказы о жизни своихъ предковъ. Оттого, кажется, каждый горецъ имѣетъ о происхожденіи своей фамиліи исторію, изукрашенную чудными красками. Часто-же, отъ скуки, чтобы убить какъ-нибудь время, горцы предлагаютъ другъ другу загадки. Въ этомъ случаѣ болѣе другихъ въ ходу между ингушами вышеприведенная сказка. Многіе изъ нихъ, подобно Горбожъ съ сыновьями, расходятся при рѣшеніи ея (если можно назвать эту загадку задачею), спорятъ и нерѣдко споръ этотъ доводитъ до ссоры *).

*) Просимъ читателя сравнить эту сказку-загадку съ осетинскимъ анекдотомъ, озаглавленнымъ: „Бычачья лопатка“ (см. „Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ,“ Осетинскія народныя сказанія, стр. 14—15). *Ред.*

**) Цазикъ — собственное имя; но, въ обыденномъ разговорѣ, словомъ этимъ называютъ маленькую чашку, служащую для соли или разсола, которымъ приправляютъ баранину; для бѣдныхъ-же разсолъ этотъ служитъ единственною приправою сухаго чурека (хлѣба).

комнату. На другой день, рано утромъ, вышелъ Цазикъ и посмотрѣлъ мѣшокъ свой. „Какой я несчастный, какъ я глупъ, зачѣмъ я оставилъ въ передней свой мѣшокъ, зная, что судьба меня не оставляетъ!“ Съ такими словами вбѣжалъ онъ въ комнату. „Что случилось съ твоимъ мѣшкомъ?“ спрашиваетъ его хозяинъ. — „Похищено золото, находившееся въ мѣшкѣ моемъ, и похититель, на смѣхъ, положилъ въ мѣшокъ кости быка или коровы!“... Хозяинъ насыпалъ ему въ мѣшокъ золота и отпустилъ его домой.

Орхустойцы, узнавши, что Цазикъ возвратился домой съ огромнымъ богатствомъ, пришли къ нему узнать, какъ это онъ пріобрѣлъ столько золота. „Былъ я,“ говоритъ Цазикъ, „въ такомъ аулѣ, гдѣ кости, въ особенности бычачьи, цѣнятся дороже золота, и тамъ промѣнялъ я кости быка своего, убитаго вами, на чистое золото.“ — „А что, дадутъ намъ золота, если мы отвеземъ туда кости своихъ быковъ?“ спрашиваютъ Орхустойцы.—„Отчего не дадутъ! дадутъ, отвезите только.“ Орхустойцы порѣзали всѣхъ своихъ быковъ и отвезли кости ихъ въ тотъ аулъ. Стали они ходить по аулу съ костями и кричатъ: „кто хочетъ промѣнять золото на кости?“ Жители со смѣхомъ выгнали ихъ изъ аула. „А! такъ Цазикъ вздумалъ пошутить надъ нами,“ сказали Орхустойцы съ злобою: „мы сотремъ его съ земли!“ Какъ только возвратились они домой, тотчасъ-же напали на Цазика и стали колотить его. „Меня бейте сколько-угодно,“ говоритъ Цазикъ, „только мать мою не бейте.“ На зло ему, Орхустойцы тутъ-же убили его мать. Цазикъ, одѣвши покойницу какъ невѣсту и положивъ ее себѣ на плечи, отправился въ одинъ аулъ. Подошедши къ нему ночью, онъ остановился у рѣки, которая текла подлѣ аула, и поставилъ мать свою на ноги, подпершн ее двумя палками, а самъ пошелъ въ аулъ, во дворъ одной вдовы, которая имѣла трехъ дочерей. Вдова попросила его зайти въ ея кунацкую. „Не могу,“ говоритъ Цазикъ, „зайти къ тебѣ, потому что около рѣки оставилъ я свою невѣсту, а я такъ несчастливъ въ жизни, что боюсь, какъ-бы не лишиться ея.“—„Я сейчасъ,“ говоритъ вдова, „пошлю своихъ дочерей за нею.“—„Не могу послать твоихъ дочерей за невѣстой моею, потому-что боюсь, какъ-бы какое-нибудь несчастіе не случилось съ нею.“—„Если случится,“ говоритъ вдова, „съ твоей невѣстой что-нибудь, то я отдамъ тогда за тебя старшую свою дочь.“ Цазикъ согласился и остался на ночь у вдовы. Вдо-

ва-же послала своихъ дочерей за невѣстою Цазика. Дѣвушки нашли около рѣки женщину, одѣтую какъ невѣста, но едва дотронулись до нея руками, какъ она свалилась въ рѣку и рѣка понесла ее. Дѣвушки возвратились домой и объявили матери и Цазику, какое несчастіе случилось съ нимъ. Нечего было дѣлать, вдова отдала свою старшую дочь за Цазика. Такимъ образомъ Цазикъ возвратился домой съ невѣстой.

Услыхавъ объ этомъ, Орхустойцы пришли спрашивать у него, какъ онъ пріобрѣлъ себѣ невѣсту. „Былъ я,“ говоритъ онъ имъ, „въ такомъ аулѣ, гдѣ за мертвыхъ, въ особенности за мертвыхъ старухъ, охотно надѣляютъ невѣстами.“ Орхустойцамъ, хотя и имѣвшимъ уже женъ, показался очень заманчивымъ такой способъ пріобрѣтенія невѣстъ, и они спрашиваютъ у Цазика: „А что, намъ могутъ промѣнять невѣстъ на тѣла нашихъ старухъ?“ — „Могутъ, отчего нѣтъ,“ отвѣчаетъ имъ Цазикъ. Орхустойцы убили своихъ матерей и понесли тѣла ихъ въ тотъ аулъ, который указалъ имъ Цазикъ. Пришедши туда, они стали кричать: „кто мѣняетъ невѣстъ на мертвыя тѣла?“ Жители со смѣхомъ прогнали ихъ. „А,“ говорятъ тогда Орхустойцы, „такъ опять Цазикъ вздумалъ надъ нами подшутить! постой-же, мы его сотремъ съ земли.“ Возвратившись домой, стали они его колотить. „Бейте меня, сколько хотите,“ говоритъ имъ Цазикъ, „только не бросайте, положивши на доскѣ, въ рѣку.“ Они положили Цазика на доску и кинули его въ рѣку. Цазикъ поплылъ по рѣкѣ. Долго-ли, коротко-ли плылъ онъ, не знаемъ, но сталъ онъ плыть мимо пастуха, стадо котораго было расположено около берега. Пастухъ говоритъ ему: „Спасти-ли тебя?“—„Спасай,“ отвѣчаетъ Цазикъ, „если только тебѣ хочется отдать мнѣ корову изъ своего стада.“—„Вотъ еще что выдумалъ! спасай тебя, да еще отдай тебѣ корову; утопай, если тебѣ хочется!“ Проплываетъ Цазикъ мимо табуна лошадей. Табунщикъ тоже предлагаетъ ему свои услуги: „Спасай,“ говоритъ ему Цазикъ, „если тебѣ хочется отдать мнѣ потомъ лошадь изъ своего табуна.“ — „Вотъ еще! спасай тебя, да еще отдай тебѣ лошадь! Погибай, если тебѣ хочется!“ Проплываетъ онъ мимо стада овецъ. „Вынуть тебя изъ рѣки?“ спрашиваетъ его пастухъ.— „Вынимай, если тебѣ хочется потомъ отдать мнѣ барана изъ своего стада.“ — „Отчего-же нѣтъ? можно отдать тебѣ; вѣдь не погибать-же человѣку изъ-за одного барана!“ И Цазикъ былъ вынутъ пастухомъ изъ рѣки. Когда-же получилъ онъ барана, то

сталъ-было прощаться съ пастухомъ; но тотъ упрашивалъ его остаться съ нимъ на ночлегъ. ,,Нѣтъ, не могу остаться,“ говоритъ онъ: ,,я такъ несчастливъ, что боюсь, какъ-бы ночью не случилось что-нибудь съ моимъ бараномъ.“ Пастухъ обѣщалъ ему, если только случится какое-нибудь несчастье съ бараномъ, отдать ему еще 60 овецъ. Цазикъ согласился и остался ночевать. Въ полночь, когда пастухъ заснулъ, онъ всталъ потихонь, ко и, поймавъ своего барана, зарѣзалъ его, а потомъ сталъ мазать мясомъ его по губамъ всѣхъ овецъ, а кожу его разорвалъ на мелкіе куски; затѣмъ опять легъ спать, какъ ни въ чемъ не бывалъ. На утро онъ пожелалъ видѣть своего барана и вмѣстѣ съ пастухомъ пошелъ посмотрѣть стадо. Видятъ они, что у всѣхъ овецъ губы въ крови, а барана Цазика и совсѣмъ нѣтъ. Тогда Цазикъ сталъ громко роптать на судьбу свою, жалуясь, что ему ни въ чемъ нѣтъ удачи и что онъ потому именно и не хотѣлъ оставаться на ночь у пастуха, что предчувствовалъ несчастье. Пастухъ далъ ему 60 штукъ овецъ и отпустилъ его.

Узнали Орхустойцы, что Цазикъ возвратился домой съ барантой, пошли къ нему и начали спрашивать его, какъ онъ пріобрѣлъ баранту? ,,Да вотъ какъ,“ говоритъ Цазикъ: ,,когда вы бросили меня въ рѣку и я доплылъ уже до моря, тогда мать воды позвала меня на дно морское и дала мнѣ 60 штукъ овецъ въ благодарность за то, что я посѣтилъ ея море.“ — ,,А что, если мы посѣтимъ мать воды, то она и намъ дастъ?“ — ,,Отчего-же нѣтъ, только доплывите до моря каждый отдѣльно, а когда старшій прибудетъ туда, то долженъ броситься съ доски своей прямо въ море, и если онъ попадетъ на дно морское, значитъ—мать воды призываетъ его къ себѣ; тогда и остальные тоже ныряите въ воду.“ Орхустойцы сѣли на доски, каждый отдѣльно, и поплыли по рѣкѣ къ морю. Когда они доплыли до моря, то старшій изъ нихъ бросился въ море и сталъ биться руками, какъ всякій утопающій; Орхустойцы-же, думая, что старшій ихъ братъ зоветъ и ихъ за собой, бросились всѣ въ воду. Такимъ образомъ всѣ они и потонули.

Между тѣмъ, Орхустойскія жены ждали возвращенія своихъ мужей; видя, наконецъ, что ихъ ожиданія напрасны, кинулись онѣ къ Цазику, какъ виновнику ихъ несчастія. Цазикъ сталъ бѣжать отъ нихъ, а онѣ за нимъ. На дорогѣ Цазику встрѣтился еврей, который везъ на лошади товаръ. ,,Ты куда бѣжишь такъ?“ спросилъ его еврей.—,,Влюбились въ меня,“ говоритъ

Цазикъ, ,,шестьдесятъ женщинъ и каждая изъ нихъ хочетъ, чтобы я жилъ съ нею; но я ни съ кѣмъ изъ нихъ не желаю жить, такъ вотъ онѣ гонятся за мною.“—,,Дай, я замѣню твое положеніе,“ говоритъ ему еврей.—,,Съ радостью, если ты хочешь этого.“ Еврей передалъ свою лошадь съ товарами Цазику и помѣнялся съ нимъ одеждою. Когда жены Орхустойцевъ встрѣтились съ Цазикомъ, то приняли его за торгующаго еврея и пропустили мимо себя; догнавши-же еврея, онѣ убили его, сочтя его за Цазика. Потомъ онѣ разбрелись въ разныя стороны. Цазикъ-же возвратился домой и сталъ жить съ этого времени безъ всякихъ тревогъ.

Чахъ Ахріевъ.

17 января 1871 г.
Аулъ Верхній Назранъ.

ИЗЪ КАБАРДИНСКИХЪ СКАЗАНІЙ О НАРТАХЪ.

ОТЪ СОБИРАТЕЛЯ.

Извѣстные уже читателямъ „Сборника“ Нарты оставили по себѣ и въ Кабардѣ не мало преданій, которыя представляютъ ихъ людьми необыкновенно сильными, ловкими и отважными. Проводили они жизнь или въ постоянныхъ разъѣздахъ для наѣздническихъ подвиговъ, или предаваясь пиршествамъ въ особые, избранные заранѣе, дни, въ которые они, постаравшись забыть томившую ихъ въ остальное время жажду наѣздническихъ подвиговъ, беззавѣтно, до рябячества, веселились и благодушествовали. Соотвѣтственно приписываемымъ Нартамъ необычайнымъ качествамъ, ихъ пиршества, подвиги мужества и другіе поступки представляются преданіями въ громадныхъ, почти баснословныхъ, размѣрахъ, да и вообще все относящееся до Нартовъ выдается своею грандіозностью, почему у адиговъ и теперь считается лучшею похвалою для наѣздника, если онъ *уподобленъ старинным Нартамъ*.

На наѣздническіе подвиги Нарты выѣзжали или большими партіями или въ одиночку. Большими партіями собирались они для совершенія крупныхъ набѣговъ, по приглашенію старѣйшаго Нарта, который и предводительствовалъ ими и которому заранѣе доставлялись свѣдѣнія о томъ, куда въ данную минуту удобнѣе напра-

вить партію. Самою большою славою пользовались тѣ набѣги, которые Нартовскія партіи, благополучно проѣхавъ песчаныя безводныя степи *(кумъ)*, прилегающія къ рр. Дону *(Тенъ)* и Волгѣ *(Идылъ)* и замыкавшія на сѣверъ земли, населенныя Нартами, совершали по близости этихъ рѣкъ. По-крайней-мѣрѣ всѣ почти упоминаемые въ слышанныхъ нами до-сихъ-поръ преданіяхъ набѣги, какъ Нартовъ, такъ и позднѣйшихъ адигскихъ наѣздниковъ, происходятъ около этихъ рѣкъ и примыкающихъ къ нимъ мѣстностей. Прежніе люди—говорятъ кабардинцы—имѣли очень ограниченныя свѣдѣнія объ окружавшихъ ихъ странахъ, и проѣхавшему разстояніе отъ р. Подкумка до р. Этоки *) удивлялись, какъ совершившему весьма дальній путь. Такое-ли, дѣйствительно, недостаточное знаніе мѣстности ограничивало кругъ наѣздничества, или другое что, но о совершеніи Нартами одиночныхъ наѣздовъ на Донъ и Волгу преданія не упоминаютъ. И наиболѣе прославленный Нартъ ограничивался тѣмъ, что, построивъ себѣ въ дремучемъ лѣсу или въ какомъ-либо другомъ мало посѣщаемомъ захолустьи шалашъ, снабженный обильно провизіею и всѣмъ необходимымъ, проводилъ тамъ иногда мѣсяцы, охотясь или разъѣзжая по окрестностямъ, съ цѣлью, не нападетъ-ли на такого-же, какъ онъ, искателя приключеній. Встрѣчавшіеся во время этихъ разъѣздовъ Нарты считали постыднымъ разъѣхаться, не помѣрявшись силами. Кромѣ состязаній между собой изъ-за славы ловкаго и отважнаго наѣздника, Нартамъ приходилось вступать въ борьбу съ великанами, неповоротливыми, неотесанными чудовищами—людоѣдами, страшными своею непомѣрною силою, которые, живя по трущобамъ, въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ и Нарты, сталкивались съ послѣдними во время ихъ разъѣздовъ. Выступая рядомъ съ великанами, Нарты казались такими-же карликами, какими представляются въ сравненіи съ самими Нартами настоящіе люди, которыхъ Нарты, предсказывая о замѣщеніи своемъ ими, съ пренебреженіемъ называютъ *будущимъ поколѣніемъ желѣза.* Предугадывая свое пораженіе въ открытой борьбѣ съ великанами, силою противъ силы, Нарты упо-

*) Незначительная рѣчонка между рр. Подкумкомъ и Малкою.

требляли другое, болѣе деликатное оружіе, — прибѣгали къ посредству своего разума, оказывавшагося могущественнѣе грубой силы великановъ и дававшаго Нартамъ всегда перевѣсъ. Такъ, напр., нѣсколько Нартовъ, зашедши для отдыха въ попавшуюся имъ на пути старую каменную башню, казавшуюся имъ необитаемою, неожиданно предстаютъ предъ трехъ великановъ. При всемъ желаніи ихъ, ретироваться поздно и нельзя. Великаны, обрадовавшись неожиданной добычѣ, такъ-какъ они очень падки до лакомаго человѣческаго мяса, принимаютъ ихъ весьма радушно. Втеченіи трехъ сутокъ великаны угощаютъ своихъ гостей олениною и разною другою дичью усердно, не выпуская ихъ изъ башни. Утромъ, на четвертыя сутки, они говорятъ, что пріѣзжій считается, по обычаю, гостемъ только втеченіи трехъ сутокъ и затѣмъ становится членомъ семейства, почему и Нарты, которыхъ они, великаны, чествовали втеченіи трехъ сутокъ по мѣрѣ силъ, обязаны кормить теперь ихъ, великановъ, и требуютъ выдать имъ одного изъ своей среды, по жребію, на зарѣзъ. Нарты ожидали уже подобнаго требованія, потому старшій изъ нихъ, выступивъ впередъ, говоритъ, что справедливое требованіе великановъ они рады исполнить, но прежде онъ проситъ дозволить ему объяснить порученіе, съ которымъ его съ товарищами послали Нарты къ великанамъ. Получивъ разрѣшеніе, Нартъ Насранжаке говоритъ, что въ средѣ Нартовъ недавно былъ возбужденъ споръ, едва не кончившійся кровопролитіемъ, и не разрѣшивъ все-таки спорнаго вопроса, Нарты поручили ему съ товарищами обратиться за его разрѣшеніемъ къ великанамъ, которые, какъ лучшіе судьи въ предметѣ спора, безъ труда могутъ разрѣшить задачу. Затѣмъ, разсказавъ анекдотъ о бычачьей лопаткѣ, попавшей въ глазъ пастуху, укрывшемуся отъ жары подъ подбородокъ козла *), добавляетъ, что Нарты не могли рѣшить, кто сильнѣе: ястребъ-ли, унесшій быка, на лопаткѣ котораго помѣстился большой аулъ, лисица-ли, пере-

*) Анекдотъ этотъ почти въ томъ-же видѣ, какъ онъ разсказывается кабардинцами, помѣщенъ въ III вып. „Сборника,“ въ народныхъ сказаніяхъ осетинъ, потому и не повторяемъ его здѣсь (см. также настоящій выпускъ „Сборника,“ Чеченскія сказанія, стр. 40—41).

кидывавшая со стороны на сторону лопатку съ цѣлымъ ауломъ, или новобрачная, повернувшая коромысломъ на другой бокъ лисицу, которую аулъ не могъ сдвинуть съ мѣста и половины шкуры которой не хватило, однако, на шапку ребенку? Одинъ изъ великановъ находитъ сильнѣйшимъ ястреба, другой—лисицу, третій — новобрачную, и такъ-какъ каждый изъ нихъ настаиваетъ на правильности своего мнѣнія, то, забывъ вовсе о своихъ плѣнникахъ, они вступаютъ въ горячій споръ, переходящій въ ожесточенную драку на дворѣ. Нарты, только этого и ждавшіе, улизнули себѣ незамѣтно, пожелавъ великанамъ скорѣе перебить другъ друга.

Если въ очевидно-неравной борьбѣ противъ зловредныхъ великановъ - людоѣдовъ Нартамъ не возбранялись, для одержанія побѣды, всякія хитрости и коварныя уловки, то обращеніе къ подобнымъ средствамъ въ единоборствахъ ихъ между собою строго осуждалось. Сосрыко, одинъ изъ славнѣйшихъ Нартовскихъ героевъ, котораго многочисленные подвиги состоятъ изъ непрерывнаго почти ряда коварныхъ ухищреній, такъ выражаетъ свое горькое томленіе въ нѣдрахъ земли, куда онъ ввергнутъ за свои провинности, томленіе, которому не предвидится конца ни посредствомъ выхода оттуда на бѣлый свѣтъ, ни посредствомъ смерти: *„Когда небо еще сгущалось, а земля только-что сплотилась, я былъ уже мужчина въ зрѣлыхъ лѣтахъ.* Отъ горя я разрываюсь, прорвалъ-бы черную землю и вышелъ-бы на старый свѣтъ, но Альбековъ *) сынъ мнѣ препятствуетъ: онъ стоитъ надо мной въ полномъ вооруженіи, готовый при первомъ моемъ движеніи приколоть меня. *Когда Бештау былъ не больше кочки и черезъ Идылъ шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ* **). Отъ горя я разрываюсь, прорвалъ-бы черную землю и вышелъ-бы на старый свѣтъ, но Альбековъ сынъ мнѣ препятствуетъ: стоитъ

*) Всѣ девять сыновей Нарта Альбека убиты Сосрыко обманнымъ образомъ. Послѣдній изъ нихъ былъ Тотырешъ, о которомъ и говорится здѣсь.

**) Выраженія эти, конечно гиперболическія, указываютъ на продолжительность пытки, претерпѣваемой Сосрыко. Интересно указаніе на образованіе неба и земли (по-кабардински: уафер шимигемышцего, читлер ши *запцыгачем*).

надо мной въ полномъ вооруженіи, готовый при первомъ моемъ движеніи приколоть меня.“ Однако, своими необыкновенными способностями, дававшими ему возможность являться всегда на помощь Нартамъ и во-время выручать ихъ, Сосрыко, при помощи своей матери, съумѣлъ сдѣлаться на столько необходимымъ Нартамъ, что они вынуждены были смотрѣть снисходительно, при его жизни, на недостатокъ, за который впослѣдствіи онъ удостоивается преданіемъ такой тяжкой муки, и даже заискивать предъ нимъ. Усовершенствованіемъ своимъ, въ искусствѣ надувать, хитрить, и большею частью своихъ успѣховъ Сосрыко обязанъ своей матери, госпожѣ Сатанэ, которая родила его, не имѣя не только законнаго мужа, но и всякаго сношенія съ мужчиной. Однажды, когда она полоскала на рѣкѣ бѣлье, пасшій на другомъ берегу стадо пастухъ былъ прельщенъ ею. Возбужденный пастухъ, недолго думая, кличетъ Сатанэ и, заставивъ ее взглянуть въ свою сторону, совершаетъ нѣмое дѣйствіе для успокоенія своего сладострастія, имѣвшее послѣдствіемъ, не смотря на разстояніе, ихъ раздѣлявшее, зарожденіе въ лежавшемъ вблизи Сатанэ камнѣ ребенка. Почувствовавъ въ то-же время признаки беременности въ себѣ, а по нѣкоторымъ признакамъ, замѣтнымъ только для нея одной, какъ вѣщей женщины, угадавъ зарожденіе ребенка и въ камнѣ, Сатанэ, до исполненія полныхъ съ того времени девяти мѣсяцевъ, слѣдитъ за камнемъ. По прошествіи этого срока, она приказываетъ осторожно разбить камень, и вынимаютъ оттуда ребенка, горячаго какъ огонь. Тотчасъ ребенка опускаютъ въ рѣку и онъ, закалившись какъ сталь, дѣлается неуязвимымъ, за исключеніемъ двухъ колѣнъ, за которыя придерживали его во время этой операціи. Этотъ закаленный и потому неуязвимый никакимъ оружіемъ ребенокъ былъ Сосрыко, котораго Сатанэ, признавъ за роднаго сына, вскормила и воспитала. Хлѣбосольная, умная, вѣрно угадывавшая слабости каждаго и не отступавшая ни предъ какими средствами для обольщенія нужнаго человѣка, Сатанэ пользовалась въ средѣ Нартовъ вліяніемъ, которое не могло быть ослаблено ходившею недоброю славою о ея честности и цѣломудріи и которое не могло не отразиться и на положеніи самого ея сына, Сосрыко. Эта женщина, прославив-

шаяся своею изобрѣтательностью во всякаго рода коварствахъ, хитростяхъ, и умѣніемъ отгадывать сокровенное, никогда не оставляла своего *нероднаго, но любимаго сына* совѣтами и указаніями и не разъ выручала его въ обстоятельствахъ, казавшихся и ему безъисходными. Хотя не мало было между Нартами героевъ, превосходившихъ Сосрыко своимъ мужествомъ, ловкостью и силою и рисковавшихъ на гораздо опаснѣйшіе подвиги, но таково уже всегда и вездѣ обаяніе силы ума: Сосрыко и его вѣрная помощница, Сатанэ, заслоняя другихъ, болѣе достойныхъ Нартовскихъ героевъ, почти исключительно къ себѣ однимъ приковывали вниманіе народа, благодаря главнымъ образомъ хитрости и замысловатости своихъ подвиговъ.

Представляемыя ниже пѣсни о Нартахъ составляютъ самую незначительную часть существующихъ о нихъ въ Кабардѣ сказаній. Не можемъ ручаться за совершенную полноту приводимыхъ нами сказаній, такъ-какъ, по рѣдкости лицъ, которыя хорошо знали-бы пѣсни, съ каждымъ днемъ все болѣе забываемыя, мы не могли записать ихъ отъ разныхъ лицъ и сличить варіанты. Желаніе возможно ближе держаться подлинника и потеря значенія многихъ выраженій, вовсе теперь неупотребляемыхъ и неразъясненныхъ никѣмъ изъ лицъ, къ которымъ мы обращались, служатъ причиною темноты нѣкоторыхъ мѣстъ нашего перевода этихъ сказаній.

Сосрыко.

I.

Смуглый Сосрыко, мужъ желѣзноглазый [1]), лихой наѣздникъ, отсталъ отъ Нартовъ, выѣхавшихъ въ набѣгъ.

Семидневная и семиночная стужа застигла и заморозила Нартовъ; тогда они спросили другъ друга: „Эй, *Имысъ*, *Сосыш*ъ, *Жинду-жаке*, *Аракшау*, *Озершегъ*, *Насранжаке*, *Ашовъ сынъ Ашамазъ*, *Хымышевъ сынъ Батыразъ*, *Сибильши*, *Альбековъ сынъ Тотырешъ* [2]), есть-ли у кого огонь?“ Ни у кого изъ Нартовъ, собравшихся въ походъ, не оказалось огня. Тогда оба *маменькиныхъ сынка* [3]) раскаялись и говорятъ: „Зачѣмъ мы были такъ глупы, что поѣхали съ партіею, въ которой не участвуетъ Сосрыко!“ Пока такъ они сѣтовали, прибылъ и Сосрыко.

— Ты нашъ Сосрыко, золотаго рода, хорошей породы, мы помрасмъ безъ огня!

— Огонь всегда есть при мнѣ,—отвѣчаетъ Сосрыко и раскладываетъ Нартамъ громадный костеръ.

Все войско хлынуло разомъ къ огню. Сосрыко, разгнѣвавшись, костеръ разбросалъ и въ воду побросалъ.

Оставшись безъ огня, Нарты вновь просятъ Сосрыко: „Ты нашъ Сосрыко, золотаго рода, хорошей породы, разведи намъ огня, если есть у тебя.“

— Клянусь *кормильцомъ* моимъ *Уашхо* [4]), у меня нѣтъ огня, но все-таки я достану вамъ его, отвѣчаетъ Сосрыко.

---

[1]) Одно изъ выраженій, утерявшихъ свое значеніе. Буквально: *мужъ съ желѣзнымъ глазомъ*.

[2]) Имена Нартовъ.

[3]) Въ другой пѣснѣ эти слова приводятся какъ одно собственное имя.

[4]) Кормильцомъ (по-кабардински *канъ*) называютъ вообще взятаго на воспитаніе ребенка высшаго сословія. Здѣсь оно употреблено въ смыслѣ — *покровитель*. *Уашхо*, вѣроятно, названіе какого-либо божества.

Вскочивъ на буланаго коня своего, онъ поднимается на гору *Харама* [5]) и озирается кругомъ. Онъ примѣтилъ: изъ одной плоской старой башни дымокъ поднимается. Спѣшившись тотчасъ, онъ выслѣживаетъ тайкомъ: то домъ великана,—самъ онъ спитъ, свернувшись кольцомъ, подогнувъ ноги подъ голову, огонь-же горитъ по срединѣ. Сосрыко крадется обратно и говоритъ коню:

— Мой старый буланый, скакунами не обгоняемый! Это домъ великана; самъ онъ спитъ, подогнувъ ноги подъ голову, огонь-же горитъ по срединѣ. Какъ мы увеземъ отъ него огонь?

— Сосрыко, смуглый мужъ съ желѣзнымъ глазомъ, лихой наѣздникъ, садись ко мнѣ на спину; я мой лошадиный шагъ превращу въ собачій, а собачій шагъ — въ кошачій, тайкомъ подползу и украдемъ головешку.

Сосрыко садится на коня; подъѣхали къ башнѣ и украли головешку. Проскакавъ семь дней и семь ночей, они уронили головешку и ее вѣтромъ отнесло на колѣно великана. Тотъ, встрепенувшись, сосчиталъ головешки. Одной не хватаетъ. „Да принесется онъ въ жертву моему отцу, какой негодяй меня обокралъ!“ говоритъ великанъ и, съ мѣста не трогаясь, семь дорогъ ощупавъ, ловитъ проскакавшаго семь дней и семь ночей.

— Эй, Нартовъ юноша, вѣдь съѣмъ тебя сыраго, если не скажешь, гдѣ Сосрыко.

— О Сосрыко я слыхалъ, но его не встрѣчалъ и гдѣ онъ теперь не знаю.

— Если и не знаешь, гдѣ онъ теперь находится, научи меня его играмъ.

— Хорошо, научу, отвѣчаетъ Сосрыко и выводитъ великана.

Сосрыко становили у подножія горы *Капишкай*; скаченный оттуда камень *абра* [6]), ударивъ лбомъ, онъ еще быстрѣе подгонялъ на гору.

— Сдѣлай-же и со мною такъ, говоритъ великанъ.

Сосрыко, взбѣжавъ на гору, скатилъ оттуда камень абра. Великанъ, ударивъ его лбомъ, подогналъ его еще быстрѣе на гору, но и самъ присѣлъ нѣсколько назадъ. Приподнявшись: „и

---

[5]) Такъ называлась, по мнѣнію нѣкоторыхъ стариковъ, гора, находящаяся на В. отъ небольшаго соленаго озера, между Пятигорскомъ и ст. Богатые Колодцы.

[6]) Камень неимовѣрно тяжелый, какъ предполагаютъ нѣкоторые.

это славная игра, зудъ лба унимаетъ; если знаешь лучшую, покажи,“ говоритъ великанъ.

Убитъ Сосрыко Богомъ, онъ не придумаетъ, какъ убить великана.

— И лучшую игру покажу, говоритъ Сосрыко, и ведетъ великана далѣе.

Посадили Сосрыко на колѣни и ротъ его наполнили стрѣлами; онъ стальные наконечники отгрызалъ и проглатывалъ, древко-же выбрасывалъ назадъ.

— Сдѣлай-же и со мною такъ, сказалъ, присѣвъ, великанъ.

Сосрыко раскрытый его ротъ наполняетъ стрѣлами. Великанъ отгрызъ наконечники, а древко выкинулъ обратно.

— Нартовъ юноша, и это славная игра, зудъ рта унимаетъ; если знаешь лучшую, то покажи.

Убитъ Богомъ Сосрыко, онъ не придумаетъ, какъ убить великана.

— Покажу и лучшую игру, говоритъ онъ.

Сосрыко раскрывалъ ротъ, ему клали туда раскаленный лемехъ, который, охладивъ въ животѣ, онъ выбрасывалъ назадъ.

— Сдѣлай и со мною такъ, говоритъ великанъ.

Раскаливъ лемехъ, Сосрыко вложилъ его въ ротъ великану, а тотъ, охладивъ его въ животѣ, выбросилъ назадъ.

— Нартовъ юноша, и это славная игра; покажи и лучшую.

Сосрыко убитъ Богомъ, онъ не придумаетъ, какъ убить великана.

— Стой, стой, великанъ, одна игра еще осталась.

Сосрыко проводили черезъ семь морскихъ пучинъ и въ самой глубокой становили такъ, чтобы онъ не могъ захлебнуться и ноги не касались-бы дна; морозили эту пучину семь дней и семь ночей, потомъ, рванувшись, онъ выходилъ изъ льда.

Когда великанъ сказалъ: „сдѣлай и со мною такъ,“ Сосрыко заморозилъ его. — „Выходи,“ сказалъ онъ потомъ и, когда великанъ рванулся, ледъ затрещалъ.

— Стой, стой, великанъ, тебѣ-же будетъ полезнѣе для укрѣпленія мышцъ, если ледъ будетъ покрѣпче, вскрикнулъ Сосрыко. Напустивъ вновь воды, еще сильнѣе заморозилъ его. Когда Сосрыко сказалъ: „рванись теперь,“ великанъ отвѣтилъ: „рвусь, да не одолѣю.“

Тогда, выхвативъ мечъ, Сосрыко наскочилъ на него. Великанъ, дунувъ „уфъ!“, отбросилъ его на полдневный путь на-

задъ. Какъ на крыльяхъ, приспѣлъ вновь Сосрыко и когда, вынувъ мечъ, онъ подъѣхалъ снимать голову великану, тотъ сказалъ: „если-бы я не былъ глупый великанъ, какъ было мнѣ не догадаться по двумъ твоимъ колѣнямъ, что ты Сосрыко.“

Снявъ голову, Сосрыко отправился назадъ съ огнемъ.

Въ Нартовскомъ отрядѣ, куда онъ возвратился, скучившись, взобравшись одинъ на другаго, кто умеръ отъ жары, кто умеръ отъ холода; для оставшейся-же малой части отряда онъ развелъ огня и, предоставивъ сдѣлать богатый набѣгъ, привелъ ихъ обратно домой.

II.

Сосрыко, нашъ кормилецъ, Сосрыко, нашъ свѣтъ, златовидный *пока не молотятъ* [7]), коему панцырь — рубаха, и коего палитъ солнце отвѣсно, садится на коня и ѣдетъ въ собраніе Нартовъ. Здѣсь онъ встрѣчаетъ два войска, которыя лежатъ, слѣдя другъ за другомъ и не находя посредника.

Явившись коварнымъ посредникомъ, Сосрыко оба войска стравилъ и, свою долю копій поломавъ и должную добычу получивъ, отправился назадъ, имѣя товарищемъ свою одинокую собаку и ни одного Нартовскаго наѣздника.

Рыская по подножію *Арикка* [8]), гоняясь за краснымъ звѣремъ, онъ запримѣтилъ вдали черное пятно: онъ кликнулъ, но крикъ его не былъ услышанъ; погнался за нимъ, но не могъ нагнать. Тогда тотъ, обернувшись, крикнулъ и крикъ его пронзилъ Сосрыко; преслѣдуя потомъ и нагнавъ Сосрыко, онъ Нартовское двуглавое копье приперъ къ сѣдлу, и Сосрыко, уронивъ поводья, взрылъ локтемъ двѣнадцать бороздъ, изъ ноздрей прошибло его по́томъ, какъ изъ восьми пашущихъ быковъ, шелковые рыжіе усы его пылью облѣпило и молокомъ матери троекратно стошнило его. Когда, вынувъ шашку, тотъ подъѣхалъ снять ему голову: „стой, стой, юноша Нартовъ, ты собака, ты бездушный!“ вскрикнулъ Сосрыко.

---

[7]) Значеніе этого выраженія, переведеннаго буквально, также утеряно. По-кабардински: ямъ-ɔху, вѣроятно, означаетъ пока не разгнѣваютъ.

[8]) Аррикъ—невысокій горный кряжъ.

— Я не собака, я не бездушный.

— Сегодня у Нартовъ *питье бѣлаго сане* [9]), не смущай нашего празднества; въ такой день нашъ родъ не убиваютъ, и провинившійся въ томъ не остается безнаказаннымъ: назначьже мнѣ срокъ.

— Гора *Харама*-наше мѣсто свиданія; да надѣнутъ женскій колпакъ на того, кто избѣгнетъ завтрашняго срока.

И Тотырешъ отъѣхалъ; Сосрыко-же вернулся домой.

— Мать моя, *госпожа* [10]) Сатанэ, прикажи своей Марухъ— кроить, своей Марыбзъ— шить для меня, вели сдѣлать мнѣ кафтанъ.

— *Неродной, но любимый мой сынъ*, скажи мнѣ, какія вѣсти привезъ изъ собранія Нартовъ и куда ты ѣздилъ?

— Мать моя, госпожа Сатанэ, глупа-же ты, хоть и женщина, развѣ бабы справляются о томъ, что творится въ народныхъ собраніяхъ, и развѣ къ нимъ (женщинамъ) за совѣтомъ обращаются?

— Клянусь кормильцомъ Уашхо, я убью себя, говоритъ она и стальныя ножницы хватаетъ.

— Стой, стой, мать моя! поколѣніямъ маленькихъ людей, долженствующимъ послѣдовать за нами, примѣра самоубійства не оставляй; я разскажу тебѣ лучше Нартовскіе *хабары* [11]). Въ съѣздѣ Нартовъ, куда я ѣздилъ, встрѣтилъ я большую битву: тамъ два войска *канекія*, слѣдя другъ за другомъ, лежали и посредника не находили. Сдѣлавшись между ними злоумышленнымъ переговорщикомъ, я заставилъ ихъ сразиться и самъ принялъ участіе въ битвѣ; получивъ свою долю добычи, не имѣя товарищемъ ни одного Нартовскаго наѣзднпка, съ одною только собакою, я уѣхалъ оттуда. Рыскал по подножію Арпика, охотясь за краснымъ звѣремъ и пустивъ скакуна полнымъ ходомъ, я увидѣлъ вдругъ всадника вдали. Погнался за нимъ—не нагналъ; крикнулъ вслѣдъ—не былъ услышанъ. Тогда онъ, повернувшись, погнался за мной и нагналъ; Нартовское двуглавое копье приперъ онъ къ сѣдлу моему; я выронилъ поводья, взрылъ двѣнадцать бо-

---

[9]) *Сане*—вино. Сегодня питье бѣлаго сане, т. е. день, предназначенный для бражничанья, въ который не принято воевать.

[10]) *Гоаша*—можетъ быть переведено, кромѣ *госпожа*, еще *хозяйка* и *княгиня*.

[11]) Т. е. новости.

роздъ; изъ ноздрей моихъ вышло поту, какъ изъ восьми пашущихъ быковъ; рыжіе шелковые усы мои пылью покрылись и материнмъ молокомъ три раза меня стошнило. Когда онъ, вынувъ мечъ, снять голову ко мнѣ подъѣхалъ, я къ хитрости прибѣгъ и въ домъ твой возвратился.

— Да перейдутъ всѣ твои будущіи болѣзни къ матери твоей! въ такомъ случаѣ ты не малую добычу привезъ! Разскажи мнѣ примѣты его и лошади.

— Лошадь подъ нимъ была рыжая, съ головою, подобною оленьей, которую она закидывала высоко; ноги ея были мохнаты у копытъ, коренные-же зубы длинны. Она, то грудью напирала, то прыгала, и, прыгнувъ, исчезала. Самъ всадникъ былъ юноша бѣлолицый, бѣлорукій, ѣхавшій съ видомъ самонадѣяннымъ и безъ предосторожностей.

— Да перейдутъ твои болѣзни къ матери твоей! У сестры моей Барамбыпху было девять сыновей. Восмерымъ изъ нихъ я предоставила тебѣ снять головы; было-бы лучше, еслибъ и послѣдній, девятый, не сдѣлался соперникомъ твоимъ. Но если онъ сталъ имъ, то я предоставлю тебѣ снять и его голову. Его конь рожденъ въ домѣ колдуновъ, вскормленъ въ домѣ бѣшеныхъ [12]). Я принесу тебѣ колокольчики *царя кораблей* [13]), вплажу ихъ въ хвостъ твоего коня, обвѣшаю ими его гриву. Когда ты заставишь коня своего головою мотнуть и хвостомъ размахнуть, рыжій конь испугается и кинется прочь; разъ повернется онъ спиною къ тебѣ—и ты будешь властенъ поступить съ нимъ, какъ хочешь.

— Мать моя, госпожа Сатанэ, сдѣлай-же мнѣ такъ, говоритъ Сосрыко, и къ буланому коню направляется.

— Мой буланый, скакунами необгоняемый, нанесенная намъ вчера рыжимъ конемъ обида касается-ли меня одного или обоихъ насъ?

— Ты, *старый* Сосрыко, *лапотникъ* [14]), отродье пастуха, вѣдьмою рожденный! Возлѣ протекала холодная ключевая вода—я

---

[12]) Выраженія эти употреблены, вѣроятно, для опредѣленія понятливости и горячности коня.

[13]) Разъясненія этого выраженія мы не могли ни отъ кого получить.

[14]) *Старый*—употребляется, иногда, въ смыслѣ *негодный*, *ничтожный*, а иногда для выраженія расположенія и пріязни, въ родѣ *дружище*, *старый пріятель*. Здѣсь оно употреблено въ первомъ смыслѣ. *Керехъ*—особая обувь изъ мятой кожи, сшитая очень красиво и похожая на лапти.

не испилъ глотка, возлѣ-же дома зеленая трава—я не сорвалъ ни былинки.

— Да принесешься ты въ жертву моему отцу, такъ я одинъ всему виной? Тамъ, мать меня наставляетъ, здѣсь-же конь будетъ обличать!

Разгнѣвался Сосрыко, вскочилъ на буланаго. Онъ, скача къ заднимъ воротамъ, былъ примѣченъ Сатанэ.

— Неродной, но любимый мой сынъ! не ѣзжай ты въ собраніе Нартовское, разгнѣванный; вернись и дай ввязать въ хвостъ лошади твоей колокольчики царя кораблей.

Обвѣшали коня колокольчиками цари кораблей.

Тотырешъ Альбековъ, прибывъ на свиданіе, ждалъ у горы Харама. Сосрыко обернулся вкругъ него [15]) малымъ, но густымъ туманомъ. „Да будетъ онъ жертвою отцу моему, откуда явился этотъ неумѣстный туманъ!“ говоритъ Тотырешъ и, размышляя объ этомъ, впалъ въ дремоту. Тогда Сосрыко вдругъ заставилъ коня своего мотнуть головой, хвостомъ размахнуть: рыжій конь, испуганный, понесся. „Да съѣдятъ тебя собаки, не къ бабамъ-ли ты хочешь отвезти меня!“ вскрикнулъ Тотырешъ и, поводьями дернувъ, разорвалъ челюсти коню, который тутъ-же и палъ мертвый. Сосрыко, наскочивъ, вынулъ мечъ снять голову. —„Стой, стой, Нартовскій юноша, я уступилъ тебѣ вчерашній день,—сегодняшній ты долженъ уступить мнѣ,“ сказалъ Тотырешъ. — „А пропади ты, глупый юноша! Станутъ-ли ждать насъ Нарты, пока будемъ мы возиться, назначая другъ другу сроки,“ отвѣтилъ Сосрыко и, снявъ голову Тотырешу, вернулся домой.

Пши-Бадиноко.

Пши-Бадиноко Нартовъ, непримѣнный врагъ *Кинтовъ*, вновь охваченъ своею страстью къ *похожденіямъ* [16]).

Осѣдлавъ коня, подтянувъ подпруги, онъ вооружается, садится на коня и выѣзжаетъ.

Рыщетъ онъ повсюду, одинокій; не ѣдетъ—летитъ.

Наконецъ, на обычномъ пути *враговъ*, на томъ пути, гдѣ

---

[15]) Т. е. преобразился и обложилъ его.

[16]) Странствованіемъ или похожденіемъ (зеко) назывались продолжительныя отлучки для наѣзднических подвиговъ.

провозятъ краденыхъ мальчиковъ, гдѣ коней не пасутъ и семь дорогъ пересѣкаются, онъ встрѣчаетъ Нартовскаго пастуха. „Да размножится твое стадо,“ привѣтствуетъ онъ его. — „Да продлитъ Богъ твою жизнь, добрый юноша,“ отвѣчаетъ пастухъ.—„Пастушокъ, скажи мнѣ новости Нартовъ.“—„Пши-Бадиноко, гдѣ мнѣ узнавать Нартовскія новости: цѣлый день я при стадѣ, а ночью сплю, свернувшись, какъ мертвый.“—„Какъ-же отваживаешься ты пасти свое стадо тамъ, гдѣ семь дорогъ пересѣкаются, не зная что творится у Нартовъ?“

Пылкій мужъ разгнѣвался, какъ костеръ изъ сухихъ пней воспылалъ и, три раза плетью хлестнувъ пастуха, отъѣхалъ.

Уже поляну онъ проѣхалъ.

Пастушокъ, поразмысливъ, припомнилъ нѣчто и зоветъ: „Пши-Бадиноко Нартовъ, вернись!“

Пши-Бадиноко вернулся.

— Я знаю одну новость и скажу тебѣ, если не побрезгаешь ею, сочтя за бабью сплетню. У Сатанэ пиршество, она живетъ надъ дорогой и всѣ проѣзжіе къ ней заворачиваютъ. Тамъ бѣлое *сане* въ кадушкахъ выставлено, жирные бараны, откормленные быки рѣжутся для гостей. На красавицъ канъ-дѣвушекъ полюбуешься и съ веселыми дѣвками, которыхъ тамъ не мало, вдоволь наиграешься [17]).

— Негодный пастухъ, собачій сынъ, я не искатель пиршествъ и не обычный посѣтитель *лагуна* [18]), я искатель не покровительства и милостей, а борьбы и подвиговъ мужества, я никому необязанный, свободный и безупречный наѣздникъ и въ соперники Нарта ищу. Зачѣмъ вернулъ ты меня для сообщенія бабьихъ сплетенъ? Не почти я старости твоей, ты былъ-бы вновь побитъ.

И Пши-Бадиноко поѣхалъ далѣе.

Служанка госпожи Сатанэ, выйдя изъ стариннаго бѣлокаменнаго дома съ дубовымъ поломъ — мѣста веселія Нартовъ, шла по воду съ двумя *бедакъ* [19]). Примѣтивъ ѣхавшаго всадника, она быстро возвращается назадъ.

— Госпожа Сатанэ, съ госпожами несравнимая, просты-

---

[17]) Между первыми и вторыми дѣвушками существуетъ какая-то разница. На первыхъ можно только издали полюбоваться, послѣднія-же могутъ доставить, какъ видно, и болѣе существенное развлеченіе.

[18]) Женская половина.

[19]) Неизвѣстное названіе, вѣроятно, нѣчто въ родѣ ведеръ.

ми людьми неразгаданная, *лѣсной богъ поднимающихся* [20]), сюда ѣдетъ наѣздникъ, какого я не видывала во всемъ нашемъ околоткѣ.—„Разсмотри живѣе примѣты его и коня," отвѣчаетъ Сатанэ, и тутъ-же возвращаетъ служанку назадъ.

Присмотрѣвшись къ всаднику и коню, служанка все замѣченное передала Сатанэ: „Госпожа Сатанэ, *фасоли собесѣдница* [21]), примѣты лошади и наѣздника таковы: впереди всадника кругообразная туча, позади птицы летаютъ, на спинѣ-же коня онъ раскинулъ шатеръ; пламя, которое онъ выдыхаетъ, жжетъ все на пути, а по бокамъ его двѣ *самыръ-собаки* рѣзвятся; конь его прыгаетъ и рвется изъ тѣсной дорожной колеи. Самъ онъ выдыхаетъ пламя клубами и солнцемъ палитъ отвѣсно, конь-же поднимаетъ голову свою подъ облака."

Когда служанка не могла узнать всадника, госпожа Сатанэ, фасоли собесѣдница, поднялась, стала на *ихавака* [22]), полдневный путь—до порога прошла и вышла наконецъ. Глянувъ изъ дверей на всадника, узнала его.

— Ты сука, пестая старая сука, откуда могъ-бы явиться въ одинъ день наѣздникъ, котораго и ты еще не видѣла, и который не былъ-бы изъ числа уже видѣнныхъ мной? Онъ — изъ числа уже видѣнныхъ тобою; онъ находился уже и между видѣнными мной. Что̀ кажется тебѣ тучею у него впереди—это паръ изъ ноздрей коня; птицы, что́ сзади летаютъ — то грязь изъ-подъ копытъ; на спинѣ-же коня раскинутый шатеръ—то не болѣе какъ натянутый лукъ; огненное пламя—то рыжіе шелковые усы наѣздника; рѣзвящіяся по бокамъ собаки-самыръ — это не болѣе какъ пѣна, падающая отъ потнаго коня. Самъ-же наѣздникъ — это Нартъ Пши-Бадиноко, съ Кинтами враждующій и возвращающійся и теперь изъ кинтской битвы; онъ путеводитель по Тену (Дону?), лучшій вожакъ по Кубани. Приглядѣвшись поближе, примѣтишь, что онъ много занятъ собою и изъ числа своенравныхъ людей. О, мой возлюбленный Хымышъ, если онъ (Пши-Бадиноко) проѣдетъ мимо—пронзитъ онъ оба колѣна

---

[20]) *Цыхумы я фа гоге*, простыми людьми неразгаданная, т. е. которой мысли и дѣйствія на столько чудесны, что обыкновенными не могъ быть понятъ и объясненъ ихъ источникъ. Лѣснымъ богомъ называется царь звѣрей. „Поднимающіяся" говорятъ вообще про птицъ и звѣрей. Неизвѣстно, почему она названа такъ.

[21]) Т. е гадальщица. Ворожейки и теперь гадаютъ посредствомъ фасоли.

[22]) Ходули, употребляемыя женщинами.

Сосрыко копьемъ! Наѣзднпкъ этотъ обиды не можетъ стерпѣть и если недовольный уѣдетъ, то скотъ нашъ угонитъ, подберетъ ребятишекъ, забавляющихся альчиками, и Нартовъ въ конецъ истребитъ. Намъ нужно скорѣе завлечь его.

Госпожа Сатанэ *синій стекляный* свой домъ обметаетъ *самыромъ* и сама, принарядившись, набѣлившись, нарумянившись, подсѣла къ *стекляному* окну, стройная, какъ древко копья [23]). ,,Зазови-же скорѣе его, сука,“ сказала она и выгнала служанку.

— Ишп-Бадиноко, Нартъ съ двуглавымъ копьемъ, потомокъ славнаго рода, *безповоротный* [24]), повернп сюда, говоритъ служанка и, послѣ обычныхъ привѣтствій, продолжаетъ: ,,это домъ *Эллиговыхъ*, въ немъ кадушками бѣлое сане заготовлено, жирные бараны, откормленные быки припасены для гостей. На красавицъ канъ-дѣвушекъ полюбуешься, да и красивыхъ дѣвокъ здѣсь вдоволь. Заѣзжай, добрый юноша!

— Да продлитъ Богъ благоденствіе дома Эллиговыхъ; ваше бѣлое сане пусть пьютъ Нарты; откормленныхъ быковъ, жирныхъ барановъ поѣшьте на здоровье сами; красивыхъ канъ-дѣвушекъ пусть Нарты развлекаютъ, они-же пусть забавляются и съ красивыми дѣвками, которыхъ у васъ въ изобилiи. Я-же не вѣщунъ и не близкій вашъ сосѣдъ; также не искатель любовницъ и пировъ и не обычный посѣтитель лагуна. Я искатель не покровительства и милостей, а борьбы и подвиговъ мужества. Я — свободный и безупречный наѣзднпкъ и въ сподвижники Нарта ищу.—,,Если желаешь Нарта въ сподвижники, мы выставимъ противъ тебя сына Княжа.“ — ,,Не желаю сразиться съ нимъ; онъ единый сынъ злополучной жены; сироту-юношу не стану убивать.“—,,Выставимъ Сосрыко.“—,,И его я не желаю,—въ немъ много коварства, но злобы еще болѣе.“

— Нартъ Ишп-Бадиноко, — говоритъ тогда сама Сатанэ, —съ Книтами враждующій! хотя Сосрыко нѣтъ дома, но и я уподоблена мужчинѣ: не смотри-же на меня, какъ на женщину, не побрезгай заѣхать ко мнѣ и выпить чашу вина.

Но всѣ ея увѣщанія тщетны; потерявъ надежду заманить его просьбами, Сатанэ спустила незамѣтно съ головы покрыва-

---

[23]) Употребленіе стекла, бѣлилъ и румянъ едва-ли было извѣстно въ то время, о которомъ говоритъ пѣсня, и все это предложеніе есть, вѣроятно, позднѣйшая вставка.

[24]) Въ подлинникѣ *не осаживающій коня назадъ*, т. е. не имѣющій обыкновенія отступать предъ какою-бы-то ни было опасностью.

ло и выставила свою бѣлую шею. Но и это не прельщаетъ Пши-Бадиноко. Тогда выказываетъ она свои пышныя груди, — ими онъ также не прельщается *)...

— Ахъ, ты, зачатый отъ бродягъ, *найденный на навозѣ* [25])! Если въ нашемъ околоткѣ не отыщется подобный тебѣ неотесанный дубина, да будетъ онъ проклятъ Богомъ! Не желаешь ты, такъ я найду много другихъ охотниковъ поѣсть и попить мои яства и напитки.—„Ахъ, ты, вѣдьма, Сатанэ, коварная заговорщица [26]), племени Нартовъ истребительница, все, что ты показываешь мнѣ, Нартамъ пріѣлось уже. Если-бы подобная тебѣ сука могла прельстить меня, я не дожилъ-бы до сегодня. Остановись-же на этомъ, иначе ты получишь достойное тебя. Я ищу Нарта въ сподвижники, — если знаешь *хабаръ* о Нартахъ, то скажи.“—„Скажемъ и новости Нартовъ. Поѣзжай ты внизъ по аулу; тамъ у Нартовъ бражничанье. Домъ, въ которомъ пируютъ они,—бѣлый, покрившійся; то домъ—кривой, съ выпятившимся задомъ. *Съ княземъ-дѣдушкою* [27]) во главѣ и съ Сосрыко на посылкахъ, тамъ пируютъ Нарты. Если явишься туда, тебѣ найдутъ они Нарта въ сподвижники.“

Пши-Бадиноко поѣхалъ внизъ по аулу. Мальчишки, примѣтивъ его, подняли крикъ: „ай, ай, какой всадникъ ѣдетъ!“ Слухъ этотъ доходитъ и до Сосрыко, сына пастуха, пасынка Сатанэ. Тогда—могъ-ли-бы онъ усидѣть на мѣстѣ?—спрыгнувъ съ каменнаго сѣдалища (сапоги были уже, конечно, на немъ), подходитъ онъ къ дверямъ и выглядываетъ. Тотчасъ-же узнавъ всадника: „глупые вы Нарты, да поразитъ васъ Богъ!,“ говоритъ онъ: „да придавитъ васъ скала! Какъ было не узнать этого всадника! Онъ—Нартъ Пши-Бадиноко, непримѣнный врагъ Кинтовъ, и теперь изъ кинтской битвы возвращающійся, путеводитель по Тену, и еще лучшій проводникъ по Кубани, не могущій стерпѣть ни малѣйшей обиды; если онъ уѣдетъ недовольный, то угонитъ не мало скотины, увезетъ дѣтей и васъ, Нартовъ, въ конецъ истребитъ.“

*) Постепенно она выставляетъ предъ нимъ всѣ свои прелести, которыя, однако, какъ и первыя, не производятъ на него никакого впечатлѣнія.

[25]) Или рожденный на навозѣ, подъ заборомъ.

[26]) Буквально: составительница ядовъ.

[27]) Или господинъ дѣдушка. Такъ названъ, вѣроятно, проживавшій въ томъ аулѣ старѣйшій Нартъ. *Дада* (дѣдушка) называютъ отца или почтеннаго какого-либо старца.

Нарты пристаютъ тогда къ Сосрыко, прося посовѣтовать, что имъ дѣлать.

— Хотя мать не могла его задержать, я придумаю средство, отвѣчаетъ Сосрыко. Затѣмъ всѣ Нарты, съ Сосрыко во главѣ, совѣщаются. Наливаютъ чашу бѣлаго сане и опускаютъ туда три ядовитыхъ змѣи. Выйдя съ чашею къ Пши-Бадиноко, Нарты челомъ ему бьютъ, снявъ шапки. Ни предъ чѣмъ не отступающій Нартъ Пши-Бадиноко, глянувъ въ чашу, примѣтилъ змѣй. Выростивъ себѣ тотчасъ-же стальные усы и ими приколовъ къ дну чаши змѣй, пронзительно шипѣвшихъ, онъ выпилъ все вино, къ досадѣ Нартовъ. „Я перевѣдаюсь съ вами,“ говоритъ онъ и поворачиваетъ назадъ.

Нарты упали духомъ. Князь-дѣдушка особенно безпокоится. „Ахъ, Пши-Бадиноко, мы не рѣшимся тягаться съ тобою; вернись, сестру свою, красавицу, я дамъ тебѣ въ жены,“ говоритъ онъ. Вернули Пши-Бадиноко и отдали ему сестру князь-дѣдушки. Зазвавши на пиръ, угостили Пши-Бадиноко еще виномъ и затѣяли пляску. Приглашаютъ гостя плясать. Онъ вскакиваетъ на край *стола*, вокругъ котораго проплясавъ, не шевеля его и не проливая *шипсъ* [28]), соскакиваетъ назадъ. Выбираютъ потомъ Сосрыко. Вскочивъ на столъ, онъ проплясалъ вокругъ шипса, не проливая его и не шевеля стола, и соскочилъ. Настаетъ очередь Хымыша. Онъ вскакиваетъ на столъ, вокругъ котораго пляшетъ, не шевеля его и не проливая шипсъ. Окончивъ пляску, онъ съ такою силою соскакиваетъ на полъ, что сидящіе на дворѣ старики, вообразивъ, что ударила молнія, запѣваютъ *еле* [29]).

Насранжаке.

Господинъ Нартовъ, Насранжаке,—у него *золотая* [30]) борода. Бѣлоснѣжная борода покрываетъ его грудь и съ гривою коня сплетается; его старая бѣлая бурка раскинута надъ задомъ коня; самъ онъ въ волчьей шубѣ, въ накидку; искромет-

[28]) Хрѣнъ или просто соль, распущенная въ кисломъ молокѣ, подаваемые вмѣстѣ съ варенымъ мясомъ.

[29]) Ни происхожденіе, ни значеніе этого слова неизвѣстно.

[30]) *Золотая*, въ смыслѣ: *почтенная*.

ный [31]), онъ постоянно съ пѣнковою трубкою въ зубахъ, дымъ изъ которой то втягиваетъ въ себя, то выпускаетъ. Насранжаке привозятъ откормленныхъ барановъ и сообщаютъ о *таска* (т. е. о томъ, что дурно охраняется и удобно для нападенія). Таковымъ оказывается конный табунъ *Тлябицы*, пасущійся въ промежуткѣ двухъ морей и охраняемый только пѣгимъ конемъ. Съ Божіею помощью будетъ пожива, мыслитъ Насранжаке и велитъ *змью-крикуну* сдѣлать кличъ, разсылаетъ гонцовъ для сбора войска и сбираетъ всѣхъ Нартовъ, со включеніемъ и живущихъ въ верховьяхъ Кубани.

Насранжаке выступаетъ съ отрядомъ и въ *пространныя степи* въѣзжаетъ. Подъѣзжаютъ къ Идылю (Волга); но злой Идыль разлился и войско, не рѣшаясь переправиться, у берега его *ложится*: строютъ шалаши, раскидываютъ палатки.

„Нашъ Нартовскій господинъ, Насранжаке, объ одномъ мы попросимъ тебя: пошли гонца за сыномъ Ашы, Ашамазомъ.“

Заочиха Стараго Аракшау шлютъ гонцомъ.

Въѣзжаетъ онъ во дворъ Ашамаза и кличетъ. „Слѣзай съ коня, будешь гостемъ у насъ,“ приглашаютъ его. — „Молодаго Ашамаза мнѣ нужно,“ отвѣчаетъ онъ.—„Разорвавъ ремни изъ буйволиной кожи, которыми была связана его колыбель, онъ ушелъ поиграть съ ребятишками въ альчики на льду; какъ вернется, пришлемъ къ тебѣ.“

„Забавляющійся альчиками, еще грудной ребенокъ, чѣмъ можетъ намъ пригодиться,“ говоритъ онъ и, огорченный, поворотивъ назадъ, возвращается къ отряду. „Насранжаке, да будетъ злотворна старость твоя, вѣдь тотъ, къ кому ты послалъ меня, еще отъ груди не отнятъ.“

Молодой Ашамазъ всходитъ на ледъ, аульные-же мальчишки расходятся. Но тутъ явился Нартовскій коростливый мальчикъ. „Коростливый мальчикъ Нартовскій, поиграемъ въ альчики.“— „Я-бы игралъ, но когда я выиграю, ты отберешь назадъ свои альчики.“ — „Уашхо, мой кормилецъ, не отберу.“ Становятъ альчики, играютъ. Коростливый выигралъ и всѣ альчики у Ашамаза забралъ. — „Возврати мнѣ альчики мои,“ присталъ Ашамазъ. — „Клянусь Уашхо, моимъ кормильцомъ, не возвращу,“ отвѣчаетъ коростливый. Ашамазъ бьетъ его въ голову своимъ большимъ, залитымъ свинцомъ, альчикомъ, валитъ

[31]) Буквально: *тотъ, который колетъ ртомъ* (зъуродзасикъ).

его, еле ревущаго, на ледъ и, схвативъ за обѣ ноги, волочитъ по льду. Прибѣжала мать коростляваго, крича: „да снесутъ тебя на кладбище! не его, а убійцу отца твоего ты лучше убилъ-бы!“ Зарыдалъ Ашамазъ. — „Если-бы назвали вы мнѣ убійцу отца, къ ста проиграннымъ я набавилъ-бы и свой оленій альчикъ.“—„Про то скажетъ тебѣ мать.“—„Какъ-же я заставлю ее сказать, если она не захочетъ.“—„Притворись больнымъ и скажи, что будешь здоровъ только поѣвши печенаго горячаго ячменя изъ ея рукъ; какъ подастъ она тебѣ, ты крѣпко сожми ея руки и она скажетъ тебѣ все, что пожелаешь.“

Ашамазъ, печальный, домой возвращается и ложится, притворившись больнымъ. Госпожа его мать у сосѣдей сидитъ въ *дорогой* шубѣ въ накидку; вскрикивая своимъ голосомъ, подобнымъ шипѣнію сѣрой змѣи, прибѣгаетъ она домой. „Мой злосчастный, единый сынъ, кто тебя научилъ такому коварству, кто настроилъ тебя?“ — „Госпожа моя мать, у меня болитъ животъ и никто меня не настроилъ; поѣвши печенаго горячаго ячменя, я-бы выздоровѣлъ.“ Она жаритъ ячмень, насыпаетъ на тарелку; но онъ ударомъ ноги отбрасываетъ отъ себя тарелку. „Злосчастный мой сынъ, изъ какой-же посуды ты хочешь ѣсть?“—„Госпожа моя мать, изъ твоихъ ладоней.“—„Вѣдь сгорятъ руки, злосчастный мой сынъ.“ — „Такъ не желаешь-ли, чтобъ я умеръ, госпожа моя мать?“ Обѣими руками она зачерпнула ячмень. Онъ привсталъ и сжимаетъ ея руки.—„Злосчастный мой сынъ, горятъ мои руки.“—„А у меня сердце сгораетъ.“—„Что-же съ тобою?“—„Скажи сперва, кто убилъ отца моего.“—„Что-же ты можешь съ нимъ сдѣлать?“ — „Буду съ нимъ враждовать.“ — „Насранжаке, собравшись на отмщеніе за отца своего, скучаетъ на берегу Идыля. Убійца отца твоего—Малый *Тлябица*; живетъ онъ въ промежуткѣ двухъ морей; вѣдь великое море потопитъ тебя.“ — „Госпожа моя мать, гдѣ конь отца моего?“ — „Бѣлый конь, съ бѣлымъ подбородкомъ, отца твоего вѣдь убьетъ тебя! Онъ скучаетъ въ мѣдной конюшнѣ, двери которой заложены, вмѣсто замка, камнемъ *абра*; какъ ты сдвинешь его съ мѣста?“—„Гдѣ-же оружіе отца?“—„Оружіе отца твоего—что покрывшійся пепломъ огонь—обожжетъ тебя; оно ржавѣетъ въ почернѣвшемъ старомъ сундукѣ.“

Освободивъ руки матери, старое отцовское сѣдло выноситъ онъ на плечѣ на дворъ и семь кизиловыхъ дручинъ затыкаетъ за поясъ. Камень *абра* откатываетъ онъ, толкнувъ носкомъ

ноги. Бѣлый конь поводитъ ушами: „да съѣдятъ тебя собаки,“ говоритъ Ашамазъ и, схвативъ коня за заднее колѣно, выводитъ его изъ конюшни. Отцовскимъ сѣдломъ осѣдлавъ, онъ садится на него; съ коемъ конь заноситъ всадника подъ облака, Ашамазъ-же кизиловыми дручинами надъ головою коня работаетъ и, поднеся остатки отъ нихъ коню, даетъ понять, что таковы будутъ послѣдствія его непослушанія.

Смиреннѣйся конь отвѣчаетъ: „Ушхо, мой кормилецъ, я буду для тебя послушнымъ конемъ.“ Тогда молодой Ашамазъ слѣзаетъ съ коня, открываетъ старый почернѣвшій сундукъ. Оружіе, что̀ пепломъ прикрытый огонь, тотчасъ-же загорается; быстро плюнувъ, Ашамазъ его тушитъ.

Вздѣвъ оружіе отца на себя, молодой Ашамазъ съ соколомъ, усѣвшимся на концѣ его плеча, и съ собакой, прыгающею у груди коня, выѣзжаетъ со двора, сказавъ матери: „госпожа моя мать, да увидимся въ добромъ здоровьи,“ и въ обширныя степи вступаетъ. Собака поднимаетъ фазана, соколъ тотчасъ-же ловитъ его. Привязали фазана къ сѣдлу. Конь привозитъ молодаго Ашамаза въ дремучій лѣсъ, къ *ставкѣ* отца. Убили оленя. Молодой Ашамазъ тотчасъ-же вырубаетъ огонь и раскладываетъ костеръ; тонкій дымокъ отъ него разстилается по степи.

Насранжаке, оглянувшись, примѣтилъ тотъ дымокъ. „Какой господинъ (начальникъ) могъ явиться могущественнѣе меня и впереди меня расположиться,“ думаетъ Насранжаке. „Скорѣе поѣзжайте и провѣдайте,“ говоритъ онъ — и десятокъ всадниковъ, съ ними и Сосрыко, отрядаетъ. Направляются къ дыму, но не рѣшаясь подъѣхать къ нему, осматриваютъ издали. Возвращаются всадники обратно и говорятъ: „мы не могли приблизиться къ мѣсту, куда ты насъ послалъ.“ Насранжаке, разгнѣвавшись, садится самъ на коня, ѣдетъ вверхъ и къ дыму подъѣзжаетъ. Остановившись вдали: „да будетъ удачлива ставка,“ кличетъ онъ.—„Да даруетъ тебѣ Богъ благотворную старость,—заѣзжай, будешь гостемъ.“—„Мальчикъ, скажи, изъ какого ты рода?“—„Къ чему тебѣ это знать? Если-же ищешь ночлега, я приму тебя.“—„Да приберетъ тебя *болѣзнь живота*,“ говоритъ Насранжаке и поворачиваетъ назадъ.

— Благодатный старецъ, какъ-же ты нетерпѣливъ! вернись, я скажу тебѣ, кто я! Мой отецъ—Аша, я-же—Ашамазъ.

Тотчасъ-же Насранжаке слѣзаетъ съ коня, и мальчика, облобызавъ, сажаетъ на коня и къ войску привозитъ.

— Насранжаке, да будетъ старость твоя безотрадна, зачѣмъ ты привезъ къ намъ грудного младенца,— говоритъ ему отрядъ.

Насранжаке вновь вызываетъ охотниковъ попскать броду. „Озермегъ, поищи переправу.“ — „Хочешь-ли ты, чтобы я утонулъ,“ отвѣчаетъ онъ и отказывается.—„Сосрыко, поищи броду.“ Когда и тотъ отказался: „*Два сына старой матери*, поищите броду,“ но и тѣ отказались.—„Заочихъ Аракшау, поищи броду,“ — и этотъ не согласился. Изъ всего Нартовскаго отряда никто не рѣшился въѣхать въ воду.

На утро Нарты увидѣли на другомъ берегу Идыля стреноженнымъ и пасущимся бѣлаго Ашамазовскаго коня. Тогда Нарты, устыдившись отстать отъ ребенка, вслѣдъ за нимъ въѣзжаютъ въ рѣку; она многихъ изъ нихъ, какъ щенокъ, уноситъ; другіе-же, при помощи Ашамаза, кое-какъ переправляются. Оставшаяся малая часть отряда, переправившись, собирается и выступаетъ въ походъ, держась берега, внизъ по теченію. Встрѣтивъ табунъ Тлябицы, они погнали его. Но пѣгій успѣваетъ вырваться отъ нихъ, и тщетны усилія всѣхъ Нартовъ завернуть его. Быстро замѣтивъ то, молодой Ашамазъ кидается вслѣдъ и заворачиваетъ его: „На что ты одинъ мнѣ пригодишься, — отвези ты лучше своему господину вѣсть о случившемся,“ говоритъ молодой Ашамазъ и, разрубивъ мечемъ задъ пѣгаго, нанеся его ляшкамъ узкія продолговатыя раны, отпускаетъ онъ пѣгаго, всего въ крови, домой *). Молодой Ашамазъ ѣдетъ все за пѣгимъ вслѣдъ и на холмѣ Тлябицы, остановившись, слѣзаетъ съ коня.

Красавица *Бедыху* [32]) была вѣщунья. „Мой старикъ, табунъ твой угнали,“ говоритъ она.—„Кто можетъ пріѣхать сюда, въ промежутокъ двухъ морей, и угнать,“ говоритъ Малый Тлябица и выходитъ изъ землянки. Тутъ-же и пѣгій прискакалъ: ласкаетъ онъ его; но, примѣтивъ кровь и раны на немъ, говоритъ: „да принесется виновный въ жертву отцу моему, табунъ мой угнали!“ Красавица Бедыху выбѣгаетъ на дворъ; какъ только дыханіе ея коснулось пѣгаго, его раны зажили.

---

*) По другому варіанту, послѣ того, какъ Ашамазъ догналъ пѣгаго, „бѣлый конь его вырываетъ изъ ляшки пѣгаго кусокъ мяса и говоритъ: я-бы и вовсе съѣлъ тебя, но лучше вернись ты вѣстникомъ къ своему господину,—и отпускаетъ пѣгаго, истекающаго кровью, домой.“

[32]) Жена Малаго Тлябицы, прикосновеніе дыханія которой излечиваетъ рану. Тлябица значитъ *хромоногій*.

Тлябица садится на пѣгаго, выѣзжаетъ со двора и ѣдетъ вверхъ. Молодой Ашамазъ смотритъ вдаль и видитъ: кто-то ѣдетъ прямо на него. У путника этого обѣ стороны дороги горятъ, какъ пожаръ въ степи, а надъ головою кружатся орлы. Когда путникъ приблизился, молодой Ашамазъ узналъ пѣгаго коня; казавшееся степнымъ пожаромъ—то паръ изъ ноздрей пѣгаго; кружащіеся-же надъ головою путника орлы—то грязь изъподъ копытъ. Когда путникъ еще ближе подскакалъ, оказалось, что онъ—самъ Малый Тлябица. „Мальчикъ, не видѣлъ-ли ты, какъ мимо прогоняли небольшой табунъ?“—„Собачій сынъ, развѣ я не могу его угнать?“ Не вѣря этому и обскакавъ вокругъ, разыскивая слѣды своего угнаннаго табуна, Тлябица возвращается къ Ашамазу: „Мальчикъ, не видѣлъ-ли ты, какъ гнали небольшой табунъ?“ — „Собачій сынъ, развѣ я не могу его угнать?“ Тлябица, вновь обскакавъ вокругъ, возвращается къ Ашамазу еще разъ и спрашиваетъ его: „не видѣлъ-ли онъ, какъ гнали небольшой табунъ.“ Молодой Ашамазъ опять отвѣчаетъ ему: „собачій сынъ, развѣ я не могу его угнать?“ Тогда, разгнѣвавшись, Тлябица говоритъ: „да приберетъ тебя болѣзнь живота, негодный мальчишка, я не шучу съ тобою!“—„А шутилъ-ли ты, какъ убивалъ отца моего?“ — „Да приберетъ тебя чума, чей-же ты мальчикъ?“ — „Отецъ мой Аша, я-же Ашамазъ!“—„Проклятый родъ, ты сталъ для меня, какъ корень хрѣна, нескончаемъ.“

Разъѣхались и стали по обѣимъ сторонамъ дороги. Осыпаютъ другъ друга стрѣлами, мечами *сау канжалевыми* рубятся. Наконецъ разъѣхались, пріостановились. „Молодой Ашамазъ, домъ твой далекъ, поѣзжай за боевыми припасами, будемъ еще драться.“ — „Малый Тлябица, ты здѣшній и я, какъ-бы то ни было, у тебя въ гостяхъ,—привези боевыхъ припасовъ для насъ обоихъ, тогда будемъ драться.“ Малый Тлябица возвращается домой. Какъ только коснулось его дыханіе Бедыху, всѣ раны на немъ зажили. Беретъ онъ стрѣлы и ѣдетъ назадъ. Красавица Бедыху спрашиваетъ: „на что онъ беретъ лишнія стрѣлы?“ —„Молодой Ашамазъ просилъ меня, я везу ихъ ему.“—„Обманулъ онъ тебя и убьетъ,“ говоритъ она, и понуждаетъ его оставить лишнія стрѣлы.

Ѣдетъ Малый Тлябица вверхъ. Молодой Ашамазъ, глянувъ издали, примѣчаетъ, что онъ не везетъ ему стрѣлъ. Тотчасъ-же

превратился онъ въ мертвеца, по которому поползли уже и черви.

Малый Тлябица, подъѣхавъ, говоритъ: „когда ты самъ по себѣ долженъ былъ умереть, зачѣмъ-же ты мучилъ меня цѣлыхъ три дня?“ Слѣзаетъ онъ съ коня. Просверливъ пятки, вдѣваетъ въ нихъ конопляный арканъ; беретъ бѣлаго коня за поводья и ѣдетъ домой, волоча трупъ за собой до-тѣхъ-поръ, пока не отпали оба легкія. „Выведи собакъ“, кричитъ онъ Бедыху. Она выводитъ собакъ. „Не дающій намъ покоя родъ я отдамъ на съѣденіе собакамъ“, говоря, подбѣгаетъ она.—„На что было убивать грудного ребенка“, продолжаетъ она и, взявъ ребенка на руки къ себѣ, относитъ домой и зарываетъ въ навозъ.

Наступаетъ ночь. Заблестѣли звѣзды. Молодой Ашамазъ приподнимается, находитъ кость отъ какого-то ребра, садится подъ стѣною сакли и подкапываетъ ее. Проползши въ саклю, онъ садится подъ *нарами* [33]). Малый Тлябица вскакиваетъ внезапно отъ сна. „Что съ тобою, старикъ мой?“ спрашиваетъ жена. — „Мнѣ кажется, молодой Ашамазъ всталъ (ожилъ).“—„Ты слишкомъ имъ напуганъ, потому онъ видится тебѣ и во снѣ.“ Малый Тлябица вновь засыпаетъ, за нимъ послѣдъ и прекрасная Бедыху. Молодой Ашамазъ, выйдя изъ-подъ наръ, Малаго Тлябицу, оттащивъ отъ жены, зарѣзалъ какъ барана; положивъ его подъ нары, самъ ложится съ Бедыху. Какъ только дыханіе ея коснулось его, всѣ раны на немъ зажили. „Хозяйка наша старая, скорѣе вставай!“ кличетъ онъ ее. — „Господинъ мой, что случилось?“ спрашиваетъ она.—„Отомстить за то, что мы убили молодаго Ашамаза, Насранжаке пришолъ къ намъ съ войскомъ.“—„Такъ я огонь зажгу.“—„Ты хочешь-ли, чтобъ насъ запримѣтили,“ говоря, не соглашается онъ. Повозку Малаго Тлябицы подкатили; запрягли пѣгаго коня въ корѣнь и бѣлаго въ пристяжку къ нему и всѣ драгоцѣнности свои уложили на повозку. Потомъ прекрасную Бедыху сажаетъ онъ туда-же, а самъ садится на бѣлаго коня своего. До свѣта черезъ Идыль переправились. Когда проѣхали далеко Идыль, разсвѣло. Прекрасная Бедыху, глянувъ впередъ, видитъ, что увозящій ее едва замѣтенъ между сѣдельными луками. Зарыдала она навзрыдъ. „О чемъ ты пла-

---

[33]) Къ противоположной дверямъ и очагу стѣнѣ придѣлываютъ колонны изъ глины, покрытыя сверху доскою и сбоку ковромъ. Это нары (тлечегъ) куда кладутъ тюфяки, одѣяла и другія принадлежности постели.

чешь, старая сука, твой мужъ убитъ мной,—и я, хоть кажусь тебѣ маловатымъ, но могу быть тебѣ мужемъ.“

На пути онъ встрѣчаетъ табунъ, доставшійся на долю Озермегу. „Чей табунъ?“—„Озермега.“—„Откуда онъ его досталъ?“—„Пригналъ изъ-за Идыля.“—„Хорошо“, говоритъ молодой Ашамазъ и, подъѣхавъ къ пастуху, отрѣзываетъ ему уши и отпускаетъ домой, говоря: „твой господинъ очень храбръ и не дастъ мнѣ угнать его табунъ“. Вновь встрѣчаетъ онъ табунъ Сосрыко. Говорятъ ему, что это табунъ Сосрыко, пригнанный имъ изъ-за Идыля. „Онъ храбръ и не дастъ мнѣ угнать его табунъ“, говоритъ молодой Ашамазъ и, подъѣхавъ къ пастуху, отрѣзываетъ ему кончикъ носа и отпускаетъ домой вѣстникомъ. Но и Сосрыко не выѣзжаетъ въ погоню за нимъ, говоря: „онъ безпутный человѣкъ.“ Встрѣчаетъ онъ наконецъ и табунъ Насранжаке. Говорятъ ему, чей это табунъ. „А, такъ нашъ господинъ — очень ловкій и изворотливый“, отвѣчаетъ на это молодой Ашамазъ и, отрѣзавъ оба уха пастуха, кладетъ ихъ ему-же въ ладонь и отпускаетъ, говоря: „вернись къ своему господину вѣстникомъ о случившемся.“ Услышавъ то, Насранжаке тотчасъ-же прискакалъ. „Мой юноша, ты будешь мнѣ и братъ и *канъ*, и жену, которую ты привезъ, посели у меня, пусть будетъ и она мой *канъ*“, говоритъ онъ Ашамазу. Но этотъ отказался, говоря: „твое предложеніе вызвано жадностью твоею, но у меня нѣтъ правила посягать на должное старшимъ уваженіе“. Возвратился онъ затѣмъ къ матери, которая на радостяхъ, собравъ Нартовъ, угощала ихъ безъ перерыва семь дней и семь ночей. Такъ-то молодой Ашамазъ, отомстивъ за убійство отца своего, возвратился съ добычею домой.

*

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ АБХАЗЦЕВЪ *).

По сказанію грузинской хроники Вахтанга V, первымъ проповѣдникомъ христіанской религіи въ Абхазіи былъ св. Симонъ Кананитъ, пришедшій вмѣстѣ съ св. Андреемъ Первозваннымъ (въ 40-мъ году послѣ Р. Х.); въ царствованіе армянскаго царя Адеркія, сына Бартома, Симонъ Кананитъ умеръ въ Анакопіи [1]) (лежавшей недалеко отъ устья рѣки Псырты), а Андрей пошелъ далѣе обращать въ христіанство мингрельцевъ [2]). У самыхъ воротъ рѣки Псырты, образуемыхъ двумя почти сошедшимися го-

*) Предлагаемый очеркъ, составляющій отрывокъ изъ обширной статьи Автора о современномъ положеніи Абхазіи, касается предмета, представляющаго глубокій этнографическій интересъ, но, къ сожалѣнію, весьма мало изслѣдованнаго. Имѣющіяся въ нашей литературѣ свѣдѣнія о религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазцевъ преимущественно относятся къ тому времени, когда Абхазія, по политическому своему положенію, не могла быть вполнѣ доступна для постороннихъ изслѣдователей. Поэтому, до-сихъ-поръ, наиболѣе достовѣрными свѣдѣніями о божествахъ абхазцевъ мы обязаны абхазцу-же, г. Званбаю („Очеркъ абхазской миѳологіи"—„Кавказъ," 1867 г., №№ 74, 75 и 76). Эти свѣдѣнія значительно пополняются предлагаемымъ очеркомъ, основаннымъ на продолжительномъ непосредственномъ наблюденіи Автора надъ бытомъ абхазцевъ. *Ред.*

[1]) Замѣчательно, что въ преданіи абхазцевъ сохраняется слѣдующій разсказъ, который мнѣ пришлось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ. Далеко въ глубокой древности пришелъ какой-то святой человѣкъ и легъ отдохнуть подъ деревомъ недалеко отъ берега рѣки Псырты. Какъ видно, путникъ шелъ издалека, потому-что захотѣлъ отдохнуть, и, ложась, снялъ деревянные башмаки, которые и поставилъ около себя. Абхазцы воспользовались сномъ его и украли башмаки и сумку. Проснувшись, святой спросилъ, кто взялъ его вещи, и просилъ возвратить ихъ. Когда эта просьба не была исполнена, то онъ изрекъ слѣдующее проклятіе: „будьте-же вы ворами отнынѣ и до вѣка."—Поэтому мы и воруемъ, наивно прибавляли разсказчики.

[2]) Dubois de Montpéreux, p. 276. Но у него ошибка: Адеркія (Фарсманъ) былъ внукъ Бартома, царствовалъ въ Грузіи съ 3 года до Р. Х. по 60 г. по Р. Х. и получилъ отъ Нерона только часть Арменіи. См. Исторію Грузіи кн. Баратова.

рами, стоятъ развалины великолѣпнаго храма, который и до настоящаго времени извѣстенъ подъ названіемъ храма Симона Кананита. Онъ былъ совершенно цѣлъ до 1859 года, до того времени, когда вздумалось одному изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, маіору Гасану Маргани, выстроить себѣ домъ изъ матеріаловъ, употребленныхъ для постройки храма. Съ этою цѣлью разобрали сводъ храма и съ того времени годъ отъ году онъ приходитъ въ большее и большее разрушеніе. Судя по архитектурѣ храма и по стѣнной живописи, сохранившейся еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, постройку его можно отнести ко времени постройки Лыхненской церкви. Предполагая найти какое-нибудь указаніе о времени постройки этого храма, я произвелъ нѣсколько незначительныхъ раскопокъ въ окружностяхъ его и въ самомъ храмѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщался престолъ. Только послѣдняя раскопка увѣнчалась небольшимъ успѣхомъ и найдена серебряная монета Комненовъ, съ изображеніемъ святыхъ Алексѣя и Евгенія на одной сторонѣ и еще какого-то святаго на другой. Монета лежала подъ престольнымъ камнемъ, что даетъ право предполагать объ участіи Алексѣя Комнена, если не въ постройкѣ, то въ возобновленіи храма. Сзади храма, въ лѣвой скалѣ, находится пещера, вѣроятно служившая кельей какому-нибудь монаху; по преданію, это была келья св. Симона Кананита и всякій старавшійся проникнуть въ нее поражался смертію. Въ настоящее время трещина, образовавшаяся въ скалѣ ниже пола пещеры, дала выходъ скопившимся въ ней газамъ, вѣроятно причинявшимъ смерть, и доступъ въ пещеру сдѣлался возможнымъ. Въ ней, кромѣ камня съ грубо-высѣченнымъ на немъ крестомъ, нѣтъ ничего. Вотъ все, что сохранилось до настоящаго времени на мѣстѣ, принявшемъ первыя сѣмена христіанства. Надо полагать, что сѣмена эти погибли безплодно: вѣроятно, подобно тому какъ въ Мингреліи, составлявшей тогда провинцію Грузіи, гдѣ распространеніе христіанства подверглось самому сильному гоненію со стороны грузинскаго царя Фарсмана, вѣроятно, говорю я, точно такому-же преслѣдованію подверглось ученіе Христа и въ Абхазіи и зачатки новой религіи были истреблены въ ней повсемѣстно. По-крайней-мѣрѣ нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было-бы судить не только о состояніи христіанства въ Абхазіи, послѣ перваго вѣка, но даже вообще о религіозномъ состояніи этой страны до половины VI-го вѣка. Быть можетъ, христіанство сохранялось въ прибрежныхъ пунктахъ, занятыхъ

греками и римлянами, тогда какъ коренные жители исповѣдывали другую религію, но какую именно—неизвѣстно.

Собственно пріобщеніе абхазцевъ къ средѣ христіанъ надо считать съ половины VI вѣка. Вотъ что говоритъ объ этомъ времени Прокопій: „Съ-тѣхъ-поръ какъ царствуетъ Юстиніанъ-Августъ, нравы абхазцевъ замѣтно смягчились, потому-что они приняли христіанство. Юстиніанъ послалъ къ нимъ одного изъ своихъ евнуховъ, Ефрата (абхазца по рожденію), съ цѣлью воспрещать князьямъ производить кастратовъ. Юстиніанъ-же воздвигъ у абазговъ храмъ Божіей Матери и назначилъ въ него священниковъ; онъ позаботился, чтобы послѣдніе имѣли возможность распространять христіанское ученіе.“ Съ этого времени Пицундскій храмъ играетъ весьма важную роль не только въ исторіи религіи абхазцевъ, но и въ политической жизни края. Объ этомъ можно судить по тому состоянію, въ какомъ край достался Юстиніану по заключеніи имъ мира съ Хозроемъ, и по тому, въ какомъ мы застаемъ его въ XI столѣтіи. По словамъ Прокопія, незадолго до перехода восточнаго берега во власть Юстиніана, отъ Трапезонда до замка Нифіусъ существовало только одно укрѣпленное мѣсто, Себастополисъ. Римскія войска, стоявшія въ немъ, не считали себя однако въ безопасности и потому, узнавъ заранѣе о приближеніи Хозроя, сожгли укрѣпленіе и удалились за море. Въ XI-же вѣкѣ весь берегъ покрытъ цвѣтущими торговлей городами, монастырями, укрѣпленными замками и церквами. Присоединенная до 786 года то къ Греціи, то къ Грузіи, Абхазія, при помощи константинопольскихъ императоровъ, пріобрѣтаетъ самостоятельность и управляется своими царями [3]). Пицунда (Бичвинта) служитъ резиденціею какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ властямъ, и послѣднее продолжается до-тѣхъ-поръ, пока абхазскіе цари не присоединяютъ къ себѣ по наслѣдству Грузію и не переносятъ свою резиденцію въ Тифлисъ. Абхазія дѣлается тогда самой отдаленной провинціей Грузинскаго царства и начинаетъ постепенно приходить въ упадокъ. Но Пицунда сохраняетъ свое значеніе, какъ мѣстопребываніе главы мѣстной церкви [4]) абхазскаго католикоса [5]), до 1795 года.

[1]) Histoire de la Géorgie, par Brosset, II, p. 240.

[4]) Абхазскіе католикосы появляются въ первый разъ при императорѣ Леонѣ, въ 720 году. Hist. de la Géorgie, 1 part., p. 239.

[5]) Г. Броссе, въ своей исторіи Грузіи, приводитъ списокъ абхазскихъ

Менѣе счастливы, нежели Пицунда, были другія мѣстопребыванія высшихъ духовныхъ лицъ въ Абхазіи—Анакопія (древняя Никопсія) и Дранды, игравшіе также замѣтную роль въ дѣлѣ распространенія христіанства въ краѣ. Они пали давно и кромѣ развалинъ храмовъ ничто не свидѣтельствуетъ о ихъ бывшемъ значеніи. Нашествіе и владычество персовъ и турокъ отразилось болѣе на средней части Абхазіи, нежели на ея окраинѣ, и Пицунда, отрѣзанная отъ остальнаго христіанскаго населенія и окруженная народомъ, забывшимъ вѣру своихъ отцовъ, должна была утратить свое значеніе. Опасеніе сосѣдства почти дикаго народа заставило католикосовъ оставить свою резиденцію и только изрѣдка пріѣзжать въ Пицунду для совершенія въ храмѣ торжественныхъ служеній. Послѣ католикоса Максима (умершаго въ Кіевѣ въ 1795 году) въ Пицундѣ оставалось нѣсколько монаховъ, которые тоже скоро должны были бросить храмъ [6]). Уваженіе народа къ святости храма, даже послѣ совершеннаго оставленія его, было, впрочемъ, такъ велико, что при занятіи нашими войсками Пицунды (въ 1830 году) на алтарѣ было найдено евангеліе, довольно хорошо сохранившееся, и нѣкоторыя вещи изъ церковной утвари [7]).

Съ паденіемъ Пицундскаго храма, можно сказать, пало христіанство въ Абхазіи, еще немного поддерживавшееся проповѣдями монаховъ, бродившихъ по Абхазіи [8]), если не съ миссіонерскою цѣлью, то ради своихъ домашнихъ дѣлъ.

католикосовъ, начиная его Арсеніемъ (1390) и оканчивая Максимомъ (1776—1795). Всѣ эти католикосы главнымъ мѣстопребываніемъ своимъ считали Пицунду, хотя нѣкоторые не жили тамъ, а ѣздили въ опредѣленные дни совершать службу. Brosset, Histoire de la Géorgie, II part., p. 440.

[6]) У абхазцевъ сохранился въ памяти монахъ Георгій, занимавшійся продажею дѣтей въ Турцію, за что и былъ выгнанъ населеніемъ въ началѣ настоящаго столѣтія. Этотъ случай между прочимъ доказываетъ, что уваженіе населенія, живущаго въ окрестностяхъ храма, къ духовенству, было еще очень велико, если оно ограничилось только однимъ изгнаніемъ безнравственнаго монаха.

[7]) Всѣ цѣнныя вещи, образа и облаченіе католикосовъ были перевезены въ Гелатскій монастырь еще при католикосахъ.

[8]) Въ свитѣ Нины, царицы Одишской, ѣхавшей въ С.-Петербургъ въ 1811 году, находился архіепископъ Абхазскій (Brosset, Histoire de la Géorgie, I, II, p. 300). Титулъ этотъ легко можетъ ввести въ заблужденіе изучающаго исторію Абхазіи относительно религіознаго состоянія жителей. Абхазскимъ архіепископомъ назывался тогда первосвященникъ, жившій въ Самурзакани, сохранившей еще христіанство. Собственно-же въ Абхазіи отъ Гагръ и до р. Гализги не было ни одного прихода.

Конечно, можетъ показаться страннымъ, что паденіе христіанства въ краѣ совпадаетъ съ временемъ принятія имъ подданства христіанской державы; но это объясняется направленіемъ, котораго держались владѣтели Абхазіи—Шервашидзе. Какъ политическія, такъ и религіозныя симпатіи ихъ лежали къ Турціи, а при этомъ, весьма естественно, не могло быть поддержанія религіи, совершенно противоположной этимъ симпатіямъ. При послѣднемъ владѣтелѣ, въ началѣ его управленія, на всемъ пространствѣ отъ Гагры до Гализги существовало только двѣ церкви, въ которыхъ производились церковныя службы: одна въ резиденціи владѣтелей, въ селеніи Лыхны (Соукъ-су), въ которой служба производилась изрѣдка, и другая въ селеніи Илори, все время поддерживавшемъ свѣточъ христіанства. Вліяніе, впрочемъ, этихъ церквей было самое незначительное и ограничивалось селеніями, въ которыхъ они расположены. Въ Лыхны оно было даже еще ограниченнѣе, и не смотря на принадлежность жителей этого селенія непосредственно князю Михаилу Шервашидзе, въ моментъ введенія русскаго управленія, многіе изъ нихъ были магометане. Сохраненію христіанства въ Илори много способствовала близость селенія къ Самурзакани, особенное покровительство храму Дадіановъ [9]) и продолжительное сосѣдство русскаго укрѣпленія.

[9]) Какъ Лыхненскій, такъ и Илорскій храмы древней постройки. Въ первомъ еще сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнная живопись. Императоръ Николай хотѣлъ сдѣлать изъ этой церкви монастырь и мѣстопребываніе абхазскаго архіерея (Дюбуа-де-Монпёре, стр. 264), но мысль эта осталась безъ исполненія. Въ настоящее время церковь крайне бѣдна и живопись иконостаса довольно грубая. Илорскій храмъ, пользующійся особымъ уваженіемъ народа за покровительство, оказываемое ему патрономъ его Св. Георгіемъ, наполненъ довольно цѣнными приношеніями. Покровительство патрона высказывалось ежегодно 10-го ноября появленіемъ изъ церковной ограды быка съ позолоченными рогами, котораго закалывалъ одинъ изъ Дадіановъ, считавшихся особыми ревнителями храма. Быкъ потомъ разрѣзывался церковно-служителями на мелкіе куски, которые раздавались народу, собиравшемуся на праздникъ не только со всей Абхазіи, но и изъ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи, и раздавались, конечно, за приношенія, шедшія безконтрольно въ распоряженіе священниковъ. Маленькія частицы мяса скоро высыхали и не подвергались порчѣ, что и выставлялось священниками какъ доказательство святости быка. Чудесное появленіе быка прекратилось со времени введенія русскаго управленія, такъ-какъ нѣкоторые изъ управлявшихъ краемъ пожелали сами во-очію убѣдиться въ дѣйствительности чуда.

Но сохраненіе христіанства въ средѣ жителей селеній Лыхны и Илори, какъ сказано выше, отнюдь не вліяло на окружныя селенія, гдѣ турецкіе торгаши-пропагандисты свободно поучали народъ. Поученія ихъ тѣмъ легче прививались, если не вполнѣ, то по-крайней-мѣрѣ на столько, чтобы извратить прежнія понятія, что народъ сознавалъ необходимость какой-нибудь религіи, или, лучше сказать, какихъ-нибудь религіозныхъ обрядовъ, что въ понятіяхъ его составляло самую суть религіи. Оставшись безъ руководителей въ вѣрѣ, онъ отдался первымъ взявшимся за это дѣло и отдался тѣмъ съ большею охотою, что видѣлъ въ принятіи новой религіи возможность сближенія съ народомъ, отъ котораго зависѣло его матеріальное благосостояніе. Первыми принявшими магометанство, по словамъ народа, были люди зажиточные, преимущественно изъ высшихъ фамилій, имѣвшіе торговыя дѣла съ турками. Принявъ магометанство изъ личныхъ своихъ выгодъ, они сдѣлались посредниками между новыми учителями и народомъ, на который, по соціальному своему положенію, имѣли большое вліяніе. Послѣдній, не имѣя точнаго понятія о сущности какъ прежней, почти оставленной религіи, такъ и новой, ему предлагаемой, и видя разность между тою и другою только въ разности обрядовъ, пошелъ слѣпо за своими руководителями.

До 1867 года религіозное состояніе абхазцевъ представляло полнѣйшій сумбуръ. Здѣсь можно было встрѣтить обряды всѣхъ вѣрованій, начиная отъ фетишизма до христіанства. Точнаго понятія народъ не имѣлъ ни объ одной религіи, а усвоилъ себѣ отъ каждой изъ нихъ то, что выдавалось болѣе рельефно и что сильнѣе подѣйствовало на его почти дѣтское воображеніе. Несовмѣстимость исполненія нѣкоторыхъ обрядовъ съ исповѣдуемой имъ религіей ему никогда и не приходила въ голову; онъ безразлично принималъ все, въ чемъ, по его понятіямъ, состояла религія, и свои вѣрованія передавалъ своимъ дѣтямъ. Новые проповѣдники вѣры, муллы, мало обращали на это вниманія; они преслѣдовали свою главную цѣль, которая была скорѣе политическая или даже коммерческая, нежели религіозная, и прибѣгали къ религіи только какъ къ средству сильнѣе подѣйствовать на страсти народа: они указывали ему на притѣсненія, претерпѣваемыя сосѣдями ихъ горцами отъ гяуровъ—русскихъ, объясняя притѣсненія эти преслѣдованіемъ вѣры, и внушая тѣмъ въ народѣ, никогда не испытывавшемъ религіозныхъ гоненій, ненависть къ преслѣдователямъ.

Какъ ни было велико вліяніе турокъ на абхазцевъ, оно, однако, не вытѣснило нѣкоторыхъ древнихъ христіанскихъ обрядовъ, перешедшихъ въ обычай. До настоящаго времени еще сохранился въ краѣ обычай въ праздникъ Св. Пасхи рѣзать ягненка и обмѣниваться крашеными яйцами. Хотя празднику этому не вездѣ [10]) предшествуетъ постъ, но, тѣмъ не менѣе, употребленіе приготовляемыхъ къ этому дню кушаньевъ имѣетъ видъ розговѣнія и самый процессъ трапезы сохранилъ прежній патріархальный характеръ. Независимо отъ приготовленій въ каждомъ домѣ, болѣе вліятельныя лица устраиваютъ у себя въ этотъ день обѣдъ, на который не приглашаются гости, но обязаны явиться всѣ зависѣвшіе отъ владѣльца люди. Въ дни, совпадающіе съ празднованіемъ Св. Троицы, устраиваются обѣды и гулянья въ рощахъ, оканчивающіяся пляской. Въ праздникъ Рождества Христова, точно такъ-же какъ и на Пасху, по совершеніи ночью моленія, отправляются съ поздравленіями другъ къ другу, причемъ бывшіе подвластные приносятъ своимъ владѣльцамъ подарки и угощаются за то обѣдомъ. При всѣхъ моленіяхъ и религіозныхъ обрядахъ употребляются абхазцами восковыя свѣчи и куреніе ладономъ. Христіанство оставило также въ народѣ какое-то безсознательное уваженіе къ храмамъ; церковь считается мѣстомъ неприкосновеннымъ и всякій, прибѣгающій подъ защиту ея, спасается отъ преслѣдованія, какое-бы онъ ни сдѣлалъ преступленіе. Даже развалины храмовъ, о которыхъ въ памяти народной сохранились какія-нибудь преданія, считаются святынею, и магометане приносятъ въ нихъ присягу въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ. Присяга въ развалинахъ храма на горѣ Дудрюпшъ считается самою священною и не найдется абхазца, рѣшившагося ложно принять тамъ присягу. Хотя имя Бога непосредственно и не призывается при присягѣ, но, тѣмъ не менѣе, существо, къ которому обращаются при этомъ, по понятію абхазцевъ, самый близкій и прямой помощникъ того, кто правитъ всѣмъ міромъ, и подвергаетъ немедленной карѣ всѣхъ призывающихъ при присягѣ имя его ложно.

Но, на ряду съ остатками христіанскихъ вѣрованій и обрядовъ, въ обычаяхъ и понятіяхъ абхазцевъ такъ много остатковъ другихъ вѣрованій, что, пожалуй, самый ученый теологъ сталъ

[10]) Въ селеніяхъ, лежащихъ вблизи Пицунды и Лыхны, сохранили семинедѣльный и спасовскій посты.

бы въ тупикъ, если-бы по этимъ остаткамъ вздумалъ опредѣлить всѣ фазы религіозной жизни народа.

Въ помощь къ верховному существу, одаренному всѣми качествами, которыми по нашимъ представленіямъ одаренъ Богъ, абхазская миѳологія дала множество другихъ божествъ, опредѣливъ каждому свое спеціальное назначеніе. Эти подручныя божества, по ихъ понятію, созданы Всевышнимъ прежде человѣка и всей вселенной и молящійся, обращаясь къ нимъ, чрезъ ихъ посредство обращается къ самому Богу. Богъ-же никогда не сходитъ на землю, но если нужно ему кого-либо наказать или ниспослать на кого-нибудь свою милость, то онъ посылаетъ одного изъ своихъ помощниковъ. Въ молитвахъ своихъ, читающихся и поющихся при жертвоприношеніяхъ и при другихъ религіозныхъ обрядахъ, абхазцы, взывая къ Богу, говорятъ: *ах-дау* [11]), что значитъ Господи, Владыко, Великій, и придаютъ ему всѣ тѣ эпитеты, которые придаемъ и мы: такъ, напримѣръ, обыкновенное начало молитвы слѣдующее: *ах-дау* (или *анца-дауква*) *злыпха-ххаура*, что значитъ: Боже великій, милосердый, многомилостивый. Но такое начало не мѣшаетъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ молитвы приписывать тому-же Богу самое мелочное вмѣшательство въ дѣла людей и самое жестокое преслѣдованіе и затѣмъ немедленное наказаніе всѣхъ человѣческихъ слабостей. Трудно, впрочемъ, по смыслу абхазскихъ молитвъ, опредѣлить, къ кому именно относятся эти послѣднія дурныя качества, такъ-какъ имя Всевышняго постоянно перемѣшивается въ нихъ съ именемъ божества, чрезъ которое къ нему обращаются. Я думалъ разъяснить это распросами, но всѣ попытки мои были неудачны, потому что самые разумные абхазцы не могли объяснить, какъ надо понимать ихъ божества, воплощеніемъ-ли самого Всевышняго въ извѣстную форму, при извѣстномъ случаѣ, или-же совершенно отдѣльными божествами, состоящими только въ зависимости отъ Бога.

Какъ понимали прежде абхазцы Іисуса Христа, трудно сказать въ настоящее время, потому что, подъ вліяніемъ магометан-

[11]) Слово *ах*, произнесенное безъ всякаго прибавленія, означаетъ: владѣтель; *ах-дау* означаетъ: владыко, великій, господь, и употребляется только въ молитвахъ, съ которыми непосредственно обращаются къ Богу; если-же обращаются съ молитвой къ второстепенному божеству, то имя его ставится впереди слова *ах*: такъ, напримѣръ, *Нумаръ-ахъ*, *Сумыръ-ахъ*. Собственно же Богъ по-абхазски обозначается словомъ *анца*, но оно употребляется только въ разговорномъ языкѣ.

ской пропаганды, онъ занялъ то мѣсто, какое занимаетъ по ученію Магомета. Абхазцы говорятъ, что Богъ ниспослалъ на Іисуса благодать и повелѣлъ ему поучать людей; что когда люди начали забывать его ученіе, совратились съ пути истиннаго, то Богъ повелѣлъ возобновить въ памяти людей ученіе Іисуса Магомету,— словомъ, и тотъ и другой не болѣе какъ проповѣдники слова Божія [12]). Но при всемъ томъ, говоря объ Іисусѣ, абхазцы прибавляютъ *багамберъ*, что значитъ святой, чего не дѣлаютъ, говоря о Магометѣ.

Вотъ все что осталось въ памяти народа отъ христіанскаго ученія о Богѣ и его Сынѣ, во времена оны сильно распространеннаго въ Абхазіи. Второстепенныя божества, къ которымъ часто съ молитвою, сопровождаемою различными обрядами, прибѣгалъ народъ, съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе вытѣснили остатки христіанскаго ученія, и послѣднее, безъ поддержки наставниковъ, дошло до того, что въ народѣ осталось только смутное понятіе объ истинномъ Богѣ.

Необходимость второстепенныхъ божествъ вызвалась потребностями народа. Всякое атмосферическое явленіе, всякая опасность, угрожающая человѣку или его достоянію, всякій трудъ, обезпечивающій существованіе человѣка, создали въ дѣтскомъ воображеніи народа отдѣльныхъ покровителей, невидимо управляющихъ всѣмъ этимъ. Божества эти не имѣютъ никакихъ изображеній, такъ-какъ представляются въ различной формѣ, сообразной съ обстоятельствами, но тѣмъ не менѣе бытіе ихъ, по понятію абхазцевъ, несомнѣнно, такъ-какъ это ощущается на всемъ хорошемъ и дурномъ, что случается въ жизни человѣка. Каждый шагъ человѣка находится подъ ихъ контролемъ и всякое совращеніе съ истиннаго пути немедленно вызываетъ ихъ наказаніе. Краткое описаніе главныхъ изъ божествъ абхазцевъ и совершаемыхъ въ честь ихъ моленій, я полагаю, будетъ здѣсь нелишнимъ [13]).

На первомъ мѣстѣ должна конечно стоять покровительница посѣвовъ, *Джаджи*. Ей совершаются моленія два раза въ годъ: въ мартѣ, при открытіи весны, и въ ноябрѣ, послѣ уборки кукурузы. Моленіе Джаджи не сопровождается никакимъ особен-

[12]) Въ одномъ только селеніи Лыхны, въ молитвѣ, читаемой при совершеніи одного обряда, который я опишу ниже, призывается Сынъ Владыки.

[13]) Описаніе нѣкоторыхъ божествъ взято мною изъ записокъ абхазца Званбая, провѣренныхъ и дополненныхъ показаніями жителей.

нымъ торжествомъ, а напротивъ, происходитъ тихо въ каждомъ семействѣ отдѣльно. Богатые владѣльцы приглашаютъ на эту молитву иногда своихъ бывшихъ подвластныхъ, но только именно тѣхъ, которые принимали участіе въ посѣвѣ и уборкѣ хлѣба. Въ день, назначенный для моленія, приготовляются кушанья исключительно изъ хлѣба и плодовъ, воздѣлываемыхъ хозяиномъ. Когда кушанья поставлены на столъ, старшій въ семействѣ обращается съ молитвой къ Джаджи, благодаря ее за посланіе хорошаго урожая или прося ее послать обильный урожай, если моленіе происходитъ весною. Въ тѣ годы, когда сборъ хлѣба и плодовъ бываетъ малъ, моленіе Джаджи происходитъ своимъ порядкомъ, но только въ этихъ случаяхъ проситъ ее неурожай настоящаго года вознаградить урожаемъ будущаго. При весеннемъ моленіи Джаджи всѣ кушанья приготовляются постныя.

Айтаръ — покровитель домашняго скота и хуторскаго хозяйства. Моленіе ему производится въ одну изъ субботъ, но только не въ постные дни, такъ-какъ жертвоприношенія должны состоять изъ продуктовъ молока, а у богатыхъ изъ телка, вспоеннаго молокомъ. Самое употребительное кушанье бываетъ каша, сваренная жидко на молокѣ отъ недавно отелившейся коровы [14]). Кругомъ котла или чашки, наполненной кашею, становится всѣ пастухи, и старшій изъ нихъ по лѣтамъ, взявъ восковую свѣчу въ руки, читаетъ молитву, въ которой проситъ Айтаръ о размноженіи стадъ и о защитѣ ихъ отъ хищныхъ звѣрей. По окончаніи молитвы, онъ бросаетъ три ложки каши на поставленную вблизи жаровню съ угольями, а остальную кашу съѣдаютъ присутствующіе. Если моленіе Айтаръ производится жителями всего селенія, или хотя частью его, имѣющей отдѣльно хутора, то приносится въ жертву теленокъ, котораго зарѣзываетъ самый почетный старикъ, произнеся предварительно молитву. Когда мясо теленка сварено или сжарено, то тотъ-же старикъ произноситъ вторично молитву и, отрѣзавъ небольшіе куски отъ всѣхъ частей животнаго, приноситъ ихъ въ жертву Айтаръ, бросая на раскаленные угольи.

Ажвепшаа (*Абнъ-инцваху*) — богъ лѣсовъ и всѣхъ дикихъ звѣрей. Ему приноситъ жертву охотники, предъ отправленіемъ

[14]) Абхазецъ ни за что не продастъ молока недавно отелившейся коровы, до-тѣхъ-поръ пока изъ него не будетъ принесена жертва Айтаръ; по убѣжденію ихъ, употребленное раньше въ пищу молоко влечетъ безплодность коровы.

на охоту, что бываетъ обыкновенно въ половинѣ или въ концѣ декабря. Для принесенія жертвы составляется складчина, на которую покупаютъ козла или барана. Когда онъ сжаренъ, то старшій изъ охотниковъ обращается къ Ажвеншаа, прося его послать успѣхъ ихъ предпріятію, и въ заключеніе молитвы бросаетъ на уголья небольшія частицы жаренаго мяса и кусочекъ ладона. Каждый изъ охотниковъ, въ свою очередь, повторяя молитву, прибавляетъ къ ней свое собственное желаніе, указывая, какое именно животное онъ хотѣлъ-бы убить, и при этомъ бросаетъ кусочекъ ладона на уголья.

Дзызъ-ланъ—покровительница водъ. Ей молятся исключительно одни женщины, при чемъ обращающаяся съ молитвой къ Дзызъ-ланъ должна отличаться честною, хорошею жизнью. Чаще всего молятся этой богинѣ женщины, только что вышедшія замужъ, и женщины родившія, такъ-какъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онѣ, до совершенія моленія Дзызъ-ланъ, не могутъ идти даже за водою, опасаясь нападенія рѣчныхъ наядъ. Въ жертву Дзызъ-ланъ приносится курица и пшеничный пирогъ съ сыромъ, которые должны быть приготовлены нуждающеюся въ покровительствѣ богини. Съѣдаются эти жертвы только одними женщинами, и всякій мужчина, какого-бы возраста онъ ни былъ, если, хотя случайно, подсмотритъ моленіе Дзызъ-ланъ, немедленно наказывался болѣзнью. Старухи, знающія обрядъ моленія Дзызъ-ланъ и пользующіяся хорошею репутаціею, обыкновенно стараются изучить хотя нѣкоторыя правила акушерства, и за свои знанія приглашаются во всѣ дома, при чемъ одѣляютъ ихъ богатыми подарками.

Джикер-салат-ах-ду—направляющій мысли человѣка. Ему молятся разъ въ годъ всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, какого-бы возраста они ни были; за слишкомъ маленькихъ жертву приносятъ ихъ родители. Моленія и жертвоприношенія совершаются по четвергамъ (только не во время постовъ великаго и спасовскаго) и непремѣнно подъ открытымъ небомъ, а отнюдь не въ домѣ. Каждый изъ жителей заранѣе заботится о приготовленіи жертвы Джикер-салату, для чего выбираетъ между цыплятами курочку и надрѣзываетъ ей гребешокъ. Какъ только эта операція сдѣлана, курочка считается посвященною Джикер-салату и не можетъ быть ранѣе дня моленія употреблена въ пищу. Когда цыпленокъ достаточно подрастетъ, его рѣжутъ и варятъ безъ соли и перцу; къ нему прибавляютъ четыре маленькихъ

четырехугольныхъ хлѣбца изъ пшеничной муки, и всѣ эти яства складываются въ чашку. Молящійся беретъ жертву и черепокъ съ угольями и выходитъ изъ дому, такъ, чтобы его не видѣлъ никто; бросивъ ладонь на уголья, онъ обращается къ Джикер-салату съ слѣдующей молитвой: „Джикер-салат-ах-ду! ты, который управляешь разумомъ человѣческимъ, просвѣти мой умъ свѣтомъ твоимъ, остереги меня отъ всѣхъ необдуманныхъ поступковъ и научи меня жить со всѣми въ согласіи.“ Послѣ этого молящійся, бросивъ кусочекъ курицы и хлѣба на уголья, съ остальной жертвой возвращается въ домъ и предлагаетъ закусить своему семейству и гостямъ. Если молящійся дурнаго характера, то никто не только, изъ постороннихъ, но и люди самыхъ близкихъ ему, не прикоснется къ жертвѣ, принесенной имъ Джикер-салату.

Шёсшу [15]—покровитель кузнечнаго и слесарнаго дѣла. Моленія ему происходятъ наканунѣ новаго года, и такъ-какъ самый полный обрядъ жертвоприношенія производится кузнецами и слесарями, то и опишу его, какъ онъ дѣлается у этихъ послѣднихъ.

Наканунѣ новаго года хозяинъ рѣжетъ теленка или барана, а жена его по одному пѣтуху на каждаго члена семейства и приготовляетъ пирогъ изъ пшеничной муки съ свѣжимъ сыромъ. Печенки и сердца всѣхъ зарѣзанныхъ животныхъ жарятся отдѣльно, при чемъ вмѣсто вертела употребляется палочка изъ вѣтки свѣжаго орѣха. Когда кушанья готовы и принесены въ кузницу, хозяинъ складываетъ всѣ свои инструменты на наковальнѣ, вблизи ея ставитъ жаровню съ угольями и все семейство его располагается на колѣняхъ кругомъ наковальни. Снявъ башлыкъ и поясъ (какъ доказательство, что обращается къ Шёшу съ отрытымъ сердцемъ и мыслями), кузнецъ зажигаетъ восковую свѣчу, бросаетъ ладонь на уголья жаровни и обращается съ молитвой къ Шёшу, прося его ниспослать ему и семейству его здоровье и долголѣтіе, и чтобы всѣ орудія, которыя дѣлаются изъ желѣза, послужили ему въ пользу, а не во вредъ. По окончаніи молитвы, когда присутствующіе произнесутъ аминь, хозяинъ отрѣзываетъ маленькіе кусочки пирога и внутренностей,

[15]) Собственно это слово значитъ *кузница*; получило-ли оно это значеніе во имя божества, покровительствующаго кузницѣ и кузнечному дѣлу, или наоборотъ, божество получило свое названіе отъ кузницы, гдѣ, по понятію абхазцевъ, оно невидимо присутствуетъ,—трудно сказать.

сжаренныхъ на орѣховомъ вертелѣ, бросаетъ ихъ на жаровню, говоря: „До-тѣхъ-поръ, пока я не буду въ состояніи этими кусочками накормить всѣхъ Шервашидзевыхъ и Анчибадзевыхъ [16]), пусть никто не болѣетъ въ моемъ семействѣ. Молю тебя объ этомъ, Шёшу, принося настоящую жертву.“ Отрѣзанные кузнецомъ вслѣдъ за этимъ такіе-же кусочки всѣхъ жертвъ раздаются каждому члену семейства, которые, съѣвъ ихъ, запиваютъ тремя глотками вина. Вино для этой трапезы назначается хозяиномъ тотчасъ-же послѣ уборки винограда и хранится въ отдѣльномъ кувшинѣ, называемомъ *шёшёръ ганши*, зарытомъ въ самой кузницѣ; къ нему ни въ какой крайности, подъ страхомъ наказанія Шёшу, не смѣютъ прикоснуться ранѣе кануна новаго года, ни самъ хозяинъ, ни тѣмъ болѣе кто-либо изъ постороннихъ. Послѣ окончанія моленія, приготовленныя яства переносятся въ домъ кузнеца, куда собираются сосѣди и пируютъ во славу Шёшу до разсвѣта.

Моленіе Шёшу въ канунъ новаго года производятъ также и нѣкоторые владѣльцы, при чемъ присутствуютъ всѣ зависѣвшіе отъ нихъ люди, которые должны принесть каждый по пѣтуху.

Такъ-какъ Шёшу одно изъ божествъ, чаще другихъ призываемое абхазцами, то, коснувшись моленія ему, я кстати опишу всѣ случаи, когда призывается имя Шёшу.

По понятію абхазцевъ, божество, имя котораго было призвано ложно, немедленно наказываетъ провинившагося и наказываетъ его средствами или орудіями, входящими въ кругъ его спеціальности; такъ, призвавшій ложно имя Афы, распоряжающагося грозою, не можетъ быть имъ наказанъ чрезъ посредство огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, составляющихъ спеціальность Шёшу. При обыкновеніи всѣхъ кавказскихъ горцевъ, отъ которыхъ въ этомъ случаѣ абхазцы не отстаютъ, за каждое оскорбленіе и обиду расчитываться кинжаломъ или винтовкой, самые частые случаи насильственной смерти бываютъ отъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, почему и покровитель производства ихъ, Шёшу, пользуется въ народѣ преимущественнымъ уваженіемъ, и ему большею частью приносится присяга.

[16]) Анчибадзе—тавады Абхазіи; фамилія весьма многочисленная и, по преданію, управлявшая краемъ до Шервашидзевыхъ.

Присяга Шёшу бываетъ двухъ родовъ: въ кузницѣ и подъ открытымъ небомъ.

Въ первомъ случаѣ, кузнецъ, положивъ молотъ на наковальню, становится противу него, сложивъ руки на груди; присягающій становится по другую сторону наковальни, противу кузнеца, а тотъ, по дѣлу котораго приносится присяга, становится въ сторонѣ. Присягающій, взявъ молотъ въ руки, говоритъ: „если я виноватъ въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ, то пусть Шёшу разобьетъ мою голову на наковальнѣ,“ послѣ этихъ словъ ударяетъ три раза молотомъ по наковальнѣ и присяга кончена.

Во второмъ случаѣ, вбиваютъ двѣ палки, на небольшомъ разстояніи одну отъ другой, и на нихъ вѣшаютъ заряженныя ружья, обращая ихъ дулами въ интервалъ; присягающій становится въ интервалѣ, противу дулъ ружей, а присутствующіе въ сторонѣ. Присягающій произноситъ: „если я сказалъ ложь, то пусть Шёшу пронзитъ мою голову пулями изъ этихъ ружей“, и послѣ этихъ словъ три раза проходитъ чрезъ интервалъ.

Принесшій ложно присягу, при первой болѣзни, сопряженной съ головною болью [17]), призываетъ родственниковъ и проситъ ихъ сходить къ ворожеѣ узнать причину его болѣзни. Ворожея, знающая обыкновенно обо всѣхъ принимающихъ присягу отъ самого-же кузнеца, раскинувъ зерна лобіи или взглянувъ на звѣзды (въ Абхазіи ворожеи только и существуютъ этихъ двухъ родовъ), указываетъ на причину болѣзни—ложную присягу, принесенную Шёшу тогда-то, по такому-то дѣлу и въ такой-то кузницѣ. Одинъ изъ родственниковъ отправляется къ тому, по дѣлу котораго была принята присяга, и подарками склоняетъ его вымолить у Шёшу прощеніе больному, обѣщая, конечно, что послѣдній, по выздоровленіи, удовлетворитъ его сполна. Тогда, какъ тотъ, такъ и другой, отправляются въ кузницу, гдѣ была принесена присяга, и обвинявшій больнаго, снявъ поясъ, какъ свидѣтельство, что его обращеніе къ Шёшу будетъ искреннимъ, подходитъ къ наковальнѣ и произноситъ молитву, въ которой проситъ Шёшу снять болѣзнь съ виновнаго, достаточно уже наказаннаго болѣзнью. Родственникъ, какъ залогъ того, что больной, когда выздоровѣетъ, явится самъ вымолить себѣ прощеніе, оставляетъ въ кузницѣ кусочекъ желѣза и уходитъ къ больному успокоить его. Если больной выздоравливаетъ, то, удовлетворивъ

[17]) Исключая серебряковъ, которые за ложную присягу, принесенную Шёшу, наказываются ломотою и искривленіемъ членовъ.

обиженнаго имъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ приходитъ въ кузницу и, положивъ на наковальню серебряныя монеты (не менѣе двухъ рублей), обращается къ Шёшу и благодаритъ его за выздоровленіе. Принесенные имъ баранъ, хлѣбъ и вино передаются кузнецу. Получивъ отъ него послѣ молитвы кусочки печенки и сердца барана, онъ отправляетъ ихъ въ семью, какъ знакъ прощенія, полученнаго отъ Шёшу, а самъ вмѣстѣ съ кузнецомъ, обиженнымъ имъ и родственниками своими съѣдаютъ въ домѣ кузнеца всѣ принесенныя яства.

Афы — богъ и повелитель грома, молніи и всѣхъ атмосферическихъ явленій. Самыя торжественныя моленія въ Абхазіи производятся этому богу. Въ день, назначенный для молитвы, что обыкновенно бываетъ при отгонѣ стадъ на лѣтнее время въ горы и при возвращеніи ихъ оттуда осенью, пастухи селенія раздѣляются на нѣсколько группъ и каждая выбираетъ какое-нибудь живописное мѣсто въ лѣсу, вблизи ручья или рѣки. Смотря по числу людей, закалывается нѣсколько барановъ, и старшій изъ пастуховъ, долженствующихъ отправиться въ горы, обращается къ Афы, моля его сохранить, какъ ихъ самихъ, такъ и стада ихъ отъ громовыхъ ударовъ. Женщины и дѣти не смѣютъ присутствовать при моленіи Афы и первыя даже не должны произносить его имени; говоря объ Афы, онѣ обыкновенно выражаются: *хах-икалъ* (который на верху).

Во время продолжительной засухи жители обращаются къ владѣльцу, прося его совершить моленіе Афы. Владѣлецъ выбираетъ лучшаго быка изъ стада и назначаетъ день. Всѣ приглашенные должны принести съ собою гоми, хлѣбъ, непремѣнно прѣсный, свѣжій сыръ и кувшинчикъ вина. Когда все принесено, самый почетный старикъ беретъ веревку, надѣтую на рога быка, и, сняв шапку, читаетъ слѣдующую молитву: „О Афы! повелитель грома, молніи и дождя! сжалься надъ бѣднымъ твоимъ народомъ. Наши посѣвы засохли, трава выгорѣла, скотъ издыхаетъ безъ корма и потому намъ угрожаетъ голодная смерть. Повели скатиться дождевымъ тучамъ, повели загреметь грому, засверкать молніи и пошли дождь для спасенія погибающаго народа.“ По произнесеніи присутствующими *амшь*, жертва закалывается и мясо ея варятъ. Когда всѣ яства, изъ принесенныхъ продуктовъ, приготовлены и разложены на плетенки, старикъ, читавшій молитву, повторяетъ ее еще разъ—и начинается пиръ, при пѣніи хвалебнаго гимна въ честь Афы.

Гимнъ этотъ по-абхазски называется *Анчва рысшва* и поется не только на пирахъ въ честь Афы, но и во время грозы. Въ первомъ случаѣ его поютъ какъ-бы въ благодарность за дары, которыми пользуются, а во второмъ—въ надеждѣ упросить Афы послать хорошую погоду. На пирахъ обыкновенно одинъ изъ стариковъ обращается къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой напоминаетъ, что все, чѣмъ они пользуются въ настоящую минуту, есть благодать Господа и предлагаетъ возблагодарить его. Тогда одинъ изъ присутствующихъ начинаетъ прославлять Бога: „*Анчва дуква злыпха ххаура*! О ты, который съ молніей съ неба нисходишь и съ громомъ на небо возносишься, которому извѣстно число звѣздъ на небѣ и число песку на днѣ морскомъ“ и т. д. и оканчиваетъ куплетъ словами: „ах-дау.“ Всѣ присутствующіе, раздѣленные на двѣ группы, поочередно повторяютъ каждый куплетъ гимна и непремѣнно по три раза.

Убитая молніей домашняя скотина вызываетъ непремѣнное моленіе Афы; въ противномъ случаѣ, если онъ не будетъ умилостивленъ жертвою, то надо ожидать вторичнаго его посѣщенія. Хозяинъ убитой скотины приглашаетъ жителей всего селенія безъ различія возраста и, на этотъ разъ, пола. На мѣстѣ, гдѣ убито животное, устраивается вышка, сажени въ полторы вышиною, такъ, чтобы хищныя животныя не могли на нее взобраться. Всѣ присутствующіе окружаютъ убитое животное, берутъ другъ друга за руки и, приплясывая, поютъ: одна половина—*Воётла*, другая отвѣчаетъ ей: *Чаупаръ*, и при плескѣ и пѣніи подымаютъ животное на вышку, оставляя его тамъ на жертву хищнымъ птицамъ. Затѣмъ хозяинъ убитой скотины приноситъ въ жертву Афы быка и, при этомъ, благодаря его за посѣщеніе, проситъ, между прочимъ, чтобы онъ избавилъ его отъ своихъ посѣщеній на будущее время. Изъ мяса жертвы приготовляются кушанья, приносятся хлѣбъ, сыръ и вино изъ дома приносящаго жертву и присутствующіе пируютъ на его счетъ цѣлый день. День, въ который убита скотина, считается памятнымъ въ родѣ того, кого посѣтилъ Афы, и ни глава семейства, ни дѣти его, во всю свою жизнь въ этотъ день никому и ничего не дадутъ, говоря, что въ этотъ день они ожидаютъ посѣщенія Афы.

Съ человѣкомъ убитымъ молніею совершается тотъ-же самый обрядъ. Во время плески кругомъ трупа, никто изъ родственниковъ убитаго не смѣетъ плакать, въ противномъ случаѣ всѣ присутствующіе будутъ поражены однимъ громовымъ уда-

ромъ. Тѣло убитаго кладутъ въ гробъ и ставятъ на вышку, дотѣхъ-поръ пока не останутся отъ трупа одне кости; тогда гробъ снимаютъ и хоронятъ, совершивъ надъ нимъ обыкновенный погребальный обрядъ и установленныя обычаемъ поминки.

Царевичъ Вахуштъ, въ своемъ географическомъ описаніи Грузіи, говоритъ объ абхазцахъ: „Христіане по религіи, они не знаютъ своей вѣры и потому считаются идолопоклонниками. И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы хоронить своихъ покойниковъ, они одѣваютъ ихъ въ лучшее платье и оружіе, запираютъ въ ящики и ставятъ на деревья“ [18]). Вѣроятно, только что разсказанный мною обрядъ, совершаемый надъ убитыми молніею, подалъ поводъ царевичу Вахушту, на основаніи его, вывести заключеніе о религіозности народа.

Не перечисляя всѣхъ абхазскихъ божествъ, такъ-какъ ихъ очень много, я упомяну еще объ одномъ, спеціальность котораго можетъ служить указаніемъ какъ религіознаго, такъ и нравственнаго состоянія абхазцевъ. *Эйригъ-аацныхъ* [19])—покровитель воровства, грабежей и разбоевъ [20]). Моленіе этому богу производится только людьми исключительно занимающимися покровительствуемыми имъ художествами и всегда въ одномъ мѣстѣ (именно въ окрестностяхъ селенія Ацы, на горѣ между рѣкой Апстой и ручьемъ Дохури). Въ жертву Эйригъ-аацныхъ приносятся четыре коническихъ хлѣбца, надъ которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе предпріятію, и дается обѣщаніе, въ случаѣ успѣха, пожертвовать что-нибудь богу. Хлѣбцы берутся въ дорогу и составляютъ единственный домашній запасъ предпринимателей. Благодарственная жертва состоитъ изъ какой-нибудь украденной вещи, а если предметъ воровства лошадь или рогатый скотъ, то изъ пряди волосъ животнаго, и все это вѣшается на деревьяхъ, въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ предполагается мѣстопребываніе Эйригъ-аацныхъ.

Но сильнѣйшимъ изъ всѣхъ святыхъ считается *Аныбсъ-ны-*

[18]) Description géographique de la Géorgie par le tsarevitch Wakhoucht, publiée par Brosset (édit. 1842), p. 409.

[19]) Собственно въ переводѣ это слово означаетъ: видящій все днемъ и ночью.

[20]) За рѣкою Бзыбью онъ носитъ названіе Чугурхъ-ныхъ, и всѣ абхазцы, отправлявшіеся на воровство къ убыхамъ, шапсугамъ и другимъ горцамъ, приносили жертву Чугурхъ-ныхъ, алтарь котораго, если можно такъ выразиться, былъ на отвѣсной скалѣ за укрѣпленіемъ Гагры.

ха-дудрюшиъ [21]); мѣстопребываніе его—на горѣ Дудрюшъ, и всякій, осмѣлившійся подняться туда, немедленно наказывается слѣпотою. Поэтому молитва и жертвоприношеніе ему дѣлаются у подножія горы. Исключительной профессіи Аныбсъ-ныха никакой не имѣетъ, но считается выше и могущественнѣе всѣхъ божествъ. Порядокъ моленія и жертвоприношенія ему тѣ-же самые, какъ и Шёешу, съ тою только разницею, что при принесеніи присяги говорится, вмѣсто: „пусть разобьетъ мою голову на наковальнѣ“, — „пусть Аныбсъ-ныха пошлетъ мнѣ слѣпоту и всякую болѣзнь.“ По страшному, ничѣмъ не объясняемому убѣжденію народа, мѣстопребываніе Аныбсъ-ныха состоитъ подъ исключительнымъ надзоромъ одной довольно многочисленной фамиліи анхаё—Чичба. Правомъ этимъ Чичба пользуются уже нѣсколько поколѣній и оно доставляетъ имъ большой доходъ, такъ-какъ прежде принесенія жертвоприношенія, подарками у нихъ покупается разрѣшеніе. Въ Абхазіи (исключительно въ Пицундскомъ округѣ) есть нѣсколько женщинъ, утверждающихъ, что онѣ пророчествуютъ по повелѣнію Аныбсъ-ныха; ихъ приказанія исполняются свято, и если къ нимъ обращаются съ просьбой разрѣшить какой-нибудь споръ или тяжбу, то на опредѣленіе ихъ нѣтъ апелляціи. Немного не доходя до вершины горы Дудрюшъ, настоящаго мѣстопребыванія Аныбсъ-ныха, лежитъ большой камень подъ дубомъ, въ которомъ врѣзанъ образъ Божіей Матери; на этотъ камень всякій присягающій обязанъ положить какую-нибудь монету или что-либо металлическое, и Боже его сохрани, если онъ покусится взять хотя одну изъ находящихся тамъ вещицъ. Между прочими приношеніями я видѣлъ очень много стрѣлъ и копій, что свидѣтельствуетъ, что мѣсто это давно служило для принесенія жертвъ. Тамъ-же я нашелъ складной мѣдный образокъ съ изображеніемъ Божіей Матери и Святаго Николая Чудотворца: поля кругомъ изображенія покрыты голубою эмалью, — вѣроятно, это приношеніе какого-нибудь плѣннаго или бѣглаго солдата.

Независимо отъ признанія всѣхъ этихъ божествъ, жители селеній Лыхны, Лзаа (около Пицунды) и Илори состоятъ подъ покровительствомъ святыхъ, которымъ посвящены воздвигнутые

[21]) Соломонъ Званбай въ своихъ запискахъ придаетъ названіе Аныбсъ-ныха божеству Шёешу; но это два совершенно отдѣльныя и по значенію далеко не равныя божества.

въ ихъ селахъ церкви, или, лучше сказать, подъ покровительствомъ самихъ церквей. Въ Лыхнахъ каждое семейство призываетъ покровительство Ананъ-лыхныхъ (храмъ Лыхненской Божіей Матери), въ Лзаа—Ананъ-лзаа-ныхъ (храмъ Пицундской Божіей Матери), а въ Илори—Цминда Георгій (Святаго Георгія).

Но для призванія и ихъ покровительства, по понятію абхазцевъ, необходима жертва. Жертва приносится каждымъ семействомъ, ежегодно, въ одно изъ воскресеній, вечеромъ. Въ день, назначенный для жертвоприношенія, выбирается изъ стада лучшая годовалая телушка и вечеромъ вводится въ домъ, гдѣ постоянно живетъ семейство, испрашивающее милость храма. Приготовляется ужинъ, состоящій изъ свареннаго или зажареннаго барана, и все семейство моется, надѣваетъ чистое бѣлье; глава семейства, взявъ въ одну руку восковую свѣчу, а въ другую веревку, привязанную за шею теленка, обращается къ храму, покровительство котораго проситъ съ молитвою. Молитва состоитъ въ испрашиваніи покровительства храма всему семейству и въ посвященіи ему телушки, съ такимъ обѣщаніемъ, что весь приплодъ отъ нея мужескаго пола будетъ приноситься въ жертву храма, а вмѣсто телушекъ будетъ приноситься въ жертву баранъ. Послѣ молитвы, телушкѣ надрѣзываютъ правое ухо и съ этого времени она считается неприкосновенною и не можетъ быть употреблена въ пищу. Телушка въ день ея посвященія должна ночевать въ домѣ, вмѣстѣ съ семействомъ. Если кто-нибудь изъ жителей этихъ трехъ селеній переходитъ въ другое мѣсто, то и тамъ онъ обязанъ ежегодно приносить жертву храму своего роднаго селенія. Изъ этого правила не исключаются и дѣвушки, выходящія замужъ за жителей другихъ селеній; какъ онѣ сами, такъ и дѣти ихъ считаются подъ покровительствомъ Лыхненскаго, Пицундскаго или Илорскаго храмовъ и обязаны приносить имъ жертвы.

Независимо отъ описанныхъ мною моленій, абхазцы, въ нѣкоторые опредѣленные дни, призываютъ имя истиннаго Бога: это бываетъ обыкновенно наканунѣ Рождества Христова и новаго года [22]).

Гаутану, слово мингрельское, означающее „доразсвѣтный.“ Наканунѣ Рождества Христова, въ каждомъ семействѣ, по числу

[22]) Описаніе этихъ моленій позаимствовано мною частью изъ записокъ Соломона Званбая.

душъ въ немъ, рѣжутъ куръ и приготовляютъ на каждаго по четыре кваквары, т. е. небольшія пшеничныя булочки, начиненныя сыромъ. До первыхъ пѣтуховъ куры должны быть сжарены и кваквары спечены. Послѣ первыхъ пѣтуховъ хозяинъ ставитъ на столъ чашки, положивъ въ каждую по курицѣ, и четыре кваквары, приклеивъ къ чашкамъ по восковой свѣчкѣ. Недалеко отъ стола помѣщается жаровня съ угольями. Всѣ члены семейства становятся на колѣни кругомъ стола, каждый противу чашки, и старшій въ семьѣ, снявъ шапку и бросивъ ладонъ на жаровню, проситъ Бога, чтобы онъ сохранилъ его и семейство его отъ разстройства желудка. По окончаніи молитвы всѣ встаютъ, поворачиваются направо и кланяются на востокъ. Послѣ этого каждый начинаетъ ѣсть свою порцію, причемъ стараются окончить трапезу непремѣнно до разсвѣта.

Подъ новый годъ, послѣ ужина, также происходитъ въ каждомъ семействѣ моленіе о ниспосланіи всѣхъ благъ. Для этого приготовляютъ большой четырехъ-угольный пирогъ, начиненный сыромъ, кладутъ его на доску, къ которой приклеиваютъ восковую свѣчу. Все семейство становится кругомъ на колѣни и старшій въ родѣ, бросивъ ладонъ на угли, произноситъ молитву. Послѣ этого пирогъ съѣдаютъ, а остатки его сжигаютъ на угляхъ. Моленіе это называется *Калинда* и тоже должно кончаться до разсвѣта.

Съ наступленіемъ новаго года всѣ отправляются съ поздравленіемъ другъ къ другу, причемъ почетнымъ лицамъ приносятъ дрозда, убитаго пулею, какъ доказательство меткости своей стрѣльбы; являющіеся съ подобнымъ поздравленіемъ получаютъ дорогіе подарки. Подвластные и крестьяне непремѣнно должны были являться съ поздравленіемъ къ своему владѣльцу, принести ему какой-нибудь, хотя незначительный, подарокъ и оставаться у него обѣдать; отъ этого не смѣли отказаться даже состоявшіе во враждѣ съ своимъ владѣльцемъ. Тоже самое дѣлается и въ день Св. Пасхи. Въ новый годъ въ каждомъ семействѣ совершается моленіе, называемое *Гуныхва* (сердечная молитва). Для нея приготовляются, по числу членовъ семейства, пшеничныя булочки, съ запеченнымъ въ нихъ яйцомъ. Глава семейства, поднося къ груди каждаго булочку, обращается къ Богу съ молитвой, въ которой проситъ избавить ихъ отъ болѣзней сердца. Послѣ молитвы каждый съѣдаетъ свою булочку.

Какъ я сказалъ выше, есть одинъ обрядъ, въ которомъ

абхазцы обращаются съ молитвой къ сыну Владыки. Кого надо подразумѣвать здѣсь подъ этимъ именемъ, трудно сказать, такъ-какъ на всѣ вопросы по этому поводу абхазцы отвѣчаютъ, что они обращаются къ сыну того, который распоряжается дождемъ, громомъ, молніей и другими атмосферическими явленіями, а для этого, какъ мы видѣли, ихъ фантазія создала бога Афы. Есть основаніе предполагать, что въ молитвѣ призывается имя Іисуса, потому-что обрядъ этотъ сохранился только въ селеніи Лыхны, болѣе другихъ удержавшемъ христіанскіе обряды, и еще потому, что ни одно изъ абхазскихъ божествъ не имѣетъ сына. Обрядъ, при которомъ въ молитвѣ призывается имя сына Владыки, происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Во время сильной лѣтней засухи собираются всѣ дѣвушки селенія, въ лучшихъ своихъ нарядахъ, недалеко отъ рѣки. Раздѣлившись на три партіи, онѣ приступаютъ къ работѣ, состоящей въ приготовленіи плота изъ вѣтвей, куклы въ одеждѣ женщины и въ настилкѣ плота соломой. Когда всѣ приготовленія окончены, приводятъ эшака (осла), покрываютъ его бѣлою простынею, сажаютъ на него куклу и одна изъ дѣвушекъ, взявъ за поводъ эшака, а другія двѣ, поддерживая куклу, направляются къ тому мѣсту, гдѣ устроенъ плотъ. Остальныя дѣвушки, раздѣлившись на двѣ партіи, идутъ по обѣимъ сторонамъ процессіи, распѣвая: „Дзиба, дзиба дзари! ква ква мыкрылд апш-Ах ипа дид шивант дзы хучик, дзы хучик,“ что значитъ въ переводѣ: „Воды, воды достать! Достать воды дождевой — маргаритку красную. Сынъ Владыки, жаждемъ немножко воды, немножко воды!“ Приведя эшака къ рѣкѣ, снимаютъ съ него куклу, сажаютъ ее на плотъ и, зажегши солому, пускаютъ плотъ по теченію воды. Затѣмъ стараются вогнать эшака въ воду, для чего, конечно, приходится употребить не мало усилій. Эшакъ, рѣшившись наконецъ отдѣлаться, бросается въ воду и, выбравшись на противоположный берегъ, начинаетъ кричать, что считается самымъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ скораго дождя. Если-же эшакъ не закричитъ, то на другой или третій день повторяется та-же исторія.

Странно, что абхазцы, почти не имѣвшіе никакого понятія о Спасителѣ, относились съ большимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ кресту, сдѣлавшемуся эмблемой христіанской вѣры, вслѣдствіе страданій Іисуса. Крестъ считался абхазцами чѣмъ-то святымъ и неуваженіе къ нему, по ихъ убѣжденію, непремѣнно должно было

навлекать несчастіе. Только вліяніе турокъ, отчасти, разсѣяло это безотчетное уваженіе и болѣе рьяные послѣдователи муллъ начали высказывать свое пренебреженіе къ крестамъ и изображеніямъ святыхъ, находившимся на стѣнахъ древнихъ церквей, изрѣзывая ихъ кинжалами. Слишкомъ усердное преслѣдованіе этихъ грубо-ребяческихъ выходокъ мѣстнымъ духовенствомъ вызвало еще большее неуваженіе къ тому, что считалось священнымъ,— и теперь, не смотря-на-то, что шесть десятыхъ населенія Абхазіи считаются христіанами, крестъ и изображенія святыхъ имѣютъ слишкомъ малое значеніе въ глазахъ населенія.

По понятію абхазцевъ, душа умершаго, до совершенія по немъ поминокъ, присутствуетъ въ домѣ и терзается угрызеніями совѣсти за всѣ преступленія, сдѣланныя покойнымъ; поэтому самымъ главнымъ въ погребальномъ обрядѣ считаются поминки по прошествіи сорока дней послѣ смерти (акыркъ). Погребеніе умершаго непремѣнно должно происходить вечеромъ и къ нему приглашаются священникъ или мулла, смотря по тому, какого вѣроисповѣданія былъ умершій, и жители всего селенія. По прочтеніи духовенствомъ молитвы, открытый гробъ съ покойникомъ [23]) опускается въ могилу, которая закладывается досками наискось, такъ что одни концы ихъ упираются въ наружный край могилы, другіе въ дно. По краямъ могилы ставится деревянный срубъ, наполняемый землею. Семейство умершаго угощаетъ гостей ужиномъ, для котораго впрочемъ продукты доставляются всѣми родственниками и даже хорошо знакомыми умершаго. На зарѣ, до восхода солнца, семейство покойнаго идетъ на могилу оплакивать умершаго. Оплакиваніе состоитъ въ причитываніи на распѣвъ различныхъ похвалъ покойнику и въ истязаніи въ знакъ скорби самого себя. Обрядъ этотъ повторяется каждую утреннюю и вечернюю зарю, до истеченія сорока дней, когда совершаются по умершемъ поминки, по-абхазски называемыя *акыркъ*. Независимо, впрочемъ, отъ послѣдняго, въ продолженіи сорока дней магометане, по четвергамъ, а христіане, по субботамъ, дѣлаютъ небольшія поминки (*пшёшыха*), на которыя приглашаются священникъ или мулла и сосѣди; семейство умершаго, послѣ молитвы, угощаетъ ихъ ужиномъ—и тѣмъ кончается дѣло. Акыркъ

[23]) Покойникъ долженъ быть одѣтъ во все бѣлое; у магометанъ на него надѣвается холщевый мѣшокъ, завязываемый на головѣ, и въ такомъ видѣ покойникъ привязывается къ доскѣ, на которой и опускается въ могилу.

всегда дѣлается ночью и на него приглашаются всѣ жители селенія, безъ различія пола. Мулла или священникъ непремѣнно присутствуютъ на немъ и первые открываютъ начало этого обряда, чтеніемъ молитвъ; за нимъ слѣдуетъ оплакиваніе, производимое родственниками въ присутствіи всѣхъ гостей, и потомъ ужинъ. На ужинѣ, у магометанъ, приготовляются постныя и скоромныя кушанья, изъ которыхъ первыя предназначаются для родственниковъ и хорошихъ знакомыхъ покойника; кто на акыркѣ ѣстъ скоромное, тотъ значитъ не уважалъ умершаго. Акыркъ оканчивается съ разсвѣтомъ и завершается опять оплакиваніемъ.

Люди состоятельные, мѣсяца чрезъ два или три послѣ похоронъ, назначаютъ еще торжественное оплакиваніе, или *апха*. Апха начинается у магометанъ вечеромъ въ четвергъ и оканчивается вечеромъ въ пятницу, а у христіанъ начинается вечеромъ въ пятницу и оканчивается въ субботу. Торжественное оплакиваніе непремѣнно сопровождается скачкою и стрѣльбою въ цѣль, поэтому приглашеній на него не дѣлается, а только объявляется всенародно день, назначенный для апеха. Всѣ желающіе участвовать въ скачкѣ и состязаться въ цѣльной стрѣльбѣ имѣютъ право присутствовать на этомъ торжествѣ, и личная вражда къ покойнику, а слѣдовательно и къ его родственникамъ, не можетъ служить препятствіемъ. Семейство и родственники умершаго назначаютъ призы для скачки и цѣльной стрѣльбы, которые соотвѣтствуютъ званію и значенію умершаго, и иногда главный призъ доходитъ до 150 рублей. Первая часть, или, лучше сказать, прелюдія апеха состоитъ изъ вечерняго оплакиванія, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, наперерывъ другъ передъ другомъ стараясь восхвалять заслуги умершаго, и потомъ скромнаго ужина. На другое утро вновь назначается торжественное оплакиваніе, для котораго заранѣе дѣлаются приготовленія. Приготовленія эти состоятъ въ томъ, что на возвышеніи ставится кровать умершаго, на которую складываютъ все его платье, въ томъ видѣ, какъ оно надѣвается на человѣка; недалеко отъ кровати, если оплакиваютъ мужчину, ставятъ его осѣдланную лошадь, съ навѣшеннымъ на сѣдлѣ оружіемъ умершаго. Толпа, раздѣлившись на-двое, становится по сторонамъ кровати и лошади и начинаетъ оплакиванье. Когда оно окончено, лошадь, по снятіи съ нея оружія, покрывается чернымъ коленкоромъ, такъ-что концы его касаются земли. Кто-нибудь изъ хорошихъ наѣздниковъ, по преимуществу изъ родственниковъ

умершаго, садится на лошадь и скачетъ. Присутствующіе, имѣющіе лошадей, скачутъ за траурнымъ наѣзднпкомъ, стараясь оторвать кусокъ коленкору, и преслѣдуютъ его до-тѣхъ-поръ, пока все покрывало не обратится въ клочки. Этотъ сумасшедшій бѣгъ, при которомъ бываетъ столько паденій и столкновеній, служитъ открытіемъ скачекъ.

По неимѣнію въ Абхазіи большихъ равнинъ, скачки производятся обыкновенно по дорогамъ, причемъ назначается разстояніе верстъ въ 7 или 10. Ручьи, небольшія рѣки, топи и овраги не служатъ препятствіемъ и состязающіеся пробѣгаютъ ихъ такъ-же, какъ и ровныя мѣста— въ карьеръ. По всему пути, назначенному для скачки, становятся толпы абхазцевъ, на лучшихъ лошадяхъ, но не въ качествѣ простыхъ зрителей, а въ качествѣ участниковъ, какъ это я объясню сейчасъ-же. На мѣстѣ окончанія скачки возсѣдаетъ судъ, изъ нѣсколькихъ добросовѣстныхъ стариковъ, избранныхъ самими скачущими: обязанность суда рѣшать всѣ споры, могущіе возникнуть при состязаніи, и назначать призы. На скакуновъ сажаютъ мальчиковъ не старше 14-ти лѣтъ. По данному знаку, они пускаются въ карьеръ, сопровождаемые по сторонамъ любопытными, и такимъ образомъ скачутъ до первой толпы, стоящей на дорогѣ. Здѣсь начинается чрезвычайно оригинальное ристалище: скачущіе мальчики перебрасываютъ поводъ своей лошади первому подъѣхавшему изъ толпы и такимъ образомъ продолжаютъ скакать уже за своимъ вожакомъ до слѣдующей толпы, гдѣ также мастерски поводъ скакуна перебрасывается другому вожаку, выѣхавшему изъ толпы. Дѣлая на слѣдующихъ эшалонахъ тоже самое, вожаки, таща за поводъ скакуновъ, достигаютъ цѣли и выигравшіе призы гордятся не менѣе самихъ хозяевъ лошадей. До цѣли обыкновенно достигаетъ незначительное число скачущихъ, отъ 6 до 10, тогда какъ пускается въ состязаніе человѣкъ 30—40; многіе изъ нихъ добровольно сходятъ съ арены, но еще большее число, такъ сказать, выбивается изъ колеи и отстаетъ на эшалонахъ при перемѣнѣ вожаковъ, причемъ иногда бываютъ случаи, что сѣдокъ выскакиваетъ изъ сѣдла и приносится домой, или искалеченный, или даже трупомъ. Но, описавъ скачки, нельзя не коснуться другаго увеселенія *апсха*—цѣльной стрѣльбы.

Она производится иногда одновременно со скачкою, а иногда прежде или послѣ, смотря по желанію распорядителя апсха. Для нея, на высокомъ столбѣ, съ выдолбленною и наполненною струж-

ками серединою, и обмотанномъ кусками ситцу, утверждается деревянный кругъ, замѣняющійся иногда тарелкою. Состязающіеся, сидя или стоя въ какомъ-угодно положеніи и утвердивши ружье на подсошку, стараются попасть въ центръ круга. Стрѣльба производится всегда пулями, и нужно отдать полную хвалу абхазцамъ, — между ними много весьма хорошихъ стрѣлковъ, такъ-какъ они ухитряются изъ плохихъ ружей и на довольно большое разстояніе разбивать тарелку. По окончаніи стрѣльбы, четыремъ лучшимъ стрѣлкамъ раздаются призы и начинается ужинъ, на которомъ въ послѣдній разъ восхваляютъ въ пѣсняхъ покойника. Этимъ заканчиваютъ апсху. Всѣ родственники умершаго, носившіе по немъ глубокій трауръ, состоящій изъ черной коленкоровой чохи [24]), имѣютъ право снять ее послѣ апсхи, и знаками скорби о покойникѣ остаются только нечесаныя и нестриженыя головы его родственниковъ, что длится иногда два, три года. Самые близкіе родные умершаго, а также его кормилица, носятъ глубокій трауръ иногда нѣсколько лѣтъ и съ перваго дня его не присутствуютъ ни на какихъ празднествахъ и пирахъ, даже на акыркѣ и апсхѣ, совершающихся въ память тѣхъ лицъ, по которымъ они носятъ трауръ. Вдова, если любила своего мужа, года четыре не выходитъ замужъ.

Что дѣлается съ душою умершаго послѣ совершенія по немъ поминокъ — абхазцы не знаютъ, но убѣждены, что послѣ этого акта она совершенно отрѣшается отъ всѣхъ страданій, претерпѣваемыхъ ею до него за земныя прегрѣшенія. Есть впрочемъ нѣкоторые вѣрящіе въ переселеніе души въ рожденнаго во время поминокъ младенца, есть и утверждающіе, что душа честнаго человѣка, послѣ выхода ея изъ дому, т. е. послѣ акырка, принимается Богомъ, а душа нечистаго человѣка блуждаетъ въ пространствѣ, ожидая, пока родственники умершаго вымолятъ для нея у Бога прощеніе; но большинство совершенно отвергаетъ существованіе души, или, лучше сказать, не имѣетъ о ней никакого понятія.

[24]) Я называю этотъ костюмъ чохой потому, что онъ имѣетъ такой-же покрой, какъ черкеска, которая называется въ Абхазіи чохой и надѣвается, подобно послѣдней, на бешметъ.

Страшный судъ, по понятію абхазцевъ, долженъ наступить тогда, когда люди потеряютъ совершенно вѣру въ верховное существо. За невѣріе это они будутъ наказаны огнемъ и исчезнутъ одновременно съ землею, на мѣсто которой появится другая земля, съ новыми людьми; раздѣленія людей на добрыхъ и злыхъ при этомъ конечно не будетъ, такъ-какъ всѣ будутъ считаться злыми. Подобное наказаніе людей, по убѣжденію абхазцевъ, было уже одинъ разъ, но тогда Богъ пощадилъ землю и затопилъ только всѣхъ людей, происшедшихъ отъ Адама и Еввы (Адамъ, Ананъ). Убѣжденіе это, вѣроятно, проистекаетъ изъ библейскаго сказанія о потопѣ.

Читателю можетъ показаться страннымъ, что, говоря о религіозныхъ обрядахъ абхазцевъ, я поставилъ погребеніе прежде брака и совершенно не упомянулъ о крещеніи. Причина та, что первое изъ нихъ сохранило у абхазцевъ хотя тѣнь религіозности, тогда-какъ второй не имѣетъ никакого религіознаго характера и совершается на основаніи народныхъ обычаевъ, а третье, т. е. крещеніе, даже не существуетъ. Я упомяну объ этихъ обрядахъ лишь потому, что характеристика вѣрованій абхазцевъ, безъ такого упоминанія, была-бы неполною, а также и потому еще, что уже самое легкое отношеніе населенія къ важнѣйшимъ въ жизни обрядамъ можетъ дать понятіе о религіозномъ состояніи народа.

Сватовство иногда происходитъ между родителями жениха и невѣсты еще въ то время, когда невѣста ребенокъ. Цѣль этого та, что въ Абхазіи, помимо кровнаго родства, существуютъ другія обычныя отношенія, имѣющія видъ духовнаго родства и дѣлающія бракъ невозможнымъ. Отношенія эти — такъ называемое воспитаніе или, лучше сказать, кормленіе ребенка въ чужомъ семействѣ, и усыновленіе посредствомъ совершенія страннаго обряда—цѣлованія лѣвой груди матери, жены или сестры того лица, семейство котораго усыновляетъ. Какъ то, такъ и другое духовное родство, если можно только ихъ такъ назвать, сильно распространены въ Абхазіи и служатъ причиной, что родители дѣвушки сватаютъ ее еще ребенкомъ за избраннаго ими человѣка, стараясь этимъ предупредить возможность всякаго родства. Такъ-какъ подобнаго рода сватовство, вслѣдствіе нежеланія невѣсты, по приходѣ ея въ возрастъ, выйти замужъ за жениха, избраннаго родителями, вело часто къ ссорамъ между цѣлыми фамиліями, то оно начало постепенно искореняться и въ настоя-

щее время сватовство происходитъ большею частью на взрослой дѣвушкѣ.

Избравъ себѣ невѣсту, женихъ посылаетъ къ ея родителямъ съ подарками сватовъ (въ Абхазіи называемыхъ посредниками), преимущественно своихъ родственниковъ, или даже отца. Если родители невѣсты согласны на предлагаемый бракъ, то принимаютъ подарки жениха, сватамъ показываютъ невѣсту, угощаютъ ихъ ужиномъ и на другое утро отпускаютъ домой. Чрезъ нѣсколько времени женихъ, съ тѣми-же сватами и увеличивъ еще свою свиту сосѣдями, отправляется въ домъ невѣсты, взявъ съ собою новые подарки. Отецъ невѣсты принимаетъ гостей и предлагаетъ имъ ужинъ; на другой день, въ особой комнатѣ, раздѣленной занавѣской, женихъ въ первый разъ оффиціально видится съ своею невѣстою наединѣ. Если послѣ этого свиданія невѣста не отвергаетъ предложенія жениха, то свиданіе повторяется на второй и на третій день пребыванія жениха въ домѣ своего будущаго тестя; если-же невѣста отвергаетъ предложеніе, то при первомъ свиданіи она вынимаетъ изъ черкески жениха газырь [25]) и бросаетъ его на землю. Чрезъ три дня, если со стороны невѣсты не послѣдовало отказа, поѣздъ съ женихомъ возвращается домой и послѣдній одѣляетъ подарками всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Если-же невѣста высказала свое несогласіе на бракъ, то поѣздъ возвращается тотчасъ-же и иногда съ этого-же самаго времени женихъ дѣлается отъявленнымъ врагомъ, какъ невѣсты, такъ и ея родственниковъ. Во всякомъ случаѣ, вслѣдъ за отказомъ начинается тяжебный процессъ, по которому женихъ получаетъ отданные въ первый разъ подарки и вознагражденіе за оскорбленіе его чести отказомъ. Въ случаѣ согласія невѣсты, черезъ нѣсколько времени женихъ приглашаетъ къ себѣ въ домъ ея отца, угощаетъ его и сопутствующихъ ему и надѣляетъ всѣхъ подарками. Собственно посѣщеніемъ жениха дома невѣсты оканчивается свадебный обрядъ; съ этого времени молодые считаются мужемъ и женою, но иногда живутъ порознь два, три года, дотѣхъ-поръ, пока мужъ вполнѣ не устроитъ своего хозяйства. У жителей, считающихся магометанами, свадьбѣ дана хотя тѣнь религіознаго обряда и въ пріѣздъ жениха приглашается мулла, въ

[25]) Деревянныя трубки, отдѣланныя костью или металломъ и служащія для храненія зарядовъ.

присутствіи котораго составляется *мыкяхъ*, т. е. запись на имя невѣсты того имущества, которое собственно ей даетъ женихъ въ видѣ свадебнаго подарка. Когда женихъ совершенно устроитъ свое хозяйство, то посылаетъ за женою поѣздъ, состоящій изъ его родственниковъ и родственницъ и нѣсколькихъ дѣвушекъ, сверстницъ невѣсты. Поѣздъ этотъ, по прибытіи въ домъ невѣсты, пируетъ тамъ два, три дня на счетъ жениха, потомъ получаетъ отъ ея родителей приданое и наконецъ самою ее и возвращается съ пѣснями въ домъ жениха, гдѣ встрѣчается послѣднимъ и угощается ужиномъ. Въ доставленіи припасовъ къ этому ужину принимаютъ участіе всѣ родственники и даже хорошіе знакомые жениха, а если онъ принадлежитъ къ высшимъ сословіямъ (тавадъ или аамиста), то всѣ его подвластные. Этимъ пиромъ, продолжающимся иногда нѣсколько дней, завершается свадьба.

Я сказалъ выше, что сватовство ребенка-невѣсты вело иногда къ ссорамъ цѣлыхъ фамилій. Хотя здѣсь и не совсѣмъ умѣстно объ этомъ предметѣ говорить подробно, но такъ-какъ связывающее у насъ религіозное таинство совершенно устранено въ бракѣ абхазцевъ и послѣдній принялъ форму брака гражданскаго, то, полагаю, будетъ нелишнимъ указать на тѣ узы, которыя гарантируютъ бракъ по народному обычаю и дѣлаютъ его трудно расторжимымъ. Отказъ невѣсты, или ея родителей, отъ условленнаго заранѣе брака, считается кровною обидою, равносильною убійству, и влечетъ за собою послѣдствія таковой обиды—кровомщеніе. Избавиться этихъ послѣдствій есть одно средство — откупиться, заплативъ все что положено обычаемъ обиженному. Плата за оскорбленіе чести строго обусловлена народнымъ обычаемъ и размѣръ ея зависитъ отъ того, къ какому сословію принадлежитъ обиженный. Такъ, оскорбленный тавадъ [26]) получалъ 36 мальчиковъ различной мѣры, отъ 4 до 6 четвертей, что составляетъ до 18 т. рублей. Заплатить такую сумму, для самаго богатаго абхазца, рѣшительно невозможно, а потому тотъ-же народный обычай, какъ-бы предвидя это, обязалъ всѣхъ родственниковъ виновнаго принимать участіе въ уплатѣ за оскорбленіе. Этимъ постановленіемъ всѣ родственники обиженнаго становятся участниками дѣла. При такихъ условіяхъ, по-видимому, ссо-

[26]) Тавадъ — сословіе, занимающее высшую степень въ сословной іерархіи края, совершенно равное съ тавадами Грузіи, признанными князьями.

ра между двумя лицами не могла-бы принять обширныхъ размѣровъ, такъ-какъ слишкомъ много заинтересованныхъ съ той и другой стороны долженствовали-бы принять мѣры къ прекращенію ея, но, къ сожалѣнію, тотъ-же народный обычай клеймитъ позоромъ неудовлетвореннаго согласно правилъ, установленныхъ обычаемъ. Поэтому родственники обиженнаго, принимая его сторону, стараются поддержать только его настойчивость въ своихъ требованіяхъ. Мнѣ самому, по должности, пришлось два раза принимать участіе въ раздорахъ между цѣлыми селеніями, произведенныхъ отказомъ невѣсты своему жениху. Въ первый разъ, въ Пицундскомъ округѣ, я былъ разбуженъ ночью извѣстіемъ, что жители селенія Ачандара готовятся напасть на селеніе Эберыхва. Прибывъ на мѣсто происшествія, я узналъ, что наканунѣ дочь Арлана отказала ачандарскому таваду Анчибадзе. Въ моментъ моего пріѣзда, Арланъ съ семействомъ и своими приближенными заперся въ домѣ и готовился отражать нападенія. Второй случай былъ въ Очемчирскомъ округѣ, гдѣ дочь тавада селенія Тхина, Дзяпшъ-ипа, отказала своему жениху, таваду селенія Ткварчели, Анчибадзе. Дѣло это дошло до Окружнаго, а потомъ и до Главнаго Сухумскаго Судовъ, приговорившихъ Дзяпшъ-ипа къ уплатѣ Анчибадзе 36-ти мальчиковъ. Такъ-какъ старикъ Дзяпшъ-ипа отказывался уплатить за оскорбленіе чести равноправнаго ему тавада, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не смѣлъ нарушить народнаго обычая, дающаго въ дѣлѣ женитьбы полное право выбора жениха самой дѣвушкѣ, и потому не могъ заставить дочь свою выйти замужъ за Анчибадзе, то жители Ткварчели намѣревались силою заставить Дзяпшъ-ипа выполнить рѣшеніе суда. Только согласія невѣстъ въ томъ и въ другомъ случаяхъ положили конецъ ссорѣ.

Обидою, равносильною отказу жениха или невѣсты, считается разводъ, и наказаніе за него, т. е. плата за оскорбленіе правой стороны, тоже самое, какъ и въ первомъ случаѣ. Мужъ или жена, доведенные оскорбленіями, или дурною жизнью кого-либо изъ нихъ, до развода, должны быть удовлетворены полнымъ кровомщеніемъ, полагающимся лицамъ того сословія, къ какому принадлежитъ обиженный. Такимъ образомъ самое тяжелое для абхазца наказаніе — полное разореніе, неизбѣжное при оплатѣ кровомщенія, служитъ уздой, сдерживающей отъ разводовъ и гарантирующей бракъ, заключаемый безъ всякаго религіознаго обряда. Только этимъ и можно объяснить незначительное число

бракоразводныхъ дѣлъ, при такомъ значительномъ числѣ обвиненій между абхазцами въ супружеской невѣрности и въ дурномъ обращеніи мужа съ женою.

Переходя къ описанію обряда, соотвѣтствующаго нашему крещенію, я опять считаю нужнымъ повторить, что въ смыслѣ таинства обрядъ этотъ не существуетъ въ Абхазіи. Его замѣняютъ установленные обычаемъ извѣстные пріемы, совершаемые надъ роженицей и новорожденнымъ.

Какъ только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, тотчасъ-же всѣ мужчины удаляются изъ дому и къ роженицѣ является старуха, опытная въ принятіи дѣтей. По окончаніи родовъ, ребенка показываютъ отцу, и онъ, по согласію съ женою, даетъ имя новорожденному. Въ этомъ случаѣ абхазцы не стѣсняются—и иногда, поразившее ихъ слухъ, незнакомое слово остается именемъ ребенка; такъ, напримѣръ, въ Пицундскомъ округѣ есть Маргани (фамилія, принадлежащая къ сословію аамиста, слѣдовательно къ высшему сословію), отецъ которыхъ далъ имя Дуракъ, почему дѣти его и называются Дуракъ-ипа (сыновья Дурака). Новорожденнаго мать кормитъ день, два, много три, и затѣмъ онъ переходитъ на руки кормилицы, или, по-абхазски, воспитательницы. Послѣдняя, хотя условлена заранѣе и даже до рожденія ребенка находится въ домѣ своего будущаго воспитанника, тѣмъ не менѣе сама должна предложить свои услуги. Получивъ на руки ребенка, она вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ и подарки, состоящіе изъ полнаго женскаго костюма, постели, одѣяла, сундука, мѣднаго котла и буйволицы. Всѣ эти подарки обязательны для каждаго, отдающаго на воспитаніе своего ребенка, но лица высшихъ сословій, конечно, не ограничиваются ими. Если съ женщиной, берущей на воспитаніе ребенка, пришла и ея мать, то и она получаетъ подарки, въ меньшемъ размѣрѣ противу своей дочери. У абхазцевъ, считающихся древними христіанами, черезъ два, три, а иногда и большее число лѣтъ, по настоянію священника, ребенка приносятъ крестить, но даваемое при этомъ христіанское имя только и остается въ церковныхъ книгахъ; ни воспитатели ребенка, ни его родные, ни самъ крещенный не знаютъ христіанскаго имени и продолжаютъ употреблять имя, данное при рожденіи. По прошествіи семи или восьми лѣтъ послѣ отдачи на воспитаніе, принявшіе ребенка привозятъ его показать родителямъ, причемъ, если на воспитаніи мальчикъ, то воспитатели должны снабдить его лошадью, сѣдломъ и полнымъ

костюмомъ; если воспитывается дѣвочка, то ее представляютъ родителямъ въ полномъ женскомъ туалетѣ. Все сдѣланное для воспитанника или воспитанницы ихъ пріемными родителями должно быть возвращено родителями ребенка, непремѣнно вдвойнѣ. Въ 12-ть лѣтъ для дѣвочки и въ 16-ть для мальчика оканчивается забота о нихъ воспитателей и они возвращаются родителямъ, которые въ послѣдній разъ даютъ воспитателямъ подарки. Величина этихъ подарковъ зависитъ какъ отъ средствъ родителей, такъ и, тѣмъ болѣе, отъ того, съ какими познаніями возвращается воспитанникъ подъ родительскій кровъ. Если мальчикъ показалъ уже свои способности въ какомъ-нибудь удачномъ воровствѣ, если онъ хорошій стрѣлокъ и наѣздникъ, то время, проведенное имъ у воспитатели, считается не пропавшимъ даромъ и воспитатели щедро вознаграждаются.

Воспитатели ребенка считаются близкими его родственниками и брачные узы между членами этихъ двухъ семействъ заключаемы быть не могутъ. Воспитанникъ обыкновенно такъ привязывается къ своимъ воспитателямъ и отвыкаетъ отъ своихъ родныхъ, что питаетъ самыя нѣжныя родственныя чувства къ первымъ и, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній между ними и его родителями, принимаетъ сторону воспитателей. Это подаетъ поводъ отцамъ и матерямъ часто жаловаться на непочтеніе и неуваженіе своихъ дѣтей, причемъ администраціи представляется тяжелый трудъ — внушать дѣтямъ любовь къ родителямъ, которыхъ они никогда почти не видали.

Описанные мною религіозные или замѣняющіе ихъ у абхазцевъ обряды, я полагаю, достаточно характеризуютъ какъ нравственное, такъ и религіозное состояніе народа. На такой степени религіознаго развитія находились абхазцы, когда ихъ вѣковыя вѣрованія стали разрушаться подъ вліяніемъ — сперва пропаганды турецкихъ муллъ, а затѣмъ предпринятыхъ только въ послѣднее время мѣръ къ возстановленію христіанства въ Абхазіи.

А.....ъ.

Сухумъ.
1871 года.

Примѣчаніе. На страницѣ 4-й настоящей статьи упоминается, что при занятіи нашими войсками Пицунды въ 1830 г., на алтарѣ Пицундскаго храма найдено было Евангеліе, довольно хорошо сохранившееся. О дальнѣйшей судьбѣ этого замѣчательнаго памятника древней письменности Редак-

ція надѣется сообщить положительныя свѣдѣнія впослѣдствіи, по полученіи ожидаемыхъ ею по этому предмету справокъ. Теперь-же можно только сказать, что, по отзыву нѣкоторыхъ лицъ, видѣвшихъ это Евангеліе, на послѣднемъ его листѣ была помѣтка: CCCCLXIX.

Авторъ настоящей статьи доставилъ намъ прилагаемый при этомъ снимокъ съ одного изъ изображеній, украшавшихъ текстъ Евангелія. *Ред.*

Къ статьѣ:
„Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ"
стр. 4

Снимокъ съ изображенія Св. Марка Евангелиста

ИНГУШЕВСКІЕ ПРАЗДНИКИ *).

На пути отъ Джераховскаго до Аргунскаго ущелья нерѣдко приходится встрѣчать остатки развалившихся церквей и часовенъ, ясно свидѣтельствующіе, что въ этой мѣстности нѣкогда существовало христіанство. Но изъ устъ народа, изъ народныхъ сказаній туземцевъ, не услышите объ этихъ памятникахъ ничего опредѣленнаго. Ингушъ не вдается въ глубь своего вѣрованія; онъ знаетъ только то, что отецъ и дѣдъ его поклонялись такому-то святому, и убѣжденъ, что если онъ отступитъ отъ примѣра предковъ, то будетъ преслѣдуемъ святыми. А потому для изслѣдованія остаются одни только, такъ сказать, мертвые факты: обряды, праздники, развалившіяся церкви, греческой архитектуры, и священныя книги, написанныя на греческомъ языкѣ.

Можно положительно сказать, что христіанство существовало у ингушъ не какъ догматическое ученіе, а только какъ новый обрядъ; оно дѣйствовало, какъ видно, только на воображеніе народа, внѣшностью богослуженія, не касаясь нравственной сто-

*) *Ингуши*—народъ Чеченскаго племени, численностью болѣе 31 т. д., входитъ въ составъ населенія Владикавказскаго округа, располагаясь въ ущельяхъ горъ главнаго Кавказскаго хребта—Галгаевскомъ, Джераховскомъ и др. и на плоскости, въ окрестностяхъ укр. Назрановскаго, между рр. Сунжею и Камбилеевкою, до хребта Кабардинскихъ горъ. Названіе свое Ингуши получили отъ одного изъ ауловъ, находившагося въ Тарской долинѣ и называвшагося Ингуштъ, или Ангуштъ. Въ 1830 г. большая часть этого племени была выселена изъ горъ на плоскость, преимущественно въ окрестности укр. Назрановскаго, почему и получила названіе *Назрановцевъ*. Сами себя Ингуши называютъ *Ламуръ*.

Объ экономическомъ положеніи Ингушевскихъ обществъ, живущихъ въ ущельяхъ горъ главнаго хребта, см. статью г. Грабовскаго, помѣщенную въ III вып. „Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ.“ *Ред.*

роны его жизни. Поэтому-то христіанская вѣра не могла укорениться въ средѣ ингушъ, да и тѣ обряды, которые они приняли отъ христіанъ, стали постепенно забываться: они мало-по-малу видоизмѣнялись подъ вліяніемъ прежнихъ обрядовъ, прежнихъ суевѣрій и предразсудковъ, и такимъ образомъ составилась у ингушъ смѣсь религіозныхъ вѣрованій, проявляющаяся прежде всего въ многобожіи и въ установленіи множества постовъ и праздниковъ въ честь разныхъ боговъ и святыхъ.

Изъ сохранившихся христіанскихъ понятій, у ингушъ замѣчается, между прочимъ, понятіе о Богѣ въ трехъ лицахъ; но это понятіе является у нихъ безъ всякаго видимаго сознанія, и хотя ингушъ клянется тремя великими лицами, но не можетъ себѣ объяснить, что это за великія лица, которыя онъ произноситъ на каждомъ шагу. Но всего яснѣе христіанскіе понятія и обряды выказываются въ обрядахъ исполняемыхъ ингушами въ нѣкоторые праздники, устраиваемые въ честь боговъ и различныхъ святыхъ; время этихъ праздниковъ соотвѣтствуетъ по бо́льшей части времени какого-нибудь важнаго христіанскаго праздника, причемъ вообще для опредѣленія времени ингушевскихъ праздниковъ служитъ православный великій постъ, т. е. если Святая раньше, то и всѣ праздники у ингушъ будутъ раньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ году.

Въ горахъ, гдѣ живутъ ингуши, каждый аулъ имѣетъ своего патрона, носящаго бо́льшею частью имя своего аула. Въ честь этого святаго—*ерда* (по-чеченски), или, какъ называютъ его ингуши, „*цицу*“—празднуется ежегодно одинъ день. Такъ-какъ всѣ подобные праздники носятъ одинъ и тотъ-же характеръ, то нѣтъ надобности описывать каждый праздникъ отдѣльно; достаточно будетъ представить характеристику увеселеній вообще, устраиваемыхъ аулами въ честь своихъ святыхъ покровителей.

Въ нѣкоторыхъ аулахъ, невдалекѣ отъ жилыхъ строеній, устраивается нѣчто въ родѣ часовни—*эльгуцъ*, похожій на катакомбу изъ тесанаго камня. Разница между эльгуцомъ и катакомбою состоитъ въ томъ, что первый имѣетъ двери, обращенныя—одинѣ къ востоку, а другія къ сѣверу, катакомба-же не имѣетъ дверей, а есть въ ней отверстіе, въ родѣ окна, чрезъ которое вносятъ покойниковъ. Я упомянулъ о различіи между эльгуцомъ и катакомбою въ тѣхъ видахъ, что въ случаѣ вамъ придется проѣзжать ингушевскіе аулы, то чтобы вы могли отличить первый отъ послѣдней, такъ какъ эльгуцъ и катакомба встрѣчаются не

въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, и чтобы, приняви катакомбу за эльгуцъ, вы не оскорбили горца, увѣреннаго, что его святое мѣсто извѣстно всякому и что никто не долженъ въ немъ ошибаться. Внутри эльгуца можно видѣть только одни рога барановъ и быковъ, принесенныхъ въ жертву святому, и бѣлые значки, которые носятъ у нигушъ особое названіе, „*ныч*.“ Иногда въ эльгуцѣ находятся также оленьи и турьи рога, принесенные охотниками въ знакъ благодарности святому за успѣхъ свой въ охотѣ. Встрѣчается, что въ нѣкоторыхъ аулахъ вовсе нѣтъ эльгуца, а построенъ только небольшой каменный столбъ, съ нишею, въ которую ставятъ восковыя свѣчи; есть наконецъ аулы, не имѣющіе ни того, ни другаго.

Передъ наступленіемъ аульнаго праздника, жители принимаютъ праздничный видъ; всѣ спѣшатъ рѣзать барановъ или барашковъ въ жертву своему патрону и приготовляютъ *тегумъ* (богоугодныя кушанья). Въ день праздника, къ полудню, каждое семейство приноситъ къ эльгуцу, а если его нѣтъ, то въ избранное мѣсто, на кругломъ деревянномъ блюдѣ, мясо и четыре лепешки, изъ которыхъ одна должна быть непремѣнно треугольная. Когда всѣ жители принесутъ тегумъ, т. е. богоугодныя кушанья, то изъ среды всѣхъ пришедшихъ выбирается четыре молодыхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ собираетъ въ кучу все что принесено и потомъ раскладываетъ это по порціямъ на блюда, а остальные три человѣка зажигаютъ свѣчи въ часовнѣ и затѣмъ размѣщаютъ прихожанъ. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: раздѣляются на кружки такъ, чтобы въ каждомъ кружкѣ было непремѣнно пять человѣкъ и старики сидѣли-бы впереди всѣхъ. Размѣстивши такимъ образомъ всѣхъ, избранные на услуженіе святому молодые люди разносятъ блюда, и самыя лучшія изъ нихъ достаются на долю стариковъ. Когда разставятъ эти блюда по всѣмъ кружкамъ, то одинъ изъ стариковъ, занимающій первое мѣсто, предварительно скинувъ шапку, беретъ съ блюда въ одну руку голову баранка и лепешку, а въ другую стаканъ водки или пива и громко произноситъ импровизованную имъ самимъ-же молитву. Молитва эта состоитъ въ прошеніи у святаго, чтобы онъ далъ имъ возможность торжествовать ежегодно день его празднества; вообще молитва старика состоитъ въ мольбахъ у патрона, чтобы онъ даровалъ, въ случаѣ засухи, дождь и избавилъ-бы отъ повальныхъ болѣзней и другихъ бѣдствій. По окончаніи молитвы, старикъ подзываетъ кого-

нибудь изъ молодыхъ людей и дастъ ему попробовать голову барана, лепешку, а если есть, то и водку. Молодой человѣкъ, подойдя къ молящемуся старику, безъ шапки, откусываетъ по кусочку отъ головы барана и лепешки и потомъ отходитъ на свое мѣсто. Затѣмъ начинается общій пиръ, въ которомъ принимаютъ участіе одни лишь мужчины и дѣти; женщины-же лишены этого удовольствія. Общее увеселеніе продолжается около 4-хъ часовъ, послѣ чего расходятся по домамъ, поблагодаривъ святаго. Тѣмъ и кончается аульный праздникъ, устроенный въ честь аульнаго патрона, къ которому прибѣгаетъ каждый житель аула въ случаѣ какого-нибудь несчастія, съ полною вѣрою, что все зависитъ отъ этого патрона, почему и слѣдуетъ строго исполнять предъ нимъ свои обязанности, заключающіяся въ аккуратномъ жертвоприношеніи.

Нѣсколько другой характеръ носитъ праздникъ, въ которомъ принимаютъ участіе нѣсколько ауловъ, а иногда и цѣлое общество. Въ подобныхъ праздникахъ ясно проглядываютъ христіанскіе обряды. При жертвенникахъ общественныхъ патроновъ или святыхъ состоятъ жрецы. Жрецъ выбирается обществомъ пожизненно, а иногда и наслѣдственно; отъ жреца не требуется особенныхъ достоинствъ, лишь-бы онъ могъ толковать сны свои, какъ выраженіе непосредственной воли боговъ, и умѣлъ-бы гадать. Ингушъ чрезвычайно мнителенъ въ своей обыденной жизни: каждое несчастіе и всякую болѣзнь, въ особенности внезапную, онъ приписываетъ непосредственному вліянію своихъ святыхъ и боговъ. Поэтому, въ случаѣ болѣзни и вообще несчастія, онъ прибѣгаетъ къ жрецу, какъ посреднику между людьми, святыми и богами, съ цѣлью узнать, не сдѣлалъ-ли онъ противъ святыхъ какого-нибудь согрѣшенія. Жрецъ бросаетъ жребій — гадаетъ. Гаданіе это извѣстно подъ названіемъ *качъ-тохъ*, т. е. бросанія жребія святыми, и заключается въ слѣдующемъ: жрецъ беретъ палочку, разрѣзаетъ ее на три или четыре части и каждую часть намѣчаетъ особымъ знакомъ, говоря, что часть съ такимъ-то знакомъ пусть будетъ жребій святаго Мацели, или правильнѣе— Мятцели, а съ такимъ знакомъ—Херха-ерда; вообще каждый отрѣзокъ палочки носитъ имя какого-нибудь святаго. Сдѣлавъ это, жрецъ беретъ деревянную ложку и кладетъ въ нее намѣченные отрѣзки; затѣмъ качаетъ ложку, и если три раза выпадетъ изъ нея жребій или мѣтка Мятцели, то значитъ ингушъ заболѣлъ по волѣ Мятцели, или больной согрѣшилъ, т. е. какъ у ингушъ

говорятъ — „*гамъ*“ *) противъ Мятцели. Согрѣшившій даетъ обѣтъ, что онъ въ день слѣдующаго праздника Мятцели принесетъ ему, кромѣ обыкновеннаго жертвоприношенія, лишняго барана или барашка. Послѣ обѣта этого жрецъ вторично бросаетъ жребій, и если опять изъ ложки выпадетъ мѣтка Мятцели, то жрецъ объясняетъ, что святой недоволенъ обѣщаннымъ и требуетъ, чтобы согрѣшившій увеличилъ свое жертвоприношеніе, „а иначе—говоритъ жрецъ—ерда не смилостивится надъ тобой за твои грѣхи.“

Что-же жрецъ и вообще каждый ингушъ считаетъ грѣхомъ противъ святыхъ? По понятію ингушъ, величайшимъ согрѣшеніемъ считается, если въ праздникъ кто-либо вздумаетъ работать или дастъ что-либо изъ дома, а въ особенности, если сосѣдъ попроситъ огня въ день извѣстнаго праздника, и дадутъ ему огня. Не знаю, почему ингуши считаютъ согрѣшеніемъ давать изъ дома другому что-нибудь въ день праздника, но они свято соблюдаютъ это правило, въ особенности когда *держатъ* какой-нибудь день. Ингуши олицетворяютъ дни, считаютъ ихъ какими-то духовноживыми явленіями, смотрящими за человѣческими ежедневными поступками. Всякое несчастіе, какъ-то: болѣзнь, неудачу въ предпріятіи, ингушъ приписываетъ непосредственному вліянію какого-нибудь святаго, или вѣрнѣе, какому-нибудь дню, и чувствующій въ себѣ согрѣшеніе противъ какого-нибудь дня обращается тоже къ жрецу, или старику, умѣющему гадать, или къ женщинѣ, знахаркѣ, гадающей посредствомъ измѣренія платка локтемъ, или обматыванія около ложки ваты. И гадальщики объясняютъ нуждающемуся, что у него *гамъ*, т. е. согрѣшеніе противъ такого-то святаго, или противъ такого-то дня, — положимъ противъ среды. Провинившійся даетъ обѣтъ, что въ этотъ день не будетъ работать и давать что-нибудь изъ дома. Такія суевѣрія ингушъ сильно вліяютъ на ихъ экономическій бытъ. Часто, во время полевыхъ работъ, вы увидите нѣсколько ингушъ, стоящихъ недалеко отъ аула кучкой; спросите ихъ: почему они не работаютъ?—они отвѣтятъ вамъ, что празднуютъ или, какъ они выражаются, *держатъ* этотъ день. Но они празднуютъ такимъ образомъ еще три дня въ недѣлю: первый, воскресенье, какъ божественный день, второй, понедѣльникъ, какъ день вѣтровъ (ин-

*) При произношеніи этого слова, буква *г* выговаривается какъ французское *h*.

гуши глубоко увѣрены, что если въ этотъ день кто-нибудь рѣшится косить сѣно, то вѣтеръ разнесетъ по полю все скошенное), и наконецъ пятницу, какъ день праздника всѣхъ мусульманъ. Дни эти ингуши держатъ только во время покоса и жатвы, а въ остальное время каждое семейство соблюдаетъ только свой какой-нибудь день. Понятно, далеко-ли уйдетъ хозяйственное развитіе ингушъ, при такихъ суевѣріяхъ.

Я сказалъ, что жрецъ, бросая жребій, узнаетъ согрѣшеніе, сдѣланное противъ какого-нибудь святаго, или дня; но кромѣ жрецовъ гадаютъ еще старики и женщины, какъ-бы изъ любви къ искусству. Узнавать гнѣвъ и неудовольствіе боговъ и святыхъ посредствомъ измѣренія платка локтемъ и обматыванія около ложки ваты исключительно принадлежитъ женщинамъ. Первое гаданье состоитъ въ томъ, что гадальщица беретъ бѣлое покрывало, въ одномъ концѣ его завязываетъ уголекъ, и потомъ отъ этого угла начинаетъ мѣрить локтемъ покрывало, обозначая границы каждаго локтя иголкой или булавкой. Но прежде чѣмъ гадальщица приступитъ къ дѣлу, она старается распросить у домашнихъ и знакомыхъ страдающаго, не святотатствовалъ-ли больной, не обѣщался-ли онъ когда-нибудь принести жертву святому, не отлучался-ли онъ во время праздника аульнаго святаго изъ аула и тому подобное. Конечно, найдется много поводовъ оказаться ингушу виновнымъ передъ своими святыми, которыхъ у него такъ много. Когда гадальщица разузнаетъ все, что ей нужно, она приступаетъ къ гаданію и старается свалить всю вину на грѣхъ передъ тѣмъ святымъ, который, по убѣжденію родственниковъ больнаго, обиженъ больше всѣхъ. Напримѣръ, больной обѣщался когда-то зарѣзать лишняго барана святому Мятцели, если совершитъ благополучно извѣстное предпріятіе, но не исполнилъ. Мятцели строгъ, онъ не проститъ подобнаго обмана, въ этомъ убѣжденъ каждый ингушъ. Гадальщица, приступая къ рѣшенію вопроса, начинаетъ перебирать всѣхъ непричастныхъ къ дѣлу святыхъ, приговаривая при измѣреніи покрывала слѣдующее: если причиною болѣзни такого-то такой-то святой, то пусть покрывало увеличится или уменьшится. Когда-же очередь дохоцитъ до Мятцели, то гадальщица натягиваетъ покрывало, или-же весьма ловко перехватываетъ за границы, обозначенныя иголкой, и кричитъ: „видите, видите, какъ озлобленъ Мятцели! покрывало увеличилось (или уменьшилось) на цѣлый локоть“... Конечно, никто изъ окружающихъ не замѣчаетъ неправильности измѣренія,

потому-что, во-первыхъ, всѣ смотрятъ на гадальщицу съ полнымъ довѣріемъ, а во-вторыхъ, всѣ заняты молитвой о снисхожденіи къ больному и къ его семейству. По окончаніи гаданія, знахарка назначаетъ прогнѣванному святому двойную жертву, увѣряя, что больной поправится, потому что святой согласился снизойти къ его ошибкамъ и простить ихъ, открывшись, что онъ причиною болѣзни.

Гаданье посредствомъ обворачиванья ватой ложки тоже довольно оригинально: обворачивается ложка ватою, потомъ гадальщица кладетъ ее въ чашку, наполненную водой; если ложка перевернется въ водѣ, то гадальщица объявляетъ своему паціенту, что у него *гамъ*.

Я распространился объ этихъ способахъ гаданья собственно потому, что они, по понятіямъ ингуша, служатъ разъясненіемъ всякаго явленія природы и избавляютъ отъ могущихъ быть несчастій. Вотъ почему къ нимъ такъ часто прибѣгаютъ ингуши. Заболѣетъ-ли членъ семейства или захвораетъ скотинка, ингушъ сейчасъ-же отправляется къ гадальщику и, получивши какой-бы-то ни было отвѣтъ, вполнѣ успокаивается.

Описывать каждый изъ ингушевскихъ праздниковъ, какъ сказано выше, я нахожу излишнимъ, ибо всѣ они, за рѣдкими исключеніями, схожи между собою. Поэтому, я остановлюсь на описаніи трехъ главныхъ празднествъ въ Ингушевскомъ обществѣ, именно: *Мятцели*, *Амгама-ерда* и *Тамажъ-ерда*.

Народное преданіе гласитъ, что эти три святые были родные братья; самый старшій изъ нихъ, Мятцели, представляемый въ народномъ воображеніи почтеннымъ старцемъ, съ длинной сѣдой бородой, выбралъ для мѣстопребыванія своего Столовую гору, извѣстную у кистинцевъ подъ именемъ Мята, а остальные два младшіе брата стали жить на горѣ Арцхой, занимающей среднюю часть Черныхъ горъ. Но вскорѣ два эти брата раздѣлились. Тамажъ-ерда поселился на противоположной горѣ, носящей названіе „Красныхъ горъ.“ Вотъ что говоритъ преданіе о переселеніи его на новое мѣсто. Однажды житель аула Хули, нѣкто Борцъ, при подошвѣ Красныхъ горъ насъ стадо; при закатѣ солнца неожиданно подходитъ къ нему козелъ, съ длинными рогами, и повелительно говоритъ ему: „иди за мною.“ Борцъ, видя предъ собою говорящаго человѣческимъ языкомъ козла, остолбенѣлъ, но, опомнившись, сказалъ козлу: „какъ я могу слѣдовать за тобою, когда я не могу поручить никому свое стадо, вѣдь

оно разбѣжится“ . . . . . —„Не бойся этого, стадо твое, до возвращенія твоего, будетъ цѣло и невредимо,“ сказалъ ему козелъ. Борцъ повиновался. Они стали подниматься на вершину Красной горы и когда дошли до половины горы, козелъ обращается къ Борцу и говоритъ ему: „здѣсь, на этомъ мѣстѣ, вы, хулохойцы, когда будете ходить ко мнѣ на поклоненіе, должны ужинать и послѣ ужина до утра соблюдать постъ.“ Не доходя до вершины горы, козелъ опять останавливается и говоритъ своему спутнику: „здѣсь вы, возвращаясь изъ моей пещеры, должны остановиться и проговорить на распѣвъ: „аръ бацъ, беръ бацъ“ (т. е. не буду говорить, не буду дѣлать). Дошедши до вершины горы, они направились къ пещерѣ. „Вотъ здѣсь будетъ мое мѣстопребываніе,“ говоритъ козелъ: „сюда вы должны приходить поклоняться мнѣ и оставаться здѣсь до восхода солнца, чтобы лучи его не застали васъ въ этой пещерѣ, иначе вы всѣ падете безъ памяти на землю.“ Сдѣлавъ наставленіе Борцу, козелъ превратился въ эфиръ, проговоривъ при этомъ, что онъ не козелъ, а Тамажъ-ерда. Борцъ возвратился къ своему стаду и нашелъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ. О чудѣ этомъ Борцъ разсказалъ односельцамъ своимъ. Съ этого времени жители аула Хули и другихъ стали ходить на вершину Красныхъ горъ для поклоненія святому Тамажъ-ерда, соблюдая въ точности всѣ приказанія святаго относительно исполненія обрядовъ поклоненія ему.

Раньше всѣхъ изъ названныхъ праздниковъ празднуется Мятцели. Этотъ праздникъ бываетъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, всегда въ воскресный день. Тѣ семейства, которыя намѣрены отправиться на Столовую гору, для поклоненія Мятцели, приготовляются къ торжеству заблаговременно, такъ что у нихъ все уже готово къ канупу праздника; приготовленное для жертвоприношенія называется *джару*, или *тегумъ*, и состоитъ изъ круглыхъ и треугольныхъ лепешекъ, нѣсколькихъ чашекъ *дятахъ*, т. е. каши, приготовленной на одномъ маслѣ, двухъ десятковъ *мойчажъ*, сдѣланныхъ изъ тѣста, похожихъ на галушки, пива и араки. Одни семейства отправляются въ субботу, на ночь, на Столовую гору, а другія—утромъ въ воскресенье.

При выходѣ изъ дома, всѣ женщины, въ томъ числѣ и дѣвушки, идущія тоже на поклоненіе Мятцели, начинаютъ пѣть *гелой*, а остальныя какъ-бы вторятъ ей. При напѣвѣ гелой, запѣвало также произноситъ молитву, импровизованную ею самою. Отойдя нѣсколько саженей отъ аула, онѣ перестаютъ пѣть, а дѣвушки,

отдѣлившись отъ женщинъ, присоединяются къ молодежи, которая подгоняетъ какъ эшаковъ, навьюченныхъ провизіею, назначенною для Мятцели, такъ и барановъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ долженъ быть непремѣнно и *очкарь*, или трехлѣтній бычекъ, на рогахъ котораго намотанъ кусокъ бѣлой матеріи.

Всѣ семейства, отправляющіяся на ночь на Столовую гору, собираются утромъ къ часовнѣ, устроенной святому *Баинъ-Сели*, недалеко отъ аула Баинъ, расположеннаго при подошвѣ горы. Здѣсь закалываютъ барановъ въ жертву тѣ семейства, у которыхъ случилось впродолженіи года счастье, т. е. было рожденіе мальчика, выздоровленіе безнадежно-больнаго и т. д. Послѣ молитвы и закуски, жрецъ (костюмировка его состоитъ въ слѣдующемъ: бѣлый бешметъ, сверхъ него черная бурка, на головѣ бѣлая шапка) входитъ въ часовню Баинъ-Сели и выноситъ оттуда шестъ, на концѣ котораго привѣшены нѣсколько колокольчиковъ и кусокъ бѣлой матеріи. Въ этомъ шестѣ ингуши видятъ всю святыню, олицетвореніе Мятцели, и самый шестъ этотъ носитъ имя Мятцели. Въ прежнее время шестъ этотъ рѣшалъ важные вопросы въ общественныхъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, если два аула спорили между собою о межѣ, то одной изъ сторонъ предоставлялось, въ доказательство справедливости ея заявленій, обнести шестъ Мятцели по той линіи, за которую они спорили. Шестъ этотъ, во время засухи, носятъ по ауламъ, и народъ твердо убѣжденъ, что непремѣнно послѣ этого будетъ дождь.

При шествіи изъ часовни Баинъ-Сели, жрецъ кладетъ себѣ шестъ на плечо и поднимается на Столовую гору впереди всѣхъ, со звономъ колокольчиковъ; за нимъ двигается народъ. Если въ это время жрецъ уронитъ одинъ изъ колокольчиковъ и его найдетъ кто-нибудь, то жрецъ платитъ обществу 3 барана; если-же совсѣмъ потеряетъ, то платитъ трехлѣтняго быка. Не доходя до вершины горы Мяты, жрецъ останавливается въ одной изъ пещеръ и ставитъ шестъ такъ, чтобы никто не могъ его уронить. Народъ тоже останавливается въ пещерахъ и цѣлую ночь проводитъ въ танцахъ. Чуть только разсвѣло, жрецъ беретъ свою святыню и направляется къ вершинѣ горы; народъ слѣдуетъ за нимъ.

На Столовой горѣ построены три часовни. Онѣ расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: на восточной сторонѣ эльгуцъ для Мятеръ-Дяла *), на южной — для Мятцели и на сѣверной —

*) Дяла—Богъ.

для Сусолъ-Дяла. Всѣ эти три часовни находятся между собою на полуверстномъ разстояніи. Прихожане останавливаются всегда около часовни Мятцели, но каждый аулъ отдѣльно, на извѣстныхъ мѣстахъ.

Жрецъ, поставивши шестъ около часовни Мятцели, принимается за исполненіе своей обязанности, которая состоитъ въ произношеніи молитвъ предъ приношеніемъ въ жертву барановъ, назначаемыхъ для Мятцели. Тѣ, которые поскорѣе желаютъ принести жертвоприношеніе, ставятъ своихъ барановъ около часовни Мятцели на южной сторонѣ и обращаютъ головы ихъ къ востоку. Затѣмъ приглашаютъ жреца и даютъ ему въ руки бокалъ пива или водки. Жрецъ, прежде всего, приглашаетъ нѣсколько человѣкъ, чтобы они обратились лицемъ къ востоку, и потомъ троихъ изъ нихъ ставитъ на востокъ, троихъ на западъ и троихъ на югъ. Сдѣлавъ такое распоряженіе, жрецъ, съ обнаженной головой, начинаетъ произносить молитву; въ тоже время три человѣка, которые стоятъ на востокъ, начинаютъ пѣть *отчай*. Какъ только они оканчиваютъ это слово, другая партія, стоящая на югѣ, подхватываетъ тоже самое; затѣмъ три человѣка, стоящіе на западѣ, начинаютъ пѣть тоже „отчай.“ Затѣмъ, первые, т. е. стоящіе на востокѣ, опять начинаютъ пѣть, и такимъ образомъ каждая партія поетъ „отчай“ поочереди, пока жрецъ произноситъ молитву; по окончаніи ея, онъ подаетъ бокалъ кому-нибудь изъ присутствующихъ или самъ выпиваетъ.

Когда всѣ уже принесли жертвы Мятцели, жрецъ объявляетъ жертвоприносителямъ, чтобы они внесли въ часовню Мятцели свою *джару*. Каждый членъ семейства входитъ въ храмъ, съ корзинкою, наполненною провизіею, и съ восковою свѣчкою. Жрецъ принимаетъ свѣчку отъ каждаго; помолившись, онъ зажигаетъ ее и ставитъ въ нишу или въ полупрорубленное окно; если она горитъ прямо, то значитъ Мятцели благоволитъ къ семейству того, кто поставилъ ее, и горцы вѣрятъ, что семейство это на цѣлый годъ отстранено отъ всякаго несчастія. По сожженіи свѣчей, жертвоприносители выходятъ изъ храма, съ корзинками, оставляя третью часть джары жрецу.

Покончивши церемонію въ храмѣ Мятцели, жрецъ отправляется въ эльгуцъ Мятеръ-Дяла; сюда членъ каждаго семейства приходитъ тоже съ корзинкою, наполненною джарою, и жрецъ, посвятивъ его провизію, беретъ себѣ изъ нея тоже третью часть. Во время освященія джары соблюдается строгая тишина; только

изрѣдка слышится *вотчай во Дяла*. По выходѣ изъ часовни, каждый ставитъ свою корзинку около эльгуца, и когда жрецъ окончитъ церемонію, всѣ принимаются закусывать. Закусивъ, всѣ вмѣстѣ направляются опять къ часовнѣ Мятцели, откуда на встрѣчу имъ идутъ женщины, дѣвушки и мальчики; идущіе отъ эльгуца Мятеръ-Дяла бросаютъ встрѣчающимся *мойчажъ* (куски гусака). Каждый старается подхватить налету что-нибудь, въ особенности бездѣтныя женщины, вѣря, что если имъ удастся поймать или поднять съ земли мойчажъ, то непремѣнно забеременѣютъ.

Отъ часовни Мятеръ-Дяла жрецъ идетъ къ эльгуцу Сусолъ-Дяла. Туда направляются одни только женщины, тоже съ корзинками, наполненными провизіею; онѣ идутъ съ пѣснями, въ которыхъ слышится *гелой*; въ часовню онѣ входятъ боскомъ. Въ этой часовнѣ совершаются такіе-же обряды, какъ въ Мятцели и Мятеръ-Дяла, только разница въ томъ, что здѣсь не закусываютъ женщины, а идутъ назадъ, неся съ собою двѣ трети того, что ими посвящено святому. Этимъ оканчиваются церемоніи въ праздникъ Мятцели. Солнце заходитъ за горы, становится вечеръ и всѣ собираются домой. Святыню—шестъ—тоже уноситъ жрецъ обратно и становитъ его въ часовнѣ Башъ-Сели.

Само собою, въ праздникъ Мятцели, не всѣ, и притомъ весь день, проводятъ въ исполненіи обрядовъ. Обыкновенно, при церемоніяхъ присутствуютъ только одни пожилые люди, а молодежь проводитъ время въ пляскахъ и пѣніи около храма Мятцели.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ праздника Мятцели бываетъ праздникъ въ честь святаго *Амгама-ерда*. На этомъ праздникѣ соблюдаются такіе-же обряды, какъ на Мятцели. Совершенно другую черту имѣетъ праздникъ Тамажъ-ерда, который празднуется черезъ день послѣ него. Такіе-же сборы предшествуютъ этому празднику, какъ и къ Мятцели; но провизія каждымъ несется на своей спинѣ; когда доберутся до мѣста, которое указалъ Тамажъ-ерда Борцу, то останавливаются, чтобы поужинать, но прежде этого зажигаютъ свѣчи и ставятъ ихъ на сложенныхъ камняхъ *). Такъ-какъ фамилія Борца считается главою праздника Тамажъ-ерда, то одинъ изъ фамиліи этой исполняетъ обязанности жреца. Въ праздникѣ Тамажъ-ерда ингуши видятъ нетолько одно веселье, но они убѣждены, что святой этотъ, или, какъ называютъ его, *высокій святой*, явится къ нимъ и объ-

*) На этихъ камняхъ лежитъ желѣзный крестъ грубой обдѣлки.

явитъ имъ судьбу цѣлаго народа и покараетъ тѣхъ, которые совершили преступленія и т. д. Если слѣдить за выраженіемъ лицъ нѣкоторыхъ жертвоприносителей, даже въ то время, когда они закусываютъ на мѣстѣ, указанномъ Тамажъ-ерда, то можно замѣтить, что каждый изъ нихъ озабоченъ чѣмъ-то и чего-то ожидаетъ. Когда всѣ вдоволь наѣдятся, напляшутся, то старшій изъ фамиліи Борца, смотрящій за порядкомъ, объявляетъ громогласно народу, чтобы каждый велъ себя чинно, никто не уклонялся-бы отъ обычая, заведеннаго ихъ прапрадѣдомъ. Такъ-какъ тропинка, по которой должны взбираться на гору, гдѣ находится пещера Тамажъ-ерда, чрезвычайно узка, то блюстители порядка заставляютъ молельщиковъ идти такъ: впереди мужчина, за нимъ дѣвушка, за нею мужчина, за мужчиной опять дѣвушка и т. д., такъ что составляется длинная вереница. Пройдя около полуверсты, нужно подняться на гору по ступенькамъ. Въ пути отъ того мѣста, гдѣ ужинаютъ, до этихъ ступенекъ начинаютъ съ нѣкоторыми дѣлаться припадки. Въ то время, когда всѣ идутъ одинъ за другимъ, никто не долженъ разговаривать, и тутъ-то вдругъ какая-нибудь женщина бросается въ сторону съ крикомъ; ее подхватываютъ мужчины. Сначала съ нею дѣлаются страшныя конвульсіи, губы ея синѣютъ, зубами она начинаетъ скрежетать, руки сжимаются въ кулакъ и все тѣло ея покрывается по́томъ. Нѣсколько минутъ она ничего не говоритъ; когда-же окружающая ее толпа настойчиво допрашиваетъ, что́ именно говоритъ ей Тамажъ-ерда, она начинаетъ съ воплемъ обращаться къ высокому святому съ мольбою, прося его пощадить и не бить ее. Для большей наглядности подобныхъ сценъ, я приведу здѣсь разговоръ, или лучше сказать, бредъ женщины, ставшей въ припадкѣ посредницей между святымъ Тамажъ-ерда и его поклонниками.

Разговоръ этотъ былъ записанъ мною въ прошломъ году, когда я былъ въ горахъ, чтобы присутствовать на этомъ праздникѣ. Вотъ онъ:

Женщину, лежащую въ припадкѣ, допытываетъ окружающая толпа, и она начинаетъ кричать: ой, ой, не бей меня, буду говорить!

Толпа. Что-жъ онъ (Тамажъ-ерда) тебѣ говоритъ?

Женщина. Говоритъ, что народъ отсталъ отъ отцовскихъ обычаевъ, не вѣритъ въ Бога, святыхъ.... (разсказъ прерывается крикомъ) ой, ой, передамъ, передамъ!

Толпа. Еще что онъ тебѣ велитъ говорить?

Женщина. Говоритъ, что зачѣмъ (такая-то) женщина дала (такому-то) отвѣдать араки, приготовленной для него, прежде чѣмъ посвятила мнѣ.... не бей, не бей! передамъ, передамъ!

Толпа. Что онъ тебѣ еще велитъ говорить?

Женщина. Говоритъ, отчего (такое-то) семейство не пришло къ нему съ жертвоприношеніемъ: развѣ оно забыло, что я (Тамажъ-ерда) нѣсколько разъ избавлялъ его отъ неминуемыхъ несчастій,—погоди, оно будетъ меня знать, я сотру его съ лица земли!

Когда довольно такимъ образомъ она побредитъ, одинъ изъ членовъ фамиліи Борца бросаетъ жребій, предварительно взявъ обѣтъ съ провинившейся женщины, что она не позволитъ себѣ на будущій годъ осквернить кушанья и напитки, приготовленные въ жертву Тамажъ-ерда, и назначаетъ за проступокъ ея лишній котелъ араки; семейству-же, которое въ припадкѣ упоминала женщина, объявляетъ гнѣвъ Тамажъ-ерда. Сама женщина, подвергшаяся припадку, обязана на будущій годъ принести въ жертву лишняго барашка. Послѣ бросанія жребія, ее оставляютъ одну, и она постепенно приходитъ въ себя; потомъ она бываетъ цѣлый день въ печальномъ настроеніи.

Припадки эти бываютъ, мнѣ кажется, вслѣдствіе сѣрныхъ паровъ, выходящихъ въ томъ мѣстѣ изъ горъ, а нѣкоторыя личности просто притворствуютъ. Ингуши-же твердо убѣждены въ томъ, что припадки эти происходятъ отъ прикосновенія святаго духа, иначе, они говорятъ, отчего человѣкъ, подвергшись подобному припадку, выздоравливаетъ сейчасъ послѣ бросанія жребія, безъ всякихъ послѣдствій, хотя ему приходилось биться головою о камни. Что еще больше удивляетъ горца,—это корзинка, которая не скатывается по наклонности горы, а стоитъ на одномъ мѣстѣ, когда падаетъ съ плечъ человѣка, съ которымъ сдѣлался припадокъ: если-бы не вліяніе святаго духа—говорятъ ингуши—то она покатилась-бы внизъ, какъ скатываются всѣ другія вещи.

Ингуши изображаютъ Тамажъ-ерда святымъ существомъ, имѣющимъ маленькій ростъ и сидящимъ на маленькомъ конѣ, величиной съ козленка; если-же онъ разсердится на кого-нибудь, то ростъ его увеличивается въ 15-ть разъ, а лошадь, на которой онъ сидитъ, дѣлается выше башни. Горцы вѣрятъ, что Тамажъ-ерда часто ѣздитъ въ чужіе края, въ особенности въ Турцію, и если не случится ни съ кѣмъ никакихъ припадковъ во время хожденія на гору, то объясняютъ это отсутствіемъ вы-

сокаго святаго въ чужіе края. Вообще-же отсутствіе его народъ считаетъ выраженіемъ гнѣва и неудовольствія его на своихъ поклонниковъ. Поэтому въ народѣ укоренилось вѣрованіе, что чѣмъ больше случается на праздникѣ припадковъ, тѣмъ, значитъ, больше внимателенъ высокій святой, и въ этомъ случаѣ народъ увѣренъ, что въ будущемъ году будетъ урожай и меньше болѣзней и проч.

Припадки, какъ уже я сказалъ, случаются между мѣстомъ, гдѣ ужинаютъ, и мѣстомъ, откуда приходится взлѣзать на вершину горы по ступенькамъ; но начиная съ ступенекъ уже не бываетъ никакихъ припадковъ, ибо, подвергаясь имъ, можно было-бы упасть прямо въ пропасть.

Уже къ 9 часамъ жертвоприносители успѣваютъ взобраться на вершину горы, гдѣ находится пещера Тамажъ-ерда. Раньше другихъ, обыкновенно, оказываются взошедшими туда тѣ, кои ведутъ свое происхожденіе отъ Борца; они съ пѣснями встрѣчаютъ народъ. Пѣніе это весьма похоже на ревъ медвѣдей и въ немъ слышится только о—о—о! Цѣлую ночь народъ проводитъ въ плескѣ, но ѣсть и пить ничего нельзя; впрочемъ, послѣднее правило многіе нарушаютъ, вслѣдствіе сильнаго холода, ощущаемаго въ ночную пору на вершинѣ горы; безъ искусственнаго возбужденія въ тѣлѣ теплоты, легко можно отморозить себѣ какой-нибудь членъ. На другой день, рано утромъ, всѣ жертвоприносители отправляются въ пещеру, для освященія *тегума*. Эта церемонія совершается такъ-же, какъ и въ другіе праздники, описанные мною выше, и третья часть провизіи, отбираемой отъ жертвоприносителей, дѣлится между членами фамиліи Борца.

Въ пещерѣ находятся бѣлые значки, принесенные тѣми, которые въ первый разъ приходятъ сюда на поклоненіе, пули, пики, самострѣлы и оленьи рога; въ ней-же хранится стаканъ, по убѣжденію народа, вѣчно наполненный жидкостью. Одинъ изъ членовъ фамиліи Борца смотритъ на стаканъ и объясняетъ народу, что если сосудъ этотъ бываетъ полонъ жидкости, то это предвѣщаетъ урожай, а если неполонъ, то наоборотъ. Предсказанія эти невсегда, однако, сбываются. Такъ-какъ въ пещеру нужно влѣзать по ступенькамъ, а между ступеньками этими находится большой промежутокъ, то въ немъ вбиты два мѣдныхъ кольца, какъ говоритъ народное преданіе, основателями этого праздника; эти кольца служатъ для народа предметомъ удивленія и въ ихъ обдѣлкѣ народъ видитъ участіе высшей силы.

По существующему вѣрованію, нельзя оставаться въ пещерѣ до проникновенія туда солнечнаго луча; поэтому жертвоприносители спѣшатъ исполнить всѣ обряды, пока солнечные лучи еще не показались въ священномъ мѣстѣ.

Отошедши недалеко отъ пещеры, жертвоприносители останавливаются и поджидаютъ, пока соберутся всѣ. Тогда старики, изъ фамиліи Борца, отдѣляются отъ народа и становятся въ кругъ. Пропѣвъ три раза свой священный гимнъ, они разбѣгаются, произнося слова: *аръ-бацъ*, *беръ-бацъ*, т. е. не буду говорить, не буду дѣлать. И въ то-же время они бросаютъ мохъ на кого попало. Этимъ заканчиваются всѣ церемоніи праздника Тамажъ-ерда.

Кромѣ описанныхъ трехъ праздниковъ, въ лѣтнее время, въ Кистинскомъ обществѣ, бываетъ еще праздникъ Сели, т. е. громовержца. Извѣстно, что громъ и молнія сильно дѣйствуютъ на народное воображеніе, почему и олицетворяютъ эти явленія природы въ какомъ-нибудь святомъ или въ богѣ. Вѣрованія въ силу Сели простираются до того, что убитаго молніей считаютъ блаженнымъ и погребаютъ совершенно-отлично отъ другихъ покойниковъ. Оплакивать убитаго молніею строго воспрещается. Ингуши вѣрятъ въ то, что если плакать надъ покойникомъ, убитымъ священной стрѣлой, то покойнику будетъ это до того непріятно, что цвѣтъ трупа его измѣнится: изъ бѣлаго сдѣлается чернымъ; хоронятъ его въ склепѣ, сдѣланномъ изъ тесанаго камня; внутри склепа ставятъ столъ и стулъ; на столѣ ставятъ бутылку водки, стаканъ и цѣлаго свареннаго барашка, а на стулѣ сажаютъ покойника, одѣтаго на подобіе жреца. Мѣсто, на которомъ убитъ человѣкъ или животное молніею, служитъ для ингушъ священнымъ мѣстомъ, куда ежегодно отправляются съ жертвоприношеніями.

Въ заключеніе замѣчу, что описанные мною праздники чтутся ингушами, живущими въ горахъ, и только у нихъ праздники эти имѣютъ всю силу святости; но для тѣхъ ингушъ, которые живутъ на плоскости, они потеряли всякое значеніе. Плоскостные жители вполнѣ сдѣлались магометанами. Магометанство укрѣпило въ ихъ вѣрованіяхъ понятія о единомъ Богѣ, о безсмертіи души и будущей жизни; оно поспособствовало также уменьшенію тѣхъ предразсудковъ, которые такъ мѣшаютъ благосостоянію ингушъ-горцевъ. Теперь на плоскости *не держитъ* никто, во время разгара полевыхъ работъ, три дня въ

недѣлю, какъ это дѣлаютъ горскіе жители, во имя святыхъ духовъ; плоскостные ингуши празднуютъ только одинъ день въ недѣлю, пятницу, какъ и всѣ мусульмане.

Однако-жъ и горскіе ингуши не остались совсѣмъ чужды религіи Мухаммеда: между ними привились многія понятія ислама и даже нѣкоторая часть горскаго населенія, во время распространенія ученія „Зикръ,“ вздумала было отречься отъ прадѣдовскихъ вѣрованій. Къ этимъ увлекшимся принадлежитъ Цоринское общество. Возбужденные Зикромъ, цоринцы разрушили храмъ своего святаго патрона, *Цори*, и перестали приносить ему ежегодныя жертвы. Случилось такъ, что послѣ этого не было у цоринцевъ урожая. Три года они терпѣли это бѣдствіе; на четвертый у нихъ былъ хорошій урожай, но во время самой уборки хлѣба выпалъ сильный градъ и хлѣбъ былъ побитъ. Такое бѣдствіе цоринцы приписали гнѣву своего патрона, а потому, пришедши къ убѣжденію, что борьба ихъ съ патрономъ неравносильна, рѣшили вновь построить ему храмъ и съ покаяніемъ принести ему въ жертву по быку отъ каждаго семейства.

Можно съ увѣренностію сказать, что разные *ерды* будутъ имѣть силу и значеніе въ понятіяхъ ингушъ-горцевъ, пока они будутъ оставаться дѣтьми природы.

Чахъ Ахріевъ.

10 октября 1870 г.
Владикавказъ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Полемика Дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по НАЗРУ (обѣту).

Вмѣсто предисловія.

Редакція ,,Сборника'' получила отъ Управленія Сѣвернымъ Дагестаномъ помѣщаемую ниже весьма интересную переписку между дагестанскими учеными объ одномъ изъ установленныхъ шаріатомъ способовъ передачи имуществъ, при слѣдующемъ обязательномъ сообщеніи:

,,По поводу разнорѣчивыхъ толкованій туземныхъ законовѣдовъ Дагестанской области о сущности шаріатскихъ постановленій, относительно одного изъ такихъ способовъ перехода имуществъ отъ одного лица къ другому, по которому часто предъявлялись споры, возникла полемика между двумя именитѣйшими дагестанскими юристами.

По законамъ мусульманъ-суннитовъ Шафійскаго толка, кромѣ общепринятыхъ въ нашемъ законодательствѣ способовъ отчужденія и пріобрѣтенія имуществъ, существуетъ еще два особыхъ вида безмезднаго отчужденія собственности, извѣстные подъ именами *вакфъ* и *назръ*.

Оба эти вида имѣютъ общій характеръ даренія, которое во всякомъ случаѣ должно выражать собою совершеніе благочестиваго дѣйствія, и разнятся только по правамъ, кои передаются дарителемъ.

Вакфъ есть *посвященіе*, или пожертвованіе, по которому посвящающій передаетъ на время, или навсегда, собственное имущество въ пользованіе кому-либо изъ наслѣдниковъ своихъ, или стороннему лицу, безъ права отчужденія.

Назръ-же есть *обѣтъ*, даваемый Всевышнему, въ учиненіи какого-либо богоугоднаго дѣла или въ совершеніи благотворитель-

ности, посредствомъ передачи кому-либо своего имѣнія на полномъ правѣ собственности.

При передачѣ имѣнія по вакфу, въ большей части случаевъ, доходы съ него, или часть ихъ, назначаются жертвующимъ на пользу мечетей или на другую общественную нужду, и тотъ, кому имѣніе предоставлено, сохраняетъ за собою только право распоряженія и полученія доходовъ, для употребленія ихъ по назначенію *).

При передачѣ-же имѣнія по назру (обѣту), оно поступаетъ къ другому, какъ выше сказано, въ полную безусловную собственность и передавшій не имѣетъ уже никакого права нарушить единожды произнесенный обѣтъ **).

По вакфамъ почти не бываетъ никакихъ жалобъ, а если-бы они и возникали, то могутъ быть разрѣшаемы безъ затрудненій, такъ-какъ шаріатскія постановленія по нимъ на столько опредѣлительны, что не даютъ возможности къ злоупотребленію правомъ передачи и къ разнорѣчивымъ толкованіямъ существующихъ установленій.

Напротивъ того, по назрамъ, которые болѣе чѣмъ какія-либо другія гражданскія дѣйствія мусульманъ должны-бы истекать изъ самыхъ чистыхъ и богоугодныхъ побужденій, приносятся жалобы непрерывно, потому-что этимъ священнымъ способомъ передачи имѣній подъ видомъ благотворительности прикрываются весьма часто самыя изворотливыя и несправедливыя сдѣлки, между дѣлающими обѣтъ и тѣми, кому передаются имѣнія.

Такъ, напримѣръ, при разбирательствѣ жалобъ на подобныя сдѣлки, обнаруживались слѣдующіе случаи: должникъ, которому угрожала продажа имущества на удовлетвореніе кредиторовъ, объявлялъ, что оно уже не принадлежитъ ему, а передано по назру такому-то; или отецъ, прижившъ дѣтей отъ вновь взя-

*) Такими посвященіями почти каждой мечети присвоены доходы, доставляемые лицами, въ распоряженіе коихъ переданы имѣнія, предназначенныя пожертвовавшимъ на надобности мечетей; имѣнія эти называются вакфами.

**) Кромѣ назровъ этого рода, бываютъ обѣты и по другимъ случаямъ, какъ-то: а) по договорамъ, въ видѣ обѣта—отвѣтствовать въ случаѣ неисполненія постановленныхъ въ договорѣ условій *тѣмъ-то*, т. е. опредѣленнымъ штрафомъ; в) въ случаѣ успѣшнаго окончанія какого-либо предпріятія и тому подобныхъ обстоятельствахъ; но назры этихъ родовъ не возбуждаютъ запутанныхъ жалобъ и потому не составляютъ предмета, вызывающаго спорныя толкованія.

той жены, отдавалъ все свое имѣніе по назру этимъ послѣднимъ дѣтямъ, оставляя прочихъ безъ всякой доли; или, при невозможности совершить купчую, по отсутствію всѣхъ условій, какія требуются для подобнаго акта по шаріату, продавецъ дѣлалъ въ пользу покупщика назръ, получивши отъ него деньги также по назру, такъ-какъ обрядъ совершенія назра не требуетъ никакихъ формальностей, кромѣ простаго принесенія передъ двумя свидѣтелями, или передъ кадіемъ, нѣсколькихъ словъ о томъ, что такимъ-то передано по назру такое-то имѣніе такому-то.

Жалобы по подобнымъ и многимъ другимъ неправильнымъ назрамъ разбирались въ Дагестанскомъ Народномъ Судѣ, и когда обнаруживалось, что они дѣлались не съ чисто-благотворительною и богоугодною цѣлію, а по какимъ-либо другимъ предосудительнымъ видамъ, Судъ признавалъ ихъ незаконными и уничтожалъ ихъ силу. Объявленія рѣшеній по таковымъ назрамъ подавали поводъ ко многимъ толкамъ мѣстныхъ законовѣдовъ. Одни изъ нихъ находили рѣшенія Суда вполнѣ согласными съ существующими постановленіями, а другіе признавали ихъ, исключая случаевъ обнаруженія явнаго мошенничества, противорѣчащими духу законовъ, по которымъ уваженіе къ святости назровъ обязательно для каждаго мусульманина.

Чтобы разъяснить вполнѣ обстоятельно сущность постановленій о назрѣ, предложено было кадію Дагестанскаго Народнаго Суда *Мухаммедъ-Тагиру* *) (который, по своей правдивости и глубокой учености, считается начальствомъ и своими сотоварищами старшимъ кадіемъ), составить записку о главнѣйшихъ основаніяхъ назровъ. Мухаммедъ-Тагиръ подалъ эту записку, и хотя она вполнѣ согласовалась съ тѣми понятіями о назрѣ, какія выработаны были практическими разбирательствами дѣлъ по обѣтамъ въ Дагестанскомъ Народномъ Судѣ, но для большаго удостовѣренія въ безошибочности заключающихся въ ней основаній, записка его передана была на разсмотрѣніе другаго, не менѣе именитаго акушинскаго ученаго *Аджиль-Али* **).

Аджиль-Али не согласился съ основаніями, представляемыми

*) Уроженецъ Гунибскаго Округа, общества Карахъ.

**) Уроженецъ сел. Акуша, Даргинскаго Округа, болѣе 30-ти лѣтъ занимающій должность акушинскаго будуна, т. е. главнаго шаріатскаго судьи и духовнаго лица въ своемъ обществѣ. Имя его—Али, а отца его—Аджи, но онъ именованъ здѣсь, какъ обыкновенно принято называть въ горахъ и какъ всегда называютъ этого ученаго, сперва именемъ отца, а потомъ его самого, что въ переводѣ означаетъ Аджіевъ Али.

Мухаммедъ-Тагиромъ въ отношеніи незаконности назровъ, по коимъ передаются имѣнія одному или нѣсколькимъ наслѣдникамъ, въ ущербъ соучастниковъ въ томъ наслѣдствѣ, и между этими учеными завязалась весьма горячая полемика, обнаружившая дѣйствительно глубокое знаніе ими обоими мусульманскихъ юридическихъ сочиненій и изумительную настойчивость въ своихъ убѣжденіяхъ.

Полемика эта переведена на русскій языкъ *) (первыя двѣ статьи) есауломъ Фицхелауровымъ, бывшимъ военнымъ переводчикомъ, нынѣ занимающимъ должность помощника начальника Даргинскаго округа), а остальная часть полемики и пріобщеннаго къ ней письма—военнымъ переводчикомъ, есауломъ Подхалюзинымъ (временно-предсѣдательствующимъ въ Дагестанскомъ Народномъ Судѣ).

Тѣмъ временемъ, какъ происходила переписка между Мухаммедъ-Тагиромъ и Аджиль-Али, сдѣлалось извѣстнымъ, что вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ, по которымъ наше начальство обратило особенное вниманіе на изученіе правилъ о назрахъ, съ цѣлью прекращенія злоупотребленій по передачѣ имѣній этимъ способомъ, самъ Шамиль, за нѣсколько лѣтъ предъ своимъ плѣненіемъ, воспретилъ дѣлать назры по всему покорному ему Дагестану, и что хотя воспрещеніе это было встрѣчено многими неодобрительно, но никто не рѣшился протестовать гласно **).

Съ этого повода сдѣланъ былъ запросъ бывшему слишкомъ 20 лѣтъ секретаремъ при Шамилѣ чиркеевскому жителю Амирхану, объ обстоятельствахъ запрета назровъ, и онъ далъ отзывъ, изъ котораго видно, что запретъ послѣдовалъ по предварительномъ совѣщаніи съ собраніемъ наибовъ и именитыхъ законовѣдовъ. Въ виду такого запрета назровъ, сдѣланнаго Шамилемъ, который, служа олицетвореніемъ шаріата, жертвовалъ на защиту его всѣми другими интересами населенія, отдавшагося въ его власть, наше Правительство не можетъ ожидать никакихъ за-

*) Переводы эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неудобопонятны, такъ-какъ мусульманскіе юристы отличаются вообще сжатымъ слогомъ, составляющимъ какъ-бы необходимое условіе для изложенія юридическихъ и богословскихъ предметовъ, съ тою цѣлью, чтобы ихъ понимали только ученые юристы и богословы. Такого свойства и переписка между Мухаммедъ-Тагиромъ и Аджиль-Али; но она не чужда кое-гдѣ и многословія, въ которомъ, впрочемъ, сами они упрекаютъ другъ друга, равно какъ и повтореній одного и того-же по нѣскольку разъ.

**) Объ этомъ упоминается въ Низамѣ Шамиля, напечатанномъ въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ“ (выпускъ III, 1870, стр. 5 и 18).

трудненій отъ точнаго указанія Окружнымъ Судамъ, а также и Народному, правилъ, по которымъ назры могли-бы быть допускаемы только въ случаяхъ назначенія имѣнія на общеполезныя и чисто-богоугодныя дѣла.

Поэтому Управленіе Сѣвернымъ Дагестаномъ, предположивъ внести на усмотрѣніе Начальника Области соображенія о томъ, какія оно полагало-бы установить правила, для руководства при разсмотрѣніи жалобъ о назрахъ, и считая возникшую по этому предмету переписку не лишенною интереса для лицъ, занимающихся изученіемъ быта горцевъ, сообщаетъ редакціи „Сборника“ копіи съ перевода объясненной полемики и съ письма бывшаго мирзы Шамиля, въ томъ предположеніи, что, быть можетъ, Редакція найдетъ не безполезнымъ помѣстить эти переводы въ издаваемомъ ею „Сборникѣ“.

Редакція съ признательностью помѣщаетъ на страницахъ „Сборника“ сообщенную ей переписку дагестанскихъ алимовъ о назрахъ, такъ-какъ переписка эта, помимо представляемаго ею спеціальнаго интереса въ отношеніи административномъ, имѣетъ еще интересъ общій, какъ свидѣтельство тѣхъ тонкихъ богословско-юридическихъ познаній, которыхъ достигаютъ горско-мусульманскіе ученые, и какъ образецъ своеобычныхъ полемическихъ пріемовъ, употребляемыхъ ими въ защиту своихъ крѣпкихъ убѣжденій.

I.

Мнѣніе Мухаммедъ-Тагира Карахскаго

О НАЗРѢ.

(Переводъ съ арабскаго).

Между законовѣдами нашими нѣтъ никакого спора и разногласія въ томъ, что *назръ* (обѣтъ) бываетъ двухъ родовъ:

Первый родъ назра называется *назръ луджаджъ*, т. е. такой назръ, который употребляется въ спорахъ. Онъ заступаетъ собою мѣсто клятвъ и бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Если кто-нибудь даетъ зарокъ (зарекается) отъ чего-либо, то подтвержденіе своего зарока объявляетъ такимъ образомъ: если я сдѣлаю то и то, тогда я обязанъ исполнить то и то, т. е. отдать по назру столько-то денегъ, или такое-то имущество въ пользу такого-то.

2) Если кто-либо даетъ обѣщаніе исполнить что-либо, то дѣлаетъ назръ, говоря: если я не исполню этого, то обязанъ отдать по назру столько-то денегъ, или такое-то имущество въ пользу такого-то,

и 3) когда необходимо удостовѣреніе въ истинѣ чего-либо, такъ: если, напримѣръ, Магома говоритъ, что Хасанъ укралъ у него что-нибудь, то Хасанъ, оправдываясь отъ обвиненія въ воровствѣ, дѣлаетъ назръ, объявляя: если только я укралъ *это*, то я отдамъ по назру *то и то*.

Второй родъ назра называется *назру табарруръ*, т. е. благотворительный назръ. Этотъ родъ назра означаетъ собою обязательство отдать что-либо, съ непремѣнною цѣлью приближенія чрезъ то къ Богу и угожденія Ему.

Нѣтъ спора между законовѣдами въ томъ, что обязательство и законность назра табаррура обусловливаются цѣлью и назначеніемъ обѣта, именно ради приближенія къ Богу и угожденія Ему.

Когда передача имущества по назру дѣлается ради дружбы, пріязни и достиженія чего-либо между назиромъ, т. е. лицомъ, дѣлающимъ назръ, и тѣмъ, въ пользу кого онъ совершается, безъ желанія и стремленія назира (дающаго обѣтъ) угодить Богу, то такой назръ не признается никѣмъ изъ законовѣловъ назромъ табарруромъ.

Шаріатское толкованіе законовѣдовъ о назрѣ слѣдующее: въ шаріатскихъ книгахъ говорится: я *назрировалъ это* (т. е. я обѣщалъ это) *такому-то*. Это значитъ: „я взялъ на себя обязательство отдать это такому-то, въ видѣ милостыни, желая угодить тѣмъ Богу.“

Если назрирующій не понимаетъ значенія назра именно въ такомъ смыслѣ, то назръ его есть незаконный, хотя-бы онъ и произнесъ слова *назарту*, т. е. я сдѣлалъ назръ.

Тоже самое, если, напримѣръ, Магома, зная смыслъ законности назра, пожелаетъ передать по назру имущество свое Хасану, изъ любви и расположенія къ нему, такъ, чтобы прямые наслѣдники его не оспаривали у Хасана завладѣнія этимъ имуществомъ, дѣлая это по какимъ-либо неудовольствіямъ къ своимъ наслѣдникамъ, каковые случаи часто бываютъ между теперешнимъ населеніемъ Дагестана, то такой назръ не есть законный и дѣйствительный, ибо онъ дѣлается не въ угожденіе Богу, а ради желанія предоставить имущество свое въ чужія руки, что противно Богу, какъ дѣло преступающее Его повелѣнія и Его волю, изъясненныя въ коранѣ. Присужденіе имущества по такому назру недѣйствительно, и назиръ (сдѣлавшій назръ) и всѣ тѣ, которые участвовали при совершеніи его: мирза (писецъ), свидѣтели и кадій, считаются нарушителями постановленій Божіихъ, переданныхъ намъ черезъ пророка.

Это — слова справедливыя и опредѣленіе ясное и вѣрное. Нѣкоторые ученые наши легко объясняютъ цѣль и значеніе назра, а также и условія законности его, руководствуясь въ своихъ объясненіяхъ поверхностными толкованіями и разборомъ книгъ Ибну-Хаджара, не желая вникнуть въ точный смыслъ ихъ. Такіе ученые оставляютъ въ этомъ случаѣ книгу Бога и преданія Его пророка за своими спинами.

Назръ бываетъ законнымъ только тогда, когда онъ основанъ на правилахъ корана и сунны, когда имущество передается по назру человѣку добронравному, или бѣдному и слабому (не имѣющему силъ добывать себѣ средства къ жизни),—кто-бы они ни были, прямые наслѣдники или посторонніе люди, съ цѣлью угожденія Богу и съ надеждою на Его милость. Но гдѣ въ настоящее время можно найти людей, которые-бы дѣлали такіе обѣты?

II.

Намѣреніе въ службѣ Богу.

(Первое возраженіе Аджиль-Али Акушинскаго Мухаммедъ-Тагиру, на мнѣніе его о назрѣ).

Намѣреніе (нійетъ) совершить какое-либо богоугодное дѣло бываетъ 2-хъ видовъ: 1) намѣреніе, принимаемое законовѣдами, и 2) намѣреніе, принимаемое людьми тариката, т. е. посвятившими себя исключительно служенію Богу.

Доказательствомъ этого служатъ изреченія Ибну-Хаджара, въ книгѣ его Фатхуль-мубинъ: *намѣреніе по шаріату есть стремленіе сердца, находящееся въ связи съ дѣйствіемъ.*

Въ той-же книгѣ говорится: значеніе вообще намѣренія, по словамъ пророка, его послѣдователей и тарикатцевъ, есть *выборъ предмета цѣли посредствомъ дѣйствія.* Все равно, есть-ли этотъ предметъ одинъ только Богъ, или кромѣ Его еще что-либо и другое, какъ, напр., прохлажденіе тѣла при омовеніи *).

Намѣреніе вообще означаетъ то-же, что *прадатъ*, т. е. желаніе, хотѣніе, которое часто упоминается въ коранѣ въ выраженіи: „*они желаютъ* видѣть Бога," т. е. заслужить Его милосердіе.

Разница между ними сводится къ прежнему смыслу, объясняемому законовѣдами, которые говорятъ, что намѣреніе,

---

*) Омовеніе предназначено у мусульманъ для очищенія предъ молитвою и должно быть исполняемо только для того, чтобы совершить въ чистотѣ намазъ, а не для того, чтобы посредствомъ его прохладиться. *Примѣч. переводч.*

понимаемое собственно ими, есть стремленіе, связанное съ дѣйствіемъ, какъ это и доказывается въ книгѣ Шархуль-Равзъ.

Ибну-Хаджаръ, въ книгѣ Туфатъ, говоритъ: справедливѣе, т. е. принимается за болѣе достовѣрное большею частію законовѣдовъ, что законное намѣреніе, требуемое предписаніями Бога, можетъ быть и безъ присоединенія къ нему словъ ,,къ Богу'' и не обязательно представлять себѣ при намѣреніи этой связи, потому что всякое дѣйствіе, имѣющее смыслъ богоугожденія, исходитъ изъ велѣній Бога и слѣдовательно осуществляется для Него *).

Другіе-же законовѣды находятъ, что необходимо присоединять слова ,,къ Богу Великому'', для опредѣленія точнаго и настоящаго смысла цѣли. Оба эти положенія примѣняются ко всѣмъ другимъ богоугоднымъ дѣламъ (книга Рамали).

Ибну-Хаджаръ говоритъ въ книгѣ Шархуль-Равзъ: намѣревающійся, по правиламъ сунны, долженъ присоединять слова ,,для Бога или по закону Его'', для опредѣленія точнаго смысла цѣли намѣренія, но иногда бываетъ, что онъ пропускаетъ эти слова, не обращая вниманія на требованія сунны **).

Вопросъ. Назръ, совершаемый въ пользу сына или дочери, безусловно, и безъ предназначенія его Богу, если совершающій назръ скажетъ: ,,я отдалъ по назру сыну моему или дочери столько-то,'' — такой назръ есть-ли дѣйствительный и правильный?

Кадій Ахмедъ Ибнъ-Али Тугами отвѣчаетъ: назръ вообще есть большею частію правильный (книга Фатаванъ Нианагри).

Объясненія этого, собранныя Багавійцемъ изъ множества разныхъ толкованій и споровъ, доказываютъ, что назръ, когда произносятся слова: ,,я отдалъ по назру тебѣ,'' безъ упоминанія словъ ,,для Бога,'' есть правильный.

Что касается до намѣренія, понимаемаго тарикатцами, то оно имѣетъ значеніе желанія угодить Богу дѣйствіемъ предпри-

*) Напримѣръ, если намѣревающійся сдѣлать назръ, хотя-бы въ то время, когда явилась къ нему мысль эта, и не вспомнилъ о Богѣ и не предназначилъ назра для Него, такой назръ все-таки считается правильнымъ, потому что назръ—обѣтъ Богу— есть дѣйствіе, указанное правовѣрному самимъ Богомъ. *Примѣч. Переводч.*

**) Сунна—правила, предписываемыя преданіями, и хотя неисполненіе ихъ не влечетъ за собою особеннаго грѣха, но строго-религіозные люди считаютъ ихъ обязательными. *Примѣч. Переводч.*

нимателя, такъ-что при намѣреніи это необходимо для опредѣленія настоящаго смысла его.

Ибну-Хаджаръ, въ книгѣ Шархуль Силькуль-айнъ, говоритъ: необходимо исправлять или очищать намѣреніи желаніемъ угодить Богу въ словѣ, дѣлѣ, движеніи и покоѣ; надобно, чтобы дѣйствію предшествовало очищеніе намѣренія, которое-бы, т. е. чистота намѣренія, сопровождало дѣло въ продолженіи всего его процесса.

Газали сказалъ въ книгѣ Бабуль-Ахъяи: намѣреніе принимается за желаніе.

Въ той-же книгѣ онъ объясняетъ: знай, что съ представленіемъ какой-либо вещи соединяются разныя другія понятія; если эта вещь очищается отъ примѣси, то называется чистою (халисъ): точно также и дѣйствіе, очищенное отъ примѣси, называется чистымъ (ихласъ).

Онъ-же говоритъ: очищеніе (ихласъ) есть отстраненіе отъ намѣренія угодить Богу всего посторонняго. Напр., освободить раба на волю, для того чтобы избавиться отъ содержанія его, или отъ дурнаго его характера; или совершить гиджръ (путешествіе въ Мекку) для поправленія здоровья посредствомъ поѣздки и движенія; или сдѣлать омовеніе, для очищенія и прохлажденія тѣла: хотя всѣ эти дѣйствія направлены къ цѣли — приблизиться къ Богу, но какъ съ ними связаны и другія желанія, то приведеніе въ исполненіе подобныхъ дѣяній выходитъ изъ предѣла чистоты, поэтому и намѣреніе и дѣйствіе въ такихъ случаяхъ не есть уже чистое, т. е. свободное отъ расчетовъ или выгодъ посторонніхъ.

Выводъ. Изъ всѣхъ этихъ толкованій и объясненій видно, что намѣреніе, какъ оно принимается законовѣдами, достаточно, по ихъ мнѣнію, во всѣхъ богоугодныхъ дѣлахъ, выражаемыхъ въ службѣ Богу посредствомъ труда физическаго, или пожертвованій матеріальныхъ, что оно достаточно, хотя-бы имѣющій оное и упустилъ изъ виду предназначить какое-либо дѣло Богу, присоединеніемъ словъ „для Бога.“ По книгамъ Минаджъ и другимъ, нѣтъ надобности представлять себѣ это предназначеніе, и такое заключеніе есть болѣе вѣрное и правильное; по суннѣ-же оно совѣтуется для опредѣленія точнаго смысла цѣли.

Что-же касается до тарикатцевъ, то, по ихъ правиламъ, намѣреніе не принимается иначе, какъ съ представленіемъ въ мысляхъ намѣревающагося желанія угодить Богу дѣломъ, которое предположено осуществить. Это мнѣніе совершенно противопо-

ложно тѣмъ положеніямъ законовѣдовъ, какія приводятся ими въ большей части шаріатскихъ текстовъ, считающихся болѣе важными; между тѣмъ всѣ опредѣленія и приговоры должны быть основываемы на болѣе сильныхъ и вѣрныхъ доводахъ.

Почтенный авторъ *), которому я отвѣчаю, придаетъ намѣренію по понятіямъ тарикатцевъ такое-же значеніе, какое принято законовѣдами, и не дѣлаетъ различія между двумя видами онаго. Въ этомъ онъ заблуждается, путается и ошибается.

Затѣмъ этотъ превосходный ученый говоритъ: „Не скрыто предъ тобою, что Ибну-Хаджаръ противорѣчитъ большинству законовѣдовъ“, желая доказать справедливость слѣдующаго мнѣнія („подобно обѣту по назру въ пользу одного только изъ своихъ родителей или дѣтей“), ограничиваясь неодобряемымъ вообще и относя къ оному только неодобряемое по своему существу или по чему-либо находящемуся съ нимъ въ неразлучной связи; но признаетъ дѣйствительность обѣта по предмету, могущему сдѣлаться неодобряемымъ вслѣдствіе посторонихъ, случайныхъ обстоятельствъ. Я-же отвѣчаю, что Ибну-Хаджаръ (на основаніи разсказа Муслема, по коему не должно давать обѣтовъ на совершеніе богопротивныхъ дѣлъ), сказавши: не признается дѣйствительнымъ данный по назру обѣтъ на совершеніе какого-либо противнаго Богу дѣла, и что богопротивными дѣлами нужно считать поступки, не одобряемые или по своему существу или по всегда сопровождающимъ оные обстоятельствамъ, исключая изъ нихъ не одобряемые только по причинѣ случайныхъ обстоятельствъ, не всегда могущихъ сопровождать оные, какъ, напримѣръ, постъ въ пятницу, или какъ, напримѣръ, данніе по назру только одному изъ своихъ родителей или дѣтей, — не противорѣчитъ (Ибну-Хаджаръ) вышеизложеннымъ ограниченіемъ *неодобряемаго вообще* и исключеніемъ изъ онаго поступковъ, не одобряемыхъ только по случайнымъ обстоятельствамъ, ни одному изъ коренныхъ законоположителей, какъ секты Шафи, такъ и Ханафи, а напротивъ того, всѣ они согласны съ нимъ. Такъ, Рамали, въ сочиненіи своемъ Нигаятъ, говоритъ: „подобно дѣламъ богопротивнымъ, и дѣла, не одобряемыя по своему существу или по обстоятельствамъ, всегда оныя сопровождающимъ.“ Далѣе, тамъ-же Рамали говоритъ: „когда непозволительность обращается на самое дѣло или на всегда сопровож-

*) Мухаммедъ-Тагиръ.

дающія оное обстоятельства, то требуется отмѣненіе такого дѣла,—все равно, будетъ-ли таковая непозволительность вслѣдствіе того, что подобнаго рода дѣла и обстоятельства считаются запрещенными (харамъ), или-же не одобряются только сунетомъ.“ Потомъ Рамали продолжаетъ: „Неодобряемость мѣста отличается отъ неодобряемости времени: такъ, молитва, совершенная въ неодобряемомъ мѣстѣ, считается дѣйствительною. А какъ исполненіе какого-бы то ни было дѣла требуетъ извѣстной части времени, то, слѣдовательно, непозволительность обращается на запрещаемую часть времени, употребляемую на исполненіе такого дѣла. Вотъ это-то и есть неодобряемыя обстоятельства, всегда сопровождающія дѣло; ибо нельзя представить себѣ, чтобы было возможно исполнить какое-нибудь дѣйствіе, не употребивъ на оное сколько-нибудь времени. Что-же касается неодобряемости мѣста, то никакая часть мѣста не тратится на совершеніе какого-нибудь дѣйствія и само оно не претерпѣваетъ чрезъ то никакихъ измѣненій: слѣдовательно, непозволительность совершенія въ ономъ какого-бы то ни было дѣла обращается на внѣшнія, постороннія обстоятельства, не всегда сопровождающія оное.“ Ты вникни и разбери хорошенько! Вѣдь это дѣло очень тонкое.

Джемалэддинъ Махалли сказалъ въ книгѣ своей Джаму-джавами: „что касается до молитвы, совершаемой въ какомъ-либо неодобряемомъ мѣстѣ, то она есть дѣйствительная и запрещеніе молиться въ такомъ мѣстѣ обращено не къ самому мѣсту, а, безъ сомнѣнія, къ предмету внѣшнему, постороннему, какъ, напр., молиться въ банѣ неприлично, потому что баня такое мѣсто, гдѣ можно подвергнуться дьявольскимъ навожденіямъ.“

Ибну-Касимъ, въ книгѣ своей Аятуль-байинатъ, говоритъ: „запрещеніе молиться въ мѣстахъ неприличныхъ обращается не къ самымъ мѣстамъ, а къ тѣмъ случайностямъ, кои могутъ происходить въ нихъ“. Онъ-же и въ той-же книгѣ говоритъ, что обстоятельство, сопровождающее постоянно какое-либо извѣстное дѣйствіе, есть всегдашній спутникъ того дѣйствія, и такъ-какъ оно неразлучно съ первымъ, то запрещеніе подобнаго обстоятельства само-собою должно принимать за запрещеніе и самаго дѣйствія, потому-что осуществленіе одного невообразимо безъ осуществленія другаго. Напротивъ того, обстоятельства, не постоянно сопровождающія извѣстное дѣйствіе, а могущія случайно явиться послѣдствіемъ того дѣйствія, не налагаютъ запрета на самое дѣйствіе, по той причинѣ, что дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо особо отъ случайныхъ его послѣдствій.

Саадуддинъ, въ книгѣ Тавзихъ, и Ахмедъ Ибну Факигъ Мухаммедъ, въ книгѣ Далилюль-Хусулъ, говорятъ: если запрещеніе обращается на какой-либо предметъ внѣшній, не находящійся въ неразрывной связи съ дѣломъ, по которому совершенъ какой-либо актъ, то это запрещеніе не можетъ подорвать законности акта.

Наширн, въ книгѣ своей Фатави, предложилъ вопросъ: одна женщина отдала по назру-табарруру дѣтямъ своимъ все свое имущество, при соблюденіи всѣхъ законныхъ условій, т. е. будучи въ здравомъ разсудкѣ и совершенномъ здоровьѣ. Въ это время былъ еще живъ ея отецъ, пользовавшійся также здоровьемъ и разсудкомъ. Послѣ назра женщина та, прожившъ недолгое время, умерла. Отецъ ея, по смерти дочери, предъявилъ претензію на то, что дочь сдѣланнымъ ею назромъ хотѣла лишить его наслѣдства. Такая претензіи можетъ-ли быть принята къ разбирательству и можетъ-ли назръ этотъ считаться противнымъ Богу и подлежащимъ признанію незаконнымъ, какъ отвергающій одного изъ родителей?—Кадій Тапбъ Наширн отвѣчаетъ: да, такой назръ, когда онъ совершенъ въ состояніи здраваго разсудка и совершеннаго здоровья, не заключаетъ въ себѣ противнаго справедливости.

Опредѣленія и рѣшенія вакфа (пожертвованія) основываются на тѣхъ самыхъ правилахъ, какъ и назра (книга Шархуль-Равзъ).

Мухаммедъ Рамали говоритъ: „случается, что многіе жертвуютъ имущество свое, будучи въ здоровомъ состояніи, дѣтямъ своимъ мужескаго пола, желая тѣмъ лишить наслѣдницъ — женщинъ. Многіе постановляютъ приговоры о неправильности такого вакфа и видятъ въ немъ несправедливость. Такія пожертвованія лучше признать правильными, хотя нѣкоторые законовѣды отвергаютъ ихъ“.

Слова его (т. е. Рамали): „лучше признать правильными“, означаютъ, что въ такихъ дѣйствіяхъ нѣтъ грѣха.

Ибнъ Абдулъ-Хакгъ говоритъ, что *даръ* въ пользу дѣтей дѣлается изъ чувства родственнаго.

Газали говоритъ: когда продавецъ говоритъ покупщику, что если продаваемая вещь окажется принадлежащею другому, то обязуюсь предъ Богомъ подарить тебѣ тысячу,—такой даръ есть пустыя слова, если только начальникъ не признаетъ правиль-

ность дара по особымъ обстоятельствамъ и согласно правиламъ принятой секты.

Если ты скажешь, что даръ есть вещь приближающая къ Богу, то я скажу: да, только въ настоящемъ случаѣ онъ не можетъ служить ни приближеніемъ къ Богу, ни отдаленіемъ отъ Него.

Абдулъ-Хакъ говоритъ, что такой назръ не признается правильнымъ, потому-что онъ сопоставляется съ непріятностію, могущею произойти для назира, въ случаѣ если окажется лицо, которому принадлежитъ проданная вещь.

Когда ты погрузишься въ море подобныхъ толкованій и вынешь изъ глубины его правильныя основанія, ты узнаешь, что самые первые ученые Ханафійской и Шафійской сектъ согласны въ законности назра, совершаемаго въ пользу нѣкоторыхъ дѣтей, изъ особеннаго родственнаго чувства къ нимъ, хотя-бы съ намѣреніемъ лишить чрезъ то остальныхъ дѣтей своихъ долей,—въ этомъ нѣтъ никакого грѣха.

Даръ только тогда можетъ считаться дѣломъ богоугоднымъ, когда не будетъ сопоставленъ съ обстоятельствомъ, дѣлающимъ непріятность назиру, какъ, напр., принадлежность продаваемой вещи кому-либо другому. Другія-же обстоятельства, не связанныя съ актомъ передачи, какъ, напр., страхъ непослушанія со стороны остальныхъ дѣтей, не вредятъ законности акта.

Шейхъ - Мухаммедъ Мединскій передалъ за достовѣрный фактъ, что еще въ 1200 году отъ обновленія нашей религіи, ученые Хазирмута и многіе изъ Емена и Хиджаса *), собирались и разсматривали книги Ибну-Хаджара, а особенно книгу его *Туфатъ*, и нашли, что въ этой книгѣ находятся самыя вѣрныя изъясненія.

Мисрійскіе (Египетскіе) ученые, когда были въ Меккѣ и Мединѣ, то нашли толкованія Шейха Мухаммеда-Рамали самыми вѣрными и убѣдительными.

Ученые Замазамата нашли, что изъясненія Ибну - Хаджара должны служить руководствомъ и опорою для всѣхъ шафіевъ, что всѣ приговоры и рѣшенія должны основываться на изреченіяхъ этихъ двухъ законовѣдовъ, изложенныхъ въ ихъ книгахъ *Туфатъ* и *Нигаятъ*; въ случаѣ-же недоразумѣній, приговоры зависятъ отъ Шейхъ-уль Ислама (книга Тазкиратуль-Ахванъ).

*) Аравійскія провинціи.

Въ наше время появлялись отсталые ученые изъ Аварцевъ (одни изъ нихъ умерли, а другіе находятся еще въ живыхъ), изъ коихъ нѣкоторые, объясняя правила о назрѣ, критикуютъ Ибну-Хаджара своимъ извращеннымъ умомъ: то говорятъ они, что Ибну-Хаджаръ и другіе не противорѣчатъ незаконности такого назра, то говорятъ, что возможно-ли, чтобы подобный Ибну-Хаджару законовѣдъ доказывалъ законность такого назра, или что этому не противорѣчитъ ни Ибну-Хаджаръ, ни Ибну-Шаджаръ *), или что Ибну-Хаджаръ противорѣчитъ обществу законовѣдовъ, и говорятъ все это безъ всякаго основанія и убѣждающаго ума.

Прилично-ли такъ отзываться объ Ибну-Хаджарѣ? развѣ они не знаютъ, что дерзости ихъ въ отношеніи Ибну-Хаджара похожи на дерзости зайца противъ льва, и даже менѣе того, и что Ибну-Хаджаръ находится въ отношеніи къ нимъ на такой-же степени, какъ солнце къ звѣздамъ, и даже выше того.

Муэззинъ Аджиль-Али.

III.

Отвѣтъ Мухаммедъ-Тагира на первое возраженіе Аджиль-Али.

Во имя Бога всемилостиваго и всемилосердаго. Только съ Его помощію можно избѣгнуть прегрѣшеній и поступать по Его заповѣдямъ. Да будетъ молитва и благословеніе надъ тѣмъ, кого Богъ сотворилъ съ величайшею душою (т. е. надъ Мухаммедомъ).

Не смотря на то, что этотъ превосходный акушинскій ученый Аджиль-Али удлинилъ рѣчь свою обиліемъ цитатъ, заимствованныхъ имъ изъ различныхъ сочиненій авторитетныхъ юристовъ, однако-же въ ней немного найдется такихъ мѣстъ, которыя противорѣчили-бы нами изложенному; напротивъ, въ его словахъ есть сильное и прочное подкрѣпленіе искомому и желаемому нами

*) Ибну-Шаджаръ вымышленное имя, ради насмѣшки, какъ рифмующее слово къ Ибну-Хаджаръ. *Примѣч. переводч.*

Онъ, подобно намъ, говоритъ о необходимости нійета *) въ богоугодныхъ дѣлахъ, между-тѣмъ какъ нѣкоторые сомнѣваются относительно этого.

Онъ привелъ хорошія мѣста, взятыя имъ изъ книгъ и указывающія на то, какъ слѣдуетъ поступать въ дѣлахъ *развода* **) и обѣтовъ, по коимъ нужно обращать вниманіе на скрываемую, но видимую изъ самаго дѣла цѣль совершающаго обѣтъ или дающаго разводную. Эту мысль онъ хорошо выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Развѣ вы не знаете, что судьи никогда не могутъ достиг-
„нуть до того, чтобы вѣрно и справедливо постановлять свои
„приговоры, если не будетъ взята ими во вниманіе скрываемая,
„но обнаруживающаяся изъ словъ или поступковъ истинная цѣль
„совершающаго обѣтъ или дающаго разводную".

Къ этому онъ присоединилъ указаніе на такія обстоятельства, которыя при разборѣ дѣлъ не должны быть упускаемы судьею изъ виду, для достиженія правильности постановленій.

Но не скрыто предъ тѣмъ, у кого есть здравый разсудокъ и прямое понятіе, что скрываемая, но ясно видимая цѣль поступковъ нашихъ современниковъ окончательно въ томъ свидѣтельствуетъ, что обѣты дѣлаются ими только съ цѣлію лишить наслѣдниковъ наслѣдства, или съ цѣлію лишить кредиторовъ возможности получить долги свои, хотя ихъ украшенными языками при совершеніи обѣтовъ высказывается совершенно противное.

Видѣли-ли вы, о безпристрастные, кого-бы то ни было, сдѣлавшаго обѣтъ въ пользу другаго, съ цѣлію угодить Богу? Если

*) Совершенію всякаго богослуженія, какъ напримѣръ молитвы, поста, и проч. предписывается мусульманамъ предпосылать нійетъ (т. е. желаніе совершить какое-нибудь дѣйствіе, съ опредѣленіемъ цѣли и образа онаго). Поэтому дагестанскіе мусульмане, предъ совершеніемъ молитвъ или поста, говорятъ: менъ нійетъ этдымъ намазъ кылмага, или: діца нійетъ hабуна какъ бази, т. е. я сдѣлалъ нійетъ на совершеніе молитвы, или поста, или другаго какого-нибудь богоугоднаго дѣла. Шаріатомъ также предписывается, чтобы вслѣдъ за совершеніемъ на что-либо нійета, совершалось и самое богослуженіе, на которое сдѣланъ былъ нійетъ. *Примѣч. переводч.*

**) Одновременно съ возраженіемъ о назрѣ, Аджиль-Али прислалъ особое мнѣніе свое по бракоразводнымъ дѣламъ, по которымъ хотя въ данномъ случаѣ не было переписки, но часто возникали споры и разногласія относительно права на дачу условныхъ разводовъ. Поэтому Мухаммедъ-Тагиръ упоминаетъ въ отвѣтѣ своемъ и о томъ, что говоритъ Аджиль-Али о разводахъ. *Примѣч. переводч.*

видѣли, то, ради самого Бога, вы должны объяснить мнѣ, гдѣ онъ, какъ его имя и фамилія.

Вамъ извѣстно, что арабское слово *назра* во всѣхъ книгахъ юридическаго содержанія, какъ-бы и въ какомъ-бы мѣстѣ оно ни встрѣтилось, всегда имѣетъ слѣдующее значеніе: принять обязательство сдѣлать доброе дѣло, чтобы тѣмъ угодить Богу. Слѣдовательно, кто, понимая настоящее значеніе онаго, скажетъ: „я сдѣлалъ назру“,—тотъ ясно выразитъ такими словами свои желанія и мысли. Поэтому и нѣтъ нужды въ присоединеніи подобнаго рода словъ, какъ напримѣръ: „обязуюсь“, или: „съ цѣлію угодить Богу“, такъ-какъ это обусловливается свойствомъ (слова назра), какъ и въ прочихъ словахъ и терминахъ юридическихъ и техническихъ.

Между-тѣмъ многіе грамотные, не говорю уже о совершенно-безграмотныхъ, не понимаютъ вышесказаннаго значенія слова *назра*; а когда значеніе какого-либо обряда неизвѣстно, то цѣль, къ которой оно устремлено, неосуществима, поэтому и рѣчь такого человѣка, который произноситъ имъ самимъ непонимаемыя слова (назра), нужно считать пустословіемъ, какъ объ этомъ сказано въ книгѣ Ибну-Хаджара.

Если-же кто-нибудь возразитъ: „Развѣ недостаточно знать, что слово назру означаетъ какое-нибудь даяніе?“, — тогда мы спросимъ у него: „Такъ какая-же разница между даяніемъ и между даромъ или обѣщаніемъ подарить что-бы то ни было?“

Въ книгѣ Ибну-Хаджара сказано *): Если то лицо будетъ изъ числа враговъ Бога, а Зейдъ изъ числа тѣхъ, чрезъ принесеніе которому дара ищется спасеніе души, а не любовь и расположеніе его, то обѣтъ по назру нужно признавать дѣйствительнымъ; въ противномъ-же случаѣ (т. е. когда посредствомъ дара заискивается любовь и расположеніе)—такого обѣта по назру нельзя признать дѣйствительнымъ.

Что касается слѣдующаго, приведеннаго превосходнымъ ученымъ, изреченія: „дѣлать даръ въ пользу дѣтей есть послѣдствіе родительскаго чувства“,—то подобное дареніе можно считать богоугоднымъ только тогда, когда дарующій обязывается совершить даръ въ пользу дѣтей, съ цѣлію приблизиться къ Богу посредствомъ своего чувства родительскаго, а не съ цѣлію лишить на-

*) Относительно слѣдующаго обѣта по назру: „Если погибнетъ такой-то, то я обязываюсь, для Бога, подарить Зейду свое имѣніе“.

слѣдства другаго наслѣдника. Ибну-Хаджаръ, разсуждая о важности грѣха лишенія прочихъ наслѣдниковъ наслѣдства, въ книгѣ своей Заваджиръ, между прочимъ, говоритъ: ,,Ему запрещается сіе (т. е. даяніе одному лицу), съ цѣлію лишенія своихъ наслѣдниковъ". Вѣдь невозможно-же представить себѣ совокупившимися вмѣстѣ и желаніе угодить Богу и цѣль лишенія наслѣдниковъ наслѣдства, такъ-какъ эти два понятія совершенно противоположны другъ другу.

Слѣдующія слова Ибну-Хаджара и коментатора его Ибну-Касима указываютъ на тотъ-же смыслъ: ,,Въ *назрѣ луджаджѣ* (обѣтъ спора, зарокъ) не изображается цѣли приблизиться къ Богу, такъ-какъ этимъ родомъ назра желается удалить себя отъ того, чѣмъ обусловливается исполненіе богоугоднаго дѣла". И у Ибну-Хаджара нѣтъ такихъ мѣстъ, которыя-бы ясно указывали на правильность обѣта съ цѣлію устраненія кого-либо отъ наслѣдства или лишенія занмодавца.

А также и слѣдующія слова Ибну-Хаджара не говорятъ въ пользу дѣйствительности подобнаго рода обѣтовъ: ,,Хотя-бы онъ намѣревался не дать остальнымъ", — потому-что намѣреніе не дать остальнымъ можетъ быть считаемо слѣдствіемъ скупости, а не желаніемъ лишить ихъ наслѣдства.

Что-же касается извлеченій изъ книги Наширн, которыми ученый Аджиль-Али старается доказать правильность обѣта съ цѣлію лишить кого-бы то ни было своей доли, то изъ разбора оныхъ вполнѣ выясняется непригодность обѣта съ цѣлію удаленія наслѣдниковъ отъ наслѣдства,—и вопросъ Наширн: ,,таковой обѣтъ и таковыя обстоятельства на столько ли неодобрительны, что слѣдуетъ признать недѣйствительность назра",—позволяетъ заключить, что неодобряемое вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ влечетъ за собою недѣйствительность такого обѣта. И въ приведенныхъ Аджиль-Алiемъ доказательствахъ есть два указанія на отрицаніе дѣйствительности такого обѣта.

Изъ словъ его: ,,дать обѣтъ по назру на совершеніе какого-нибудь богоугоднаго дѣла, съ соблюденіемъ при этомъ всѣхъ условій, и проч.",—будетъ понятно безпристрастному человѣку, что въ этомъ случаѣ есть причина предпочтенія всѣхъ дѣтей своихъ передъ однимъ изъ нихъ, посредствомъ совершенія по назру обѣта въ пользу первыхъ, когда самъ законовѣдъ говоритъ, что тутъ нѣтъ ничего неодобрительнаго. Изъ сего слѣ-

дуетъ, что если есть причина предпочтенія, то такой обѣтъ допустить можно.

Что-же касается слѣдующаго изреченія, приведеннаго этимъ превосходнымъ ученымъ: ,,что можно сказать о пожертвованіи, то-же самое можно сказать и объ обѣтѣ",—то это не требуетъ примѣненія пожертвованія—со стороны его правильности и незапрещенности, не смотря на лишеніе дочерей, какъ то заимствовалъ Аджиль-Али изъ книги Ибну-Хаджара и Рамали,—къ обѣтамъ по назру, но причинѣ различія положеній ихъ (т. е. обѣта и пожертвованія); ибо при пожертвованіи не берется во вниманіе цѣли угодить Богу, какъ это объясняетъ Шигабъ, а только обращается вниманіе на передачу права владѣнія какою-нибудь вещью, какъ сказано въ книгѣ Ибну-Хаджара; въ обѣтѣ-же по назру берется во вниманіе желаніе угодить Богу, какъ объясняютъ это Фатхуль-Вагабъ и другіе.

Самымъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ различія между обѣтомъ и пожертвованіемъ есть то, что наши законовѣды допускаютъ дѣлать пожертвованіе со стороны гяура въ пользу мусульманина и наоборотъ—пожертвованіе мусульманиномъ въ пользу гяура тоже допускается. Совершать-же назръ подобнаго рода не допускается законовѣдами.

Я согласенъ, что пожертвованія иногда могутъ быть богоугоднымъ дѣломъ, какъ говорится въ томъ, что приводитъ Аджиль-Али, а иногда и нѣтъ; назръ-же табарруръ всегда дѣлается съ желаніемъ угодить Богу, какъ сказано въ книгѣ Ибну-Хаджара: ,,назръ дѣлается съ цѣлію заслужить милость отъ Бога и приблизиться къ Нему", и въ другомъ мѣстѣ сказано: ,,цѣль назра есть табаррурь, т. е. угожденіе Богу" и проч.

Изъ только-что изложеннаго понятно, что въ назрѣ табаррурѣ заключается цѣль приблизиться къ Богу,—и желаніе приблизиться къ Богу составляетъ основаніе назра табаррура. При пожертвованіи-же таковое желаніе не составляетъ главнаго условія онаго. Слѣдовательно, разница между пожертвованіемъ и обѣтомъ очевидна; слова-же его (Аджиль-Али), перенесенныя изъ пожертвованія (вакфъ) въ назръ: ,,нѣтъ грѣха въ томъ",—не могутъ имѣть никакого значенія и не должны быть приняты во вниманіе.

На льющійся-же и растянутый разсказъ Аджиль-Али *о нійетѣ*, я приведу примѣръ для онаго (нійета) и въ назрѣ: цѣль обязаться сдѣлать богоугодное дѣло—есть нійетъ законовѣдовъ, какъ сказалъ самъ тотъ ученый. Что-же касается до 1) желанія при-

близиться къ Богу посредствомъ такого обязательства, или 2) исканія милости Его тѣмъ-же обязательствомъ, или же 3) желанія увидѣть лице Его посредствомъ того-же обязательства, — то всѣ эти выраженія очень близки между собою и могутъ употребляться одно вмѣсто другаго, и притомъ таковыя желанія и исканія составляютъ главное условіе назра табаррура.

Приписывать-же покойному глубокомысленному ученому горцу изъ Караха, Хочовійцу Мухаммеду Ибрагимъ-оглы какія-бы то ни было ошибки и неудачное смѣшеніе двухъ родовъ нійета двухъ партій (законовѣдовъ и тарикатцевъ), безъ всякаго различія между двумя разными техническими значеніями этого слова,—это значитъ заниматься безполезнымъ писаніемъ фразъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не знать, что слова *нійетъ* (намѣреніе) и *касдъ* (цѣль) употребляются въ книгахъ часто одно вмѣсто другаго. Такъ Ибну-Хаджаръ, въ книгѣ *Исламъ*, говоритъ, что слово нійетъ означаетъ то-же, что и слово *касдъ*. Навави говоритъ то-же самое. Поэтому очень можетъ быть, что такое совпаденіе словъ для выраженія одного и того-же понятія вызвало этого алима (ученаго) на то, чтобы приписать глубокомысленному Хочовійцу смѣшеніе.

Если-бы превосходный ученый Аджиль-Али вникнулъ какъ слѣдуетъ въ слова покойнаго Хочовійца Мухаммеда: „допущеніе имъ (Ибну-Хаджаромъ) согласно съ коренными положеніями и т. д.“ до словъ: „и такимъ образомъ ты уяснишь себѣ, что назръ въ нашемъ вопросѣ не можетъ считаться дѣйствительнымъ“, — то онъ не говорилъ-бы объ этомъ такъ много. По тщательномъ разсмотрѣніи основныхъ положеній, онъ (Хочовіецъ) старается вышеприведенными своими словами указать на то, что законовѣды считаютъ недѣйствительнымъ обѣтъ, данный въ томъ, чтобы поститься въ день жертвоприношенія, хотя обстоятельства, дѣлающія этотъ назръ неодобрительнымъ, заключаются не въ самомъ постѣ, но совершенно независимы отъ послѣдняго. Слѣдовательно, и ради внѣшнихъ обстоятельствъ назръ считается иногда недѣйствительнымъ. А отсюда видно, что назръ имѣетъ свои особенныя правила, отличныя отъ тѣхъ, коими обусловливаются богоугодныя дѣла другаго рода. На эту исключительность положенія назра указываетъ допущеніе законовѣдами совершенія молитвы въ мѣстѣ, занятомъ силою у хозяина онаго, между тѣмъ какъ обѣтъ по назру, данный на совершеніе молитвы въ подобномъ мѣстѣ, воспрещается.

Коренные законовѣды занимаются изслѣдованіемъ только общихъ юридическихъ вопросовъ, но не входятъ въ частныя разбирательства относительно позволительности и возбраняемости назра. Если-же имъ приходится коснуться подобнаго вопроса, то они рѣшаютъ оный путемъ уподобленія какому-нибудь другому юридическому вопросу. Относить-же согласіе Хочовійца съ законовѣдами, въ дѣйствительности назра, къ согласію съ коренными законоположителями,—есть тоже своего рода прибавленіе. Слѣдовательно, все разногласіе между этими двумя учеными можно свести къ тому вопросу, что Ибну-Хаджаръ противорѣчитъ-ли обществу законовѣдовъ своимъ ограниченіемъ неодобряемаго, исключая изъ онаго неодобряемое по случайнымъ обстоятельствамъ, или не противорѣчитъ?

Если братъ нашъ, ученый Аджиль-Али, отыщетъ ясное указаніе большей части законовѣдовъ шафійскаго толка на таковое ограниченіе, то пусть будетъ по его. Самъ Ибну-Хаджаръ, въ книгѣ Фатави, говоритъ, что Навави ясно высказывается о недѣйствительности подобнаго рода обѣтовъ, вслѣдствіе ихъ неодобряемости. Шейхъ-уль-Исламъ, въ своемъ толкованіи книги Мангаджъ, въ общихъ чертахъ указываетъ на это. Тоже самое понимается и изъ цитаты, взятой Аджиль-Аліемъ изъ Нашири и приводимой имъ въ подтвержденіе своихъ словъ.

Ибну-Хаджаръ, въ книгѣ своей Туфатъ, доказалъ, что позднѣйшіе законовѣды порѣшили на томъ, чтобы считать самымъ вѣрнѣйшимъ то постановленіе, въ которомъ согласны Рафи и Навави, или одинъ только Навави, если-бы прочіе были другаго мнѣнія. И такъ-какъ покойный глубокомысленный Хочовіецъ придерживался пути своего шейха, Мухаммедъ-Зарира изъ Кибады, во всемъ руководствовался кораномъ и хадисами, отнюдь не обращая вниманія на разнорѣчивыя толкованія позднѣйшихъ коментаторовъ, и, кромѣ того, слова помянутаго Хочовійца не противорѣчатъ постановленіямъ законовѣдовъ, но, напротивъ, согласуются во всемъ съ объясненіями Навави, какъ было выше замѣчено, то неприлично подобнымъ намъ безпокоить память его упреками въ томъ, что онъ расходится во мнѣніяхъ съ Ибну-Хаджаромъ, относительно того или другаго положенія.

Что-же касается до меня, то я, какъ Іисусъ, сынъ Маріи, на слова порицавшаго его одного еврея сказалъ, что всякій человѣкъ даетъ то, что у себя имѣетъ,—скажу, что я, по всесторонемъ обсужденіи этого вопроса, прихожу къ тому убѣжденію, что

если побудительныя причины назра не будутъ заключаться въ желаніи совершить дѣло угодное Богу, а, напротивъ, въ желаніи пресѣчь наслѣдство или лишить заимодавца, то таковой назръ долженъ считаться недѣйствительнымъ.

Если, какъ сказалъ Ибну-Хаджаръ, какой-либо предметъ, состоящій изъ разныхъ частей, лишится одной необходимой составной части своей, то и весь онъ непзбѣжно долженъ уничтожиться. Слѣдовательно, если въ назрѣ табаррурѣ цѣль приблизиться къ Богу замѣняется цѣлью лишенія наслѣдника или заимодавца, то таковой назръ табарруръ теряетъ свою законную силу.

О Боже великій! да не будетъ скрыто предъ такимъ ученымъ, какъ этотъ достопочтенный Аджиль-Али, что назръ табарруръ установленъ, какъ средство приблизиться къ Богу.

Когда приходитъ къ нему кто-либо изъ людей сего времени, съ желаніемъ осчастливить своихъ дочерей и лишить наслѣдства своихъ наслѣдниковъ мужескаго пола, то не стыдно-ли ему заставлять пришедшаго повторять за собою слѣдующую фразу: „Завѣщаю по назру все мое имѣніе, кромѣ такого-то, дочерямъ моимъ, чтобы угодить Богу“, — между тѣмъ какъ въ душѣ пришедшаго таится единственное желаніе—унаслѣдить своихъ дочерей и лишить наслѣдства родственниковъ мужескаго пола.

Меня-же избави, Боже, отъ такихъ несправедливостей.

Мухаммедъ-Тагиръ.

IV.

Второе возраженіе Аджиль-Али Мухаммедъ-Тагиру.

Во имя всемилостиваго и милосердаго Бога. Хвала Богу. Миръ и благословеніе пророку Его, Мухаммеду, его семейству и послѣдователямъ.

Два вопроса.

Вопросъ первый о присоединеніи словъ: „для Бога“ при нійетахъ (намѣреніяхъ) совершенія установленныхъ Богомъ обязанностей и прочихъ богоугодныхъ дѣлъ.

Наширн, въ сочиненіи своемъ, озаглавленномъ Фатави (постановленія муфтіевъ), говоритъ: ,,Было спрошено, законенъ-ли вообще обѣтъ по назру въ пользу одного изъ дѣтей, безъ всякаго обусловливанія и присоединенія словъ ,,для Бога", какъ напримѣръ, если-бы кто-либо сказалъ: ,,отдаю по назру дитяти моему то-то".

На это кадій Ахмадъ-бну-Али, изъ Тегамской провинціи въ Еменѣ, отвѣчалъ, что законенъ, какъ согласующійся съ основными постановленіями.

Въ объясненіяхъ книги Равза сказано: ,,Суннетомъ принято присоединять къ нійету слова, какъ напримѣръ ,,для Бога", чтобы яснѣе высказывалась истинная цѣль".

Ибну-Хаджаръ, въ книгѣ Туфатъ, говоритъ: ,,Самое вѣрнѣйшее есть требованіе нійета фарза (т. е. законности, предписанной Богомъ, или необходимости исполненія установленнаго Богомъ), безъ присоединенія словъ ,,для Бога"; слѣдовательно, нѣтъ надобности мысленно представлять подобное присоединеніе, на томъ основаніи, что нійетъ, при осуществленіи, бываетъ только для Бога.

Во-вторыхъ-же *), въ поясненіяхъ Рамали сказано: ,,Иногда нѣкоторые, предпосылая нійетъ совершенію какого-нибудь богоугоднаго дѣла, забываютъ присоединять къ оному слова ,,для Бога"; суннетомъ-же установлено соблюдать присоединеніе это, для того, чтобы удостовѣриться въ истинности нійета, со стороны дѣлающаго оный". И въ другомъ мѣстѣ сказано: ,,слѣдуетъ присоединять слова ,,для Бога", чтобы чистота искренности была видна яснѣе".

Таковыя мнѣнія (т. е. *вѣрнѣйшія* и противопоставляемыя имъ *вторыя*) относительно прибавленія словъ ,,для Бога" существуютъ и въ прочихъ дѣлахъ, относящихся къ Богу.

Одинъ изъ законовѣдовъ приводитъ въ доказательство слова Бога: ,,Ни для кого у него нѣтъ благодѣяній, за которыя-бы онъ ожидалъ отплаты" **). Изъ этого видно, что Богъ постано-

*) Въ арабскихъ книгахъ юридическаго содержанія принято слову الأصح (что значитъ вѣрнѣйшее) противопоставлять слово الثاني (что значитъ второй),—и въ руководство положено принимать тѣ мнѣнія и постановленія, которыя написаны подъ первою рубрикою, т. е. вѣрнѣйшее. *Примѣч. переводч.*

**) Въ коранѣ (переводъ г. Николаева съ французскаго, изд. 1865 г.), въ главѣ ,,*Ночь*", стр. 458, есть мѣсто, сходное съ этими словами:

Тотъ, кто тратитъ свои богатства, чтобы сдѣлаться чище,

вилъ, что вознагражденіе за дѣло не можетъ быть достигнуто однимъ только исполненіемъ онаго, до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ присоединено къ тому желаніе угодить Ему.

Въ книгѣ Ихъяу сказано: ,,Главное условіе назра есть желаніе приблизиться къ Богу. Слѣдовательно, когда къ оному будетъ присоединено что-либо постороннее, то таковой поступокъ выйдетъ изъ предѣловъ искренности и потеряетъ свое назначеніе для одного только Бога".

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что одного нійета достаточно, по мнѣнію законовѣдовъ, во всѣхъ обязательныхъ и добровольныхъ служеніяхъ Богу, какъ тѣлесныхъ, такъ и нематеріальныхъ, хотя-бы дѣлающій нійетъ и забылъ въ то время о желаніи увидѣть лицо Бога, посредствомъ присоединенія словъ: ,,для Бога". А потому дѣлающему нійетъ необязательно мысленно представлять это желаніе и присоединеніе, какъ объ этомъ было сказано выше. Вотъ—это вѣрнѣйшее юридическое постановленіе по Минхаджу и другимъ книгамъ, какъ ты и самъ видишь, и таковой нійетъ законовѣдами признается дѣйствительнымъ; нійетъ-же тарикатцевъ находится въ противорѣчіи съ онымъ. Впрочемъ, между ними есть кое-что общаго.

Однако-же Мухаммедъ-Тагиръ говоритъ: ,,что касается до цѣли приблизиться къ Богу, то это есть главное условіе назра". Установленіе-же цѣли приблизиться къ Богу, о которомъ говорится въ поясненіяхъ книги Равза, въ книгѣ Туфатъ Ибну-Хаджара, въ Нихаятѣ Рамали и коментаріяхъ на оную,—есть необязательное установленіе, а предписываемое только суннетомъ, какъ объ этомъ я выше сказалъ, основываясь на положительныхъ узаконеніяхъ. А Мухаммедъ-Тагиръ не обратилъ вниманія на вѣрнѣйшее, предпочитаемое законовѣдами положеніе, смѣшалъ два рода нійета одинъ съ другимъ и, поскользнувшись, палъ такимъ образомъ въ ошибку.

Вопросъ второй, о лишеніи нѣкоторыхъ изъ наслѣдниковъ.

Нашири, въ сочиненіи своемъ, названномъ Фатави, разсказываетъ слѣдующій случай:

Одна женщина сдѣлала завѣщаніе по назру табарруру въ пользу своихъ дѣтей на то, что она имѣла, при полномъ здравомъ разсудкѣ и законности права распоряжаться по своему

А не для того, чтобы благодѣяніе отъ него было ему отплачено,
Но только изъ желанія получить взгляды Верховнаго Бога.

усмотрѣнію собственностью. Отецъ ея былъ тогда еще живъ и здоровъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда женщина эта умерла, отецъ ея заявилъ претензію на то, что она, его дочь, этимъ назромъ желала его лишить наслѣдства. Наширн сдѣланъ былъ по этому запросъ: „на столько-ли таковой назръ неодобрителенъ, что слѣдуетъ считать его недѣйствительнымъ, или-же нѣтъ?“ Наширн отвѣчалъ, что таковой назръ можно считать дѣйствительнымъ, если онъ совершенъ въ здоровомъ состояніи ея и до времени появленія смертельной болѣзни, и что въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго и неодобрительнаго.

Эту общность неодобряемости ограничиваетъ мнѣніе Ибну-Хаджара, высказанное имъ въ своихъ фетвахъ (приговорахъ): „это постановленіе (Наширн) можно считать вѣрнымъ, на томъ основаніи, что считается не дѣйствительнымъ обѣщаніе по назру совершить что-либо неодобрительное по своей сущности, а не вслѣдствіе постороннихъ обстоятельствъ“.

Случается, что многіе въ полномъ здоровьи жертвуютъ все принадлежащее имъ имѣніе своимъ сыновьямъ, съ цѣлію лишить этимъ наслѣдства дочерей. Нѣкоторые кадіи считали таковыя пожертвованія недѣйствительными и лишали ихъ законной силы. Вопросъ этотъ, какъ видно, требуетъ обсужденія, и можно доказать дѣйствительность такого рода пожертвованій.

Во-первыхъ, мы не можемъ допустить, что цѣль лишенія есть грѣхъ, потому-что имамы и большая часть ученыхъ того мнѣнія, что даръ или пожертвованіе, или другаго рода даяніе всего имѣнія или части онаго одному изъ дѣтей, въ знакъ предпочтенія его передъ прочими, не считается дѣломъ запрещеннымъ, хотябы таковая передача состоялась безъ всякой побудительной къ тому причины. А это ясно указываетъ на то, что цѣль лишенія не запрещается (не есть харамъ), потому-что предпочтеніе, хотябы безъ видимой причины, одного изъ дѣтей неминуемо влечетъ за собою лишеніе прочихъ. Кажется, уясняется этимъ позволительность предпочтенія одного изъ дѣтей предъ другими.

Во-вторыхъ, можно допустить запрещенность (подобнаго рода пожертвованій), вслѣдствіе богопротивности (грѣха), выходящей изъ сущности онаго (т. е. не заключающейся въ самомъ пожертвованіи). Это можно уподобить покупкѣ винограда, съ цѣлію приготовить изъ него вино. Какъ-же можно допустить несостоятельность подобнаго рода сдѣлокъ вслѣдствіе цѣли? Такъ разсуждаетъ Ибну-Хаджаръ.

Рамали говоритъ: ,,мы видимъ на опытѣ, что нѣкоторые дѣлаютъ пожертвованія въ пользу дѣтей мужескаго пола или внуковъ, съ цѣлію лишить дочерей,—и, по моему мнѣнію, это можно считать позволительнымъ, хотя нѣкоторые и противъ этого; но и тутъ грѣха не вижу.“

Ибну-Хаджаръ говоритъ: ,,грѣху можно уподобить и неодобряемое по своему существу *) и по тому, что всегда сопряжено съ онымъ **), но не по случайнымъ обстоятельствамъ, какъ напримѣръ, дать по назру обѣтъ поститься въ пятницу или совершить назръ только въ пользу одного изъ родителей своихъ или дѣтей.“

У Рамали также написано: ,,Подобно грѣху и неодобряемое по своему существу, или по тому, что неразлучно съ онымъ“.

Ученѣйшій Ибну-Касимъ говоритъ: ,,Слово лязимъ — неразлучное — значитъ тоже, что и слово мусави — сопряженное, сопутствующее. Такъ-какъ сопутствующее никогда не оставляетъ сопутствуемаго и такъ-какъ требованіе оставленія сопутствующаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе оставленія сопутствуемаго, когда нѣтъ возможности оставить одно только сопутствующее безъ сопутствуемаго, напротивъ-же того, побочныя обстоятельства не всегда могутъ сопровождать сопровождаемое, а только находятся въ связи съ нимъ случайно, — то когда сопутствующее можетъ находиться отдѣльно отъ сопутствуемаго, требованіе оставить сопутствующее не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и требованіемъ оставить сопутствуемое, вслѣдствіе самостоятельности перваго (сопутствующаго). А посему сопутствующее и сопутствуемое слѣдуетъ разсматривать отдѣльно ***). Всѣ законовѣды и коренные законоположители согласны въ этомъ.

Поэтому, ты вновь прочитай первое наше изложеніе, если желаешь понять, какъ слѣдуетъ.

Слова почтеннаго Мухаммедъ-Тагира: ,,Поступки нашихъ

*) Какъ, напримѣръ, дать обѣтъ держать постъ впродолженіи всей жизни. *Примѣч. переводч.*

**) Какъ, напримѣръ, отдать по назру все свое до нитки имѣніе, и самому остаться не при чемъ. Примѣры эти заимствованы изъ книги Ибну-Хаджара. *Примѣч. переводч.*

***) *Сопутствуемое* можно уподобить назру въ пользу одного изъ дѣтей, а *сопутствующее*—неудовольствію прочихъ дѣтей, которое въ этомъ случаѣ можетъ разсматриваться какъ побочное обстоятельство, въ томъ вниманіи, что отецъ можетъ послѣ дать что-либо и въ пользу ихъ. *Примѣч. переводч.*

современниковъ окончательно свидѣтельствуютъ въ томъ, что обѣты ихъ по назру дѣлаются лишь съ цѣлію лишить наслѣдства,“—проявляютъ желаніе доказать что-то, посредствомъ недостаточнаго изслѣдованія предмета, и вывести сомнительное заключеніе *). Какъ-же всѣхъ современниковъ причислять къ одной категоріи, когда между ними есть и добрые, и злые, и дѣла ихъ также разны, какъ разны и тѣла ихъ!

Мухаммедъ-Тагиръ говоритъ: ,,Или съ цѣлію лишить заимодавца возможности получить удовлетвореніе“. Въ этомъ и спору нѣтъ, потому-что должникъ обязанъ обратить свое имѣніе на уплату долга, а обѣтъ его по назру на такое имѣніе не можетъ считаться дѣйствительнымъ.

Мухаммедъ-Тагиръ пишетъ: ,,И рѣчь его нужно считать пустословіемъ“. Ибну-Хаджаръ сказалъ: ,,пустословіемъ можно считать то, когда дѣлающій назръ вовсе не понимаетъ значенія онаго, а не то, когда онъ знаетъ, что назръ есть какой-нибудь видъ даянія“.

Слова его, заимствованныя изъ Ибну-Хаджара: ,,Когда-же ищется любовь и расположеніе того лица, то таковой назръ не слѣдуетъ считать дѣйствительнымъ“. Ибну-Касимъ сказалъ: ,,Изъ этого выводится, что даяніе не въ видѣ милостыни—не богоугодное дѣло, а потому и обѣтъ по назру на совершеніе подобнаго даянія не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ“. Но такіе выводы противорѣчатъ смыслу доводовъ въ пользу положеній, взятыхъ изъ книги ,,Фатави“ Газали.

Слова его: ,,Богоугодное дѣло, если онъ обяжется исполнить его съ цѣлію приблизиться къ Богу“. Такое присоединеніе словъ ,,чтобы приблизиться къ Богу“, ограничивающее кругъ законности назра, основано на ученіи тарикатцевъ; по мнѣнію-же законовѣдовъ, такое присоединеніе упомянутыхъ словъ ничто иное, какъ суннетъ (т. е. дѣло похвальное, но необязательное), какъ объ этомъ было говорено прежде.

Слова его: ,,О великости грѣха пресѣченія наслѣдства“. Вѣрнѣе-же — о нанесеніи вреда завѣщаніемъ, какъ сказано въ книгѣ Заваджиръ.

---

*) Изъ того, что коровы, зайцы и другія нѣкоторыя животныя при ѣдѣ опускаютъ и поднимаютъ нижнюю челюсть, а верхняя челюсть остается неподвижною, нельзя заключить, чтобы и остальныя животныя ѣли такимъ-же образомъ; исключеніе изъ этого составляетъ крокодилъ, который при ѣдѣ поднимаетъ верхнюю челюсть. *Примѣч. переводч.*

Слова его: ,,Напримѣръ, даяніе, совершенное какимъ-нибудь лицомъ,"—собственное произведеніе Мухаммедъ-Тагира.

Слова его: ,,Невозможно-же представить себѣ, чтобы были вмѣстѣ и проч." Въ этихъ словахъ видно подкрѣпленіе убѣжденій его посредствомъ сомнительнаго.

Слова его: ,,Такъ-какъ намѣреніе не дать остальнымъ и проч." Это тоже сомнительное умозаключеніе. Какимъ образомъ мы можемъ по-своему толковать юридическіе вопросы, когда онъ и я не принадлежимъ къ числу отщепенцевъ-раскольниковъ, которые предаются умствованіямъ. Вѣдь умъ, по мнѣнію суннитовъ, скованъ *) и не можетъ постигнуть всю суть шаріатскихъ постановленій, какъ объ этомъ уже ясно сказали законовѣды.

Слова его: ,,Вопросъ его указываетъ на несостоятельность назра". Это куча безтолковаго его соннаго бреда **).

Слова его: ,,И понятно для безпристрастно-разсуждающаго и т. д." Истинный смыслъ словъ, сказанныхъ законовѣдами, долженъ быть предпочитаемъ сомнительнымъ заключеніямъ и выводамъ изъ оныхъ.

Слова его: ,,Это не требуетъ примѣненія пожертвованія, относительно его правильности и запрещенности, къ обѣтамъ по назру, потому-что основанія ихъ различны". Имъ противорѣчитъ мнѣніе Ибну-Хаджара: ,,И подобно обѣту по назру въ пользу одного только изъ родителей или дѣтей своихъ". А это есть примѣръ того, что не смотря на лишеніе нѣкоторыхъ, обѣтъ по назру все-таки считается дѣйствительнымъ, какъ и при пожертвованіи.

Слова его изъ Ибну-Хаджара: ,,Для снисканія милости и приближенія къ Богу", т. е. обращая вниманіе на самую сущность совершенія назра (лишь-бы онъ былъ богоугоднымъ дѣломъ), не смотря на то, если-бы дѣлающій обѣтъ и забылъ (присоединить слова ,,для Бога"), какъ уже разъ объ этомъ было позаимствовано у Ибну-Хаджара.

---

*) По понятіямъ мусульманскихъ юристовъ, судьи при рѣшеніи дѣлъ не могутъ примѣняться къ изреченіямъ Алкорана и Хадисовъ, на томъ основаніи, что имъ не могутъ быть вполнѣ извѣстны причины ниспосланія суръ (главъ Алкорана и устныхъ приговоровъ пророка Мухаммеда). Таковыя причины были извѣстны только кореннымъ законовѣдамъ, какъ напримѣръ: Шафи, Малики, Ханафи, Ханбали. А потому судьи при постановленіи опредѣленій по какимъ-бы то ни было дѣламъ должны руководствоваться положеніями послѣднихъ. *Примѣч. переводч.*

**) Выраженіе изъ корана (44 стихъ 12 главы, стр. 168).

Слова его: ,,Итакъ, разница между обѣтомъ и пожертвованіемъ очевидна,"—слова справедливыя. Никто не скажетъ, что назръ все равно что пожертвованіе; во всѣхъ отношеніяхъ, однако-же, они сходятся въ незапрещаемости лишенія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа наслѣдниковъ, и не только эти обязательства, но и всѣ прочія добровольныя обязательства таковы-же. На этомъ-то основаніи Ибну-Хаджаръ и сказалъ: ,,Всѣ наши имамы, подобно тому, какъ и большая часть ученыхъ, согласны въ томъ, что отличать одного изъ дѣтей своихъ даромъ, или пожертвованіемъ, или другимъ какимъ-либо даяніемъ въ пользу онаго всего имущества, или части онаго, не воспрещается, хотя-бы таковое отличіе совершилось безъ всякаго къ тому повода." Поэтому нужно удивляться славному Мухаммедъ-Тагиру, зачѣмъ онъ исключаетъ назръ изъ выраженія Ибну-Хаджара: ,,или другимъ какимъ-либо даяніемъ", объемлющимъ собою всѣ прочія добровольныя обязательства, въ числѣ которыхъ долженъ быть помѣщенъ и назръ. А также онъ исключаетъ назръ и въ слѣдующемъ выраженіи главы о дарѣ: ,,Все равно, будетъ-ли это даяніе—подарокъ, или приношеніе кому-либо изъ почтительности и уваженія, или милостыня, или пожертвованіе, или другое какое-либо добровольное богоугодное дѣло", а также еще изъ выраженія въ главѣ о назрѣ: ,,какъ обѣтъ по назру въ пользу одного изъ родителей своихъ или дѣтей".

Слова его: ,,Это составляетъ главное основаніе назра",—заключаютъ въ себѣ лишнее условіе назра и есть тоже выводъ его собственныхъ разсужденій, не основанный на книгахъ. Противъ этого можно привести слова Анвара: ,,Главныя условія назра три: 1) дающій по назру обѣтъ, 2) форма выраженія и 3) обѣщаемое по назру." Противъ этого еще можно привести слова комментатора Равза: ,,присоединеніе словъ ,,для Бога" есть сунетъ", а также и заключеніе Ибну-Хаджара: ,,поэтому необязательно представлять въ умѣ таковое присоединеніе".

Слова его: ,,Приписывать-же Хочовійцу Мухаммеду Ибрагимъ-оглы ошибки въ томъ, что онъ смѣшалъ два нійета двухъ партій и т. д." Удивительно! Мухаммедъ-Тагиръ первый смѣшалъ эти два рода нійета и самъ-же приписалъ это другому. Такъ, если Мухаммедъ-Тагиръ сдѣлался другимъ, такъ кто-же онъ другой?

Слова его: ,,Неприлично подобнымъ порицать его въ томъ, что онъ будто-бы наговорилъ на Ибну-Хаджара то и то". По-

чтенный Мухаммедъ-Тагиръ такимъ образомъ говоритъ въ своей запискѣ, заимствуя у Мухаммеда Ибрагимъ-оглы: ,,Ибну-Хаджаръ противорѣчитъ въ этомъ положеніи обществу законовѣдовъ относительно обобщенія неодобряемаго и ограниченія онаго". Общество законовѣдовъ вообще говорило о грѣхѣ и неодобряемости, вслѣдствіе которыхъ назръ не можетъ считаться дѣйствительнымъ. Еще оттуда-же заимствуя, сказалъ: ,, Этому противорѣчитъ только Ибну-Хаджаръ, а не Шаджаръ" *). Еще оттуда-же: ,,Ибну-Хаджаръ противорѣчитъ обществу законовѣдовъ",— безъ всякихъ ссылокъ на слова автора и своихъ поясненій.

Отъ себя-же прибавляетъ: ,,Да не будетъ предъ тобою скрыто, что Ибну-Хаджаръ противорѣчитъ обществу законовѣдовъ, стараясь дать законность своему мнѣнію: ,,подобно назру въ пользу одного изъ родителей или дѣтей своихъ", считая неодобрительнымъ только неодобрительное по своему существу или по тому, что всегда сопряжено съ онымъ (т. е. съ предметомъ, обѣщаемымъ по назру)". Еще Мухаммедъ-Тагиръ говоритъ: ,,Возможно-ли человѣку, подобному Ибну-Хаджару, оспаривать дѣйствительность такого назра и т. д." Такъ-какъ Мухаммедъ-Тагиръ сказалъ слова отвергаемыя, то мы и отвергли ихъ тотчасъ-же. Однако-же онъ не почувствовалъ всей важности своей ошибки.

Слова его: ,,Неужели-же онъ не стыдится научать и т. д." Я никогда и никого не научалъ словамъ назра и не скрѣплялъ такого назра, въ которомъ видны были хитрость и уловки, хотя по наружности можно было-бы дать ему законную силу, какъ объ этомъ говорится въ коментаріѣ Рамали.

Въ заключеніе я даю по назру обѣтъ—всегда опровергать мнѣнія тѣхъ, кои будутъ противорѣчить въ чемъ-либо Ибну-Хаджару; да и какъ можно не соглашаться съ нимъ, когда слова его принимаются за авторитетъ въ Еменѣ и Хиджасѣ.

Муэззинъ Аджиль-Али.

---

*) О Шаджарѣ, какъ о юристѣ, я никогда не слышалъ и не читалъ, и, вѣроятно, это употреблено для рифмы съ словомъ Хаджаръ, въ видѣ саркастической выходки противъ Мухаммедъ-Тагира. *Примѣч. переводч.*

V.

Второй отвѣтъ Мухаммедъ-Тагира на возраженіе Аджиль-Али.

Во имя всемилостиваго и всемилосердаго Бога.

Слова его: ,,Вотъ два вопроса", то есть два положенія, которыми онъ хочетъ доказать правильность назра табаррура, безъ желанія угодить тѣмъ Богу, а напротивъ, съ цѣлію лишить наслѣдниковъ наслѣдства.

Въ первомъ вопросѣ назръ примѣняется имъ къ нійету молитвы, а во второмъ — къ нійету пожертвованія.

Кто остановится на нашихъ замѣчаніяхъ, безпристрастно вникнетъ въ нихъ и присоединитъ къ нимъ нѣкоторыя изъ замѣчаній Аджиль-Али, гдѣ онъ смотритъ на вопросы съ вѣрной точки зрѣнія, тому понятны будутъ тѣ изворотливые пути, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ обоихъ примѣненіяхъ. Однако-же въ настоящее время немного справедливыхъ судей, идущихъ стезею прежнихъ судей, безпристрастно, безъ злобы и тщеславія. Но Богъ споспѣшествуетъ на благія дѣла, и на Него возлагаю мое упованіе.

Слова его: ,,Одобряемое сунпетомъ". Такъ какая-же разница, по его мнѣнію, напримѣръ, между обѣщаніемъ подарить и между обѣтомъ по назру, если въ послѣднемъ не брать во вниманіе цѣли совершенія?

Слова его: ,,По существу своему или по нераздѣльно-связанному съ нимъ, но не по временнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ, и т. д." Вспомни о молитвѣ въ мѣстѣ, занятомъ безъ позволенія хозяина: справедливо-ли давать по назру обѣтъ на совершеніе молитвы въ подобномъ мѣстѣ и запрещается-ли она вслѣдствіе нераздѣльно-связаннаго съ подобнымъ совершеніемъ?

Слова его: ,,Такъ прочитай во второй разъ нашу первую записку, если желаешь ясности". Мы уже написали противъ той записки то, что дѣлаетъ повтореніе чтенія оной ненужнымъ.

Слова его: ,,Одни изъ нихъ добрые, а другіе злые". Такъ укажи мнѣ, о ученый, такого добродѣтельнаго, который-бы совершилъ по назру обѣтъ съ цѣлію приблизиться къ Богу, но не съ цѣлію лишить наслѣдниковъ наслѣдства, — съ объясненіемъ имени и рода такого человѣка. Да приметъ Господь отъ него втотъ назръ!

Слова его: „Это слово означаетъ какой-нибудь видъ дѣянія“, — нуждаются въ объясненіи смысла „видъ дѣянія“, для того, чтобы отличить оный отъ общаго рода дѣяній. Тогда возможно будетъ имѣть его предметомъ цѣли.

Слова его: „По мнѣнію-же законовѣдовъ это есть суннетъ (т. е. дѣло похвальное, но необязательное)“, — суть результатъ его примѣненія цѣли приближенія къ Богу, которая есть часть смысла словъ назра табаррура, требуемаго шаріатомъ, къ нійету молитвы, всегда относящейся къ одному только Богу. И все это написано, какъ видно, съ желаніемъ удлинить рѣчь.

Слова его: „Вѣрнѣе-же о вредѣ завѣщанія“. Какой поверхностный взглядъ и какъ искажается смыслъ, если замѣнить первое выраженіе вторымъ!

Слова его: „Это его собственное произведеніе“. Правда, что это мои собственныя уподобленія, но что за выраженія: „подкрѣпленіе убѣжденій посредствомъ сомнительнаго...“. Ахъ, если-бы мы имѣли какого-нибудь безпристрастнаго ученаго, вѣрно и точно понимающаго вещи, чтобы помирить насъ возстановленіемъ истины, согласной съ изложеннымъ (нами), и опроверженіемъ словъ того, кто растягиваетъ рѣчь съ желаніемъ одержать верхъ употребленіемъ слова сомнительность и куча безтолковаго соннаго бреда! Какъ-же онъ можетъ наговаривать на меня подобныя вещи, когда самъ онъ, да смилуется надъ нимъ Богъ, говоритъ и приводитъ мѣста изъ авторитетныхъ книгъ, да кромѣ того, составляетъ мѣрную прозу и стихи насчетъ того, что въ дѣлахъ назра, развода и тому подобныхъ слѣдуетъ обращать вниманіе на скрываемыя, но видимыя иногда изъ сущности дѣла, цѣли. Я такъ-же, какъ и онъ, скажу, что необходимо запретить простому народу совершать по назру обѣты, потому-что мнѣ хорошо извѣстно отсутствіе у нихъ цѣли и желанія увидѣть лицо Божіе.

Слова его: „Противъ этого говоритъ“. Напротивъ, слова его подтверждаютъ это передъ тѣмъ, кто истинно понимаетъ значеніе назра табаррура.

Слова его: „То есть обращая вниманіе на самую суть совершенія, хотя-бы и забылъ о томъ дѣлающій нійетъ“. О Боже мой! Какъ можетъ быть исканіе милости и угожденіе Богу безъ исканія милости и угожденія Богу!

Слова его: „Однако-же оба они равны относительно отсут-

ствія запрещенности лишенія нѣкоторыхъ изъ наслѣдниковъ въ обоихъ случаяхъ“ *). Правда, законовѣды ясно выразили незапрещенность цѣли лишенія нѣкоторыхъ изъ наслѣдниковъ при пожертвованіи; но гдѣ-же тотъ законовѣдъ, который ясно-бы выразилъ отсутствіе запрещенности цѣли лишенія нѣкоторыхъ изъ наслѣдниковъ въ назрѣ табаррурѣ? Развѣ законовѣды забыли упомянуть объ этомъ, относительно назра, хотя одинъ разъ въ какой-бы то ни было книгѣ, и не забыли только сказать относительно вакфа? Никогда не поможетъ изысканіе окольныхъ тропокъ оставившему въ сторонѣ ясныя толкованія. По такимъ тропкамъ ходятъ только пѣшіе; умный-же никогда не оставляетъ большой дороги.

Слова его: „Объемлетъ собою и прочія добровольныя богоугодныя дѣла“. Что можетъ быть общаго между двумя разновидностями истины и достаточно-ли одного названія ихъ общимъ именемъ?

Слова его: „Со словъ его о назрѣ и т. д.“, а также слова его: „Прибавленіе условія для назра и т. д.“. Если-бы онъ посмотрѣлъ хотя одинъ мигъ на сущность назра табаррура, то не говорилъ-бы такъ опрометчиво.

Слова его: „Присоединеніе словъ „для Бога“ есть сунетъ“. Сколько и сколько онъ тянетъ рѣчь, объясняя нійетъ молитвы, какъ человѣкъ, который желаетъ заставить барсука и акулу жить въ морѣ. Нѣтъ силы и успѣха, какъ только съ Богомъ.

Слова его: „Однако-же онъ перенесъ на другаго“. — Кто хорошо разсмотритъ его первую записку противъ нашей, тотъ хорошо узнаетъ того, кто поворотилъ рѣчь, и познакомится съ тѣмъ, кто направляетъ удары не въ мѣсто пораженія и защищается изукрашенными воображеніемъ его призраками того, что ему не повинуется.

Слова его: „Почтенный Мухаммедъ-Тагиръ въ запискѣ своей говоритъ и т. д.“. Смыслъ словъ его первой записки ясно указываетъ на порицаніе Хочовійца Мухаммеда. Послѣ-же, когда онъ замѣтилъ свою опрометчивость, то перенесъ это на мои слова: „богоугодное дѣло, если обяжется исполнить оное съ цѣлію приблизиться къ Богу“,—и все, что излагалъ этотъ ученый Хочовіецъ, приписалъ мнѣ, чтобы имѣть возможность кольнуть меня порицаніемъ и побранить меня. Какимъ-же образомъ онъ по-

*) Т. е. по назру и пожертвованію.

рицаетъ меня въ томъ, что высказалъ глубокоученый Хочовіецъ Мухаммедъ, тогда-какъ я не соглашаюсь съ нимъ въ мнѣніи его противъ Ибну-Хаджара ни въ какомъ случаѣ, а раздѣляю съ нимъ только признаніе недѣйствительнымъ назра, которымъ, напримѣръ, желается лишить части или всего наслѣдства наслѣдниковъ.

Хвала Богу, видящему скрываемое нами и обнаруживаемое и знающему наши тайные помыслы и намѣренія. Да проститъ Онъ насъ и тѣхъ, кои порицаютъ и уязвляютъ насъ. Аминь!

Слова его: ,,Его собственное произведеніе“,—чистая ложь и сущая клевета.

Слова его: ,,Еще сказалъ“,—также чистая ложь.

Слова его: ,,Такъ-какъ они сказали отвергаемыя слова и т. д.“. Безполезно растягивать рѣчь опроверженіями, колкостями и нареканіями, когда нѣтъ знатока, могущаго отличить здороваго отъ больнаго. Богъ-же знаетъ, въ чемъ добро и въ чемъ зло, и воздастъ каждому соотвѣтственно его словъ и нійетовъ (намѣреній).

Слова его: ,,Я никогда не утверждалъ назра, въ которомъ были видны хитрость и наущенія со стороны, хотя, по наружности, и можно было-бы считать оный дѣйствительнымъ“.

О удивленіе! Допущеніе законности по наружности, на томъ только основаніи, что соблюдены формы совершенія назра, коимъ ухищряются пресѣчь наслѣдство! Изъ какой-же книги это взято, когда назръ табарруръ есть богоугодное дѣло? Развѣ у насъ, шафійцевъ, бываетъ, чтобы человѣкъ, владѣя чѣмъ-либо по наружности, не могъ владѣть тѣмъ-же и въ сущности, какъ объ этомъ ты высказываешь здѣсь и въ другихъ мѣстахъ свое убѣжденіе? Какъ-же ты пишешь и даешь приговоръ въ законности назра, въ которомъ видны хитрость и уловка, а между тѣмъ самъ-же не признаешь дѣйствительность онаго? Развѣ это не противорѣчіе самому себѣ? Да поможетъ Богъ намъ и вамъ очиститься отъ грѣховъ посредствомъ яснаго изложенія своихъ мыслей и да не допуститъ насъ лишиться дружбы и помощи очищеніемъ сердецъ отъ скрытой зависти и злобы.

Слова его: ,,Я не давалъ приговора въ правильности назра, въ которомъ видны были ухищренія“. И я также никогда не признаю незаконнымъ такого назра, въ которомъ видно желаніе приблизиться къ Богу, если только случается видѣть подобный назръ.

Слова его: „Итакъ я даю по назру обѣтъ—всегда опровергать мнѣнія тѣхъ, кои будутъ противорѣчить Ибну-Хаджару". Да и по шаріату слѣдуетъ тебѣ, о превосходный ученый, опровергнуть свои собственныя слова, потому-что ты противорѣчишь Ибну-Хаджару въ своей запискѣ. Ибну-Хаджаръ говоритъ: „А потому можно считать дѣйствительнымъ назръ должника, который отдаетъ по этому назру то, что нужно было обратить на уплату долга". А между тѣмъ ты самъ-же говоришь: „Должникъ долженъ обратить свое имѣніе на уплату долга, а назръ его долженъ считаться недѣйствительнымъ". Такъ какое-же противорѣчіе можетъ быть нелѣпѣе вышеприведеннаго?

Я здѣсь пишу немного въ той надеждѣ, что ты постараешься получше вникнуть. Говорить деликатно требуетъ обычай прежнихъ благородныхъ ученыхъ. Въ противномъ-же случаѣ, пусть будетъ тебѣ, что ты пріобрѣлъ, а мнѣ—то, что я пріобрѣлъ. Да проститъ насъ съ тобою Господь, вмѣстѣ съ нашими современниками.

Нѣтъ сомнѣнія, что перья и чернила тянутся къ тому, къ чему направляютъ ихъ руки и пальцы, которымъ завистливый дьяволъ помогаетъ чернить бумагу, чтобы уязвлять и порицать братьевъ по религіи.

Если вы желаете быть справедливыми въ этомъ вопросѣ, о славные ученые, то объясните сущность назра табаррура, требуемую шаріатомъ, и также значеніе его по взгляду глубокомысленнаго Ибну-Хаджара и прочихъ. Тогда мы разберемъ этотъ вопросъ по частямъ, въ какой-бы книгѣ и на какомъ-бы языкѣ онъ ни былъ написанъ. Въ противномъ-же случаѣ посылаю вамъ *саламъ*. Да даруетъ Господь Богъ намъ удержаться въ границахъ.

Мухаммедъ-Тагиръ.

VI.

Мужу правды и добродѣтели, князю Джорджадзе, Начальнику Сѣвернаго Дагестана *), да будутъ похвалы и молитвы!

Затѣмъ знай, что причиною запрещенія имамомъ Шамилемъ

*) Д. Ст. Сов. князь Д. Д. Джорджадзе, нынѣ Членъ Совѣта Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

назровъ, дѣлаемыхъ по пути ухищреній, было множество возмутительныхъ дѣлъ, прикрываемыхъ личиною онаго *).

Въ первые дни шаріата назры появились въ селеніи Гимры. Между гимринцами возникало тогда много тяжебъ, которыя долгое время оставались неоконченными. Когда-же присуждался кто-либо удовлетворить другаго, то первый, по наущенію злыхъ грамотѣевъ, передавалъ по назру все свое имѣніе въ пользу одного изъ своихъ родственниковъ или жены своей. И умиралъ подобный вѣроломецъ, не исполнивши своихъ обязательствъ и не заботясь о томъ, что онъ можетъ понести въ будущей жизни.

Вслѣдствіе этого возникали между ними злоба, ненависть и взаимное нерасположеніе.

Оттуда назръ распространился и по другимъ селеніямъ и обществамъ. Знаменитый ученый изслѣдователь истинъ, Кази-Мухаммедъ **), отвергалъ назръ, также какъ и прочіе лучшіе алимы (ученые).

Вотъ первая и явная причина запрещенія назровъ.

Что-же касается до другой, болѣе важной и извѣстной причины, то она состояла въ томъ, что какой-нибудь зажиточный человѣкъ, не имѣвшій наслѣдника, къ которому-бы перешло все его имѣніе, и потерявшій послѣднюю надежду на жизнь, отдавалъ по назру все свое имѣніе въ пользу своей матери, или дочери, или-же жены, не оставляя ничего своимъ родственникамъ мужескаго пола. Когда-же богобоязливые ученые не соглашались признавать дѣйствительнымъ назръ, по которому передавалось все имѣніе въ однѣ руки, то злые грамотѣи, чтобы придать законную силу подобному назру, научали желающихъ сдѣлать подобный назръ исключать въ пользу родственниковъ мужескаго пола, изъ всего отданнаго по назру дочери, или женѣ имѣнія, около пяти или болѣе рублей. Когда-же благонамѣренные ученые протестовали противъ этого тѣмъ, что назръ во время смертной болѣзни можетъ быть совершенъ не болѣе какъ на третью часть всего имѣнія, тогда злые въ свою очередь убѣждали находившагося уже при смерти, совершившаго подобный назръ, дать ложное показаніе въ томъ, что будто-бы таковой назръ совершенъ имъ въ здоровомъ состояніи, для того чтобы такою несправедливою уловкою обойти всѣ противопоставляемыя законами препятствія къ совершенію вышесказаннаго назра.

*) Почти половина письма этого написана мѣрною риѳмованною прозою.

**) Кази-Мулла, первый имамъ въ Дагестанѣ.

И совершившій подобный назръ, за грѣховный обмѣнъ своей вѣры на мірскую суетность, долженъ получить самый худшій удѣлъ въ будущей жизни.

Послѣ того народъ сталъ извлекать изъ такихъ назровъ, какъ отъ прибыльной торговли, большія выгоды.

Вслѣдствіе этихъ явныхъ злоупотребленій и развившихся законопарушеній, имамъ счелъ своею обязанностію пресѣчь корни подобныхъ назровъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда назръ совершается съ несомнѣнною цѣлію угодить всепрощающему и всевоздающему Богу, какъ, напримѣръ, завѣщаніе какого-либо лица по назру въ пользу своего внука, отецъ котораго умеръ, не получивъ наслѣдства, съ тою цѣлію, чтобы прочіе сыновья его (т. е. дяди его внука) не воспользовались всѣмъ наслѣдствомъ.

По этому вопросу имамъ назначилъ въ Аваріи съѣздъ ученыхъ, богобоязливыхъ и добродѣтельныхъ. Въ числѣ прочихъ явились на это собраніе: Загалавъ, Газіевъ, Лачинилавъ, всѣ аварскіе ученые, знаменитый ученый шейхъ Гаджи-Абдурахманъ и другіе ученые Сагура (Согратля), и превосходный ученый братъ нашъ покойный Муртазъ-Али.

Шамиль подробно объяснилъ имъ всѣ помянутыя злоупотребленія назровъ и къ запрещенію оныхъ приводилъ доводы изъ хадисовъ. Въ заключеніе-же своей рѣчи повторилъ слова пророка Мухаммеда, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе: „Если человѣкъ впродолженіи семидесяти лѣтъ идетъ по стопамъ вошедшихъ въ рай и поступитъ противозаконно въ своемъ завѣщаніи, то его осудятъ въ будущей жизни, какъ за дурные поступки, и онъ войдетъ въ адскій огонь.—Кто лишитъ кого-либо доли наслѣдства, установленной Богомъ, того Богъ лишитъ своего наслѣдства въ раю.—Нѣтъ назра въ преступленіи противу Бога.—Только въ томъ можетъ быть назръ, посредствомъ чего желается увидѣть лицо Божіе“.

Собравшіеся ученые подтвердили слова имама и изъявили согласіе на его предложеніе. А нужно сказать, что ученые никогда не стѣснялись присутствіемъ имама и не выказывали предъ нимъ никакого страха. Да и Шамиль никогда не противорѣчилъ имъ въ шаріатскихъ дѣлахъ и соглашался съ ними во всемъ, что касалось до оныхъ. Въ это время шейхъ, богобоязливый сагурецъ Гаджи-Абдурахманъ, сказалъ: „Мы считаемъ это самымъ лучшимъ твоимъ дѣломъ и обильнѣйшимъ по благимъ послѣдствіямъ, потому-что народъ уже пересталъ придерживаться относительно наслѣд-

ства правилъ, предписываемыхъ Алкораномъ. И ты, Шамиль, поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ требуетъ благоразуміе".

Никто изъ того собранія не высказалъ никакого могущаго придти на мысль противорѣчія. Можетъ быть, потомъ уже, наединѣ, толковали они между собою о своихъ сомнѣніяхъ и неудовольствіяхъ по этому предмету.

Всѣ дѣла Шамиля клонились ко благу и пользѣ народа.

Итакъ, князь, поразмысли объ этомъ дѣлѣ.

Что можно сказать противъ него?

Шамиль имѣлъ сильную руку въ наукѣ и точный правильный взглядъ на дѣло управленія и руководства народомъ.

О князь, если-бы ты прожилъ сто лѣтъ, да продлитъ Богъ твою жизнь на правду и благодѣянія, и употребилъ-бы всѣ старанія собрать слова дагестанскихъ грамотныхъ, то усталъ-бы и не могъ-бы.

Отъ искренно-любящаго чиркеевца *Амиръ-Хана*.

20 Рабіуль-Аввала 1287 года гиджры (20 мая 1870 года).

Дополненіе. Статья эта оканчивалась печатаніемъ, когда кн. Дм. Дав. Джорджадзе обязательно сообщилъ намъ содержаніе письма къ нему г. Похалюзина (переводившаго съ арабскаго часть полемики о назрѣ), близко касающееся предмета этой полемики. Г. Подхалюзинъ сообщаетъ, что недавно онъ получилъ отъ кадія Мухаммедъ-Тагира письмо, въ которомъ онъ просилъ передать членамъ Дагестанскаго Народнаго Суда, что онъ, по поводу полемики своей съ Аджиль-Али, писалъ съ дагестанскими пилигримами, ходившими въ Мекку, письма къ мекканскимъ и египетскимъ ученымъ, спрашивая ихъ мнѣніе о томъ, можно-ли считать дѣйствительнымъ такой назръ, который совершается безъ предварительнаго намѣренія сдѣлать этимъ назромъ богоугодное дѣло и которымъ кто-либо лишается слѣдуемой ему по шаріату части наслѣдства, — и что на это онъ получилъ отъ нѣсколькихъ египетскихъ ученыхъ письменный отрицательный отвѣтъ. Обрадованный этимъ, Мухаммедъ-Тагиръ просилъ членовъ Суда раздѣлить съ нимъ чувство радости по поводу такого согласія египетскихъ ученыхъ съ его мнѣніемъ о назрѣ; но члены Суда, по передачѣ имъ этой просьбы г. Подхалюзинымъ, нисколько не обрадовались, а напротивъ, по-прежнему стали защищать свои мнѣнія о назрѣ, отзываясь о Мухаммедъ-Тагирѣ, какъ о *послѣдователѣ тариката*.

Въ томъ-же письмѣ г. Подхалюзинъ поясняетъ, что упоминаемый въ полемикѣ (стр. 22—23) ученый горецъ *Мухаммедъ Ибрагимъ-оглы* родился около половины прошлаго столѣтія, въ сел. Хочо, или Гочобъ, въ Карахскомъ обществѣ, Средняго Дагестана, и что знаніями своими онъ обязанъ былъ шейху, слѣпому на оба глаза, *Мухаммеду Кибадскому*, уроженцу Казикумуха. *Ред.*

Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани).

Высочайше утвержденнымъ 8-го ноября 1870 года Положеніемъ прекращена личная зависимость и установлено на прочныхъ основаніяхъ поземельное устройство въ Абхазіи и Самурзакани.

Въ отношеніи прекращенія личной зависимости въ населеніи этихъ странъ Положеніемъ опредѣлено, чтобы всѣ разныхъ наименованій и степеней зависимые люди продолжали отбывать владѣльцамъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ службу, работы и другія повинности изъ числа отбывавшихся доселѣ по обычаю, или-же, буде пожелаютъ, уплатили владѣльцамъ выкупную плату, соотвѣтственную стоимости этихъ повинностей по 4-хъ-лѣтней ихъ сложности. Въ отношеніи-же поземельнаго устройства, Положеніе укрѣпляетъ, на правѣ полной частной собственности, за каждымъ, его усадебныя, пахатныя и воздѣланныя садовыя земли, составляющія, по народному обычаю, собственность каждаго лица или дыма; кромѣ того, оно обезпечиваетъ привиллегированныя сословія особыми поземельными надѣлами, установляетъ отводы въ общественное пользованіе сельскихъ общинъ особыхъ участковъ земли, въ размѣрахъ достаточныхъ для обезпеченія потребностей всего населенія, и опредѣляетъ отводъ поземельной собственности безземельному классу ахаиалъ (рабовъ).

Предположивъ подробно познакомить читателей съ основаніями поземельной реформы въ Сухумскомъ Отдѣлѣ въ одной изъ послѣдующихъ книгъ „Сборника“, мы ограничимся въ настоящей статьѣ только нѣкоторыми подробностями собственно въ отношеніи условій личной зависимости, существовавшей въ населеніяхъ Абхазіи и Самурзакани, и указаніемъ на основныя черты Положенія, прекратившаго эту зависимость.

Въ III-й книгѣ „Сборника“ помѣщенъ „Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани“, отчасти знакомящій и съ разрядами зависимыхъ людей въ этихъ странахъ. Поэтому мы просимъ читателей снова обратиться къ этому „Очерку“, такъ-какъ въ немъ главнымъ образомъ уяснены основанія устройства Абхазско-Самурзаканской общины, обусловившія существованіе въ ней двухъ элементовъ населенія — *покровительствующаго* и *покровительствуемаго*, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на нѣсколько классовъ условно-зависимыхъ людей. Кромѣ того, мы позволяемъ себѣ напомнить здѣсь нѣкоторые выводы, изложенные въ этомъ „Очеркѣ“, какъ необходимые для яснаго пониманія характера той личной зависимости, о прекращеніи которой намъ предстоитъ говорить въ настоящей статьѣ.

Въ „Очеркѣ“, между прочимъ, указано, что основаніемъ общественнаго устройства Абхазіи и Самурзакани служили многіе союзы, на которые дѣлились эти страны, родственныя въ отношеніи племенномъ и составлявшія долгое время одно политическое цѣлое, подъ управленіемъ владѣтелей изъ двухъ линій фамиліи Шервашидзе. При слабости владѣтельской власти, населеніе этихъ странъ стремилось къ обезпеченію своихъ правъ и къ огражденію внутренней и внѣшней безопасности посредствомъ соединенія жителей въ союзы, или общины (акыта), жившіе своею особою внутреннею жизнію на основаніи издавна-установившихся взаимныхъ отношеній между своими членами, причемъ каждая такая община представляла двѣ категоріи населенія и два рода отношеній: въ общинѣ находился непремѣнно *ахалапшюю*, т. е. покровитель, защитникъ, подлѣ котораго группировались *хипши*, т. е. покровительствуемые. Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ населенія каждой общины образовались всѣ дѣйствовавшія въ средѣ ея отношенія.

Покровительствующій элементъ населенія Абхазіи и Самурзакани образовалъ двѣ степени: *тавадъ* и *аамиста* (въ Самурзакани *жноскуа*).

Вліяніе и значеніе каждой привиллегированной фамиліи находилось въ прямомъ отношеніи съ силою покровительствуемой ею общины. Чѣмъ община была сильнѣе, многочисленнѣе, тѣмъ легче было покровителю (ахаланшюю) исполнять лежавшія на немъ обязанности. Эти послѣднія главнымъ образомъ заключались: 1) въ огражденіи безопасности общины отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ, что, въ особенности, относилось до общинъ,

обитавшихъ по близости границъ Абхазско-Самурзаканской территоріи, а также въ преслѣдованіи непріятеля, съ цѣлію возвратить награбленное имъ, и наконецъ въ набѣгахъ внутрь непріятельскихъ земель, въ видахъ кровомщенія или грабежа; 2) въ огражденіи занимаемаго общиной пространства, въ видахъ пользованія лѣсами и другими угодьями, не состоявшими въ чьемъ-либо частномъ владѣніи,—главнымъ образомъ для устройства зимнихъ пріютовъ для скота и для пасьбы его, а также для занятія подъ новыя поселенія и пашни; 3) въ доставленіи удовлетворенія по дѣламъ кровомщенія: покровитель долженъ былъ мстить за кровь покровительствуемыхъ или-же содѣйствовать къ окончанію кровомщенія примиреніемъ кровниковъ; 4) въ содѣйствіи къ отысканію украденнаго, что, по причинѣ сильнаго развитія воровства въ краѣ, преимущественно скота было дѣломъ большой важности для населенія. Естественно, что чѣмъ сильнѣе была община, какъ по численности своей, такъ и по крѣпости внутреннихъ своихъ отношеній, тѣмъ покровитель ея получалъ болѣе средствъ къ выполненію означенныхъ его обязанностей и тѣмъ болѣе пріобрѣталъ вліянія на дѣла страны.

Покровительствуемый элементъ общины образовалъ слѣдующія степени:

1) Сословіе *анхае*, въ Абхазіи, называемое въ Самурзакани *піошъ*.

2) Сословіе *амацюрасгу*, въ Абхазіи, называемое въ Самурзакани *мойнале*.

3) Сословіе *ахуйю*, въ Абхазіи, называемое въ Самурзакани *дельмахоре*, составлявшее низшій классъ въ ряду условнозависимыхъ сословій.

Наконецъ 4) самый низшій классъ населенія составляли *ахашала*—рабы *).

Обычай опредѣлялъ въ подробности обязанности и права каждаго сословія. Главная обязанность, лежавшая на всѣхъ вообще членахъ союза, заключалась въ исполненіи военной повин-

*) Къ покровительствуемому элементу населенія причисляются также: 1) *шинагмы*, по своимъ отношеніямъ классъ почти тождественный съ сословіемъ анхае (многіе, однако, шинагмы заявляютъ о большей близости своей къ сословію аамиста, чѣмъ къ анхае) и 3) *азаты*, т. е. уволенные изъ другихъ сословій и неотбывающіе никому никакихъ повинностей. См. „Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ“, вып. III, стр. 7.

ности: каждый долженъ былъ, въ случаѣ надобности, являться съ оружіемъ для защиты общей безопасности и дѣйствовать противъ общихъ враговъ. Затѣмъ, всѣ остальныя повинности, отбывавшіяся покровительствуемымъ элементомъ населенія не только различались по сословіямъ, но и въ каждомъ сословіи представляли значительное число родовыхъ и видовыхъ измѣненій. Замѣтимъ, однако, что при всемъ разнообразіи этихъ повинностей, нормы ихъ для каждаго дыма были постоянны и не могли подлежать произвольному измѣненію ни съ той, ни съ другой стороны. Покровитель не могъ по своему произволу увеличивать, зависимый — уменьшать лежавшія на дымѣ повинности. Измѣненія въ повинностяхъ могли происходить лишь вслѣдствіе извѣстныхъ, опредѣлявшихся обычаемъ, причинъ. Еще менѣе могъ имѣть мѣсто произволъ въ отношеніи сословныхъ правъ, строго опредѣлявшихся обычаемъ. Это одинаково относилось до правъ какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ.

Таковъ былъ главный характеръ взаимныхъ сословныхъ отношеній и правъ. Въ подробностяхъ-же своихъ права и обязанности каждаго изъ упомянутыхъ выше зависимыхъ сословій Абхазіи и Самурзакани заключались въ слѣдующемъ *):

I. Лица изъ сословія *ахашала* не имѣли никакихъ личныхъ правъ и пользовались лишь въ ограниченномъ размѣрѣ правами имущественными, въ томъ числѣ и поземельными. Они проживали въ домахъ владѣльцевъ; весь ихъ трудъ принадлежалъ владѣльцамъ и пріобрѣтеніе ими имущества вполнѣ зависѣло отъ досуга, предоставлявшагося имъ владѣльцемъ. Они могли быть по произволу владѣльца передаваемы, продаваемы и вообще всякимъ образомъ отчуждаемы. Пріобрѣтеніе семейныхъ правъ ахашалами соединялось только съ переходомъ ихъ въ сословіе ахуйю (дельмахоре). Дозволивъ ахашала вступить въ бракъ, владѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался, по обычаю, поселить новаго ахуйю (дельмахоре) особымъ дымомъ, для чего предоставлялъ ему въ частную собственность обычаемъ опредѣленное количество земли и надѣлялъ его необходимыми предметами хозяйства.

Образованіе сословія ахашала произошло: чрезъ обращеніе

*) Основаніемъ всѣхъ приводимыхъ ниже свѣдѣній о зависимыхъ сословіяхъ Абхазіи и Самурзакани послужили представленные въ Кавказское Горское Управленіе труды Сухумской сословно-поземельной Коммисіи.

въ это сословіе плѣнныхъ, чрезъ куплю рабовъ въ другихъ странахъ и чрезъ закабаленіе лицъ изъ другихъ сословій.

Существовавшія на ахашалъ цѣны, за время съ 1862 по 1868 г., представляютъ разнообразныя цифры, восходя до 500 и спускаясь до 14 руб.

Общая численность ахашалъ простирается до 1300 д. об. пола, причемъ мужескій полъ превосходитъ болѣе чѣмъ на 20% женскій. По принадлежности лицамъ разныхъ сословій, ахашалъ считается: 1) принадлежащихъ лицамъ привиллегированныхъ сословій 23%, 2) принадлежащихъ ашхае и піошамъ 75% и 3) принадлежащихъ низшимъ условно-зависимымъ сословіямъ 2%.

II. *Ахуйю*, въ Абхазіи, и *дельмахоре*, въ Самурзаканіи,— составляютъ низшій разрядъ крестьянъ - собственниковъ въ этихъ странахъ. Они живутъ отдѣльными хозяйствами и пользуются правами личными и имущественными. Численность этого сословія составляетъ до 8 т. душъ обоего пола, или до 1550 дымовъ; изъ нихъ собственно ахуйю 1120 дымовъ и дельмахоре до 430 дымовъ.

Сословіе это образовалось преимущественно изъ ахашалъ получившихъ семейственныя права; кромѣ того, второстепенными способами образованія этого сословія служило обращеніе плѣнныхъ и закабаленіе изъ другихъ выше стоящихъ сословій.

Повинности ахуйю (дельмахоре) состояли: 1) въ работахъ, 2) въ отдачѣ въ услуженіе въ домъ владѣльца мальчиковъ или дѣвочекъ, 3) во взносѣ *ачмы*, т. е. платы владѣльцу при выходѣ замужъ дѣвицъ, и 4) въ исполненіи незначительныхъ повинностей продуктами хозяйства. Всѣ эти повинности исполнялись подымно.

Главнѣйшею изъ мужскихъ работъ была *работа полевая*. Она исполнялась три дня въ недѣлю однимъ работникомъ отъ дыма, если въ дымѣ не было болѣе одного взрослаго, а въ противномъ случаѣ двумя и тремя работниками (обыкновенно всѣми взрослыми, кромѣ одного), причемъ имѣвшіе свой скотъ и земледѣльческія орудія выходили на работы со скотомъ и орудіями. Во время исполненія работъ, рабочіе продовольствовались на счетъ владѣльца. Три дня работы въ недѣлю составляло наивысшую норму для ахуйю (дельмахоре), и хотя они обязаны были этимъ количествомъ дней работы круглый годъ, но, обыкновенно, по характеру и размѣрамъ хозяйства абхазскихъ и самурзаканскихъ

владѣльцевъ, ахуйю (дельмахоре) отбывали полное число дней лишь въ извѣстные періоды полевыхъ работъ.

Владѣльцы имѣли право употреблять ахуйю на исполненіе другихъ работъ, взамѣнъ полевой работы, напр., на присмотръ за скотомъ и хозяйствомъ, на услуженіе въ домѣ, на заготовленіе дровъ, на работы по устройству хозяйства и проч., что опредѣлено было обычаемъ, не у всѣхъ владѣльцевъ однообразнымъ.

Ахуйю и дельмахоре обязаны были давать владѣльцу въ услуженіе отъ каждаго дыма по одному мальчику, или по одной дѣвочкѣ. Такого рода повинность по большей части имѣла мѣсто только по мѣрѣ надобности въ ней владѣльца; иногда услуги мальчика замѣнялись услугами взрослаго человѣка, иногда-же мальчикъ отдавался въ услуженіе только подъ условіемъ освобожденія отца его отъ полевыхъ работъ. Прислуживаніе дѣвицъ было болѣе развито въ Абхазіи, чѣмъ въ Самурзаканѣ; дѣвицы, услуживая, жили въ домѣ владѣльца, кормились и одѣвались владѣльцемъ и оставались у него только до своего замужества, которому онъ былъ не въ правѣ препятствовать.

На женщинахъ этого сословія лежала повинность приготовлять гоми и кукурузу для стола владѣльца *). При нѣсколькихъ дымахъ ахуйю у одного владѣльца, повинность эта отбывалась поочередно, каждый дымъ по году, или по извѣстному числу дней. У нѣкоторыхъ владѣльцевъ на обязанности женщинъ изъ этого сословія лежала еще обязанность приготовлять гоми и кукурузу для рабочихъ, собиравшихся на полевыя работы.

При выходѣ замужъ дѣвицъ изъ этого сословія, вносилась владѣльцу *ачма*, въ Абхазіи, и *харджъ*, въ Самурзаканѣ, — повинность, представлявшая много частныхъ видоизмѣненій и мѣстами вовсе не существовавшая. Она состояла изъ опредѣленнаго числа коровъ и рублей. Но и владѣлецъ, въ свою очередь, обязанъ былъ *обратною ачмою*, т. е. помощью тому изъ ахуйю, или дельмахоре, который покупалъ для себя невѣсту. Обратная ачма также состояла изъ извѣстнаго числа коровъ и рублей. Размѣръ ачмы представлялъ множество различій: наивысшій ея размѣръ — 10 коровъ и 10 руб.; обратная ачма равнялась половинѣ этой ачмы; ачма въ 15 коровъ и 15 р. имѣла мѣсто только относительно недавно перешедшихъ изъ ахашалъ въ ахуйю.

*) Изъ продуктовъ владѣльца-же.

Низшій размѣръ ачмы составлялъ 3 коровы и 3 руб. Наивысшій харджъ равнялся 5 коровамъ или 50 руб., низшій—1 коровѣ и 10 руб. Съ уплатою ачмы или харджа за дѣвицу прекращалась зависимость ея отъ владѣльца.

Приношенія продуктами хозяйства—молокомъ, лоби, гоми и кукурузою—имѣли мѣсто въ Абхазіи, преимущественно въ Гудаутскомъ участкѣ, и почти вовсе не встрѣчались въ Самурзакани. Приношенія такого рода вообще имѣли условный характеръ, т. е. много зависѣли отъ того, насколько владѣлецъ помогалъ ахуйю (дельмахоре) въ устройствѣ хозяйства послѣдняго, а также насколько владѣлецъ охранялъ или нарушалъ его обычныя права. Такимъ образомъ приношенія эти являлись главнымъ образомъ послѣдствіемъ помощи, ссуды и особыхъ услугъ, оказанныхъ владѣльцемъ своимъ ахуйю (дельмахоре), и обратно.

Необходимо, однако, принять во вниманіе, что совокупность однажды опредѣленныхъ для каждаго дыма ахуйю (дельмахоре) повинностей въ пользу владѣльца была строго охраняема обычаемъ и потому была постоянна, такъ-что нельзя было видоизмѣнять повинностей, увеличивать или уменьшать ихъ, безъ согласія на то обѣихъ сторонъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что владѣльцу принадлежали только повинности даннаго дыма ахуйю (дельмахоре), но не самый дымъ, не самые люди, его составлявшіе, которые *не принадлежали* владѣльцу, а лишь *зависѣли* отъ него, и именно зависѣли въ размѣрѣ подлежавшихъ отбыванію повинностей, кругъ которыхъ строго опредѣлялся обычаемъ и взаимными условіями.

Изъ такого положенія ахуйю (дельмахоре) вытекали тѣ *права* этого сословія, за нарушеніе которыхъ владѣльцемъ ахуйю (дельмахоре) или отказывался вовсе отъ зависимости своей, или-же такъ или иначе заявлялъ свой протестъ. Такъ, ахуйю являлись зависимыми отъ владѣльца лишь во время исполненія работъ,—въ остальное-же время они были совершенно свободны; такъ, дѣвицы изъ этого сословія, съ уплатою ачмы, если онѣ были ею обязаны, или съ началомъ сватовства, если онѣ ею обязаны не были, немедленно освобождались отъ всякой зависимости; такъ, за ахуйю признавалось право полной частной собственности на движимое и недвижимое имущество, а также на земли; такъ, наконецъ, обычай не допускалъ не только продажи владѣльцемъ зависѣвшихъ отъ него ахуйю, но и передачи другому ихъ повинностей. Передача допускалась только между близкими родственниками.

Выкупная плата, которую ахуйю (дельмахоре) взносили за освобожденіе отъ повинностей, зависѣла не столько отъ того, что дымъ ахуйю *долженъ былъ дать*, а отъ того, сколько онъ *могъ дать*, по дѣйствительному положенію своего хозяйства; а потому выкупныя цѣны, на величину коихъ вліяли и постороннія обстоятельства, бывали весьма разнообразны. Изъ бывшихъ, однако, за послѣдніе годы примѣровъ выкупа дымами ахуйю (дельмахоре) лежавшихъ на нихъ повинностей, видно, что выкупныя цѣны заключались въ большинствѣ случаевъ въ предѣлахъ отъ 100 до 300 руб. съ дыма.

Зависимость ахуйю (дельмахоре) распредѣлена между сословіемъ анхае и піошъ и высшимъ сословіемъ. На долю анхае (піошъ) приходится $^3/_5$ всего числа ахуйю (дельмахоре).

III. Къ сословію *амацюрасгу*, въ Абхазіи, и *мойнале*, въ Самурзаканѣ, принадлежатъ дымы, жившіе отдѣльными хозяйствами и на обязанности которыхъ лежало или поставлять владѣльцу съ дыма по одному работнику, который и жилъ въ домѣ владѣльца 5 или 6 дней въ недѣлю, или-же, въ случаѣ нахожденія въ дымѣ только одного работника, выходить на работу къ владѣльцу отъ 2-хъ до 3-хъ дней въ недѣлю. Независимо отъ этого, сословіе амацюрасгу и мойнале обязано было отбываніемъ нѣкоторыхъ добавочныхъ повинностей, которыя состояли: въ выходѣ на работу втеченіи нѣсколькихъ дней въ году, наравнѣ съ анхае (піошемъ), въ приношеніи козы или свиньи, вина, гоми и проч.

Сословіе это образовалось изъ сословія дельмахоре (ахуйю), чрезъ постепенное, рѣдко единовременное, освобожденіе отъ лежавшихъ на этомъ послѣднемъ сословіи повинностей, за исключеніемъ работы.

Изъ 1300 душъ (250 дым.), составляющихъ всю численность этого сословія, 82% принадлежатъ къ мойнале, а 18% къ амацюрасгу.

Случаи единовременнаго выкупа повинностей лицъ этого сословія бывали весьма рѣдко; но примѣры освобожденія ихъ въ сословіе піошъ (анхае) имѣли мѣсто, бывали довольно разнообразны и представляли выкупныя платы отъ 70 до 300 руб.

IV. *Анхае*, въ Абхазіи, *піоши*, въ Самурзаканѣ, составляли главную силу покровительствуемаго элемента каждой общины; сословіе это защищало и оберегало ея интересы, охраняло обычай и силою протеста своего предотвращало препят-

ствія къ возстановленію его. Числительность этого сословія простирается до 47 т. д. об. пола или-же до 9 т. дымовъ.

По самому значенію названія своего, анхае (піоши) суть люди совершенно свободные, пользующіеся въ полной мѣрѣ своими личными и имущественными правами. Повинности-же этого сословія образовались изъ добровольныхъ приношеній, чрезъ повтореніе ихъ въ теченіи продолжительнаго числа лѣтъ, или-же имѣли началомъ разныя услуги и пособія, оказывавшіяся лицэмъ этого сословія покровителями общинъ, а также возникновеніе близкихъ отношеній съ этими покровителями по воспитанію и усыновленію. Различіе причинъ возникновенія повинностей этого сословія породило различія и въ характерѣ самыхъ повинностей. Одни изъ анхае (піошъ) не отбывали никакихъ повинностей, за исключеніемъ почетной службы или выхода на работу по приглашенію, въ теченіи нѣсколькихъ дней въ году, другіе-же были обязаны, при исполненіи почетной службы и работы, несеніемъ особой повинности, извѣстной въ Абхазіи подъ именемъ *ажидзъ*, а въ Самурзакани *сазыръ*, и состоявшей въ приношеніяхъ изъ продуктовъ хозяйства *).

Вообще, вся совокупность повинностей, лежавшихъ на сословіи анхае (піошъ), заключалась въ слѣдующихъ статьяхъ:

1) Доставленіе владѣльцу въ извѣстное время года козы, или козленка, или барана, или свиньи, или теленка, или коровы, или части ея.

2) Доставленіе ему-же, въ установленномъ обычаемъ размѣрѣ, вина и кукурузы.

3) Отбываніе полевой работы въ теченіи нѣсколькихъ дней въ году.

4) Содержаніе и кормленіе лошадей владѣльца.

5) Взносъ въ пользу его *ахшбыра*, т. е. платы при выходѣ замужъ дѣвицъ этого сословія (обыкновенно, корову или 10 руб.).

6) Исполненіе почетной службы при владѣльцѣ, какъ-то: сопровожденіе его въ поѣздкахъ и исполненіе порученій его, соединенныхъ съ посылками.

7) Снабженіе владѣльца, на время, лошадью для поѣздокъ.

8) Приношеніе продуктовъ хозяйства, какъ-то: приношеніе

*) *Ажидзомъ* называется также плата, взносимая въ пользу лицъ привиллегированныхъ фамилій за покровительство и защиту стадъ, при пасьбѣ ихъ на извѣстной мѣстности.

куръ, гомной и кукурузной чалы, лоби, гоми и проч., не имѣвшее однако опредѣленнаго и постояннаго характера.

9) Исполненіе работъ и всякаго рода пособій, оказываемыхъ въ особыхъ случаяхъ, какъ-то: при заготовленіи матеріаловъ для построекъ, при перевозкѣ ихъ на мѣсто, при производствѣ построекъ и проч.

10) Угощенія и всякаго рода приглашенія, на праздники, или по особымъ случаямъ.

Отбываніе со стороны даннаго дыма анхае (піошъ) тѣхъ или другихъ изъ исчисленныхъ повинностей этого сословія обусловливалось установившимися между этими дымами и владѣльцемъ отношеніями и совершалось какъ-бы въ силу заключеннаго между ними договора, нарушать который не дозволялось обычаемъ ни той, ни другой сторонѣ. Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо недоразумѣній и споровъ между зависимымъ и владѣльцемъ, по предмету отбыванія повинностей и обычныхъ правъ въ этомъ отношеніи того и другаго, прибѣгали къ посредничеству извѣстныхъ лицъ и даже самихъ общинъ (акыта); но если нарушенное право и затѣмъ не было возстановляемо, то зависимый имѣлъ возможность протестовать прекращеніемъ отбыванія повинностей, причемъ не только самъ, но и всѣ его однофамильцы могли переселиться въ другую общину. Вообще, съ понятіемъ объ анхае, какъ свободномъ человѣкѣ, было неразлучно право перемѣны мѣстожительства и отсутствіе какихъ-либо другихъ условій прикрѣпленія къ землѣ или къ данной мѣстности, кромѣ тѣхъ, которыя проистекали изъ самыхъ правъ и интересовъ анхае. Такая свобода перехода съ одного мѣстожительства на другое, составлявшая силу, которая ограждала права зависимыхъ сословій (не только анхае, но и всѣхъ прочихъ зависимыхъ), сохранялась до послѣдняго времени, и только съ удаленіемъ владѣтеля Абхазіи, строгое запрещеніе начальства, имѣвшаго въ виду прекращеніе бродяжничества и воровства, ослабило таковыя переселенія.

Объяснивъ основанія возникновенія тѣхъ или другихъ повинностей, лежавшихъ на зависимыхъ людяхъ Абхазіи и Самурзакани, и перечисливъ подробно эти повинности, остановимся теперь на Положеніи 8-го ноября, прекратившемъ всякую личную зависимость въ населеніи этихъ странъ.

На основаніяхъ, въ томъ Положеніи указанныхъ, всѣ разныхъ наименованій зависимые люди въ Сухумскомъ Отдѣлѣ пріі-

обрѣли права свободныхъ сельскихъ обывателей, съ обязательствомъ, какъ сказано выше, отбывать владѣльцамъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ службу, работы и другія повинности изъ числа отбывавшихся по обычаю, или-же, взамѣнъ того, буде пожелаютъ, взнести владѣльцамъ выкупную плату. Положеніе подробно опредѣляетъ, какія именно повинности изъ числа отбывавшихся по обычаю должны быть отбываемы въ теченіи 4-хъ лѣтняго періода обязательныхъ отношеній бывшихъ зависимыхъ къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Такъ, семейства изъ сословія *ахуйю* или *дельмахоре*, во 1-хъ, исполняютъ полевую работу, высылая для того въ теченіи пятидесяти дней въ году то число работниковъ, какое каждый дымъ выставлялъ по обычаю; во-2-хъ, приготовляютъ обычнымъ порядкомъ гоми и кукурузу для стола владѣльца и въ-3-хъ, оставляютъ на два года въ услуженіи въ домѣ владѣльца тѣхъ мальчиковъ, которые состояли въ таковомъ услуженіи въ день объявленія Положенія. Семейства изъ сословія *амацюрасгу* или *мойнале* исполняютъ повинность полевой работы въ прежнемъ обычномъ размѣрѣ, т. е. въ теченіи 2—3-хъ или 5—6-ти дней въ недѣлю—однимъ работникомъ. Наконецъ, семейства изъ сословія *анхае* или *піоши*, изъ числа лежавшихъ на нихъ повинностей, должны отбывать только слѣдующія: 1) доставлять владѣльцу, въ извѣстное время года, мясную повинность, какъ-то: козу, козленка, теленка, барашка, часть коровы, барана или свиньи; 2) доставлять владѣльцу обычное количество кукурузы, но не болѣе восьми окалатъ *); 3) доставлять ему-же обычное количество вина, не свыше, однако, восьми абхаловъ **), и 4) отбывать полевую работу, въ обычномъ ея размѣрѣ, но не болѣе трехъ дней въ годъ. Затѣмъ всѣ прочія повинности, отбывавшіяся владѣльцамъ по обычаю всѣми названными сословіями,—отмѣнены.

Размѣръ выкупной платы, взамѣнъ отбыванія повинностей, опредѣленъ для каждаго бывшаго зависимаго сословія особо. Такъ, для каждаго освобождающагося лица изъ *ахашалъ*, отъ 10 до 50 лѣтъ муж. пола и отъ 10—45 лѣтъ женскаго пола, размѣръ выкупной платы опредѣленъ, смотря по полу и возрасту, отъ 50 до 120 руб. Дѣти моложе 10 лѣтъ, мужчины съ 50-ти лѣтняго возраста, а женщины съ 45-ти лѣтняго освобождены безплатно. Для каждаго освобождающагося дыма *ахуйю* (дельмахоре) раз-

*) *Окалатъ* равняется $31^1/_2$—33 фунт.

**) Среднюю величину *абхала* можно принять въ 0,85 ведра.

мѣръ выкупной платы опредѣленъ отдѣльно по каждой повинности, лежавшей на этомъ сословіи, а именно: 1) выкупная плата полевой въ теченіи 4-хъ лѣтъ работы исчислена въ 40 руб. за каждаго работника, выставлявшагося дымомъ, 2) выкупъ повинности приготовленія для стола владѣльца гоми и кукурузы за тотъ-же срокъ опредѣленъ въ 40 р. и 3) размѣръ выкупа отъ повинности отдавать мальчика въ услуженіе къ владѣльцу назначенъ въ 20 руб. Выкупная плата для сословія *амацюрасгу* или *мойнале* опредѣлена: а) для дымовъ, обязанныхъ полевою работою отъ 2 до 3 дней въ недѣлю, въ 40 руб. и б) для дымовъ, дающихъ владѣльцу одного работника въ теченіи отъ 5 до 6-ти дней въ недѣлю, въ 80 руб. Наконецъ, размѣръ выкупной платы для каждаго дыма изъ сословія *анхае* или *піошъ* опредѣленъ по 4-хъ лѣтней сложности подлежащихъ отбыванію повинностей этого сословія.

Положеніе предоставляетъ освобождающимся выборъ того или другаго способа расчета съ владѣльцемъ, т. е. или отбывать повинности въ натурѣ или взнести выкупную плату. Эта послѣдняя можетъ производиться деньгами, скотомъ и продуктами хозяйства, единовременно или за каждый годъ въ отдѣльности, за всѣ подлежащія выкупу работы и повинности въ совокупности или за каждую изъ нихъ порознь. Но въ выкупную плату за освобожденіе ни въ какомъ случаѣ не должны быть включаемы участки земли, принадлежащіе освобождающимся на правѣ частной собственности.

Независимо отъ изложенныхъ условій обязательнаго освобожденія, владѣльцамъ и освобождающимся предоставлено во всякое время входить въ добровольныя между собою соглашенія, какъ по предмету отбыванія повинностей, такъ и въ отношеніи опредѣленія размѣра и порядка взноса выкупной платы за освобожденіе отъ повинностей, лишь-бы только соглашенія эти не противорѣчили существующимъ по сему общимъ узаконеніямъ, не обусловливали большее чѣмъ 4-хъ лѣтнее продолженіе срока обязательныхъ отношеній, или-же не вели къ увеличенію установленной выкупной платы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для скорѣйшаго прекращенія обязательныхъ отношеній освобождаемыхъ къ владѣльцамъ, допущено возможно-большее развитіе поручительства.

Въ видахъ предоставленія возможности бѣднѣйшимъ изъ освобождающихся (ахашала и нѣкоторыхъ изъ ахуйю) прочно устроить на будущее время свое хозяйство, предоставлена имъ

на 10 лѣтъ льгота отъ податей и повинностей; они-же, съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, надѣляются землями подымно, полагая до 5-ти десятинъ на каждую душу мужескаго и женскаго пола.

Таковы въ главныхъ чертахъ условія освобожденія зависимыхъ сословій Сухумскаго Отдѣла. Сопоставляя условія эти съ тѣми, которыя легли въ основаніе освобожденія зависимыхъ сословій, существовавшихъ въ горскихъ обществахъ Сѣвернаго Кавказа *), мы увидимъ большое сходство тѣхъ и другихъ. Сходство это проистекаетъ естественно изъ единообразія основъ общественнаго устройства Абхазскаго и Адыгскаго племенъ, что въ особенности рѣзко проявляется сличая строй Абхазскій съ прежнимъ строемъ въ Кабардѣ.

Положеніе о прекращеніи личной зависимости и о поземельномъ устройствѣ населенія Сухумскаго Отдѣла обнародовано въ Сухумѣ въ 19-й день февраля 1871 года. Съ этого времени открылись дѣйствія и тѣхъ мѣстныхъ учрежденій **), на которыя возложено приведеніе въ исполненіе этой реформы во всѣхъ ея подробностяхъ. Въ тотъ-же знаменательный день, въ Сухумѣ объявлено, что Государь Императоръ, въ попечительной заботливости Своей о населеніи Сухумскаго Отдѣла, изволилъ разрѣшить къ отпуску изъ Государственнаго Казначейства 400,000 руб., для раздачи въ опредѣленной соразмѣрности всѣмъ владѣльцамъ въ видѣ пособія при настоящемъ переходномъ состояніи отъ стараго порядка вещей къ новому и обезпеченія благопріятнаго устройства хозяйственныхъ отношеній жителей Отдѣла.

По полученнымъ нынѣ оффиціальнымъ путемъ свѣдѣніямъ, заключеніе выкупныхъ сдѣлокъ между освобождающимися и владѣльцами въ Абхазіи и Самурзакани идетъ успѣшно. Такъ, въ настоящее время свыше $^1/_5$ части числительности всѣхъ зависимыхъ сословій въ Отдѣлѣ получили уже увольнительныя свидѣтельства и заключили выкупныя сдѣлки со своими владѣльцами. Вообще-же, все заинтересованное въ дѣлѣ освобожденія населеніе Отдѣла относится къ этой благой правительственной мѣрѣ съ спокойнымъ довѣріемъ, и можно вполнѣ надѣяться, что сословная реформа совершится въ этомъ краѣ безъ особыхъ затрудненій.

*) См. „Сборникъ“, вып. I, Горская Лѣтопись, стр. 40—42.

**) Мировыхъ посредниковъ и Особаго по дѣламъ бывшихъ зависимыхъ сословій Присутствія.

Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

Въ I-й книгѣ „Сборника“ помѣщены свѣдѣнія о числительности населенія, состоявшаго въ 1868 году въ военно-народномъ управленіи, съ указаніемъ, какъ распредѣлено это населеніе по областямъ, отдѣламъ, округамъ, участкамъ и наибствамъ. Общее число его простиралось тогда до 908 тысячъ д. об. пола *).

Значительная часть этого населенія нынѣ уже не состоитъ въ военно-народномъ управленіи

Возрастающій достатокъ и возникающія новыя потребности заставляютъ горцевъ все больше и чаще входить въ сношенія съ населеніемъ русскимъ и искать отъ него руководства въ новыхъ для нихъ условіяхъ жизни. Такое стремленіе, хотя-бы и безсознательное, но тѣмъ не менѣе неотразимое, болѣе другихъ замѣтно въ тѣхъ горскихъ обществахъ, для которыхъ частое общеніе съ русскими обусловливается взаимнымъ сосѣдствомъ и экономическими данными ихъ территоріи, какъ это въ особенности примѣняется къ горскимъ обществамъ областей Терской и Кубанской. Въ этихъ частяхъ Кавказскаго края потребность общенія горцевъ съ русскими стала дотого ощутительною и соприкосновеніе интересовъ такъ часто, что дальнѣйшее нахожденіе этихъ частей въ вѣдѣніи отдѣльной, исключительной администраціи, не смотря на всѣ хорошія свойства оной, могло стать скорѣе тяжестью, чѣмъ выгодою для самихъ горцевъ; въ свою очередь, являлись неудобства отъ этой раздѣльности подчиненія и для сосѣдняго русскаго населенія. Эти соображенія побудили Кавказское начальство, не смотря на убѣжденіе въ полной пригодности военно-народной администраціи для горцевъ и при даль-

*) „Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ“, вып. I, Горск. Лѣт., стр. 5—14.

нѣйшемъ ходѣ ихъ гражданскаго развитія, ходатайствовать о сліяніи всѣхъ смежно-живущихъ элементовъ населенія Терской и Кубанской областей подъ вѣдѣніемъ одной, общей для всѣхъ, гражданской администраціи *).

Въ этихъ видахъ, съ 1-го января 1871 года, горское населеніе округовъ Терской и Кубанской областей, въ количествѣ до 400 тыс. д. об. пола, подчинено общимъ съ русскимъ населеніемъ гражданскимъ административнымъ учрежденіямъ **).

За таковою правительственною мѣрою, въ военно-народномъ управленіи осталось нынѣ горское населеніе только слѣдующихъ частей края: Дагестанской Области, Сухумскаго Отдѣла и Закатальскаго Округа.

Ниже помѣщаются свѣдѣнія о числительности этого населенія, основанныя на послѣднихъ оффиціальныхъ данныхъ.

I.

Горское населеніе Дагестанской области.

Исчисленіе народонаселенія въ округахъ Дагестанской области основано на подымной переписи, произведенной въ 1864—65 гг., и на податныхъ вѣдомостяхъ, составляемыхъ ежегодно сельскими властями и повѣряемыхъ наибами; только въ одномъ Самурскомъ округѣ произведено было камеральное описаніе, въ 1865 году. Что-же касается до числа душъ, то оно въ точности неизвѣстно и опредѣляется приблизительно, по расчету $4^1/_2$ душъ на дымъ.

Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе горскаго населенія Дагестана по отдѣламъ и округамъ, съ обозначеніемъ и плотности населенія.

*) Всеподданнѣйшій отчетъ Главнокомандующаго Кавказскою Арміею по военно-народному управленію, за 1863—69 гг. Спб. 1870 г., стр. 117—118.

**) Указъ Правительствующему Сенату отъ 30-го Декабря 1869 г.

Отдѣлы и Округа.	Пространство, въ миляхъ.	Число населенныхъ мѣстъ.	Число дымовъ.	Общее число жителей.	На 1 кв. м. приходится.
I. *Сѣверный Дагестанъ.*					
Темиръ-Ханъ-Шуринскій округъ.....	110,74	57	13,923	62,650	565
Даргинскій округъ...	29,90	257	16,949	76,270	2,558
II. *Средній Дагестанъ*					
Гунибскій округъ....	67,34	219	13,092	58,910	874
Казикумухскій окр...	37,64	115	9,019	40,590	1,078
III. *Западный Дагестанъ.*					
Аварскій округъ.....	27,59	85	8,535	38,400	1,391
Андійскій окр.	63,09	149	9,945	44,750	709
IV. *Южный Дагестанъ.*					
Кайтаго-Табасаранскій округъ.....	53,10	188	12,374	55,690	1,048
Кюринскій округъ...	58,15	198	11,123	50,050	862
Самурскій округъ....	66,63	58	8,816	51,170 *)	768
Итого....	514,18	1,326	103,776	478,480	930

II.

Горское населеніе Сухумскаго Отдѣла.

Сухумскій Отдѣлъ заключаетъ въ себѣ два округа, *Пицундскій* и *Очемчирскій*, и *территорію бывшаго Цебельдинскаго округа.*

Горское населеніе Отдѣла получило достовѣрное исчисленіе со времени подымной переписи 1868 года.

*) На основаніи камеральнаго описанія. Изъ этого числа 27,070 м. п. и 24,100 ж. п.

По послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Округа.	Пространство, въ миляхъ.	Число населенныхъ мѣстъ.	Число дымовъ.	Общее число жителей.	На 1 кв. м. приходится
Пицундскій.....	132,85	51	6,823	30,570	514
Очемчирскій.....		44	7,444	37,820	
Итого...	132,85	95	14,267	68,390	514

Примѣчаніе. Въ показанное общее пространство Отдѣла включена нами и территорія бывшаго Цебельдинскаго округа, оставшаяся свободною за поголовнымъ переселеніемъ туземнаго населенія въ Турцію, въ 1866 году. Она заселяется нынѣ, по непригодности цебельдинскихъ земель къ водворенію на нихъ русскихъ поселенцевъ, *греками* и *болгарами*, съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ льготъ и пособій. Въ настоящее время колонисты эти образовали 5 селеній и 1 поселокъ, въ которыхъ числится 469 д. об. п.

III.

Горское населеніе Закатальскаго Округа.

Въ мартѣ настоящаго 1871 года окончена въ округѣ новая народная перепись, по которой оказалось, что горское населеніе округа составляетъ 12,603 дыма, т. е. на 2,843 болѣе того числа дымовъ, какое опредѣлено было въ округѣ камеральнымъ описаніемъ $18^{59}/_{60}$ г.

По даннымъ новой переписи, населеніе Закатальскаго округа распредѣляется такъ:

Наибства.	Число селеній.	Число дымовъ.	Число жителей.		ВСЕГО.
			Муж. п.	Жен. п.	
Белоканское.....	6	2,094	4,960	3,875	8,835
Джарское.....	6	2,251	4,959	4,094	9,053
Мухахское.....	10	2,296	5,002	4,221	9,223
Аліабатское.....	22	2,526	6,636	6,073	12,709
Елисуйское.....	23	2,376	6,379	5,457	11,836
Карасуйское.....	20	1,060	2,781	2,365	5,146
Всего....	87	12,603	30,717	26,085	56,802

При пространствѣ округа въ $72_{,29}$ кв. м., плотность населенія равна 785 д. на 1 кв. м.